

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

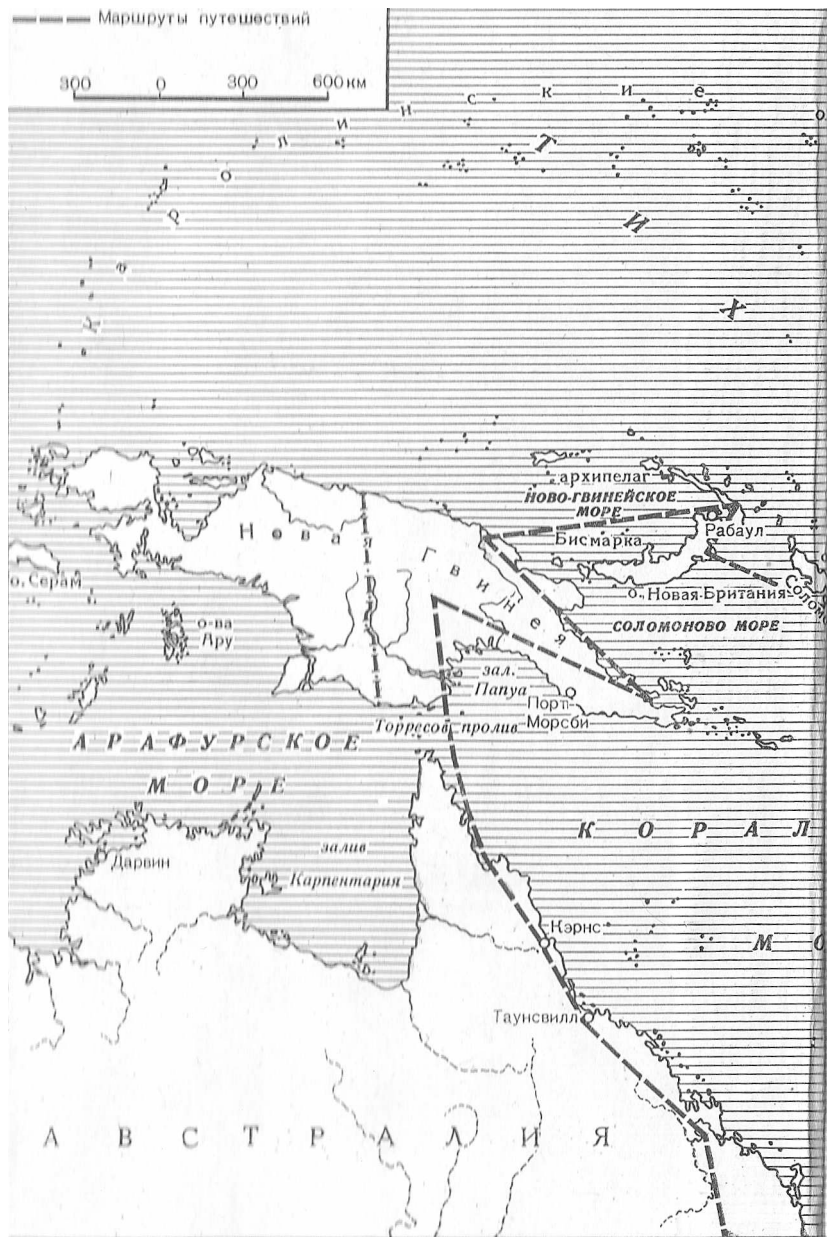
Милослав Стингл

ПОСЛЕДНИЙ РАЙ

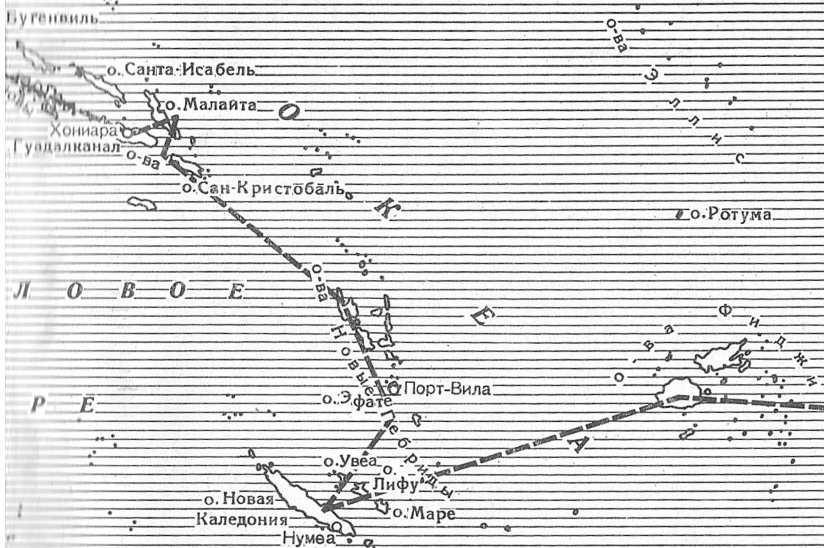
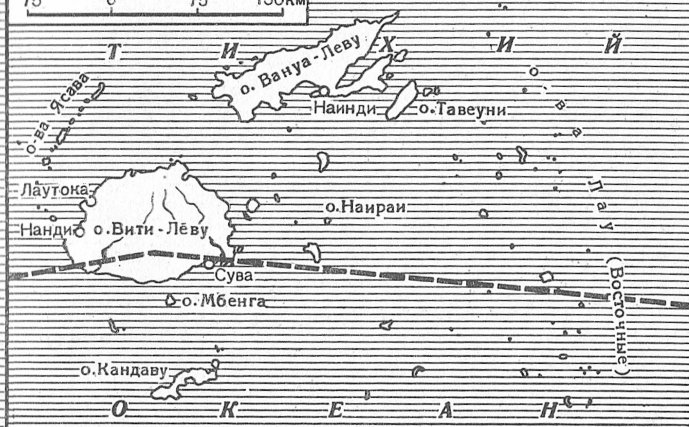
— — — Маршруты путешествий

300 0 300 600 км

острова Фиджи

75 0 75 150 км

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

Милослав Стингл

**ПОСЛЕДНИЙ
РАЙ**

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Miloslav Stingl
Ostrovny lidojedu
Svoboda, Praha, 1970

Posledni raj
Svoboda, Praha, 1974

Редакционная коллегия
К. В. Малаховский (председатель),
А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский,
Н. А. Симония

Перевод с чешского
П. Н. Антонова

Ответственный редактор
и автор послесловия
П. И. Пучков

Стингл М.

С80 Последний рай. Перевод с чешского, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

464 с. с карт. (Путешествия по странам Востока).

В книге чешского этнографа и путешественника описываются острова Океании: Таити, Пасхи, Восточное и Западное Самоа, Тонга, Новая Зеландия и др. Книга рассказывает о природе островов, их животном мире и главным образом о народах, их населяющих.

Изложены также мифы и легенды аборигенов различных островов.

С $\frac{20901-051}{013(02)-75}$ 143—75

Posledni raj. Изд. 2-е © Svoboda, 1974.

© Перевод и предисловие: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

ЧЕРНЫЕ ОСТРОВА

ЧЕРНЫЕ ОСТРОВА

Катит свои волны море, полыхает небо. А в лазурных водах на западе величайшего океана нашей планеты плывут удивительные острова. Это — иной мир. Он отстал на десять тысяч лет. Остановилось ли здесь время? Нет, оно идет и тут. Но пока цивилизация еще не проникла сюда окончательно, этот мир — Меланезия, мир далекий и загадочный, далекий и позабытый, далекий и молчаливый, — будет образом нашего собственного прошлого. Того времени, в котором жили наши предки, быть может, много поколений назад.

Я хочу понять мир, в котором живу. Весь мир. Увидеть, познать все его проявления и все возрасты. Поэтому я путешествую. Путь, о котором я хочу рассказать, был самым длинным. Я объехал вокруг земного шара, стремясь узнать всех наиболее отдаленных от нас обитателей планеты.

В первую очередь я побывал у американских индейцев, к которым меня всегда так влекло. Затем гостил на скованном холодом севере у простодушных эскимосов, которые не могут не вызывать восхищения своей стойкостью. Они противостоят самому страшному в мире — одиночеству белых пространств. Оказался я и в «раю», у обитателей ласковой Полинезии, и у тех, кто делит с полинезийцами Тихий океан, — у жителей Меланезии.

Меланезия — это область, четко очерченная географами и этнографами. Она находится в юго-западной части Тихого океана. В ее состав включают Новую Гвинею и примыкающие к ней более мелкие острова, архипелаг Бисмарка, острова Соломоновы, Санта-Крус, Банкс и Торрес, Новые Гебриды, Новую Каледонию, Луайоте, Фиджи и Ротуму. Иногда Новую Гвинею рассматривают отдельно (Папуасия). В особые подобласти или даже об-

ласти могут быть выделены также Новая Каледония вместе с островами Луайоте (Австромеланезия) и Фиджи вместе с Ротумой (Мелано-Полинезия).

В переводе с греческого Меланезия означает «Черные острова». Для их жителей характерна темная кожа. Причем относятся они к наиболее интересным и притом наименее изученным группам населения планеты. Большинство меланезийских островов было открыто сравнительно недавно. Колониальные державы очень мало заботились об этих заброшенных землях. Надо сказать, что и сами меланезийцы приложили немало усилий к тому, чтобы испортить репутацию своих островов. И благодаря стечению множества обстоятельств в наши дни Меланезия и ее жители находятся на самой ранней стадии развития, самой далекой, «последней границе человечества»^{1*}.

Центральные области Новой Гвинеи журналисты называют также последней резервацией «людей каменного века»². Этнограф должен признать, что вопреки обыновению они здесь не преувеличивают. Папуасские племена, обитающие вдали от побережья, до сих пор используют каменные орудия, точнее, каменные топоры.

Посещение страны последних «людей каменного века» было одной из основных целей моего кругосветного путешествия. Меня интересуют не просто далекие страны и земли вообще, а конкретная, столь широко известная «Земля людей» Сент-Экзюпери.

Свою поездку я начал с посещения архипелага, который современные картографы называли Фиджи³.

Фиджи я избрал для начала путешествия по причинам не столько научным, сколько практическим: ведь архипелаг расположен на перекрестке основных авиационных и морских трасс южной части Тихого океана.

Большинство архипелагов Океании имеет по одному большому острову, представляющему собой своеобразное ядро, окруженное многочисленными, но менее крупными островами⁴. Таков архипелаг Таити, а также Новая Каледония, соседние с ней острова Тонга, таковы и Фиджи. Главный остров архипелага Вити-Леву и дал название всей группе, так как слово «Фиджи» возникло от искаженного «Вити»⁵.

---

* Прим. редактора см. в конце книги.

Близ Нанди на Вити-Леву находится важнейший аэропорт Западной Океании. Однако я прибыл на остров другим путем и высадился в прекрасном порту Сува — столице архипелага, центре британского колониального владычества в Западной Океании.

Я снял у бенгальцев недорогую квартиру в невысоком здании на главной улице Сувы — Виктория-Пэрейд. Современные фиджийцы играют здесь в крикет; в местном кинотеатре они внимают величественному гимну «Боже, храни королеву», который звучит перед каждым показом весьма популярных здесь фильмов о Джеймсе Бонде. На улицах друг друга обгоняют «моррисы» и «остины», а на стенах моей спальни красуются фотографии Джона Леннона, Ринго и других битлов. И это Океания? Меланезия? Нет, скорее, Англия, чудом попавшая на острова Тихого океана.

Мне не хочется здесь задерживаться, я жажду увидеть подлинное Фиджи. Но где же мне его найти? Наилучший совет может дать мой друг Джон Палмер, директор Этнографического музея Фиджи, австралиец, который живет на Вити-Леву почти два десятка лет.

Вот уже более трех поколений Фиджи является главным перекрестком морских и авиационных путей Океании, и поэтому остров больше, чем какую-либо другую часть Меланезии, наводнило множество переселенцев, так что если я хочу найти Фиджи фиджийцев таким, каким он когда-то был, я должен, как утверждает мой коллега, отправиться в центральные области Вити-Леву. Правда, проникнуть туда нелегко из-за труднодоступных гор (позднее одна из них, Вунгала, которая поднимается на высоту около тысячи трехсот пятидесяти метров, «сопровождала» меня во всех странствиях по острову). Горные склоны почти со всех сторон покрыты непроходимыми джунглями. Сюда ведет самая крупная река острова Вити-Леву — Рева.

Ни на одном другом острове Океании, за исключением Новой Гвинеи, я не встречал реки более полноводной, чем Рева. Даже в пятидесяти километрах от устья уровень ее колеблет океанский прилив. На лодке можно проплыть против течения более ста километров.

Вдоль берегов Ревы расположились десятки деревень. Именно река, а вовсе не земля, является источником существования для жителей центральной части Вити-Леву. Жизнь здесь во многом напоминает доколони-

альные времена еще и потому, что в этих отдаленных деревнях, как правило, не встретишь ни одного белого поселенца. И поэтому путешествие по Реве — лучшая возможность увидеть истинное Фиджи.

Мне нужно было выбрать одну из таких деревень. Это оказалось несложным. В Накамакаме, что раскинулась выше по течению Ревы, в ту неделю начинался период празднеств, во время которых мужчины деревни исполняют древние танцы фиджийских воинов.

На несколько дней я распрощался с Сувой. Машина доставила меня к речной пристани. Там уже ждал человек из Накамакамы. Вместе с попутчиками я пересел в узкую длинную лодку и с каждым ярдом, с каждой милей стал удаляться от Сувы, этой меланезийской Британии, возвращаясь на сотни лет назад, в мир мужественных воинов реки Ревы, в прошлое островов, на которые первый белый человек вступил меньше двух веков назад.

Об этом смельчаке я расскажу позже. До него Фиджи увидел только голландец — Абель Тасман. Однако он искал вовсе не Фиджи, его мечтой было обнаружить пресловутый «Южный континент», будущую Австралию. Вместо нее он открыл остров, который в честь знаменитого мореплавателя назван его именем. Покинув Тасманию, ее крестный двинулся назад, к тропику Козерога, побывал на миролюбивых островах Тонга и оттуда отправился дальше на север.

6 февраля 1643 года Тасман увидел острова, о которых никто до сих пор ничего не знал. Он отметил их координаты и назвал именем принца Вильгельма, но, к счастью для него, к берегу не пристал. Ему действительно посчастливилось, потому что жители этих островов убивали не только своих противников, захваченных в плен в бесконечных войнах, но также и несчастных мореплавателей, которых морские бури выбрасывали на роковой коралловый риф, окружающий Вити-Леву.

Жуткая репутация отпугивала от берегов Фиджи и других меланезийских островов мореплавателей и ученых в течение многих десятилетий. Еще знаменитый Дж. Кук⁶, который ненадолго остановился у здешних берегов во время своего третьего путешествия по Тихому океану, в первых же строчках дневника отметил: «Здесьние туземцы ужасные людоеды... они съедают своих побежденных противников...»

Однако миру эти острова открыли не Кук и не другие знаменитые мореплаватели. Истинным первооткрывателям Фиджи в истории Океании уделено так мало внимания, что мы сейчас даже не знаем их имен. Известно лишь, что этих пионеров занесла к берегам Фиджи буря.

Шхуна с прекрасным греческим названием «Арго» перевозила отнюдь не аргонавтов в Колхиду. Она доставляла арестованных в австралийские тюрьмы и различные припасы в эти негостеприимные края. Однажды шхуну, курсировавшую между Австралией и Китаем, настиг невероятной силы тайфун. Он сбил ее с курса и швырнул на острые коралловые рифы, окружающие Фиджи. Некоторым матросам — и это действительно было чудом — удалось спустить спасательную шлюпку и добраться до берега.

Мы уже знаем, что ждало на этих островах потерпевших кораблекрушение мореплавателей, которых «гнев божий» лишил кораблей. Но члены экипажа «Арго» не были убиты тяжелыми дубинками. Спасение людей с корабля, налетевшего на рифы, — не единственное чудо в этой невероятной истории. В ту ночь, когда моряки с «Арго» вышли на берег, небосвод над островами Фиджи ярко осветила прекрасная золотая звезда — комета такой величины, что островитяне сочли это предзнаменованием, возвещающим приближение какого-то необычного события, которым и оказался приход белых людей.

Но и на этом чудеса не закончились. В тот момент, когда европейцы и фиджийские воины встретились, произошло нечто, еще более удивительное: «разверзлись» небеса, и на землю посыпались белые холодные шарики. Это был праг. Островитяне никогда ничего подобного не видели и, что это могло означать, не знали. Но догадывались. Шарики, сыпавшиеся с неба, это наверняка звезды — такие же белые, как кожа странных пришельцев. Белые звезды, которые белым людям послали белые боги, чтобы защитить их. И они завершили то, что начала звезда золотая: отвели дубинки от потерпевших кораблекрушение.

Таким образом, не Кук и не Тасман, а именно эти, для нас теперь уже безымянные, моряки со шхуны «Арго» открыли европейцам Каннибальские острова (так ранее назывались острова Фиджи). Потом моряки разбрелись по всему архипелагу, стали вождями⁷, военными совет-

никами своих воинственных хозяев, собственниками и мужьями десятков жен, отцами несчетного количества детей и истинными первооткрывателями.

ВКУС ЯНГГОНЫ

С островов Фиджи, о которых пойдет речь, в те времена в Европу удалось вернуться только одному человеку. А так как он нашел на острове Вити-Леву клад, благодарные грабители, которые украли у моряка найденное золото, сохранили его имя. Этого человека звали Оливер Слейтер.

Клад, который Слейтер нашел на Фиджи, привлек к этим островам и вообще ко всей Меланезии внимание во многих странах. Вслед за этим кладом в поисках истоков его истории отправился и я. Однако давайте пока вернемся к лодке, в которой я со своими спутниками, преодолевая довольно сильное течение Ревы, направляюсь в глубь Вити-Леву. Позади остаются деревеньки, расположенные на зеленых берегах, которые наверняка не изменились с тех пор, как сто или полтора столетия назад сюда стали проникать белые люди.

Наконец наш кормчий поворачивает к берегу, и мы — в Накамаке. Деревня уже ждет нас. Там, куда подходят лодки, столпились люди. Женщины в длинных юбках — *сулу*, у некоторых сверху надеты еще и юбки с бахромой. Среди встречающих и вождь Накамакамы. Всех гостей, которые приехали из Сувы, чтобы посмотреть на древние танцы накамакамских воинов — *меке*, он приглашает к себе. Вскоре из его дома, просторного строения, возвышающегося на искусственном фундаменте, — этим, вероятно, подчеркивается более высокое положение вождя, — мы переходим в своеобразный общественный, или «мужской», дом⁸. Крыша строения, поддерживаемая несколькими столбами, покрыта большими листьями пандануса⁹. На утрамбованную землю кладут рогожи, на которых торжественно сидят мужчины, готовые начать ежегодные торжества исполнением обряда *янггоны*.

«Священная янггона» будет на сей раз приветствовать гостей, которые приехали в Накамакаму из Сувы, причем один из них даже не из Сувы и вообще не с Фиджи. Этот белый человек из далекой Европы, из Чехослова-

кий, для местных жителей, вероятно, еще более экзотичен, чем они для него; он и должен начать обряд.

Но сначала надо рассказать, что такое янггона. Это напиток, получаемый из корней одного из видов тихоокеанского перца, *Piper methysticum*, размолотого в порошок. Фиджийцы предпочитают янггону чему бы то ни было. Так же как среди перуанцев популярна жока, у многих народов востока — бетель¹⁰, в европейских странах — кофе, так на Фиджи, и в несколько меньшей степени по всей Океании, распространена янггона. Раз уж я вспомнил о кофе, то надо сказать, что в других частях Океании янггона по странному совпадению носит название «кава»¹¹. В отличие от своей европейской тезки тихоокеанская кава значительно менее вредна. Янггона повышает аппетит, успокаивает, бодрит, помогает сбросить лишний вес и, наконец, — а это ее свойство в тропических странах ценится больше всего, — утоляет жажду.

И все же лично мне янггона, хотя я в Океании пробовал ее довольно часто, пришлось не очень по вкусу. К тому же после первой чашки у меня всегда немел язык. Вкус янггоны описать невозможно. Она горьковата, и иногда к ней примешивается запах дешевого мыла.

Тем не менее эта мыльная жидкость — любимый напиток всех жителей Фиджи. Янггона слегка опьяняет, но это ее свойство я почувствовал за все время пребывания на Фиджи лишь один раз. Видимо, потому, что я предпочитал, как правило, слабоконцентрированный напиток. Янггона обладает интересным качеством — можно всю жизнь пить ее, и вы никогда не почувствуете неприятных ощущений; она нисколько вам не повредит. Но однажды меня угостили очень крепкой янггоной, кроме всего прочего приготовленной не из обычного сушеного корня, а из свежего, так называемого *на ву ндрока*. В тот день в первый и последний раз мне было не по себе.

Как же действует янггоновое опьянение? Во-первых, вовсе не чувствуешь себя пьяным. Как раз наоборот, мне показалось, что голова работает даже лучше, и лишь впоследствии началась головная боль и тошнота. Зато руки, и главным образом ноги, просто одеревенели. Воздействие янггоны проявляется в ограниченной способности сокращения мышц. Я не мог двигаться, но при этом чувствовал себя прекрасно.

Так как я «набрался» янггоны единственный раз, то вредные свойства этого «священного» напитка на мне не

отразились. Но я встречал на Фиджи настоящих янггоновых «забулдыг». Это хронические больные, пораженные тяжелым недугом, который фиджийцы называют *кани*. Из глаз и пор у них выделяется желтоватая жидкость, которая сушит кожу. Я уверен, что постоянное употребление крепкой янггоны — причина и других кожных заболеваний, от которых так страдают островитяне.

«Священный» напиток, как уже говорилось, готовится из размолотого корня янггоны. В наши дни, насколько я мог убедиться, в диком виде на Фиджи янггона почти не встречается. Ее выращивают, как правило, племена, населяющие Намосскую гору¹², расположенную в глубине Вити-Леву. Самой лучшей, самой крепкой и самой почитаемой слывет янггона, которая произрастает на «священном» острове архипелага. Называется она *бега*, и речь о ней впереди.

Листья янггоны темно-зеленого или слегка красноватого цвета. Однако из всего растения меня, так же как и островитян, интересовал лишь корень. Он желтый или, скорее, желтовато-белый. Корни растения весят от одного до восьми килограммов. При сушке, однако, они теряют больше половины своего веса. Кусты янггоны, которые мне приходилось встречать на Вити-Леву, обычно достигали двухметровой высоты.

Выращивать янггону нелегко: растение это требует постоянной заботы. Тщательно очищенная почва удобряется кальцием, полученным из ракушек или морских кораллов. Раньше янггоновые поля, видимо, делили в некоторых областях на три части. Урожай с первой части принадлежал богам-хранителям чудотворцев и исцелителей, со второй — богам-покровителям сна, и лишь третья доставалась тому, кто возделывал поле.

Хотя в наши дни земледельцы уже не отдают богам большую часть собранного урожая, местное производство янггоны, вследствие постоянного роста ее потребления, далеко не удовлетворяет спрос. Поэтому вместо свежих, выращенных на месте корней островитяне все чаще во время обрядов пользуются сушеными, которые в больших количествах продаются на рынке Сувы. Эти выдержанные на солнце корни, по-фиджийски — *ву сингана*, привозят в Суву с островов Самоа. Тамошние жители в отличие от фиджийцев жуют корни янггоны.

В верховьях Ревы пока еще сохранился один из первобытных способов приготовления янггоны. В утрамбо-

ванной земле выкапывается неглубокая, но широкая яма, которую жрец обкладывает затем гигантскими листьями фиджийской лилии. Их посыпают порошком размолотого корня янггоны. Один из участников обряда приносит бамбуковый сосуд, из которого постепенно выливает воду в земляную чашу, одновременно тщательно помешивая приготавливаемый напиток рукой.

Когда янггона будет готова и жрецы вновь совершат молитву, в святилище вступает вождь с остальными участниками ритуала. Они ложатся на живот вокруг чаши и тянут напиток до тех пор, пока в ней не останется ни одной капли. Раньше в этих местах янггону не мололи на каменных плитах. Ее отдавали молодым жрецам, которые разжевывали корень и затем выплевывали образовавшуюся массу в чашу.

Обряд янггоны, который прежде совершался в святилищах, в наши дни проводится либо в доме совета племени — местном клубе, либо на открытом воздухе. В давние времена только в исключительных случаях церемониал приготовления янггоны проходил вне священных стен. Об одном из них я услышал от профессора Палмера, когда рассматривал в Этнографическом музее Фиджи необычную чашу более тонкой работы, чем современная местная керамика. Профессор рассказал мне, как эта чаша попала в его коллекцию.

Музею подарил ее миссионер Гинар, который несколько десятилетий назад жил в юго-восточной части Вити-Леву. В его «приходе» находилась знаменитая банановая роща *На нганга*, которую еще в прошлые века по никому не известной причине жрецы стали считать табу. Но кто же может избавить На нганга от древнего табу, провозглашенного жрецом, как не сегодняшний «жрец» — христианский священник? И жители деревни попросили отца Гинара, чтобы он снял табу с языческой рощи, бананы которой их так привлекали.

Миссионер вначале «освятил» рощу, а затем первым вступил в ранее заповедные места. Вскоре стало ясно, почему На нганга считалась табу. В роще стояли два ряда каменных столбов, на каждом помещалась чаша с грязноватым осадком — остатками янггоны на дне.

По религиозным представлениям фиджийцев, янггона всегда была связана с бананом. Освобожденная от табу банановая роща На нганга теперь снова могла давать свои прекрасные плоды людям. Но что делать с чашами,

в которых когда-то сохранялась янггона? После долгих раздумий жители деревни отнесли их в горы, где начинаются непроходимые леса. Но одну они подарили отцу Гинару, а тот, в свою очередь, передал ее Этнографическому музею Фиджи.

Так от этого необычного янггонового святилища на Вити-Леву осталась лишь искусно обработанная керамическая чаша, украшающая музейную коллекцию. Еще одно столь же странное янггоновое святилище существовало в другой части архипелага, на острове Найау¹³. Обряд проводился в глубокой продолговатой пещере, которая раньше якобы была жилищем вождя племени.

В янггоновой церемонии на острове Найау могли принимать участие только мужчины, и притом самые близкие родственники вождя. В пещеру, где проходил обряд, корни «священного» растения приносили специально выбранные девушки. (Должен заметить, что раньше на Фиджи о целомудрии девушек свидетельствовали заплетенные с обеих сторон головы десять или двенадцать косичек, которые после первой же половой связи распускались. Незамужние молодые женщины от замужних отличались прической и одеждой. Например, характерный для фиджийцев пояс у первых был значительно длиннее, чем у вторых.)

Двенадцать избранных девушек, выстроенных попарно перед входом в пещеру, вставали на колени. В руках у первых четырех пар были зажженные факелы, остальные несли «священный» корень. Факельщицы расступались и, когда в святилище становилось достаточно светло, к деревянной миске, вырезанной из куска древесины — *таноя*, где напиток должен был размешиваться, медленно приближались на коленях четыре самые красивые девушки племени.

Передав корень мужчинам, они также на коленях двигались назад, не сводя глаз с вождя племени, пока не покидали пещеру. Как только девушки удалялись, избранные мужчины брали в руки тонкие палочки и начинали готовить напиток.

Обряд приготовления янггоны, — этот подлинный ритуал смакования «священного» напитка, — с того момента, когда я увидел его впервые, окончательно покорила меня. Только знаменитая «чайная церемония» в Японии могла бы сравниться с ним.

Я приехал из страны, которая отстоит от Накамака-

мы значительно дальше, чем родина других гостей. И поэтому именно мне еще до того, как начнется танец, нужно передать подарок танцовщикам. Что же им преподнести? Фиджийский протокол, естественно, предписывает дарить опять же янггону.

Я вручаю вождю несколько полуразмолотых корней янггоны, завернутых в белый платок *мбули*. И так как я знаю всего лишь несколько фиджийских слов, то речь, которую от меня ждут, вынужден произнести по-английски; впрочем, здесь, в британской колонии¹⁴, меня должны понять многие. Я говорю, что счастлив увидеть знаменитых воинов реки Ревы, их родовые танцы, их прекрасную деревню, и в знак уважения моих соплеменников к их племени я передаю этот «священный» корень вождю и народу Накамакамы.

Подарок принят. Теперь обряд приготовления янггоны может начаться. Здесь, в Накамакаме, сохранилась еще классическая форма приготовления и подачи напитка. В старые времена подобные обряды в разных частях архипелага отличались друг от друга. За последние столетия, однако, все «правоверные» фиджийцы стали приготавливать, подавать и пить свой «священный» напиток по способу, который с течением времени утвердился на острове Мбау.

Причины здесь коренятся не в культурных или религиозных традициях, а в чисто политических устремлениях. Дело в том, что остров Мбау не только добился в прошлом веке господствующего положения над всем архипелагом, подчинив другие острова, но и распространил на них свой диалект, а также *на веингарави вакатуранга* — местную форму янггонового обряда.

Главное условие мбауского способа приготовления янггоны — абсолютная тишина. Поэтому с того момента, когда я передал подарок, никто не произнес ни слова.

Я сажусь по-турецки на циновки, разложенные на полу в доме совета племени. Каждый участник обряда занимает строго определенное место. В центре сидит группа мужчин, приготавливающих янггону и руководящих обрядом. Чуть поодаль находимся мы, почетные гости сегодняшнего торжества, а дальше — простые члены племени. «Зрительный зал» пассивен; все разыгрывается на «сцене». Первые минуты ритуала напоминали католическую мессу. Однако там служит только один человек, а здесь я различаю нескольких «актеров».

В первом ряду на «сцене» сидит вождь. Впрочем, обряд совершает не он, *мбули*, а представители главных родов племени. Того, кто сидит слева, называют *на ту янггона* — «подносящий янггоновую чашу», того, кто посередине, — *на ндау лосе янггона* — «размешивающий янггону». С обеих сторон располагаются его помощники, а за ними — *на ливи ваи*, его титул можно перевести как «подносящий или доливающий воду».

«Размешивающий янггону», «подносящий чашу» и «доливающий воду» исполняют главные роли во время обряда в Накамакаме. За ними находится хор девушек, который позднее будет сопровождать обряд гимнами. Но пока все еще царит гробовая тишина.

Перед главными действующими лицами на треножнике стоит таноа. Именно в этой миске и готовится «священный» напиток. Таноа — это фактически символ островов Фиджи, более того, сама миска как бы наделена сверхъестественной силой. Не так давно немедленной смерти предавался каждый, кто нечаянно переступал невидимую, мысленную черту, связывающую вождя с таноа.

Сейчас перед миской сидит на ндау лосе янггона. Равномерными движениями он размалывает корень. Затем на коленях к таноа приближается на ливи ваи и постепенно наполняет ее водой из бамбукового сосуда. Размолотый корень заворачивают в кусок ткани и на ндау лосе янггона промывает его, слегка разминая в воде. До сих пор островитяне считают человека в момент свержения обряда иным существом. По их мнению, «священный» корень меняет свойства не только миски, в которой его готовят, но и того, кто смеет до него дотрагиваться. Если на ндау лосе янггона совершит какое-либо движение, предписываемое мбауской янггоновой школой, неточно, то он тут же должен покинуть святилище, иначе всех участников обряда постигнет несчастье.

Сегодня все идет как по маслу. И вот уже на ндау лосе янггона отрывает глаза от таноа, поворачивается лицом к вождю и произносит:

— *Са лосе сака оти на янггона* («Янггона размешана, вождь»).

Это означает, что первая часть обряда — приготовление напитка — окончена.

Как только были произнесены эти слова, с меня словно спало оцепенение, с которым я наблюдал за этой мол-

чаливой мессой. Вождь в знак согласия кивнул. На идау лосе янггона и оба его помощника хлопнули в ладоши. И снова неожиданность: до этого момента все сидели, а тут один из участников действия приподнялся. Это — на ту янггона, подносящий напиток. Лишь сейчас я замечаю, что на нем одежда богаче и украшений больше, чем на всех, за кем я следил в процессе приготовления янггоны. Юбка — из очень красивых разноцветных листьев, пояс из коры деревьев¹⁵ завязан сзади огромным узлом. Чем больше узел, тем выше общественное положение на ту янггоны. Тело его натерто кокосовым маслом, лицо, и главным образом глаза, подрисовано черной краской.

Своей одеждой и величавостью походки на ту янггона превосходил, по крайней мере в этот момент, даже вождя. Его задача — подать вождю *мбило* — сосуд (половину кокосового ореха), что он и делает, обойдя таноа сзади. Вождь выпивает до края наполненный мбило.

Следующий мбило на ту янггона преподносит мне. Я тоже, хочу того или нет, должен выпить его до дна одним глотком. Как только я допиваю янггону и поднимаю голову, все участники обряда как по команде делают хлопок, так называемое *дхамбо*. Теперь мне следует произнести: *мака*, что означает: «допито».

Обряд продолжается до тех пор, пока все не напьются. Церемониймейстер подает мбило, очередной участник обряда выпивает грязноватую жидкость, произносит: *мака*, присутствующие хлопают, и все повторяется сначала. За этим занятием проходит не менее часа. Столь же торжественно пили фиджийцы янггону десять и даже столет назад. И так же ревностно поклонялись и поклоняются этому напитку жители большинства других меланезийских островов.

Меня всегда, еще с тех пор как я начал изучать американских индейцев, интересовали дурманящие растения, которые у многих групп местного населения очень часто играют первостепенную роль в их религиозных представлениях, духовной культуре и социальной жизни. У индейцев Аризоны это пейотль, на юго-востоке США и во Флориде — «священный черный напиток». Во время научной экспедиции на Кубу я собирал данные о «божественном порошке койоба», будучи у мексиканских индейцев изучал вопрос о загадочных «священных грибах» и галлюцинациях, которые они вызывают.

И поэтому здесь, на Фиджи, и на других меланезийских островах с того момента, когда я впервые в Накамаке попробовал янггону, мое внимание привлекало и растение, которому так поклоняются, и напиток, который из него готовят.

Вспоминая свое присутствие на первом обряде приготовления янггоны, очень хочется рассказать все, что мне постепенно удалось узнать об этом «священном» растении.

Янггона, в представлениях островитян, далеко не рядовое растение. Об этом свидетельствует тот факт, что она якобы существует не со дня сотворения мира, как вся остальная флора, а с того времени, когда умер молодой, красивый вождь Ранггона. Как только его похоронили, на могиле загорелся зеленым пламенем язычок янггоны. От имени вождя Ранггоны и пошло название этого «священного» растения.

Жители Фиджи рассказывают, что вожди, которые в древние времена единолично владели и передавали по наследству тайну ритуала приготовления янггоны, вели свое происхождение непосредственно от высшего божества — могущественного Нденгеи. Так что янггона — растение «аристократическое». Все орудия, применяющиеся для выращивания растения, могут изготавливаться лишь в присутствии вождя. И наоборот, всякое значительное событие в жизни или правлении вождя связано с обрядом приготовления янггоны.

Островитяне до сих пор исполняют гимны в честь этого растения.

Один из них звучит так:

Спи, спи ночью, сны смотри до рассвета,
Но сейчас солнце уже поднимается к облакам.
Корень янггоны выкопали и размолоти
И развешивают на ветвях *лангакали*.
Поднимите таноа,
Приготовьте янггону, очистите ее...

Не удивительно, что янггона, которая выросла на могиле вождя и охраняет род, имела и до сих пор имеет большое значение в местной медицине. В Накамаке я увидел на крыше одной хижины большой, раскидистый корень «священного» растения. Мне сказали, что он будет лежать там до тех пор, пока больной мужчина, живущий здесь, окончательно не поправится. Таким обра-

зом, янггона является магическим средством защиты больного и его имущества.

Этому растению приписывают и целебные свойства. Насколько я успел заметить, жители Вити-Леву считают напиток действенным слабительным средством. Женщины пользуются янггоной для облегчения родов и стимуляции образования молока у молодой матери. А мужчины считают, что этот напиток помогает избавиться от венерических болезней, особенно от гонореи.

Врачи обратили внимание на то, что гонорея в Океании больше распространена там, где янггону не пьют вообще или пьют в небольших количествах. Многие фиджийцы считают, что янггона — это вообще лекарство от всех болезней.

Врачуют здесь, как правило, *бете* — фиджийские жрецы. Но они, и не только они, используют янггону и для иных целей. Часто на Фиджи я слышал о *сова янггоне*. Во время этого ритуала, который, как правило, исполняют не жрецы, а островитяне, владеющие секретом «черной магии» (далеко не каждая деревня или племя обладают им), людей с помощью янггоны не лечат, а убивают. Если фиджиец захочет убить своего врага, то он разыскивает жреца и дарит ему *тамбуа* — зуб кашалота. Жрец вместе со своим «клиентом» навещает могилу предка будущей жертвы. На могилу он выливает заранее и втайне приготовленную янггону и несколько раз повторяет фразу: «Это янггона пришла за... (следует имя жертвы), дух, прошу, покарай его...»

Жрец носит мертвецу янггону до тех пор, пока назначенная жертва действительно(!) не умирает. После его смерти на могиле еще раз совершается обряд подношения янггоны в знак благодарности за исполнение просьбы.

Над могилами фиджийцы довольно часто совершают еще один обряд, при котором также используется «священный» напиток. Он называется «заливание янггоной». Издавна на островах существовал обычай, сохранившийся до наших дней, хоронить главу рода прямо в земляном полу хижины. И для того чтобы дух умершего не беспокоил живых, над тем местом, где лежит покойник, производится подношение янггоны. Британские колониальные власти запретили закапывать трупы в хижинах или в непосредственной близости от них. Миссионеры также убеждают свою паству в том, что мертвых нужно

хоронить на кладбищах. И поэтому теперь островитяне свой языческий ритуал нередко совершают на христианских могилах.

Янггона служит и для предсказания будущего. В былые времена эти пророчества чаще всего касались главного вопроса — будет ли успешной замышляемая война и сколько окажется пленных.

Таким образом, янггона вела фиджийских воинов на тропу войны. А деды и, возможно, отцы моих нынешних хозяев были знаменитыми воинами.

Наконец вождь встает; поднимаемся и мы. «Священный» напиток выпит. В Накамакаму я приехал, чтобы увидеть *меке* — древние воинственные танцы: теперь, когда обряд янггоны окончен, после часового перерыва я наконец увижу эти знаменитые на Фиджи танцы.

ВОИНЫ РЕКИ РЕВЫ

После окончания церемониала приготовления янггоны все местные жители разошлись. На маленькой площадке — *рара* — перед домом совета племени остались я да гости, приехавшие из Сувы.

Рара была почти совсем пуста, несмотря на то, что сегодня в Накамакаме праздничный день — юбилейное торжество и одновременно *солеву*, фиджийская ярмарка. В отличие от европейских базаров, носящих главным образом торговый характер, *солеву* — это событие прежде всего социальное и культурное. Поэтому оно и отличается торжественностью. Достаточно посмотреть, например, на сопровождающие его *накамакамские меке*.

Эти танцы, как вскоре мне стало ясно, вовсе не были простым проявлением радости или хорошего настроения. Их заранее тщательно репетировали. Позднее *накамакамский* вождь представил меня «постановщику», который каждый вечер созывал на площадь перед домом совета племени всех взрослых мужчин деревни и репетировал с ними танцы, входившие, как мне кажется, с давних времен в программу подготовки фиджийских воинов.

Накамакамские танцовщики готовились к сегодняшнему торжеству несколько месяцев. И вот теперь, когда им надо выступать, они делают вид, что предстоящее празднество их вовсе не интересует. Одеты в яркие костюмы из листьев пандануса, окрашенных в черный и

красный цвета, они беседуют между собой, не обращая внимания на зрителей, которые нетерпеливо выкрикивают:

— Ну, начинайте же, начинайте!

Местные обычаи требуют, чтобы танцовщиков долго просили. И лишь когда на площадь выходят празднично одетые накамакамские девушки, мужчины настораживаются. В самих танцах девушки, по крайней мере в Накамакаме, редко принимают участие, они лишь обеспечивают «музыкальное сопровождение».

Женский оркестр задает танцорам ритм ударами двух бамбуковых палочек. Иногда отбивает такт девушка, иногда выступает целый бамбуковый оркестр, причем во время исполнения одних музыкальных номеров женщины сидят, других — стоят. Бамбуковый музыкальный инструмент, на котором они играют, не является спецификой Фиджи. Я видел и на Гавайских островах нечто подобное, но под названием *казкеке*.

Главная роль в этом женском оркестре принадлежит все же мужчине. Исполнитель мелодий на барабане *лали* — некоронованный повелитель каждого музыкального представления на Фиджи. Барабан, точнее, деревянный гонг на Вити-Леву вырезают из ствола дерева *ндило* (*Calophyllum inophyllum*). Накамакамский ударник стучит в лали двумя небольшими палочками — *уа уа*.

В наши дни игра на лали сопровождает танцы. Но ведь недавние предки нынешних танцовщиков были воинами, и поэтому почти все ритмы, известные накамакамскому ударнику, — это боевые сигналы. Вот, например, *лали ни камбакоро*, передаваемый двумя барабанами. Он означает, что деревня осаждена.

Барабаны были также и психологическим оружием фиджийцев — их громкие звуки разносились на далекие расстояния. Это, наверное, удивительное ощущение — сидеть в боевом каноэ и бить в барабаны, вселяя ужас в сердца жителей прибрежных деревень.

В наше время большим лали сзывают в Накамакаме только танцовщиков. Барабан напоминает, что по окончании перерыва, наступившего после янгонового обряда, они должны вернуться на площадь перед домом совета племени. И действительно, послушные монотонным ударам тяжелого лали, на площадке постепенно собрались все мужчины деревни.

Вот из своей хижины вышел вождь, и вроде бы танцы

можно начинать. Но опять приходится сдерживать нетерпение. Так же как и несколько часов назад при янгоновом обряде, все жители должны отдать дань уважения своему мбули. Из толпы мужчин выходит один, видимо самый старший, и передает вождю подарки, на этот раз — не очень ценные — клубни таро¹⁶ и кокосовые орехи. Но без этого подарка, называемого *на кена совасова* («пожертвование»), меке не начинается.

Вождь принимает почетный дар и усаживается на траву. Теперь уже до конца торжества он будет простым зрителем, таким же как все присутствующие. Хозяином меке является «постановщик» танцев — тот, кто с таким усердием готовил своих людей к нынешнему выступлению.

Он осматривает танцовщиков, но пока еще не дает команды начинать. Но вот заиграл оркестр, и вместе с ним вступает хор девушек, который несколько часов назад сопровождал обряд приготовления «священного» напитка. Однако при янгоновой церемонии все соблюдали полную тишину, только непосредственные участники ритуала при сосредоточенном внимании окружающих готовили напиток, и лишь спустя некоторое время раздалась первая песня. Во время же меке все происходит наоборот. Девушки несколько раз подряд повторяют вводные строфы, сопровождающие танец *вакамало*. Мужчины, однако, продолжают стоять на месте, словно они и не слышат песни. И только минут через пять или даже десять «постановщик» танца вдруг вскрикивает:

— *Кила, кила!*

И затем еще громче, радостнее:

— *Кила, кила, кила, кила!* («Я ее знаю, я эту песню знаю!»)

И он, только что внимательно слушавший девичий хор, внезапно превращается в командира, громким голосом отдающего приказания, называет движения, которые должны выполнять танцовщики. Команды звучат словно на военном плацу:

— *Киси!* («Вперед!»)

— *Матау!* («Направо!»)

— *Мау!* («Налево!»)

И далее:

— *Вверх!*

— *Вниз!*

— *Лечь!*

- Встать!
- Подпрыгнуть!
- Еще выше подпрыгнуть!
- На месте!
- Стой!

«Режиссер», «постановщик» и «распорядитель» танцев начал меке исполнением вакамало, потому что по традиции этот танец, так же как и янггона, представляет собой одну из форм приветствия почетных гостей. Вакамало — танец-подарок. Об этом говорит даже его название. *Мало* (в других диалектах — *маси*) — фиджийское наименование тапы — материи, которую получают во всей Океании путем обработки коры деревьев. Танцовщики после окончания меке оставляют для гостей или для вождя (так как когда-то вакамало исполнялось главным образом для мбули) свои юбочки в качестве подарка и в знак уважения.

В прежние времена, когда вакамало исполняли женщины, финал танца был еще более интересным — каждая из танцовщиц снимала юбочку и завязывала ее на бедрах тому мужчине, который ей больше всего понравился.

Сейчас вакамало танцуют мужчины. Да и юбочки теперь танцовщицы гостям не дарят.

Меке — это танец воинов, и поэтому отдельные его элементы сохраняют характерные так называемые воинские черты. «Распорядитель» приказывает: — *На меке и вау!* («Танец с палицами!»).

Все мужчины, выполняя команду, поднимают этот национальный вид оружия. Палицы накамакамских танцовщиков богато украшены. Одни из них оплетены, другие инкрустированы ярким перламутром. Отличаются они и по форме: одна палица — с круглой головкой, у другой она напоминает цветок лотоса, у третьей — булаву.

Танец с палицами, естественно, имитирует боевую схватку. Танцовщики наступают и отступают, нападают и защищаются, падают, встают, приседают, подпрыгивают.

Когда танец заканчивается, благодарные зрители оглашают «театр» криками: «Вонака, винака!» («Это было великолепно, прекрасно!»).

Меке бывших воинов реки Ревы, однако, продолжается. За танцем с палицами следует танец с копьями — *на меке мото*. Длина копий — около двух метров. Танцов-

щики сжимают их в правой руке, а в левой держат небольшой веер, символизирующий щит.

Фиджийские танцы — это своеобразные пантомимы, рассказывающие о конкретном действии. На меке мото, например, это драматическое изображение хода битвы, во время которой воины сражаются копьями.

Но вот актеры отложили копья, оставив в руках лишь легкие, совсем не мужские веера. Избавленные от тяжелого оружия, воины Накамакамы могут теперь полностью отдаться свободной стихии танца. Как это ни странно, именно танец с веерами — *на меке ири* — из всех номеров сегодняшней программы показался мне самым мужественным и драматичным.

Кроме тех танцев, которые мы увидели, воины реки Ревы знают еще один — боевой. Однако в наши дни его демонстрируют лишь немногие местные «самодетельные» группы.

Радость от исполнения танцев на Фиджи испытывают лишь мужчины, женщины здесь танцуют только в исключительных случаях. Один из таких смешанных танцев я увидел, когда накамакамское меке уже заканчивалось. Он называется *меке ни яу* («танец обогащения») и исполнялся в прошлом на фиджийских ярмарках.

Во время фиджийских солеву богатство приобретал не отдельный человек, а вся деревня, весь род¹⁷. Тот, кто во время танцев осуществлял «обмен», — хотя, как мы скоро узнаем, термин этот не совсем точен, — являлся, разумеется, вождем.

Но прежде чем описывать танец, надо объяснить, что, собственно, понимали островитяне под словом «богатство», «имущество». Золото, серебро и драгоценные камни белых людей им заменяли: янггона, свиньи и главным образом тамбуа.

Свиней знает каждый, с янггоной я впервые познакомился несколько часов назад, а вот теперь наблюдаю танец тамбуа. Слово это чем-то напоминает общемеланезийское «тамбу», или, как у нас принято, «табу». Бесспорно, наименование высшей ценности, известной фиджийцу, происходит от слова «тамбу».

Что же такое тамбуа? Обычный зуб кашалота. Вообще зубы морских животных жители Меланезии очень ценят. На Новых Гебридах, например, до недавнего времени зубы акулы считались обычным средством платежа. Однако кашалотовый зуб фиджийцев принципиально от-

личается от акульных «денег» и других подобных «монет» Меланезии. Это не только ценность в экономическом смысле слова, это нечто большее, «священная» вещь, заключающая в себе необъяснимые, могущественные силы.

Когда острова Фиджи стали принимать участие в международных торговых отношениях, зубы кашалота появились и в магазинах Сувы. Но за зуб, который стоил в таком магазине, скажем, пять фунтов стерлингов, при церемониальном обмене на ярмарке фиджийских деревень можно было получить товаров на значительно большую сумму. Ведь если во всем остальном мире за деньги приобретается многое, то за зуб кашалота, обладающий «сверхъестественной силой», на Фиджи вам отдадут все.

Поэтому тамбуа — желанный подарок во время всех важнейших событий в жизни человека. Члены семьи дарят зуб кашалота друзьям матери новорожденного. Этот обычай на Фиджи известен под названием *ронго ронго*. В былые времена, когда кто-либо собирался жениться, особенно на девушке из знатной семьи, он должен был отдать несколько десятков зубов кашалота родителям невесты. Если кто-то умирал, то муж или жена обязаны были пожертвовать зуб кашалота его родственникам. Если же умирал вождь, то, наоборот, присутствующие на поминках отдавали зубы его близким. Тамбуа дарили и самому умершему. Зубом, который клали на грудь умершего, покойник — вспомните греческую мифологию — должен был расплатиться за дорогу в загробный мир. Тамбуа, по представлениям фиджийцев, мог спасти человека от смерти. Две белые женщины, впервые оказавшиеся на Фиджи, выкупили, расплатившись кашалотовыми зубами, нескольких островитянок, которых должны были задушить на острове Мбау после смерти их мужей.

С помощью тамбуа можно откупиться и от наказания за совершенное преступление. Наиболее известен выкуп — несколько кашалотовых зубов, — преподнесенный методистскому миссионеру в Навоси¹⁸ на Вити-Леву. Островитяне хотели очиститься от греха, совершенного их предками, которые несколько десятилетий назад убили первого миссионера, проникшего в эту область, — подобного Томаса Бейкера.

Таким образом, тамбуа встречал человека, когда он появлялся на свет, сопровождал его на свадьбе и после смерти; всегда и всюду его присутствие, точно так же как

и католической реликвии, благословляло событие, освящая его некоей высшей, сверхъестественной силой.

Не все зубы кашалота ценятся островитянами одинаково. Большой зуб обладает большей силой, чем маленький, темный стоит дороже светлого, старый более ценен, чем новый. При этом во внимание принимается не столько возраст, сколько то, что зуб «сумел» за свою «жизнь» сделать, его прошлое. Чем больше событий выпало на его долю, чем больше их он «освятил» своим присутствием, тем он сильнее.

Ни в одном из тех случаев, о которых я говорил, зуб кашалота не менял своего хозяина путем купли-продажи. Обменять этот «священный» предмет можно было только на солеву, ярмарке, похожей на сегодняшнюю. Здесь на тамбуа выменивались местные изделия, обычно циновки. Причем кашалотовые зубы приносили чаще всего гости, пришедшие из другой деревни.

Древний танец, за которым я наблюдаю, напоминает мне «старые, добрые времена». Рядом с мужчинами танцуют две девушки, представляющие *калоу ялева* — целомудренных богинь, живущих в реке Реве. Эти богини выходят из своей водной стихии, чтобы принять дары мужчин. И для того, чтобы представительницы речных деэ, как и положено им быть, казались невесомыми, они в течение нескольких дней накануне меке не имеют права даже прикоснуться к пище. Голодные богини-рыбачки с сетью в одной и корзиной в другой руке постепенно перемещаются в центр площадки. По обеим ее сторонам стоят в ожидании накамакамские мужчины. Пока что оркестр и хор молчат. Но вот раздаются первые, медленные и тихие, удары по бамбуковым инструментам. Оба ряда танцовщиков с достоинством приближаются к центру рара, пока расстояние между ними не составит всего нескольких метров. Ряды как бы олицетворяют реку, ее берега. А по реке движутся, плывут рыбачки, наклоняются, ловят рыбу в воображаемой воде, получая при этом от танцовщиков зубы кашалота.

Зрители реагируют так, словно действие, разыгрывающееся у них на глазах, это не придуманная, давно известная игра, а настоящие поиски клада. Главное в этих танцах, исполняемых в наши дни, когда фиджийцы уже рассчитываются не кашалотовыми зубами, а фунтами стерлингов, — это праздничное веселье, радость встречи со старыми и новыми друзьями.

К ним отношусь теперь и я. После окончания танцев мужчины деревни, расположенной на берегу Ревы, мгновенно из воинов превращаются в улыбающихся хозяев, которые тепло и дружески встречают своих друзей янггой, танцами и песнями.

А в это время над берегами Ревы звучит последняя песня. Называется она *иса леи* и на всех островах Фиджи ее исполняют всегда, когда расстаются добрые друзья. Она напоминает прощальный вальс. И, можете мне поверить, в тот момент, когда наша лодка отчаливала от берега и в последний раз раздалась грустная *иса лей*, я подумал, что здесь, в этой забытой деревне, оставляю хороших друзей.

ЛЮДИ В ОГНЕ

По окончании большого праздника накамакамских воинов я спустился по течению Ревы до уже знакомой пристани и оттуда по «северной» дороге вернулся в столицу архипелага Фиджи — Суву. Дело в том, что вокруг всего острова Вити-Леву проходит великолепная для Меланезии дорога. Она соединяет расположенную на востоке Суву с лежащей на западе Лаутокой. Это, собственно, две дороги. Одна идет вдоль южного берега, вторая — вдоль северного. Эта, вторая, называется Дорогой короля. Именно по ней я проезжал, направляясь к танцующим воинам Накамакамы. По «южной» дороге, которая получила наименование Дороги королевы, я еду сейчас. И опять моя цель — фиджийские танцовщики и их прошлое. Самые древние, мифические пласты истории «Черных островов». Те, что сохранились еще с допотопных времен.

Потоп? На Фиджи? Да, именно с потопом, с легендами о великом наводнении, известном по Ветхому завету, познакомился я во время своих путешествий по Меланезии. Услышал я эту легенду и на Фиджи.

Жители Фиджи рассказывают, что их земля была когда-то до самых вершин гор залита водой. И обрушился на них потоп не сам по себе, а как наказание за совершенное святотатство. Двое парней, имен которых память не сохранила, убили «священную» птицу, принадлежавшую высшему божеству фиджийцев — змеиному богу Нденгеи. Око за око, зуб за зуб. Смерть за смерть. Тако-

вы были порядки на этих островах со дня сотворения мира. И поэтому не удивительно, что змеинный бог за убийство одной-единственной птицы отомстил, согласно легенде фиджийцев, массовым уничтожением целого народа, всех людей, живших на островах.

И — как это нередко бывает в истории — одни лишь виновные сумели избежать божьей кары. Когда вода начала подниматься, они (внимание!) построили огромную башню, собрав на ней представителей мужского и женского пола всех родов, говорящих на всех языках архипелага Фиджи. Как видите, мы встречаемся в фиджийских легендах не только с потопом, но и с «вавилонской башней».

Но «вавилонская башня» не сумела противостоять прибывающей воде. Поэтому грешникам и их подругам не оставалось ничего иного, как вместе с представителями некоторых других племен соорудить плот и пуститься на нем в поисках места на несчастных островах, которое пощадил бы потоп. Они нашли его, но не на Вити-Леву — «Большой земле», а на острове Мбенга, расположенном юго-восточнее. Самой высокой вершины мбенгских гор вода не достигла, и люди спаслись здесь, сохранив на этом единственном торчащем из воды клочке земли все свои допотопные обычаи и традиции¹⁹.

Бесспорным доказательством исключительных способностей жителей Мбенги является так называемое *вилавилаиреве* — «хождение по огню». Я много раз слышал об этом, но не верил, что мне, с их точки зрения — неверному, удастся увидеть знаменитый ритуал.

Вернувшись из поездки по Реве, я обнаружил у себя в Суве извещение о том, что в Королеву, деревню провинции Толо, приедут мужчины с острова Мбенга, чтобы в честь иностранных гостей продемонстрировать свою способность ходить по огню.

Я тут же выясняю, каким образом можно добраться до Королеву. Оказывается, на юго-западную часть острова, в провинцию Нандронга²⁰, ходит раз в день автобус, принадлежащий частной компании. Купить на него билет довольно просто.

После Сувы дорога поворачивает к горам. Она проходит по самым южным границам фиджийских джунглей, потом начинает спускаться, пока не возвращается к морю, минуя деревню На вуа и удивительное по красоте прибрежное селение Ндеумбу, и, наконец, заканчивается

в деревне Королеву. На юго-востоке от нее за морским проливом лежит Мбенга, остров, который пережил потоп.

Прямыми потомками людей, живших здесь до потопа, является племя савау, расселенное в четырех деревнях на юге Мбенги. Одна из них, Дакуимбенгга, служит резиденцией верховного вождя туи²¹.

Жители Мбенги на один день покинули свой остров. Они переправились на лодках через пролив и привезли с собой древесину тех пород, что произрастают на Мбенге: якобы только она может гореть в священном огне. С ними прибыли музыканты и бете — главный жрец Мбенги, который будет руководить предстоящим загадочным обрядом.

Что же, собственно, должно произойти? Будет совершен особый ритуал, демонстрирующий удивительные способности его участников, которые я бы, пользуясь примитивной терминологией, назвал «огнеупорностью». Танцовщики с острова Мбенга во время ритуала шагают, не обжигаясь, по добела раскаленным камням.

Когда я прибыл в Королеву, подготовка к церемонии, проходившая в течение всего дня, продолжалась полным ходом. Вначале была вырыта яма глубиной в один и диаметром около шести метров. Ее наполнили камнями, на которых в дальнейшем разведут костер. Камни эти тоже привезены с Мбенги. Выкапыванием *лово* — очага — и укладыванием в него камней руководит жрец. Я внимательно слежу за всеми приготовлениями, но пока не обнаруживаю никакого «обмана». Нет ничего, что объясняло бы поразительные способности потомков людей, переживших потоп. Огонь разгорелся, камни раскалились. Начинают готовиться сами участники. Вообще-то они уже занимались этим в течение двух недель до начала священного ритуала: не прикасались к женщинам, поменяли режим питания (особенно вредными для них в этот период считаются кокосовые орехи). Позже мне рассказали о нескольких случаях, когда танцовщики не соблюдали предписываемых табу перед хождением по огню. Все они получили тяжелые ожоги, а один даже умер. Остальным аборигенам огонь никакого вреда не причинил.

В эти последние минуты перед обрядом его участники заняты плетением своеобразных веночков, браслетов из папоротника, которые называются здесь *ндраунимбаламбала*. Их привязывают к щиколотке. Удивительной способностью выдерживать жар обладают лишь ступни ног

до щиколотки. Бедро, живот лишены этого чудесного свойства.

Близится ночь. В темноте светятся лишь белые, раскаленные камни. Я сижу от них на расстоянии четырех метров, ближе нельзя: жар становится нестерпимым. К сожалению, наступившая темнота не дает возможности сфотографировать этот удивительный обряд. Лампы-вспышки у меня тогда еще не было; я приобрел ее позже, в Японии. Зато я могу спокойно наблюдать.

По команде жреца из ямы длинными палками удаляют несгоревшие дрова, оставляя только камни, затем приносят ствол древесного папоротника, листьями которого обвязались танцовщики. Он горит медленно, пока полностью не сгорает.

Теперь все смотрят на жреца. Мне кажется, что он спокоен, весь сосредоточен, будто молится, стараясь угадать тот момент, когда его люди должны ступить в огонь.

Тянутся секунды. Жрец ждет. И вдруг он кричит, словно подает команду «в атаку!»:

— Вперед! Вперед!

Он вскакивает, обходит яму и решительно, без страха босыми ногами вступает в огнедышащий очаг. За ним спокойно шагают представители племени савау. Они идут твердо, не дрожат, не сбивают шаг. Я не могу этого понять.

Яма раскалена настолько, что даже мне, сидящему рядом, трудно выдержать такую высокую температуру. Камни калили не меньше двадцати часов, и все-таки эти люди спокойно, даже гордо шествуют по камням очага, не обжигаясь.

В первый момент я подумал, что, возможно, мы подверглись воздействию какого-то гипноза. Я читал о подобных вещах. Но тут жрец, словно для того чтобы рассеять мои тайные сомнения, вышел из ямы, взял несколько веток, которые приготовил заранее, и бросил их на камни. Они сгорели в течение нескольких секунд. Поднялся дымок, которым верующие якобы приветствуют бога огня.

Итак, ветки горят, а рядом с ними по раскаленным камням спокойно расхаживают невозмутимые люди. Когда обряд наконец заканчивается, я не выдерживаю и прошу нескольких танцовщиков, чтобы они показали мне ступни. Все охотно соглашаются. Как Фома неверующий,

я трогаю пятки. Никаких следов ожогов нет. Более того, все ступни совершенно холодные. Словно люди с Мбенги ходили по росистой траве, а не по огню.

Объяснить это невозможно. И никто, с кем я позже говорил о поразительной «огнестойкости» людей племени савау, не мог мне дать удовлетворительного ответа. Естественно, что я спросил танцовщиков с Мбенги, как они сами объясняют подобное чудо.

Тогда мне рассказали легенду:

«В далекие времена, еще до того как страшный потоп затопил весь мир, кроме Мбенги, вождем племени савау был Тингалита, великий охотник, сравниться с которым не мог никто, кроме, пожалуй, старого сказочника Ндрендре. В тот вечер, когда начался потоп, Ндрендре рассказывал соплеменникам особенно интересные истории. Они были такими занимательными, что каждый из слушателей обещал принести рассказчику первую добычу, которую он поймает завтра.

Рано утром великий охотник Тингалита пошел к горной реке и вскоре поймал большого угря, но, когда вытащил его из воды, угорь превратился в маленького человечка! Впрочем, это, конечно, был не просто человек, а бог. Однако здесь даже боги опасаются за свое будущее. И не удивительно, потому что Тингалита сразу же повел пленнику его судьбу:

— Я отнесу тебя нашему сказочнику, пусть он сварит тебя и съест. Ндрендре достоин такого подарка, уж очень хорошо он рассказывает!

Бог, однако, не захотел смириться с такой судьбой.

— Отпусти меня, — попросил он, — и я сделаю тебя самым великим охотником племени.

Тингалита только рассмеялся в ответ:

— Разве я и так не первый охотник в племени савау? И разве кто-нибудь еще сумел поймать бога?

— Я дам тебе женщину, много женщин.

Но Тингалита опять отказался:

— Я могу спать с двадцатью, с тридцатью женщинами, если захочу. А больше мне и не надо.

И он начал готовить большую корзину, в которой хотел отнести своего пленника к сказочнику.

Тогда бог предложил ему лучшее из того, что мог дать.

— Охотник! — сказал он. — Я бог огня. Освободи меня, и ты никогда даже не почувствуешь ожога и не

умрешь в огне. Никто больше не сможет зажарить тебя на костре.

Тингалита не поверил богу, но все же вырыл очаг, развел костер и, когда камни раскалились добела, предложил ему показать свои способности. К удивлению охотника, человек вошел в огонь и... не сгорел. Тингалита последовал за ним и тоже выдержал испытание».

Таким образом сказочник лишился принадлежавшей ему добычи, но зато Тингалита, его сыновья и внуки научились противостоять испепеляющей силе огня²². Они хранят в тайне это искусство на Мбенге — единственном месте в мире, жители которого могут ходить по раскаленным камням.

Может быть, все это стало возможным потому, что лишь только Мбенга пережила потоп? Кто знает? Кто вообще это может знать? Разве могу я, пришедший из иного мира, понять подобные вещи?

Боги, люди, «священный» огонь и «священные» острова — все это было задолго до того, как в Меланезии появился первый белый человек. Для чего же спрашивать, почему же не верить? Ведь только «вера может победить огонь...».

СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК С ОСТРОВА МБАУ

Из деревни Королеву с ее огнедышащей ямой я вновь вернулся в Суву. Следующая поездка, которую мне предстоит совершить, приведет меня с самого крупного острова архипелага, на котором расположена Сува, на островок, вероятно самый маленький, Мбау. И снова я еду по северной Дороге короля в поселок Наусори, туда, где в Реву впадает река Ваиману, и еще дальше — на север.

Мбау лежит недалеко от Вити-Леву. Он сразу понравился мне — этот невысокий круглый островок, окаймленный цепочкой тонких пальм. На южной его стороне — тщательно огороженный рейд с причалами для рыбацких лодок, в глубине (если вообще можно так говорить об этом карликовом клочке земли) — несколько десятков хижин. Живет здесь около тысячи человек. И тем не менее жители этого острова-лилипута, люди племени, носящего то же название, что и сам остров, когда-то господствовали на всем архипелаге. И не только господствова-

ли, но и повели все соседние острова навстречу новой, современной жизни, навстречу нашему веку со всем, что он несет хорошего и, к сожалению, дурного. Для того чтобы познакомиться с маленькой родиной правителей Фиджи, я и отправился на Мбау.

Я осмотрел весь остров, который, честно говоря, в наши дни ничего интересного не представляет, часа за два. Он уже теперь не отличается от многих других островков — Серуа, Малаке, Янута, расположенных вблизи Вити-Леву. Все они одинаково живописны, эти тихие тропические острова.

А ведь когда-то, около ста лет назад, Мбау был шумным центром, сердцем всего архипелага. Вернемся во времена, когда у островов Фиджи потерпела крушение шхуна «Арго». В те годы несколькими сотнями людей племени мбау правил энергичный вождь Мбануве, по тем временам человек необычный. Тогда как его предшественники вошли в историю главным образом благодаря бесконечным войнам и стремлению поднять военную мощь карликового острова, Мбануве попытался расширить его территорию естественным путем. Он возводил в мелких прибрежных водах каменные плотины, ежегодно отнимая у океана частицу суши. Таким образом Мбануве соорудил порт для боевых лодок. Он увеличил население острова, привлекая к себе ремесленников и других одаренных людей с соседних островов. Все это было для Фиджи и вообще для Меланезии тех лет явлением совершенно необычным.

После смерти Мбануве его место занял не менее талантливый правитель — вождь Науливоу, который значительно упрочил могущество и авторитет своего маленького островка. Если Мбануве, укрепляя положение острова, вел свое необычное строительство, то Науливоу сумел заручиться поддержкой первых европейцев. Это были: экипаж «Арго», потерпевший кораблекрушение у берегов Мбау, экипаж «Элисы» и главным образом Чарлз Сэвидж, сыгравший выдающуюся роль в истории Мбау и всего архипелага. Все они были смельчаками и авантюристами, каких еще не знала Океания.

В то время, когда вождем на острове Мбау стал Науливоу, «Элиса», начавшая свое плавание в австралийском Порт-Джексоне, покинула портовый город Нукуалофу полинезийского архипелага Тонга. Во время короткой остановки на Тонга экипаж судна увеличился на двух че-

ловек. Одного из них звали Джон Хаск, второго, о котором мне напоминает на Мбау многое, — Чарлз Сэвидж. Оба они раньше были членами экипажа пиратского корабля «Порт-о-Пренс». Английские пираты «Порт-о-Пренса» грабили испанские суда в южной части Тихого океана до тех пор, пока на их судно в свою очередь не напали жители Тонга и не перебили англичан. Однако двое — Хаск и Сэвидж — избежали смерти и остались на острове в качестве пленников.

Позже оба они были отпущены вождем острова, и когда к архипелагу подошла «Элиса», у пиратов появилась наконец возможность покинуть Тонга. Командир корабля капитан Кори приветствовал появление на борту новых членов экипажа. Англичане могли оказаться ему весьма полезными, так как корабль держал путь к берегам Фиджи. Но цели своей он не достиг, наскочив, как и «Арго», на страшный коралловый риф.

Бывший пират, Сэвидж благополучно пережил и эту катастрофу. С частью экипажа и сорока тысячами испанских долларов, которые ему удалось спасти, он добрался до острова Наираи. Захватили они с корабля и несколько ружей.

На острове Наираи, лежащем в стороне от мореходных путей, матросы с «Элисы» оказались первыми белыми людьми за всю его историю. Поэтому их раздели донага, так как всех наирайских мужчин и женщин интересовали странные пришельцы столь необычного цвета кожи. Обнаружив, что тела моряков не представляют собой ничего особенного, а один из них, Сэвидж, может даже говорить с ними на родном языке, островитяне решили отпустить чужеземцев. Белым дали длинное каноэ, и через несколько дней капитан Кори с большей частью своих моряков покинул Наираи.

Пираты не захватили с собой всех золотых долларов, так как большая часть монет была закопана сразу же после высадки на берег, еще до того как к потерпевшим кораблекрушение подоспели местные жители. Но один человек с «Элисы», Чарлз Сэвидж, на острове остался. Этот бездомный нищий, всеми отверженный бродяга впервые в жизни почувствовал, что он здесь что-то значит. Фиджийцы, по крайней мере на Наираи, никогда еще не видели ружья. И человек, который к тому же владел им с таким искусством, как этот повидавший виды авантюрист, был в глазах местных жителей полубогом.

Они сразу же привели ему самых прекрасных женщин племени, причем столько, сколько он пожелал, подарили много янггоны и отдали лучшую хижину на всем острове. Благодаря Сэвиджу на остров начался, как мы сказали бы сегодня, приток «туристов». Отовсюду на Наираи приезжали любопытные, чтобы взглянуть на необыкновенного человека, который стреляет из невиданного оружия.

Однажды приехал посмотреть на Сэвиджа и вождь острова Мбау хитрый Науливоу. Он сразу же понял, что человек, который для жителей Наираи является всего лишь привлекательной личностью, может помочь ему добиться того, что он задумал — укрепить и расширить могущество острова Мбау. Ведь Сэвидж обладает таким оружием, какого нет больше ни у кого, то есть для того времени непобедимым.

И «волшебный стрелок», прихватив боеприпасы, переселяется на остров Мбау. Он становится украшением двора Науливоу, его главной силой, «атомной бомбой» своего господина. Впервые Науливоу использовал Сэвиджа во время нападения на деревню Касаву, расположенную на берегах Ревы, на острове Вити-Леву. Воины с Мбау переправились через пролив, разделяющий острова, поднялись вверх против течения реки и остановились на расстоянии выстрела от деревни. Тогда Сэвидж начал стрелять по ее защитникам. Каждым выстрелом он убивал человека, хотя сам оставался на таком расстоянии, что ни копья, ни метательные палицы до него не доставали. После нескольких выстрелов защитники сдались. Науливоу праздновал свой первый триумф.

Давним противником мбаусцев, — они воевали между собой десятки раз, — были жители деревни Верата на Вити-Леву. Было пролито много крови, но все схватки не давали ни одной из сторон решающего перевеса. И вот за несколько часов жителей Вераты победил один-единственный человек — Чарлз Сэвидж.

Затем пират, жертва кораблекрушения и ныне непобедимый воин, завоевал для своего владыки деревню Накело. И с каждой неделей, с каждым месяцем возрастало могущество и значение жарликового острова Мбау.

В течение пяти лет английский пират действительно жил, как бог. Никогда ни один человек не имел в своей хижине столько прекрасных островитянок, как он. И никто, говорят, не имел такого количества детей. В течение пяти лет бывший пират настолько укрепил могущество

маленького острова, что в 1813 году мбаускому вождю платили дань десятки далеких островов.

Однако в том же году фиджийский Буффало Билл²³ во время карательной экспедиции на остров Вануа-Леву был побежден воинами деревни Ваилеа и убит на глазах своих соратников. Из его костей победители изготовили рыболовные крючки.

Трагический конец великого авантюриста не означал еще упадка мощи острова Мбау. Вождь Науливоу к тому времени понял, что для расправы с врагами лучше всего подходят белые волонтеры. Он нашел новых наемников, матросов с корабля, плившего из Манилы, которые вблизи архипелага Фиджи взбунтовались, перебили офицеров и приняли предложение стать стрелками армии Науливоу.

Науливоу пожинал плоды своей политики до тех пор, пока белые не перестреляли друг друга. Но к этому времени уже умер и сам воинственный вождь. Его преемником стал младший брат Таноа. При жизни Науливоу они не выносили друг друга. Свидетельством семейных распрей была страшная рана на голове Таноа, которую нанес ему палицей собственный брат, потерянный слух и перебитая переносица. С тех пор Таноа всегда тяжело дышал, поэтому английские наемники называли своего начальника старым храпуном.

Несмотря на свою физическую убогость, Таноа сумел постепенно обзавестись восемью исключительно красивыми женами. Все они были дочерьми известных вождей различных деревень и островов Фиджи. Мбануве усиливал могущество Мбау с помощью строительства, Науливоу — военных побед, Таноа — дипломатических браков. От каждого брака появлялся по крайней мере один сын, который должен был укреплять отцовскую власть на данной территории. Вскоре выяснилось, что политика «браков по расчету» оказалась более чем успешной.

И все же на Мбау произошел дворцовый переворот. Таноа пришлось бежать. Он нашел прибежище у родственников одной из своих жен в деревне Сомосомо на острове Тавеуни²⁴. Однако восставшие решили во что бы то ни стало схватить сбежавшего короля. Они обратились за помощью к белым. В водах Фиджи уже несколько месяцев плавала французская шхуна «Прекрасная Жозефина», капитан которой де Бюро за приличное вознаграждение помогал местным вождям захватывать вражеские

деревни. Это «богоугодное занятие» приносило де Бюро весьма приличный доход.

Мбауские мятежники наняли «Прекрасную Жозефину» и, решив, что она действительно прекрасна, в первую очередь убили ее капитана, а потом продолжили плавание уже в качестве полноправных владельцев первого европейского корабля, принадлежащего островитянам. Из-за неумелого обращения шхуна вскоре налетела на рифы, так что в конце концов никто не потревожил Таноа в его ссылке.

В то время как враги «законного короля» плыли на корабле де Бюро, на политической сцене, ко всеобщему удивлению, появился один из сыновей Таноа, которого никто не принимал в расчет. Звали его Серу. Это был единственный из сыновей Таноа, оставшийся на Мбау. Враги Таноа не считали Серу серьезным соперником и поэтому даже не взяли его под стражу. Дело в том, что, по мнению фиджийцев, характер ребенка зависит от пищи, которую он получает в первые месяцы жизни. Если его вскармливает смелая женщина, то и мальчик будет смелым, если мать правдива, то таким же станет и сын. Но Серу потерял мать через несколько недель после своего рождения, и его кормили соком сахарного тростника. Все знали и были убеждены, что мальчик окажется слаб, как стебель тростника, который клонится к земле при любом дуновении ветерка, а жизнь его будет такой же сладкой, как сладок сок сахарного тростника.

Казалось, что Серу полностью оправдывает эти предположения. Подрастая, он не принимал участия в военных походах, предпочитая проводить время с мбаускими женщинами. Но однажды Серу тайно собрал приверженцев отца и напал на самозванных правителей Мбау. Нападение было столь неожиданным, что в течение одной ночи сын вернул власть в руки отца.

Отец наградил Серу, изменив его имя. С этого дня Серу стали называть Такомбау, что означает «Победитель Мбау». Такомбау был провозглашен наследным принцем могущественного острова и многочисленных его вассалов и еще при жизни отца постепенно сосредоточил в своих руках огромную власть. Его страна брала подати с самых далеких островов архипелага, с каждым днем богатели и становилась все сильнее. И Такомбау стал добиваться цели, которая еще тридцать лет назад казалась неосуществимой, — объединить под владычеством Мбау весь ар-

хипелаг. Он хотел стать первым, единственным и всемогущим *Туй Вити* — «королем всего Фиджи» ²⁵.

Однако судьбой острова Мбау и всего Фиджи начинает к этому времени распоряжаться новая значительная сила — христианство. Как это ни странно, но первыми распространителями веры белых людей на Фиджи оказались не европейцы, а жители другого острова Океании — Таити. На архипелаг их послало известное Лондонское миссионерское общество. Выполнять свою «апостольскую миссию» Атеа и Ханай, так звали этих таитян, начали на востоке архипелага, в группе островов Лау, потом они переместились на север, но затем покинули Фиджи, не добившись ощутимых результатов.

Через несколько лет поборники веры христовой вновь оказались на архипелаге. К великому удивлению островитян, за их языческие души начали бороться две соперничающие христианские церкви — протестантская и католическая.

Первым миссионером, появившимся на Мбау, был преподобный Уильям Кросс. По стечению обстоятельств он попал на остров в тот момент, когда островитяне убили палицами четырех пленников из враждебного племени. «Во время войны музы молчат» — утверждали римляне. Такомбау это изречение дополнил назиданием, что и для религии, особенно новой, сейчас не время. Ведь Мбау опять ведет одну из своих войн. Может быть, в другой раз...

Однако Кросс не сдавался. Он решил заставить короля отречься от языческой веры самым сильным имеющимся в его запасе аргументом — рассказом об адских муках, которые ждут язычника после смерти. Такомбау внимательно выслушал описание ада и заметил:

— Что касается меня, то не так уж плохо погреться у огня, особенно в холодную погоду.

Так как ставка на страх перед адскими муками провалилась, то безрезультатной оказалась и вся миссия преподобного Кросса. Он покинул остров, а Такомбау остался жить там по-старому.

Воины Такомбау продолжали свой триумфальный марш. Они захватывали все новые и новые территории. В конце 40-х годов ни на одном из островов, а тем более на главном — Вити-Леву, уже не было ни одной деревни, ни одного племени, которые так или иначе не подчинились бы Такомбау. Племя мбау напоминало ацтеков, жи-

гелей столь же небольшого островка на одном из озер, которым удалось поработить всю Мексику²⁶.

Однако Такомбау пришлось познать и обратную сторону медали. На архипелаг стали прибывать первые «послы» из Европы и Соединенных Штатов. И все эти «дипломаты», а в действительности торговцы, обращались к Такомбау как к единственному правителю всего Фиджи. Один из них, мистер Джон Уильямс, разместился в 1845 году на островке Нукулоу напротив Сувы. Здесь он основал торговую миссию и консульство Соединенных Штатов.

Одной из основных задач каждого дипломатического представителя является организация торжеств по случаю национального праздника своей страны. Поэтому и 4 июля 1849 года, когда, как известно, США отмечают День независимости, было задумано устроить праздник. Консул решил, что лучше всего отметить этот день фейерверком, которого никто из «высоких гостей» дипломатического торжества ранее никогда не видел. Одна из первых ракет, к несчастью, подожгла магазин самого консула, устроив настоящее «огненное зрелище». Гости разбежались, предварительно захватив из горящего магазина все, что им понравилось.

Пожар вскоре кончился, но пламя его бросило тень на всю последующую историю Фиджи. Уильямс заявил, что консульство Соединенных Штатов подверглось нападению и было разграблено «фиджийскими каннибалами», поэтому правитель островов Такомбау обязан возместить все, что его подданные расхитили и унесли. О неудачном фейерверке этот дипломат в рапорте умолчал. Уильямс определил при этом сумму нанесенного ущерба — пять тысяч долларов. Но откуда мог их взять Такомбау? Денег он, конечно, не заплатил. Однако и Уильямс не торопился. «Посол» лишь приплюсовывал проценты к первоначально определенной им сумме, и «государственный долг» Фиджи все время возрастал.

Этим инцидентом осложнения с белыми не были исчерпаны. В начале 50-х годов Такомбау разрешил нескольким миссионерам обосноваться прямо на острове. Некоторое время король не вмешивался в их дела, а они, в свою очередь, не беспокоили своего хозяина. В 1852 году умер старик Таноа, отец Такомбау, который последние годы жил в уединении, и сын решил задушить всех его жен, чтобы их души сопровождали своего господина по

дороге к счастливой загробной жизни. Миссионеры обратились к Такомбау с просьбой отказаться от своего намерения. Один из них, Калверт, даже заявил, что он отрежет себе по пальцу на руках за каждую оставшуюся в живых жену Таноа. Другие миссионеры предложили за жизнь женщин десять зубов кашалота, столь ценимых островитянами. Но Такомбау не внял их просьбам и приказал задушить всех вдов.

Это ритуальное убийство использовал Джон Уильямс, с самого начала стремившийся превратить острова Фиджи в колонию Соединенных Штатов Америки для развязывания кампании против Такомбау и его острова.

Такомбау вынужден был защищаться. Его друг, король Тонга, советовал ему принять христианство, чтобы умиловить белых людей. Такомбау долго колебался. 30 апреля 1854 года он принял наконец крещение, уничтожил «языческих идолов» и запретил в своей империи удушение вдов.

Но белые не оставили Такомбау в покое. На следующий год к островам Фиджи подошел американский военный корабль «Джон Адамс», капитан которого Э. Б. Баутвелл должен был разрешить спор между консулом своей страны и фиджийским королем о возмещении ущерба, причиненного неудачным фейерверком. Баутвелл приплюсовал сюда еще один пожар, а также проценты. «Государственный долг Фиджи» возрос с пяти до сорока четырех тысяч долларов. Во время этого беспрецедентного судебного разбирательства «король Фиджи» даже не присутствовал. Лишь по завершении суда Такомбау пригласили на борт корабля и предложили выбор — либо он скрепит договор своей подписью, либо его увезут на борту «Джона Адамса» в США.

Такомбау поставил свою подпись. Он знал, конечно, что не в состоянии заплатить долг. Но ему не хотелось потерять всего, и он сделал то, что тогда делалось довольно часто, — предложил свою страну на откуп другой державе, с тем чтобы в его руках осталось внутреннее управление на Фиджи. Именно этого добивался Уильямс. Так Соединенные Штаты Америки приобрели первую колонию в южной части Тихого океана ²⁷.

Но далеко идущие интриги Уильямса в конце концов пошли на пользу третьему лицу. Как только первый британский консул на Фиджи Уильям Притчард приступил к своим обязанностям, Такомбау сразу же предложил свои

острова Англии. Притчард сумел добиться поддержки подготовляемого им договора у многих фиджийских вождей, в том числе вождя острова Лау, расположенного в восточной части архипелага и находящегося под сильным влиянием Тонга.

Однако прошло еще около двадцати лет, прежде чем Англия официально аннексировала Фиджи. К тому времени Притчард уже покинул острова, но уехал он не в Англию, а на американский Запад, где был убит индейцами.

Так как Британия долго колебалась, приобретать ли ей острова или нет, Такомбау решил, что он сам установит в своей стране европейские порядки. Его английские советники выработали конституцию, которая превращала Фиджи в монархию. Таким образом Такомбау стал «конституционным» королем своего архипелага. Был поднят королевский флаг — красное солнце на синем поле, над солнцем — королевская корона. В конце концов Такомбау создал и парламент, большинство депутатов в котором были белыми. Они пользовались на Фиджи и другой привилегией — не платили податей. А так как занимались торговлей и, следовательно, имели деньги только белые, то экономически новое «королевство» никак не процветало. Кроме того, в водах Фиджи стали появляться американские военные корабли. Так что Такомбау с огромной радостью отдал недавно созданное «королевство» в руки Великобритании, руководимой в то время одним из наиболее хитрых ее политиков — Бенджамином Дизраэли.

Такомбау прожил еще несколько лет. Он наверняка был одним из самых замечательных подданных ее величества королевы Виктории. Отважный воин, Такомбау строго соблюдал лояльность по отношению к своим новым государям. Он, вероятно, думал, что таким образом лучше всего поможет своей стране. И все же по иронии судьбы именно он в конце жизни навлек на нее страшную катастрофу. По приглашению английских властей Такомбау вместе с двумя сыновьями отправился в Австралию. Там он заболел корью, которая до этого на Фиджи была совершенно неизвестна. И хотя он поднялся на ноги, но окончательно не вылечился и, вернувшись на родину, заразил своих советников и членов личной охраны. Те, в свою очередь, заразили свои семьи. Страшная эпидемия охватила весь архипелаг.

От кори за короткое время погибло около пятидесяти тысяч человек — четверть всего населения. И лишь после этого умер Такомбау — первый и единственный король в истории не только Фиджи, но и всей Меланезии, всего архипелага.

БОЛЬНАЯ ГОЛОВА ФИДЖИ

С острова Мбау я в третий раз вернулся в Суву, чтобы провести некоторое время в музее, где Джон Палмер собрал наиболее интересные образцы материальной культуры не только жителей Фиджи, но и всех остальных групп населения Меланезии. Через несколько дней, утром, я сел в автобус, принадлежащий индийской компании, и вновь, проделав долгий путь по Дороге короля, оказался на противоположном берегу Вити-Леву, во втором по величине городе архипелага — Лаутоке.

Вдоль Дороги короля раскинулись, нанизанные, словно бусинки на нитку, бесчисленные поселки и деревеньки. Они были построены на Фиджи за девяносто лет, прошедших с тех пор, как король Такомбау отдал свои острова Британии. После семи часов утомительной дороги автобус наконец остановился в деревне Раки-Раки, где когда-то была резиденция вождя Ундре-Ундре.

В Раки-Раки мы проглотили обед и снова устремились вперед. Следующая остановка — в Тавуа, таком же поселке, как и Раки-Раки. Рядом с Тавуа, в ручье, протекающем вблизи селения Ватукоула, в 1934 году был обнаружен золотоносный песок, а затем и место, откуда ручей вымывает золото. В наши дни здесь находится рудник австралийской компании. Добыча драгоценного металла достигла наивысшей точки перед началом второй мировой войны — в 1939 году с архипелага Фиджи было вывезено сто восемь тысяч унций золота.

Я убедился, что золото — не единственный вклад этой колонии в экономику архипелага. В двадцати километрах от Тавуа расположен поселок Мба. Главная его достопримечательность — сахарный завод. Тростник здесь — второе золото. Первая плантация сахарного тростника была разбита тут через шесть лет после того, как король передал острова Англии. Принадлежала она компании, название которой в сокращении образует три знакомых каждому чеху и словаку буквы — ČSR²⁸.

Здесь, вокруг Мба, и до самой Лаутоки, куда я направляюсь, вдоль дороги тянутся бесконечные тростниковые плантации. На тростник спрос большой. В 1964 году экспорт Фиджи исчислялся двадцатью пятью миллионами фунтов стерлингов, из них на долю сахарного тростника приходилось около шестидесяти процентов.

Самый большой завод по переработке тростника находится там, куда я еду, — в Лаутоке. Этот город значительно меньше Сувы. Живет в нем около десяти тысяч человек. Однако порт Лаутоки довольно оживленный. Отсюда морские пути ведут к различным островам Меланезии. Другой перекресток путей, ведущих на «Черные острова», лежит в нескольких километрах от Лаутоки. Это Нанди — крупнейший в Меланезии аэропорт.

Из-за того что морское сообщение в этой части Океании весьма нерегулярно, я всюду, где было возможно, пользовался самолетами. С Нанди в Меланезию ведут две трассы — одна на Новые Гебриды, другая — в Новую Каледонию. Я выбрал Новую Каледонию. У меня была на это серьезная причина. Дело в том, что Новая Каледония и некоторые районы Вити-Леву, особенно его западная часть, несколько отличаются от остальной, «меланезийской» Меланезии. На Новую Каледонию и на западное побережье Вити-Леву около ста лет назад начали переселяться представители других народов. Мне хотелось рассказать обо всем, что я увижу, и прежде всего об этих переселившихся на «Черные острова» группах населения, отличающихся по цвету кожи и культурному уровню.

С потомками переселенцев из Азии я впервые познакомился в Суве. Это были индийцы, точнее, бенгальцы, в чьем дешевом «рест-хаузе» я остановился. С ними же я столкнулся и в автобусе, который вез меня по Дороге короля. Индийцами были водитель и кондуктор. А здесь, в Лаутоке, уже подлинно индийский мир. Во время своих путешествий я дважды бывал в Индии, и Лаутока произвела на меня впечатление небольшого индийского городка.

Как оказались здесь индийцы, и что, собственно, привело их в эту часть Меланезии? По-видимому, сахарный тростник. Климат и почва на архипелаге Фиджи идеальны для выращивания тростника. Вероятно, лишь Антильские острова в этом отношении могут сравниться с Вити-Леву.

В 1872 году англичанин Лестер Смит, прибывший с Ямайки, разбил на Фиджи первую плантацию сахарного тростника. Урожай собрали действительно сказочный. Но возникла проблема — фиджийцев вовсе не устраивал каторжный труд на плантации Смита. Отказавшись от нескольких шиллингов предложенной им скудной зарплаты, они повздыхали и продолжали жить так же, как и раньше. Таро, рыбы, ямса и кокосовых орехов хватало им для пропитания. Океан, леса, земля были и до сих пор в основном остаются в их распоряжении. Так что сладкое золото Фиджи должен был убирать кто-то другой. О черных рабах, пот которых удобрил почву первых антильских плантаций, думать не приходилось — была вторая половина цивилизованного XIX века²⁹. Но решение нашлось. Если не чернокожие, то цветные. И если не из Африки, то откуда-нибудь из другого места. В Индии безземельные крестьяне умирали с голоду. И энергичный вербовщик без труда набирал достаточно желающих, которые хотели бы наняться на тростниковые плантации Вити-Леву.

Спустя семь лет после того как Лестер Смит основал первую плантацию, британское судно «Леонидас» доставило для нужд могущественной CSR четыреста восемьдесят одного индийца. Вербовщики нанимали их часто обманным путем, главным образом в Калькутте. Завербованные должны были работать согласно контракту долгие пять лет по пять с половиной дней в неделю. Работали по девять часов в день. Попавшие в кабалу индийцы под угрозой судебного преследования не имели права уехать на родину.

Через пять лет рабочий, казалось бы, мог вернуться в Индию. Однако на деле это было не так. Плантатор или CSR оплачивали ему только билет до Фиджи, а на обратную дорогу денег не давали. Тем временем прибывали все новые и новые кули, и индийцев на Фиджи, точнее, на западной части Вити-Леву — вокруг Лаутоки и Мба, становилось все больше и больше.

Те, что отработали свой срок, могли заключить новый контракт еще на пять лет. Через десять лет индеец получал разрешение на постоянное жительство на Фиджи. Более того, компания, которая до этого относилась к нему как к подневольному наемному рабочему, теперь за весьма невысокую арендную плату — фунт стерлингов за акр — предоставляла земельный участок размером до

десяти акров, на котором он мог выращивать сахарный тростник. Урожай скупала и обрабатывала компания.

Итак, после десяти лет изнурительного труда бывшие полурабы сами могли стать хозяевами на земле компании и даже полноправными гражданами Фиджи³⁰. На архипелаге Фиджи не существовало кастовых барьеров, а ведь большинство завербованных происходили из низших, самых отверженных у себя на родине каст³¹.

В то время как островитяне обрабатывали свои маленькие клочки земли на востоке Вити-Леву, на десятках других небольших, а то и совсем крошечных островков архипелага, в западной части главного острова Фиджи, в окрестностях Лаутоки, Мба и Нанди, сосредоточилось индийское население.

В 1881 году здесь жило пятьсот пятьдесят восемь индийцев, в 1895 году — уже девять тысяч, спустя еще восемь лет — тридцать тысяч, а в 1916 году, когда дальнейшая иммиграция индийцев на Фиджи была прекращена, — свыше шестидесяти тысяч. И все же коренных жителей на островах было больше, чем переселенцев³².

У индийцев (на плантации нанимали только мужчин) не хватало женщин. Одна женщина приходилась меньше чем на двух мужчин. Процветала проституция, распространялись венерические заболевания, распадались индийские семьи.

После того как переселение индийских рабочих было остановлено, еще некоторое время их женам разрешали въезд на Вити-Леву. Постепенно число индийских мужчин и женщин сравнялось. А когда у каждого рабочего появилась своя подруга, наступил малый демографический взрыв, увертюра к тому, который переживает независимая Индия после второй мировой войны: тридцать шесть рождающихся индийцев на тысячу жителей при восьми умирающих. Индийцы очень скоро начали покидать деревни и чем дальше, тем интенсивнее заниматься городским ремеслом — торговлей и работой в сфере обслуживания.

ПЕРЕКРЕСТКИ НОВОЙ КАЛЕДОНИИ³³

Из всех «индийских» городов на Фиджи Нанди самый «индийский». В Нанди небольшой аэродром. Пассажиры, останавливающиеся здесь на пару дней, попадают бук-

важно в окружение сотен магазинов и лавок, где товары не облагаются налогом и все настолько дешево, что маленький городок Нанди оказался настоящим Гонконгом Южных морей.

Расположенная в нескольких часах лёта, Новая Каледония тоже находится на перекрестке авиационных линий. Здесь в течение последних нескольких десятков лет встречаются представители многих народов и рас. Но есть у них одно отличие — путешественники покидают Нанди ближайшим рейсом, едва успев произвести покупки в беспошлинных индийских магазинах, на Новой же Каледонии все пассажиры оседают прочно, придавая этому архипелагу особый колорит.

На этот раз, в виде исключения, меня больше, чем коренные жители островов, будут интересовать франко-новокаледонцы, вьетнамцы и яванцы. Однако для того чтобы познакомиться с аборигенами этого крупного тихоокеанского острова, мне нужно туда попасть. Единственный современный аэропорт — Тонтоута — расположен здесь довольно далеко от столицы Новой Каледонии — Нумеа³⁴.

После длительного полета над гористой местностью мы наконец приземляемся на самом большом острове Новой Каледонии, у которого нет своего названия. Местные жители называют его Гранд Терр (Большая земля). Дело в том, что Новая Каледония несколько отличается от других архипелагов Меланезии. И прежде всего тем, что фактически это не архипелаг, а один большой — по территории равный половине Моравии — остров, рядом с которым расположено несколько островов поменьше — Лифу, Увеа, Маре³⁵ и др.

Коренные жители Большой земли поддерживают контакты с белыми уже около двухсот лет. Точнее — с 1774 года, когда капитан Кук к многочисленным своим открытиям прибавил еще и этот остров. Гористый, он напоминал Куку его родину, и капитан назвал его Шогландией³⁶.

Новокаледонцы отнюдь не пришли в восторг от белых людей. Ни Кук, ни его матросы так не заинтересовали островитян, как животные, которых те привезли на кораблях. Никогда до этого они не видели кошек. Единственным представителем животного мира, жившим на островах, был нетопырь — летучая мышь, точнее, семь ее разновидностей.

Итак, белые не вызвали радости у аборигенов острова. Но и новокаледонцы, точнее, новокаледонки обманули надежды первых европейцев, побывавших здесь. Кук с явным сожалением отмечает: «Насколько я могу судить, они намного целомудреннее, чем обитательницы более восточных, то есть полинезийских, островов. Ни один из моих людей не добился от них ни малейшей благосклонности».

Матросы Кука, которые с восторгом вспоминали о горячей встрече таитянок, вправе были считать Новую Каледонию негостеприимным островом. Тем более, что среди других меланезийцев новокаледонцы казались белым «особенно некрасивыми», хотя антропологи и считают их великолепными представителями новокаледонского типа. Кроме этого антропология выделяет в Меланезии еще три типа — папуасский, негритосский и собственно меланезийский³⁷.

После Кука, который пробыл на негостеприимной Большой земле всего лишь восемь дней, Новую Каледонию посетили фрегаты «Решерш» и «Эсперанс» французского мореплавателя д'Антраксто. Собственно, д'Антраксто и открыл Новую Каледонию. В его экспедиции участвовали выдающиеся ученые Бетан-Бопре и Ля Билярдьер. Последний дал яркое описание новокаледонцев.

Как и на других меланезийских островах, жителей Новой Каледонии старались заполучить как католические, так и протестантские миссии. На этом архипелаге успех сопутствовал католикам. Григорий XVI доверил в 1836 году всю миссионерскую деятельность в Западной Океании членам Общества Марим — маристам. А так как это были в основном французы, то они подготовили почву для подчинения Новой Каледонии Французской империи³⁸.

Впервые французский флаг взвился над Новой Каледонией в 1844 году. Лейтенант Жюльен Ляферьер подвел свой корабль «Бюсефаль» к первому поселению французских маристов на Большой земле. Документ, который провозгласил над Новой Каледонией власть Франции, он скрепил отпечатками пальцев местных вождей, значащихся в этом курьезном договоре как Пакили Пума, король земли Коко, Тенеонди-Томбо, король земли Кума, и т. д.

Невзирая на существование документа с подписями властителей королевств Коко, Кума и других несуществу-

ющих империй, горячий интерес к Большой земле, расположенной вблизи Австралии, стала проявлять Великобритания³⁹. Поэтому французы в большой спешке в 1853 году окончательно аннексировали Новую Каледонию. Они это сделали буквально перед носом английского военного корабля, который с точно такими же целями направлялся к берегам Большой земли. Поражение английского корабля в этом незапланированном состязании оказалось столь постыдным, что его капитан покончил с собой.

И было из-за чего. Спустя несколько лет геолог Жюль Гарнье обнаружил, что Новая Каледония — это, собственно говоря, огромный пирог из никеля, хрома, марганца, железа, кобальта и других металлов, и тогда пришельцы стали «поедать» остров. Прибывшие инженеры захватывали все новые и новые его части, вгрызаясь глубоко в землю. Сокровища, извлеченные из ее недр, отправлялись в Европу и Америку. Долгое время этот остров, который на карте едва смог бы найти один европеец из тысячи, был самым крупным мировым поставщиком никеля и хрома.

Но до того времени, когда Большая земля скажет свое веское слово, оказав влияние на мировое экономическое производство, утечет немало воды. А пока что, прибрав Новую Каледонию к рукам, Париж стремился заселить острова, истинную ценность которых еще никто тогда не знал. Страшная репутация отпугивала от этих островов французских колонистов, и властям не оставалось ничего иного, как искать белых поселенцев для своей первой меланезийской колонии среди тех граждан, которые не могли свободно выбирать местожительство, то есть среди уголовных преступников, и, само собой разумеется, политических.

У Франции в те времена уже имелась одна колония каторжан в Гвиане, на вселяющих ужас «Чертовых островах». Но природные условия Французской Гвианы, куда белые колонисты также отказывались добровольно переселяться, были столь убийственными, что правительство приняло решение подобрать среди островов, принадлежащих Франции, другую территорию, пригодную для каторги. Именно в это время была аннексирована Новая Каледония. И вся колония со всеми трагедиями человеческих судеб переместилась туда. В течение двадцати лет Большая земля считалась «Чертовым островом» Южных морей.

В 1864 году фрегат «Ифижени» привез в Нумеа первую партию — двести пятьдесят каторжан. Через двадцать лет здесь жило — а сколько умерло! — более двенадцати тысяч лишенных свободы белых людей. Заключенные составляли примерно четвертую часть населения этих островов Тихого океана.

Уже в самой Франции лиц, осужденных к принудительным работам на Новой Каледонии, делили на три категории. Арестанты третьей категории не имели права общаться друг с другом; после работ их возвращали в камеры. В отличие от них заключенные первой категории могли работать у свободных поселенцев или даже на собственной земле.

Но и после того как осужденные отбывали наказание, они не имели права покинуть Новую Каледонию. Их заставляли оставаться там еще на такое же время, каким был срок наказания.

Таких фактически бывших заключенных, а теперь уже ссыльных называли «либере». Кроме них на Новую Каледонию ссылали пожизненно рецидивистов, от которых Франция стремилась избавиться навсегда.

Среди вынужденных обитателей «Чертовых островов» Тихого океана были разные люди — убийцы, аферисты, насильники. По праву и без всякого права сюда отправляли противников политической власти — журналистов, писателей, представителей разных слоев интеллигенции. Дрейфус, самый знаменитый узник «Чертовых островов», был не единственной жертвой «законной» несправедливости. Мне хочется упомянуть здесь о французах, сосланных на Новую Каледонию в 70-е годы XIX века и оставивших куда более значительный след, чем любая другая группа белых людей на любом из островов Меланезии. Это были коммунары — борцы Парижской Коммуны.

Когда говорят о коммунарах, то чаще всего вспоминают их славное революционное выступление. Но что же произошло с ними потом? Что случилось с теми, кто пережил Пер-Лашез? Они наряду с убийцами, фальшивомонетчиками, обыкновенными грабителями были сосланы на Новую Каледонию. Одних приговорили к каторжным работам, других отправили в пожизненную ссылку на эти острова в Тихом океане.

Коммунаров было на Новой Каледонии немало — три тысячи девятьсот двадцать четыре мужчины и несколько женщин.

А так как в 1873 году французское правительство разрешило переселиться на остров женам коммунаров, то герои революционного Парижа стали первыми европейцами, осевшими в Каледонии.

Многие из коммунаров были широко известны в Меланезии. Пример тому — «Красная дева», Луиза Мишель, известная французская революционерка. На Новой Каледонии она была первой белой учительницей меланезийских детей, собирательницей изданного ею затем фольклора новокаледонцев. Кроме нее можно назвать журналиста Анри Рошфора, географа Элизе Реклю, активных участников Парижской Коммуны Журде, Груссе и многих других.

Некоторые коммунары впоследствии покинули Новую Каледонию. Но большинство из них вместе со своими семьями остались здесь. Они купили землю, своим трудом стали преобразовывать остров, стремясь сделать его похожим на свою далекую родину. И теперь, во время поездки из Тонтоуты в столицу острова Нумеа, проезжая многие деревеньки, лежащие на побережье, я иногда думал, что нахожусь в Провансе, а не на меланезийском острове.

В начале XX века Франция наконец вернула Новой Каледонии ее доброе имя. Тюрьмы были разрушены, новых заключенных больше не привозили. Однако ранее сосланные сюда революционеры остались на острове. В первые годы XX века на Новой Каледонии проживало двенадцать с половиной тысяч белых, из них около двенадцати тысяч — арестанты.

Итак, с тех пор как на Новую Каледонию был доставлен последний французский заключенный, прошло больше семи десятилетий. И все же с последствиями этой насильственной колонизации я здесь сталкивался довольно часто и при самых неожиданных обстоятельствах. Сами белые, новокаледонские французы, нередко относятся к своей старой родине — Франции — с открытой неприязнью. Ведь это правители Франции сослали их отцов сюда, на меланезийские галеры. Но в то же время редко кто из нынешних французских поселенцев в разговоре с иностранцем признается, что его отец или дед были каторжанами на Новой Каледонии.

Однако прошлое отцов и дедов белых новокаледонцев отнюдь не секрет для коренных жителей Большой земли — меланезийцев. С глазу на глаз они скажут вам:

— К французам-то я отношусь хорошо, но эти, здешние, — сыновья не французов, а убийц.

В свою очередь, французские колонисты не ладят с теми, кто приезжает сюда на короткое время, нанимаясь на государственную службу или в администрацию горнодобывающих компаний.

Чужеземец окажется в нерешительности, если придется отвечать на вопрос, кто же, в сущности, прав. Бесспорно одно — белых на Новой Каледонии немало. Большинство из них — потомки тех, кого привезли сюда некогда в трюмах кораблей.

Самым удивительным плодом подобной колонизации является Нумеа, столица архипелага. Больше всего любил я смотреть на нее с высоты птичьего полета, с горы Уэн Таро, откуда она напоминает осьминога, который, протянув свои длинные щупальца, сползает с суши в море. Между щупальцами глубоко в сушу вдаются заливы — с одной стороны Мозель и Орфелина, а с другой — Мажанта.

Рядом с Нумеа расположено несколько городов, которые мне тоже удалось увидеть. Один из них — Ансе Вата с изумительным пляжем. Именно здесь находится «Комисьон дю Пасифик-Сюд» («Южно-Тихоокеанская комиссия»), которая занимается изучением современных проблем островов Южных морей. В Ансе Вата я посетил небольшой этнографический музей, основанный комиссией. Здесь же имеется и огромный аквариум, вероятно, лучший в мире. Я люблю море и поэтому всюду, где удастся, посещаю океанографические центры. Некоторые из них мне очень понравились, например знаменитый дельфинарий в Майами, Бомбейский аквариум, традиционный океанографический музей в Монте-Карло, подводная лаборатория в городе Санта-Барбара в Калифорнии и, конечно, аквариум на Зеленом острове в Австралии, расположенном посреди самого большого в мире рифа. Второй по величине риф окружает Новую Каледонию, и поэтому море, омывающее ее, называется Коралловым. Кораллы же, которые дали имя морю, — главное достояние господина Катала, создателя аквариума в Ансе Вата. Он хранит в дымчатых сосудах невероятные, фантастические морские фонарики — светящиеся кораллы. Таких нет больше нигде в мире.

Недалеко от аквариума на противоположном берегу расположен город Дониамбо⁴⁰ с крупнейшим металлур-

гическим заводом, где выплавляют никель из руды, добытой на острове. Никель, хром, кобальт, марганец неузнаваемо преобразили не только некогда маленькую бедную деревеньку Дониамбо, но и всю Большую землю. Изменения произошли как экономического, так и социального характера. Богатые запасы ископаемых, особенно никеля, обеспечивают белым поселенцам острова очень высокий жизненный уровень. На каждую европейскую семью здесь приходится в среднем полтора автомобиля.

Рудники привлекли на остров новых поселенцев — из Азии. В начале второй мировой войны они составляли около восьмидесяти пяти процентов занятых на новокаледонских шахтах рабочих, которые переселились сюда из разных уголков мира и при различных обстоятельствах.

Азиатские кули стали прибывать на Новую Каледонию уже после того, как французское правительство перестало отправлять на остров белых преступников. Французские владельцы рудников и плавильных печей, естественно, в первую очередь стали искать рабочую силу во французских колониях. Ближе всего к Новой Каледонии расположен Индокитай. И вот вскоре на Большую землю прибыли семьсот шестьдесят восемь вьетнамцев, которые должны были заменить бывших заключенных.

Наряду с вьетнамцами ⁴¹ я встречал на многих тихоокеанских островах, в том числе и на Новой Каледонии, китайцев. Занимаются они главным образом торговлей, владеют прачечными, работают поварами.

Еще в начале второй мировой войны около половины всех занятых в горнодобывающей промышленности Новой Каледонии рабочих были японцы. После войны их депортировали с островов, и здесь остались лишь японки, вышедшие замуж за белых. Сейчас самая многочисленная этническая группа переселенцев из Азии — индонезийцы. Они составляют основную массу рабочих-рудокопов, которые из-за тяжелого экономического положения на родине продолжают оставаться здесь и не торопятся возвращаться домой.

Тонкинцы ⁴² в широких черных брюках, невысокие яванки, одетые в великолепные саронги, придают еще больше красочности живописной столице Новой Каледонии.

В последнее время в Нумеа устремляется все больший поток переселенцев из французских владений в Полине-

зии и Таити. Наряду с ними сюда едут и меланезийцы с Новых Гебрид⁴³.

После войны на Большой земле поселились также итальянские эмигранты, австралийцы⁴⁴, новозеландцы, американцы. Всех их влекут сюда огромные богатства земных недр, гарантирующие высокий жизненный уровень, и прежде всего сердце острова — прекрасная Ну-меа, «Париж Южных морей». А на окраинах шикарного, шумного, изящного тихоокеанского «Парижа» приютились незаметные деревеньки тех, кому когда-то принадлежала вся эта земля.

ЧТО ТАКОЕ КОНДОМИНИУМ

О том, что Новые Гебриды, которые были следующим пунктом на моем пути по Океании, представляют собой единственный реально существующий кондоминиум в мире, я знал.

В «Словаре иностранных слов» это понятие определяется так: «Кондоминат, кондоминиум — в международном праве — осуществление на данной территории государственной власти совместно двумя или несколькими государствами».

Со сложностями, связанными с этой двойной властью, я столкнулся, когда начал готовиться к поездке по островам Океании и мне понадобилось получить разрешение на посещение меланезийских колоний и протекторатов, подопечных территорий, как официально называются все эти острова.

Во всех прочих случаях это было сравнительно просто — я обращался в дипломатическое представительство той страны, которая осуществляет управление данным меланезийским архипелагом, заполнял въездную анкету, платил налог и ждал ответа.

Однако, когда мне понадобилось разрешение на въезд на Новые Гебриды, я впервые осознал необычность их государственного устройства. Оказалось, что у меня не одна, а две возможности получить въездную визу. Новыми Гебридами совместно правят и Англия и Франция. Поэтому я мог обратиться со своей просьбой либо в английское, либо во французское консульство. Все зависит от самого заявителя, от того, какой из двух держав, управляющих Новыми Гебридами, он отдаст предпочте-

ние. У меня же все решали не личные симпатии, а мой, как всегда, ограниченные средства.

Англичане брали за въезд один фунт и десять шиллингов (примерно четыре с четвертью доллара), французы же потребовали за визу двадцать новых франков, то есть менее двух с половиной долларов. И я попросил визу у французов.

Так впервые, даже не вступив еще на территорию кондоминиума, я на собственном кармане испытал его преимущества.

Мои открытия, связанные с двоевластием, продолжались и в пути. И так как Новые Гебриды — это территория, которой совместно управляют две страны, то и транспортное сообщение с островами осуществляют две авиакомпании. Французская «ЮТА» отправляет самолеты на Новые Гебриды со своей ближайшей территории — Новой Каледонии. Другая авиакомпания, «Фиджи Эйруэйз», несмотря на свое название, является не фиджийской, а английской. Это — дочерняя фирма известной «Бритиш Оверсиз Эйр Корпорейшн». Ее самолеты, естественно, поднимаются с территории британской колонии, точнее, из аэропорта Нанди на Фиджи.

Путешественник вправе выбрать любую компанию. А так как я находился на Новой Каледонии, то, естественно, предпочел французскую. По-видимому, для завлечения пассажиров щедрая «ЮТА» заливала их таким потоком шампанского и осыпала таким количеством галльских деликатесов, что я на миг посчитал себя участником рекламного рейса могущественной «Пан-Америкен Уорлд Эйруэйз», а не пассажиром местной авиакомпании, обслуживающей Меланезию. Надо сказать, что пили шампанское и пользовались французской кухней только французы. На борту этого самолета, направляющегося в кондоминиум, не было ни одного англичанина. И даже ни одного иностранца. Я составлял приятное исключение.

Когда «Каравелла» приземлилась в столице Новых Гебрид — Порт-Виле⁴⁵, мои познания о кондоминиуме еще больше углубились.

На небольшом аэродроме, где совершали посадку самолеты, не только развевались два флага — английский и французский, но были и две таможни и два паспортных контроля. И так как визу мне дал французский консул, паспорт я показываю французскому контролеру, а чемоданы — французскому таможеннику. Спасибо! Англий-

ским коллегам моих досмотрщиков все равно — пусть я провезу хоть тонну героина. Это не их дело.

Я осматриваю аэродром. Кроме машин, принадлежащих «Фиджи Эйруэйз» и океанийской сети «ЮТА», в Порт-Виле приземляются также самолеты третьей авиакомпании, которая осуществляет транспортную связь внутри архипелага.

До распространения кондоминиума на авиасообщения конкуренция карликовых английской и французской компаний (хотя англичан здесь всего двести человек, а французов — восемьсот) ⁴⁶ приняла совершенно ненормальный характер. И со временем стало ясно, что подобного рода отстаивание национального престижа слишком мелко, обходится дорого и, в конце концов, излишне. Тогда кондоминиумом охватили и авиакомпании. Но тут же возникла проблема. Хвост самолета согласно конвенции должен украшать флаг страны, которая осуществляет сообщение. Что же делать? Какой флаг нарисовать на хвосте — английский или французский? В конце концов обе стороны пришли к соломонову решению. Самолеты украшают теперь два флага — французский и английский. И в аэропорту Порт-Вилы мне удалось сфотографировать эту особенность кондоминиума.

От аэропорта до города — рукой подать. Несмотря на то что я прилетел французским самолетом и виза у меня французская, мне нужно сперва найти английскую администрацию этой двуединой страны. Дело в том, что я хочу разыскать Колина Алана, этнографа, которого хорошо знаю по книгам и к которому имею рекомендательное письмо. Колин — административный глава кондоминиума от Великобритании. С аэродрома мы выезжаем по одной из двух дорог острова Эфате. Я прошу водителя остановиться около Управления кондоминиума. Через несколько минут машина тормозит у здания, над которым полагается французский флаг. У каждой страны, управляющей кондоминиумом, своя административная резиденция.

Но ведь мне нужно британское управление. Водитель-меланезиец не понимает меня. Раз я прилетел французским самолетом, значит, я — француз и мне нечего делать у англичан. Я добавил несколько тихоокеанских франков, и мы поехали — из Франции в Англию.

Из беседы в кабинете Колина Алана с английским комиссаром, а затем во время всего последующего пребы-

вания на Новых Гебридах я все лучше познавал эту малопонятную для чужеземца систему. Экскурс в историю кондоминиума заставил меня мысленно покинуть кабинет Колина и перенестись к небольшому памятнику в центре Порт-Вилы, который снова на обоих языках напоминает о соглашении, лежащем в основе этого странного содружества.

На памятнике выбита дата: «20 октября 1906 года». Договором, заключенным в этот день, оба государства провозгласили «совместный и неделимый суверенитет Англии и Франции над архипелагом Новые Гебриды», в корне изменив правовое положение островов.

Как и в других районах Меланезии, на Новых Гебридах намного раньше колониальных чиновников появились миссионеры, торговцы и плантаторы. Репутация островов долгое время отпугивала белых и от этого архипелага. И лишь в середине прошлого века на Новых Гебридах обосновываются первые европейцы — миссионеры. Пионером среди них был Джон Уильямс из Лондона. Своей резиденцией он избрал остров Танна. Но вскоре местные жители убили его. На другой остров, Эфате, английские корабли доставили миссионеров в 1854 году. Это были крещеные полинезийцы, но и они все до единого вместе с семьями подверглись той же участи.

В то время как пресвитериане и методисты⁴⁷ были опорой английского владычества над архипелагом, католические миссионеры, члены знаменитого Общества Марии, представляли Францию. Французы обладали определенным преимуществом — близостью к ним Новой Каледонии. Вслед за миссионерами на Новые Гебриды из Франции стали переселяться и колонисты. Самый знаменитый и энергичный из них по иронии судьбы носил чисто английское имя — Джон Хиггинсон⁴⁸. Он поселился на Новых Гебридах в 1871 году и до самой смерти прилагал невероятные усилия к тому, чтобы заселить архипелаг своими земляками. С этой целью он основал «Компани Каледоньен де Нувель Зебрид», наладившую морское сообщение между Новыми Гебридами и Нумеа и занялась приобретением земли, которую затем стали возделывать французские колонисты. Постепенно «Компани Каледоньен» захватила около семисот тысяч гектаров. Английские колонисты поступали подобным же образом, однако результаты их деятельности были гораздо «скромнее». Они завладели, главным образом в южной части

архипелага, менее чем тремястами тысячами гектаров обрабатываемой земли.

Однако ни Франция, ни Великобритания не очень-то интересовались Меланезией. В 1878 году они обменялись нотами, в которых убеждали друг друга, что будут уважать независимость и целостность Новых Гебрид, не станут стремиться к их аннексии — явление само по себе в истории раздела мира довольно редкое. Таким образом, местные жители формально сохранили за собой право владеть островами. Однако англичане и французы посчитали невозможным оставить своих колонистов «без охраны и защиты». Великобритания направила в суверенные воды «независимого архипелага» военный корабль, чтобы тот обеспечивал здесь «порядок». Следующий ход сделала Франция. Она послала на Новые Гебриды два военных корабля — «Лё Дюшафаль» и «Лё Шер», которые высадили на островах войска⁴⁹.

Положение островов, не имеющих собственного правительства, стало весьма щекотливым. Поэтому Англия и Франция снова провели консультации по вопросу о Новых Гебридах. Из офицеров кораблей, стоявших в островных водах, был создан некий наблюдательный орган, смешанная морская комиссия, в функции которой, однако, не входила забота о развитии архипелага. Единственной их задачей была защита английских и французских колонистов от меланезийцев и наказание всех тех островитян, «которые причиняют вред имуществу или здоровью белых людей». Взаимоотношения между английскими и французскими колонистами комиссия тоже никак не регулировала. Экономические и социальные проблемы жителей островов ее тем более не касались.

Прошло еще двадцать лет, и обе державы согласились с тем, что их общий ребенок нежизнеспособен. Тогда они решили из страны, которая не принадлежит никому, создать колонию двух господ. Так родился condominium. Вместо одного главы архипелаг имеет двух, вместо единой системы мер и весов — двойную (метры и ярды, граммы и унции), вместо одного аппарата принуждения — два (тюрьмы английские и французские) и денежные системы тоже две: бок о бок, мирно, без всяких конфликтов здесь соседствуют тихоокеанские франки, введенные Пятой республикой, и австралийские доллары, которыми на Новых Гебридах расплачиваются англичане.

Позже, побывав на почте, чтобы купить марок, я с

ужасом увидел, что их цены обозначены в третьей валюте — кондоминиума, которая, однако, насколько я успел заметить, кроме оплаты марок ни в каких других случаях не применяется. Существует она лишь на бумаге. Ни монет, ни банкнот этой третьей валюты я никогда не видел. Меланезийский почтмейстер не смог перевести в нее ни тихоокеанские франки, ни австралийские доллары. В конце концов за одно письмо в Прагу я заплатил ему целый доллар. И, как мне кажется, тоже стал жертвой кондоминиума.

На своеобразное положение архипелага жалуются многие колонисты. Главной мишенью их критики является не имеющий никаких аналогий в мире курьез новогребридского судоустройства — так называемый Смешанный суд. Он был создан для того, чтобы разрешить споры, возникающие между французами и англичанами на Новых Гебридах. Кроме того, в задачу Смешанного суда входит ведение земельных книг и учет владений европейских колонистов. Как и всякий суд, он должен быть справедливым и беспристрастным, стоять выше интересов сторон, представленных англичанами и французами. Председателем суда поэтому должен быть гражданин какого-нибудь третьего государства. Наконец Англия с Францией договорились, что в честь нации, открывшей Новые Гебриды, им будет испанский юрист, назначенный испанским королем. Двумя членами трибунала стали француз и англичанин. Вскоре, однако, возникла неожиданная проблема — испанский король был низложен, и в стране провозглашена республика. После новых консультаций обе державы договорились, что назначать председателя суда будет бельгийский король. Так что сейчас этот своеобразный трибунал возглавляет бельгиец.

Однако в его беспристрастности представители обеих наций сильно сомневаются. И наоборот, они с благодарностью вспоминают первого председателя этого суда, который по-французски понимал очень плохо, по-английски — еще хуже, а меланезийских языков не знал совсем. Кроме того, он был глух.

Председатель суда обходился вместе со своими помощниками казне кондоминиума в сто двадцать тысяч франков ежегодно. А весь годовой бюджет Новых Гебрид был равен примерно четыремстам тысячам франков. При этом суд, который выуживал из казны кондоминиума целую треть доходов, не сделал за первые десять лет

своей деятельности ни одной отметки в земельных книгах. На все остальные общественные нужды выделялось в двенадцать раз меньше средств, чем на глухого судью и его помощников. На эту двенадцатую часть была построена, в частности, дорога вокруг острова, по которой я вскоре отправился в дальнейший путь по Эфате.

Белые поселенцы относятся к кондоминиуму по-разному. Одни считают этот институт полезным, другие решительно его отвергают, иронически именуя пандемониумом («царство демонов»).

В наше время, когда колонии повсюду отмирают, перестает быть злободневным и вопрос, который раньше часто задавали колонисты: не лучше ли передать этот кондоминиум какой-нибудь одной державе или разделить его, отдав одну часть территории под управление Англии, другую — Франции? Через каких-нибудь двадцать или пятьдесят лет кондоминиумы вообще перестанут существовать. И мне, наверное, посчастливилось во время поездки по Океании познакомиться с этой тихоокеанской достопримечательностью, не имеющей отношения ни к этническим, ни к географическим, ни к природным особенностям островов, а рожденной лишь спецификой их исторического развития и напоминающей о том, к чему может привести стремление разделить мир.

ЭФАТЕ ПАХНЕТ КОПРОЙ

Покинув Нумеа, я надолго распрощался с настоящими городами. Здесь, на Новых Гебридах, так же как и на широко раскинувшихся Соломоновых островах, городов в нашем понимании этого слова не существует. Порт-Вила, столица Новых Гебрид, точно отражает двойственный характер кондоминиума. Французы назвали этот город по созвучию с именем своей родины, Франции, Франсвилем, англичане зовут его просто Вила. После создания кондоминиума оба названия были заменены одним — Порт-Вила⁵⁰.

Город расположился на пологих склонах, которые отражаются в водах удивительного по красоте залива Меле. В зданиях, возвышающихся над заливом, расположены канцелярии английского и французского комиссариатов, английской и французской полиции, торговых и пароходных компаний «Бернс Филп энд Компани»,

французского «Банк л'Эндошин». Здесь же разместились и семейные домики английских и французских чиновников. И лишь резиденция британского комиссара в силу островных традиций Альбиона находится не на Эфате, а на Иририки, одном из трех романтических островков, «закрывающих» залив.

Вид на Меле сказочно красив. Небольшая глубина и опасные коралловые рифы не дают крупным морским судам заходить сюда, и в водах Меле снуют лишь каноэ и мелкие моторные лодки.

По соседству с европейской частью Порт-Вилы вырос поселок китайских торговцев. Дальше, за городом, в деревнях Аннаброу и Тагабе разбили свои огороды китайские зеленщики. На окраинах Порт-Вилы живут также и вьетнамцы, которых сюда завезли французы. Меланезийцы, выделившись из этой красочной мешанины рас и народов, живут главным образом на трех островках в устье залива.

Тропическое очарование Порт-Вилы искупает все недостатки города. До недавнего времени даже здесь, в столице кондоминиума, не было электричества, до сих пор не решена проблема питьевой воды. Культурная и общественная жизнь европейцев несравненно беднее, чем, например, в соседней Нумеа. Даже магазинов и тех в Порт-Виле очень мало. И лишь над одним из них горит неоновая реклама — единственная на всем архипелаге. И принадлежит этот магазин фирме «Батя».

В нескольких километрах от неоновых огней «Бати» начинается мир здешних островитян. Мир намного более примитивный, более дикий, чем тот, который я видел на Фиджи или Новой Каледонии.

Порт-Вила расположен на острове Эфате, преимуществом которого является занимаемое им центральное положение. От Эфате до самых отдаленных частей кондоминиума примерно одинаковое расстояние. Надо сказать, что архипелаг этот (включая небольшие группки островов Торрес и Банкс) довольно широко разбросан: его крайние точки отстоят друг от друга на две тысячи двести километров. Самый южный из Новогейбридских островов лежит на двадцатом, самый северный — на девятом градусе южной широты.

По окружности остров Эфате составляет немногим больше сотни километров. Гористую, центральную часть его покрывают густые древние леса, в прибрежных доли-

нах, на плодородных наносных почвах хорошо прижились кокосовые пальмы.

Во время пребывания на Эфате я довольно близко познакомился с островом и его обитателями. Шоссе, точнее, грунтовая дорога, огибающая Эфате, — это первый объект, построенный на средства, полученные кондоминиумом от таможенных сборов и почтовых налогов. Больше всего я любил ездить на западный берег острова к прекрасной, около десяти километров в длину бухте Гавана — надежно укрытому от морских волн естественному порту. Более удобной гавани я не встречал нигде в Океании, а у выхода из нее в открытое море, как часовые, стоят два островка — Мосе и Лелеппа.

В этом замечательном естественном убежище одно время в войну базировался весь американский военноморской флот южной части Тихого океана. Когда я стоял на берегу залива, здесь снова царило удивительное спокойствие. Единственным следом войны оказался полуразрушенный военный барак и в нем недопитая бутылка. Виски, пусть даже не шотландское, а американское, за четверть века должно было здорово состариться. И все же я решил не трогать бутылку. Она до сих пор стоит там и напоминает о времени, когда в бухте Гавана находились американские моряки.

Я раньше бывал в Гаване и прожил там около двух лет. Меня заинтересовало, каким образом это название достигло берегов далекого тихоокеанского острова. Оказывается, залив получил свое наименование от столицы Кубы благодаря капитану, а позже адмиралу Эрскину, обнаружившему его в 1849 году. Еще в 1847 году у этих берегов искали спасения два потерпевших кораблекрушение англичанина. Но как только они оказались на суше, их тут же захватили в плен и убили. Как выяснилось, оставшиеся в живых члены экипажа вместе с капитаном погибшего судна на другой шлюпке пристали к берегам Эфате двумя днями позже. Вождь принял их весьма дружески, но тут же тайно созвал воинов из соседних деревень, которые в схватке одолели моряков.

Меланезийцев, которых я встречал на плантациях недалеко от залива Гавана, кормит кокосовая пальма, о которой вообще можно сказать, что она источник их существования.

Не может быть никакого сомнения в том, что «царицей» тихоокеанских островов является копра — ядро ко-

косового ореха. Правда, на Фиджи и Гавайях в наши дни главную роль в экономике играет сахарный тростник, на Новой Каледонии — добыча цветных металлов, но на сотнях островов, островков и атоллов, разбросанных по величайшему океану нашей планеты, основным продуктом питания и источником жизни служит благородная кокосовая пальма и ее продукт — копра.

Жизнь кокосовой пальмы продолжается обычно лет шестьдесят-семьдесят. Первые годы пальма лишь растет, плодоносить начинает примерно на десятом году. С тех пор она приносит своему хозяину ежегодно от сорока до пятидесяти орехов. Кокосовая пальма не требует большого ухода, но зато ей нужны хорошие условия — тепло в течение всего года, много влаги и, конечно, плодородная почва. А всего этого на побережье Эфате в избытке.

На островах Океании растет около пятидесяти миллионов кокосовых пальм. На каждого мужчину, женщину, старика и ребенка приходится не меньше пяти деревьев. И их плоды дают меланезийцам практически все: пищу, напитки, одежду, строительный материал. Мы, европейцы, слышали о так называемом кокосовом молоке — соке незрелого ореха, напитке со специфическим привкусом, но прекрасно утоляющем жажду. Это то, что знаем о кокосовой воде мы. Но на некоторых островах Океании вообще нет источников пресной воды и сок кокосового ореха — единственная имеющаяся там пригодная для питья жидкость. Если бы здесь погибли пальмы, то погибли бы и люди.

Кокосовые пальмы не только поят, но и кормят. Ядро ореха местные жители употребляют в пищу либо сырым, либо, что бывает чаще, в виде пудинга вместе с ямсом или таро. Но и то, что остается от ореха, когда сок выпит и ядро съедено, не выбрасывается. Из полукруглой скорлупы кокосовых орехов меланезийцы изготавливают чаши или большие ложки. Ствол пальмы дает древесину, которая идет на создание примитивной мебели. Пальмовыми листьями кроют хижины, из них же плетут корзины.

Кокосовым маслом, которое островитяне выжимают из ядра, можно натирать тело, так как оно хорошо защищает кожу от яркого тропического солнца. Его употребляют также и для приготовления пищи местные кулинары.

Роль благородных пальм и их тяжелых плодов в истории материальной культуры Океании столь велика, что

ее, вероятно, можно сравнить лишь с ролью бизонов в жизни североамериканских индейцев — жителей прерий.

Проехав всю Океанию от острова Бораборы на востоке до Новой Гвинеи на западе, от Гавайских островов на севере и до Новой Зеландии на юге, я убедился, что кокосовые пальмы — действительно основа всей жизни меланезийцев и полинезийцев.

Кокосовые орехи, хотя мы вряд ли это осознаем, имеют отношение и к современному человеку в странах Европы. Из копры получают масло — основной компонент искусственных жиров, дорогих сортов мыла и самых различных косметических средств. Но никто, конечно, не может почувствовать в аромате прекрасно упакованного мыла запах копры и пота тех, кто сушил ее на далеких островах. Аромат сохнущей копры и желтоватого кокосового масла неотступно преследовал меня на острове Эфате.

Благоприятный климат и плодородная почва создали на этом уголке планеты поистине райские условия для кокосовых пальм, хотя между островами есть существенные отличия. Здесь, на Эфате, деревья высаживают на расстоянии около восьми метров друг от друга, так что на один гектар приходится примерно сто шестьдесят пальм. Я поинтересовался, сколько нужно орехов для получения одного килограмма копры. На Эфате, оказывается, — десять, севернее, на расположенном ближе к экватору острове Амбрим, — всего семь, на Новой Каледонии — целых двенадцать. На Эфате средняя пальма дает от сорока до пятидесяти орехов в год, то есть от четырех до пяти килограммов копры.

Однако пальме угрожают различные вредители, которые могут снизить ее урожай почти вдвое. Это главным образом крысы, а также различные насекомые, особенно ненавистная здесь «пальмовая муха», которая откладывает яйца на листьях дерева. Пальмы подвержены также специфической болезни, которая значительно снижает урожайность. Против этой болезни еще не нашли никакого действенного средства.

Но несмотря на вредителей, кондоминиум экспортирует ежегодно более десяти тысяч тонн копры. Меня, естественно, значительно больше самой ароматной копры интересовали те, кто ее производит. Их можно разделить на три группы. Первая — местные мелкие производители

ли. Они собирают орехи с нескольких десятков или сотен деревьев, принадлежащих им самим, их семьям или всей деревне. Копру сушат на солнце или на сушильных у открытого окна. Это весьма идиллическая картина, которая за время путешествия по Новым Гебридам навсегда врезалась мне в память.

Высушенную копру местные жители обменивают у торговцев, чаще всего китайцев, на ткани, ножи, рис, четки и даже на чешскую бижутерию. Торговец затем продает ее представителю какой-нибудь крупной фирмы, которая отправляет стофунтовые мешки с копррой в Европу, Америку и Австралию. Но этот товар стоит на мировом рынке значительно дешевле, чем копра, высушенная современными способами.

Здесь торговцы, покупающие копру у мелких производителей, как правило, бессовестные вымогатели, которые используют свое монопольное положение для безжалостного обмана партнеров.

На Эфате я познакомился и со второй группой населения острова. Это — английские и главным образом французские колонисты, которые выращивают и убирают кокосовые орехи на небольших семейных участках и, следовательно, тоже живут на доходы от копры. О европейских плантаторах в Океании я много читал, но очень часто этот романтический вымысел мало походил на истинную картину своеобразной жизни этих людей. Да, они действительно живут как в раю. У порога шумит океан, ветры раскачивают кроны пальм. Копра и для них — основа благосостояния, однако цена на нее на лондонской бирже часто колеблется. И поэтому мелкий плантатор, который не обладает достаточным резервным капиталом и не может оказать влияния на биржевые сделки гигантских компаний, диктующих цены, становится все более и более беспомощным.

Против него всё: и биржевые цены, от которых он полностью зависит, и чувство одиночества, и удивительное однообразие жизни. Рай ведь тоже может оказаться скучным. И горе ему, если он женится на девушке, родившейся в каком-нибудь большом, оживленном европейском городе, тогда придется превозмогать не только собственное чувство одиночества, но и тоску жены. И, надо сказать, около половины владельцев плантаций — холостяки. Вследствие всего этого мелкие плантаторы как категория, как самостоятельная группа, как хозяйст-

венная единица на Новых Гебридах и во всей Меланезии исчезают. Они продают свои участки крупным компаниям, которых ненавидят от всего сердца, и переходят на службу к своим врагам.

И хотя острова в Океании принадлежат Англии, Франции и некоторым другим государствам, истинными хозяевами на многих из них являются гигантские компании — третья группа производителей копры. На их огромных плантациях европейские колонисты получают новые специальности. Компания обеспечивает им твердый, постоянный доход. В ней служит немало белых людей, и семьи бывших мелких плантаторов уже чувствуют себя не в таком невыносимом одиночестве. Крупные хозяйства часто имеют свои собственные небольшие электростанции, и белые специалисты могут пользоваться радиоприемниками, холодильниками, а самые высокооплачиваемые чиновники — даже кондиционерами.

На плантациях установлена полувоенная дисциплина. Рабочие живут в общих бараках, без жен. Например, накануне второй мировой войны на сорок одну тысячу восьмьсот сорок девять меланезийских и папуасских рабочих, трудившихся на плантациях Новой Гвинеи, приходилось всего триста пятьдесят женщин, то есть меньше одного процента.

Работа начинается на рассвете. Рабочие приносят завтрак с собой. Плантатор общается с ними только через помощников, которых на «пиджин» — меланезийском жаргоне английского языка⁵¹ — называют «босбой». «Босбой» — это главное лицо на плантации; ведь он является как бы представителем ее владельца. В обязанности «босбоев» входит все, что связано с сушкой ядра ореха. Это очень ответственная задача, и поэтому они работают практически без отдыха. На некоторых плантациях кроме «босбой копра» есть еще «доктор бой» — своеобразный представитель Красного Креста. Он следит за состоянием здоровья рабочих, сообщая о заболевших директору компании.

Во время дождя, чтобы предупредить заболевания, работы не ведутся. Но если день солнечный, а таковы в Меланезии почти все, рабочий день начинается с раннего утра и длится до шести часов вечера с двухчасовым перерывом на обед. Ужин по английской традиции более плотный. Для рабочих пищу готовят на общих кухнях. После ужина — свободное время, которое чаще мелане-

зийцы проводят за азартными играми или футболом; они курят, жуют бетель, поют.

Около девяти часов вечера — отбой. Но наступающая ночь для молодых мужчин, которых на плантациях большинство, тяжелее только что закончившегося дня. Рабочие пришли сюда из деревень, их оторвали от женщин, и теперь они на два, а иногда и на три года попали в мир, где нет ни одной меланезийки. Невозможность удовлетворить свои потребности очень тяжело сказывается на их психике. Когда рядом с плантацией имеется деревня, то они за небольшое вознаграждение могут найти девушек. Но если проституток нет, то проблема становится действительно серьезной.

Среди меланезийских рабочих распространен гомосексуализм, хотя законы некоторых стран, которые управляют островами, сурово карают за это преступление. После возвращения в родную деревню мужчины на средства, заработанные за три года, приобретают себе жен и снова переходят к нормальной жизни.

В других, довольно редких, случаях меланезийские рабочие находят и иной выход из положения. На плантациях крупных компаний часто живут белые женщины, жены руководящих работников фирмы. У них работают меланезийские бои. А так как белые женщины часто вообще не считают своих слуг людьми, относя их к обстановке дома, то не стыдятся ходить перед ними в белье или даже совершенно голыми. Бои обслуживают жен своих господ в ваннах, делают им даже массаж.

В Рабауле, на архипелаге Бисмарка, я слышал типичную историю, которая звучит как анекдот. Муж входит в спальню жены и видит, что на ней буквально ничего нет.

— Прости, дорогой, если бы я знала, что это ты, я бы оделась. Я думала, это бой.

И хотя эти бои пришли на службу к белым женщинам из деревень, где все ходят почти нагими, неглиже хозяек возбуждают их желания. Я слышал о нескольких попытках изнасилования жен плантаторов. Слышал также, что нередко белые женщины нарочно соблазняют своих боев и охотно им отдаются. Ведь у мужей столько обязанностей! А на мелких фермах белый владелец плантации, живущий без жены, как правило, нанимает меланезийскую уборщицу или кухарку.

Плантации, особенно те, что принадлежат большим

компаниям, оказывают влияние на жизнь десятков тысяч коренных жителей меланезийских островов. В наши дни главную роль играют хозяйства крупных международных корпораций. Я познакомился в Меланезии с предприятиями огромного концерна «Юнилевер», действующего здесь под названием «Левёрс Пэсифик Плэнтэйшнс», который специализируется исключительно на копре. И поэтому каждый, кто покупает мыло или маргарин, полученный на одном из бесчисленных заводов «Юнилевера», разбросанных по всем пяти континентам, обязательно так или иначе сталкивается с меланезийской копррой.

Вторая крупная корпорация, владеющая в Меланезии огромным числом плантаций, это — «Бёрнс Филп энд Компани», возникшая вначале как пароходная и торговая фирма. «Бёрнс Филп» в первое время осуществляла лишь сообщение между отдельными островами Океании. Затем она построила настоящий флот, благодаря которому эти острова открылись для мировой торговли.

Позже совет фирмы решил, что чем больше копры будет произведено на островах, тем больше груза флотилия компании сможет переправить. И фирма начала создавать свои собственные плантации, уже успевшие поглотить немалое число мелких хозяйств.

Склады, управления и торговые дома «Бёрнс Филп» — это, как правило, самые крупные здания большинства меланезийских городов. В хранилища «Б. Ф.» и «Левёрс Бразерс» поступает и копра, высушенная примитивным способом самими меланезийцами. Суда причаливают к берегу и вновь уходят, деньги совершают свой оборот. Но за всем этим, за товарами и кораблями, в Океании стоит копра. Вездесущая и всемогущая. С запахом ароматным и отталкивающим. Просто копра.

ГУАДАЛКАНАЛ

Это фактически воспоминание детства. Окончилась война, и я со своими друзьями пошел в кино, чтобы посмотреть первый американский фильм, который показывали тогда в Карловых Варах. Назывался он «Гуадалканал».

Годы стерли в памяти сюжет фильма. Точнее, это не был единый сюжет, а скорее мозаика, сложенная из судеб нескольких сотен мужественных солдат, которым,

как я узнал из титров, выпала доля изменить ход тихо-океанской войны.

Я вспоминаю некоторых из них — таксиста из Бруклина, которого не изменила даже форма морского пехотинца; отца Донелли; отважного капитана Кросса и новобранца, которого прозвали Курицей. В фильме снимались Престон Фостер, Уильям Бендикс, Ллойд Нолан и актер, которого я особенно люблю, Антони Куин. В тот раз на экране эти люди казались мне слишком обыкновенными, умирающими отнюдь не героически, и я думал, что нельзя о такой исключительной отваге говорить столь будничным, спокойным тоном.

И тем не менее фильм мне понравился. И когда, спустя двадцать лет после увиденной мной в небольшом кинотеатре драмы о военных действиях на Гуадалканал, я оказался в Соединенных Штатах, то купил в одном из нью-йоркских букинистических магазинов карманное издание «Гуадалканалского дневника», по которому фильм был снят.

«Гуадалканалский дневник» — это тщательное, почти педантичное описание того, что день за днем приходилось переживать солдатам в борьбе за остров Гуадалканал в Тихом океане — крупнейший из Соломоновых островов⁵².

Автор дневника, журналист Ричард Трегаскис, был среди них с самого первого дня. Дневник этот он писал, скорее, для себя и с санитарным самолетом отослал его в Соединенные Штаты. О дальнейшей судьбе своих заметок Трегаскис ничего не знал. Из Америки за весь период гуадалканалской кампании он не получил ни одного письма, ни одного поручения. Когда автор заметок вернулся в Соединенные Штаты, в кармане у него было полдоллара, которых не хватало даже на такси. А между тем в течение нескольких месяцев его «Гуадалканалский дневник» выдержал четыре издания, он стал лучшей книгой месяца, киноконцерн «Твенти Сенчури Фокс» купил право экранизации дневника.

Когда я сравнил дневник с картиной, которую мне удалось снова посмотреть в специальном кинотеатре, то понял, что сценарист изменил имена главных героев дневника Трегаскиса. Например, отец Флаэрти на экране превратился в Донелли; кроме того, он выбрал лишь нескольких героев и довел их судьбы до того момента, когда морская пехота покидает Гуадалканал, отдавая его

под управление обычным подразделениям американской армии.

С воспоминанием о фильме связана и песенка, которую я когда-то слышал и которая будит в памяти нежное, экзотическое название тихоокеанского острова. Звучала эта песенка так:

Прекрасная Мередит,
Приди сюда помолиться
За тех, кого не вернет нам
Гуадалканал.

Гуадалканал — это, несмотря на мои довольно неплохие для школьника познания по географии, единственное меланезийское название, с которым я тогда столкнулся.

Песенку о прекрасной Мередит и меланезийском острове, — звали ли ее вообще Мередит и была ли это песенка о Гуадалканале, ведь прошло более двадцати лет с тех пор, как я ее слышал, и фантазия за это время изменила то, что память не сумела сохранить, — я мурлыкал в течение нескольких часов на борту небольшого самолета, который летел с группой туристов с новогейбридского острова Эспириту-Санто над островами Санта-Крус⁵³, административно подчиненными Соломоновым островам, на Гуадалканал.

Героическая история Гуадалканала начинается прямо здесь, на аэродроме, слишком большом для этого архипелага: самолет с Новых Гебрид прилетает сюда не чаще раза в неделю. Собственно из-за этого заброшенного аэродрома и началась битва за остров, которая окружила имя Гуадалканала таким же ореолом, каким в свое время были окружены Верден или Ватерлоо.

Японцы, стремительно захватывая один за другим острова Тихого океана, овладели Гуадалканалом почти без боя. Это произошло уже после того, как они оккупировали в Меланезии архипелаг Бисмарка, северное побережье Новой Гвинеи, северные группы Соломоновых островов. Стратегическое положение Гуадалканала давало японцам возможность контролировать главные морские трассы, проходившие тогда, как, впрочем, и сейчас, из Австралии через Новую Каледонию на Фиджи и Паго-Паго (точнее, Панго-Панго). Однако они нуждались в аэродроме, который смог бы принимать самолеты императорских военно-воздушных сил, и выбрали для его со-

оружения широкую площадку недалеко от берега, которая принадлежала жителям деревеньки Лунга.

В Лунге японцы, прилагая все усилия, стали быстро строить авиабазу. Однако англичане, которые не особенно упорно защищали Гуадалканал от нападения японцев, не все покинули остров. Несколько самых опытных и мужественных административных работников и владельцев плантаций скрылись в джунглях. На вершинах гор, достигающих высоты почти трех тысяч метров над уровнем моря, они устроили наблюдательные пункты и по радио информировали тихоокеанский штаб союзников о каждом шаге японцев. Один из таких наблюдательных пунктов был расположен прямо над деревней Лунга. Отсюда бывшему управляющему гуадалканалской плантацией концерна «Леверс» — в картине он выступает под фамилией Ветерби — аэродром был виден как на ладони.

Он заметил, что аэродром кроме пятисот японцев строили еще и примерно две с половиной тысячи корейских рабочих, положение которых ненамного отличалось от рабов. Японцы имели в своем распоряжении самые современные строительные машины. Настал момент, когда наблюдатель передал в штаб сообщение, что взлетно-посадочная полоса будет через несколько дней сдана в эксплуатацию. И тогда союзники нанесли удар, целью которого стал гигантский аэродром. Тот самый, на котором я почувствовал сейчас себя таким маленьким и одиноким. С этого и началась битва за Гуадалканал, ознаменовавшая решающий поворот во всей американо-японской войне.

Итак, я выхожу из самолета, прохожу таможенный досмотр, — на этот раз действительно лишь формальный, — и вот я уже на Гуадалканале. На большинстве меланезийских островов, куда я направлялся, меня, как правило, встречали. Это были либо мои заочные знакомые, которых я знал по переписке, либо мои друзья, а то и их приятели.

В Филадельфийском университетском музее у меня есть хороший друг: этнограф, доктор Давенпорт, который несколько месяцев провел на Соломоновых островах. Он-то и сообщил своим знакомым о моем приезде сюда. Итак, на аэродроме меня ждал Гордон Эдвардс, который уже несколько лет работает в Управлении протектората на Гуадалканале. Соломоновы острова — это единствен-

ный меланезийский архипелаг, до сих пор сохраняющий статус протектората. Эдвардс хорошо знает историю завоевания Гуадалканала, начинающуюся именно с этого аэродрома. От него я и услышал о наблюдателе, который из своего лесного укрытия на одной из вершин Золотого гребня следил за строительством японской авиабазы и передавал все более тревожные сообщения о том, что оно скоро будет закончено.

В воды западной части Тихого океана были направлены три крейсера, четыре миноносца и несколько транспортных кораблей, на борту которых находилось около десяти тысяч американских морских пехотинцев. Даже капитаны кораблей не знали, куда они направляются. И лишь за несколько дней до высадки они слышали, причем многие впервые в жизни, название Гуадалканал. А 7 августа 1942 года под защитным огнем крейсеров и миноносцев морская пехота высадилась на его берегу около Тенару.

Я несколько раз бывал потом вместе с Гордоном на тенарском пляже. Здесь приятно купаться: великолепный песок и волны прибоя не очень высоки. Тенару расположен вблизи нынешней «столицы» протектората — Хониары, но в том, 1942 году на Соломоновых островах еще не было ни одного города. Целью десанта была не Лунга, заброшенная деревня, а плато, расположенное за тенарским пляжем и ручьем Аллигатора, где японцы строили гигантский аэродром. Нападения американцев японцы не ждали. До сих пор все шло как раз наоборот — именно японцы внезапными атаками захватывали один тихоокеанский остров за другим.

В ночь с 6 на 7 августа на кораблях, которые приближались к Гуадалканалу, морские пехотинцы в сотый и тысячный раз повторяли название острова, о котором совершенно ничего не знали. И вот на рассвете седьмого дня заговорили орудия семи боевых кораблей. В то время, когда на японские позиции сыпались тонны снарядов, к берегу на легких десантных судах подплывали те, кого потом увековечили песни, фильмы и романы, — первый и пятый полки американской морской пехоты. А через несколько часов на тенарском пляже высадился и ее одиннадцатый полк.

На следующий день пятый полк овладел деревенькой на острове Кукум, расположенной западнее Тенару. Здесь состоялся первый бой — японцы начали обстрел

высадившихся частей. Но несмотря на это, спустя еще сутки, девятого августа, десантные силы захватили аэродром в Лунге — главную цель гуадалканалской операции.

Это произошло утром, а после полудня американские саперы первого технического батальона уже продолжали строить взлетно-посадочные полосы. Командующий десантными войсками генерал Вандергрифт назвал аэродром именем майора Лофтона Гендерсона, морского пехотинца, погибшего на острове Мидуэй.

В то время как часть десантных подразделений заканчивала строительство «Гендерсон Филд», остальные готовились к его обороне. Было ясно, что, как только японцы опомнятся от внезапного нападения, они нанесут ответный удар. И действительно, не прошло и десяти дней, как бомбардировщики, базирующиеся на архипелаге Бисмарка, засыпали строителей захваченного аэродрома дождем фугасных бомб. На другой день самолеты вернулись, бомбежка продолжалась еще несколько дней. Число убитых солдат морской пехоты превышало сотни. Вокруг кукумского и тенарского пляжей вырастали новые и новые кресты.

А между тем японские защитники Гуадалканала, втрое более многочисленные, чем понесшие потери десантники, начали теснить и преследовать американцев. Те, кто видел фильм, помнят, наверное, трагическую судьбу группы морских пехотинцев, которые по приказу генерала Вандергрифта должны были проверить территорию в трех километрах от аэродрома, расположенную за рекой Матаникау. Японцы уничтожили весь отряд. От кровавой резни спасся лишь один человек, который, напоминая эллинского воина, прибежавшего из Марафона, доплыл до своих позиций для того, чтобы, перед тем как умереть, сообщить о гибели своего отряда.

Через десять дней после начала гуадалканалской операции большой японский караван доставил защитникам острова новые подкрепления. Неблагоприятное для американцев соотношение сил еще больше ухудшилось. Японские суда доставили на остров сильные артиллерийские подразделения, которые начали с высот, расположенных вокруг прибрежных равнин, обстреливать аэродром. Американцы же не получали никакой помощи. И все же они сумели построить взлетно-посадочные полосы и два ангара. Генерал Вандергрифт доложил союзни-

ческому командованию: «„Гендерсон Филд” готов принимать самолеты».

В то время аэродром мог принять тридцать шесть истребителей и девять бомбардировщиков. И самолеты действительно прилетели. Но соотношение сил не изменилось. Так как американский транспортный караван все не приходил, летчики измеряли бензин буквально наперстками. А бомбардировки и артолеты вывели из строя многие самолеты прямо на земле.

Через месяц после высадки морских пехотинцев на Гуадалканале их положение стало почти катастрофическим. В то время как «Гендерсон Филд» атаковали десятки тысяч японцев, у защитников аэродрома не хватало ни боеприпасов, ни бензина. Морские пехотинцы выдержали страшный экзамен, который стал самой славной страницей гуадалканалской эпопеи. Было много убитых, а оставшиеся в живых — ранены, кончалось продовольствие, вода, люди страдали от малярии, желудочных заболеваний. И все же аэродром они отстояли.

Через четыре дня после отражения яростных атак японцев подошли наконец транспортные суда. Но битва за Гуадалканал на этом не кончилась. Новые американские караваны не доходили до Соломоновых островов, а японцы в октябре получили подкрепление. И вновь они перешли реку Лунгу и предприняли штурм маленького клочка земли на северном берегу Гуадалканала, который уже несколько месяцев сотрясала лихорадка непрекращающихся боев.

Но и этот последний натиск морская пехота отбила. А так как новый японский караван с одиннадцатью тысячами солдат американская авиация уничтожила в открытом море, инициатива наконец стала переходить к все еще значительно более малочисленному «мэринс».

С ноября 1942 по март 1943 года американцы очищали Гуадалканал от врага. Эта задача была, вероятно, не менее сложной, чем захват и оборона аэродрома. Бои шли в лесах центральной части острова, в горах, не уступающих самым высоким вершинам Татр. В зеленом полумраке джунглей сражались между собой сотни отрядов. И это была борьба не на жизнь, а на смерть. Почти никогда не сдаваясь, японцы дрались до последнего.

С другим своим гуадалканалским другом, археологом Томом Расселлом, также работником Управления протектората, я побывал на одной из таких линий ожесточенных

боев. Она проходила в глубине острова по склонам крутых гор. Том Расселл нашел здесь в нескольких пещерах остатки древнейшего поселения.

Каждую из сотен пещер занимала группа или отряд. Они дрались до тех пор, пока последний защитник не истекал кровью. Потребовалось несколько месяцев, пока американцы с помощью огнеметов и гранат не выбили японцев из этих пещер. Лишь в конце февраля японское командование приняло решение об эвакуации с Гуадалканала. Но эвакуироваться было некому. Из сорока тысяч солдат, служивших в императорской армии, около половины погибло, четверть умерла от тропических болезней, остальные пропали без вести. И в конце концов с острова, который должен был стать трамплином для нападения на Фиджи и, возможно, на Новую Зеландию, вернулось лишь тысяча двести изувеченных солдат. Это менее трех процентов прибывших сюда в течение года.

Об оставшихся на острове японских солдатах мне много раз рассказывали островитяне. Группами и поодиночке отступали они все дальше и дальше в глубь джунглей, питаясь тем, что им давал тропический лес — громадными лягушками, крысами, корнями и плодами деревьев. Эти лесные «робинзоны» в большинстве своем потеряли контакт с собственным командованием, да и между собой. Многие из них провели в лесах годы, некоторые даже пережили войну, так и не узнав об этом. Здешние жители уверяли меня в том, что несколько одичавших человек, последние остатки тех пропавших без вести десяти тысяч, бродят по гуадалканалским джунглям еще сейчас, спустя десятки лет после окончания войны, верные присяге, данной императору, — никогда не сдаваться.

Помимо тридцати тысяч погибших и пропавших без вести солдат и офицеров битва за Гуадалканал обошлась японцам более чем в шестьсот самолетов. Недосчитались и значительного числа боевых кораблей. Лишь во время гибели последнего каравана, который должен был спасти японский гарнизон Гуадалканала, японцы потеряли одиннадцать крупных судов. Но главным результатом битвы за Гуадалканал был решительный перелом в войне. Эта фаза войны на Тихом океане началась с освобождения Гуадалканала, а закончилась безоговорочной капитуляцией императорской Японии⁵⁴.

С того времени как Япония потерпела поражение, о Гуадалканале больше не вспоминали. Но те, кто воевал

на Соломоновых островах, те, кто вернулся с Гуадалканала искалеченным и слепым, никогда не забудут этот остров.

Не забыли его и матери погибших, их жены и сестры, их невесты, а также прекрасная Мередит, от большой любви которой осталась лишь грустная песенка.

ДОРОГА В РОРОНИ

За воротами «Гендерсон Филд» я сажусь в кабину вездехода, и Гордон везет меня в столицу протектората—Хониару. Это название, переименованное, так же как и многие другие на Гуадалканале, американскими солдатами, звучит неверно. Здешние жители называли этот отрезок побережья Нахо Ни Ара («Место, лежащее против восхода»).

Карта Соломоновых островов вообще пестрит ошибочно образованными географическими названиями. Так, залив, обозначенный на картах Мару, островитяне издавна называли «Мароу» («Черный песок»). Слово же *мару* обозначает «тень».

Хватит, однако, говорить о названиях на Соломоновых островах. Ошибки, возникающие при этом, аналогичны тем же, что допущены на картах и других меланезийских архипелагов. Вернемся на дорогу, по которой вездеход Гордона направляется в Хониару.

Война, как правило, всегда связана с уничтожением. Но здесь, на Гуадалканале, все построено как раз во время войны. И эта дорога тоже. Американцы прокладывали ее по мере продвижения на восток и на запад от побережья океана. Тянется она километров на тридцать, причем это единственная дорога на архипелаге, крайние точки которого отстоят друг от друга на две тысячи километров.

Через несколько минут мы въезжаем в столицу. Как известно, война разрушала и города. Но Хониару она не разрушила, а построила. Вдоль дороги, проложенной морской пехотой за время боевых операций, возникли десятки сооружений из ребристой жести. В наши дни бывшие казармы и штабные помещения превратились в административные корпуса, продовольственные склады и небольшой госпиталь.

Посреди поселка, который гордится тем, что его назы-

вают городом и даже столицей, сооружен небольшой памятник в честь тысячи шестисот павших и пяти тысяч раненых в гуадалканалской битве американцев. Я сфотографировал несколько раз обелиск, положил к его подножию цветы, но самого кладбища, о котором напоминает установленный здесь квадратный камень, нигде не обнаружил. Позже Гордон объяснил мне, что вскоре после окончания войны останки павших были перевезены в Америку и кладбище ликвидировано.

Но один покойник все же «вернулся» на Гуадалканал. Невеста моряка, погибшего на Соломоновых островах, решила, что ее возлюбленный предпочел бы лежать там, где он встретил смерть. Тело его было кремировано, а пепел брошен в море вблизи пляжа, где 7 августа 1942 года высадились первые отряды морской пехоты.

Хотя военного кладбища на Гуадалканале нет, других напоминаний о войне здесь предостаточно. Это не только аэродром «Гендерсон Филд», не только Хониара и дорога, ведущая к ней. Я встречался со следами войны и высоко в горах, куда привез меня Гордон Эдвардс во время длительной тренировочной поездки перед путешествием в глубь Гуадалканала. На опушке среди джунглей можно встретить единственный «памятник» цивилизации в этом диком тропическом месте — несколько рядов колючей проволоки. И когда позже я путешествовал по северному побережью Гуадалканала, то часто видел на прибрежных мелях останки японских кораблей и даже одну полузатопленную подводную лодку. Сбор металлолома не относится пока к тем «достижениям» цивилизации, с которыми уже столкнулась Меланезия, и поэтому остатки императорского флота все еще отдыхают там, где они несколько десятилетий назад закончили свои захватнические рейды.

В Хониаре есть госпиталь, и так как это действительно очень маленький городок, то я к своим новым знакомым вскоре смог причислить и одного английского врача, работающего там. Скорее по привычке, чем из любопытства, я стал расспрашивать его, от каких болезней островитяне страдают больше всего. Начал я разговор с малярии, потом перешел на венерические болезни, но, к своему удивлению, узнал, что наибольшие хлопоты врачам Хониары доставляют новые жертвы старой войны. На этом небольшом островке обе воюющие стороны сосредоточили огромное количество боеприпасов и оружия. Ког-

да японцы стали отступать, то они растащили все, что было в складах, по лесным укрытиям, попрятали в пещеры, побросали в реки и ручьи, так что в буквальном смысле слова засыпали остров взрывчатыми веществами.

Во время поездки с Гордоном в джунгли мы натолкнулись на несколько японских гранат, но не тронули их. Мой друг отметил лишь, где они лежат, чтобы сообщить саперам. Бывший морской офицер, Гордон Эдвардс, конечно, знал, что нельзя даже прикасаться к гранатам. Администрация протектората постоянно предупреждает население об опасности, которую представляют эти случайные находки. Но с не меньшим упорством жители Гуадалканала игнорируют эти предостережения. И вот уже много лет здесь убивает, калечит, выжигает глаза оружие войны.

Вспоминая о знаменитой битве, я уже говорил о жителях острова, на котором она разыгралась. Как же они, островитяне, относились к войне, которая, казалось бы, их вовсе не касалась?

Первую поездку по Гуадалканалу я совершил в направлении на юго-восток от Хониары. Моей целью была деревенька Ророни, приютившаяся у самых джунглей. По дороге сюда я проехал еще несколько поселений. И всегда во время бесед с местными мужчинами, — женщины на Соломоновых островах казались мне значительно сдержаннее, — я спрашивал, что они или их отцы делали в течение тех двух памятных лет, когда названия этих далеких островов мелькали на первых полосах крупнейших газет.

Солдат императорской армии, отобравших Гуадалканал у англичан, островитяне вовсе не встречали цветами. Так что представление японцев, что их будут приветствовать как «освободителей от ига иностранных угнетателей», оказалось превратным. Оккупанты, естественно, старались найти коллаборационистов среди жителей острова. Но служить новым господам отказались почти все. До начала боев за Гуадалканал японцы строили свои базы в основном на побережье. Поэтому островитяне стали покидать прибрежные деревни и уходить в горы, где они питались тем, что давал им тропический лес — кореньями, орехами и плодами.

С вершин гор островитяне наблюдали за гигантским спектаклем, который начал разыгрываться на Гуадалканале 7 августа 1942 года. На их глазах уничтожали друг

друга целые армии. В течение нескольких месяцев на острове погибло больше людей, чем проживает здесь сейчас.

Кровавая драма захватила гуадалканалцев. Из всех судов они еще кое-как представляли себе шхуну, время от времени увозящую из прибрежных деревень копру, а тут увидели боевые корабли огромных размеров — эсминцы, крейсера, транспортные десантные суда и даже лодки, которые могли плавать под водой. Многие из них впервые увидели металлических птиц — самолеты. И огромное множество людей. В самых больших гуадалканалских деревнях жило тогда не более пятисот человек, а тут на их глазах в течение одного дня на берег высаживались десятки тысяч солдат.

Какая же роль в этой борьбе была уготована жителям острова? Ведь далеко не все они оставались простыми зрителями.

Почему я решил ехать именно в Ророни? Когда я составлял план своего путешествия по Соломоновым островам, то деревню Ророни в него не включил. Я и не мог этого сделать, так как не знал, что такое селение существует вообще. Но мой друг Гордон ездил в различные населенные пункты округа по своим административным делам, и я постоянно сопровождал его.

Самым далеким, но и самым важным пунктом командировки окружного комиссара была на этот раз маленькая деревенька Ророни, раскинувшаяся чуть ли не в джунглях.

— Почему, Гордон, мы едем именно туда? — спросил я.

— Вождь этого селения отправляется в отпуск в Калифорнию, в Сан-Диего, и мне нужно помочь ему оформить паспорт.

Ответ комиссара меня поразил. Вождь деревеньки, где время застыло в своем движении, едет в отпуск в Калифорнию! В Сан-Диего! Я бывал там дважды. Съездить туда действительно стоит. От весны до глубокой осени там полно туристов. Но чтобы и здешних островитян охватила эта туристическая лихорадка!

Вскоре Гордон мне все объяснил. «Турист» из Ророни, сержант Воуза — почетный морской пехотинец США. И командование морской пехоты, а может быть, даже и американское правительство, пригласило вождя Ророни в город Сан-Диего, где по традиции собираются морские

пехотинцы США, а затем в Вашингтон. Так что вождь поедет с визитом к главам могущественнейшей державы.

Мы подходим к хижине Воузы. Она ничем не отличается от остальных лачуг. Хозяин, узнав гостя, выходит из хижины, улыбается и, усевшись на разложенные на земле пальмовые листья, приглашает нас последовать его примеру. Я знаколюсь с человеком, о котором во время дальнейшего путешествия по Океании буду вспоминать как о самом удивительном меланезийце из всех, кого я встретил на «Черных островах».

Это уже пожилой, сильно поседевший человек. Но держится он уверенно и к Гордону относится дружески. На меня Воуза смотрит с нескрываемым любопытством. В Ророни иностранцы появляются крайне редко. Окружной комиссар объясняет, что я приехал в эту лесную деревеньку именно из-за него, чтобы выслушать его знаменитую историю. (В действительности же я знаю о роронском вожде лишь то, что в пути мне успел рассказать Гордон.)

Воуза явно польщен вниманием иностранца, приехавшего издалека. Он попросил меня немного подождать и ушел. Спустя некоторое время вождь вернулся одетый в обычную для меланезийцев юбку и гимнастерку цвета хаки американских морских пехотинцев. На рукаве — нашивки сержанта, а на груди — несколько наград. Я не очень хорошо разбираюсь в этих регалиях, однако две награды все же узнал. Это — американская Серебряная звезда и британская медаль Георга.

Награды покачиваются и позванивают, и я, разумеется, задаю роронскому вождю вопрос, за что он их получил. Мы провели за беседой несколько часов, точнее, слушали автобиографию этого удивительного старца.

До войны Воуза служил в полицейском отряде, в состав которого входили в основном островитяне. Зарплата у них была небольшая, но зато их учили читать и писать, обращаться с современным оружием и ориентироваться по карте. Накануне войны Воуза ушел «на пенсию», но потом пришли японцы, и бывший полицейский стал организатором антияпонского движения.

Когда на Гуадалканале высадились американцы, Воуза предложил им свои услуги. Островитян, которые умели бы говорить по-английски, обращаться с карабином и буссолью, было очень мало, и союзники стали давать Воузе различные поручения разведывательного характе-

ра, которые он должен был выполнять за линией фронта. Заданий таких было немало, и со временем они становились все сложнее. Воуза выполнял их весьма успешно, причем был настолько надежным человеком, что его данные о не освобожденной еще территории Гуадалканала считались наиболее точными.

Во время одной из попыток перейти линию фронта Воуза попал в руки японцев. Они привязали его к стволу дерева и так как не нашли никаких письменных документов, то под пытками старались добиться от него ответа, какие задания он выполнял и какие сведения должен был сообщить штабу союзников.

Японцы пытались выяснить, как построены американские линии обороны, каковы дальнейшие цели союзнического командования на Гуадалканале, как распределяются должности в штабе и разведотделе высадившихся частей, фамилии штабных офицеров и многое другое. Но Воуза так и не ответил ни на один вопрос. Он терял сознание, его обливали водой, он приходил в себя, и снова начинались пытки, но Воуза упорно молчал.

Когда мучители поняли, что им не вытянуть из него ни слова, они стали колоть пленника раскаленными штыками. Затем японцы оставили искалеченное тело привязанным к дереву на страх непокорным островитянам.

Но Воуза пережил собственную смерть. Ночью он пришел в себя, сумел, хотя и до сих пор не может вспомнить каким образом, освободиться от пут и уполз в джунгли. Он знал этот древний лес как никто другой. Ягодами и корнеплодами Воуза утолял голод, врачевал соком растений раны, пил из ручьев воду.

Через несколько недель раны кое-как затянулись, и «мертвец» снова перешел японо-американскую линию фронта. Итак, в главном штабе высадившихся войск появился человек, имя которого давно уже было занесено в списки погибших.

Эту необыкновенную историю, случившуюся с моим хозяином, подтверждают рубцы на обезображенном теле. Он расстегивает рубашку и показывает их. Скорее со стыдом, чем с гордостью.

Многодневная «лесная одиссея» живого мертвеца, стойкость, с которой он перенес все пытки, его мужество и самоотверженность получили широкую известность. Трегаскис в своем «Гуадалканалском дневнике» тоже упоминает о необыкновенной стойкости Воузы. Подвигом

островитянина-разведчика были восхищены все, кто в то памятное время сражался на меланезийском острове. Он стал, как уже было сказано, почетным морским пехотинцем США, ему было присвоено звание сержанта. Американские и английские генералы лично вручили вождю деревни Ророни высокие награды.

Воуза с гордостью показывает их мне. А потом приглашает в свою хижину. На ее стенах висят окантованные в рамку дипломы. Точнее, это не дипломы, а письма. Вот письмо от Уинстона Черчилля, а вот от американского президента и подпись: «Франклин Делано Рузвельт». А вот недавно вышедший указ о награждении его новым высоким британским орденом и под ним подпись: «Е. R.» — Елизавета, королева английская.

Я не верю глазам своим: здесь, на другом конце планеты, вождь затерявшейся в джунглях деревушки показывает мне свою переписку с сильными мира сего⁵⁵.

Воуза, рассказавший мне столько интересных историй из своей гражданской и военной жизни, был далеко не единственным меланезийцем, воевавшим против оккупантов. Островитяне по-разному участвовали в военных действиях. Непосредственно в частях, высадившихся на Гуадалканале, были три жителя Соломоновых островов — Соломон Дакеи, Гуго Гигини и Силас Ситаи.

Это — единственные островитяне в десятитысячной армии, вторгшейся на Гуадалканал. Они учились в средней школе в Суве, и когда началась подготовка к высадке, то знающие английский парни стали идеальными переводчиками и проводниками. Силас Ситаи — первый местный житель — окружной комиссар, фактически коллега Гордона.

Другие островитяне боролись против оккупантов, пользуясь главным образом методами лесной войны. В джунглях их невозможно было ни поймать, ни уничтожить. Яркую страницу в историю острова вписали два партизанских отряда, о делах которых мне многие рассказывали.

Первый отряд возглавил один из тогдашних окружных комиссаров — Мартин Клеменс. Когда на острове высадились японцы, он вместе с восемнадцатью местными полицейскими ушел в горы. Там они создали небольшую оперативную базу, засеяли поля и стали возделывать таро, пополняя свои ряды жителями горных деревень.

Отряд вскоре превратился в партизанский батальон, который до самого возвращения союзников доставлял японцам немало хлопот. В отряде Клеменса был создан своеобразный боевой гимн лесной войны на Соломоновых островах — «Кто же эти божьи солдаты...». На странном меланезийском жаргоне он начинается словами:

«Ми лауг алонг ю, джапани. Ха, ха, ха, ха...» («Мы смеемся над вами, японцы. Ха, ха, ха, ха...»).

Эту песню распевали и несколько десятков матросов «партизанской флотилии», образованной на Соломоновых островах другим окружным комиссаром, Доналдом Кеннеди, который тоже остался на Гуадалканале. Кеннеди вместе со своим отрядом переправлялся с места на место в длинных каноэ. Настоящий корабль в нашем понимании этого слова у партизанского «адмирала» был всего лишь один — пузатый баркас «Дадавата», водоизмещением десять брутто-регистрационных тонн. И вот на таком суденышке Кеннеди посещал все крупные острова архипелага, нападал на японские патрули, уничтожал прибрежные наблюдательные пункты и отдельные пулеметные гнезда противника, а главное — вел жестокую борьбу с небольшими японскими грузовыми и транспортными судами императорского флота. А в лагуне Марово флотилия Кеннеди сумела даже потопить довольно крупный японский корабль. Когда японцы нападали на деревянный «военный флот» Кеннеди с воздуха, экипажи прыгали в воду, стараясь уйти подальше от своих лодок, и плавали так до тех пор, пока самолеты не исчезали за горизонтом.

Воуза, Клеменс, Кеннеди и его моряки пережили войну с японцами. С ними пережила ее и их песенка. До сих пор она остается здесь самым популярным шлягером, хотя со времени войны прошло уже много лет.

Жители Соломоновых островов оказали неоценимую услугу союзникам, ведя вместе с некоторыми чиновниками колониальной службы и плантаторами, которые не покинули островов, наблюдательную службу на стратегически важных участках — в проливах между островами, на оживленных трассах, вблизи японских воинских лагерей и баз. Эти выдвинутые вперед «глаза» союзнического командования в Тихом океане получили прозаическое название — «стражи побережья».

Именно они следили с Золотого грешня за строительством аэродрома в Гуадалканале, и их сообщения факти-

чески привели в движение всю наступательную машину союзников. Руководствуясь полученными данными, американские самолеты уничтожали японские караваны. Они сыграли важную роль и в ликвидации последней японской флотилии, которая должна была изменить соотношение сил на острове. При этом японцы потеряли более десяти крупнотоннажных транспортных судов, несколько крейсеров и другие военные корабли. Одним из «стражей побережья», способствовавших успеху союзников, был и Воуза.

Однако публицисты и историки, изучающие тихоокеанскую войну, редко вспоминают об этих героях Гуадалканала. Да они и мало что знают о них. Воуза — исключение. Большинство «стражей побережья», в отличие от нашего хозяина из Ророни, не получили за свои воинские заслуги ни наград, ни отличий. Их имена не значатся на памятнике павшим, воздвигнутом в Хониаре. И тем не менее многие из них заплатили за освобождение Гуадалканала своими жизнями. Японцы отчаянно преследовали их, не испытывая к пленным ни капли жалости. Почти всех «стражей побережья» подвергали пыткам, а потом убивали. Лишь Воуза сумел пережить свою смерть. И поэтому он, одетый в парадную форму морских пехотинцев, смог на прощание спеть мне свою любимую песню: «Ми лауг алонг ю, джапани. Ха, ха, ха, ха!»

ЕПИСКОП В ШОРТАХ

Хониару, маленькую столицу протектората, я досконально изучил в течение нескольких дней. Гордон представил меня большинству английских чиновников и нескольким китайским коммерсантам, владеющим всеми магазинами, расположенными на Мендана Авеню, фактически единственной улице во всем протекторате.

Здесь через несколько дней после моего приезда на Гуадалканал я встретил тогда ещё мне не знакомого улыбающегося мужчину средних лет в шортах. На его рубашке с короткими рукавами был вышит маленький черный крестик. Оказалось, что этот европеец такой же чужеземец на Гуадалканале, как и я, — католический епископ одной из двух епархий, имеющих на Соломоновых островах.

Епископ в шортах управляет епархией, центр которой размещен на севере протектората, на острове Гизо. Зовут

его Эйсебиу Кроуфорд, и живет он на островах уже почти десять лет. Отец Кроуфорд представил меня настоятелю второй епархии в Хониаре — Стьювенбергу. Благодаря их содействию мне удалось посетить также некоторые местные католические миссии.

Миссии и миссионеры — это важнейшая и, уж во всяком случае, одна из первых глав современной истории Меланезии. И не только Меланезии. Всюду, где жили или живут народы, стоящие на низкой ступени развития, миссионер, как правило, приходил раньше солдата, полицейского или торговца. Поскольку же именно эти первобытные этнические группы и именно те страны, где они обитают, интересуют меня больше всего, то с миссионерами во время моих этнографических экспедиций мне приходится сталкиваться постоянно. Несколько раз я останавливался в миссиях. С некоторыми миссионерами из секты моравских братьев⁵⁶ я подружился и нередко с их помощью осуществлял свои цели.

Все это, конечно, не значит, что у меня нет серьезных оговорок в отношении деятельности некоторых миссионеров или целей их миссий.

Епископ Кроуфорд предоставил мне самому возможность выбрать из католических миссий ту, которая могла бы оказаться для меня наиболее интересной. Посоветовавшись с Гордоном, я выбрал две миссии на Гуадалканал. Одна из них, в Висале, является крупнейшим центром католической деятельности на всем архипелаге. Другая, в Арулиго (резиденция Общества св. Павла), имеет первую католическую среднюю школу в епархии.

В Висале меня по поручению епископа из Хониары сопровождал молодой голландский миссионер Ван ден Берг, который служит на острове Нью-Джорджия. Сейчас он готовился — после пяти лет, прожитых на Соломоновых островах, — к своему первому отпуску, и здесь, в Хониаре, ждал самолет, который должен был доставить его на Новые Гебриды, оттуда в Нумеа и далее — в Европу.

Отец Ван ден Берг рассказал мне историю возникновения миссии на этих островах. В 1813 году на Соломонах сделал краткую остановку фанатичный ирландский католик капитан Питер Диллон. В то время на всем архипелаге не было ни одного белого человека. Диллон приложил все усилия, чтобы никому не известные и никому не принадлежащие острова попали в лоно его церк-

ви. В 1829 году он отправился в Рим, чтобы убедить Ватикан в необходимости открыть миссию в Меланезии.

Прошло, однако, немало лет, прежде чем была создана епархия в Меланезии. Настоятелем ее назначили епископа Эпаллеле, занимавшегося до этого миссионерской деятельностью на Новой Зеландии.

Двенадцать миссионеров, в основном французов, покинули в 1845 году Лондон. В Сиднее они зафрахтовали шхуну «Марион Уотсон» и спустя десять месяцев после отъезда из Лондона прибыли наконец на Соломоновы острова. «Марион Уотсон» бросила якорь в заливе Тысячи Кораблей, у острова Санта-Исабель.

Навстречу незнакомому кораблю выплыли шестьдесят каноэ островитян. Из одного каноэ на борт шхуны с миссионерами перешел старик, вооруженный длинным копьем, и передал белым гостям корзину с фруктами. Миссионеры в ответ подарили меланезийцам топор (*кила-кила*). Старейшина принял подарок, отнес его в свое каноэ и на суше передал вождю племени.

Между островитянами и экипажем шхуны прямо в море начался оживленный товарообмен. Жители Санта-Исабели обменивали своих поросят, сахарный тростник и главным образом ямс на ножи и различные побрякушки.

После того как вождь племени принял подарок епископа, миссионеры решили, что этот церемониальный дар открыл им путь на остров. Они уселись в небольшую шлюпку, оттолкнулись от борта «Марион Уотсон» и через несколько минут высадились на берегу.

Их встретили громкими криками: «*Мате, мате!*» Миссионеры, к сожалению, не знали языка местных жителей, но быстро сообразили, что эти слова означали: «Смерть!» И вот один из воинов поднял дубину и ударил епископа по голове. Вторым ударом он раскроил ему череп. Два других священнослужителя успели унести тело первого, но далеко не последнего католического мученика. Островитяне попытались перевернуть шлюпку, но это им не удалось.

Встретив столь недружелюбный прием, миссионеры отказались от мысли основать миссию на Санта-Исабели и отправились на соседний остров Сан-Кристоваль. Здесь, на берегу залива Макира, они основали первую католическую миссию на Соломоновых островах. Судьба ее была столь же трагичной, как и первого епископа.

В течение трех лет три миссионера были убиты, один умер естественной смертью. Все остальные жестоко страдали от малярии. Имущество несчастной миссии таяло от непрерывных краж. Единственная корова, которую они привезли сюда из Австралии, потерялась. Положение еще больше ухудшилось, когда один из моряков, членов экипажа «Марион Уотсон», попытался изнасиловать аборигенку. Муж ее в отместку избил... священника.

На помощь миссии была послана спасательная экспедиция, которую возглавил новый епископ Соломоновых островов — Коломб из Новой Каледонии. Эта экспедиция должна была оказать помощь миссионерам Сан-Кристобалья. Последняя, однако, понадобилась им самим еще до того, как миссионеры достигли цели. В то время, когда экспедиция снаряжалась, на Новой Каледонии стал ощущаться невиданный до того времени недостаток продовольствия, который вскоре сменился настоящим голодом, сопровождаемым эпидемиями. Голод на островах Океании — явление совершенно необычное, и естественно, что жители Новой Каледонии объясняли его присутствием чужеземцев. Больше того, меланезийцы взяли приступом все склады, где Коломб хранил с таким трудом собранные продукты и другие товары, которые намеревался взять с собой на Соломоновы острова. Во время схватки за склады один миссионер был убит, несколько ранены. Спас экспедицию французский корвет «Брийан».

Миссионеров, которые должны были отправиться на выручку своих братьев, кроме всего прочего стали раздражать еще и внутренние разногласия. В конце концов они раскололись на два отряда. Одни из них решили основать католическую миссию на Новых Гебридах, на острове Анейтьюм. Но здесь они столкнулись с неожиданным и упрямым противником — совершенно нетерпимым и завистливым посланцем Лондонского миссионерского общества Джоном Джедди, который обосновался до них на Новых Гебридах.

Другая часть спасательной экспедиции под руководством епископа Коломба в конце концов добралась до острова Сан-Кристобаль. В качестве нового местопребывания миссии Коломб выбрал деревню Она, а немного позже — поселение Пиа. Переселившись, миссионеры приобрели, однако, смертельных врагов в лице своих первоначальных хозяев — жителей Оны, которые широко

пользовались исключительными выгодами от торговли с миссией. Дело в том, что купленные европейские товары жители Оны «реэкспортировали» по значительно более высокой цене в другие районы острова.

Но даже с жителями Пиа миссионеры не сумели поладить. Вскоре после того, как они здесь обосновались, умер еще один священник, и местные жители стали опасаться, что дух чужеземца, умершего в их деревне, начнет им мстить. Тогда миссионеры решили переселиться еще раз. Они послали трех самых выносливых священников, чтобы те обошли весь остров и нашли самое удобное для миссии место. Но аборигены убили их одного за другим, и это на многие годы прервало миссионерскую деятельность на Соломоновых островах, так как оставшиеся в живых служители веры христовой снова погрузились на шхуну и отправились на север, где через несколько месяцев на острове Трук умер и второй епископ Меланезии — преподобный Коломб.

Миссионеры, которые приходили к меланезийцам с самыми добрыми намерениями, встречали на островах враждебность, в лучшем случае непонимание, которое, надо сказать, было обоюдным. Этнографы находят немало свидетельств тому, как незнание духовной культуры местного населения полностью искажало смысл учения, проповедуемого миссионерами. Белые священники рассказывали, например, аборигенам о божьей отце. Но какой может быть отец при матрилинейном строе, где счет родства ведется по материнской линии и где значительную роль играет мать или ее брат, в то время как роль отца третьестепенна? Куда большее воздействие в этом смысле оказал бы рассказ о «боге — брате матери». Или взять «сына божьего» — Иисуса Христа. У местных жителей возникло представление, будто бы Христос родился из неоскверненного тела своей матери, будучи зачат духом или неким демоном, который принял образ голубя — святого духа.

В наши дни миссионеры уже знают — и лучше, чем кто бы то ни было, — образ мыслей своей паствы, а у меланезийцев не возникают столь искаженные представления о христианстве. Но в то время, когда здесь появились первые европейские священники, взаимное непонимание порождало множество ошибок, имевших весьма трагические последствия.

Я только что вспомнил о фанатическом противнике

католиков, новогейбридском миссионере Джедди. Но Джон Джедди был не первым человеком, начавшим здесь деятельность. На новогейбридском острове Эфате я часто слышал рассказы о первых миссионерах, которых доставил сюда преподобный Мёррей. Как и миссионеры на Фиджи, они были крещеными полинезийцами. Мёррей записал тогда в своем дневнике: «Когда мы высадили проповедника на берег, казалось, что радость здешних людей не знает границ». Но не прошло и трех недель со времени восторженной встречи посланцев Мёррея, как они были с таким же воодушевлением убиты.

К делу христианизации Меланезии приложили руку пресвитериане, адвентисты седьмого дня, англикане, методисты, позже — Армия спасения, а также весьма активизирующиеся в настоящее время мормоны⁵⁷. Кроме английской и французской миссий на Тихом океане действуют голландские миссионеры и даже японское Тихоокеанское евангелическое содружество. Здесь, на Соломоновых островах, я даже обнаружил очень хорошо организованную группку американской секты бехаистов⁵⁸.

Но сейчас я путешествую с католическим миссионером и поэтому главное внимание уделю его церкви. После трагической гибели первых епископов и их несчастных сподвижников церковь на полвека отказалась от насаждения своего влияния на опасных островах. Католическая миссия возродилась здесь лишь в 1898 году.

Мы переправились через реки Поху и Бонегу, проехали мысы Тасафаранго и Бунина. Наконец прибыли на мыс Эсперанс, бывший когда-то последним опорным пунктом японцев на Гуадалканале. С мыса Эсперанс в 1943 году были эвакуированы остатки оккупационных частей. Сейчас на мысе царит мир. На месте последнего оборонительного пояса японцев, траншей и пулеметных гнезд выросло несколько приземистых зданий и среди них современный, даже изящный костел.

Это и есть Висале, «Ватикан» Соломоновых островов. Ван ден Берг познакомил меня с создателем «кафедрального собора» Висале, управляющим миссии, американским священником, придерживающимся современных взглядов и напоминающим скорее менеджера бейсбольной команды из Орегона или Канзаса, чем миссионера, уже тринадцать лет распространяющего здесь христианство.

После Висале я побывал в другом католическом цен-

тре — Арулиго. Здешнее Общество св. Павла, основанное несколько лет назад, является одной из самых интересных католических миссий, какие я видел за время своего кругосветного путешествия. Кроме маленького костела и названия мне ничего больше не напоминало здесь миссию. Арулиго — это современные школьные аудитории, химический и биологический кабинеты, которыми могла бы гордиться любая европейская школа, прекрасно оборудованное помещение для занятий географией, где имелись даже карта Центральной Европы, актовый зал с картинами, написанными здешними учащимися, столовая, баскетбольная площадка, школьный сад.

Общество св. Павла, создавшего одну из первых на Соломоновых островах средних школ, пригласило в качестве преподавателей миссионеров из разных стран, а также нескольких французских, ирландских и английских монахинь. Но еще больше меня поразили три молоденькие меланезийские монашки, гуадалканалские девушки, прикрывшие «языческую» наготу церковным одеянием.

Мне пришлось рассказать любопытным ученикам Общества св. Павла о своей стране: представление о Европе даже среди образованных меланезийцев ограничивается Великобританией, иногда Францией и Германией. Когда дети, — хотя это слово мало к ним подходит, ибо к двенадцати годам они здесь уже совершенно взрослые, — разошлись, преподаватели помогли мне дополнить картину деятельности миссии на Соломоновых островах. Кроме Висале, главного католического центра на архипелаге, на островах еще до войны стали возникать и другие центры, например в поселении Бума, на острове Малаита, и в Тетере, где организована больница, в которой монахи заботятся о прокаженных.

В жизнь миссий, как и в судьбу всей Меланезии, громовым ударом ворвалась военная оккупация. Однако миссионеры не покинули Соломоновых островов, несмотря на угрозу японского вторжения, и случилось так, что многие из них были брошены захватчиками в застенки, а двух священников и двух сестер милосердия даже убили. Так что трагический герой Соломоновых островов епископ Эпаллеле и его сподвижники были далеко не последними миссионерами — мучениками этого архипелага.

Целью усилий миссионеров в современной Меланезии, насколько мне известно, является уже не столько об-

ращение «язычников в истинную веру», — ведь и сейчас, сто двадцать лет спустя после драматического начала деятельности первых миссий, не менее трети меланезийского населения продолжает придерживаться своих собственных, «языческих» взглядов, — сколько повышение экономического и культурного уровня местных жителей.

Уолтер Бэдли, меланезийский епископ, на этот раз представитель англиканской церкви, как-то сказал: «Я думаю, что христианская церковь должна заниматься в первую очередь жизнью не загробной, а тем, как человеку живется здесь, на земле. Это не только бессмысленно, но и просто позорно рассказывать жителям Соломоновых островов об арфах небесных, когда от чахотки у них разрываются легкие, проказа разъедает тело и сорок процентов детей умирают через несколько часов после рождения. Что нам действительно нужно — так это больницы, где бы их можно было лечить, школы, где мальчики и девочки получили бы образование, и, наконец, сельскохозяйственный институт, который способствовал бы улучшению жизненных условий этих людей».

Я начал свой рассказ о поездке по меланезийским миссиям со встречи с епископом в шортах, а заканчиваю его словами другого епископа. Может показаться, что я в восторге от деятельности миссионеров. Это далеко не так, но я полагаю, что под тем, что сказал Уолтер Бэдли, может подписаться не только священнослужитель, но и самый убежденный атеист.

ЗА ЗОЛОТОМ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Экономически Соломоновы острова — это самая отсталая и притом наименее известная часть Меланезии. Когда я сошел на «Гендерсон Филд», то почувствовал некоторую гордость оттого, что я первый чех, посетивший эти богом и людьми забытые острова.

Однако позже я узнал, что несколько поторопился со своими выводами. Оказывается, еще в 1896 году в состав первой научно-исследовательской экспедиции, побывавшей на Соломоновых островах, входил чех. Эта австро-венгерская экспедиция высадилась в северной части Гуадалканала около Тетеры. Для того чтобы проникнуть в глубь острова, здесь же наняли проводников. Ближайшей целью экспедиции была вершина горы Татуве. Но ее-то

участники так и не достигли: на них напали воины одного из местных племен, и ни огнестрельное, ни холодное оружие не спасло экспедицию. Среди убитых оказался и мой земляк. Имени его мне так и не удалось обнаружить в архивах протектората. Правда, в Хониаре, если речь заходит о погибших в этой первой научно-исследовательской экспедиции, вспоминают и об одном богемце⁵⁹.

Что же привело моего соотечественника и всех членов этой незадачливой экспедиции на незнакомые острова? Золото. Так же как оно влекло людей во многие другие части света.

Но действительно ли на Гуадалканале, на горе Татуве, есть золото? Гордон, человек осведомленный, на мой вопрос ответил утвердительно:

— Стоит посмотреть из окна моего дома в Хониаре, как перед глазами встает картина возвышающегося над городом величественного и враждебного Голден ридж (Золотого гребня), покрытого облаками. Название его оправдано — говорят, что в этих диких, покрытых джунглями горах столько золота, что было бы целесообразно начать промышленную разработку. Но трудности любого такого начинания и непроходимые джунгли, которые пришлось бы вырубить на территории нескольких квадратных миль, — все это пока сдерживает предпринимателей.

Итак, заверяет Гордон, золото на Гуадалканале есть, так же как и на Фиджи, и на Новой Гвинее. Оно-то и дало название этим островам. Первооткрыватель их был уверен, что попал в легендарную страну Офир, где находились сказочно богатые копи царя Соломона и откуда отплывали корабли, нагруженные золотом для Большого Иерусалимского храма⁶⁰.

Таким образом, имя царя Соломона, поэта и строителя Иерусалима, вошло в историю Меланезии. Случилось это так. Когда испанцы в поисках золота добрались до берегов Америки, то они нашли в Мексике, стране ацтеков, и Перу, империи инков, столь сказочные богатства, что им показалось, будто все, о чем могли лишь мечтать искатели сокровищ, действительно сбывается.

В Перу, которое захватил Писарро, новым властителям индейской империи не давали покоя две не найденные еще страны. В одной из них якобы жил «золотой» царь (по-испански «Эльдорадо»). Страна, где царь носил золотые одежды, была действительно обнаружена на

севере Южной Америки. Там оказались и желтый металл, о котором так мечтали испанцы, и множество изумрудов.

Легенда о «золотом» царе имела реальную основу — каждого нового повелителя сильного колумбийского племени чибча⁶¹ «короновали» так: на золотых носилках несли его к озеру Гуатавита. Там, на берегу, будущий повелитель сбрасывал с себя все одежды; тело его натирали благовонной смолой, а затем покрывали густыми слоями золотой пыли. Царя буквально осыпали золотом. Сверкающий повелитель входил в озеро и в его священных водах смывал с себя драгоценный металл, а участники «коронования» бросали туда сотни золотых изделий.

Итак, легенда, связанная с «золотым» царем Эльдорадо, оказалась явью. Царь такой действительно существовал, и страна его — тоже. А найденной, но манящей осталась другая страна, богатства которой были так велики, что легенда о них попала даже на страницы Библии, каждое слово которой в то время принималось на веру. Но где же искать эту библейскую страну Офир? Кому удастся найти сказочные копи царя Соломона?

Один из властителей Перу, знаменитый Тупак Юпанки, лет за восемьдесят до прихода туда белых предпринял большую морскую экспедицию на плотах из бальсовых деревьев на острова Ниньячумби и Авачумби, расположенные в Тихом океане. Из этой экспедиции Тупак Юпанки привез много золота, серебра, бронзовый трон, десятки чернокожих пленников, а также шкуру доселе не виданного здесь животного — лошади. Вся экспедиция на острова Ниньячумби и Авачумби длилась менее года.

В наши дни рассказ об экспедиции могущественного инки может показаться неправдоподобным, в частности, например, несколько наивная история с лошадиной шкурой. Но в те времена, после того как подтвердились легенды о богатстве Мексики и Перу, сообщение о золотом острове звучало для испанцев как райская музыка. И вот четверть века спустя после того, как Писарро захватил империю инков, вице-королю в Лиме направляют просьбу о снаряжении экспедиции с целью «поиска тех островов в Южном океане, которые называются Соломоновыми».

Человеком, записавшим рассказ о плавании могущественного инки⁶² на «золотые» острова и поставившим знак равенства между ними и библейской страной Офир с копиями царя Соломона, стал Педро Сармиенто де Гамбоа. Он не был пустым мечтателем или чванливым, ту-

пым конквистадором — явление обычное для испанской Америки. Сармиенто имел блестящее образование, кроме того, он приобрел богатейший опыт в мореплавании, так как объездил весь свет. Из Испании он отправился сначала в Мексику, там, однако, ему не повезло. Католическая инквизиция обвинила Педро в «колдовских чарах». Он был судим, и на площади в Гвадалахаре, где Педро тогда жил, его подвергли наказанию плетью, а потом и вовсе изгнали с острова.

Из Новой Испании — Мексики — Сармиенто отправился в другой центр испанской колониальной империи в Америке — столицу Перу Лиму. Там история повторилась. И хотя он занимал высокий пост главного астролога при дворе вице-короля, инквизиция снова обвинила его в черной магии. У Педро произвели обыск и нашли несколько навигационных приборов, на которых были нанесены обычные ориентационные знаки. Несмотря на то что подобными приборами моряки пользовались уже много лет, инквизиторы объявили их магическими. Сармиенто снова признали виновным, арестовали и выслали из Лимы. Живя среди индейцев в одной из перуанских деревень, Сармиенто записал историю плавания инки Тупака Yupанки на неизвестные острова Тихого океана.

Очень правдивый на первый взгляд рассказ о путешествии властителя Перу побудил Сармиенто, после того как он был прощен и ему разрешили вернуться в Лиму, написать прошение о подготовке экспедиции за золотом на «острова царя Соломона».

Астролог, язычник, мореплаватель и инженер предложил свой детально разработанный план тогдашнему испанскому наместнику Перу Лопе Гарсия де Кастро, который этим предложением весьма заинтересовался. Но так как он хотел, чтобы честь открытия или, точнее говоря, вторичного открытия копей царя Соломона принадлежала ему или по крайней мере кому-либо из членов его семьи, то назначил начальником экспедиции не ее идейного вдохновителя — Сармиенто, а своего племянника Альваро Менданью де Нейра.

Сармиенто принял участие в экспедиции, но лишь в качестве капитана одного из двух кораблей. Гарсия де Кастро снарядил корабли «Лос Рейес» водоизмещением двести пятьдесят тонн и «Тодос Сантос» водоизмещением сто десять тонн.

Педро Сармиенто де Гамбоа командовал флагман-

ским кораблем, который члены экспедиции называли «Капитаной», на капитанском мостике другого корабля, прозванного «Альмирантой», стояла Педро де Ортега. Трассу в океане прокладывал «пилото майор» Эрнан Гальего. Начальником всей экспедиции, как мы уже говорили, был Альваро Менданья де Нейра.

Со стороны наместника короля это было очень смелое решение. Он доверил более ста пятидесяти жизней юноше, которому едва исполнился двадцать один год и который свои самые опасные приключения до той поры пережил не среди океанских волн, а в постелях замужних перуанских красавиц. Вскоре, однако, стало ясно, что умный и тактичный Менданья умеет неплохо справляться с бывальыми морскими волками. Экипаж «Капитаны» и «Альмиранты» состоял из восьмидесяти матросов, семидесяти солдат, десяти чернокожих рабов, нескольких рудокопов и золотоискателей, умеющих промывать золото, и, наконец, четырех францисканских монахов.

17 ноября 1567 года «Альмиранта» и «Капитана» покинули наконец при попутном ветре Кальяо — главный порт испанского Перу. Это было первое плавание по Тихому океану из Южной Америки, и руководил экспедицией, повторяю, юноша, не имеющий никакого опыта.

Ни Сармиенто, ни Менданья не думали, что плавание на острова, которые они хотели отыскать, продлится слишком долго. Однако лишь на шестьдесят третий день, когда все запасы уже почти истощились, они увидели землю — маленький атолл, который Менданья назвал именем Иисуса.

7 февраля следующего года флотилия бросила якорь у сравнительно большого острова. А так как это плавание в неизвестное началось 17 ноября — в день св. Елизаветы, то Менданья первый большой остров из архипелага, на котором еще не побывал белый человек, назвал ее именем — по-испански Санта-Исабель.

В путевом дневнике Эрнана Гальего встречается первое сообщение о меланезийцах. Он описывает их следующим образом: «У них коричневая кожа, курчавые волосы, ходят они почти совсем голыми, надевая лишь коротенькие юбочки из пальмовых листьев». Испанцам продовольствие было необходимо. А другой пищи кроме ямса, таро и кокосовых орехов на Соломоновых островах не было. Местные жители, правда, выращивали свиней, но их им не хватало и для себя. И Менданья решил, что

пищу, особенно свинину, он для своих людей добудет силой. Когда вождь Билебанарра отказался кормить незваных гостей, Сармиенто сошел на берег, чтобы схватить его и получить выкуп продовольствием. Но Билебанарра сумел вовремя скрыться в горах, и единственным членом семьи вождя, попавшим в руки белых, оказался его старый дед.

Испанцы захватывали пленных с помощью специально натренированных собак. Пойманных островитян Менданья вновь продавал в обмен на продовольствие, в основном на свиней.

В то время как часть испанцев вела малопрстойную торговлю с жителями Санта-Исабели, остальные члены экипажа усиленно строили небольшую бригадину водоизмещением тридцать тонн. Дон Альваро полагал, что для плавания среди Соломоновых островов, часть которых виднелась на горизонте, будет пригоднее судно меньших размеров, чем «Альмиранта» и «Капитана».

4 апреля бригантина, названная «Сантьяго», была спущена на воду. Она направилась вдоль северных берегов Санта-Исабели, пересекла пролив и бросила якорь у Большого острова. Ортега позже переименовал Большой остров в Гуадалканал по имени города, в котором когда-то жил в Испании.

С Гуадалканала бригантина вернулась в Звездный залив, а затем все три корабля направились на вновь открытый остров. Место, где они бросили якорь, я часто посещал во время своего пребывания в Хониаре. Здесь, где был когда-то первый укрепленный пункт испанцев на Соломоновых островах, находится Управление протектората. В наши дни это место в окрестностях Хониары называется Пойнт-Крус. Менданья называл его Пуэрто де ля Крус. Не прошло и недели с того момента, как испанцы бросили якоря, а в глубь острова уже направилась первая пешая экспедиция в поисках золота в горах и реках. Руководителем этой группы, состоящей из двадцати двух человек, был Андрес Нуньес.

У золотоискателей оказалось слишком мало времени, и они не смогли провести настоящую разведку. И все же испанцы были оптимистами, и Менданья до конца дней своих верил, что золото на его островах есть.

В то время как старатели искали в глубине острова золото, бригантина отправилась на поиски других неизвестных земель. И действительно, испанцы вскоре обна-

ружили еще один довольно большой, а в наши дни второй после Гуадалканала по значению остров архипелага — Малаиту. На юге мореплаватели нашли землю, которую называли именем св. Кристобалья. В водах Сан-Кристобалья кораблям Менданьи пришлось выдержать свой самый тяжелый бой — на них набросились почти сто канюэ островитян.

Но более опасными, чем постоянные стычки с местными жителями, для членов экипажа оказались тропические болезни. И в первую очередь — жестокая малярия. От высокой температуры и лихорадки постепенно умерло более пятидесяти испанцев. Несмотря на это, по-юношески смелый и упрямый Менданья хотел продолжать плавание. Он предлагал отправиться еще дальше на запад на расстояние около пятисот километров от берегов Соломоновых островов. Если бы испанцы осуществили это намерение, то Менданья с востока открыл бы Новую Гвинею и, возможно, дошел до неизвестного континента — Австралии.

Однако недовольство среди смертельно уставших моряков было слишком велико. И Менданья сдался, согласившись повернуть назад. 11 августа, после шести месяцев, проведенных на Соломоновых островах, первая европейская экспедиция в Меланезию покинула Сан-Кристобаль. Возвращалась она северным путем. Пересекли экватор, миновали Маршалловы острова, пережили страшную бурю, которую не помнил даже Гальего, проплававший без малого полвека.

Во время бури флотилию раскидало, и каждый корабль добирался назад в одиночестве. Когда ураган стих, на корабле Менданьи чуть не вспыхнул бунт. Моряки решили, что домой, в Перу, им никогда уже не удастся вернуться. И они, которые так торопились покинуть Соломоновы острова, потребовали, чтобы Менданья повернул штурвал и поплыл назад, на Гуадалканал, иначе, мол, все погибнут. Но на этот раз командир решительно настоял на возвращении в Перу.

Члены экипажа тем временем продолжали умирать от голода и жажды, одни ослепли, у других от цинги выпали все зубы.

Прошло более пяти ужасных месяцев, прежде чем они увидели наконец пустынное побережье Калифорнии. Тогда моряки изменили курс и поплыли вдоль берегов Америки все время на юг. В ближайшем мексиканском пор-

ту все три корабля, которых разбросало во время бури, встретились снова.

Однако здесь Менданью ждало страшное разочарование. Капитан порта отказал экипажу в помощи, не дал никакого продовольствия, запретил произвести ремонт кораблей. И полуразвалившиеся суда вновь вынуждены были поднять якоря в поисках другого убежища. После трудного плавания они добрались до следующего порта на Тихоокеанском побережье в нынешнем Никарагуа. Та же история повторилась и здесь. Но теперь они уже не сумели бы доплыть до Лимы. Начальнику экспедиции не оставалось ничего другого, как продать местным торговцам свое личное имущество, чтобы расплатиться за ремонт кораблей.

Лишь после этого, через тридцать дней, проведенных в море, корабли Менданьи наконец бросили якоря в перуанском порту Кальяо. Они вернулись домой. Но родина, которую испанцы каких-нибудь пятьдесят лет назад украли у индейцев, встречала их не очень-то горячо. Ведь они вернулись измученными и бедными, еще более бедными, чем в начале плавания. Да, на Соломоновых островах, может быть, золото и есть, но в трюмах они не привезли ни одной унции. А где же серебро, драгоценные камни, пряности? Ничего этого Менданья не нашел. Экспедиция лишь принесла тем, кто принял в ней участие, голод, жажду, страдания, а многим и смерть. Хуан де Ороско, чиновник вице-королевства, который после возвращения Менданьи выслушал его, послал совершенно недвусмысленное сообщение испанскому королю о результатах экспедиции: «По моему мнению, острова, открытые [Менданьей] на западе, не имеют никакого значения, так как на них не было обнаружено никаких следов золота, серебра или других источников прибыли и потому что на этих островах живут лишь голые дикари».

Менданья действительно не привез из экспедиции никаких драгоценных металлов, хотя, как мы сегодня знаем, золота на обнаруженном им архипелаге много. Однако он впервые открыл новый морской путь в южной части Тихого океана, сумел проплыть от берегов Америки почти до Австралии, пройдя около трех тысяч километров. Экспедиция Менданьи, преодолев огромное расстояние и встретившись с многочисленными препятствиями на своем пути, значительно превзошла морской поход Колумба. Но Колумб, однако, открыл Америку с ее сере-

бром, золотом и индейскими империями. А Менданья? Он обнаружил, как сообщил Хуан де Ороско, всего лишь «нескольких голых дикарей».

Менданья, однако, не утратил веры в свои острова. Тридцать лет он стремился вернуться туда снова. После многочисленных проектов и просьб официальные органы одобрили наконец план новой экспедиции. На этот раз она должна была искать не золото, а заселить эти дикие острова испанскими колонистами. Менданья добился согласия у самого короля, который присвоил первооткрывателю Соломоновых островов титул маркиза.

И он оправдал возложенные на него надежды. Однако в Панаме, несмотря на королевское распоряжение, новоиспеченный маркиз был брошен наместником в тюрьму. Бог знает по какой причине. Быть может, для того, чтобы Менданья не смог осуществить широкого плана колонизации Океании и тем самым не обошел бы своих завистливых, но ленивых соперников. На свободе Менданья оказался лишь спустя долгое время.

Выдержав и эти тяжелые испытания, маркиз взялся за организацию новой экспедиции. Своим заместителем он назначил Педро Фернандеса де Кираса. Немалую роль в новой экспедиции играла и супруга Менданьи — Исабель де Баррето.

У Менданьи на этот раз было четыре корабля: два крупных, «Сан-Херонимо» и «Санта-Исабель», и два поменьше, «Сан-Филипе» и «Санта-Каталина». На них находилось несколько сотен будущих испанских колонистов для Соломоновых островов — земледельцев, ремесленников, рудокопов, священников и девиц легкого поведения.

Флотилия покинула Кальяо в апреле 1595 года. Маршрут Менданьи отличался от его первого плавания. Благодаря этому он смог присоединить к своим открытиям один из архипелагов Полинезии — Маркизские острова.

Результат краткого пребывания Менданьи на Маркизских островах был для их обитателей трагическим. За каких-нибудь две недели испанцы сумели истребить более двухсот человек. И поэтому не удивительно, что когда Менданья попытался найти среди своих пассажиров десятка три колонистов, которые захотели бы осесть на Маркизских островах, то после всех преступлений, совершенных против местных жителей, не нашлось ни одного добровольца, пожелавшего остаться. Все мечтали о Соломоновых островах, о которых вопреки безуспешным

результатам первой экспедиции Менданы рассказывали множество фантастических историй.

Но «сказочно богатых» Соломоновых островов их первооткрыватель — какая ирония судьбы! — так и не нашел. Он их проскочил. Вместо них Менданья обнаружил группу Санта-Крус — несколько небольших островков, расположенных к югу от Соломонова архипелага. Островитяне вначале встретили испанских колонистов дружелюбно. И Менданья решил основать свою колонию здесь, на берегу удивительного по красоте залива, названного им Грасиоса.

Они высадились на берег и стали строить жилища. Но очень скоро колонисты оказались лицом к лицу с малярией, врагом, куда более опасным, чем меланезийцы с их луками и дубинками. Недовольных становилось все больше.

Манрике, один из заместителей Менданы, стал даже замышлять бунт против своего командира. Но жена Менданы узнала о готовящемся мятеже и сама проявила решительность. Она выманила Манрике из лагеря и с помощью своего родственника Лоренсо де Баррето, тоже заместителя Менданы, убила его.

Однако и сам Лоренсо де Баррето вскоре умер от малярии. А 18 октября 1595 года от тропической лихорадки скончался Менданья, мужественный первооткрыватель меланезийских и полинезийских островов.

Он был не первой и далеко не последней жертвой своей несчастной экспедиции. На грасиосском кладбище к тому моменту уже стояло около пятидесяти свежеструганных крестов. Ночью накануне смерти Менданы наступило полное затмение луны. Оставшиеся в живых колонисты не сомневались в том, что это невиданное зрелище является знамением небес. Теперь уже никто не мог удержать первых европейских колонистов в Меланезии.

Вдова Менданы, донья Исабель, взяла судьбу экспедиции в свои руки. Она приняла решение направить флотилию к Филиппинским островам, расположенным вблизи от азиатского побережья, и сама повела корабли по этим незнакомым водам. Вероятно, впервые в истории мореплавания целую флотилию, притом по совершенно незнакомому маршруту, направляла женщина. И, как это ни странно, она справилась с этим делом успешнее мужа. С помощью Кироса она привела два корабля в Манилу, главный порт Филиппин. Третий корабль во время пла-

вания отделился, и его экипажа никто больше не видел. Четвертое судно было потеряно еще раньше.

С Филиппин спустя немало времени некоторые участники экспедиции вернулись в Перу. А так как Менданья спрятал карты, сделанные им во время первого плавания, то в течение долгого времени ни один из европейских мореплавателей не мог найти Соломоновы острова. Свыше двухсот лет никто так и не видел ни Гуадалканала, ни Сан-Кристобаля. Исключение составил лишь вернувшийся с Филиппин упрямый Кирос. Он еще раз отправился в Океанию, сделав короткую остановку на Соломоновых островах.

И лишь в конце XVIII века Малаиту вновь открыл Картерет. Но к этому времени европейцы стали искать в Океании уже не золото, а другие сокровища — трепангов и сандаловое дерево. В поисках золота на Гуадалканал отправилась вновь лишь злополучная австро-венгерская экспедиция, среди погибших участников которой был и мой земляк. Но и ей не удалось отобрать золото у гуадалканалских гор. В наши дни его уже нашли, но пока к нему еще не притронулись. Оно ждет тех, у кого будет современное горнодобывающее оборудование и достаточно средств. Но это уже не прошлое, а будущее Соломоновых островов.

ЗАЛИВ АКУЛ, РЕКА КРОКОДИЛОВ, ПОЛЕ ПТИЦ

После посещения Висале, поездки в Ророни и нескольких интересных вылазок в глубь острова я стал чувствовать себя на Гуадалканале почти как дома и отважился даже совершить путешествие в район, очень интересный для этнографа, который островитяне называют Тасимбоко.

Тасимбоко, Аолу, Парипао и Лонггу населяет одна из самых крупных групп — племя ленго. Их язык, который Гордон понимает, — один из важнейших для всего архипелага. На территории протектората проживает сто шестьдесят шесть тысяч человек, местные жители говорят на шестидесяти пяти различных языках, причем из них пятьдесят семь — меланезийских, пять — полинезийских и три — папуасских.

От Хониары до страны людей племени ленго не так далеко, но дорогу туда отнюдь не облегчают такие пре-

пятствия, как, например, непроходимые джунгли, которые кое-где спускаются к самому морю. Единственная дорога тянется здесь вдоль узкой песчаной полоски берега. В одном месте ее прерывает глубокий залив, и, дойдя до него, не остается ничего иного, как пускаться вплавь. В отличие от большинства островов Океании Гуадалканал не окружен коралловым атоллom, и поэтому здесь к самому берегу подплывают страшные океанские хищники — акулы. Мне уже пришлось выслушать десятки рассказов о людях, которые были разорваны акулами вблизи берега. Но иной дороги в Тасимбоко нет, хочешь не хочешь, придется переплыть через залив Акул. Нас сопровождают два носильщика. Они раздеваются донага, мы следуем их примеру (кстати, и женам чиновников протектората приходится раздеваться в таких случаях, даже когда они путешествуют вместе со своими слугами). Затем мы погружаемся в теплые воды залива.

В правой руке я держу над водой свою немудреную одежду и фотоаппарат, а левой разгребаю мелкую рябь. Не могу сказать, чтобы на сердце у меня было спокойно и радостно. Но по-настоящему я испугался уже после, когда нам пришлось преодолевать следующее водное препятствие и я оказался в реке Крокодилов.

Широкое ее русло по мере приближения к океану окрашивается в коричневый цвет. Именно в такой мутной, прогретой солнцем воде водятся крокодилы. Я вспомнил о несчастном островитянине из госпиталя в Хониаре. Он был родом из деревни, расположенной неподалеку отсюда. Во время купания крокодил впился зубами ему в правую ногу. Человек чудом остался жив. Но ногу пришлось ампутировать.

В реке Крокодилов вас подстерегает и намного более коварный противник. Покидая Гуадалканал, оккупанты по традиции всех побежденных армий побросали гранаты, снаряды и взрывчатку в реки. Так что в прибрежном иле вам могут встретиться не только речные хищники, но и десятки лет пролежавшие здесь боеприпасы.

Поэтому я вступаю в воду очень неуверенно. На всякий случай срезаю длинную палку и пока достаю до дна, подобно слепцу, ковыряю впереди себя эту противную коричневую кашу.

В десяти-пятнадцати метрах от берега уже можно плыть. Я отбрасываю палку, правой рукой вновь поднимая узелок с одеждой и бельем, левой разгребаю воду,

изо всех сил напрягая слух и зрение, чтобы не «проворонить» какого-нибудь крокодила. Секунды тянутся как часы. Мне казалось, что противоположный берег отдаляется, вместо того чтобы приближаться. Наконец я все-таки почувствовал под ногами мягкое, липнущее к ступням речное дно. И вот я опять на берегу. Не успел одеться, как ко мне подошел деревенский мальчик и предложил только что пойманного им маленького крокодилычка.

— За один доллар. Очень вкусно...

Я знаю, что вкусно. Но если бы даже крокодил был золотой... Редко я так грубо обходился с маленькими продавцами.

Собственно говоря, все трудности и опасности пути я преодолел ради здешнего лакомства и ради птиц, которые «поставляют» его островитянам. Тасимбоко вместе с островком Саво — это, вероятно, те единственные места в Меланезии, где жизненные условия островитян определяются сбором яиц.

Щедрую птицу зовут здесь «табон». По-латыни она именуется *Megapodius eremita Hartlaub* и относится к семейству куриных, но отличается от других представителей своего вида, как, собственно, и от всех остальных птиц на земле, способом свивания гнезд (по-английски «инкьюбейтор бёрд»). Табоны — а орнитологи различают их свыше тридцати видов — действительно откладывают свои яйца в настоящие, искусно созданные «инкубаторы».

Некоторые виды табонов, например тот, с которым я впоследствии познакомился в Австралии, насыпают слой земли и листьев высотой до нескольких метров. Здесь самка несет яйца. Больше о будущем своих птенцов она не заботится. Гниющие листья выделяют в дальнейшем определенное количество тепла. В этом искусственном инкубаторе и появляются на свет птенцы табона. Австралийский табон несколько раз в день проверяет клювом температуру своего сооружения. Если она слишком высока, он слегка разгребает кучку, если слишком низка, то добавляет листьев. За своим семейным инкубатором самец следит в течение всего года. Ведь на будущий год самка снова снесет яйца в этом же «фамильном» питомнике.

В Австралии яйца табонов считаются одним из самых изысканных и редких лакомств. Больше того, табоны находятся здесь под охраной закона. А в Меланезии в про-

шлом их яйца были главным, а иногда и единственным источником пропитания жителей островов.

Для этнографа этот факт, естественно, очень любопытен. Когда я узнал, что на Соломоновых островах еще и в наши дни существуют два места, где табон до сих пор остается единственным «работодателем» жителей, мне захотелось побывать хотя бы в одном из них. Поэтому после долгого обсуждения мы с Гордоном выбрали Тасимбоко. Как мне рассказывали островитяне, табон жил когда-то лишь в Тасимбоко, а на небольшой островок Саво, лежащий на другой стороне пролива как раз напротив Висале, его переселили — точнее, его туда специально переселили — сравнительно недавно. Когда именно — узнать мне не удалось. Я лишь записал легенду о том, как первый табон из Тасимбоко перебрался на остров Саво.

По преданию, он опустился на юго-восточном побережье острова Саво в месте, которое называется Кика. Однако вскоре его прогнал дух Пуирини — защитницы местного племени, которая была против того, чтобы чужие птицы уничтожали урожай. И тогда первый табон продолжил свой полет вдоль побережья, пока не добрался до деревни Ангатока. Добрый дух здешнего племени — Погоаталеи и его тотем, змея Покисила, приняли пришельца более благожелательно, позволив табонам поселиться здесь и заложить на земле, принадлежащей роду Какауга, свое поле Птиц.

Табоны снесли на новом поле первые яйца. Дух Погоаталеи отдал большинство яиц своему роду, еще четыре подарил роду Зонггокама, живущему в Танагаике, а последние четыре — роду Зимбо, обитающему в деревне Сиа-Сиа. И поле Птиц на острове Саво с тех пор стало принадлежать этим трем родам.

В Тасимбоко табоны гнездятся с незапамятных времен, и поэтому, наверное, легенды о том, как здесь образовалось поле Птиц, никто не знает. Оно расположено меньше чем в получасе ходьбы от деревни. Гуадалканалские и савоские табоны отличаются способом гнездования не только от других птиц, но и от всех остальных табонов. Они откладывают яйца не в кучи листьев, а закапывают их в землю, точнее, в мягкий песок.

Тасимбокское гнездовье — или, как здесь обычно говорят, поле Птиц — расположено неподалеку от побережья. На первый взгляд оно напоминает детскую песоч-

ную площадку в наших дворах. Большой ровный участок — нигде ни одного растения. Здесь табон вырывает в песке подземный коридор длиной около метра. В нем он откладывает яйца, затем вылезает и ямку тщательно засыпает. После короткого отдыха табон улетает.

В песке яйца согревает тропическое солнце. Они лежат в этом естественном «инкубаторе» три недели. Еще три или четыре дня требуются птенцу, чтобы выбраться на поверхность. Когда он вылезает из этого своеобразного родильного дома, то уже может летать.

Однако лишь немногие яйца остаются в песке эти долгие три недели. Как правило, их откапывают в первые же дни. Меня, конечно, заинтересовал способ сбора яиц. Оказалось, что «урожай» с поля Птиц снимают раз в неделю. Этим довольно легким делом занимаются только мужчины. Я даже думаю, что для женщин поле Птиц — табу. Собиратели яиц разгребают песок не руками, а специальным инструментом — своеобразной деревянной лопаткой, вырезанной из вяза.

В то время как собиратели яиц приходят на поле раз в неделю, трудолюбивые птицы прилетают сюда из джунглей трижды в день — рано утром, в полдень и вечером перед заходом солнца. Наблюдая за столь дисциплинированным началом птичьего рабочего дня, я был буквально восхищен этим зрелищем. Островитяне заверили меня, что каждый табон садится точно на свое место и что даже последующее поколение откладывает яйца там же, где и их родители.

Табоны на Тасимбоко ничем особенно не примечательны, внешне они напоминают индюшат, поэтому англичане и называют их лесными индюками. У них сильные ноги, крепкие когти. Яйца табонов сравнительно велики, длина их достигает восьми сантиметров, в то время как размеры самой птицы не превышают сорока.

При каждой носке самки откладывают в песок по одному яйцу. После того как они возвращаются в джунгли, на поле Птиц приходят местные жители, собиратели яиц. В других местах на Гуадалканале табоны уже вымерли, но на поле Тасимбоко они все еще прилетают. А до тех пор пока здесь гнездятся табоны, каждый квадратный метр поля Птиц представляет для островитян такую же ценность, какую для жителей Нью-Йорка квадратный метр земли на Манхаттане.

Большой интерес для меня представляло и то, как в

этом первобытном обществе распределяется земля. Поле Птиц разделено здесь на квадратные участки со стороны от шести до десяти метров. Каждый из них — собственность одного жителя деревни. Обозначаются они с помощью палки, воткнутой в центре.

Жители деревни могут поступать с участками, как настоящие землевладельцы: продавать их (но только жителям своей деревни), обменивать, завещать потомкам мужского пола, могут даже арендовать на одну или несколько недель или на один или несколько сборов «урожая».

Вопросы собственности и взаимоотношений между владельцами участков на поле Птиц, как оказалось, регулируются первым юридическим уложением Тасимбоко, согласно которому на поле воспрещен вход всем, кто не является собственником участка (в отношении меня жители деревни любезно сделали исключение). Установлен размер штрафа, который должен заплатить каждый нарушитель. Существует также штраф и на тот случай, когда яйца собирают на рассвете, то есть в период наиболее интенсивного откладывания. И естественно, особенно строго местный «уголовный кодекс» карает тех, кто собирает яйца на чужих участках. Дело зашло так далеко, что «яичные капиталисты» Тасимбоко наняли для охраны своего поля платных сторожей.

Это занятие, превратившее предыдущие поколения тасимбокцев, не знающих ни сельского хозяйства, ни рыбной ловли, в профессиональных собирателей яиц, приносит жителям деревни большие доходы. Закон спроса и предложения действует и в обществе, которое едва лишь успело сбросить одежды каменного века. В связи с вымиранием табонов начали постепенно исчезать с «рынка» и их яйца. Однако пока еще ни одно торжество на Гуадалканале, ни одна свадьба, ни одни похороны и даже просто званый обед немислимы без яиц табонов.

В наши дни жители Тасимбоко за птичьи яйца получают не только рыбу, которую для них ловят в прибрежных деревнях, не только таро, которое для них возделывают обитатели центральных областей, но и современные промышленные изделия. На всем архипелаге я не видел такого количества туфель, как в этой деревне, отрезанной от остального мира заливом Акул, рекой Крокодилов и непроходимыми джунглями.

Самое изысканное лакомство жителей Соломоновых

островов можно в наши дни купить и за австралийские доллары. Любят его даже чиновники протектората, несмотря на то что именно они объявили о строжайшей охране вымирающей птицы.

А так как запрет собирать и употреблять в пищу яйца табонов нарушают даже те, кто его провозгласил, я отважился отведать их прямо на глазах у Гордона — высшего чиновника на территории этого округа. Мне удалось даже попробовать эти яйца, приготовленные двумя способами: сначала вкрутую, сваренные на обычном здесь открытом огне, затем «а ля Тасимбоко», всмятку, приготовленные в бамбуковом сосуде.

Насытившись запретным плодом, я распрощался с последними меланезийскими собирателями яиц, переплыл через реку Крокодилов и залив Акул, через другие речки и ручьи, прошагал по песку и джунглям, пока не добрался до Хониары. Но во рту я все время чувствовал вкус необычного блюда, последнего воспоминания о лакомстве собирателей яиц, «птичьих капиталистов», владельцев удивительного поля в Тасимбоко.

ПОСЛЕДНИЙ «МОНЕТНЫЙ ДВОР» КАМЕННОГО ВЕКА

После Гуадалканала мне захотелось предпринять еще одну очень интересную для этнографа, но весьма трудную поездку. Я мечтал побывать на последнем «монетном дворе» каменного века, еще сохранившемся на Соломоновых островах. Монетный двор? Но откуда в обществе, которое лишь недавно находилось где-то на уровне неолита, могли оказаться деньги? И тем не менее здесь, на Соломоновых островах, местные жители создали собственную, довольно своеобразную, но общепризнанную и до сих пор существующую денежную систему. Правда, эти деньги весьма отличаются от наших монет, банковых и казначейских билетов.

Производство их всегда было здесь привилегией жителей нескольких маленьких и до сих пор крайне труднодоступных островков, расположенных довольно далеко от сердца архипелага — Гуадалканала.

Мне пришлось сначала перебраться на Малаиту, тоже крупный, когда-то густонаселенный остров. Благодаря прогрессу цивилизации, — я об этом процессе еще буду говорить, — в наше время на Малаите живет в три

раза меньше людей, чем сто лет назад. В 1968 году, когда здесь побывал я, Малаиту населяло пятьдесят семь тысяч островитян.

С этого острова мне уже надо переправляться на островки, расположенные в труднодоступном атолле Ланга-Ланга, в западной части его лагуны. Первая моя цель — ближайший островок Ауки. Но сначала нужно достать лодку.

Вскоре мне удалось уговорить малаитского паренька, который довольно бегло изъяснялся на меланезийском «пиджин». За пять австралийских долларов он сдал мне в аренду не только себя и свою лодку, но также и огромный черный зонтик, чтобы защитить меня от раскаленного экваториального солнца.

О цене и обо всем, что мне хотелось увидеть на Ауки и вообще в лагуне Ланга-Ланга, я с пареньком договорился довольно быстро. После недолгого, но из-за тропической жары утомительного пути мы подошли к островку Ауки. Окружающий вид словно вырезали из рекламного фильма о красотах Океании. Диаметр островка едва достигает сотни метров. На пустых пространствах между примитивными хижинами островитян растут кокосовые пальмы, а у берега ждут длинные узкие лодки.

Затерявшийся, малозаметный клочок земли, каких в Океании тысячи. И в то же время в этих примитивных лагунгах создается единственное богатство, которое островитяне, где бы они ни находились, знают и признают, — их деньги. Их странные деньги, полученные из раковин.

И хотя эти деньги обращались и до сих пор обращаются на большей части Соломоновых островов, их производство ограничено несколькими местными «монетными дворами», укрытыми именно в лагуне Ланга-Ланга. И это имеет свои причины. Достаточно бросить взгляд на этот маленький островок, чтобы понять, что ни одна сельскохозяйственная культура здесь не выживает. Дело в том, что коралловые островки в этом заливе образовались из известняка, на котором может вырасти лишь кокосовая пальма. Так что основным источником пищи и влаги жителей этой лагуны являются кокосовые орехи и, конечно, море, которое здесь особенно щедро. Но островитяне привыкли к таро, ямсу, свинине, им нужна более разнообразная пища, и для этого приходится выменивать продукты питания на свои ремесленные изделия. Пользуясь наибольшим спросом, а теперь уже и единст-

венным изделием ремесленников Ланга-Ланга являются деньги из раковин.

Производство таких «монет» сложно. Оно требует не только терпения, но и большого мастерства. На Ауки, а ранее и на других островках залива, ракушки «чеканили» с незапамятных времен. В наши дни сохранился единственный «монетный двор» каменного века. Именно здесь.

С помощью своего гида я знакомлюсь с теми, кто «делает» на острове деньги. Это — женщины. Мужчины никогда не имели с производством денег ничего общего. Они лишь обеспечивают свой «монетный двор» сырьем.

Женщины Ауки производят три сорта «монет» из трех разных видов раковин. Я еще раньше заметил, что на Малаите и на других Соломоновых островах чаще всего пользуются «белыми деньгами», то есть полученными из белых раковин — так называемых *какаду*. Их здесь и «чеканят» больше всего.

Раковины *какаду*, диаметром в среднем около пяти сантиметров, местные мужчины вылавливают прямо в водах лагуны. Но вскоре я убедился, что ловцы раковин стараются увильнуть от своей работы и предпочитают покупать сырье для своих тружениц-жен на острове Нггела. Стандартная цена за корзину полуфабриката, в которую входит около двухсот пятидесяти белых раковин, равна половине австралийского доллара.

Перед работницей этого примитивного «монетного двора» стоит полупустая корзина. Вначале островитянка тщательно осматривает раковину. Негодные сразу выбрасываются. Хорошую раковину женщина разбивает, разламывая на несколько пластинок, по возможности круглых, потому что готовые «монеты» должны быть именно круглыми, диаметром восемь миллиметров. Раковины разбивают *фалбурой* — молотком из черного камня. Материал для производства этих молотков жители Ауки добывают на соседнем острове, со дна реки Фиу. Известняк — единственная порода, которую можно достать на Ауки, — недостаточно прочен, чтобы разбить твердую раковину.

После того как женщина обобьет обломки раковины так, чтобы они приблизительно отвечали требуемым размерам, она складывает их в скорлупу кокосового ореха. На этом кончается первый этап «чеканки монет». Теперь надо их отшлифовать, так как белые раковины *какаду*

после первичной обработки становятся шершавыми. Шлифовку женщины производят на первый взгляд простым, но в то же время остроумным способом. Для этого они пользуются деревянным бруском — *мааи*, в донной части которого сделано около пятидесяти ямок, по размерам и глубине соответствующих «монетам» из раковин. В каждое из этих углублений вкладывается один обломок ракушки, и, когда «шлифовальный станок» заполнен, его переворачивают. «Монеты» шлифуются круговым движением по *фаолисаве* — известковой доске, политой водой. На этом процесс «чеканки» завершается.

На Соломоновых островах расплачиваются не одиночными «монетами», а бусами из обработанных раковин, нанизанных на веревочку. Но для того чтобы нанизать готовую «монетку», в ней надо просверлить отверстие. Третья фаза производства денег на острове и есть сверление в них дырок. Но для этого белые диски сначала опускают в воду, чтобы они стали мягче.

Бурав, которым на местном «монетном дворе» сверлят в «монетках» отверстие, произвел на меня огромное впечатление. Это, бесспорно, самый сложный, самый удивительный прибор, какой мне приходилось видеть в Меланезии. Я никак не мог ожидать, что в обществе, которое всего лишь несколько поколений назад находилось на уровне каменного века, без чужой помощи может быть создан технически столь совершенный прибор.

Как все же выглядит и действует этот бурав?

Главной его частью является стержень, заканчивающийся сверлом из очень твердого розового камня — *ланди*, который жители Ауки тоже добывают на Малаите. На вертикальном стержне подвешен на двух веревках горизонтальный. Вертикальный стержень вначале закручивают рукой, причем женщина защищает ее пластиной из черепашьего панциря. Другой рукой она держит горизонтальный. Во время закручивания вертикального стержня на него начинают наматываться веревки. Затем женщина давит на горизонтальный стержень. Раскручиваясь, веревки вращают вертикальную ось. Благодаря колебательным движениям — вверх и вниз — веревки накручиваются то в одну, то в другую сторону, и отверстие в ракушке рассверливается за несколько секунд.

Это оригинальное сверло — самый сложный инструмент, которым пользуются здешние «чеканщицы». Операцией провертывания дырки производство «монет» закан-

чивается. Однако для того чтобы превратить их в средство платежа, женщины должны еще придать им традиционный вид. Я несколько раз убеждался в том, что отдельная «монетка» на Соломоновых островах совершенно никакой ценности не представляет. Другое дело — шнурки, цепочки раковинных «монет». Поэтому женщины нанизывают «монетки» на веревочки, сплетенные из особых волокон. Готовые шнурки пропускают затем по канавке в известняковой доске. Ее диаметр соответствует размерам «монеток». При этой операции края их становятся еще более ровными и гладкими. «Монетки» так тесно прижаты друг к другу, что на одном шнурке их помещается до пятисот.

Меня, естественно, интересовала не только техника производства «монет» каменного века, но главным образом их стоимость, их социальные и экономические функции. Цена отдельных видов и единиц денег из раковин быстро и часто меняется. Что касается белых денег, то на Соломоновых островах я чаще всего встречался с единицей, которую на Ауки называют *галиа*. Галиа — это один шнурок белых «монет» какаду стандартной длины, равной девяноста сантиметрам. Цена галии в то время, пока я здесь находился, равнялась примерно двадцати пяти австралийским центам. Соединенные вместе четыре шнурка галии представляют собой более высокую ценность — *фуру*, равную примерно одному австралийскому доллару. *Исагалиа* — самая большая денежная единица из белых ракушек — образуется путем соединения десяти фур. И наконец, из грубо обработанных белых «монет» составляется *галиабата* — двойная галиа, удвоенная длина стандартного белого шнурка.

На Ауки я видел также, как делают «монеты» и других цветов — красные и черные. Черные деньги изготавливаются таким же способом, как и белые, но из раковин *курила* диаметром примерно тридцать сантиметров. Курилы мужчины Ауки либо вылавливают на отмелях лагуны, либо покупают их у жителей северного побережья Малаиты. Двадцать курил равны примерно четверти австралийского доллара. Черные деньги на Соломоновых островах — самые дешевые. Зато красные — это твердая валюта. Существует установленный обменный курс между самыми распространенными — белыми и самыми дорогими — красными деньгами. Красные стоят ровно в десять раз дороже тех, что изготовлены из раковин какаду.

Красные деньги делают из раковин *рому*. Их высокая ценность определяется трудностью добычи. Найти рому можно лишь на большой глубине и только в двух местах на всем архипелаге. Жители Ауки, как правило, покупают их у рыбаков, населяющих берега пролива Малама-сики. Рыбаки, в свою очередь, отказываются принимать за эти раковины австралийские доллары или какие-нибудь товары, они требуют в обмен лишь красные деньги. Корзина раковин рому стоит одну стандартную длину, то есть девяносто сантиметров красных денег.

Изготовление последних требует выполнения одной дополнительной операции. Здесь, на Ауки, она носит название *парая*. Дело в том, что раковины рому бледно-розового оттенка. Чтобы добиться густого карминного цвета, которым должны обладать красные деньги, раковины кладут на раскаленные добела камни и в буквальном смысле слова варят. Только после этого они принимают красный цвет.

Красные деньги на Ауки представляют собой либо шнурок стандартной длины — девяносто сантиметров, либо бусы из двух, трех и более ниток. *Фире* — самая высокая денежная единица — это ожерелье из десяти шнурков особенно тщательно подобранных «монеток». Точную цену фире мне никто назвать не мог. Но, судя по всему, она превышает пятьдесят австралийских долларов, а это для бедных жителей далекой лагуны невероятное богатство.

К красным деньгам, которые в лагуне Ланга-Ланга называют *ронго*, всегда проявляли интерес и белые люди. Ведь на острова царя Соломона первые европейские мореплаватели пришли для того, чтобы найти здесь золото. А красные деньги помогли им без особого труда вытянуть у меланезийцев огромное количество драгоценного металла. Дело в том, что на рубеже XX века английские и немецкие купцы обнаружили, что у жителей Новой Гвинеи есть золотой песок. Новогвинейские папуасы отказывались, однако, принимать за свое золото европейские товары и деньги; они хотели лишь ронго — красные «монетки» из лагуны Ланга-Ланга. Прибыль, которую при этом обмене получали торговцы, была фантастической — две с половиной тысячи процентов! Так Меланезию охватила лихорадка не только золотая, но и красных денег.

Меня вообще удивляла устойчивость денег, изготов-

ленных на этом «монетном дворе». В то время как фунты стерлингов и доллары колеблются, потрясаемые различными финансовыми кризисами, белые и особенно красные деньги Соломоновых островов сохраняют стабильный курс, а в последнее время их стоимость даже растет. Я не раз видел, как островитяне, вернувшиеся домой после работы, обменивают свою тяжким трудом добытую заработную плату на деньги, изготовленные в Ауки, которым они доверяют больше, нежели монетам белых людей.

Обращаются красные деньги и среди белых колонистов. До войны, например, месячная зарплата рабочего на плантациях равнялась одному шнурку красных денег. В то время установился — правда, в наши дни его уже не соблюдают — обменный курс: один английский фунт, месячная зарплата рабочего, — одна стандартная длина красных денег. Таким образом эти деньги стали способствовать развитию товарообмена, то есть выполнять функции, присущие деньгам в современном, развитом обществе. Однако обращение красных денег в протекторате так и не было узаконено.

Деньги из раковин способствовали даже расширению плантаций на Соломоновых островах. К белому человеку, расплачивающемуся подобной «монетой», островитяне шли охотнее, так как они приходили на плантации главным образом для того, чтобы заработать на жену, которую можно было купить только за деньги из раковин. Кроме жен, которых жители Ауки часто привозят с Большой земли — острова Малаиты, за местные деньги они могут приобрести свинину для юбилейных торжеств. Таким образом, деньги, изготовленные в Ауки, совершают постоянный оборот.

А так как они не обесцениваются, то островитяне их повсеместно держат дома, укладывая кучками в своих хижинах и прикрывая известковыми плитками. Общественное положение на островах лагуны Ланга-Ланга определяется тем, сколько у человека накоплено раковинных денег. Часть этого богатства постоянно изымается из оборота, что позволяет избежать инфляции. Общее количество денег ограничивается производительностью этого единственного в наши дни «монетного двора» и недостатком сырья. Так что на Соломоновых островах всегда испытывают недостаток в деньгах, как, впрочем, и повсюду в мире.

Деньги из раковин отличает еще одна особенность. Это — табу. Юноши до испытания на зрелость не смеют их касаться.

Вожди деревень, обладающие настоящими кладами раковинных денег, дают иногда займы необходимые суммы тем мужчинам, которые хотят жениться. За эти долги на Ауки проценты не берут, хотя на других островах такого положения, вероятно, не существует.

Я не собираюсь жениться. Несмотря на это, аукский вождь дал мне на прощание неполный шурурок денег, изготовленных местными жительницами во время моего пребывания на островке. Из своих поездок по разным странам я привез много различных предметов материальной культуры тех групп народов, у которых побывал. Шурурок раковинных денег из Ауки относится к подаркам, напоминающим о дальних дорогах, которые я ценю больше всего. Он свидетельствует о том, что я побывал на «монетном дворе» каменного века, которого нет больше нигде в мире.

ПОСЛАННИК РАЯ

Мой лодочник оттолкнулся от берега Ауки и направил наше каноэ прямо на юг через всю широкую лагуну. Мне хочется побывать еще на нескольких островках, разбросанных по лагуне Ланга-Ланга, защищаемой со всех сторон от океана коралловым рифом. Соломоновы острова отрезаны от остального мира огромными водными пространствами океана, а Ланга-Ланга изолирована от него вдвойне. Кроме того, на Гуадалканале и Малаите в наше время живет несколько десятков белых людей. Но здесь, на Ауки, Алите, Лаулasi и прочих островках, нет ни одного белого. Мне приходится полностью полагаться на лодочника и на собственные познания в меланезийском «пиджин».

Лагуна — это источник жизни для сотен местных жителей, ибо в ней водятся рыба и морские моллюски. Но прежде всего мне хочется взглянуть на тех аукских мужчин, которые собирают раковины для своих женщин. Они ищут их прямо здесь, на мелководье. К большому сожалению островитян, в Ланга-Ланге нет редких раковинному, из которых делают красные деньги. Однако белых и черных раковин в лагуне вполне достаточно.

Должен сказать, что сбор раковин вовсе не такое уж простое дело. Так как местные деньги, несмотря на их широкое употребление, как уже было сказано, считались предметом священным — табу, то подготовкой и самим сбором раковин руководят *фатамбо* — колдуны отдельных родов Ауки. Фатамбо определяют время, когда каное искателей раковин могут выйти в воды лагуны. И срок они называют не просто потому, что так «им взбрело в голову», а делая предварительную попытку вступить в контакт с «духами акул» — властителями морей. Для этого они торжественно жертвуют духам тучную свинью, а потом еще и обращаются к ним с молитвой. Они просят духов, чтобы те указали день выхода лодок в лагуну, а также оберегали собирателей от акул и баракуд, самых страшных врагов искателей раковин.

Перед началом сбора мужчины собираются в отдельной большой хижине. С этого момента и до конца работы они будут жить все вместе, сами добывая и приготавливая пищу и исполняя всю домашнюю работу. Ни под каким предлогом мужчины в этот период не должны говорить с женщинами, а те не имеют права даже смотреть на них. Само собой разумеется, что они не могут вместе спать, чтобы мужчины не «осквернились».

И вот наконец настает долгожданный день. Мужчины на своих канаэ vyplывают на голубые просторы лагуны Ланга-Ланга, чтобы искать здесь черные и белые раковины. Как правило, мужчины двух или трех родов работают сообща. Колдун, который руководит сбором, сам, естественно, в воду не погружается. В то время как мужчины работают, фатамбо, сидя в каное, молится «духам акул». Снова и снова повторяет он просьбу защитить сборщиков от морских хищников.

Ныряльщики соединены с лодкой веревкой, к которой прикреплена корзина; в нее они складывают под водой раковины. Как только корзина наполняется, колдун вытаскивает ее, высыпает содержимое в лодку и вновь бросает корзину в воду. Раковины ныряльщики отламывают от наростов на дне лагуны специальным узким камнем длиной в четверть метра, похожим на первобытный нож. Его на Ауки называют *фауборо*; он тоже является «священным». В перерывах между отловом раковин колдуны хранят камни в специальном «доме духов».

Наконец участок, выбранный колдуном, обобран, сбор

раковин заканчивается. Колдун жертвует «духам акул» еще одну свинью, и сборщики могут вернуться к своим женщинам.

Я присутствовал при сборе, наблюдая на нескольких участках лагуны за ныряльщиками, которые, держа в руке каменные ножи, время от времени появлялись на поверхности, чтобы вдохнуть воздух и затем снова погрузиться в воду.

Каное, однако, есть не только у ныряльщиков с Ауки, но и у жителей других островов лагуны, которые не прочь подработать, поставляя сырье для производства денег. После нескольких часов плавания мы причаливаем к Лаулasi — одному из островков в южной части лагуны. О посещении этого острова я вспоминаю так же часто, как и о «чеканке» «монет» на Ауки или о сержанте Воуза из деревни Ророни, поэтому расскажу об одной истории, в которую здесь попал.

За нашим каное следили добрых двадцать минут до того, как мы пристали к берегу. Собственно говоря, нас уже ждали. А белый человек здесь всем кажется белой вороной. Когда каное уткнулось в берег и я выпрыгнул из него, ожидавший нас высокий пожилой мужчина приветствовал меня на вполне приличном «пиджин». Я было хотел представиться, но этот человек, наверняка вождь Лаулasi, опередил меня.

Островитяне различают только англичан и американцев. Других белых людей для них не существует. Английские туристы этот самый заброшенный из меланезийских архипелагов не посещают. А англичане, постоянно живущие здесь, очень скоро обретают какой-то специфический местный колорит, которого у меня, естественно, не было. Следовательно, с точки зрения местных жителей, я являлся американцем.

К этому делению островитянами белых на две группы я уже привык на Соломоновых островах. Вождь Лаулasi, нисколько не сомневаясь в утвердительном ответе, спросил:

— Вы американец?

Я, несчастный, не ведая, что творю, кивнул. Что мне оставалось еще делать? Кем я еще мог быть?

Тогда вождь спросил:

— А откуда?

Наугад выпаливаю:

— Из Канзаса.

Дело в том, что в Канзасе у меня есть два хороших друга, вместе с которыми я когда-то пережил одно из самых интересных своих приключений, когда искал с самолета затерявшиеся в сельве индейские города.

— Из Канзаса, — повторил вождь.

Это название ему, естественно, ничего не говорило. Тогда он задал еще один вопрос:

— А где ваши вещи?

Вопрос я понял, потому что вождь произнес слово *карго*. Это столь употребительное при международных перевозках английское слово на меланезийском «пиджин» означает много понятий, главным образом «товары», «судовой груз». Я перевел его как «багаж».

Вообще у меня немного вещей, да и почти все, что не было совершенно необходимым, я оставил на Гуадалканале. Поэтому я сказал правду:

— Мой карго в Хониаре.

Вождь, словно он нетерпеливо ожидал этой вести, повернулся к своим землякам и начал взволнованно говорить на местном наречии. Такое же волнение охватило и присутствующих. Они перестали слушать вождя и начали что-то объяснять, перебивая друг друга. В каждой фразе по движению губ я угадывал одно слово: «карго».

Итак, жителей Лауласи явно интересую не я, а карго, который остался на Гуадалканале. Воспользовавшись всеобщим волнением, я ушел, чтобы пройтись по деревне и сделать несколько снимков. Наиболее интересны на острове крепостные валы, настоящие каменные укрепления, которые защищают деревню. Ничего похожего на Соломоновых островах я еще не видел. Столь же необычно центральное здание поселка, напоминающее, скорее, казарму или клубный дом племени⁶³.

И в этот момент меня осенило. Боже мой, ведь я попал на остров, где до сих пор существует масинга⁶⁴! Вот почему они хотели знать, где находится мой карго! И поэтому хотели, чтобы я был американцем. Лихорадочно роюсь в памяти. Стараюсь вспомнить все, что мне известно о том периоде, когда американцы высадились на Соломоновых островах. И то, о чем мне рассказывали на Ауки и на Малаите, — о деятельности жителей этого и других островов лагуны Ланга-Ланга в «Соломон Айлендс Лейбор Корс» — вспомогательных отрядах американской армии.

Начать, пожалуй, надо с того, что ни Малаиту, ни

острова лагуны Ланга-Ланга англичане никогда до конца так подчинить и не смогли. Еще за несколько лет до начала второй мировой войны в Синаранге местными жителями был убит окружной комиссар Малаиты со своим помощником и двадцатью полицейскими. В 1935 году здесь и на островах Ланга-Ланга произошли массовые мятежи. Причины их были чисто экономические. Плантации находились в запустении, и у мужчин Малаиты оставались два выхода: либо податься на плантации далеких островов, даже в Австралию, либо смириться с нищенской жизнью в своих бедных деревнях.

Лагуны Ланга-Ланга, да, собственно, и самой Малаиты, война не коснулась. Но когда на Гуадалканале высадились американцы, они предложили более чем трем тысячам островитян, в основном жителям именно этой части архипелага, вступить во вспомогательные трудовые отряды. При этом американцы стали платить рабочим неслыханные суммы — четырнадцать фунтов стерлингов в месяц. На плантациях, как я уже говорил, в начале войны месячная зарплата местного рабочего составляла один фунт стерлингов. А теперь американцы предложили им в четырнадцать раз больше!

Но это был лишь первый шок, первая встреча, вероятно, наиболее бедных обитателей планеты с представителями самой богатой в мире страны. Американские солдаты, которые не знали, как потратить на островах свое высокое жалованье, покупали у островитян за фантастические деньги любые «туземные сувениры». За какую-нибудь мелочь, юбку из пандановых листьев или резную фигурку, которые не имели в глазах островитян никакой ценности, ее владелец получал от американского покупателя нередко больше, чем за месяц работы на плантациях.

Местных жителей поражало еще одно обстоятельство. В американской армии служили тысячи и тысячи людей, кожа у которых была такой же темной, как и у них самих. И тем не менее эти американские негры получали за службу в армии такое же жалованье, как и белые, — так по крайней мере думали аборигены. И не только жалованье. У американцев всего было в избытке: консервов, кока-колы, сигарет, жевательной резинки, шоколада и, наконец, военного снаряжения. И притом все это бесплатно. Достаточно лишь протянуть руку и взять. Брать, сколько тебе нужно, сколько захочется.

А результат? Я действительно не могу подобрать другого слова: это был массовый шок целого народа. Островитяне сделали для себя следующий вывод. На свете существуют две группы белых людей. Англичане, которые бедны и поэтому все, что у них есть, оставляют себе, и американцы, люди потрясающе богатые, которые все, что у них есть, с радостью отдадут островитянам. Простой человек, — а меланезийцы жили до того времени в мире крайне примитивных представлений, — пытается все новое, с чем он сталкивается, объяснить действием сверхъестественных сил, с помощью религиозных представлений и своего собственного, для нас часто почти непонятного хода рассуждений.

Так у островитян возникло представление, что господь бог, в существовании которого меланезийцев убеждали миссионеры, создал это карго — богатство для всех. Англичане хотели его присвоить. Теперь, однако, все изменится, и другие, добрые, белые — американцы привезут на больших кораблях островитянам карго — вещи, которые по праву им принадлежат.

Американская армия после окончания войны, естественно, покинула остров. Но местные жители верят, что американцы вернутся и, когда корабли с карго придут на Соломоновы острова, там наступит такой же «рай», какой, по их представлениям, существует в Америке. Тот «рай», из которого островитяне, как когда-то Адам с Евой, были изгнаны⁶⁵.

Уход американской армии усугубил экономический кризис в этой части протектората. На Малаите, самом густонаселенном острове архипелага, за время войны опустели все плантации (в 1965 году здесь получили всего тысяча шестьсот семьдесят две тонны копры, в то время как на Новых Гебридах, где населения меньше, чем здесь, на одном острове, в том же году было произведено копры в двадцать раз больше).

Так символом «рая», который вскоре должен наступить, на Соломоновых островах стали корабли, везущие карго. В специальной литературе подобные представления называются «карго-культ». И островитяне стали ждать приезда кораблей с карго все с большим нетерпением, пока не начали сами отыскивать доказательства возвращения американцев на острова.

Изохренная фантазия породила и до сих пор порождает самые различные «надежные» тому свидетельства.

На песчаных пляжах Малаиты были якобы обнаружены следы ботинок. Над центральными областями Гуадалканала кто-то видел американские самолеты, сбрасывающие парашютистов. К югу от Сан-Кристобалья был замечен крупный американский караван. На побережье Нггелы в течение нескольких ночей подряд загорались огни.

И вот теперь на островке Лауласи, в сердце лагуны Ланга-Ланга, стою я, нечаянный глашатай, сообщивший о том, что карго уже в пути, случайный посланник приближающегося «рая».

Ожидание возвращения «потерянного рая» слилось воедино со всеобщим недовольством на Соломоновых островах, связанным с ухудшением экономического положения в протекторате и с сопротивлением чуждой власти. Вот когда придет карго, островитяне получают американские товары и будут управлять всем сами. Проявлением этого недовольства стало движение, выражавшее религиозные, а также политические и социальные требования, так называемое масинга. В южной части Малаиты есть племя ари-ари. На языке этого племени слово «масинга» означает молодой побег таро, в переносном смысле — «братство».

Движение масинга (в протекторате его называют «масинга-рул», от английского «рул» — «власть») вскоре распространилось по всей Малаите и перекинулось на островки лагуны Ланга-Ланга. Название «масинга-рул» позже было искажено англичанами и превратилось в «марчинг-рул». Не вникающие в существо дела европейские журналисты на этом основании сделали вывод, что первоначально движение называлось «марксиен-рул» — «марксистская власть!» Теперь можно было обвинить в подстрекательстве коммунистов. Самым пикантным во всей этой истории было то, что движение «масинга-рул» было вызвано к жизни присутствием на Соломоновых островах американской армии, следовательно, коммунистов надо было искать среди американских военнослужащих!

С Малаиты и Ланга-Ланги масинга распространилось на Сан-Кристобаль, Нггелу и, наконец, на Гуадалканал. Вдохновителем движения стал бывший рабочий кокосовых плантаций по имени Нори. И хотя местные чиновники вспоминают о Нори как о человеке, не умевшем ни писать, ни читать по-английски и знавшем лишь «пиджи», этот неграмотный народный вождь сумел придать

движению четкую структуру. И что было еще более важным — он быстро избавил масингу от большинства религиозных элементов, превратив его в боевую организацию, борющуюся за освобождение Соломоновых островов.

Определенной программы вожди масинги, конечно, не имели. И тем не менее организация движения была совершенной. Нори разделил Малаиту на девять районов. В каждом из них избирались командиры, мало зависимые от верховного руководства масинги. Районы были разбиты на небольшие участки, которыми командовали местные начальники. Они имели помощников, ведающих деятельностью масинги в районах или на отдельных участках.

После того как определилась внутренняя структура, руководители масинги начали строить укрепленные поселения. На островах стало происходить нечто неслыханное для Меланезии — целые деревни переселялись на новые, с оборонной точки зрения более удобные места, вокруг поселений возводились стены, а иногда даже высокие сторожевые башни.

Сооружения здесь сознательно копировали с воинских казарм, которые островитяне видели в лагерях американской армии. В них проводились совещания местного руководства масинги, или же они оставались — и до сих пор остаются — пустыми. «Казармы» ждут, когда их наполнят карго, когда придут американцы и начнут раздавать островитянам то, что им необходимо. Однажды в одном из таких поселений было обнаружено сорок три пустых склада, ожидавших американский карго.

Крепости масинги охранялись патрулями, вооруженными дубинками. Порядок во время сельскохозяйственных работ среди жителей этих поселений был военный. Зато на плантациях, оставшихся на Соломоновых островах после войны, почти никто не работал. Руководители масинги были в принципе против любой работы на предприятиях, возглавляемых европейцами. А тот, кто все же хотел уйти из деревни на плантацию, должен был заплатить в кассу местной организации двенадцать фунтов.

Взносы масинге — это уже отдельная глава. Во время нашего с Гордоном посещения Тасимбоко всюду, где можно было пробраться на машине, нас сопровождал шофер Управления протектората. Я спросил у Гордона, какова у водителя зарплата и на что он ее тратит. Ока-

залось, что водитель оставляет себе лишь небольшую часть, а остальные деньги отдает местной организации масинги в своей деревне. Там их закапывают в землю. Так продолжается уже многие годы. Кстати, в течение этого времени денежная система на Соломоновых островах претерпела большие изменения.

Со времени окончания войны и с тех пор, как Нори основал это движение, организации масинги скопили огромные средства. Причем первоначально собирали деньги якобы для того, чтобы оплатить отъезд англичан с Соломоновых островов.

Заместитель Нори, вице-король масинги, называвший себя Тимоти Джордж, умел писать и всюду подписывался: «Тимоти I — король». Однажды в течение нескольких недель он собрал тысячу девятьсот фунтов стерлингов, чтобы организовать вывоз копры, полученной на полях организации, прямо в Соединенные Штаты, без посредничества английских торговых фирм.

В движении масинги старое переплетено с новым. Самым ярким примером этому являются *алага огу* — тайные судьи и полицейские масинги. Они должны были заботиться о сохранении «старых добрых нравов». Так, например, жители Ланга-Ланга считали прелюбодеяние самым ужасным преступлением, самой отвратительной формой «воровства». А английские законы прелюбодеяние вообще не карали, так же как они не наказывали другие преступления и не защищали меланезийских обычаев. Все это вызывало недовольство местного населения. И алага огу, судьи движения, призваны были положить конец нарушению нравственности.

Это — одно лицо алага огу, обращенное к вчерашнему дню. Но было и второе, смотревшее в современность. Следовало добиться абсолютного послушания рядовых членов и абсолютного авторитета руководящих деятелей организации, что и вменялось в обязанность алага огу. Они следили за тем, чтобы решения руководителей масинги выполнялись точно и строго. Того, кто не соглашался с руководством движения в целом или в частности, пытали и зачастую казнили.

Именно алага огу дали британским властям повод выступить наконец против этого своеобразного движения. К этому времени «масинга-рул» подчинило себе почти всю территорию протектората. Внутренние области острова Малаиты практически уже не зависели от власти ан-

гличан. Островитяне отказывались платить налоги, а когда англичане приняли решение провести перепись населения, местные жители стали ее бойкотировать, на гуадалканалских плантациях никто не работал.

Над Нггелой, Малаитой, островами в лагуне Ланга-Ланга реял не «Юнион Джек»⁶⁶, а новый флаг масинги, на котором были изображены лук и стрела. Надо сказать, что это не первое движение, стремившееся к независимости Соломоновых островов. Еще до войны один из миссионеров, сам того не желая, возглавил подобное же, хотя и несравненно более слабое движение, когда предложил своей пастве, чтобы они добивались власти над своим архипелагом. Он побуждал островитян занять места в представительном органе протектората. Руководители движения, которое благодаря этой цели стали называться «Чер энд рул» («Стул и власть»), изобразили на своем флаге... стул.

Движение «Чер энд рул» угасло само собой еще до войны, когда миссионер вынужден был покинуть своих верующих.

На этот раз против флага с луком и стрелой в воды Соломоновых островов вошли самые мощные военные корабли Тихоокеанского флота Великобритании: крейсер «Контест», несколько фрегатов, авиаматка «Тесей» и, бог знает для каких целей, даже подводные лодки.

Английская полиция арестовала руководителей масинги. В Хониаре они предстали перед судом. Обвиняемые, защищаясь, утверждали, что свою организацию создали для того, чтобы заботиться о детях, сами же себя выдавали за пожарных или за служащих детских садов, хотя подобные профессии — пожарные и няньки — существовали лишь в одном городе протектората — Хониаре.

Несмотря на столь оригинальный способ защиты, вождей масинги осудили. Приговоры были, однако, очень мягкими, и по случаю дня рождения короля вождей довольно скоро освободили.

Во время посещения Соломоновых островов я убедился, что движение масинга продолжает существовать, несмотря на то что оно утратило свою политическую окраску, вернее сказать, проиграло мирное сражение. Дело в том, что англичане создали на Соломоновых островах представительные органы, в которых ряд постов заняли прогрессивные островитяне, до этого активно работавшие в масинге. Среди них был, например, и мой знакомый из

Ророни — сержант Воуза. Многие социальные и экономические цели, которые ставило масинга, были достигнуты. Так, например, суды протектората принимают во внимание традиционное право, а плантаторов обязали платить меланезийским рабочим намного большую заработную плату, чем раньше.

Сегодня, как мне кажется, в движении масинги главную роль опять стали играть религиозные мотивы. В особенности неистребимая вера в спасителей, ожидание «рая», который на всех шестидесяти пяти языках, существующих на Соломоновых островах, называется одинаково — «карго». Они ждут этот «американский рай», наступление которого я, сам того не желая, провозгласил на одном из маленьких островов лагуны Ланга-Ланга.

РАБАУЛЬСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Из Ланга-Ланги, оплота мятежников, я отправился на архипелаг Бисмарка⁶⁷, где раковинные деньги когда-то играли не меньшую роль. Для этого мне пришлось вернуться с Лаулasi и Ауки на Малаиту. С Малаиты через Нггелу я переправился на Гуадалканал, оттуда продолжил путь на Нью-Джорджию и дальше через один из северных островов Соломонова архипелага, Бугенвиль, и небольшой остров Бука в Рабаул.

Рабаул — это столица архипелага Бисмарка, а также столица и крупнейший город Новой Британии, важнейшего острова архипелага. После долгих дней, проведенных на Новых Гебридах и Соломоновых островах, Рабаул показался мне действительно большим западным городом. От аэродрома Лакунаи к нему ведет прекрасная автострада. Во время второй мировой войны этот город был сильно разрушен; спустя много лет после ее окончания рядом с аэродромом я заметил останки нескольких японских бомбардировщиков. Военное время напоминает также здание на одной из центральных улиц города — бывший главный штаб японских войск в Меланезии.

Рабаул — великолепный естественный порт — расположен на берегу глубокого залива Бланш; совсем недалеко от порта (через пролив) — второй по величине остров архипелага Бисмарка — Новая Ирландия и другие более мелкие острова. Поэтому именно сюда, в так называемый порт Симпсона, в 1910 году перевели из Ко-

копе резиденцию колониальной администрации. Сперва архипелаг Бисмарка принадлежал кайзеровской Германии, но в начале первой мировой войны порт, а потом и всю Новую Британию захватили австралийские войска.

После окончания войны архипелаг попал под опеку Австралии, которая до сих пор осуществляет над ним мандат⁶⁸. О немецком протекторате в Рабауле напоминают лишь развалины губернаторского дворца Наманулы, с полуразрушенных стен которого открывается прекрасный вид на лазурный залив Бланш, элегантный прибрежный бульвар Клеленд Драйв, небольшие верфи в порту и центральный городской парк.

В нем я увидел удивительный памятник, оставшийся от первой попытки колонизации архипелага, — мельничный жернов. Это — единственное, что сохранилось от первых здешних колонистов.

Во времена раздела мира крупнейшими державами архипелаг Бисмарка остался одной из последних не поделенных частей суши, несмотря на то что на этих островах, лежащих у самого экватора, уже побывало несколько экспедиций. Исидор Дюперри, возглавлявший одну из них, описал удобный естественный порт, расположенный на другой стороне пролива против нынешнего Рабаула. Сообщение Дюперри прочитал французский аристократ Шарль Бонавантюр дю Брёль, маркиз де Рэ. У этого сорокалетнего мужчины было удивительно бурное прошлое. Он жил на «Диком Западе» в Северной Америке, путешествовал по Индокитаю, немало времени провел на тогда малоизвестном Мадагаскаре. Везде он искал легкого успеха, богатства и славы, но... тщетно.

И вот маркиз прочитал об архипелаге, который позже назовут именем Бисмарка, пока никому не принадлежащем. Он решил, что на этих островах создаст свое королевство, которое наконец-то принесет ему деньги и славу. Если говорить точнее, маркиза интересовали главным образом деньги.

Но где раздобыть средства и рабочую силу для создания империи, о которой он пока, в сущности, ничего не знает? И каким образом? Путем мошенничества, обмана, ложных информации, помноженных на галльскую фантазию. Прежде всего он придумал для своего порта, «обнаруженного» на безымянном острове, подходящее название. Так как маркиз происходил из Бретани, то порт стал называться Порт-Бретон.

И точно так же как само название, он в своей фантазии создал весь город. В различных французских журналах появились статьи, в которых описывались красоты, изящная архитектура, широкие проспекты, великолепный климат Порт-Бретона. Впоследствии маркиз стал издавать проспекты с фотографиями несуществующего города.

Однако город, родившийся в мечтах Рэ, вскоре показался ему слишком маленьким. Поэтому он расширил свою «империю», включив в нее весь архипелаг Бисмарка, да еще и Соломоновы острова. И снова пришлось подыскивать название державе. Он придумал: Ля Нувель Франс (Новая Франция). Чтобы придать своей империи еще больший блеск, он начал издавать богато иллюстрированный ежемесячник, рассказывающий о несуществующем городе несуществующей Новой Франции.

Высшим достижением рекламного искусства бретонского аристократа было красочное описание на трехстах пятидесяти страницах счастливой жизни европейских колонистов в меланезийском королевстве маркиза. Автором этой поистине уникальной монографии оказался бельгийский юрист доктор де Грооте, который за свой труд был вознагражден более чем забавным способом — назначен послом Новой Франции в своей стране.

Пропагандистская кампания Рэ вызвала большой интерес к Новой Франции. И маркиз начал продавать земли. Три тысячи доверчивых людей купили участки у человека, которому не принадлежало ни одной пяди земли. Начали раскупать и акции различных предприятий, которые Рэ задумал создать на архипелаге. Больше всего денег получил он от колонистов, которые мечтали скорее попасть в «землю обетованную».

В 1879 году, спустя семь лет после того, как началась удивительная кампания по распродаже части Меланезии, на архипелаг, открытый Дюперри, отправилась первая группа колонистов. В январе следующего года она добралась до Порт-Бретона. К своему величайшему изумлению, будущие жители «Новой Франции» обнаружили, что на берегу порт-бретонского залива никакого города не существует. Кое-кто предпочел остаться на корабле и отправиться в Австралию. А те, кто все же высадился, в большинстве своем погибли от свирепствующей здесь малярии. Оставшимся в живых, до смерти измученным людям позже удалось спастись в методистской миссии.

К тому времени в путь отправился второй корабль с колонистами, которых Рэ послал на столь же верную смерть. Но прежде чем новые колонисты сумели сообщить в Париж о действительном положении дел, подошел третий, а затем и четвертый корабль.

Всего в Порт-Бретон отправилось около тысячи обманутых людей, заплативших маркизу за участки около миллиона франков. Из тысячи французов, бельгийцев, итальянцев и испанцев вернуться домой из порт-бретонского ада удалось едва лишь каждому двадцатому. А к концу века на архипелаге из тысячи доверившихся Рэ людей, которых он принес в жертву своей алчности, осталось жить всего три человека. От Порт-Бретона сохранился лишь мельничный жернов в рабаульском парке.

И все же уже тогда этот архипелаг можно было колонизовать. Однако следовало выбрать более подходящее, чем Порт-Бретон, место. Например, побережье Новой Британии вокруг Рабаула, которое уже в течение десятков лет представляет собой огромную плантацию. Во время поездки по главной дороге от Рабаула до Кокоса я видел непрерывную стену кокосовых пальм и деревьев какао.

Северная часть Новой Британии, полуостров Газели, названа так не по имени газелей, которые здесь никогда не водились, а корабля с таким наименованием. Полуостров соединяется с основным массивом Новой Британии узким перешейком. Большинство кокосовых плантаций на обширном побережье полуострова долгое время принадлежало невероятно богатой и могущественной женщине, которую рабаульцы до сих пор называют королевой Эммой. Она, так же как маркиз и его несчастные колонисты, живет теперь уже только в воспоминаниях и легендах этого архипелага.

«Королева» рабаульских колонистов была полукровкой. Родилась она в Полинезии, на островах Самоа. Мать ее происходила из рода одного из вождей Самоа, а отцом был Дж. М. Ко — американский коммерсант, который появился на островах Полинезии, когда ему было двадцать три года. Здесь он открыл свое дело и был назначен американским консулом в Апии.

Консульскими делами Ко занимался на островах Самоа пятнадцать лет. За это время он успел трижды жениться и завести семнадцать детей. Эмма, одна из мно-

гочисленных консульских дочерей, вышла замуж девятнадцати лет. Ее мужем стал Генри Джеймс Форсайт, иностранец с Маврикия. Он вскоре умер, и прелестная полукровка стала возлюбленной новозеландского авантюриста капитана Фарелла. Она доверила ему все свое состояние, унаследованное от Форсайта. На эти средства любовники арендовали корабль и отправились на архипелаг Бисмарка.

На своем судне они объезжали местных производителей копры, покупали ее и переправляли на приемные пункты крупных компаний. Необычной паре сопутствовал все больший успех. Особенно удивительный коммерческий талант обнаружился у госпожи Эммы. Вскоре она и капитан Фарелл стали самыми преуспевающими скупщиками копры из всех торговцев, посещавших меланезийские деревни на побережье архипелага Бисмарка.

Когда Фарелл умер, прекрасная торговка сама продолжала начатое дело. Спустя некоторое время она решила изменить образ жизни и осела на полуострове Газели. У нее появилось немало друзей среди местных белых колонистов. Именно она предоставила необходимые средства, врачебную помощь и пищу жителям «колонии» де Рэ.

Для своей резиденции Эмма выбрала самое большое в те времена поселение на полуострове Газели—Гербертсхей. Полуостров, да, собственно, и весь архипелаг, не принадлежал тогда еще ни одной колониальной державе. Так богатая красивая полукровка стала признанной «королевой» обширной части архипелага. Симпатии меланезийцев она снискала и тем, что справедливо разрешала их споры, лечила и оказывала другие услуги. На полуострове Газели Эмма разбила первую плантацию.

Дела ее шли превосходно. Она покупала корабли и основывала все новые и новые плантации. Управляющими на них Эмма назначала своих сестер, зятьев и других родственников. Несмотря на огромную занятость, она не утратила своей исключительной привлекательности и в более зрелом возрасте, напоминая скорее чистокровную полинезийку, чем полукровку.

Со временем Эмме на полуострове Газели стало принадлежать сто пятьдесят тысяч акров плантаций. Копру на своих собственных кораблях она возила в Австралию и Европу.

Когда архипелаг Бисмарка был провозглашен немец-

кой колонией, Эмма быстро сблизилась с новыми хозяевами и вышла замуж за одного из молодых кайзеровских офицеров.

Лишь в 1912 году «королева» архипелага Бисмарка покинула свою огромную империю — она продала ее синдикату гамбургских фирм. Начавшаяся война застала ее уже не на полуострове Газели, а на французской Ривьере, куда она прибыла с тремя роскошными «роллс-ройсами». Однако Эмма и ее новый супруг вскоре окончили здесь свой жизненный путь.

Со времени смерти этой необычной женщины прошло немало лет. И все же обитатели архипелага Бисмарка не забыли своей «королевы». В наши дни «королева» Эмма стала легендой, которая интересует посетителей архипелага Бисмарка больше, чем какое бы то ни было повествование. И тогда как от тысячи «порт-бретонских» колонистов не осталось ничего, кроме мельничного жернова в рабаульском парке, на побережье полуострова Газели до сих пор процветают гигантские плантации, заложенные «королевой» Эммой.

ЖИЗНЬ НА ВУЛКАНЕ

По дороге из Рабаула в Кокопе — бывший Гербертсхёе, резиденцию «королевы» Эммы, — мы все время ехали вдоль пальмовых рощ. Лишь изредка монотонную красоту сплошной стены зелени нарушали деревни — Курудуи, Малапау, Ралум.

В прибрежных селениях полуострова Газели и на небольших прилегающих к нему островах живет около пятидесяти тысяч меланезийцев, которые называют себя *толаи*, что означает просто «друзья, приятели». Возникло это название сравнительно недавно, вероятно, уже после войны. Толаи живут на Новой Британии всего несколько сотен лет. Они, видимо, пришли сюда с юга. В центральной, гористой части полуострова Газели живут байнинги, представители другой резко отличающейся по языку и культуре этнической группы. Толаи, однако, не являются неким единым народом, это даже не единое племя. У них общие лишь язык и некоторые черты материальной и духовной культуры.

Основные способы добывания пищи у различных толайских групп отличаются друг от друга. В то время как

на полуострове Газели толаи занимаются преимущественно земледелием, на небольших островах, прилегающих к Новой Британии, преобладает рыбная ловля. Я уже познакомился с меланезийскими земледельцами, встречался и с теми, кто трудится на кокосовых плантациях. А теперь мне хотелось бы узнать, как живут те меланезийцы, которых кормит море. И я отправился к рыбакам, принадлежащим к этнической группе *матупит* и населяющим остров с таким же названием. Это один из самых замечательных островов, которые я когда-либо посещал во время своих путешествий, потому что он вырос из кратера «утонувшего» вулкана.

Рабаул и окружающие его районы полуострова Газели — это настоящая страна вулканов. Прямо над столицей архипелага Бисмарка поднимается несколько сопок. На северной окраине Рабаула — Палагиагиа, или «Северная дочь», как ее называют в наши дни. На юге — Матупит, или «Южная дочь», на востоке — семисотметровая Рабаланакая — «Мать». В этой семье не хватает лишь отца. Но и он есть на Новой Британии. Вулкан с названием Улавун («Отец») высотой до двух тысяч двухсот метров находится в нескольких десятках километров к юго-западу от Рабаула.

Рабаланакая, Матупит и Палагиагиа образуют ландшафт архипелага Бисмарка, напоминающий Неаполитанский залив. Здешним Везувием, внушающим постоянную тревогу, является вулкан Матупит. Так, в памятный 1878 году он причинил немало страшных бедствий полуострову Газели.

В 1937 году на полуострове произошло новое крупное извержение, которое послужило причиной гибели более пятисот жителей. Во время извержения на берегу залива Бланш появилась еще одна новая сопка, которую назвали Вулкан. Новорожденный Вулкан оказался шустрым ребенком и вместе со своей старшей сестрой Матупит за несколько дней обрушил на полуостров Газели четыреста миллионов тонн камней и лавы.

Все началось 28 апреля 1937 года с двухбалльного землетрясения. На следующий день толчки стали сильнее. На Новой Британии буквально разверзлись врата ада. Во время сильнейшей бури и появился этот новый вулкан, который вскоре вырос до двухсот двадцати семи метров. Постепенно весь горизонт закрыла темная туча. А потом на расположенные вблизи острова посыпался

вулканический пепел. На следующий день город Рабаул был покрыт черным слоем толщиной восемь сантиметров. Через несколько дней только что появившийся вулкан снова стал действовать. Когда извержение кончилось, жители Рабаула решили переселиться на более безопасное место. Прошло несколько лет. Началась война, а вместе с ней пришла и японская оккупация. После 1945 года о переселении говорить перестали. Но вулканы, старые и новые, продолжают угрожать городу. И рабаульцы, так же как жители всего полуострова, знают, что страшный вулканический спектакль может повториться вновь.

Скорее, вероятно, для собственного успокоения они с гордостью показывают иностранцам современную вулканологическую обсерваторию, работники которой наблюдают за всеми четырьмя вулканами. За горячечным пульсом здешних сопот следят специалисты-вулканологи, но даже мне, ничего не сведущему в этом деле, захотелось, подобно Фоме неверующему, вложить руку в открытые раны горячей земли. Прямо в городе находятся источники знаменитой сернистой реки. Я хотел опустить в воду ладони, но оказалось, что ее температура превышает восемьдесят градусов по Цельсию.

Над вулканом Матупит тоже курится сернистая дымка, поднимаются легкие белые облачка пара. И мне казалось, что я нахожусь в Национальном парке на Гавайских островах рядом с опромными вулканами Мауна Кеа и Мауна Лоа.

Мать с дочерьми, «Южной» и «Северной», — это остатки огромного, широко раскинувшегося вулкана, который постепенно поднялся до трех тысяч метров к юго-востоку от сегодняшнего Рабаула. Земные силы без устали вздымали вершину сопки, и однажды могучий вулкан рухнул. Образовалась огромная впадина длиной пятнадцать, шириной десять километров и глубиной триста метров. Гигантскую «язву» на теле Земли заполнило море, и образовался Бланш, залив, на берегу которого и расположен Рабаул.

Благодаря вулканической деятельности одни острова разрушаются, другие создаются. Во время взрыва в 1937 году вместе с новым вулканом на поверхности залива Бланш появилось и несколько маленьких островков. Рождение подобного же острова наблюдал во время страшного вулканического извержения в 1878 году пер-

вый миссионер, появившийся на полуострове Газели, — англичанин Джордж Браун.

А еще за несколько десятилетий до этого, в первой половине XIX века, вследствие вулканической деятельности в водах залива Бланш возник и этот, самый крупный и имеющий наибольшее значение из всей группы, остров, который местные жители, так же как и сам вулкан, ставший его повивальной бабкой, называли Матупит. В то время как Рабаул — город, где довольно велика прослойка европейского и азиатского населения, на Матупите живут исключительно меланезийцы — толайские рыбаки.

Воды, омывающие недавно родившийся остров, очень богаты, и поэтому земля на нем пустовала недолго. Процесс заселения острова всеми этническими группами описывают одинаково. Первым поселенцем был Диаррат, укравший в одной из деревень полуострова Газели женщину. Он привез ее на необитаемый тогда остров и занялся ловлей рыбы и черепах. Его дети и внуки заселили впоследствии весь Матупит. Население его быстро увеличивалось и за счет переселенцев из прибрежных деревень полуострова. И вот через сто лет после того, как праотец Диаррат поселился на острове, родившемся в кратере вулкана, в трех деревнях здесь проживает уже полторы тысячи человек. На северном побережье лежит деревня Курапан, в центре — Раруп, на юге — Кикила.

Матупит можно только условно назвать островом, ибо с Большой землей — Новой Британией — он связан узкой дамбой. К толайцам на Матупит я могу попасть, не замочив ног. В Рабаул в наши дни жители Матупита ходят довольно часто. Некоторые из них даже работают там.

Жители острова приняли участие в первом в истории Меланезии выступлении рабочих, о котором мне пришлось много слышать. Эта знаменитая, как ее называют в истории архипелага Бисмарка, рабаульская стачка произошла в 1929 году. Однажды январским утром белые господа обнаружили, что их меланезийские работники: слуги, носильщики, бои — все до единого исчезли. В знак протеста против постоянно ухудшавшихся условий труда и снижающейся зарплаты меланезийцы покинули Рабаул. Так, за одну ночь число жителей столицы архипелага Бисмарка уменьшилось в десять раз! Куда же ушли бастующие? В миссионерский центр в Малагуне. Но

миссионерам удалось уговорить меланезийских рабочих, чтобы те вернулись к своим хозяевам. Так окончилась первая в истории толайтев забастовка.

Подавляющее их большинство в наши дни, как и раньше, заняты на своих полях, а жители острова Матупит, как я уже говорил, кормятся морем. И поглядывают на своих сухопутных родственников полуострова Газели свысока. Они называют их *колоата* (в дословном переводе — «те, которые не выносят моря», на матупитском диалекте — «примитивный, варвар»).

Островитяне не боятся волн. Они, как венецианские дожи, породнились с морем. Поэтому матупитцы называют себя *а те на та* — «люди моря». Но я бы все же добавил: «люди, которых кормит море».

Кокосовые пальмы — эти царицы Меланезии — мне встречались на каждом шагу и на Матупите. А также дерево какао, новый чемпион экспорта архипелага Бисмарка. Таро — основной источник питания на полуострове Газели — я на Матупите не встречал. Вместо него островитяне выращивают *конг-конг*, похожий на таро. А также сладкий батат. Но надо сказать, что в целом на этом густонаселенном острове, площадь которого не превышает половины квадратной мили, не лучшие условия для развития земледелия.

Жители Матупита владеют участками и на «большой земле» — на противоположном берегу залива Бланш. Здесь они, как правило, выращивают бананы. Эти бананы, так же как рабаульская забастовка, вошли в современную историю Меланезии. Островитяне посадили бананы и в окрестностях деревни Лакунаи. Но Лакунаи по планам администрации архипелага Бисмарка должна была войти в комплекс строившегося рабаульского аэропорта. Без договоренности с владельцами строители аэропорта выкорчевали двадцать четыре банановых дерева. Островитяне были так возмущены, что об этом услышали в Австралии, потом в Европе, и, наконец, дело дошло до зала заседаний Лиги наций. И комиссия по мандатным территориям долго разбирала историю с двадцатью четырьмя банановыми деревьями.

Бананы, кокосовые орехи и конг-конг произрастают на матупитской земле. Таро толаиты покупают у своих сухопутных родственников, тех самых колоата с полуострова Газели, которыми они так пренебрегают. В наши дни островитяне расплачиваются за таро австралийскими

долларами. Совсем еще недавно жители Матупита, так же как и обитатели Ланга-Ланги, пользовались в основном деньгами из раковин. На толайском диалекте они называются *тамбу*. Здесь, на Матупите, основной единицей раковинных денег также был стандартный шнурок (по-толайски — *а поконо*), который затем делился на более мелкие единицы.

В наше время тамбу выполняют в жизни обитателей этого удивительного островка, расположенного на подводном вулкане, различные «священные», ритуальные функции. Раковинные деньги сопровождают человека во время самых важных событий жизни. Например, когда кто-нибудь умирает, то ему на дорогу в загробный мир дают тамбу. И до сих пор на Матупите родственники в память об умершем раздают тамбу участникам панихиды, называемой на местном диалекте *минамаи* (дословно — «жевание бетеля»).

Однако самую важную роль раковинные деньги играют во время сватовства и свадьбы. За невесту надо платить, но я не слышал ни об одном случае, когда за нее давали бы австралийские доллары. Цена невесты на Матупите в раковинных деньгах твердо установлена. Точнее, была твердо установлена. В наши дни, когда жители острова номинально являются христианами, родители требуют за свою дочь, если она принадлежит к церкви адвентистов седьмого дня или является методисткой, сто шнурков раковинных денег, а если она — католичка, то всего лишь пятьдесят тамбу. Почему здесь католички стоят дешевле, я так и не смог выяснить.

Говоря о религии, надо сказать, что тамбу играли очень важную роль в религиозных представлениях островитян, основой для которых был культ *табуан* и тайное общество с таким же названием⁶⁹. Кстати, именно недостаток раковинных денег, который очень остро ощущал, привел к постепенному забвению ритуалов этого тайного общества. Вторая мировая война нанесла раковинным сокровищам Матупита значительный ущерб. Дело в том, что островитяне складывали шнурки раковинных денег в общие кладовые. А остров, расположенный неподалеку от столицы архипелага Бисмарка, во время войны подвергался частым артиллерийским обстрелам, которые уничтожили не только хижины в Курапане, Рарупе и Кикиле, но и разбили целый ряд матупитских «копилок».

У островитян есть и другие источники дохода. На уча-

стках, расположенных на берегу, на склонах вулкана, добывают *тар* — глину и получают из нее весьма ценимую здесь охру, которой окрашивают свое тело участники тайных толайских религиозных сходок.

Любимая птица меланезийцев — табон. Здесь она откладывает яйца в согретый благодаря вулканической деятельности песок. Само собой разумеется, что островитяне выкапывают из этого естественного инкубатора яйца и выменивают их на свинину, таро и другие продукты. Жители Матупита обладают монопольным правом на собирание табоньих яиц в горячем песке «своего» вулкана.

Однако основное занятие мужской части населения острова — рыбная ловля. Рыбу они ловят как сетями, так и сачком. В период *таубуру* (примерно от мая до октября) ее добывают сетями, а во время *лабуру* (то есть северо-западных муссонов — от декабря до марта) — сачками. Я посетил архипелаг Бисмарка в период таубуру, и мне пришлось быть свидетелем того, как островитяне ловили рыбу сетями. Ни сети, ни сама техника отлова не представляют собой ничего необычного. Больше того, в наши дни рыбаки Матупита уже не плетут сети сами, а покупают их в Рабауле.

Хорошая сеть стоит здесь больше ста австралийских долларов, поэтому матупитские рыбаки никогда не выходят в море в одиночку, а только группами, так называемыми *мотони*. Сначала в складчину покупаются сети. Рыбу ловят на определенных участках сообщества. Два человека на наблюдательном пункте следят за тем, что делается в заливе Бланш. К этому времени сети готовы и лежат уже в рыбацких лодках. Как только дежурные замечают косяки, они дают сигнал, а рыбаки выходят в залив и забрасывают сети.

У каждой *мотони* есть своя мастерская и склад, где хранится общественное имущество. На территорию *мотони* и в помещения не имеет права вступить ни одна женщина и ни один юноша, не принятый в общество табуан. Островитяне называют так тайное толайское общество, в других же частях полуострова Газели оно известно под именем *Дук-дук*, и членом его является каждый взрослый островитянин. О ритуалах, которые происходят в тайных местах, почти ничего не известно. Пожалуй лишь то, что во время этих обрядов главную роль играет местный руководитель *Дук-дука*, авторитет которого иногда выше, чем у светского вождя.

Двери в это тайное общество для мужчин открываются лишь после того, как уплачена определенная сумма и пройден сложный ритуал. Члены общества имеют право носить своеобразную «форму», состоящую из короткой, не прикрывающей ног, юбки (поэтому Дук-дук неохотно принимает в свои ряды мужчин с уродливыми или кривыми ногами) и маски, сделанной либо из расщепленного бамбука, либо из плотных листьев.

Маски с отверстиями для глаз, вокруг которых нарисованы концентрические круги, украшенные птичьими перьями, могут носить лишь табуаны, являющиеся главными действующими лицами во время обряда приема новых членов.

Считается, что тот, кого приняли в тайное общество, уже выдержал экзамен на зрелость и поэтому вместе с другими членами группы уже может принять участие в рыбной ловле, причем при ловле сетями необходимо, чтобы в каждой мотони насчитывалось не меньше двадцати человек.

В октябре или ноябре, в конце сезона ловли рыбы сетями, все члены группы собираются, чтобы поделить прибыль, исчисляемую не только деньгами, но и тамбу, полученными за проданную рыбу и черепах. Затем следует большое торжество, и все вместе возвращаются в деревню. Ведь через несколько дней начнется период северо-западных муссонов, и рыбаки снова придут на побережье, но на этот раз уже с сачками. Жизнь продолжается. И море, богатое и щедрое, никогда не перестанет кормить верных ему жителей острова, выросшего на потухшем вулкане.

У ЖИТЕЛЕЙ НОВОЙ ГВИНЕИ

Наконец после Соломоновых островов и архипелага Бисмарка я отправился на остров, который в Океании интересовал меня больше всего — на Новую Гвинею! Путь оказался нелегким: из Рабаула (Новая Британия) в Кавиенг, на Новую Ирландию, оттуда — на острова Адмиралтейства, а затем с острова Манус через море в ближайший порт Новой Гвинеи — Маданг. В этих местах, где когда-то жил и трудился знаменитый русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай, я задерживаться не стал и отправился дальше в Лаэ, небольшой городок,

расположенный на берегу широкого залива Хьюон на северо-восточном побережье Новой Гвинеи.

Это — один из первых опорных пунктов европейцев на Новой Гвинее. Именно отсюда, с берегов залива Хьюон, начала распространять свое влияние на северо-восточную часть Новой Гвинеи кайзеровская Германия, которая сумела добиться признания своей власти над этой территорией и переименовала ее в «Землю кайзера Вильгельма» (в наши дни ею пока управляет Австралия).

Она включала в себя не весь остров папуасов⁷⁰, а только его северо-восточную часть. Граница ее на юге проходила по восьмому градусу южной широты, на западе — по сто сорок первому градусу восточной долготы. Западную часть острова присвоили голландцы, а южную — в 1888 году — англичане, которые вскоре передали юго-восточную часть Новой Гвинеи под управление Австралийского Союза. С тех пор эту часть острова называют Папуа⁷¹.

Таким образом Новая Гвинея стала единственным островом из десятков тысяч островов Южных морей, который разделили между собой несколько хозяев. Итак, экономически наиболее важную часть, ту, где расположен Лаэ, захватила бисмарковская Германия. Тому, кто знаком с историей открытия и завоевания Новой Гвинеи, успех кайзеровской политики покажется несколько странным. Более трехсот пятидесяти лет бороздили воды Новой Гвинеи мореплаватели из разных стран Европы. Вначале это были испанцы и португальцы. Один из них, Жоржи ди Минезиш, предприняв экспедицию к Молуккским островам, проскочил их и открыл землю папуасов, назвав ее по имени своего «покровителя» островом Святого Георгия. Другой испанский мореплаватель, побывавший на Новой Гвинее в 1545 году, Иньиго Ортис де Ретес, окрестил остров вторично, причем именем, которое сохранилось до наших дней. Он назвал его так потому, что хорошо знал африканскую Гвинею, а папуасы чем-то напоминали ему темнокожих ее жителей.

В начале XVII века в водах Новой Гвинеи появились голландские мореплаватели — Янц, Схаутен, Карстенс и др. Из англичан здесь первым побывал пират Уильям Дэмпиер. И наконец, в первой половине XIX века на новогвинейскую землю вступают французы — Исидор Дюперри и Брюни д'Антркасто.

Еще «крестный отец» Новой Гвинеи Иньиго Ортис де Ретес провозгласил в стране папуасов власть своего короля. Но лишь более трехсот лет спустя с побережья залива Хьюон начали свою колонизаторскую деятельность немцы, которых до этого никто просто не принимал в расчет. На побережье залива Хьюон поселились представители торговых фирм «Дёйче зеехандельсгезельшафт» и «Нейгвинеа компани». Один из ее уполномоченных открыл контору в Лаэ.

Со времен господства немцев город Лаэ сильно изменился. Прежде всего, он разросся вширь. Раньше Лаэ смотрел на океан, на живописный залив Хьюон, связывающий его с остальным миром. В наши дни он обращен на запад, на высокие горы, далеко на горизонте прячущие в облаках свои вершины.

Там расположены центральные области Новой Гвинеи, до недавнего времени совершенно неизвестные и абсолютно недоступные. Именно из Лаэ ведет в этот мир горных папуасов первая и, естественно, единственная дорога. Заканчивается она в высокогорной долине, в самом сердце Новой Гвинеи, где до сих пор живут некоторые малоисследованные этнические группы.

Пока что я стою у нулевого километра этой уникальной дороги. Местный тропический, влажный климат здесь трудно переносить, но во всем остальном Лаэ мне нравится. Это красивый, уютный городок с небольшим парком. За Лаэ, да и вообще за все побережье залива Хьюон, бои между австралийцами и японцами были столь тяжелыми, что весь город оказался разрушенным до основания. После 1944 года на старом месте вырос новый город.

Туристы, которые изредка здесь появляются, как правило, посещают небольшой ботанический сад, демонстрирующий всю радужную палитру новогвинейских орхидей и гибискусов⁷², произрастающих на этом острове. Кроме изумительного ботанического сада приедем, наверняка, покажут и другую, менее жизнерадостную достопримечательность — гигантское, хорошо ухоженное воинское кладбище, вероятно, самое крупное в этой части Океании. Здесь спят павшие во время сражений за Лаэ и побережье залива Хьюон японские, австралийские и американские разведчики, летчики, моряки, пехотинцы, которые дрались на этой территории не на жизнь, а на смерть.

Захват стратегически важного пункта Лаэ был одной из главнейших целей японского десанта на Новой Гвинее. И надо сказать, что солдаты императорской армии высадились здесь значительно раньше, чем предполагало союзное командование.

7 декабря 1941 года нападением на Перл-Харбор японцы начали военные действия против США. Не прошло и двух месяцев, как они захватили Рабаул и овладели архипелагом Бисмарка. 10 февраля они высадились на Новой Гвинее, сначала на ее северном побережье, а 8 марта и здесь, в заливе Хьюон. С этого дня в течение двух лет Лаэ оставался ключевым пунктом тихоокеанской войны. Уже через два дня после вторжения союзный флот выдержал на рейде Лаэ нелегкий бой с японскими кораблями.

Лаэ для японцев был особенно важен как база для наступления на Порт-Морсби, крупнейший город Новой Гвинеи, расположенный на противоположном, южном, берегу острова. Атакующие великолепно знали законы ведения войны в джунглях. Весь мир был поражен, когда японцам удалось пройти страшные джунгли и с суши с ходу овладеть «неприступным» Сингапуром. Подобную операцию они готовили и против Порт-Морсби. Дорога же к нему начиналась в Лаэ. Эту дорогу через джунгли Новой Гвинеи историки тихоокеанской войны называли «кокода трейл».

В зеленом полумраке, не видя противника, за «кокода трейл» стойко дрались двадцать первая и тридцатая австралийские пехотные бригады. Японцы продвинулись почти на расстояние артиллерийского выстрела до Порт-Морсби. Менее пятидесяти километров отделяло их от крупнейшего города Новой Гвинеи.

Но защитники дороги не сдавались. В конце концов во время наступления на побережье залива Милн военное счастье оставило японцев. Они потеряли более десяти тысяч человек. Австралийским пехотинцам активно помогли американская авиация и флот. В августе 1943 года союзные войска предприняли двойную — с суши и с моря — атаку на Лаэ. Операция оказалась успешной, и Лаэ, разрушенный и безлюдный, вновь перешел в руки союзников.

Победа эта далась нелегко. Но в отличие от Хониары на Гуадалканале могилы жертв тихоокеанской войны в Лаэ остались нетронутыми. На огромном тихом кладбище

покоятся две тысячи семьсот восемьдесят два австралийца, американца и папуаса. Тела многих убитых перевезли на родину после войны, иные остались в джунглях на дороге, вернее, зеленой тропе, которую сотни и сотни раз проклинали солдаты обеих армий.

Уже через двадцать лет после окончания войны от города Лаэ начали строить другую дорогу в неизведанные доселе глубины необъятных центральных областей острова.

Новая Гвинея отличается от своих меланезийских соседей прежде всего размерами. Ее территория равна восьмистам двадцати девяти тысячам квадратных километров. Расстояние от одного конца острова до другого составляет более двух с половиной тысяч километров. Но это, конечно, на карте. В действительности центральные области Новой Гвинеи — неприступные горные массивы, превышающие самые высокие хребты Европы. И именно там, в горных долинах, живут племена, о которых ученые до сих пор практически ничего не знают.

За два года до моего посещения к центру этого, второго после Гренландии по величине острова в мире, была наконец проложена грунтовая дорога, в некоторых местах очень плохая. Как мне сказали, во время дождя (а в горах он идет очень часто) дорога становится совершенно непроезжей. И тем не менее я твердо решил воспользоваться ею.

По этой необычной дороге я двигался различными способами. Самый длинный отрезок пути я преодолел в обществе Хендрика, голландца средних лет. Он родился в западной части Новой Гвинеи, принадлежавшей когда-то Голландии, и хорошо знал местный диалект. Хендрик оказался энергичным и настойчивым. Кроме того, у него была машина — надежный «фольксваген».

Говоря о папуасах, следует иметь в виду, что между собственно меланезийцами и папуасами, которые составляют более пяти шестых местного населения (меланезийские племена встречаются лишь на побережье), существует определенная разница. Прежде всего, культурный уровень папуасов по сравнению с меланезийцами значительно ниже. Некоторые племена, живущие во внутренних областях острова, вне всякого сомнения, одни из самых первобытных этнических групп, живущих на земном шаре.

Папуасы отличаются от меланезийцев и своим внеш-

ним видом. Антропологи выделяют в самой Меланезии и на Новой Гвинее четыре типа. В отличие от основного антропологического типа, именуемого собственно меланезийским, у жителей Новой Каледонии волнистые волосы и густая растительность на теле. В труднодоступных областях Новой Гвинеи и в горах на острове Эспириту-Санто можно еще встретить самых древних негритосов — людей с очень темной кожей, почти карликового роста, с курчавыми волосами. И наконец, самостоятельную группу составляют здешние папуасы. Их название происходит от малайского слова *папуа* — «курчавый». Они, как правило, высокого роста, с продолговатым черепом, часто отращивают бороду.

При классификации обитателей Новой Гвинеи и «собственно Меланезии» с трудностями встречается не только антропология, но почти каждая научная дисциплина, в том числе лингвистика, которая различает на Новой Гвинее семьсот обособленных, часто совершенно чуждых друг другу языков. И тем не менее именно благодаря этим языковым особенностям ученые искали здесь первоначальную родину папуасов. Положение о том, что папуасы жили в этом «темном царстве» испокон веков, отстаивают лишь несколько особенно упорных любителей существования исчезнувших континентов.

Лингвисты до недавнего времени делили языки этой части планеты на так называемые австро- и неавстронезийские. Но так как большинство неавстронезийских языков встречается только на Новой Гвинее, то ученые с некоторых пор стали обозначать их термином «папуасские».

Ученых, изучающих австронезийские, или папуасские, языки, ждет гигантская работа. Но именно они могут пролить свет на прошлое жителей островов Тихого океана, которое остается для нас пока еще довольно темным. В качестве примера того значения, которое имеет лингвистика для поисков прародины жителей Океании, можно привести хотя бы недавнее открытие родства некоторых австронезийских языков с языками жителей Южного Китая.

В вопросе об аборигенах с островов Тихого океана нас интересует не только то, как они говорили, но и как выглядели. Современные исследователи сходятся во мнении, что самую древнюю волну поселенцев представляли палеонегриты, люди очень низкого роста, напоминающие

представителей нынешних карликовых племен Центральной Африки.

И лишь примерно четыре тысячи лет назад в Меланезию стали проникать люди с более светлой кожей, о которых мы знаем немного больше, называя их протомаляйцами. В результате взаимного смешения отдельных групп и возникло неоднотипное население Океании и Австралии. Причем до сих пор на Новой Гвинее живут потомки тех, кто пришел сюда самыми первыми, — негритосы.

Появление отдельных переселенческих волн на Новой Гвинее, в Меланезии и вообще во всей Океании можно проследить и по археологическим материалам, даже несмотря на то, что подобного рода исследования в этой части Тихого океана находятся еще в зачаточном состоянии. Австрийский ученый профессор Роберт Гейне-Гельдерн доказал, что в тот период, который нас интересует, в Юго-Восточной Азии и Индонезии существовали две основные культуры. Одну из них он обозначил как «культуру валиковых топоров», а вторую — как «культуру четырехгранных топоров».

Более древние валиковые топоры встречаются в Южном Китае и Индокитае. Носители ее, однако, в Индонезии не остановились. Они продолжили свой путь дальше на восток, пока около трех или четырех тысяч лет назад не добрались до Новой Гвинеи, где встретились с древним населением гигантского острова. От смешения этих двух групп и возникли папуасы.

Валиковый топор, свидетель переселения народов, остался в Меланезии, точнее говоря, в горах Новой Гвинеи и до сих пор. В дальнейшем народ более передовой культуры также проник через границы Меланезии. Одна его группа — будущие полинезийцы — заселила потом всю Восточную Океанию.

Итак, каменные топоры — первый предмет материальной культуры, который современные исследователи положили в основу для определения и характеристики культуры жителей Меланезии.

С тех пор как первые предметы материальной культуры папуасов попали в европейские музеи, Новая Гвинея стала особенно привлекательна для этнографов. Поэтому и меня центральные области острова с обитающими там племенами папуасов интересовали больше, чем какая-либо другая часть Океании. Еще не так давно горные до-

лины Новой Гвинеи были прочно закрыты стенами высоких гор. Однако с тех пор, как новая дорога пересекла знаменитый Кассемский перевал, была приоткрыта замочная скважина в этот мир «людей каменного века».

Наконец наступил и день моего отъезда. Лаэ остался позади. Последовал длинный, неинтересный путь по широкой Маркхемской долине, образованной рекой с тем же названием. Время от времени мы проезжали папуасскую деревеньку, но чем дальше, тем население становится реже. Начинался подъем на высочайший горный хребет, который с незапамятных времен отделяет горы от моря.

До середины XX века, а точнее, до постройки дороги существовали две Новые Гвинеи. Одна, прибрежная, которую европейцы знали уже четыреста лет, и вторая, горная, совершенно неизвестная. Границы этих двух миров ясно различимы. Хребет, вздымающийся перед нами, белому человеку за все эти бесконечно долгие годы, в течение которых он соприкасался с Новой Гвинеей, так и не удавалось покорить. Из Маркхемской долины виден перевал, который, вероятно, можно было преодолеть (известно даже его местное название — Кассем). Однако не нашлось ни одного человека, который сумел бы через него пройти. И лишь тридцать лет назад это удалось сделать. А затем построили дорогу. Дорогу, ведущую к последней, самой последней «границе человечества».

ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ НАГОРЬЮ

За Кассемским перевалом — страна, которая ведет к «последней границе человечества». Горные хребты каменной стеной отделяют эту территорию от остального мира. До тех пор пока не появилась авиация, ни одному чужеземцу не удалось попасть в эту страну. Первые европейцы проникли сюда только в 30—40-е годы XX века. Но даже сейчас на карте центральных областей Новой Гвинеи остались белые пятна — последние на земном шаре.

За перевалом начинается первозданная Новая Гвинея. Первые владельцы острова, немцы, безусловно, ошибались, когда считали (а ведь эти их представления восприняла первоначально вся научная литература о Новой Гвинее), что всю центральную часть его, подобно некоторым другим островам Меланезии, покрывает сплошное

море джунглей. Зеленый покров гористых внутренних областей немцы называли Урвальддеке.

В действительности никакого Урвальддеке не существует, по крайней мере на горных массивах и в долинах. Вместо джунглей я вижу здесь бесконечную саванну, поросшую *кунаи* — травой горных лугов. Вскоре я убеждаюсь, что также неверным было представление, будто в этих диких горах, которые в прошлом можно было видеть из Маркхемской долины лишь в бинокль, никто не живет. На самом же деле число жителей этой высокогорной страны, так называемой «Хайлендс», вероятно, достигает миллиона человек. Подавляющее большинство из них администрация Новой Гвинеи может учесть лишь чисто формально, о существовании многих она вообще не знает.

Отдельные папуасские племена живут в долинах рек, которые проложили себе дорогу среди параллельно расположенных горных хребтов, занимающих всю северную часть центральной Новой Гвинеи. Далеко не все эти нагорья исследованы, некоторые не имеют даже названий. Правда, главные хребты — те, что видны с прибрежных долин, — получили имена еще от первых колонизаторов острова. Я, например, прокладываю себе путь по единственной заросшей дороге на нагорье, носящем имя Бисмарка. В моей памяти навсегда остались также названия гор — Куборы, поднимающейся на высоту четырех тысяч двухсот шестидесяти семи метров, Аканы, далекой Пиоры, Хагена и, наконец, величественного Карстенса высотой пять тысяч тридцать метров.

В долинах этой удивительной горной страны живут различные папуасские племена. Естественно, я не мог посетить все те места, какие хотел увидеть, но попытался познакомиться хотя бы с укладом жизни и современной культурой папуасов, живущих по соседству с единственной, всего лишь недавно построенной дорогой, скорее, тропой, отважившейся перешагнуть через горы и продолжающей путь все дальше к «последней границе человечества».

С Кассемского перевала я проехал несколько десятков миль по высокогорным саваннам до Каинанту. Дальше по горной дороге, откуда время от времени открывался вид на нагорье Финистерре, добрался до поселения Ринтебе, а затем и до населенного пункта Горока, где обитают многочисленные папуасские племена бенабена⁷³. За Горокой поднимается еще одна каменная стена, за-

крывающая дорогу тем, кто уже добрался сюда. Высота ее достигает двух тысяч семисот пятидесяти метров, но и здесь, по перевалу Дауло, в 1966 году прошла дорога, ведущая к центру острова.

Преодолев перевал, постоянно скрытый за сеткой дождя, мы спустились на территорию округа, который населяет племя чимбу, оттуда добрались в Кундиаву, а затем еще дальше — к поселению Маунт-Хаген, названному так в честь близлежащего «четырёхтысячника» — важного ориентационного пункта центрального массива. От Маунт-Хагена я отправился еще дальше на запад, к реке Байер, на территорию племени кьяка⁷⁴. Так что я двигался все время на запад, как правило, параллельно хребтам и никогда — за исключением перевала Дауло — не пересекая их.

По этому, пожалуй, наиболее удобному пути пытались пройти в неисследованные внутренние области Новой Гвинеи и путешественники. Первый белый человек, который проник в горы через Кассемский перевал и оказался в до сих пор никому не известном мире высокогорной страны, не был ни ученым, ни путешественником. В XX веке, как и раньше, в мире существовала единственная реальная ценность, способная привести белых людей даже сюда, в эти обширные районы белых пятен на карте острова. Золото и снова золото. По сохранившимся сведениям, в конце 20-х годов нынешнего столетия сюда поднялся золотоискатель Уильям Парк, которого на Новой Гвинее называли «Акулий глаз». Ему, однако, пройти перевал не удалось. Лишь в 1930 году Кассем смог преодолеть европеец Нед Раулендс. Вблизи нынешнего Каинанту, на берегах горной реки Раму, он действительно нашел золото.

Вскоре еще двое белых, которых также привела сюда золотая лихорадка, бухгалтер Майкл Лихи и слесарь Майкл Двайер, пошли по стопам Раулендса и обнаружили к западу от Каинанту страну племен бенабена. Здесь они расчистили небольшую посадочную площадку, откуда затем проникли в следующую важную область высокогорного массива, раскинувшуюся вокруг Маунт-Хагена.

Сюда, в густонаселенную долину, вслед за ними в середине 30-х годов пришли первые миссионеры. Но еще дальше на запад первооткрыватели отважились проникнуть лишь после войны. С одним, правда, исключением,

Австрийский авантюрист Людвиг Шмидт еще в 1935 году проник в район к западу от Маунт-Хагена, а затем повернул на север.

Позже Шмидту удалось перевалить через северные горные хребты, спуститься к судоходной реке Сепик и добраться до самого океана. Этот фантастический поход, к сожалению, никогда не оставит следа в истории познания острова папуасов: ведь Шмидт не вел дневника и вообще не делал никаких заметок. А когда он окончил свое невероятное путешествие, то австралийские власти арестовали его. Дело в том, что Шмидт безо всякого повода убил такое количество папуасов, что даже административные органы Новой Гвинеи вынуждены были предать его суду по обвинению в убийстве, причем трижды. В конце концов Шмидта приговорили к смертной казни, и в 1936 году он был повешен в Рабауле. Насколько мне известно, это был единственный казненный здесь белый человек.

Исследование территорий, расположенных к западу, югу и северу от Маунт-Хагена, продолжалось уже после второй мировой войны. Золотоискатели и полиция создали небольшие полевые аэродромы и площадки, и два года назад на этой огромной территории была наконец проложена первая, вполне приличная во время сухого периода дорога. Я в последний раз бросаю взгляд на Маркхемскую долину. Внизу, более чем в тысяче метров под мной, струится река Маркхем, а за ней поднимается нагорье Финистерре. А теперь вверх, в горы! Весь центральный массив разделен на четыре округа: Восточное, Западное, Южное нагорья и Чимбу⁷⁵. Последний образован позже других, его населяет многочисленная и активная папуасская группа, по имени которой он и назван⁷⁶.

Сразу же за перевалом мы встретили первых горных папуасов, которые принадлежат к племени гадсуп⁷⁷. Затем пересекаем довольно крупную, с быстрым течением реку Раму. В ее наносах Раулендс когда-то и нашел золото. В наши дни добывать драгоценный песок из горной реки научились и местные жители.

На открытом плато русла реки Раму возникло одно из первых поселений в Восточном Нагорье — деревня Кайнанту. Когда я говорю о деревнях, которые видел в центральных областях Новой Гвинеи, то выражаюсь не очень точно. Горные папуасы живут, скорее, «хуторами», состоящими всего из пяти или шести хижин, построенных возле своих полей. Когда почва земельного участка исто-

щается, они находят другое поле, и весь «хутор» переезжает туда. В горах Новой Гвинеи сотни таких «хуторков». Первый миссионер у подножья горы Хагена обнаружил около восемнадцати тысяч человек, живущих примерно в пятистах поселениях, то есть в среднем в каждом было более тридцати пяти аборигенов.

Хижины в горах Новой Гвинеи строят из дерева или бамбука, их крыши кроют травой кунаи. Взаимоотношения между жителями отдельных поселений дружественные. Но их связывают скорее общий диалект и схожие представления об одних и тех же предках, чем какая-либо четко действующая племенная организация. Например, жители поселений племени кобе так описывают свое появление в этом мире: «В месте, которое называется Кундра-Монга, жили две женщины. Однажды они отправились на охоту, поймали и съели одноглазое животное — *куи майа*. Вскоре обе почувствовали, что беременны. Их дети и стали праотцами и праматерями племени кобе».

Название каждого поселения состоит из двух частей: первая обозначает племя, вторая — само название «хутора». Таким образом, всегда можно установить принадлежность поселения к тому или иному племени.

Сейчас я нахожусь в Каинанту. Здесь живут люди, говорящие на разных диалектах языка гадсуп — *агарабе*, *акунa* и *томпена*. Южнее обитают группы, говорящие на диалектах языка ава⁷⁸ — *тауна*, *элакиа*, *мобута*.

Переправившись через Раму, мы продолжаем свой путь дальше на запад, пересекая территорию племен камано и ягариа⁷⁹, и вступаем на землю группы бенабена.

Бенабена — так вначале называлось огромное племя, обитающее на территории, где в 30-е годы Лихи и Двайер расчистили свою первую площадку для приема самолетов. В наши дни это название объединяет все шестьдесят пять папуасских групп, всего около двадцати тысяч человек, проживающих более чем в ста разбросанных друг от друга поселений. Мужчины живут здесь не вместе с женщинами, а в своих «мужских домах». На поселения бенабена раньше часто совершались нападения. Основной удар при этом был направлен против «мужских домов». Поэтому хижины либо маскировали под женские, либо рыли под ними тоннели, по которым мужчины и покидали свой дом в случае опасности. По тем же причинам поселения бенабена укреплялись. В наши дни первона-

чальный, военизированный, характер жизни бенабена постепенно утрачивается.

Целью моей поездки была «метрополия» долины, где проживают бенабена, — Горока (в наши дни — небольшой городок). Причем первый дом в Гороке был построен менее десяти лет назад. Сейчас здесь есть даже поликлиника и стационар.

Эта больница и ее пациенты вошли в историю в связи с тем, что у папуасов обнаружили здесь особую болезнь кишечника. Каждый третий больной страдал от этого загадочного заболевания.

Среди жителей округа Восточное Нагорье распространена еще одна страшная болезнь, которую довольно точно называют «смеющаяся смерть». Этнограф Берндт, впервые увидевший больного и описавший эту болезнь, назвал ее *куру*, что на языке форе⁸⁰ обозначает «трясучка» или «дрожь». Форе — единственная папуасская группа, подверженная куру.

Каждая вторая женщина и каждый десятый мужчина умирают здесь от куру. На первый взгляд куру напоминает известную болезнь Паркинсона, но тем не менее она не имеет с ней ничего общего, как и вообще с каким-либо другим подобным недугом.

На начальной ее стадии на больного нападает неудержимый, судорожный смех, который сменяется глубокой депрессией или же буйством. Затем он постепенно теряет способность управлять своими конечностями, речь становится несвязной, тело постоянно дрожит, пропадает аппетит. В конце концов «смеющаяся смерть» поражает центральную нервную систему. Через десять или двенадцать месяцев после появления первых признаков болезни человек умирает.

Форе, естественно, убеждены, что убийственная для них куру — результат колдовства. Горокские врачи, изучающие эту странную болезнь уже несколько лет, пока так и не выяснили, что является возбудителем «смеющейся смерти». Большинство из них склоняются к той точке зрения, что болезнь наследственная, объясняя таким образом факт ее распространения среди одной только группы папуасов.

Граница страны этнической группы бенабена проходит по перевалу Дауло на высоте почти трех тысяч метров. Путь туда, вообще очень нелегкий, еще больше затрудняют постоянные дожди. Они не дали мне даже

возможности взглянуть с высоты перевала сразу на обе долины — на ту, которую мы только что покинули, и ту, которая лежит на западе, — страну чимбу.

В СЕРДЦЕ НОВОЙ ГВИНЕИ

Мы спускаемся в долину, жители которой называют себя чимбу, — сердце оживленного, густонаселенного горного округа. Племена, ее населяющие, очень схожи друг с другом по языку, культурному уровню и общественному устройству. Эту группу я осмелился бы даже назвать первой «нацией» центральных областей Новой Гвинеи.

Нашей базой стало поселение Кундиава, куда мы добрались после длительного спуска с перевала Дауло и непродолжительной остановки в Минтима — втором центре долины, где имеется дом для административных работников территории.

В Кундиаве и ее районе живет две с половиной тысячи человек, представляющих группу эндугва, а окрестности Минтимы населяет чуть более многочисленное племя нарегу. Но я снова хочу напомнить, что эти племена горных папуасов не представляют собой какой-либо сплоченной социальной общности. Таким подразделением для них является только клан. Так, например, люди племени нарегу считают себя прежде всего членами отдельных нарегских кланов — пентагу, комбаку, нумамбугу, гамгани. С более высоким объединением — племенем нарегу — они не чувствуют непосредственной связи.

Долина, образованная рекой Чимбу, лежит на высоте примерно двух тысяч метров над уровнем моря. Благодаря воздействию горных рек и речек она разветвилась многочисленными отрогами. В одном из них и приютилась Кундиава, административный центр страны чимбу.

Мягкий горный климат (здесь никогда не бывает морозов), обилие влаги и плодородная почва — все это создает благоприятные условия для сельского хозяйства. Местные жители — хорошие земледельцы, несмотря на то что для обработки земли они часто пользуются единственным примитивным орудием — палкой-копалкой. Поле, которое решено обработать, они в первую очередь тщательно очищают. Если это лесной участок, то его

выкорчевывают, причем до недавнего времени с помощью каменных топоров, или выжигают. Подготовленную таким образом землю папуасы не трогают в течение нескольких недель. Затем мужчины копают канавы, осушая участок, и лишь после этого высаживают на нем сладкий картофель — батат⁸¹. Во многих районах долины Чимбу батат — единственная культура, причем на Новой Гвинее он дает нередко два или даже три урожая в год. Зато ямс и таро, весьма распространенные на других тихоокеанских островах, в центральных горных областях Новой Гвинеи встречаются довольно редко.

Поля свои местные жители обрабатывают не все время. Это зависит от потребностей не столько людей, сколько свиней, ибо вся жизнь группы чимбу связана с большим циклом *бугла генде*.

Бугла генде — праздник, который отмечается раз в пять или десять лет, когда убивают тысячи свиней. Все многолетние труды чимбу завершаются этой торжественной бойней, для которой нужно приготовить огромное число животных. А они, так же как и люди, питаются в этой долине только сладким картофелем. В годы, предшествующие бугла генде, папуасы расчищают все новые и новые поля для того, чтобы обеспечить корм непрерывно увеличивающемуся поголовью свиней, число которых в этот период в несколько раз превышает население долины.

После того как жители долины отметят свой праздник, за несколько дней истребив всех свиней, многие поля становятся ненужными. А так как папуасы еще не научились производить больше, чем они потребляют, то эти земельные участки просто бросают.

В период моего пребывания в долине Чимбу к великому празднику только готовились. Он должен был наступить года через два, не раньше. Но и сейчас я здесь увидел свиней больше, чем в какой-либо иной области на Новой Гвинее. Кроме них папуасы держат кур и небольших собак, напоминающих австралийских динго.

Свинина — основа мясного рациона местных жителей, поэтому поросят папуасы считают чуть ли не членами семьи. Они даже изменяют их внешность согласно своим вкусам, отрезая поросятам хвосты, а иногда и уши. У каждого животного есть имя.

О заботливом отношении местного жителя к свиньям свидетельствует и тот факт, что горянки часто вскармли-

вают новорожденных поросят своим молоком. А если животное гибнет, то женщины оплакивают его, словно родственника. В качестве выкупа за невесту здесь часто также предлагают свинью.

Этих животных приносят в жертву не только во время бугла генде, но и в других случаях, например перед началом охоты, в знак благодарности за ниспосланный духами хороший урожай, перед началом строительства новой хижины, в случае смерти человека. Когда умирает вождь, то убивают сразу несколько десятков свиней.

Некоторые папуасы не закалывают своих свиней, а предпочитают питаться мясом чужих животных.

Ну, а кому же собственно, принадлежат все эти земельные участки, расположенные вдоль дороги, по которой мы едем? Коллективным владельцем всей земли в традиционно признаваемых границах отдельных групп чимбу формально является само племя. Но при этом земля разделена на участки, принадлежащие индивидуальным владельцам на правах личной собственности. Лишь леса, места погребений и некоторые другие участки считаются коллективной собственностью всего рода. Хозяином семейного участка является мужчина, который по наследству передает его сыну.

Итак, у группы чимбу главенствуют мужчины, причем интересно, что и здесь они живут не с женами, а вместе с другими женатыми мужчинами и взрослыми сыновьями. Их хижины, построенные из дерева, бамбука или тростника, достигают десяти метров в длину. Жены живут в других хижинах вместе с дочерьми и малолетними сыновьями.

В наши дни в этом районе центрального горного массива Новой Гвинеи — на северо-западе округа Восточное Нагорье — живет около восьмидесяти тысяч человек. Долина Чимбу — самая густонаселенная территория Новой Гвинеи. На один квадратный километр здесь приходится около пятидесяти человек. И все они, по преданию, ведут свое происхождение от одной женщины и двух мужчин, которые жили когда-то в Вовкаме. Имена этих трех легендарных предков носят отдельные племена народа чимбу.

Легенды и мифы явно свидетельствуют о том, что эту долину чимбу первоначально не населяли. По своему внешнему виду и некоторым чертам духовной культуры они, скорее, напоминают племена, которые живут в райо-

не хребта Торричелли. Возможно, прародина чимбу как раз и находится в этих далеких горах.

Мои нынешние хозяева — мирные, умелые земледельцы. Но еще предшествующее поколение чимбу значительно больше интересовалось войнами, чем сельским хозяйством. Чимбу были настоящими гуннами своей высокогорной страны. И хотя они, как и другие горные племена, пользовались лишь каменными топорами, луками и стрелами, но способ ведения войн, искусство, с каким они владели оружием, превосходили все, что знала эта страна до появления здесь белых людей.

Чимбу организовывали военные экспедиции. Их армия делилась на боевые отряды: воины проходили длительное и тщательное обучение. У них были даже профессиональные разведчики, в обязанность которых входило знание не только родного языка, но и языка племени, на чью территорию их намеревались переправить.

Вторжения чимбу были страшными. Словно войска Аттилы, воины уничтожали целые деревни, жгли хижины, угоняли скот и женщин. Меня поражало то, что, хотя чимбу и «побеждали в каждом сражении», они никогда не захватывали покоренных земель, так как верили, что там живут души павших воинов. А ведь против душ ничего не смогут поделать даже грозные топоры чимбу!

Итак, воины превратились в оседлых земледельцев. Жестокость они проявляют теперь только лишь по отношению к своим женам. Им не прощают ничего. Особенно измену. Согрешившую жену муж бьет по лицу, чтобы, сломав нос, обезобразить ее. Мужчины наказывают жен и за бесплодие, но не так жестоко — всего лишь немедленным разводом.

После посещения чимбу мы продолжили свой путь на запад по единственной дороге страны. Переправившись через реки Коронигл и Гангил, после долгого и утомительного пути мы наконец добрались до центра другой обширной области центральных нагорий Новой Гвинеи — Восточного Нагорья. Здесь раскинулись многочисленные долины, высота которых над уровнем океана колеблется от полутора до двух с половиной тысяч метров. Центр этой обширной территории, где проживает более трехсот тысяч папуасов, и цель нашего путешествия — поселение Маунт-Хаген.

В долине живет многочисленное племя — хаген⁸², с которым я тоже хочу познакомиться поближе. Его лю-

ди — высокие, ярко выраженного семитского типа. Некоторые фантасты видят в них поэтому потомков легендарных «десяти потерянных племен израилевых».

«Последний род Моисеев», как иногда называют племя хаген, превосходит соседние папуасские племена своим трудолюбием и строгостью моральных принципов. Океания — не та область, где ценится сексуальная сдержанность. Однако у племени хаген невеста всегда должна быть девушкой. А прелюбодеяние у них считается тяжелым преступлением.

Здесь, впервые среди «людей каменного века», я наблюдал следы деления общества на классы. У хаген имелись — и кое-где остались до сих пор — рабы, которые трудились на своих хозяев. Однако каким образом горные папуасы приобретали рабов? Чаще всего во время войн. Наряду с военнопленными рабами хаген становились и те папуасы, которые искали у них защиты от своих врагов. Они ее находили, но зато попадали, что называется, из огня да в полымя — в рабство.

Из Маунт-Хагена, небольшого административного центра Восточного Нагорья, в котором я прожил некоторое время, мне удалось совершить несколько непродолжительных поездок по окрестностям. Жители этой долины особенно заинтересовали меня своими украшениями и одеждой. Правда, в некоторых частях Новой Гвинеи, например в среднем течении реки Сепик, местные жители ходят, точнее, ходили до недавнего времени совершенно голыми. В других местах папуасы сохраняли единственный атрибут одежды — футляр для полового органа, изготовленный из тыквы или бамбука. Его, как правило, носят лишь те члены рода, которые прошли специальные обряды посвящения. Украшение посвященных — знаменитые круги в носу, без рассказа о которых раньше не обходилось ни одно сообщение об этих далеких странах.

Большинству мужчин, с которыми я здесь познакомился, во время обряда посвящения пробивают хрящевую перегородку в носу. Эта далеко не безболезненная операция делается с помощью костяного ножа, затем представители некоторых местных племен продевают в нос кольца из раковин. Мужчины из других племен, а также австралийцы пропускают чаще всего сквозь носовую перегородку палочку.

В Миндже мне встретился представитель племени кума, в волосы которого были воткнуты четыре крыла рай-

ских птиц. Птичьи перья — обычные украшения и у бенабена, с которыми я встречался в Гороке и в поселениях долины Асаро. Горные папуасы прокалывают иногда и уши. Первых белых людей, проникших в долину Чимбу, поразили сушеные змеи, украшавшие уши аборигенов-мужчин.

Воины племен, живущих в окрестностях Маунт-Хагена, предпочитают носить одно перо. По торжественным случаям они надевают праздничные перья райских птиц. В будни местные жители втыкают в волосы перья хищной горной птицы, которую называют *дан*. Женщины здесь могут носить подобные украшения лишь в праздники, и то только перья черной райской птицы. Вообще на Новой Гвинее мужчины заботятся о своем внешнем виде значительно больше, чем представительницы слабого пола, которые в других странах одеваются, как правило, более нарядно⁸³.

Женщины, по крайней мере папуаски центральных областей Новой Гвинеи, где я побывал, носят в основном украшения в виде плетеных браслетов для рук и ног. В более крупных поселениях я встречал употребляемые для этой цели стеклянные «жемчужины», которые завозят сюда якобы из самой Чехословакии. Характерное украшение девушек многих горных племен — нагрудники, ожерелья и различные подвески, изготовленные из раковин. Вообще горные папуасы очень ценят такого рода изделия, которые они приобретают путем обмена на традиционных местных рынках — *бунгах*. Среди папуасок Маунт-Хагена распространены глиняные кольца, из которых женщины делают своеобразные «очки».

В Меланезии, в том числе и на побережье Новой Гвинеи, очень жарко. И если местные жители здесь носят одежду, то только для «красоты». В гористых центральных областях острова не так жарко, а ночи иногда бывают такими холодными, что без спального мешка не обойтись. Тем не менее и здесь, в горах, одежда папуасов лишь составная часть общего ансамбля украшений. Верхняя половина тела представителей обоих полов всегда обнажена. Нижнюю у мужчин прикрывает простой пояс из коры деревьев, к которому прикрепляется кусок ткани или ветвь с несколькими листьями, а у женщины — юбочки из бахромы, фактически даже не прикрывающие наготу. На голову они набрасывают сетчатые накидки. Тело папуасы, как правило, не раскрашивают. Очень ред-

ко встречается и татуировка, которая более распространена на побережье, среди южных племен⁸⁴.

Европейская одежда для папуасов до сих пор непривычна. Лишь некоторые полицейские, которых я видел в Каинанту, носили рубашки с короткими рукавами и шорты.

Мода белых людей и другие их обычаи пока что не прививаются в долинах горных областей Новой Гвинеи. Это почти не тронутый цивилизацией мир, ключи к которому стали подбирать только в последнее время.

Я собираюсь покинуть Маунт-Хаген и отправиться к папуасам племени нангамп⁸⁵. Посещение этого племени — одна из главных целей моей поездки на Новую Гвинею. Тридцать тысяч нангамп, говорящих на языке ёо-ви, живут в долине, раскинувшейся на семьдесят километров в длину и тридцать в ширину, которую образовала река Вагхи. «Долина средней Вагхи», как называется это волшебное место, связана с Маунт-Хагеном проселочной, вполне сносной в хорошую погоду дорогой. Сейчас май, в это время года здесь начинается период *коно*, когда дождей почти не бывает. Следовательно, мы можем добраться до поселения Миндж, которое быстро превращается в административный центр территории этой группы папуасов. В то же время по дороге к нангамп мне хотелось захватить еще и на некоторые плантации.

В отличие от прибрежных областей Новой Гвинеи и других меланезийских островов на плантациях здесь культивируется кофе. На горных склонах, обласканных солнцем и не страдающих от недостатка влаги, уже сейчас, спустя всего несколько лет после начала проникновения сюда цивилизации, выращивается более девяти десятых всего новогвинейского кофе. В 1967 году прибыль от продажи этой культуры составила более трех миллионов австралийских долларов. Но меня, естественно, интересовали не европейские и австралийские кофейные плантаторы, а местные жители. Оказывается, сорок процентов от четырех тысяч тонн кофе вырастили на своих участках папуасы, благодаря чему жизненный уровень обитателей долины Вагхи существенно повысился.

Я остановился сначала в Кагамузе, расположенной неподалеку от Маунт-Хагена, чтобы осмотреть первую плантацию чая, который начали здесь выращивать всего лишь четыре года назад. Эта культура потребовала немалых первоначальных капиталовложений, но те, кто

взялся за дело, полагают, что весь урожай местного чая удастся продать на австралийском рынке. В 1972 году в горных районах под чай было отведено уже более четырнадцати тысяч акров земли. Из них три тысячи принадлежат папуасам.

Чай в отличие от кофе, вероятно, останется культурой только долины Вагхи и окрестностей Маунт-Хагена. А вот в Кагамузе, недалеко от первой чайной плантации, я увидел нечто похожее на мираж в этой стране «людей каменного века» — промышленное предприятие! Правда, небольшой, но все-таки настоящий завод. Здесь обрабатывается особая, новопвинейская, ромашка, произрастающая на горных лугах на высоте трех тысяч метров. Из него получают продукт, который является составной частью всех современных средств, предназначенных для уничтожения насекомых. Предприятие принадлежит фирме «Стаффорд Аллен Нью-Гинеа». Этот завод обрабатывает в год около пятисот тонн ромашки, высаженной на участке площадью две тысячи акров. Экстракт пиретрума значительно менее ядовит, чем другие химические средства, и поэтому менее опасен для людей и домашних животных. Почти вся продукция кагамузского завода отправляется за океан — в ФРГ, Англию, США.

После короткой остановки мы продолжили свой путь в долину средней Вагхи. Нангамп не селятся вблизи реки, так как время от времени Вагхи выходит из берегов, широко разливаясь по низменным участкам довольно большой долины. Местные жители предпочитают строить дома на террасах, расположенных выше реки, где она не сможет причинить вреда. Кроме того, на горных склонах много травы кунаи.

Мне нравится долина Вагхи! После невыносимой влажной жары побережья, после холодных туманов перевала Дауло я чувствую себя здесь великолепно. Удивительный горный воздух — не жарко и не холодно, и, несмотря на то что наступил период коно, идут редкие — и лишь по утрам — дожди. А вид, открывающийся отсюда! Над береговыми террасами, над мозаикой квадратных земельных участков на севере и юге вздымаются горы. С северной стороны это «трехтысячник» Джака, за ним еще более высокий Элканумп, а еще дальше, но немного в стороне, за речкой Джими, величественная гряда хребта Бисмарка, над которым возвышается царственная вершина — Вильгельм, достигающая высоты Монблана.

С юга долину закрывают склоны Куборского гребня. Сам Кубор поднимается до четырех тысяч двухсот шестидесяти семи метров. За ним начинается территория племени камби, родственного хаген. С нангамп их ничто не связывает, даже язык.

Нангамп просто решают все лингвистические проблемы. Свой язык они называют *ёо-ви*, что дословно означает «настоящий язык», все другие для них — *ёо-ндел*.

Людам, говорящим на ёо-ви, и принадлежит эта богом созданная долина. Племя нангамп умеет ею пользоваться: мозаика мелких полей покрывает всю землю до самых отрогов обоих хребтов, с юга и с севера окружающих долину средней Вагхи. Благодаря удивительно благоприятным климатическим условиям земля нангамп является подлинным садом острова папуасов. Кроме традиционного сладкого картофеля здесь можно выращивать высокие урожаи ямса и таро, которые в других частях горной страны не приживаются. Жители долины собирают и местную разновидность шпината; они знают также папайю⁸⁶ и горный панданус, урожай которого у них очень высоки. Некоторые нангамп начали выращивать даже первые европейские культуры, которые они позаимствовали у белых людей около десятка лет назад.

В долине Вагхи, как, впрочем, и в других местах Новой Гвинеи, почти отсутствует дичь. А к рыбе, обитающей в реке, как это ни странно, местные жители совершенно равнодушны. Причем в хозяйстве нангамп кроме собак и кур единственным домашним животным является свинья. Поэтому вокруг этих животных, так же как и у чимбу, «вертится весь мир». Здесь свиней откармливают в течение долгого периода, а потом забивают во время религиозного праздника, так называемого *кол керма*. И это в то время, когда в рационе хозяев полностью отсутствует мясо!

Иногда свиней убивают и во время других ритуалов, например в память об умершем родственнике. Считается, что тот, кто не совершит обряда почитания мертвых, сам накличет на себя беду. Свиное сало — праздничное блюдо, которое подается также при заключении брака. Иногда нангамп натираются салом для красоты или употребляют его как средство от обмороживания, когда отправляются на Куборский гребень.

Поросят, как правило, держат в хижинах мужчин, свиноматок — женщин. Муж и жена, как и у других папу-

асских племен, живут в разных жилищах. Раньше хижины имели только круглую форму, теперь же сохранились лишь закругленные углы. Построены они из бамбука или местных пород деревьев и не имеют ни окон, ни труб. Дым от очага выходит через отверстия в крыше хижин.

Нангамп живут не деревнями, а «хуторами» — в отдельных хижинах, поставленных посреди небольших квадратных семейных полей. Большие деревни они строят, когда собираются со всей долины на великое торжество кол керма, связанное, видимо, с жертвоприношением могущественным духам.

Я никогда не слышал от нангамп какого-либо упоминания о богах. Солнце они называют, например, «старик», а луну — «старуха». Главными объектами поклонения считаются у них два могущественных духа: добрый — Геру и злой — Балим.

Наряду с Геру и Балимом нангамп почитают души умерших предков, ибо убеждены, что душа нангамп бессмертна. После физической смерти она несколько недель «бродит по долине Вагхи, питаясь пожертвованиями живых». Потом эта «переходная» душа *мин-ман* превращается в бессмертную, вечную душу смертного человека — *кибе*. Она отправляется в Куборские горы, на южную границу долины, чтобы навечно поселиться там и жить жизнью земного человека.

О мертвых нангамп думают постоянно. Но великий обряд кол керма предназначен и для живых. В первую очередь он олицетворяет плодovitость. Во время кол керма нангамп получают также возможность собраться на великое вече. Это торжество проводится раз в несколько лет, и только тогда, когда откормлено достаточно свиней. В наши дни нангамп собираются довольно регулярно в определенные дни по случаям куда более прозаическим, но экономически значительно более важным — во время периодически устраиваемых в селении Миндж ярмарок — *бунг*.

Раньше торговля велась на нейтральной территории, чтобы в ярмарке могли принять участие все племена, желающие обменять свои товары. День открытия бунга отмечался узлами на веревке в зависимости от времени, остающегося до его начала. Этот примитивный календарь, который на всей Новой Гвинее называется *тангкет*, помогал отсчитывать дни.

Посещение рынка было и до сих пор остается в основ-

ном прерогативой женщин, мужчины лишь сопровождают своих жен как зрители и иногда как покупатели. Раньше они ходили туда главным образом в целях их охраны и защиты.

На рынке обменивается все, но в первую очередь, конечно, сельскохозяйственные продукты. Жители теплых краев предлагают, например, ямс, который во многих областях горной страны не растет. Население центральных районов приобретает раковины, которые привозят сюда с берегов залива Хьюон. Они являются основным сырьем для всевозможных украшений, изготавливаемых на местах. На ярмарке не встретишь профессиональных торговцев и ремесленников, что свидетельствует о неразвитости социальных отношений.

Один из важнейших предметов обмена — соль. Папуасы получают ее не только из морской воды, но и из растения *пит-пит*, стебли которого сжигают, а пепелсыпают в стаканчики из пандануса. Затем туда наливают воду, а раствор помещают в бамбуковые сосуды, которые, в свою очередь, кладут на раскаленные камни. Вода выкипает, и на дне остается растительная соль.

До недавнего времени на горных рынках в долине Вагхи и в окрестностях горы Хаген торговали каменными топорами. Путь их на бунг был довольно интересен. Топоры изготавливали из специальной вулканической породы, которая в долине Вагхи, однако, не встречается⁸⁷. Оттуда, где ее разрабатывают, до рынка много часов пути. Племя, добывающее породу, передает ее соседям, те — еще дальше, пока эта своеобразная эстафета не доходит до места назначения. Потребители платят своим соседям солью, которая таким же путем движется назад, пока наконец не доходит до поставщика.

В редких случаях на минджской ярмарке торгуют свиньями. Раковины не всегда служат предметом торговли, чаще их ссужают займы. Одалживают друг у друга и перья райских птиц, самых красивых в мире.

НА РЕКЕ РАЙСКИХ ПТИЦ

Великолепные райские птицы, истинные царицы новогвинейской фауны (увидеть их я мечтал еще в детстве), на побережье уже почти истреблены. В гористых центральных областях, которые стали известны — и то лишь

частично — европейцам совсем недавно, результаты губительной страсти охотников еще не успели сказаться.

Райские птицы царствуют главным образом в бассейне реки Байер. Эта до недавнего времени еще широко доступная для посетителей область благодаря стараниям шведского исследователя Эдварда Халльстрёма первой из естественных резерваций на Новой Гвинее получила статус Национального парка. Может показаться абсурдной идея создания заповедника в местах, которые в силу своего географического положения им и так уже являются. Однако законы, охраняющие Национальный парк, «отпугивают» от реки Байер многочисленных европейских охотников. А местные жители не представляют опасности для прекрасных птиц.

К реке райских птиц я отправился не с Хендриком, а в обществе английского естествоиспытателя, который уже несколько раз побывал в горах Новой Гвинии и поведал мне о том, как мир узнал о райских птицах.

Сюда, в долину среднего течения реки Вагхи, первые белые люди проникли в середине 30-х годов. Они вылетели на маленьком «юнкере» с земли бенабена, где Лихи и Двайер создали небольшие полевые взлетные площадки.

В самолете, пилотируемом Т. О'Димом, летели помощник окружного комиссара в Саламуа — Джеймс Тэйлор и несколько золотоискателей. Опытный летчик О'Дим сумел найти на берегу Вагхи удобное для посадки место.

К снижающемуся самолету стали сбегаться сотни жителей близлежащих деревень. Однако, когда он совершил посадку, никто не посмел подойти близко. Папуасы лежали на земле не в силах поднять головы. Они были убеждены, что страшная, сверкающая, до сих пор никем не виданная птица хочет их убить. Развели огонь, пожертвовали духам немного свиного сала и лишь после этого осмелились приблизиться к незнакомому существу. Позже путешественники поняли, что папуасов испугал не столько сам самолет, сколько шум его моторов, так как аборигены решили, что неизвестная птица издает грозный воинственный клич. Интересно, что в других районах горного массива подобных проблем не возникало. Например, когда первые европейцы приземлились на земле чимбу, то папуасы приняли летчиков и пассажиров за своих умерших предков и бурно их приветствовали. Как-

то раз аборигены сложили у винта самолета сладкий картофель, чтобы «птица могла поесть».

Во время первого посещения долины Вагхи Тэйлор увидел не только страх на лицах местных жителей, но и нечто другое — длинные перья прекраснейшей из райских птиц, самой красивой из этих удивительных представительниц пернатого мира. По-английски этот вид называется *кинг оф саксониаз бёрд оф парадайз* — «райская птица саксонского короля».

Эту птицу европейцы до сих пор знали только по перьям, которые попадали к торговцам неведомыми путями из горных областей Новой Гвинеи, куда белые еще не проникли. Живую птицу не видел пока ни один европеец.

О'Дим и его спутники заметили на некоторых жителях долины Вагхи длинные черные перья райской птицы «принцесса Стефания», а также синие, розовые, красные перья других птиц.

Пройдя к западу от горы Хаген, участники экспедиции попали в настоящий птичий рай. Однажды, например, их насторожил свист, напоминающий полет снаряда. Подняв головы, путешественники увидели, что над ними пролетала целая птичья стая, переселяющаяся из тропических долин реки Сепик в не менее жаркую дельту реки Пурари. Таким образом, в этой части Новой Гвинеи, на «последней границе человечества», золотоискатели нашли не драгоценный металл, а райских птиц.

С той поры здесь мало что изменилось. В Национальный парк мы входим через ворота, которые никто не сторожит. На берегу реки, недалеко от входа в заповедник, установлены клетки, в которых содержат самых красивых райских птиц.

Воротами и этими клетками исчерпываются все охраняемые мероприятия. Затаив дыхание, мы следим за удивительными птицами. Интересуют нас только самцы. Самки неприметны; они слишком серые и будничные. Зато самцы украшены фантастическими перьями невероятных расцветок.

Райские птицы — самые красивые в мире. Об этом говорит и их название, которое связано, однако, не только с их великолепной внешностью, но и с забавной ошибкой. История ее такова. Первыми европейцами, увидевшими райских птиц, были участники знаменитой кругосветной экспедиции Ф. Магеллана. Их командир к тому времени уже умер, погибли и многие его спутники. Четы-

ре корабля поглотил океан, и лишь пятый благополучно доплыл до берегов Испании.

Эль Кано, помощник Магеллана, который после его смерти возглавил экспедицию, привез в Европу среди других чудесных вещей перья прекрасных птиц, которых никто до этого не видел. Их подарил мореплавателю вождь Тидора, одного из небольших Молуккских островов, который, в свою очередь, взял их как дань с жителей западной оконечности Новой Гвинеи, в то время ему подчиненной.

Папуасы до сих пор обрабатывают пойманных птиц таким же способом, как и в былые времена. Сперва они снимают кожу вместе с перьями. Затем натягивают ее на палку, слегка посыпают пеплом, сушат над очагом и, наконец, отрезают лапки.

Как это ни странно, именно из-за своих лапок, а вовсе не за прекрасное оперение эти птицы получили название райских. Не находя у препарированных птиц лапок, европейцы стали утверждать, что они летают без усталости, никогда не касаясь земли. И яйца якобы райская птица сносит на лету, откладывая их на спину самца, где и выводятся птенцы, питаясь «росой небесной».

Безногие, «живущие в раю» птицы получили название райских. Не случайно это семейство по-латыни называется *Paradisheidae*.

В Европу стало поступать все больше перьев райских птиц. Это почти исключительно желтые перья самой крупной птицы, или, как ее называли зоологи в память о былых временах, «райской птицы безногой». Они были, в частности, главным украшением турецких янычар.

Но, хотя в Европе появлялось все больше перьев райских птиц, родина их оставалась такой же загадочной, как и прежде. Итальянец Антонио Пигафетта, участник экспедиции Магеллана, оставивший самое подробное описание первого кругосветного путешествия, писал, что в Тидоре, где мореплаватели впервые увидели оперение неизвестных птиц, аборигены называли места, где они водятся, «земным раем».

В поисках «рая» отправились на Новую Гвинею сначала французский естествоиспытатель Лассон, после него Уоллес, а еще позже два итальянца — Беккари и Д'Альбертис.

«Птичий рай» на реке изучал и легендарный капитан Блад, один из первых белых, поселившихся в долине реки

Вагхи. Этот австралийский летчик оказался на Новой Гвинее в период второй мировой войны. Его сбили японцы, но ему чудом удалось спастись. Перед тем как горящий самолет ударился о деревья, он выпрыгнул. Комбинезон уже горел, но капитан так долго катался по земле, что сумел погасить огонь. После этого, полуголый и босой, он пять недель бродил по джунглям Северной Гвинеи, пока не наткнулся на папуасскую деревню. Жители приютили капитана Блада, и он несколько месяцев прожил среди них. Природа острова так очаровала его, что, когда война кончилась и бывший летчик мог бы вернуться домой, Блад решил никуда не уезжать и поселился в деревне Нондугл, в долине Вагхи. Отсюда он предпринял несколько поездок, в том числе и к реке райских птиц. И здесь бывший летчик обнаружил новую разновидность великолепных райских птиц и неизвестный вид орхидей.

До недавнего времени одни орнитологи полагали, что на Новой Гвинее водится около семидесяти, а другие — даже около ста разновидностей этих птиц. Из них мне больше всего понравились красная, королевская, хвостатик черный и удивительная синяя птица *Paradisaeaerdolphi*, названная так в честь австрийского Эрцгерцога Рудольфа.

Именами кайзера и его супруги были названы также два великолепных вида райских птиц, гнездящихся в окрестностях залива Хьюон, на территории, принадлежавшей когда-то Германии. Называя так райских птиц, естествоиспытатели добивались финансовой поддержки со стороны правительств для музеев и научных экспедиций.

Этот своеобразный «подход» к власти имущим остроумно высмеял один из тогдашних орнитологов, выходец из знатного рода, Шарль Люсьен Бонапарт, племянник французского императора. Когда ему посчастливилось обнаружить до сих пор не описанный и, следовательно, новый вид райской птицы, он, родственник императора, назвал его «Республиканская райская птица». И сопроводил это непривычное название следующим комментарием: «Так как лично я не испытываю ни малейшего уважения к власти королей в этом мире, то решил прекраснейшую из всех райских птиц назвать именем республики. Ибо республика могла бы стать раем. Но если даже райская республика не возникнет, то с этого момента будет существовать хотя бы «Республиканская райская птица».

У некоторых птиц весьма своеобразная форма перьев. Например, удивительная ошейниковая райская птица названа так из-за двух щитковых воротничков, один из которых украшает верхнюю часть грудки, а другой — шею. На грудке оперение зеленое, на шее — под бронзу. Головка у нее темно-синяя, длинные перья хвоста отливают вороненой сталью.

Точно так же как у ошейниковой райской птицы, у других разновидностей перья украшают самые различные части тела, отличаясь не только цветом, но и формой. Самцы, стремясь привлечь внимание самок, сидят нахохлившись и «хвалятся» яркостью окраски своего оперения.

Любовная игра райских птиц напоминает парад мод. Самки и самцы встречаются всегда в одних и тех же местах. Австралийские орнитологи, посвятившие много трудов новогвинейским райским птицам, называют эти места «танц-площадками». На полянах среди джунглей самцы демонстрируют свою красоту. В бескровной борьбе за расположение «дам» всегда побеждали те птицы, чье оперение оказывалось ярче.

Период спаривания, когда оперение самцов особенно красиво, на большинстве территории Новой Гвинеи приходится на май. Но время любви проходит, и самцы почти полностью теряют свои дивные перья. Поэтому папуасы ловят райских птиц главным образом в мае.

Самцов райских птиц на Новой Гвинее было когда-то больше, чем самок. Но безжалостные рыночные законы вторглись в естественную жизнь природы. Ведь охотники уничтожали только самцов. В некоторых областях острова дело дошло до того, что самки вместо того, чтобы выбирать на «танц-площадках» партнеров, сейчас в отчаянии призывают оставшихся в живых самцов, боясь оказаться в одиночестве.

Малайцы, проживающие на Молуккских островах, и папуасы охотились за райскими птицами еще во время экспедиции Магеллана. Но лишь европейская мода второй половины XVIII века стала для этих птиц роковой. Во всем мире дамы украшали свои шляпки их перьями. Всю Европу, точнее, ее женскую половину охватила бешеная погоня за самыми прекрасными, самыми невиданными перьями. Казалось, что на шляпках наших прабабушек и бабушек окончат свое существование эти удивительные представители пернатого мира. В Европе вскоре возникли большие фирмы, специализировавшиеся на по-

ставке перьев райских птиц. В этом малопочтенном виде коммерции особенно больших успехов добились два предпринимателя — голландец Дёйвенбоде и парижский торговец Манту.

В первые годы XX века добыча перьев райских птиц достигла своего апогея. В 1910 году в Европу было поставлено сто тысяч перьев. Парижские и амстердамские торговцы, которые сами никогда не бывали на Новой Гвинее, часто находили в очередных партиях «товара» незнакомые им перья, которые не поддавались классификации. Таким образом орнитологам стало известно более пятнадцати видов райских птиц, которых ни один ученый никогда не наблюдал.

На поиски этих «знакомых незнакомцев» отправлялись десятки ученых. Среди них вскоре выделился человек, которого никому не пришло бы в голову искать в обществе орнитологов. Это был миллиардер Ротшильд, собравший самую богатую коллекцию райских птиц и разыскивающий для нее те виды, которые были известны лишь по оперению.

Однако в ту часть центральных областей Новой Гвинеи, где находится река райских птиц и живут люди племени кьяка и где действительно позже был обнаружен «птичий рай», белые люди стали широко проникать лишь в последние пять-десять лет. И поэтому лорд Ротшильд так и не узнал о существовании многих редких экземпляров этих птиц.

Позже обнаружилось, что они вовсе не являются самостоятельными видами. Это просто гибриды уже известных разновидностей. Так что число видов райских птиц, описываемых орнитологами, пришлось значительно сократить. В наиболее серьезной монографии, посвященной этим птицам, работе австралийского профессора Айрдолла, это событие названо самым постыдным случаем в истории орнитологии. Айрдолл считал, что райских птиц всего тридцать пять видов, другой же выдающийся знаток птичьего царства Океании, американец Мэйр, называет цифру тридцать девять. Все остальные — гибриды.

Возможно, еще пятьдесят-шестьдесят лет назад действительно существовали некоторые редкие виды райских птиц, но, прежде чем специалисты сумели их описать, они уже были истреблены ради дамских шляп. К счастью, мода изменчива, и после первой мировой войны перья исчезли со шляпок.

В 20-е годы райские птицы на всей территории Новой Гвинеи стали охраняться законом и охоту на них резко ограничили. Но запрет этот соблюдался не везде. В западную часть Новой Гвинеи продолжали проникать малайцы — охотники за «небесной птицей». Европейские поселенцы, вынужденные после основания плантаций ждать восемь лет, прежде чем будет получен первый урожай кокосовых орехов, также увеличивали свои доходы за счет запрещенной охоты.

В наше время райские птицы уже вернулись в районы своих прежних прибрежных гнездовий. В центральных областях острова за ними охотились лишь местные племена, и поэтому в горах, на берегах реки райских птиц эти великолепные экземпляры сохранились. Первые европейцы не сомневались в том, что красота, очарование и благородство свидетельствуют о неземном, «райском», их происхождении. В рай можно не верить. Но самых красивых в мире птиц, живущих на берегах горной реки, я видел собственными глазами. И могу это засвидетельствовать.

ПО НОВОЙ ГВИНЕЕ БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА

Каждый раз, когда я возвращаюсь из поездок к какому-нибудь далекому, «экзотическому» племени, мои знакомые спрашивают:

— Послушай, а как ты с ними разговариваешь?

И сейчас, после возвращения из Меланезии, когда я рассказываю о своих впечатлениях, мне почти всегда задают один и тот же вопрос:

— Как же вы находили общий язык с папуасами, новокаледонцами, обитателями полуострова Газели?

— Очень просто, — отвечаю я.

Отправляясь в какое-либо путешествие; я всегда заранее пытаюсь изучить хотя бы основы языка того племени, с представителями которого рассчитывают встретиться.

С этой целью я пользуюсь, например, небольшими словарями индейских наречий, составленными, как правило, различными религиозными обществами для миссионеров.

Меланезия, и особенно Новая Гвинея, эта «последняя граница человечества», — наименее исследованная часть

современного мира, поэтому она и наименее изучена с точки зрения лингвистической. Более того, это уголок земли, пожалуй, наиболее сложный в языковом отношении. Только на Новой Гвинее семьсот различных диалектов и наречий. Жители двух соседних деревень могут не понимать друг друга. Столь же сложны языковые взаимоотношения и на других островах Меланезии. Так что с проблемой о том, как договориться с жителями этих островов, столкнулись не только я, но и задолго до меня колониальная администрация, а также торговцы различными изделиями и «черными птицами» — вербовщики меланезийских рабочих для плантаций и золотых рудников.

Так какой же язык выбрать для общения с местными жителями? В колониях, где аборигены говорят на одном языке, а администрация на другом, я, естественно, всегда отдаю предпочтение языку народа или племени. Вряд ли можно согласиться с таким положением, как, например, в Перу, где абсолютное большинство населения составляют индейцы кечуа, а государственный аппарат пользуется только испанским языком. Но в данный момент я нахожусь в Меланезии и на Новой Гвинее. Здесь у администрации были две возможности — либо использовать в качестве средства общения, а следовательно, и государственного языка английский или французский, а некоторое время назад и немецкий, либо попытаться распространить самый развитый и самый богатый по словарному запасу местный язык на другие территории. Так, например, в Восточной Африке средством общения стал язык суахили. На Новой Гвинее такой эксперимент тоже попытались провести. Лютеранские миссионеры хотели распространить по всей северной части острова язык племени рагетта, населяющего побережье округа Маданг. Однако по прошествии более чем десяти лет лютеране сдались. Научить же аборигенов европейским языкам оказалось весьма сложно, так как для этого понадобилось бы значительно большее число школ и учителей, чем имелось в Океании. Но главным барьером является чрезвычайно низкий культурный уровень местного населения.

В то время как миссионеры, колониальные чиновники, этнографы и лингвисты спорили о том, какой язык наиболее приемлем для Меланезии, местные жители создали свой собственный диалект, настоящее эсперанто, который, после того как я познал его основы, открыл мне двери меланезийских архипелагов. Главное достоинство

этого языка — простота. Освоил я его в течение нескольких дней, но и забыл сразу же после того, как покинул Меланезию. И сейчас в моей памяти сохранилось лишь общее представление об этом языке.

Я не лингвист и не филолог. И все же мне хочется по-подробнее рассказать о «пиджин инглиш», так его называют в литературе. Это название мне кажется не совсем правильным, вернее было бы сказать: «меланезиен пиджин инглиш» или просто: «меланезиен пиджин», хотя бы потому, что под названием «пиджин инглиш» в мире подразумевается торговый диалект, которым пользуются местные жители южнокитайских портов — Гонконга и Кантона. С этим жаргоном здешний язык не имеет ничего общего. И несмотря на то что в Меланезии тоже живут китайские торговцы, меланезийский «пиджин» перенял от своего азиатского тезки одно-единственное словечко — *маски*, что означает: «ничего не случилось», «не стоит», «не имеет значения».

Каждый язык «стоит на двух ногах»: одна из них — грамматика, другая — словарный состав. «Пиджин инглиш» сохранил грамматический строй меланезийских наречий. Немецкий исследователь Г. Неверман доказал, что непосредственной основой грамматического строя меланезийского «пиджин» является язык жителей полуострова Газели (Новая Британия) в архипелаге Бисмарка. Итак, «одна нога» этого языка, бесспорно, меланезийская. А другая столь же явно — английская. Ибо из этого языка «пиджин инглиш» взял большую часть своего словарного запаса. При этом странно, что язык, который возник на архипелаге Бисмарка, принадлежавшем когда-то кайзеровской Германии, почти ничего не сохранил от языка колонизаторов, кроме слов: *гаутман* — «начальник», *пасмалауф* — «будь внимателен», *раус* — «вон, катись» и особенно часто употребляемого *халтмунд* — «замолчи».

Интересно и то, что французский — язык страны, которая до сих пор совместно с Англией управляет Новыми Гебридами, где «пиджин инглиш» также распространен, — не передал ему и десятка слов. А речь китайских торговцев, как и азиатский диалект, не обогатила меланезийский «пиджин», кроме уже упомянутого «маски», ни единым словом.

Словарный состав этого специфического языка пополнялся и за счет некоторых диалектов, особенно в том слу-

чае, когда на английском аборигены не могли выразить какое-либо местное понятие. Так, например, от языка жителей полуострова Газели меланезийский «пиджин» перенял такие слова, как *пукпук* — «крокодил», *тамбаран* — «дух».

От малайцев, чьи корабли часто посещали побережье Новой Гвинеи, в «пиджин инглиш» тоже перешло несколько выражений, таких, как *пинатанг* — «насекомые», *карабау* — «буйвол», *тандок* — «знамение, сигнал» и некоторые другие.

Совершенно необычна история вклада, внесенного в словарный состав меланезийского жаргона полинезийцами, точнее, жителями островов Самоа. Различные христианские церкви с начала XIX века стремились привлечь к своей миссионерской и просветительской деятельности на этих столь негостеприимных для белых островах Меланезии более развитых жителей Полинезии. Известно, например, что первыми миссионерами на Фиджи были таитяне. На Новую Гвинею полинезийцев доставляла Австралийская методистская миссия. Причем методисты с островов Самоа здесь больше занимались просветительской деятельностью, чем распространением христианства. Во время своей работы в незнакомых для них условиях полинезийцы часто говорили на своем родном языке. Благодаря им в наши дни по всей Меланезии понятие «христианство» обозначают по-полинезийски словом *лоту*, перерыв во время работы на плантациях — *малоло* и даже кошка называется *пуси*. Последнее название идет якобы от жителей островов Самоа. Однако в связи с тем, что кошек раньше в Океании не было и их завезли на Тихоокеанские острова значительно позже, я полагаю, что это слово, скорее, происходит от английского *pussy-cat*.

Но самым удивительным примером наследства, оставленного полинезийскими просветителями, является слово *булимакау*, которым на меланезийском «пиджин» обозначают крупный рогатый скот. В этом случае меланезийское эсперанто использует связку *ма* языка жителей Самоа, означающую союз «и», до нее ставит английское слово *bull* — «бык» и в конце — английское *cow* — «корова». Из языка другой полинезийской этнической группы, гавайцев, люди, говорящие на меланезийском «пиджин», взяли слово, которым они сами себя обозначают, — *канака*.

Словарный состав этого языка меланезийцев, назы-

вающих себя полинезийским именем, в основном английский. И так как я говорил о вкладе, внесенном в меланезийский «пиджин» жителями островов Самоа, гавайцами, немцами, малайцами, то не могу умолчать и об англичанах. Вслушиваясь в речь меланезийцев во время первой беседы, я обратил внимание на два словечка, которые очень часто у них повторяются, — *фела* и *билонг*. Они могут подсказать, при каких обстоятельствах возник «пиджин инглиш» и где искать его корни.

Одними из первых европейцев, время от времени попадавших на меланезийские острова, были вербовщики, которые искали «черных птиц» для работы на плантациях сахарного тростника, главным образом в Австралии. Стоило им сойти на берег, как они уже искали *fellows* — парней, которых можно было бы завербовать. А так как у вербовщиков должен был быть хотя бы минимальный учет, то они спрашивали каждого *fellow*, из какого он племени. «Относиться», «принадлежать» по-английски — *belong*. Отсюда и пошло нынешнее широко употребительное слово меланезийского «пиджин».

В наши дни в Меланезии уже редко встретишь вербовщиков, но два словечка «фела» и «билонг», которые островитяне часто слышали от первых европейцев и смысла которых не поняли, теперь, в новом языке, играют куда бóльшую роль, чем в своем родном, английском. Практически перед каждым существительным в меланезийском эсперанто ставится слово «фела», ставшее почти артиклем наподобие английского *the*. И если вы хотите, предположим, сказать «луна», то должны произнести: *фела мун*.

Второе наиболее употребительное слово «билонг» обозначает теперь не только принадлежность, а имеет куда более широкий смысл. Скажем, *бой билон ми* означает не просто «мальчик принадлежит мне», а «мой товарищ».

Грамматика «пиджин» несложна. В ней нет склонений и родов. По своей структуре предложения сходны с меланезийскими языками. Последовательность членов предложений строго определена. Прошедшее время образуется с помощью слова *финис*, следующего за глаголом, будущее — слова *баимбаи*. Сослагательное наклонение обозначается словом *сапос*, стоящим перед глаголом. Кроме единственного и множественного числа в меланезийском «пиджин» употребляется и дуальное, то есть двойственное число, обычное для меланезийских языков.

Повторение действия или подчеркивание его значения передается удвоением. Если же действие, которое описывает меланезиец или папуас, длилось очень долго или было чем-то особенно выдающимся, то соответствующий глагол можно повторить пять раз подряд. Вообще многое зависит не только от того, что вы говорите, но и как вы это преподносите. В крайне примитивном «пиджин инглиш» часто приходится прибегать к помощи мимики, повышать или понижать голос и, конечно, много жестикулировать.

И в то же время на этом языке выходит газета, на него переведены значительные части Ветхого и Нового завета, псалмы, гимны, литургические тексты. Он имеет даже свой словарь, изданный в 1935 году католической «Миссией слова божьего». На меланезийском «пиджин» папуасы рассказывают свои бесконечные истории. Несмотря на бедность словарного состава и примитивизм грамматического строя, на нем можно выразить свои чувства и мысли, он помогает островитянам договориться друг с другом, открывает им двери в современный мир, пути к «культурным переменам», как называют этот процесс этнографы.

На меланезийском «пиджин» говорят в основном мужчины. Им этот язык помогает понять белого работодателя. Женщины им почти не пользуются.

В последнее время островитяне стали осознавать, что «пиджин инглиш» — это не «настоящий язык белых людей» и, овладев им, они еще не достигнут их социального и культурного уровня. А ведь раньше именно эта причина часто побуждала местных жителей изучать «пиджин инглиш». Теперь меланезийцы уже отличают свой «английский», который называют *ток пиджин*, от настоящего английского языка — *ток плез билонг Сидни*, — «языка, на котором говорят в Сиднее», то есть в Австралии.

Для многих европейцев небогатый словарный запас меланезийского «пиджин» служит источником насмешек. Более того, островитяне раньше включали в свой словарь любое слово, которое слышали от белых людей. И некоторые остряки пользовались этим почти священным почтением, которое местные жители испытывали к языку белых людей, чтобы пополнить местную речь, мягко говоря, весьма странными выражениями. Я, например, был просто шокирован, когда узнал, что один из таких остряков, оказавшийся среди первых англичан, попавших на Новую

Гвинею, назвал океан «содовой водой» («сода уотер»). И простодушные меланезийцы приняли это название. В наши дни эта «газировка» в меланезийском «пиджин» была переделана в «солт-уотер» — «соленая вода». Таким же образом в меланезийский «пиджин» вошло выражение *саббибокс* — «мозг», первоначально означающее «коробка для знаний», и целый ряд других.

Я придаю большое значение меланезийскому «пиджин». И не только потому, что осознаю всю его важность для папуасов и меланезийцев, но и из-за того, что он дал лично мне. Благодаря «пиджин инглиш» я смог без переводчика проехать все меланезийские архипелаги, в том числе и самый большой остров — Новую Гвинею, и сравнительно легко договориться с местными жителями. А это услуга, которую здесь, на «последней границе человечества», вероятно, даже трудно оценить.

ПАРЛАМЕНТ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

Путь из горной страны назад, на побережье, нелегок. Свое путешествие по Новой Гвинее я начал на севере острова, но отправился в высокогорные центральные области из Лаэ, то есть с восточного побережья. А теперь моя цель — южный берег. Я собираюсь посетить ту часть Новой Гвинеи, которая раньше административно была совершенно самостоятельной, — Папуа.

Столицей Папуа, а в наши дни всей территории Папуа — Новая Гвинея, является Порт-Морсби, который по числу жителей уже обогнал и Лаэ и Маданг, несмотря на то что возможностей расширяться у него немного. Город раскинулся на узкой полосе берега, с обеих сторон ограниченного высокими скалами. Вначале Порт-Морсби располагался только на побережье, теперь же он карабкается вверх по склонам к седловине, разделяющей обе горы.

Окрестности города не имеют тропического характера. Они, скорее, напоминают некоторые высохшие участки берега Адриатического моря. Позже я познакомился с двумя примечательными деревнями. Это поселение Хануабада и пристань торговых лодок — Коки. Здесь и далее к востоку живет племя моту⁸⁸, на территории которого начала строиться будущая столица острова.

По соседству с моту, прямо над Порт-Морсби, живут воинственные племена коитапу⁸⁹ и коиари, предки кото-

рых были одними из самых опасных и воинственных охотников в Папуа. Интересно, что моту, менее многочисленное и более мирное племя, отваживалось с ними соседствовать.

Люди моту обладают талантом, которого не имеет в такой степени ни одно другое племя, — умением торговать. Кроме того, они искусно изготавливают керамические изделия, что также не характерно для других областей Новой Гвинеи. Самых членов племени моту не больше пяти тысяч, но в год они производят более тридцати тысяч горшков. Эти горшки «финикийцы Новой Гвинеи» укладывают на широкие лодки *лакатои*, совершая путешествия вдоль всего южного и восточного побережья острова. Они даже отваживаются подниматься против течения рек в центральные области. И везде встречают дружеский прием, обменивая свои гончарные изделия на та-ро и саго.

Вместе с горшками моту распространяют и свой родной язык. На юге Папуа язык моту понимало так много жителей, что он почти вытеснил «пиджин инглиш». В конце концов австралийское правительство приняло решение сделать язык моту официальным языком Папуа⁹⁰.

И хотя в наши дни он является всего лишь коммерческим языком южного побережья, тем не менее вновь появилась надежда, что язык моту станет официальным для территории Папуа—Новая Гвинея. Дело в том, что именно из рядов этого немногочисленного, но очень энергичного племени вышли самые влиятельные представители парламента. Парламента? Здесь, в глухих джунглях Новой Гвинеи?

Я не сказал еще, что главной причиной моей поездки на южное побережье было желание принять участие в учредительном заседании палаты Ассамблей Папуа—Новой Гвинеи. И в Порт-Морсби я попал как раз вовремя.

В день заседания я проснулся очень рано, боясь пропустить это исключительное событие. Особенно интересовал меня финал длительного процесса, в начале которого стояла родовая община, а в конце — парламентарная демократия.

Я возвращаюсь в своих воспоминаниях на архипелаг Бисмарка, где процесс этот, собственно, и начался. Первыми колонизаторами архипелага, как, впрочем, и северо-восточной части Новой Гвинеи, были немцы. И им следовало определить формы административного управ-

ления колонии, которая, если говорить о доколониальной социальной структуре, была одной из самых отсталых в мире. Здесь, естественно, не существовало папуасских или меланезийских государств, даже племенные отношения не играли почти никакой роли. Немецкая администрация выбрала из нескольких возможных вариантов ту систему, которая в колониях обозначается английским понятием *индирект рул* — «непрямое управление».

Как же оно выглядело на практике? Администрация колонии в каждой деревне, куда только можно было проникнуть, назначала одного местного жителя своим «представителем». Его называли толайским словом *лулуаи*.

До прихода европейцев на полуостров Газели так именовали военных вождей отдельных толайских деревень или же разбогатевших мужчин, которые добивались, однако, «успеха» часто с помощью предательства, воровства, черной магии.

Итак, немецкая администрация выбирала себе в каждой деревне нужного человека, присваивала ему титул лулуаи, предоставляя различные привилегии, например освобождая от налогов. Затем лулуаи торжественно «короновали». В отсталых структурах, где очень многое зависит от внешнего блеска, новые хозяева уделяли обряду введения в должность нового лулуаи много внимания.

Избранник во время «коронации» получал высокий цилиндр и великолепный, украшенный серебром посох, являвшийся своеобразным символом власти. За посох, цилиндр, привилегии и титул лулуаи, как правило, верой и правдой служили администрации колонии. Но так как этот титул обычно присваивали людям, которые не знали ни одного слова на «пиджин инглиш», я уже не говорю о немецком или английском языках, то администрация ввела еще одну должность — *тултул*. Тултул, который знал «пиджин инглиш», выступал в роли «официального» переводчика между лулуаи и представителем администрации колонии.

Система «непрямого управления», созданная немецким губернатором Галом, оправдала себя в тех немногочисленных областях архипелага Бисмарка и Новой Гвинеи, на которые хотя бы формально распространялась власть администрации. И поэтому не удивительно, что Австралия, которой обе эти немецкие колонии были переданы на основе статьи 22 Версальского мирного договора, переняла существующую форму правления без всяких

изменений. В 1938 году, например, на Новой Гвинее и в Папуа было три тысячи семьсот семьдесят шесть лулуаи и четыре тысячи сто сорок один тултул.

В период австралийской колонизации значение тултулов выросло. Из простых переводчиков они стали превращаться в представителей, выражающих интересы местного населения и ведущих от имени деревни переговоры с вербовщиками на плантации. В то же время лулуаи, которых назначали на неограниченный срок и которые пользовались традиционной благосклонностью колониальной администрации, во многих деревнях превратились в настоящих деспотов.

Поэтому Австралия решила заменить существующую систему «непрямого управления» и провести выборы представительных органов. Таким образом, аборигены соприкоснулись с демократией. В 1950 году по инициативе администрации несколько деревень в окрестностях Порт-Морсби избрали первые местные выборные органы власти на Новой Гвинее. В течение последующих пятнадцати лет подобные органы были созданы на территории, где проживает более пятидесяти процентов всех папуасов и меланезийцев Новой Гвинее и архипелага Бисмарка.

Эти папуасские «каунсил», как их называют на «пиджин инглиш», представляют иногда жителей одной деревни, иногда — значительно большую группу населения. Например, тринадцать тысяч представителей племени кума, которых я посетил в долине Вагхи, избрали «совет» из сорока одного человека. Кульминацией этого демократического принципа стали выборы в палату Ассамблей.

И вот сегодня, 4 июля 1968 года, я увижу, как жители Новой Гвинее впервые войдут в зал, где соберется парламент. В его составе девяносто четыре человека. Из них десять назначает администрация территории, а всех остальных избирают. Однако в пятнадцати округах для того, чтобы быть избранными, кандидаты должны иметь определенный уровень образования.

Перед низким зданием «Хауз оф Эссембли», которое я легко нашел, стоит полицейский отряд, состоящий в основном из представителей Новой Гвинее. Депутатов и гостей приветствует военный оркестр. Он исполняет чешскую польку. Все музыканты одеты в белоснежную форму. С барабанщика льет пот, флейта фальшивит.

Черные «мерседесы» привозят депутатов. Меня больше всего интересуют представители тех племен, которых

я посетил во время поездок по Новой Гвинее и архипелагу Бисмарка, относящихся по линии административного подчинения к территории Папуа — Новая Гвинея. Мне удалось поговорить с депутатом племени чимбу, одним из первых местных коммерсантов — Кариолом Бонггере; депутатом от племени хаген — Пенем Оу; депутатом от Лаэ и залива Хьюон — Канинибой; представителем племени толаи с Новой Британии — Титимуром и с депутатом от нангамп, у которых я жил в долине Вагхи, — Кай-белтом Дирием.

У здания парламента я встретился с председателем палаты Ассамблей Джоном Гюисом. Он произвел на меня огромное впечатление. С плеч свисал плащ из традиционной ткани — тапы. Плащ украшали изумительной красоты перья райских птиц. На шее у «спикера» было ожерелье из раковин *кина*, которые на Новой Гвинее считаются символом богатства. А голову его покрывал белый завитой парик, традиционный для английских парламентариев.

Джон Гюис снимает белые перчатки и подает мне руку. Он должен попрощаться — вот-вот начнется историческое первое заседание палаты Ассамблей территории Папуа — Новая Гвинея. Председатель входит в здание парламента, я иду туда через несколько минут после него. Мне тоже хочется войти в богато украшенную дверь. Однако вход в парламент охраняет в соответствии с торжественностью момента белый швейцар! Кроме депутатов и официальных гостей никто другой не имеет права пройти сюда. Швейцар спрашивает, кто я такой. У меня нет времени объяснять, и я быстро говорю:

— Журналист из Чехословакии.

— Из Чехословакии? — повторяет швейцар.

И вдруг на прекрасном чешском языке добавляет:

— Смотри-ка, еще один корреспондент.

После этого чех — швейцар новогвинейского парламента открывает двери, и я вхожу в зал. Председательствует на Ассамблее представитель племени моту, так что это племя снова опередило другие этнические группы новогвинейцев.

Я вслушиваюсь в слова председателя. Еще утром, до начала первого заседания, в единственной в мире газете, которая издается на меланезийском «пиджин», — «Ну Гини Ток Ток» — я прочитал интервью с этим человеком. Его программа ясна — независимость Новой Гвинеи. Ко-

нечно, не сию минуту, но когда будут обеспечены достаточные гарантии экономического процветания и политической самостоятельности этой «последней границы человечества».

Первый всенародный конгресс жителей Новой Гвинеи должен будет ответить на ряд важнейших вопросов. Удастся ли ему это сделать? Я вновь всматриваюсь в лица членов президиума. На головах у них традиционные белые парики, но под ними у многих сохранились еще следы татуировки. Станный парламент, самый странный из всех, какие я когда-либо видел. И все же это парламент. Двери в завтрашний день Новой Гвинеи.

Я проехал от Вити-Леву до Папуа, от Сувы до Порт-Морсби. Как этнограф, как человек, интересующийся историей, я во время своего путешествия главным образом искал прошлое этих островов. Но сейчас, в самом конце своей поездки, я слышу и вижу их будущее. И оно должно быть к меланезийцам и папуасам таким же справедливым, как и ко всем людям и нациям, которые живут на Земле.

Да, катит свои волны море, и полыхает небо. А в лазурных водах величайшего океана нашей планеты плывут острова — Меланезия и Полинезия. Все эти архипелаги Меланезии ты уже прошел, путник. На поиски какого из ликів «Земли людей» ты отправишься теперь? К удивительным людям южных островов. В Полинезию. К таитянам, гавайцам, жителям островов Самоа. К тем, кто создал статуи острова Пасхи. Ко всем тем, кто вместе с папуасами и меланезийцами населяет Великий океан. Туда, на восток, в сладостную Полинезию, где еще существует «последний рай» «Земли людей»...

ПОСЛЕДНИЙ РАЙ

ЛЕГЕНДА О «ПОСЛЕДНЕМ РАЕ»

Есть ли еще на свете нега? Есть ли где-то тишина, не нарушаемое ничем счастье? Есть ли еще на свете рай? Рай...

А что такое мир? Моря и суша? Леса, реки и горы? Нет, для меня, и я не устану это повторять, мир — это «Земля людей» Сент-Экзюпери. Великолепная, необъятная, сияющая всеми красками Земля.

А на «Земле людей» может ли существовать рай? Говорят, да. Говорят, что он существует. Я давно уже слышал легенду о «последнем рае» нашей планеты. Именно так называют этот уголок те, кто хочет его воспеть. Этнографы именуют его Полинезией, географы — островами Южных морей.

А так как мне тоже захотелось побывать в раю и вкусить плодов райского дерева познания добра и зла, то во время одной из поездок по «Земле людей» я направился в Полинезию, преследуя три цели: сначала отыскать ее прошлое, потом узнать настоящее и, наконец, увидеть будущее.

Легенда о «последнем рае» волнует не только меня. Она завладела мыслями, фантазией, чувствами миллионов людей и окутала Полинезию множеством мифов, прикрыла ее лицо бесчисленными романтическими покровами. Рассказывая о Полинезии, я обязан говорить и о мифах. Не все эти легенды ложны. «Сказка ложь, да в ней намек...» — гласит народная мудрость. Да, Полинезия прекрасна. Море там — лазурное, солнце — яркое, мелодии — нежные, а танцы — более темпераментные. Но это не место, куда можно убежать, где можно скрыться от действительности, где могут найти убежище искатели

приключений, чьим девизом стали бы стихи Шарля Бодлера «Куда угодно, в мир иной». Полинезия находится отнюдь не в «потустороннем» мире. Она лишь очень далека от нас. Однако она существует и всегда будет существовать как частица «Земли людей».

Этнографу Полинезия представляется гигантским треугольником. По углам его — три острова: сверху — Гавайи, слева (то есть на западе) — Новая Зеландия, справа (на востоке) — Рапануи, или остров Пасхи¹.

И в такую даль добрались полинезийцы. Исходная точка, с которой начинается этот путь, называется Гавайки. Большинство исследователей Океании сходятся во мнении, что Гавайки, точнее, последняя Гавайки это Раиатеа — удивительный по красоте, но малоизвестный остров, лежащий к северу от Таити. Отсюда, с Раиатеа, якобы отправлялись «викинги солнечного восхода», величайшие мореплаватели нашей планеты. Они не заселяли континенты, а, бороздя моря, словно великую поэму, создавали историю.

Так, налегая на тяжелые весла, плыли они долгие месяцы под звуки своих песен. Время от времени попадались клочки земли — незаселенные острова. Они вступали на них робко, словно прикасаясь к нежно любимой женщине, и отыскивали для этих островов в сокровищнице своего языка самые благозвучные имена. И заселяли их до тех пор, пока не стал обитаемым весь тихоокеанский треугольник.

Полинезийцы сравнивают свои пути, свою миграцию со щупальцами большого осьминога, образ которого весьма чтят. Головой осьминога была Гавайки — Раиатеа. А щупальца его простерлись на север и юг, на запад и восток.

Я стою сейчас на священной, воспетой в легендах, древней земле Раиатеа и спрашиваю себя: какой путь выбрать мне?

Ведь моя цель — три времени Полинезии. Прошлое, настоящее и будущее жителей этих островов. Прошлое, славное и удивительно загадочное, это — Рапануи, остров Пасхи. Огромный храм со статуями и странными письменами. Пантеон и Лабиринт Океании. Остров тысячи таинственных вопросов, на которые нет ни одного разумного ответа.

Какое же щупальце изберу я? Конечно же восточное. На Рапануи! На Рапануи!

Мой путь на Рапануи был столь же долг, а может, я добирался туда еще дольше, чем первые полинезийцы на свой удивительный остров. В то время как в Северную Полинезию я отправился из Северной Америки, путешествие на самую восточную окраину тихоокеанского мира мне пришлось начать из Чили, страны, под контролем которой находится остров Пасхи.

Тихоокеанское побережье Южной Америки отделяет от острова Пасхи более трех с половиной тысяч километров океанских просторов. И еще три тысячи километров лежат между Рапануи и его ближайшим полинезийским соседом — островами Мангарева. Океан, бесконечный и грозный, простирается также на юг и на север от Рапануи. И среди тысяч квадратных километров Тихого океана — непонятный, на первый взгляд бессмысленный клочок земли, двадцать потухших вулканов, ни одного дерева и единственная деревня, в которой живет менее тысячи человек.

Для этой тысячи человек — а на рубеже столетия на острове было всего сто одиннадцать жителей — достаточно посещения одного корабля в год. Такое судно и направляло на Рапануи чилийское адмиралтейство, в ведении которого до середины 50-х годов находился остров Пасхи (затем он был передан в руки гражданской администрации).

Но сейчас 70-е годы XX века. В Южных морях век кораблей сменился веком самолетов. В долине Матавери, на западе Рапануи, есть аэродром. И на нем — мне даже не верится — приземлился самолет, который доставил меня сюда. Сюда, на край света. Сюда, куда дотянулось самое длинное щупальце полинезийского осьминога. Сюда, на полный загадок остров. Он, вероятно, даже не имел когда-то названия. Мы, европейцы, именуем его островом Пасхи, потому что голландец Роггевен впервые ступил на его землю в пасхальные дни — «светлую субботу» 1722 года. А первые полинезийцы, открывшие будущий остров Пасхи, дали ему имя *Мата Ки Те Раге* — «Глаза, которые смотрят в небо». Открытые глаза — это огромные, грозные кратеры, которые сразу привлекли внимание первооткрывателей.

Позже, и это название лучше всего передает странную притягательную силу острова, полинезийцы стали имено-

вать его *Те Пито Те Хенуа* — «Пуп вселенной». В наши дни жители острова Пасхи называют свою землю Рапануи — «Большая Рапа».

Но если есть Большая Рапа, то где-нибудь должна находиться и малая. И такой остров действительно существует. Это Рапайти (по-полинезийски *ити* — «маленький»). Он находится южнее Таити, недалеко от островов Тубуаи. И именно таитянские мореплаватели, которые посетили остров Пасхи, когда он уже был заселен, из-за некоторого сходства с Рапайти начали называть его Рапануи. Это наименование прижилось среди жителей затерянного в океане клочка земли. Ему отдаю предпочтение и я.

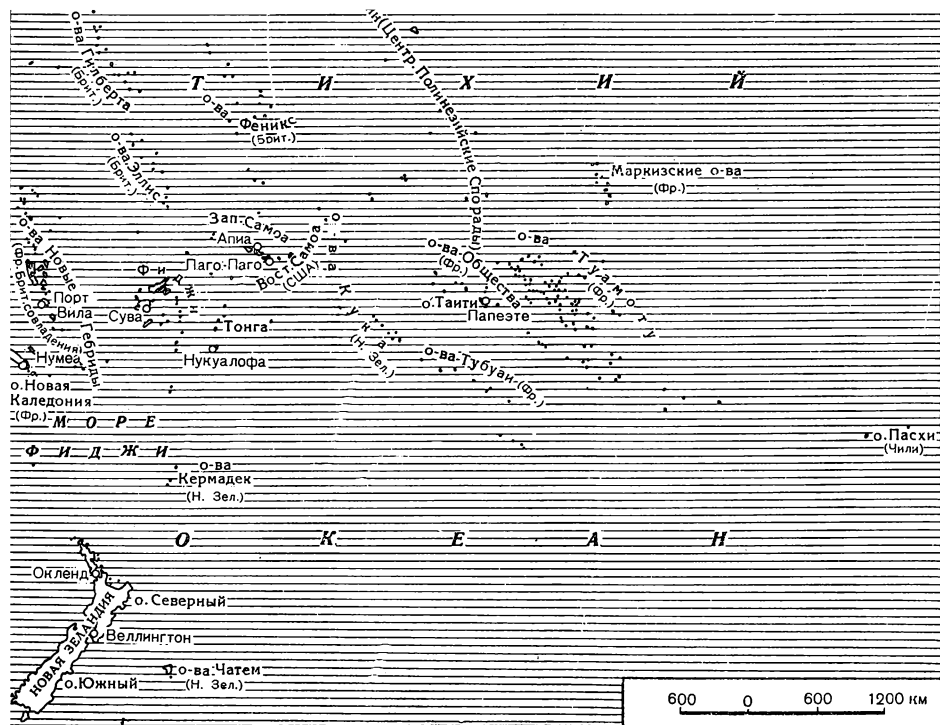
Большая Рапа (или «Глаза, которые смотрят в небо», или «Пуп вселенной») приветствует немногочисленных пассажиров реактивного лайнера, сегодня впервые за всю историю острова совершившего посадку в долине Матавери. Это был памятный день для Рапануи. На аэродроме Сантьяго из репродукторов лились чилийские песни. Здесь же, в Матавери, танцевала и пела в честь гигантского «боинга» сладостная Полинезия. Народное гуляние (*сау-сау*) идет прямо на летном поле.

Девушки закончили танец и покинули аэродром. И тут только я действительно почувствовал себя на Рапануи. У ограды, отделяющей эпоху реактивных самолетов от времени загадочных скульптур, привязаны лошади. Достаточно арендовать лошадку, и расстояния на маленьком островке становятся еще короче.

Но сначала надо устроиться с жильем. В Ханга Роа, единственном селении острова Пасхи, дают напрокат палатки. Я беру одну из них, и это полотняное жилье — отныне исходная точка всех моих поездок по острову.

Первую из них я совершу на следующий же день. Но с чего начать? Видимо, с истории острова, с того места, где высадились первооткрыватели Рапануи. Итак, в путь, в Анакену, царское место!

Из Ханга Роа в Анакену ведет одна из двух имеющих на острове «дорог». Она огибает несколько потухших вулканов, пересекает угодья Веити — бывшей овцеводческой фермы, а ныне сельскохозяйственной научной станции на Рапануи, и затем устремляется к северному побережью острова — заливу Анакена. Эти живописные берега избрала своей стоянкой одна из трех экспедиций, изучавших Рапануи, — норвежская группа Тура Хейер-

Острова Полинезии

дала. До нее на острове Пасхи побывала английская экспедиция, точнее говоря, это были любители, сопровождавшие английского этнографа госпожу Раутледж, а также франко-бельгийская экспедиция во главе с известным ученым Альфредом Метро.

Участок, где раскинула свои палатки норвежская экспедиция, принадлежал когда-то первому королю Рапануи, человеку, открывшему остров Пасхи, — Хоту Матуа². К нему, рапануйскому праотцу, в этот зеленый залив пришел и я. Археологи, конечно, не могут сказать, каким образом остров Пасхи был открыт. Поэтому приходится обращаться к местным легендам. В Полинезии в большей степени, чем где-либо, именно мифы и легенды скрывают многочисленные исторические сведения. Каждый исследователь островов Южных морей знает, как тщательно велась здесь генеалогия аристократических родов.

Родословная рапануйских королей содержит пятьдесят восемь имен. На последнем месте стоит «Малый Григорий» — король Грегорио Роко Роко, который умер, всеми забытый и покинутый, во французской католической миссии. А у истоков генеалогии стоит знаменитый Хоту Матуа.

О Хоту Матуа даже в наши дни готов рассказать приезжему каждый ребенок. И то, что я слышал о приходе первого короля на остров, почти не отличается от рассказов островитян, которые слышали госпожа Раутледж и Альфред Метро.

Все началось, как это часто бывает, из-за женщины. На острове Марая Ренга, где властвовал Хоту Матуа, жила прекрасная девушка. Брат Хоту Матуа — Ко Те Ира Ка Атеа — мечтал о ней. Ее любил также вождь другого сильного племени — коварный Орои.

Красавица предпочла Орои. Она заявила, что станет его женой, если он сумеет оббежать весь остров, не останавливаясь. Это оказалось трудной задачей. Но Орои с ней справился. Каково же было его негодование, когда, вернувшись в деревню за желанным «призом», он обнаружил, что девушка ушла с Ко Те Ира Ка Атеа.

Орои был вне себя от гнева. Смертельно оскорблено было и все его племя. Воины подняли оружие против короля и в кровавой битве одержали победу. Хоту Матуа не оставалось ничего иного, как покинуть остров Марая Ренга.

Но куда мог направить он свои суда? В свиту короля входил татуировщик Хау Макэ (Хау Мака). Это был знаменитый человек: ведь он раскрашивал самого короля. И ему приснился необычный сон — будто душа его ночью путешествовала по волнам океана до тех пор, пока не нашла удивительный остров с кратерами вулканов и прекрасным песчаным пляжем. Услышав об этом, Хоту Матуа решил отправить шестерых человек на поиски острова, который увидел во сне татуировщик короля.

Они плыли много дней, пока не показались на горизонте острые вершины вулканов одинокого острова.

— Вот она, земля, — вскричали моряки и стали искать удобную бухту, где мог бы пристать корабль короля.

Они обошли вокруг острова и наконец увидели на северной его стороне песчаный пляж.

«Да, это тот самый остров, который приснился татуировщику, то место, где будет теперь жить наш король».

И здесь, в Анакене, они ступили на твердую землю.

Вскоре к песчаному берегу подошел катамаран³ «Отека» — корабль, на котором находились Хоту Матуа, королева Вакаи и их дружина. За «Отекой» к новому острову шел другой корабль — «Ова». Им командовал жрец Туу ко иху. Когда оба судна одновременно подошли к берегу, Хоту Матуа приказал:

— Сушите весла!

Весла на «Ове» замерли, и королевский корабль первым бросил якорь.

В тот момент, когда Хоту Матуа и его свита сошли на песчаный берег Анакены, у Вакаи начались родовые схватки. Прямо на пляже она родила сына. Туу ко иху перерезал пуповину и, как этого требовал обычай, стал читать молитвы. В то же самое время жена Туу ко иху произвела на свет девочку. Таким образом, сын Хоту Матуа и дочь Туу ко иху оказались повенчанными.

Через некоторое время в Анакене прибыли корабли с побежденными у себя на родине воинами. Они привезли таро, ямс, бананы и сахарный тростник, но не захватили на будущий остров Пасхи ни собак, ни свиней, ни других домашних животных.

Мстительный Орои продолжал преследовать поверженного короля. Ночью, тайно, он выбрался на берег Анакены, чтобы отыскать Хоту Матуа, *арики*⁴ и убить его. Орои бродил по острову. Нашел детей короля

и расправился с ними. Наконец он натолкнулся на Хоту Матуа. Но в поединке король раскроил Орои череп.

На острове наступил мир. Матуа стал учить мужчин и женщин возделывать привезенные культуры, петь священные песни, следовать старым обычаям.

Когда жизнь мудрого короля подошла к концу, он разделил всю землю острова между оставшимися в живых сыновьями. Потом поднялся на вершину вулкана Рано Као, встал лицом к острову Марая Ренга и произнес:

— О боги моей родины, настало время услышать пение петуха.

Петух в Марая Ренга закукарекал, и его голос — вестник смерти пронесся над морскими просторами.

Сыновья отнесли Хоту Матуа в его дом. Когда же король умер, они перенесли его тело в святилище Агу Ака Ханга, где оно покойся и по сей день.

В ГОРОДЕ ЛЮДЕЙ-ПТИЦ

Тело первого короля Рапануи покойся в одном из святилищ, руины которых можно увидеть повсюду на острове Пасхи, в том числе и здесь, на тихом морском берегу залива Анакена. Мне хочется еще немного побыть в обществе легендарного короля. Живописный залив во времена последователей Хоту Матуа превратился в своеобразный королевский «дом отдыха». Многие из монархов в период правления избирали своей резиденцией именно это место.

Чем больше я размышляю о правителях Рапануи, тем меньше мне нравится титул «король». Он расплывчат и слишком связан с нашим миром. А ведь короли острова Пасхи во многом отличались от европейских государей, тем более что после прихода белых людей на Рапануи власть королей, как и их политическое влияние, была значительно ограничена.

И тем не менее «сверхъестественная» сила местных королей — *мана* не потеряла своего значения. Ведь на острове Пасхи король считался потомком богов. Мана переходила от короля, обладающего *арики мау*, к его первенцу со дня рождения.

Король-отец от имени нового арики властвовал до его совершеннолетия. После этого он уединялся здесь, в Ана-

кене, на святой земле Хоту Матуа. Здесь он купался в ласковых водах теплого залива, молился и раз в год, когда на остров Пасхи прилетают морские чайки, отправлялся туда, где когда-то простился с этим миром Хоту Матуа, — на вершину Рано Као, в удивительное поселение Оронго.

Оно было важнейшим ритуальным центром всего острова Пасхи, местом паломничества островитян. Оронго расположено на самой вершине Рано Као. А так как я искал прошлое Полинезии, прошлое Рапануи, то, естественно, не мог не побывать здесь.

И вот теперь каждый раз, когда я смотрю в целлулоидное окошко моей палатки, мне виден величественный конус огромного вулкана. Он поднимается прямо над Ханга Роа и долиной Матавери. Остается только сесть на лошадь и не спеша подняться по крутому серпантину узкой дорожки к вершине кратера. Немногие места на острове Пасхи могут сравниться по красоте с этим потухшим вулканом, возвышающимся прямо на морском берегу. Справа, на просторах Тихого океана, недалеко от берега, виднеются три островка — Моту Ити, Моту Нуи и Моту Као Као, на которых живут лишь морские птицы. Слева зияет открытая рана потухшего кратера. Его диаметр более тысячи метров. На дне блестит вода.

Слегка кружится голова, потому что внешний выветрившийся склон вулкана крут и обрывист. Ширина тропы, которая вьется по гребню, местами не превышает метра. Поэтому я удивился, когда увидел на самой вершине руины — останки строений. Это и было Оронго.

«Город» состоит из трех составных частей.

Первая — церемониальная площадь: небольшая, мощенная грубо обработанными камнями площадка с подземными, глубиной меньше метра, камерками, назначение которых не совсем понятно, и маленькой «художественной», украшенной рельефами галереей.

Вторая — жилые помещения. Причем все «дома» упрятаны под землю и представляют собой своеобразные рапануйские землянки. Поэтому жители острова Пасхи называют их не *хара*, что значит дом, а *ана* — «пещера». Крыши оронгских строений сверху покрыты слоем почвы; на них растет густая трава.

И так как здесь, на вершине Рано Као, вечно свирепствуют сильные ветры, то «дома» приходилось не только зарывать в землю, но и строить из более прочного мате-

риала, чем внизу, в Матавери или Ханга Роа. Строители Оронго пользовались каменными плитами толщиной около двадцати сантиметров, из которых сооружены не только стены «домов», но и крыши, обмазанные сверху еще и глиной.

Когда я вошел в первое строение, то меня поразили низкие потолки. Я не очень-то высокого роста, но ни в одном из этих «домов» не мог выпрямиться: высота потолка, как правило, не превышает полутора метров. Пол в большинстве строений имеет форму днища лодки. Ширина «домов» колеблется от двух до трех, а длина достигает пятнадцати метров.

Вблизи главного «жилого массива» Оронго находится третья часть городища — еще один небольшой, сильно разрушенный комплекс из восьми взаимосвязанных жилых построек, выходы из которых ведут на общее надворье.

Строения Оронго изнутри были богато украшены настенной живописью. Многое уничтожило время, но до сих пор кое-где на стене, противоположной входу, можно обнаружить фрески, написанные излюбленными красками жителей острова Пасхи — красной и белой. Кроме этих основных цветов оронгские «живописцы» использовали также желтую, черную и синюю краски.

Тематика картин, украшающих оронгские «дома», на первый взгляд кажется стереотипной. На них когда-то было изображено *ао* — «ритуальное весло», которым жители Рапануи пользовались во время религиозных праздничных танцев. Стены «домов» в Оронго украшают также изображения парусников: не только традиционных полинезийских лодок с квадратным полотнищем, которые я встречал на Раиатеа и Таити, но и кораблей европейского типа с тремя парусами.

Однако чаще всего интерьеры в Оронго украшены изображениями *Тангата Ману* — «Человека-птицы». Они встречаются также на скалах и камнях ритуальной площади. Туловище у Тангата Ману — человеческое, руки чаще всего раскинуты, словно собираются кого-то обнять, а голова — птичья. Иногда в руках у Тангата Ману изображены яйца. Древние художники придавали Тангата Ману позу склоненного человека, изображая его всегда в профиль. Госпожа Раутледж полвека назад насчитала на скалах вокруг ритуальной площади сто одиннадцать изображений Человека-птицы.

Наряду с «портретами» Тангата Ману здесь встречаются рисунки человеческих голов и стилизованных лиц с широко раскрытыми глазами.

И наконец, третьей излюбленной темой оформителей Оронго были женские половые органы — *вагине* — символ плодородия. На скалах около площадки я обнаружил около пятидесяти таких изображений. Они встречаются также в интерьерах «домов».

Осмотр Оронго довольно утомителен, несмотря на то что все три его части — площадка, «жилой квартал» и третий комплекс построек — находятся друг от друга всего в нескольких десятках метров. Я присел на один из камней и загляделся на море, на маленькие, находящиеся далеко внизу островки и стал слушать крики их единственных обитателей — птиц.

Мне иногда кажется, что Оронго построили не для людей, а для птиц — чаек и морских ласточек. Как ни странно, но это действительно так. Я уже говорил о королях Рапануи — арики мау — и о том, что их влияние постепенно падало. Все большей реальной политической силой становились вожди отдельных племен. Так же как и королевский «престол», их должности были наследственными. Не меньшее значение в жизни островитян имел Тангата Ману, изображение которого так часто встречается на скалах Оронго.

Власть Человека-птицы длилась ровно год. Но, судя по всему, она была значительной. Казалось бы, чтобы стать Тангата Ману, вовсе не нужно иметь знатное происхождение. Все решали физические данные, а позже — сила и ловкость. Надо было только победить в спортивных состязаниях, которые проводились здесь, в Оронго.

Задолго до их открытия все участники собирались в долине Матавери. Вначале очень древний ритуальный обряд, предшествующий состязаниям, могли выполнять все жители Рапануи. Однако со временем из числа участников стали исключать все более многочисленные группы населения острова Пасхи, например, племена, побежденные в междоусобных войнах.

Привилегированные группы, собиравшиеся в Матавери, называли себя ао. Двухметровые весла ао никогда не применялись для гребли, ими пользовались лишь как важнейшими ритуальными предметами во время танцевальных празднеств, проводившихся в Матавери.

После нескольких недель пребывания у подножия

вулкана в тот момент, когда на острова должны были вернуться морские ласточки, из долины выходила торжественная процессия. Она двигалась по той же дороге, по которой только что проехал и я. Островитяне называли ее Дорогой ао.

Дорога ао заканчивалась у стен Оронго. Участники шествия располагались в «жилых домах» «города». В меньшем по размеру комплексе построек жили мудрецы — *тангата ронго ронго*. Их жилища для светских обитателей считались табу.

Жители «города» — как мужчины, так и женщины — ходили совершенно обнаженными. Возле домов устраивались танцы. Весьма эротические, они были наверняка связаны с культом плодородия, символом которого являются столь часто встречающиеся в Оронто изображения *ко мари*.

Танцы и другие религиозные обряды были лишь прелюдией к важнейшей, самой значительной части ежегодных празднеств в Оронго — соревнованию и выбору нового Человека-птицы.

На заключительной стадии выборов «список кандидатов» на должность Тангата Ману утверждался «пророками» — *иви атуа*, будто бы обладавшими даром предвидения. Основываясь на толковании своих снов, они предсказывали, кто победит и станет Человеком-птицей в этом году. Естественно, в «список» человек из низов не попадал.

В чем же заключалось само состязание? На уже упоминавшихся небольших островках, расположенных недалеко от Оронго, — Моту Ити, Моту Нуи и Моту Као Као — гнездятся многочисленные морские птицы. Одни из них живут там круглый год, другие прилетают с приходом зимы или лета. Среди них есть и черные морские ласточки, по-рапануйски — *ману тара*. На склонах островка Моту Нуи ману тара откладывают яйца. Главное условие состязания для жителей острова Пасхи — найти на Моту Нуи первое яичко черных ласточек.

Задача эта может показаться простой, но лишь на первый взгляд. Между скалистым побережьем острова Пасхи и крохотным Моту Нуи море всегда бурное. Кроме того, на пути к цели полно крокодилов. Вначале яйца искали сами претенденты на титул Человека-птицы. Но в те времена, о которых уже сохранились достоверные сведения, мужчины, занесенные иви атуа в «списки» канди-

датов, оставались здесь, в Оронго. Они внимательно наблюдали за состязанием из пещеры, которую островитяне называли *Хака Ронго Ману* — «Вид на птиц». Дело в том, что на остров знатные представители привилегированных племен сами не плавали — каждый из кандидатов посылал туда лучшего пловца своего племени, по-рапануйски — *хопу*.

На Моту Нуи хопу ожидали прилета черных ласточек. В один из дней их «присылал» бог Меке Меке (Маке Маке). Резкие крики ласточек были слышны издалека, так что не приходилось опасаться, что кто-то пропустит прилет птиц.

Черные ласточки в свое первое посещение гостят на Моту Нуи недолго. За это время они оставляют на утесах зеленого островка всего несколько яиц. Как только птицы поднимаются в воздух, хопу бросаются на поиски. Тот счастливец, кто находит яичко первым, взбегает на самую вершину островка, криком и жестами сообщая о победе своему господину. Затем он осторожно обмывает яичко в морской воде, кладет в корзинку, которую привязывает лентой к голове, и возвращается в Оронго. Там он торжественно передает яичко тому, кого боги избрали Человеком-птицей нынешнего года, и получает свою награду.

С этой минуты все внимание сосредоточено на новом Тангата Ману. Прежде всего Человек-птица принимает имя, данное ему иви атуа. Им теперь будет называться и весь год его правления. Таким образом рапануйцы вели счет годам по именам Тангата Ману.

Потом Человека-птицу брили; собственную шевелюру с этого момента ему заменял ритуальный парик из женских волос. Лицо его жрецы натирали красной и черной красками, а на спину прикрепляли деревянную птицу. Правую руку Тангата Ману, которая первой коснулась «священного» яичка, обматывали тканью из коры дерева излюбленного островитянами красного цвета. Затем Человек-птица, которого с этого момента и в течение всего года соплеменники будут считать чуть ли не живым божеством, вел за собой торжественную процессию по Дороге ао из Оронго обратно в Матавери. В долине в честь нового Человека-птицы начинались шумные танцы. Много дней продолжались празднества у рапануйцев. Наконец наступало «отрезвление». И тогда полубог-получеловек Тангата Ману удалялся в Орхию, на склоны вулка-

на Рано Рараку, где специально для него строили хижину.

С этой минуты на Тангата Ману распространялись многочисленные табу. Он не имел права ни с кем встречаться, не мог видеть даже собственную жену. Только один жрец время от времени посещал его. Существовало и много других запретов. Человек-птица не имел, например, права купаться, чтобы не смыть «священной» красной-черной краски с лица.

Яичко, найденное хопу для своего господина, в течение целого года висело на крыше хижины Человека-птицы, завернутое в красную ткань. Этому яичку оказывались всяческие почести, его считали чуть ли не живым существом.

Хижину с яичком, где жил Человек-птица, рапануицы обходили с величайшим почтением. Кроме почестей и восхищения Тангата Ману после того, как проходило время обременительных табу, приобретал многочисленные выгоды. Отрывочные и не очень достоверные сведения, полученные еще в прошлом веке, свидетельствуют о том, что все Тангата Ману беззастенчиво присваивали имущество других жителей острова Пасхи и своей «божественной» властью буквально терроризировали соплеменников.

Привилегии Людей-птиц сохранялись за ними до самой смерти. И даже после нее. Недалеко от «резиденции» Тангата Ману — Орхии я видел развалины святилища, где хоронили только таких людей. В похоронах каждого Человека-птицы принимали участие все Тангата Ману.

В честь птиц — особенно черных ласточек — и бога Меке Меке проводились и другие торжества. В этих празднествах, которые проходили тоже здесь, в Оронго, участвовали и дети. С белыми кругами на ягодицах, белыми дисками на крестцах и деревянными украшениями на лопатках, они поднимались на вершину Рано Као, сопровождаемые устроителями детских ритуалов, которых называли *тангата тапа ману*.

Каждый ребенок — участник ритуала должен был исполнить танец или песню перед домом Таура Ренга, довольно большим строением, где помещалась скульптура *Хоа Хака Нана Иа*. Кто бывал в Лондоне, тот мог увидеть в Британском музее эту скульптуру, которая играла очень важную роль в детских ритуалах. В 1869 году ее доставил в Лондон экипаж фрегата «Топаз». Это изображение взрослого мужчины, на спине которого изображены

два Человека-птицы, ритуальные весла ао, вагине и диск, назначение которого трудно понять.

Девочки и мальчики, принимавшие участие в ритуальном обряде, становились *поки ману* — «птичьи дети».

Этот церемониал, проводившийся каждый декабрь, готовил детей к участию в будущем, самом главном празднике рапануйцев — выборе Человека-птицы, ради которого я и поднялся сюда, на вершину Рано Као, в этот удивительный город.

ВУЛКАН ВЕЛИКАНОВ

На острове Пасхи есть немало мест, представляющих огромный интерес. О посещении одного из них, Рано Рараку, я стал думать с того самого момента, когда начал готовиться к первой поездке в Полинезию.

Ради одного этого кратера, одного этого потухшего вулкана с его иссеченными ветром, разрушенными склонами стоило проехать тысячи и тысячи трудных километров.

Рано Рараку внешне похож на вулкан Рано Као, на вершине которого расположен город Людей-птиц. Большинство посетителей приближаются к подножию кратера с южной стороны. Эта юго-западная часть острова Пасхи сравнительно мало холмиста. Поэтому Рано Рараку я увидел издалека. Он поднимается на каких-нибудь полтора-два метра над окружающей равниной. Кратер его заполнила вода, образовав изумительное по красоте озеро, на котором растет тростник. Его высоко ценят островитяне.

Склоны кратера поросли мягким травяным ковром, напоминающим альпийские луга. Первоначальная форма кратера была не такой, как она представляется сейчас. Дело в том, что на юго-восточном склоне Рано Рараку тысячи каменотесов добывали огромные глыбы, из которых прямо здесь создавали знаменитые статуи острова Пасхи — *моаи*.

Бесчисленные статуи до сих пор покоятся на «обнаженном теле» вулкана. Одни почти готовы: у них закончены лица и тело; другие представляют собой неотесанные блоки, которых почти не коснулся каменный топор. Создается впечатление, что работа была здесь прервана

внезапно. Как будто все рапануйские скульпторы разом заявили: «Хватит, кончай работу». Незаконченные скульптуры и орудия труда до сих пор лежат в каменоломнях. Рано Рараку напомнил мне огромный американский завод, где я случайно оказался свидетелем забастовки.

Под скальными карьерами Рано Рараку, ниже по склону, у самого подножия сопки, стоят, словно немые стражники столь же безмолвных «мастерских» древних каменотесов, шеренги удивительных изваяний. Они видны издалека, напоминая гигантские грибы, которые росли в голой пустыне, достигнув небывалой высоты, а потом окаменели. У меня было такое впечатление, словно я попал в какой-то сказочный мир. И когда делаешь первые шаги по склонам вулкана Рано Рараку, то невольно начинаешь думать, что на острове Пасхи, как это утверждают фантасты, действительно все возможно.

Огромные великаны, спокойствие которых никем не нарушается, кажутся куда более мудрыми, чем ты сам, чем все мы, куда-то торопящиеся, ищущие и так ничего не находящие. Моаи стоят, ни о чем не спрашивая. Они видели все. Никто и ничто их не интересует. Они стоят, все познав и просто существуя. Стоят со дня сотворения мира. А ты, человек, если хочешь силой власти познать истину, пробуй сам! Мы же не откроем тебе тайны. Взгляни в наши лица. Наши уста молчат, наши губы сомкнуты. Наши глаза слепы. Взгляни в наши лица!

Я послушался и взглянул. И о том немногом, что я прочитал в глазах этих немых, слепых и самоуверенных масок, хочу теперь вам рассказать.

Первый вопрос, который задают исследователи: сколько всего здесь скульптур? На Рапануи их более семисот. Тут же, вокруг меня, прямо на склонах Рано Рараку высится, выпячивая грудь, около ста пятидесяти изваяний. Примерно столько же лежит в каменоломнях.

С самого начала мне показалось, что лица этих великанов, как и их тела, совершенно одинаковы. Они напомнили мне давнюю поездку в Китай. Тогда я был еще ребенком и мне казалось, что все китайцы на одно лицо, похожи друг на друга как две капли воды. Но как антропологи изучают черепа людей, так и археологи сравнивают черты этих скульптур. В отличие от детских впечатлений первое мое наблюдение здесь оказалось правильным. Статуи действительно абсолютно схожи друг

с другом. Меняются лишь их размеры. Надо сказать, что мастера не всем частям тела уделяли одинаковое внимание. Наиболее тщательно они вытесывали уши и руки. Каждый палец и даже ноготь отделаны с исключительным старанием.

Обращают на себя внимание лица моаи, их длинные, узкие головы, причем сразу же поражает отсутствие глаз. Зато очень выразительны брови. Нос вытянут. Рот небольшой, тонкие губы сомкнуты. Подбородок почти прямой, шея сливается с туловищем.

По грудь, а иногда и по пояс рапануйские скульптуры ушли в землю. Ног у них нет. Тело моаи кончается под свисающим животом, перепоясанным широкой лентой — единственным элементом одежды, изваянным на статуях. Кстати, одежда ли это? Вполне возможно, что пояс имел лишь ритуальное значение, как, например, «ярмо» у древних мексиканских индейцев.

Самое большое число стоящих статуй сохранилось в юго-восточной части внешнего склона Рано Рараку. С внутренней его стороны, словно в карауле, стоит еще двадцать один моаи. Часть статуй тщательно промерил один из участников норвежской археологической экспедиции — Арно Скельсвельд. Так, моаи с порядковым номером «400» (все статуи пронумеровал и занес в каталог последний неофициальный «король» острова Пасхи патер Себастьян Энглерт, проживший на Рапануи около сорока лет) достигает в высоту шести метров, в плечах — трех, длина лица равна двум метрам семидесяти семи сантиметрам, ширина — метру семидесяти пяти сантиметрам. Эта четырехсотая скульптура дает понятие о средней величине изваяний. Но она отнюдь не самая высокая и не самая крупная.

Скельсвельду и его помощникам удалось под наносами щебня найти несколько моаи, о которых не знали ни патер Энглерт, ни островитяне. Вновь открытые скульптуры ничем не отличаются от других каменных идолов Рано Рараку.

Однажды заступ рабочего экспедиции на западном, канапском, как его называют островитяне, склоне вулкана натолкнулся на странную коленопреклоненную фигуру. Эта статуя не только позой, но и всем своим видом отличалась от остальных изваяний. Голова ее имеет правильную форму, рот в отличие от других моаи приоткрыт, подбородок прекрасно вылеплен, его обрамляет велико-

лепная борода. И — трудно поверить своим глазам — у нее короткие, совершенно нормальные уши и есть даже ноги с четко обозначенными ступнями.

Коленопреклоненный бородатый мужчина с короткими ушами и открытым ртом — это не единственное неожиданное открытие, сделанное группой Скельсвельда под поверхностным слоем Рано Рараку. Когда археологи освободили от земли тело скульптуры номер «263», зарытой по самую шею, они обнаружили интересный фриз, изображающий лодку с тремя мачтами и восемью парусами. На борту парусника высечены фигуры двадцати восьми членов его экипажа. Длина всего фриза — сто тридцать сантиметров.

После тщательного осмотра фигур на канапской стороне я вернулся к юго-западному склону вулкана, чтобы осмотреть каменоломни. Их в Рано Рараку несколько. Одни лишь намечены, из других выбраны тысячи кубометров камня. Длина самой большой каменоломни — сорок, ширина — десять, а глубина — девять метров. По расчетам Арно Скельсвельда, островитяне добыли в одном лишь этом карьере три тысячи кубометров камня.

Сто шестьдесят шесть каменных скульптур до сих пор лежат в карьерах. Они брошены на разных стадиях обработки. Впечатление от этих лежащих колоссов, как это ни странно, даже сильнее, чем при виде стоящих изваяний.

Прежде чем начать тщательный осмотр лежащих статуй, я познакомился с материалом, из которого они сделаны. Это не типичный темный лавовый камень, который разлился, словно воды черной реки, по большей части острова Пасхи. В вулканических каменоломнях рапануйцы добывали туф, так как весь Рано Рараку состоит из спрессованной вулканической пыли желтоватого цвета.

В ней встречаются частицы более твердых пород, поэтому материал, из которого вытесаны рапануйские статуи, напоминает однотонную ткань с вплетенной в нее яркой нитью. Первые посетители острова Пасхи даже считали, что моаи сделаны из смеси камня и глины.

Камень с Рано Рараку отличается красивым цветом, но главное преимущество туфа в том, что он легко подвергается обработке.

Я вспоминаю о посещении столицы Армении Еревана. Прелесть этого города, построенного, точнее, вытесанного

из цветного туфа, свидетельствует о том, что возможности использования этого камня очень широки.

Рапануйцы обрабатывали свои статуи в основном примитивными каменными долотами и топорами без топорща, которые они называли *токи*. В большинстве своем токи сами не были тщательно обработаны. Каменотес пользовался ими в том виде, в котором нашел. Как только токи затуплялось, ваятель его выбрасывал. Точили лишь самые удобные из них, к которым изготавливали топорща.

В каменоломнях Рано Рараку эти инструменты разбросаны повсюду вокруг полуобработанных каменных блоков. Поскольку там осталось более ста шестидесяти незаконченных моаи, можно восстановить все стадии трудового процесса каменотесов из Рапануи. Сначала они очищали поверхность скалы, затем высекали из нее блок требуемой величины. С обеих сторон блока прокладывали узкие проходы. Кроме того, каждый каменотес рядом с будущей статуей выдалбливал небольшую нишу, в которой работал. По числу этих углублений можно определить, сколько мастеров трудилось над созданием той или иной скульптуры.

Мы имеем возможность проследить и за ходом работ. Рапануйцы всегда сначала высекали верхнюю часть головы, начиная с носа и лба. Потом все внимание переключалось на уши, а также руки, которые складывались на длинном животе скульптуры. Наконец, каменотесы эту вполне законченную спереди и с боков фигуру начинали подкапывать, пока не оставался узенький каменный перешеек, соединяющий ее со скалой.

Затем начиналось самое сложное — статую надо было в целости и сохранности перетащить из каменоломни по крутому склону к подножию Рано Рараку. Как древние мастера спускали многотонные каменные колоссы вниз со скалы, до сих пор точно неизвестно. Вероятнее всего, они волокли их каким-то своим, особым способом.

Задача была действительно невероятно сложной. Одна из скульптур, по которым я ползал в каменоломнях, достигает, например, высоты двадцати одного метра, то есть примерно шестизэтажного дома. Весит она около ста тридцати тонн. Длина одного лишь лица равна девяти с четвертью метрам.

Таких огромных моаи среди стоящих фигур Рано Рараку, а также среди тех, что впоследствии «разошлись» по острову, я не встречал. И глядя на *Ко Тето Кана* —

так называют эту скульптуру островитяне, — я подумал: а может быть, эти самые большие идола так и должны были здесь остаться, навечно соединенные тонкой пуповиной с материнским камнем? Ведь подобные скальные галереи встречаются и в других местах.

Мне вообще кажется странным, что Ко Тето Кана и других таких же гигантских идолов рапануйские мастера ваяли прямо в каменоломнях. Логичнее было бы вытесать каменный блок здесь, а художественную обработку проводить уже на месте установки скульптуры. Ведь Роден или Микельанджело не создавали свои произведения в мраморных карьерах. Но, судя по всему, рапануйцы придерживались иной точки зрения.

Во всяком случае, кажется совершенно невероятным тот факт, что жители острова Пасхи умели доставлять своих идолов к подножию вулкана без единого повреждения. Но и на этом «путешествие» статуи, как правило, не заканчивалось. За исключением тех изваяний, которые оставались на склонах вулкана, все остальные скульптуры древние мастера располагали затем по всему острову. Стоит пройти хотя бы километр по Рапануи, и наверняка встретишь какую-нибудь скульптуру.

Способ доставки каменных великанов в самые отдаленные уголки острова не менее загадочен, чем спуск скульптур к подножию вулкана. Всего на Рапануи, кроме Рано Рараку, стоит или, точнее, стояло четыреста статуй.

Естественно, что все исследователи тщательно спрашивали современных жителей острова Пасхи о том, как были развезены скульптуры по Рапануи. Ответы всегда оставались одинаковыми: они шли сами! Они направлялись туда, где должны были находиться и сами становились на священные места!

Всегда во время подобных распросов — а мои встречи на острове Пасхи не были в этом отношении исключением — я стараюсь уяснить способ мышления своих собеседников. Это единственная возможность понять человека, который живет в мире иных представлений. Поэтому я не возражал островитянам: пусть статуи и шли сами. Но при этом высказывал сомнение: ведь моаи — это мертвые камни, всего лишь обломки скал и ничего более; кто дал им силу, кто приказал двигаться по дорогам Рапануи?

И на этот вопрос у современных жителей острова все-

гда готов ответ: иви атуа — жрецы — приводили в те времена моаи в движение. И статуи целыми днями шли раскачивающейся походкой к своей цели. Лишь с наступлением ночи иви атуа останавливали их и молились. А утром живые люди и их каменные спутники вновь продолжали свой нелегкий путь.

Кто знаком со сказаниями древней Полинезии, тот знает, что здешних великанов в движение могли привести местные жрецы, обладавшие «сверхъестественной силой, незнакомой простым смертным». Полинезийцы — и не только на острове Пасхи — обозначали ее словом «мана». Маной обладали рапануйские короли и другие арики, Человек-птица и, видимо, жрецы иви атуа.

А так как с помощью маны на острове Пасхи можно объяснить все, я больше ни о чем не спрашиваю своих собеседников, стараясь восстановить в памяти обрывки технических знаний и самостоятельно найти объяснение тому, как «двигались» статуи по острову. Даже подобный мне дилетант знает, что для их перемещения требуются по меньшей мере веревки и катки. И тут сразу же возникает новый вопрос. Деревьев на Рапануи почти нет. Единственное дерево на острове — *торо миро*. Но его древесина недостаточно тверда. (Здесь, правда, следует оговорить, что шведский ученый профессор Скоттсбергер, первый, кто серьезно занимался изучением флоры острова Пасхи, полагает, будто совсем недавно на Рапануи росли и другие породы деревьев.)

Что же касается веревок или канатов, то их и сегодня рапануйцы плетут из лыка *хау хау*. Если в древние времена они знали веревку и если здесь росли деревья (возможно, использовался также и плавник, который время от времени выбрасывает на берега Рапануи Тихий океан), то доставку статуй уже можно как-то объяснить.

Так как я не верю в сверхъестественные силы, ману как возможный способ транспортировки приходится исключить. Остаются другие решения. Древние мастера могли, например, перемещать скульптуры на деревянных катках. Могли также переносить их на гигантских носилках, как это делалось, правда, со значительно меньшими статуями, на Маркизских островах. Епископ Жоссан, в епархию которого входил остров Пасхи, высказал еще одну идею: древние рапануйцы перетаскивали моаи с помощью круглых камней.

Главный информатор последней крупной экспедиции

на остров Пасхи, возглавляемой Туром Хейердалом, Атан, считал, что его предки перевозили моаи на специальных волокушах, похожих по форме на греческую букву ипсилон (ε). Атан даже построил такую волокушу. А веревки сплел из лыка хау хау. В эти канаты впряглись около ста пятидесяти островитян и сравнительно легко перевезли скульптуру, весившую десять тонн, на довольно большое расстояние.

«Способ Атана» — перемещение идолов на волокушах — как-то не вяжется с представлениями островитян о том, что скульптуры «шагали». Однако рапануйские волокуши — *миро манга эруа* — вполне могли быть использованы для доставки изваяний. Тем более, что в этой работе принимал участие весь род, для которого великан из Рано Раваку был предназначен.

Не вызывает сомнения, что для островитян участие в доставке «своего моаи» не было неприятной, изнурительной или напрасной работой. Как раз наоборот — они восторженно приветствовали скульптуру как священный дар, сопровождая ее передвижение песнями и танцами, чтобы новая моаи охраняла их род, защищала родную землю.

ОТ АХУ К АХУ

Я иду дорогами, по которым шли моаи. Они расходятся по ста направлениям, к бесчисленным святилищам острова Пасхи, на которых стоят скульптуры. Таких *аху* на Рапануи около трехсот пятидесяти. Естественно, что я не смог побывать везде, где они есть, но я постоянно наталкивался на них с самого первого своего шага.

Вокруг залива Анакена, к берегам которого когда-то пристал король Хоту Матуа, поднимается шесть больших *аху*. Особенно тщательно изучил я те рапануйские святилища, которые располагались ближе всего к моей палатке. В качестве примера назову *аху Тепеу*, возвышающееся, как и большинство святилищ, на морском берегу. Оно расположено между единственной деревней острова Пасхи Ханга Роа и Северным мысом, у подножия вулкана Рано Арои.

К *аху Тепеу* я направился пешком — до него меньше часа ходьбы. Пройдя по черным лавовым полям, я вскоре оказался на берегу, где стоит святилище, точнее, два, потому что по соседству с главным рапануйцы построили

уменьшенную копию. Исследователи называют их аху Тепеу I и аху Тепеу II.

Аху Тепеу типично для подавляющего большинства рапануйских святилищ, имеющих центральную площадку прямоугольной или овальной формы, к которой с обеих сторон, подобно крыльям, примыкают более низкие флигеля.

Аху Тепеу стоит на берегу океана. Фасад его выходит на площадку, а противоположная сторона сооружения отражается в морской воде. Большинство рапануйских аху тоже повернуто лицом к острову. И тем не менее главное внимание строители всегда уделяли стороне, обращенной к морю. В эту стену клали самые отборные, крупные камни. В то же время внутренний срез площадки заделывался щебнем и каменной крошкой.

Главное строение аху рапануйцы возводили на ровном, мощеном фундаменте. И лишь когда все святилище было готово, на нем устанавливали статую. Моаи, стоящие на аху, почти не отличаются от подобных статуй на Рано Рараку, за исключением того, что у последних четче обозначены глазные яблоки. Возможно, рапануйцы ваяли глаза цветными: роговицу — из черного обсидиана, а белок — из ракушек.

Аху были святилищами. По способу возведения и своему назначению они напоминают также и другие сооружения, которые я видел в Полинезии и которые также назывались «аху». Местные жители иногда именовали их *марае*.

Рапануйские аху принадлежали отдельным родам острова Пасхи. Эти родовые «храмы» дают представление и об общественном устройстве древнейших жителей Рапануи. Вероятно, после заселения острова отдельные роды размещались на «своих» участках побережья. В их владения входили и внутренние районы острова, но в основном жизнь сосредоточивалась все же на побережье.

Ритуальную площадь святилища окружали дома рядовых членов рода. Жилые дома рапануйцы возводили из камня. Как и в Оронго, они имели форму лодки. И так как аху считалось священным местом пребывания рода, то здесь происходила и церемония погребения. В одних случаях — лишь для избранных, в других — для всех членов рода.

Здесь, в аху Тепеу, были найдены останки человека, погребенного прямо под аху. Другие захоронения найде-

ны в непосредственной близости от святилища. В одной из гробниц аху Тепеу лежало девять скелетов и кусочки материи, по-видимому одеяла. Проба на радиоактивный углерод C^{14} определила «возраст» так называемых одеял — 1640 год (± 250 лет), а одна из костей была датирована 1629 годом (± 150 лет).

Рядом с аху Тепеу лежат обломки нескольких моаи. Вначале на площадке, видимо, стояли четыре статуи. Но все они в жестоких межплеменных и межродовых войнах были сброшены с аху.

Чтобы представить себе, как выглядели родовые святилища острова Пасхи в то время, когда на них стояли каменные великаны, мне пришлось отправиться на север, минуя деревню Ханга Роа и аху Техаи, к аху Акиви. Дело в том, что на аху Акиви, первое из святилищ острова Пасхи, вернули все семь пятиметровых двадцатитонных статуй, которые ее когда-то украшали. (Современные чилийцы, посещающие остров, в насмешку называют это место «Семь обезьян».)

Вид на аху Акиви завораживает. Семь моаи возвышаются над слегка холмистой западной частью острова Пасхи. Вокруг царит тишина. И лишь дикие лошади, которых на Рапануи вчетверо больше людей, время от времени проносятся около заброшенного святилища.

Статуи вновь поставили на старых местах два археолога — чилийский профессор Гонсалес Фигуэроа и американский исследователь Уильям Маллоу из Уайоминга. При этом меня заинтересовал не столько сам факт возвращения гигантских моаи, сколько способ, с помощью которого Маллоу и Фигуэроа их поставили.

Жители Рапануи утверждали, что их предки поднимали статуи, подкладывая под верхнюю часть камни. Маллоу и Фигуэроа воспроизвели старинный метод. И действительно, камень за камнем они поднимали многотонных исполинов, пока наконец статуи не встали во весь рост. Так постепенно все семь великанов аху Акиви оказались на своем месте.

Итак, тайна, которую ученым задали скульптуры Рапануи, была в какой-то мере разгадана. Однако вопрос о способе доставки остается открытым. Пока неясно также главное: кого изображают гиганты из Рапануи?

Сразу же напрашивается ответ: раз моаи украшают храмы, значит, статуи — это образы и подобия богов. Но капитан Кук приводит имена, которые им дали жители

Рапануи. Ни одна из статуй не носила имени какого-либо полинезийского бога. Всегда это были описательные названия типа «Татуированный».

Кук обратил также внимание, что к именам некоторых скульптур жители Рапануи добавляли титул «арики». А так как слово «арики» на полинезийском языке означает «вождь» или «аристократ», не исключено, что это изображения знаменитых вождей, основателей родов. Однако и здесь приходит в голову возражение — ведь статуи одинаковы и не имеют никаких индивидуальных черт.

Лица всех скульптур из Рапануи, за исключением нескольких самых древних и одной странной коленопреклоненной фигуры с канапского склона Рано Рараку, схожи. Больше того, ни один из мореплавателей, посетивших остров Пасхи в то время, когда знаменитые моаи еще гордо возвышались на здешних аху, не заметил, чтобы жители острова проявляли к ним особое почтение, поклонялись им, молились, пели или танцевали в их честь. Так что в записях первых посетителей острова Пасхи тоже нет ответа на вопрос, кого изображают моаи из Рапануи.

Раз уж мы заговорили о сходстве скульптур, следует отметить, что размеры их при этом резко отличаются друг от друга (в соотношении 1 : 3, 1 : 4 или даже 1 : 5). Моаи, в лица которых я всматриваюсь здесь, на аху Акиви, поднимаются на пять метров в высоту. А гигант Ко Тето Кана, по огромному лицу которого я буквально ползал в одной из каменоломен Рано Рараку, достигал двадцати одного метра в длину. Почему же так различны размеры статуй, если во всем остальном они совершенно одинаковы? Потому, вероятно, что не только на острове Пасхи, но и во всей Океании с незапамятных времен один род стремился превзойти другой. Эта доходящая до абсурда страсть все преувеличивать переносилась даже на такие предметы, как топоры, которые меланезийцы использовали во время празднеств. Точно такое же желание возвеличить свой род, создав более крупные статуи и большее их число, чем на соседнем аху, было, видимо, причиной подобного наводнения скульптурами острова Пасхи.

Высота изваяний — единственное, чем подавляющее большинство моаи отличаются друг от друга. Я говорю так потому, что на острове Пасхи все же было обнаружено несколько скульптур, не похожих на общепринятые традиционные для Рапануи изваяния.

Впервые эти оригинальные образцы каменной скульптуры нашли в развалинах аху Моту Опеопе, длина которого равна ста четырнадцати метрам. Это родовое святилище украшали шесть скульптур, у которых были совершенно нормальные, короткие уши. А на противоположной стороне вулкана Рано Рараку, как уже говорилось выше, норвежская экспедиция обнаружила очень интересную, стоящую на коленях каменную фигуру.

А теперь мне хочется взглянуть еще на одну необычную скульптуру, которая воздвигнута не на Рано Рараку, а на одном из весьма примечательных аху. Собственно, речь пойдет опять не об одном аху, а о трех: Винапу I, Винапу II и Винапу III.

Благодаря трем храмам и близлежащей деревне Винапская долина, где они располагались, считалась ритуальным центром острова Пасхи. Лежит она на западе острова, к востоку от кратера Рано Као. С севера долину закрывает величественная вершина горы Орита, с юга тянутся невысокие прибрежные скалы, а за ними несет свои волны море. Винапская долина разделена тридцатиметровым холмом, на котором возвышается аху Винапу III. Это святилище, которого еще не коснулись археологические раскопки, я посещал чаще других. Отсюда открывается великолепный вид на всю долину, покрытую зеленым ковром травы *гере хои*.

Главное винапское святилище — Винапу I — находится в центре долины, примерно в ста метрах от моря. Рядом с ним расположено аху Винапу II. За обоими святилищами лежат остатки двух деревень или, возможно, двух частей одного поселения. Подлинное его название не установлено, и мы называем эти развалины тоже аху Винапу.

Как утверждают жители острова Пасхи, в соседних с винапскими святилищами деревнях жили не члены рода, которому принадлежали аху, а тангата ронго ронго, священнослужители, исполнявшие здесь религиозные обряды. Следовательно, Винапу были немаловажным, хотя, видимо, и не столь значительным, как Оронго, ритуальным центром острова Пасхи.

Наряду с тремя аху и двумя деревнями профессор Маллоу обнаружил и раскопал многочисленные могилы. Но прежде чем говорить о винапских могилах, жилых зданиях и святилищах, я хочу обратить внимание на статую, фотография которой меня когда-то очень заинтере-

совала. Прежде всего своей формой, ибо статуя представляет собой грубо обработанный четырехгранный столб. Необычен и камень — темно-красный монолит; он явно взят не из каменоломен Рано Рааку. Рапануйцы такой камень называют *хани хани*. Столб-скульптура не имеет головы, зато у нее огромный живот и тщательно изваянные руки, включая все пять пальцев. Есть даже, правда очень короткие, ноги.

Эту странную моаи выкопал профессор Маллоу вблизи аху Винапу II. Кроме всего прочего она сориентирована в направлении $91^{\circ}31'$ на восток, то есть смотрит прямо на восходящее солнце в момент равноденствия. После этого неожиданного открытия Маллоу, естественно, проверил ориентацию соседнего святилища — Винапу I. Оно лишь на два градуса отклонялось от луча восходящего солнца в день летнего солнцестояния.

Но аху Винапу I интересен не только своей астрономической ориентацией. Это святилище вообще необычно. Своим видом оно отличается от рапануйских аху. Его внешняя, обращенная к морю сторона составлена из огромных, тщательно пригнанных друг к другу, прекрасно обработанных базальтовых блоков. Некоторые из этих «кирпичей» весят не менее пятисот килограммов.

В первый момент фасад аху Винапу I напомнил мне постройки инков, которые я знал по древним городам Перу, но сходство это, видимо, чисто случайное. По соседству с необычным святилищем были найдены человеческие останки. Их проверили на радиоактивный углерод C^{14} и определили, что они относятся к 857 году (± 200 лет). Это самая древняя достоверно установленная дата истории Рапануи. Есть, правда, еще одна, более ранняя, но точность ее весьма сомнительна.

Таким образом, в IX веке заселение острова полинезийцами уже было завершено, а сельскохозяйственное производство оказалось столь продуктивным, что островитяне нашли силы и средства для возведения этих величественных святилищ.

Создается впечатление, что строительство аху из огромных, тщательно обработанных блоков характерно для первого, раннего периода истории Рапануи. Позднее местные строители стали применять камни меньших размеров и пользоваться наклонными плоскостями, по которым поднимали на площадки святилищ статуи.

Последний этап истории Рапануи — время крушения

всего того, что было создано раньше, время «иконоборцев». С аху сбрасывалась одна скульптура за другой, пока наконец на всем острове Пасхи не осталось ни одного святилища со стоящей на нем моаи. Насколько быстро распространялась эта разрушительная волна, свидетельствуют дошедшие до нас сведения. В 1804 году аху Винапу I и аху Винапу II кратко описал русский мореплаватель Ю. Ф. Лисянский, который пробыл на острове Пасхи несколько дней. Во время его пребывания там на одном святилище стояли четыре статуи, на другом — три. Двенадцать лет спустя другой русский мореплаватель, Отто Коцебу, обнаружил всего две статуи. А когда во второй половине XIX века в Винапскую долину пришли первые миссионеры, там уже не было ни одной моаи. Ни там, ни на каком-либо другом святилище острова Пасхи.

Рапануйская легенда утверждает, что искру, от которой вспыхнуло пламя, уничтожившее каменных великанов, высекли жители Винапу. В связи с окончанием последней реконструкции местных аху род Винапу праздновал великое торжество. Жена вождя происходила из другого очень сильного рода — Тонга Рики. В силу причин, которых современные жители острова уже не знают, ее убили во время торжества. Но одного участника праздника в чем-то обидели. Оскорбленный, он покинул Винапу. Жажда мести привела его прямо к вождю Тонга Рики. Тот, естественно, не отказал в помощи. Желая отомстить за дочь своего рода, он со своими воинами неожиданно напал на Винапу, уничтожил его жителей и сбросил многочисленные статуи со святилищ. Нападение на Винапу послужило сигналом к бесконечным войнам, во время которых гибли не только люди, но и их фантастические моаи. Таким был конец храмов и статуй из Рапануи. Первые белые, проникнувшие на остров Пасхи, миссионеры, могли лишь констатировать гибель местных святилищ.

Гигантские статуи, возвышающиеся над рапануйскими аху, — лишь часть величественных изображений острова Пасхи. Первые европейцы видели на головах моаи, стоящих на святилищах, огромные «шапки», изваянные из вулканического камня красного цвета. Многометровые «шапки» давили не только на статуи, они продолжают отягощать и тех, кто старается разгадать тайны острова Пасхи.

Для того чтобы увидеть эти необычные красные короны, я отправился к еще одному кратеру — Пуна Пау. После Рано Рараку и Рано Као Пуна Пау показался мне чересчур будничным, совсем не грозным вулканом. Стены кратера скрывает травяной ковер, и лишь кое-где сквозь него пробивается ярко-красный камень. Именно здесь рапануйцы изготавливали из него самую важную и в то же время странную часть своих моаи — украшение, которое я условно назвал «шапкой», потому что мои друзья из Рапануи именуют эти каменные глыбы *хау хитираи моаи* — «шапки статуй из красного камня». Первые путешественники на остров Пасхи, которым посчастливилось увидеть хау хитираи моаи на большинстве статуй рапануйских аху, усматривали в них все, что, по их представлениям, можно носить на голове — от турецких тюрбанов до североамериканских повязок. Некоторые исследователи полагают, что хау хитираи моаи — это волосы. Те, которые носили первые люди на острове Пасхи.

Кое-кто из приверженцев этой теории считает творцами культуры острова Пасхи темнокожих. Бальфур, например, полагал, что первыми рапануйцами были меланезийцы. Тур Хейердал, в свою очередь, считал, что это были светлокожие, возможно американские индейцы.

Так же как и другие загадки странного острова Пасхи, вопрос об истинном значении хау хитираи моаи пока остается открытым. Лично я считаю, что огромные «шапки» были действительно связаны с волосами, естественным головным убором каждого человека.

Еще Альфред Метро, участник франко-бельгийской экспедиции на остров Пасхи, обратил внимание на то, что древние рапануйцы называли эти «шапки» *пукао*, что означает «большой узел». А ведь именно в узлы собирали свои прекрасные длинные волосы жители Рапануи.

В кратере Пуна Пау, где находятся каменоломни, я, однако, ни одного пукао не нашел. Поэтому мне пришлось подняться на седловину северной стороны вулкана. И здесь я увидел двадцать две «шапки» — прекрасно сохранившихся каменных круга. Они лежат такие же безмолвные, как и моаи в своих ложах на противоположной стороне острова. Самая маленькая из «шапок» в диаметре равнялась полутора метрам, самая крупная —

трем. Самая низкая была меньше метра, а самая высокая достигала двух.

На нижней стороне «шапок», там где пукао касалось головы, мастера делали углубления. На верхней имелся бугорок, своеобразная макушка, вершина всей статуи. Каково его назначение — неизвестно.

Точно так же непонятно, каким образом рапануйцы водружали гигантские пукао на головы своих статуй. Вероятно, они соединяли головы с «шапками» на земле и по мере того, как поднимали статуи, подкладывая под них камни, выпрямлялась не только сама фигура, но и ее загадочный венец.

Современные жители острова рассказывали и о других методах, с помощью которых «надевали» пукао. Чаще всего повторяется история о самой большой статуе острова Пасхи. Святилище островитяне называют Те Пито Те Кура, а его моаи — Паро. Чтобы надеть пукао на эту самую высокую статую рапануйских аху, ее создатели, как утверждает легенда, соединили святилище длинной насыпью с ближайшим холмом и по ней прикатали «шапку», водрузив ее таким образом на голову огромной статуи.

Однако такой способ представляется слишком длительным и непрактичным, и эту легенду следует, видимо, отнести к столь же интересным, но мало похожим на правду историям, которые я часто слышал от жителей Рапануи.

По острову «шапки» действительно катили, но транспортировка пукао по сравнению с доставкой многотонных статуй была делом пустяковым. Поэтому, так же как и статуи, «шапки» оказались разбросанными по всему острову. Одну из них я увидел во время первой экскурсии по Рапануи рядом со святилищем королевской Анакены. Надо сказать, что пукао никогда не красовались на статуях в Рано Рараку.

Однако «шапку» на том месте, где она должна была быть, — на голове каменного великана — на всем острове Пасхи я лично видел только раз. Этот единственный реконструированный и «полностью укомплектованный» экземпляр стоит на площадке аху Тепеу. Он, как и все остальные моаи, как и все на этом острове, смотрит вперед и молчит. Молчит...

На этот раз я отправляюсь в поездку, о которой долго мечтал. Я еду к Ко Те Уну О Те Хану Эопе, рву, который отделяет восточную часть рапануйского треугольника от остального острова. Эту часть Рапануи чаще всего называют по имени одного из трех вулканов, возвышающихся над островом Пасхи, — Поике⁵.

Но, прежде чем добраться до этой границы, мне хочется осмотреть еще несколько аху, расположенных на южном берегу острова вдоль пыльной дороги, которая была, вероятно, проложена по одному из традиционных древних рапануйских трактов.

Первая остановка — около небольшого аху Хаунга Поукура, где покоятся останки открывателя острова Пасхи великого короля Хоту Матуа.

В нескольких километрах восточнее возвышается аху Ака Ханга, от которого, как показали исследования мадам Раутледж, в давние времена вела дорога, соединяющая это святилище с каменоломнями Рано Рараку.

Двигаясь дальше по древней трассе, свидетельствующей о высокой культуре давних обитателей Рапануи, я останавливаюсь еще у одного пункта этой южной дороги — у аху Теа Тенга. Четвертое святилище, которое я должен посетить согласно сегодняшней программе, — Ура Маинику — расположено как раз напротив вулкана Рано Рараку.

Юго-западнее могучего кратера, прямо перед самым перевалом, который отделяет Поике от остальной части острова, я осматриваю еще одно аху под названием Ханга Туу Хата. И вот наконец святилище, которое меня интересует больше всех аху, расположенных на юго-востоке острова Пасхи, — знаменитое Тонга Рики.

Именно воины рода Тонга Рики, согласно легенде, разрушили святилище Винапской долины. Именно они, тонгарикцы, сбросили с аху Виналу первую статую, открыв эпоху жестокого «иконоборчества», всеобщей вражды, войны всех против всех.

Но тот, кто посеет ветер, пожнет и бурю. Эта истина справедлива и для далекого Рапануи. Аху могущественного рода Тонга Рики было самым большим из всех трехсот пятидесяти святилищ острова Пасхи. Его главная площадка имела пятьдесят метров в длину, три метра ширину, и возвышалось оно почти на два с полови-

ной метра. К основному строению примыкали левое и правое крылья. Вся же длина этого огромного святилища равнялась ста шестидесяти четырем метрам. Внутри центрального строения было оставлено свободное пространство, своеобразный коридор, который служил местом погребения знатных людей знаменитого рода. Для того чтобы подчеркнуть свое могущество, клан Тонга Рики воздвиг на аху не менее пятнадцати статуй.

Ни один другой род острова Пасхи не смог поставить на свое святилище больше моаи, чем гордые воины рода Тонга Рики. Но и эти статуи падали одна за другой в результате разбушевавшихся страстей и нескончаемой войны, повод для которой дали сами же надменные строители и властители Тонга Рики.

И тут сама природа, как бы желая подтвердить правоту пословицы о том, что как веревочка не вейся, а конец будет, в 1960 году обрушила на аху Тонга Рики яростные волны цунами, которые прокатились по всему побережью острова Пасхи.

Эти волны подхватили сброшенные статуи, валявшиеся вокруг аху Тонга Рики, и, как щепки, отшвырнули их на сотни метров в глубь острова. Чилийская администрация острова Пасхи приняла решение не реставрировать крупнейшее святилище Рапануи, оставив его и статуи в том положении, в каком они находятся сейчас, сохранив тем самым память о невероятной силе океана.

Недалеко от дважды разрушенного святилища Тонга Рики находится Ко Те Уну О Те Ханау Эопе — ров, который отделяет «страну Поике», самую восточную часть Рапануи, от других областей острова. Дело в том, что остров Пасхи, каким мы его знаем сейчас, образовался из трех вулканов — Тереваки, Рано Као, на который я недавно взбирался, и Пуа Катики, самого древнего из них.

Территория к востоку от Ко Те Уну О Те Ханау Эопе, которую нынешние островитяне называют Поике, в давние времена была одним из трех самостоятельных вулканических островков. В конце концов лава, которая тысячи лет вытекала из кратера Пуа Катики, соединилась с потоком вулкана Тереваки. Вскоре после этого к ним присоединилась и лава Рано Као. Так возник остров Пасхи.

На северном склоне Пуа Катики поднялись три меньших по размеру кратера — Теа Теа, Парахе и Ваи Хева. Больше всего меня в «стране Поике» удивил ландшафт,

совершенно отличающийся от пейзажей остальной части острова. Слева от седловины поверхность земли покрыта огромным количеством камней и остатками вулканической породы. Справа, к востоку от Ко Те Уну О Те Ханау Эопе, за исключением подножия Пуа Катики, земля совершенно чистая, как будто бы по ней только что проехала гигантская уборочная машина.

Разница между зеленым ковром Поике и каменистой поверхностью остальной части острова явно бросается в глаза. Границей этих двух столь разительно отличающихся частей стала седловина с оврагом — Ко Те Уну О Те Ханау Эопе, вдоль которого я направляюсь к северному побережью острова Пасхи — бухте Лаперуза.

Пройдя несколько сот метров, я наткнулся на археологический зонд, чуть подальше — еще на один. Это профессор Чарлз Смит со своими помощниками из норвежской экспедиции, а позже и другие специалисты проверяли, действительно ли необычная впадина естественна или, как до сих пор утверждают местные жители, представляет собой дело рук человека.

Я смотрю в ров. Верхний его слой желтый, за ним идет красный и, наконец, черный. Красный цвет — это все, что осталось от огромного пожара, черный — обуглившиеся остатки сгоревших ветвей и кустарников.

Скорее всего, этот длинный ров шириной двенадцать и глубиной почти пять метров, отделяющий восточную часть острова Пасхи от остального Рапануи, действительно создал человек. Островитяне забросали его стволами деревьев, ветвями, кустарником и затем все это подожгли.

Ко Те Уну О Те Ханау Эопе в переводе означает «Земляная печь длинноухих». Но если существовали «длинноухие» рапануйцы, то должны же были быть и «короткоухие»! У меня, как и у каждого, кто встречался на острове Пасхи с «длинноухими», память воскрешает бесчисленные святилища Рапануи, а также самых известных носителей многочисленных тайн острова — гигантские статуи Рано Рараку. Их уши действительно велики, но так как сами скульптуры огромны, то длинные ушные раковины не бросаются в глаза.

Наряду со статуями и святилищами рапануйцы оставили нам легенды и мифы. Одна из самых распространенных легенд, которую не раз рассказывали мне жители острова Пасхи, повествует о войне, которую вели между

собой две враждующие группы островитян — *ханау номоко* (*ханау момоко*), или «короткоухие», и *ханау эопе* (*ханау еепе*), или «длинноухие». Некоторые исследователи переводят их имена по-другому. Известный советский этнограф Юрий Кнорозов, например, ханау эопе трактует как «дородные», а ханау номоко как «тонкие». Австрийский океанист Хайне-Гельдерн называет одних «толстые», других — «худые» и т. д. Тем не менее обозначения «короткоухие» и «длинноухие» имеют наибольшее распространение. Поэтому я и буду ими пользо-ваться.

Одной из этих двух рапануйских групп легенда припи-сывает создание странного рва. Здесь я хочу вернуться к войне между «короткоухими» и «длинноухими», в кото-рой этот оборонительный рубеж сыграл весьма важную роль. Рассказы о ней существенно отличаются друг от друга в интерпретации различных собеседников. поэто-му я решил отыскать самую древнюю запись этого ска-зания, согласно которой Хоту Матуа, первый король ост-рова Пасхи, был предком «короткоухих». «Длинноухие» появились на Рапануи лишь во времена третьего короля Туу ко иху, которого не следует путать с жрецом, сопро-вождавшим Хоту Матуа во время плавания на остров Пасхи.

Вторая волна полинезийского заселения острова Пас-хи принесла с собой более высокий уровень обработки камня, более развитое земледелие и некоторые усовер-шенствованные сельскохозяйственные орудия.

«Длинноухие», как подтверждает большинство иссле-дований, не осели компактной группой на одной из ча-стей острова, а рассредоточились среди пришедших сю-да ранее полинезийцев.

Самая древняя легенда считает инициатором войны между «длинноухими» и «короткоухими» некоего «длин-ноухого» по имени Ко Ита. Он скрывал в своем доме трупы тридцати «короткоухих» детей, которых убил. Среди убитых было семеро сыновей некоего Ко Пеги, который, узнав об убийстве, сошел с ума. И тогда его брат поклялся отомстить. И не только Ко Ита, но и дру-гим «длинноухим». Все «длинноухие» в Винапу были уничтожены в течение нескольких дней.

Среди убитых оказались также и те, кто находился в Оронго на проходившем там празднике Человека-птицы.

Охваченные ужасом, оставшиеся в живых «длинно-

ухие» укрылись на востоке острова (современная территория Поике). Трудолюбивые изгнанники вынуждены были добывать здесь свой хлеб. Они очистили всю поверхность Поике, собрали десятки тысяч камней и побросали их в море. Поэтому, если смотреть с самолета, «страна длинноухих» кажется светлее основной части острова.

Но вернемся еще раз ко рву — замечательному оборонительному сооружению, настоящей «линии Мажино» «длинноухих». С трех сторон Поике защищало море и многометровый скалистый берег. А открытую, четвертую сторону своей страны «длинноухие» укрепили глубоким рвом. Его по праву можно назвать границей «страны длинноухих».

Границу эту надо было надежно защищать. Ров, который был вырыт в седловине, не был рвом в нашем понимании этого слова, наподобие тех, что опоясывали средневековые европейские города или замки. Ко Те Уну О Те Ханау Эопе, скорее всего, представлял собой своеобразную ловушку. «Длинноухие» заполнили весь ров легко воспламеняющимся материалом. В случае нападения «короткоухих» следовало допустить их в ров и в этот момент поджечь горючее.

План был замечателен. Но на войне как на войне. И здесь, на одном из самых далеких островов, существовали не только воины, но и предатели. Среди жителей Поике была женщина из рода «короткоухих», выданная замуж за «длинноухого». В ней заговорил голос крови, породивший желание рассказать о ловушке своим братьям. И женщина ночью тайно провела отряд «короткоухих» через ров, укрыв воинов в одной из пещер Поике.

Другой отряд «короткоухих» через несколько дней начал мнимую фронтальную атаку на позиции «длинноухих». Те зажгли все, что находилось во рву, но в этот момент совершенно неожиданно в тыл им ударила основная часть армии «короткоухих». «Длинноухим» не оставалось ничего другого, как отступить в яму, которую они сами выкопали. В ней сгорели почти все «длинноухие». Только двое из них остались в живых.

В этой легенде интересны два момента. Во-первых, время, когда все это случилось. Образец породы, полученный профессором Смитом с помощью одного из зондов, был направлен в лабораторию Национального музея в Копенгагене. Путем радиоактивного метода C^{14}

была определена дата — 1676 год (± 100 лет). С этой датировкой удивительно точно совпадает мнение пастора Энглерта, который на основе изучения рапануйских родословных определил, что «длинноухие» были разбиты в 1680 году.

Второй момент, на который я обратил внимание, слушая легенду о войне между «длинноухими» и «короткоухими», это судьба двух оставшихся в живых ханау эопе, избежавших огненной печи. Мне рассказывали, что оба они укрылись в пещере Ана Ваи. Позже «короткоухие» нашли их, но по желанию одного из жрецов оставили в живых. Эти последние «длинноухие» взяли себе жен из рода «короткоухих». И даже во время моего пребывания на острове Пасхи несколько семей считали своими предками не только «короткоухих», но и «длинноухих».

По мнению южноамериканского исследователя М. Бормиды, который выпустил первую монографию, посвященную истории острова Пасхи до прихода сюда белых, «длинноухие» были представителями другой группы полинезийцев, которые высадились на Рапануи сравнительно недавно.

Но тут я хотел бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Когда двух чудом спасшихся «длинноухих» выводили из пещеры Ана Ваи, они якобы кричали: «Орои! Орои!»

С именем Орои нам уже приходилось встречаться на острове Пасхи. Согласно легенде, Орои был кровным врагом первого короля Рапануи Хоту Матуа, вождем другого племени, переселившегося на остров Пасхи с острова Марае Ренга. Орои после многочисленных попыток свергнуть короля Хоту Матуа был убит.

Может быть, это и есть ключ к легенде о «длинноухих» и «короткоухих»? То, что на Рапануи жили две родственные группы, не вызывает сомнений. И вполне возможно, что последние «длинноухие» в минуту смерти стали звать к имени своего первого мифического короля Орои, так же как потомки «короткоухих» часто произносили имя своего прапредка Хоту Матуа.

Вполне вероятно, что «добрый» Хоту Матуа и «злой» Орои — это личности, которые в памяти жителей острова представляли две группы, первоначально населяющие Рапануи. А то, что в этих представлениях «короткоухий» Хоту Матуа для его потомков «добрый», а чужой «длинноухий» — «злой», вполне естественно.

Я снова смотрю в ров. Рождаются различные предположения, гипотезы. Да, Ко Те Уну О Те Ханау Эопе выкопали люди. И археологи должны найти все, о чем говорят глина и пепел. Но насколько наши сведения были бы богаче, если мы могли бы взглянуть на документы, написанные рапануйцами. Какая это была бы радость прочитать, услышать голоса древних жителей острова Пасхи, узнать, о чем они думали до того, как к берегам Рапануи приблизился первый корабль белых людей.

В «ПЕЩЕРЕ БЕЛЫХ ДЕВ»

Я обошел весь Рапануи вдоль и поперек. От живописной Анакены на севере до вымершего побережья вокруг аху Винапу на юге, от скалистых вершин Рано Као на западе до кратера Маунга Тоа Тоа на востоке. Я искал разгадки тайн Людей-птиц в Оронго, «длинноухих» во рву Поике, гигантских статуй на склоне Рано Рараку. С севера на юг и с запада на восток исходил я остров Пасхи. И все же мне не хотелось отсюда уезжать.

Разве на поверхности Рапануи уже не осталось для меня ничего интересного, ни одной тайны, которую предстоит разгадать этнографу, стремящемуся познать этот остров?

На поверхности, пожалуй, действительно ничего нового уже не найдешь. Но зато многое сохранилось в недрах острова. Ведь территория Рапануи — это почти не покрытые растительностью, унылые плоские равнины. Зато его недра, как бы пробуравленные бесчисленными пещерами, намного живописнее. Благодаря активной вулканической деятельности на этом богатом сопками острове возникли настоящие подземные соборы, соседствующие с небольшими готическими «часовенками». И если житель острова хотел укрыться сам либо скрыть свое богатство, то он, естественно, приходил сюда, в катакомбы. И если я или какой-нибудь другой исследователь захочет найти клады, то розыски их придется вести именно здесь, в подземных галереях острова Пасхи.

Первое, что следует искать, — это особые, «говорящие дощечки», деревянные таблички, на которых рапануйцы записывали свои религиозные тексты странным письмом, которое они называли *кохау ронго-ронго*.

Пока что на острове Пасхи обнаружена двадцать од-

на такая табличка. Следовательно, где-то здесь, под моими ногами, под ногами тех, кто ежедневно проходит по пыльным дорогам, лежит клад, стоимость которого не измеряется никакими деньгами. Клад этот поистине бесценен. Он представляет собой важнейшую часть самой большой библиотеки острова Пасхи, содержавшей несколько сотен «говорящих дощечек». Эта богатейшая коллекция принадлежала королю Нга Ара. Его похоронили на трех лучших табличках. Таким образом, они уже потеряны для науки. Еще около десяти или пятнадцати табличек сын короля раздал самым лучшим певцам и декламаторам. Часть их приобрел новый вождь Каимокои; впоследствии они были уничтожены в межплеменных войнах. Но что же случилось с основной частью библиотеки? После смерти короля о ее сохранности стал заботиться верный слуга Нга Ара — Пито. Пито умер, и библиотека перешла в собственность его родственника Маураты, которого позже работорговцы отвезли на острова, расположенные невдалеке от побережья Перу, где добывали селитру. Накануне вынужденного отъезда с Рапануи Маурата передал библиотеку короля своему родственнику Таке.

Таке был жив еще в начале нашего века. О том, что он хранит в какой-то пещере драгоценный клад, знало немало островитян. Однако где именно? Об этом Таке умолчал. И тайну хранилища не раскрыл даже на смертном одре.

Я совершенно не рассчитывал, что мне удастся найти знаменитую библиотеку великого короля. И все же я хочу побывать в катакомбах Рапануи, потому что там можно познакомиться с новыми интересными фактами из истории жителей острова Пасхи. Эти пещеры использовались рапануйцами с того момента, когда корабль первооткрывателя острова — короля Хоту Матуа вошел в залив Анакена.

Пещеры служили островитянам надежным убежищем. Поэтому прежде всего здесь попадаются остатки трапез бывших «квартиросъемщиков» подземных «домов» — рыбы и птичьи кости, а также обломки рыбацких инструментов — костяные крючки и обсидиановые наконечники острог.

Ничего более интересного — например, керамики — в пещерах нет. Меня удивляло, что люди, которые создавали огромные статуи, украшавшие пещеры, и имели

свою письменность, не знали гончарного дела, несмотря на то что глины на острове было в избытке. Нет здесь и никаких металлических предметов, потому что о металлах на Рапануи не имели понятия.

Подземелья служили не только живым, но и мертвым. Умерших хоронили в фамильных пещерах, заворачивая их в *тану* — полинезийскую ткань из лыка. Стены погребальных пещер украшались рисунками и рельефами, выбитыми прямо на скале.

На островке Моту Нуи, на «священной земле», где хопу искали яйца черных ласточек, сохранились пещеры, в которых временно хоронили людей, «завоевавших» титул Человека-птицы. Потом их переносили в большое аху на склоне Рано Рараку.

Раньше рапануйцы вообще хоронили своих покойников в глубоких пещерах. Но затем пришли миссионеры и потребовали, чтобы жители острова Пасхи, как истинные христиане, захоронения производили на кладбище около единственной на острове деревеньки Ханга Роа. Однако местные жители, особенно старики, всячески старались сохранить свою древнюю веру и обычаи, свою собственную религию. Поэтому те, кто считал, что час разлуки с этим миром уже настает, тайно уходили в пещеры. И здесь в буквальном смысле слова хоронили себя, покорно ожидая прихода смерти. Последнего старика, умершего подобным образом, звали Те Аве.

Пещер — жилых, погребальных и всякого другого назначения — на острове великое множество. Их столько, что кладоискателя ждет здесь, в сердце Тихого океана, еще много лет волнений и поисков. И вот я, после того как обходил весь Рапануи, спустился под землю, чтобы самому познакомиться, хотя бы частично, с особым, таинственным миром подземного острова Пасхи.

Для первого раза я выбрал пещеру Ханга Киви Киви, расположенную близ северного побережья острова, к юго-востоку от королевской Анакены. Я захватил с собой карбидную лампу, довольно длинную веревку и даже шахтерскую каску. Затем нашел хорошего проводника. Теперь можно спускаться под землю.

На голой, поросшей низкой травой поверхности острова все время встречаешь подозрительные углубления. Они попадают так часто, что даже внимание наблюдательного исследователя вскоре притупляется. Многие из них легко проглядеть. Но мой проводник идет уверенно.

Спускаемся немного вниз. И вот мы у пещеры Ханга Киви Киви. Я с трудом пролезаю сквозь отверстие в стене, закрывающее вход. Передо мной узкий коридор длиной около сорока метров. В конце его еще одна щель, открывающая проход в глубь пещеры, и вот я уже в главном зале Ханга Киви Киви.

Здесь явно жило несколько поколений островитян. Я ковырнул утрамбованный пол и через пару минут с победным видом показал своему проводнику первую мою «археологическую» находку — *матаа*, обсидиановый наконечник копья. Следующим открытием была человеческая кость!

Не все мертвые покоились в мире в рапануйских пещерах. Череп короля — могущественного Нга Ара, история которого меня так интересовала, — украли его родственники из племени миру, которые были твердо убеждены, что мертвая голова короля обеспечит им высокий прирост поголовья домашней птицы.

Кости покойников здесь, в Ханга Киви Киви, служили и весьма прозаическим целям. Из ребер изготавливали рыболовные крючки и другие полезные предметы.

Я побывал еще в нескольких не очень отличающихся друг от друга пещерах. Здесь также лежали остатки пищи, костяные и каменные инструменты. Везде можно обнаружить следы строительных работ.

После посещения Ханга Киви Киви и соседних подземелий вместе с проводником мы отправились в пещеру, где я мечтал побывать с той поры, как прочитал о ней в книге Хейердала. Называется она *Ана О Кеке*. Норвежские исследователи перевели это название, как «Пещера солнечного склонения». Однако сейчас ее называют «Пещера белых дев».

Уже сама дорога, ведущая сюда, очень трудна. Корву «длинноухих» меня доставил грузовик, который развозит по двум «дорогам» острова случайных пассажиров. Здесь мы вместе с проводником выбрались из кузова, перешли через ров и вступили на территорию, очищенную от камней.

Мы идем не торопясь (нужно беречь силы для спуска) по земле «длинноухих» вокруг вулкана Пуа Катикки. Тремя своими вершинами, на которых первые испанские завоеватели поставили огромные деревянные кресты, он напоминает мне словацкие горы — Матру, Фатру и Татры.

За верблюдьими горбами Пуа Катики наша «дорога» упирается в обрывистый морской берег. Мы остановились в трехстах метрах над пенящимся белым прибоем. «Пещера белых дев» как раз и скрывается в этом неприступном обрыве. Но проводник знает дорогу вниз. Узкая тропка, спускающаяся к морю, слишком отвесна. Мне не страшно, но все же чувствую себя не очень уверенно. Порывистый ветер старается сбросить меня со скалы. А внизу — грозная, открытая пасть морской пучины...

Наконец мы добрались до входа в пещеру. Правда, слово «вход» в этом случае не совсем подходит. Точно так же как у Ханга Киви Киви и других пещер, здесь имеется лишь узкая, не более полуметра, щель, видимо рассчитанная на осиные талии полинезийских девушек. Мое тучное тело эта щель никак не пропускает. В конце концов с помощью проводника удастся в нее протиснуться — и вот передо мной открывается жилище избранных рапануйских девственниц.

Двигаясь по «Пещере белых дев», можно, вероятно, проникнуть довольно далеко в глубь острова, но убежищем девственниц служил лишь этот, первый ее зал. Я стараюсь представить себе, как жили они здесь, избранные аристократки Рапануи. И вместе с тем думаю о жуткой смерти последних обитательниц Ана О Кеке.

Тех, кто здесь жил, рапануйцы называли *неру*. Они были дочерьми знатных людей и вели свое происхождение, как правило, от племени, к которому принадлежал первый король. Из-за своего знатного происхождения *неру* обязаны были выбирать лишь «священные» профессии. Рапануйцы считали также, что стать *неру* могли лишь те девушки, у которых была абсолютно белая кожа. А так как для полинезийцев характерна желтая кожа, то *неру* «отбеливали» ее благодаря длительному пребыванию в Ана О Кеке.

Почему островитяне выбрали для этой цели столь пустынное место, я не знаю. Но ведь и в Европе зачастую строили монастыри вдали от городов и населенных пунктов, на вершинах труднодоступных гор.

Рапануйские «монахини» жили в пещере долго. Без мужчин и без помощниц. Пищу им носили женщины из ближайших поселений. Сами *неру* не работали. Единственной их обязанностью была забота о своей коже. Здесь уместно упомянуть, что подобные «отбеливающие» мо-

настыри существовали и на другом полинезийском острове — Мангарева. Но там девушки должны были не только «побелеть», но и поправиться. Так что пещера становилась и «косметическим» и «диетическим» заведением.

Во второй половине XIX века над островом, затерявшимся в голубых просторах Южных морей, грянул гром. С другого берега Великого океана сюда приплыли рабовладельцы и увезли большинство населения Рапануи на невольничьи рынки в Перу. Среди тех, кого забрали в рабство, оказались и женщины, которые кормили «белых дев». И девушки — одна за другой — стали умирать от голода в своих кельях. Когда спустя много лет люди снова вошли в Ана О Кеке, то они нашли в пещере одни кости. Абсолютно белые кости «белых дев» из Рапануи!

Ана Каи Тангата, третья пещера, которая интересовала меня на острове Пасхи, находилась буквально на расстоянии вытянутой руки от моей палатки. Она тоже расположена на морском берегу. Палатка стоит на высоком лавовом поле, примерно в ста метрах над уровнем моря. К Ана Каи Тангата ведет неширокая тропка, по которой нетрудно добраться до входа в пещеру.

Уже с первого взгляда Ана Каи Тангата отличается от Ханга Киви Киви и от «Пещеры белых дев». Широкий вход с большой аркой ведет в подземный собор. Прямо под ногами кипит и грохочет море. Когда прибой особенно силен, волны заливают всю нижнюю часть пещеры, образование которой связывают, кстати, с деятельностью океана.

Вулканические газы образуют в остывающей лаве пузыри, часто очень большого размера. И вот такую тонкую, обращенную к морю стенку вулканического пузыря, видимо, пробил прибой. Море ворвалось в пещеру и отполировало ее. Так невдалеке от Матаверской долины появился большой подземный зал.

Я не случайно упомянул об этой долине. Ведь именно здесь перед тем, как процессия направлялась вверх, в Оронго, и после возвращения ее из ритуального центра острова проводились великолепные торжества. И когда первое найденное яичко черной ласточки определяло, кого же бог Меке Меке выбрал на этот раз Человеком-птицей, Тангата Ману должен был отблагодарить бога. А так как Меке Меке был жесток и кровожаден, то Человек-птица приносил ему свои жертвы.

И делал он это именно здесь, в этом зале пещеры Ана Каи Тангата.

В наши дни от подобных обычаев в пещере не осталось почти никаких следов. Разве что живопись на высоком своде, которую я пытался сфотографировать. Но было уже темно, и только отблеск вспышки сверкнул на своде пещеры. Кроме того, настенная живопись, украшающая Ана Каи Тангата, сильно повреждена. Естественно, что главный сюжет картин — это Человек-птица и великий бог Меке Меке.

ЗАГАДКА ПИСЬМЕННОСТИ РОНГО-РОНГО

Стремление познать историю и культуру жителей острова Пасхи побуждало меня исследовать как поверхность, так и катакомбы Рапануи. А чтобы проникнуть в некоторые тайны острова, мне пришлось даже совершить путешествие в другие части света. Например, в Чили, страну, которой принадлежит остров Пасхи и где я проходил все формальности, связанные с его посещением. Я провел долгие часы в Национальном музее Сантьяго. Там меня особенно заинтересовали странные кохау ронго-ронго, «говорящие дощечки».

Эти дощечки — одна из самых драматических тайн острова Пасхи. Первая из них была найдена совершенно случайно. Таитянскому епископу Тепано Жоссану, в епархию которого входил остров Рапануи, один из первых миссионеров на острове Пасхи, отец Гаспар Иумбон, в 1868 году сделал подарок. Это был пояс, сплетенный из волос верующих и обернутый вокруг куска дерева. Его, в свою очередь, подарили миссионеру островитяне. Но этот кусок дерева — по-рапануйски *кохау* — заинтересовал епископа намного больше, чем волосы его паствы. Дело в том, что он сверху донизу был исписан какими-то знаками. Жоссан внимательно изучил их и понял, что это довольно пространный иероглифический надписи!

Но откуда же взялась письменность на самом изолированном острове Полинезии, в то время как в Океании и даже на континентах, соседствующих с южной частью Тихого океана — в Южной Америке и в Австралии, ее никогда не существовало?

Тепано Жоссан был не только отцом церкви. Он глубоко и серьезно интересовался историей и культурой Полинезии. Не имея специального этнографического обра-

зования, он в то же время стремился собрать и описать все, по его мнению, достойное внимания в полинезийской культуре.

Но тут таитянский епископ впервые столкнулся с вопросом, который никто до него не изучал. Он понял, что открыл новую, до сих пор неизвестную науке письменность. Более того, первую письменность, которая была (и будет) открыта в Полинезии! Естественно, что ему захотелось узнать о ней побольше, но для этого нужны были другие таблички. Преемником Гаспара Иумбона на Рапануи стал отец Рассел. Епископ попросил достать ему несколько «говорящих дощечек». Миссионер с помощью своих доверенных лиц приобрел еще пять кохау, причем в лучшей сохранности, чем та дощечка, которую ранее подарили Иумбону.

Теперь можно было составить ясное представление, как выглядят рапануйские кохау ронго-ронго. Размеры первой кохау — 43 × 16 сантиметров. Она, так же как и все остальные дощечки, с обеих сторон илписана знаками. Всего их насчитали тысячу сто тридцать пять, вырезанных на дереве зубом акулы или другого морского хищника. Причем линии были выведены с необыкновенной точностью. Графические способности рапануйских писарей просто удивительны.

Знаки, которые я впервые увидел на одной из табличек музея в Сантьяго, повторялись и на других кохау. Я встречал их в разных местах, например в Ленинграде. Часто попадаетея на дощечках символ морской ласточки. Рядом с изображением этой самой «священной» птицы на Рапануи можно различить знаки рыб, морских моллюсков, цветов, звезд, полумесяца.

Однако знак рыбы и слово «рыба» не однозначны. Поэтому понять смысл письменности рапануйцев не так просто. С того самого дня, когда епископ Таити и апостольский викарий Океании Тепано Жоссан увидел первую кохау ронго-ронго, ученые и дилетанты всего мира стараются расшифровать странную письменность самого изолированного полинезийского острова. Но работа не завершена до сих пор.

Первым, кто решил раскусить этот орешек, был сам епископ. В то время на Таити жило несколько сотен рапануйцев. Их привез сюда плантатор Брандер, который имел землю на острове Пасхи, но главные владения его были на Таити. Тепано Жоссан начал искать себе по-

мощников среди сельскохозяйственных рабочих Брандера. Один из них, Меторо, заявил, что умеет читать кохау ронго-ронго. С ним епископ и начал опыт, который вошел затем в историю океанистики.

Они уселись за столом: епископ — с одной, а молодой островитянин с табличкой в руке — с другой стороны. Жоссану показалось, что Меторо с трудом ориентируется в тексте. Наконец островитянин крепко сжал табличку в руке и стал не читать, а... петь! Первую строку он спел слева направо, а следующую — справа налево! В таком же духе продолжал Меторо петь дальше. Эта необычная система записи и прочтения текста в специальной литературе получила название *бустрофедон* — в переводе с греческого «осел» (*бус*) и «поворачиваться» (*стрейфайн*). Но что общего у ослов с рапануйской письменностью? Оказывается, способ чтения, при котором кохау переворачивают, отождествляли с разворотом животного в конце борозды при вспашке поля.

Уже это первое открытие Жоссана было весьма интересным. Но дальше, к сожалению, епископ столкнулся со значительными трудностями. Сперва создалось впечатление, что Меторо понимает весь текст, который, как полагают Жоссан, являлся религиозным гимном. Но когда он попросил Меторо перевести отдельные знаки, то текст надписи оказался бессмысленным. «Гимн» в этом переводе звучал примерно так: «Это рыба, это рука, а это птица». И все же епископ опубликовал в небольшой, объеме около тридцати страниц, брошюре составленный на этом основании список рапануйских знаков. Но ни он, ни его «перевод» не помогли специалистам расшифровать тексты «говорящих дощечек».

И все же Жоссан, как и другие исследователи этой рапануйской тайны, кое-чего добились: они накопили сведения о тех, кто пользовался ронго-ронго и, что еще более важно, кто умел декламировать тексты. Рапануйцы называют их *тангата ронго-ронго*.

Тангата ронго-ронго были писарями, а также декламаторами текстов, записанных на табличках. В круг этих мастеров допускались лишь сыновья предводителей отдельных племен острова Пасхи, в особенности древнего племени миру. Своеобразным покровителем тангата ронго-ронго был сам король — арики мау, права которого чем дальше, тем больше ограничивались культовыми обязанностями.

Король в дни полнолуний собирал всех тангата ронго-ронго острова Пасхи. И раз в год приглашал декламаторов к себе в Анакену, на берег залива, куда когда-то причалил со своими спутниками предок рапануйцев Хоту Матуа.

И здесь, в Анакене, у шести местных святилищ проводился ежегодный торжественный фестиваль декламаторов. Председательствовал на нем сам король. Он восседал на нескольких десятках кохау и внимательно следил за певцами-декламаторами. Каждый из соревнующихся тангата ронго-ронго должен был принести на фестиваль в Анакену одну или две таблички и четко, абсолютно правильно прочитать их текст перед собравшимися. Горе тому, кто хотя бы раз ошибался! Королю прислуживал маленький мальчик, который по приказу своего господина выводил плохого декламатора со сцены за ухо, сопровождая эти действия всяческими оскорблениями. Наказанные лишались также своего символа — с их голов снимали высокую шляпу из перьев.

Первая серьезная исследовательница ронго-ронго, работавшая на острове Пасхи, госпожа Раутледж во время своего пребывания на острове познакомилась с человеком по имени Те Хаха, который в детстве побывал на таких фестивалях, так как служил в личной дружине последнего вознесенного на королевский престол «любителя литературы» Нга Ара.

Нга Ара не только устраивал фестивали и руководил ими в своей резиденции Анакена, награждая победителей и наказывая ошибающихся, но и сам с воодушевлением декламировал тексты, записанные на кохау. Это был небольшого роста, полный человек, тело которого сплошь украшала татуировка. Единственной его «одеждой» были десятки деревянных фигурок, которыми Нга Ара обвешивал грудь.

Король часто совершал поездки по острову, чтобы «проинспектировать» рапануйские школы писарей и декламаторов. Преподавали там опытные тангата ронго-ронго. Они жили в одиночестве, без женщин, в особых хижинах, стоявших в отдалении от других строений. Здесь — а иногда и на вольном воздухе — тангата ронго-ронго обучали избранных юношей искусству письма и декламации.

В этих школах основное внимание уделялось не самому письму, а главным образом каллиграфии, абсолютно

точному воспроизведению знаков. «Первоклассники» вырезали глифы на банановых листьях. Дерево на Рапануи очень ценится, поэтому покрывать письмом деревянные дощечки имели право лишь самые лучшие ученики. Дощечки прятали, завернув в тростник, прямо здесь же, в хижинах.

Последователи таитянского епископа, которые под влиянием его брошюры стали продолжать расшифровку загадочной письменности острова Пасхи, имели в своем распоряжении не больше десятка кохау. Поэтому они искали новые дощечки. Но из-за удаленности Рапануи от цивилизованного мира до первой мировой войны сюда не удалось проникнуть ни одному специалисту.

Время от времени на острове Пасхи появлялись торговые и военные корабли. На борту их иногда находились люди, которые кроме своих прямых служебных обязанностей тщательно изучали культуру удивительного острова.

Серьезнее всего отнесся к этой задаче капитан американского военного корабля «Могиканин» Уильям Томпсон. Он договорился с Национальным музеем в Вашингтоне, что будет собирать на Рапануи современные предметы материальной культуры и составит список святынь острова — знаменитых аху.

Наряду с рапануйскими статуями его заинтересовала проблема местной письменности, о которой за несколько лет до прибытия Томпсона на Пасху сообщил таитянский епископ. И капитан стал усиленно искать новые кохау. Он предлагал за них огромные деньги. Но все его усилия сначала были тщетными. Потому что вопреки интересу, проявленному епископом к «говорящим дощечкам», новые миссионеры заставляли жителей острова Пасхи сжигать все оставшиеся таблички как «дьявольское наваждение».

И все же упрямый Томпсон приобрел две, правда значительно поврежденные, дощечки. И даже нашел человека, который якобы понимал, что там написано. Это был старик по имени Уре Вае Ико. Но когда Томпсон попросил прочитать таблички, старик отказался. И так было всякий раз, когда американец предпринимал попытки уговорить его. Дело в том, что старик перешел в веру новых хозяев острова и не хотел обречь свою душу на вечные муки, прочитав таблички, которые имеют какое-то отношение к дьяволу.

Однако Томпсон не отступал. Он каждый день посещал хижину Уре Вае Ико, и вот однажды на помощь к нему пришла сама природа. Над островом сгустились тяжелые тучи, непрерывно сверкали молнии. И в эту непогоду сопровождаемый переводчиком, метисом Соломоном, Томпсон вошел в хижину старика. Тот спал. Капитан разбудил его, предложил виски и, когда старик слегка опьянел, попросил, чтобы он прочитал текст табличек, найденных на острове.

Уре Вае Ико продолжал отказываться. Томпсон налил ему еще виски и выложил наконец на стол своего козырного туза:

— Так ты не хочешь читать таблички, которые вырезал дьявол, — сказал он. — Взгляни-ка тогда на это!

И капитан показал совершенные по тому времени фотокопии кохау ронго-ронго, которые он приобрел у епископа. Старик, естественно, никогда в жизни фотографий не видел. И так как они были из бумаги, а не из дерева и, кроме того, принадлежали епископу, самому большому жрецу новой веры, то старик решил, что проклятье миссионеров на «бумажную табличку» не распространяется.

Жуткая ночь, буря, еще одна рюмка виски — все это оказалось на руку Томпсону. Старик решился. Он стал свободно и бегло декламировать текст, репродуцированный на фотокопии. Американец, не понимавший по-рапануйски, старался как можно точнее записать перевод Соломона. И здесь Томпсону показалось, что старик декламирует текст, не глядя на табличку. Было похоже, что кохау ронго-ронго является просто неким священным мнемотехническим вспомогательным предметом.

Отдельные знаки старик прочитать не смог. И все же весь текст объяснил без единой ошибки! Так что пребывание на острове Томпсона также не пролило свет на загадку ронго-ронго.

Через двадцать восемь лет после «Могиканина» в воды острова Пасхи зашло экспедиционное судно «Мана». На его борту находилась Раутледж, первый этнограф, попавший на остров Пасхи. Ей удалось многое узнать об Уре Вае Ико. Старик сам писать на дощечках не умел. Однако жил при дворе короля Нга Ара. Удивительная память Уре Вае Ико, вероятно, и была причиной того, что он свободно пересказывал содержание дощечки, хотя и не умел ее читать.

Госпожа Раутледж не могла предположить, что на острове остался хотя бы один абориген, знающий ронго-ронго. Но каково было ее удивление, когда однажды в книге доходов и расходов одного из магазинов Ханга Роа она обнаружила связный текст, написанный на ронго-ронго. Естественно, что Раутледж приложила все усилия в поисках человека, который в XX веке умел писать на этом языке.

И она нашла его. Это был некий Томеника; жил он в лепрозории, недалеко от деревни. Но в тот момент, когда отважная исследовательница посетила прокаженного, тот уже был при смерти. Он умер меньше чем через две недели после первой встречи с англичанкой.

И все же умирающий сумел написать на бумаге несколько строк текста, но перевода так и не дал. Однако из рассказов его друга Капиеры госпожа Раутледж выяснила, что на Рапануи кроме уже известной, хотя и не прочитанной письменности существовала другая, которую Капиера и умирающий Томеника называли *тау*. Причем тау не была таким священным письмом, как ронго-ронго. Ею пользовались, скорее всего, для записей «служебного» характера — составления летописей, возможно, изложения статистических данных, но не религиозных текстов.

Капиера подсказал исследовательнице, что писаря сокращали тексты. Поэтому их «экономное письмо» весьма затрудняло расшифровку ронго-ронго. Таитянский епископ Жоссан, американский моряк Томпсон, английская исследовательница Раутледж — все они собирали сведения о загадочной письменности острова Пасхи. А их подопечные — Меторо, Уре Вае Ико, Томеника — каждому указывали иное направление. Вот почему эти исследователи оказались абсолютно дезориентированными.

Из текстов «говорящих дощечек» ученые стремились получить сведения о древней родине и происхождении рапануйцев. Но так как в 1914 году, через две недели после первой встречи госпожи Раутледж с Томеникой, умер последний рапануец, который хоть в какой-то степени знал тайну письменности ронго-ронго, становилось все более очевидным, что «говорящие дощечки» уже никогда не заговорят. Ответ на этот столь важный для истории острова Пасхи вопрос, к сожалению, видимо, никогда не будет найден.

Я изучил сведения, сообщенные Меторо, Уре Вае Ико и последним «грамотным» рапануйцем — Томеникой. Перечитал все написанное Жоссаном, Томпсоном, Раутледж, которым посчастливилось хотя бы беседовать с местными жителями, знавшими что-то о ронго-ронго.

Томеника умер. Его сыновья и внуки уже не знают письменности своих предков. И поэтому исследователи, которые до сих пор мучаются загадкой странных текстов, посещают остров Пасхи все реже. Они ищут и иногда находят, хотя, как правило, лишь внешнее, поверхностное, сходство ронго-ронго с письменностью, которая была распространена в других частях света — у шумеров, египтян, древних китайцев. Поборники этих теорий не высказывают своих взглядов открыто, но они считают, что прародину рапануйцев следует искать в Египте, Шумере, или же связывают культуру острова Пасхи с семитской.

Большинство этих теорий, которые пытались установить происхождение рапануйцев от евреев, египтян или китайцев, не нашло широкого распространения. Но однажды в рядах исследователей истории и культуры острова «взорвалась бомба». Ее подбросил, как ни странно, вовсе не специалист, а любитель, венгерский инженер Хевеши, предложивший в 1932 году Французской академии список нескольких десятков рапануйских знаков, которые были очень похожи на надписи и глифы, обнаруженные на не менее загадочных печатях древних индийских городов Мохенджодаро и Хараппа.

Внешнее сходство рапануйской и хараппской письменности было действительно поразительным. Но так как расстояние между тихоокеанским островом и долиной в Индостане превышает двадцать тысяч километров да, кроме того, они и очень далеки по времени (хараппская письменность датируется третьим тысячелетием до нашей эры, когда Полинезия вообще не была заселена), из этого внешнего сходства нельзя сделать вывод о том, что предки жителей острова Пасхи пришли из Хараппской долины.

Кроме того, Хевеши кое в чем ошибался. В некоторых символах ронго-ронго он разглядел изображения обезьян и даже слонов. Это еще больше укрепило его представления об индийском происхождении рапануйской

письменности. Но дело не только в слонах и обезьянах. Например, для письменности острова Пасхи характерна бустрофедоновая запись. И самое главное — культура жителей древнеиндийских городов не имеет ничего общего с культурой острова Пасхи. Хараппцы жили в больших городах, а рапануицы настоящих городов вообще не знали. Хараппцы обрабатывали металлы, а жителям Пасхи они не были известны. В хозяйстве хараппцев было много домашних животных, а рапануицам не знакомы ни свиньи, ни собаки, ни крупный рогатый скот. Таким образом, на мой взгляд, трудно предположить, что исходным пунктом миграции аборигенов Пасхи была древняя Индия.

И в то же время, хотя сейчас уже нет в живых ни одного островитянина, который мог бы прочесть ронгоронго, изучение «говорящих дощечек» приводит к новым и, как правило, неожиданным открытиям. Через несколько лет после венгерского инженера свои выводы опубликовал еще один одержимый и очень талантливый любитель. В 1940 году Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде посетили несколько школьников. Один из них, Борис Кудрявцев, увидел среди предметов полинезийской коллекции, которые подарил музею Н. Н. Миклухо-Маклай, две кохау ронгоронго.

Школьника так заинтересовали таблички и странные письмена, что он решил попытаться их расшифровать. Подобные мальчишеские увлечения могут показаться несерьезными, но Борис Кудрявцев оказался действительно упорным и одаренным юношей. Он привлек в помощники двух своих одноклассников — Валерия Чернушкова и Олега Китина, причем эти ребята стали называть себя «потомками Маклая».

«Потомки Маклая» принялись за работу с огромным энтузиазмом. Но так как в их распоряжении не было иностранной литературы и фотокопий остальных девятнадцати табличек, они стали изучать лишь ленинградские ронгоронго, которые из-за их формы называют «нож» и «бумеранг».

Школьники выписывали знаки в том порядке, в котором они следовали друг за другом при бустрофедоновом способе письма. Когда выписки сравнили, то обнаружили удивительный факт: группы знаков на обеих кохау ронгоронго в точности повторялись. Ребята получили

копии еще двух табличек: одной — из Сантьяго, другой — из Бельгии. И тут их открытие подтвердилось!

К сожалению, исследования Кудрявцева продолжались недолго. Началась война. Школьник с одним из эшелонов отправился на фронт и погиб в первом же сражении. К счастью, он оставил свои скупые записи профессору Д. А. Ольдерогге, который опубликовал их после войны в одном из сборников ленинградского Музея антропологии и этнографии⁶.

Незавершенные исследования Бориса Кудрявцева свидетельствовали о самостоятельном развитии рапануйской письменности и, следовательно, всей культуры острова Пасхи. В этой области, однако, господствует много романтических представлений. Рапануи — остров совершенно изолированный, расположенный в центре величайшего океана. Откуда же здесь появились гигантские статуи и письменность ронго-ронго?

Напрашивается один ответ: остров Пасхи является остатком значительно большей части суши, которая исчезла в волнах. И если в Атлантическом океане можно предположить существование Атлантиды, то почему же в Тихом океане не могла оказаться Пацифида? Из этих рассуждений вытекает единственный ответ на вопрос о прародине рапануйцев. Они ниоткуда не приходили, а жили здесь всегда, причем не только на этом клочке суши, но и повсюду там, где сейчас шумит океан и где раньше существовал, по мнению одних, огромный Тихоокеанский континент или, по убеждению других, по крайней мере архипелаг.

У этой оригинальной теории был и свой пророк — английский этнограф профессор Джон Макмиллан Браун. А задолго до него ее высказал один знаменитый французский путешественник — Дюмон Дюрвиль. Он утверждал, что не только остров Пасхи, но и все острова Южных морей — это остатки гигантского материка, который когда-то заполнял все пространство между Азией и Америкой. И острова Тихого океана — всего лишь вершины гор разрушившегося континента.

Существование исчезнувшего ныне материка, соединявшего Америку с Австралией и даже Азией, по мнению сторонников Пацифиды, подтверждает в первую очередь присутствие на тихоокеанских островах Фиджи и Галапагос различных представителей континентальной фауны.

Но в отличие от Дюмона Дюрвиля профессор Браун полагает, что существовал не Тихоокеанский континент, а лишь обширный архипелаг, заселенный могущественным и высокоразвитым народом. Жители этого архипелага, к которому принадлежал и остров Пасхи, по мнению Брауна, создали на Рапануи огромный некрополь своих королей и жрецов. А величественные статуи острова — это изображения умерших вождей исчезнувшей страны.

Сам Рапануи во времена, предшествующие гибели архипелага, населен не был. Здесь было мало воды и неплодородная почва. Статуи и святилища острова свидетельствуют о том, что правители исчезнувшего архипелага сгоняли на работы в мавзолеи Рапануи десятки тысяч людей. Ибо все эти аху и моаи рапануйцы никогда не смогли бы создать собственными руками.

Этот тихоокеанский архипелаг, по теории профессора Брауна, исчез между 1687 годом, когда английский авантюрист Дэвис увидел западнее Чили незнакомый остров, к берегам которого, однако, не приблизился, и 1722 годом, когда голландец Роггевен открыл миру Рапануи.

Первое возражение против этой теории, которое сразу же напрашивается, заключается в следующем. Если рапануйцы помнят о приходе около тысячи лет назад на остров своего короля Хоту Матуа, то как же они не сохранили ни единого воспоминания, ни одной легенды о страшной катастрофе, которая уничтожила весь их континент менее трехсот лет назад?

Но, может быть, лучше спросить геологов, что они думают о Пацифиде, о прошлом этой части планеты? Они действительно не отрицают, что поверхность этого участка земного шара могла когда-то выглядеть несколько иначе, чем сейчас. По мнению ряда геологов, Азия в глубокой древности соединялась с Индонезией, Австралией и Новой Зеландией. Поэтому на Новой Зеландии и встречаются представители животного мира, характерные для материков.

Однако все это было очень давно. Задолго до того, когда на первый остров Южных морей ступил человек. Шведская этнографическая экспедиция, которая наряду с другими задачами занималась и геологическими исследованиями, обнаружила, что Рапануи геологически не меняется уже миллионы лет. Американский профессор Чубб, издавший первую монографию о строении острова,

считает, что в течение того периода, когда Рапануи был заселен людьми и там создавались огромные статуи, «берег острова не опустился ни на один ярд».

Таким образом, теория об исчезнувшей суше в водах Южных морей не подтвердилась и не внесла в вопрос о происхождении жителей Рапануи ничего нового. Поэтому ученые и фантасты вновь разошлись по всей планете и даже вышли за ее пределы, чтобы найти объяснение существованию загадочной культуры на не менее таинственном тихоокеанском острове.

Тех, кто верит в космическое происхождение аборигенов Рапануи, не много. И тем не менее их взгляды довольно популярны. Я упомяну только швейцарца Эриха фон Деникена, автора известной книги «Воспоминания о будущем», который старается объяснить целый ряд фактов, связанных с древними культурами в разных частях земного шара, посещением космонавтов, прибывших к нам с других планет, из других галактик. На Рапануи, впрочем, не обнаружено ни одного довольно убедительного свидетельства посещения острова представителями внеземных цивилизаций.

Остров Пасхи в свете этой гипотезы описал француз Франсуа Мазьер в своей книге «Фантастика на острове Пасхи». Он приписывает создание огромных статуй на Рапануи некоей странной «первичной» расе, которая, по его утверждению, сохранилась с «допотопных времен». Мазьер даже сообщает, откуда эта непонятная раса появилась на Рапануи. Она пришла с востока, то есть из Америки, но ее представители резко отличались от доколумбовых жителей этой страны — индейцев.

По сведениям, якобы полученным Мазьером, эта раса населяла кроме Пасхи еще один полинезийский остров, а также те части Азии и Африки, где есть вулканические зоны. В книге Мазьера можно найти целый ряд подобного рода «оригинальных» мыслей, раскрывающих отдельные загадки острова Пасхи. Так, например, согласно этой книге, моаи Рано Рараку — святые. Смотрят они каждая в том направлении, где находятся их владения, за которые статуи несут ответственность. Именно поэтому остров Пасхи стали называть «Пупом вселенной».

«Первичная», «допотопная» раса, воздвигнувшая на Рапануи гигантские статуи, ведет свое происхождение, «естественно», откуда-то из космоса. Поэтому в заключе-

ние своего повествования Мазьер предоставляет слово пришельцам, тем, кто помимо всего прочего сообщил ему, что «первая планета, с которой познакомились эти люди, была Венера», что «наши тела не могут жить на другой планете больше двух месяцев», что «на всех планетах есть культ солнца», но «лишь некоторые из них населены».

Таковы «теории» Мазьера и Деникена. Однако большинство писателей и специалистов ищут прародину рапануйцев на родной планете.

Английский этнограф Уэклер ограничился даже Океанией. Он устремил свой взгляд в западную часть Тихого океана, на знаменитые Черные острова — в Меланезию, обратив внимание на то, что рельефы и фрески Тангата Ману внешне сходны с произведениями художников Соломоновых островов. Кроме того, формы черепов некоторых рапануйцев и меланезийцев близки друг другу. Поэтому целый ряд этнографов и антропологов высказывают мнение, что остров Пасхи, по-видимому, когда-то открыли и заселили именно эти чернокожие люди.

Два антрополога XIX века — Диксон и Вольц — были даже убеждены в том, что вначале на острове Пасхи обосновались австралийцы, затем уже меланезийцы, а полинезийские переселенцы пришли сюда значительно позже.

Против этой когда-то весьма распространенной теории можно привести целый ряд возражений. Прежде всего, даже в наше время ни меланезийцы, ни коренные австралийцы не смогли бы на своих лодках пересечь Тихий океан. Ведь от Рапануи до тех же Соломоновых островов значительно большее расстояние, чем между Прагой и Нью-Йорком!

Некоторое сходство черепов рапануйцев и меланезийцев можно объяснить тем, что полинезийцы во время своих передвижений по Тихому океану встречались с представителями негроидных групп и эти встречи оставили некоторые следы во внешнем облике полинезийцев. У меланезийцев в отличие от рапануйцев курчавые волосы и темная кожа. А сходство между сложным, развитым культом Человека-птицы на острове Пасхи и гравюрами на Соломоновых островах, вероятнее всего, чисто случайное.

Теория американского происхождения жителей По-

линезии насчитывает не меньше двухсот лет. Первым ее высказал испанский миссионер Суньига.

Однако заинтересовались ею лишь тогда, когда от южноамериканских берегов стал отходить один бальсовый плот за другим. Исследователи доказывали, что с помощью таких несложных плавательных средств можно добраться до Полинезии и принести туда местную индейскую культуру.

Самое пристальное внимание привлек к себе мужественный норвежец Тур Хейердал, который в 1947 году вместе с пятью товарищами за сто один день плавания на бальсовом плоту преодолел расстояние от Перу до полинезийского атолла Рароиа.

Я восхищался и до сих пор восхищаюсь мужественным Хейердалом. Поразительное путешествие маленького плота, экипаж которого продолжил великие морские традиции викингов, не было для руководителя экспедиции самоцелью. Оно должно было доказать правоту точки зрения Хейердала, полагавшего, что Полинезия, особенно ее восточная часть, была заселена не с запада, а с востока — из Южной Америки.

Рискуя собственной жизнью, Тур Хейердал стремился получить доказательства правоты теории, в которую твердо верил. Сейчас, когда я пишу воспоминания о посещении Рапануи, у меня, естественно, нет возможности дать подробный анализ теории американского происхождения жителей Океании. Тем более, что Хейердал в доказательство ее приводит целый ряд новых аргументов в своем труде «Американские индейцы в Тихом океане».

Из нее вытекает, что существовали две волны переселенцев в Полинезию. Представители первой покинули область Анд Южной Америки в середине прошлого тысячелетия. Именно они принесли в Полинезию, и в частности сюда, на остров Пасхи, свое великолепное строительное искусство. После них, между X и XIII веками, Полинезию захлестнула другая волна американцев, на этот раз с севера, с побережья нынешней Канады и Аляски, где живут хайда, сэлиш и другие так называемые северо-западные индейцы.

Эти новые иммигранты оказались сильнее представителей первой волны переселенцев из Перу, непохожих, кстати сказать, на индейцев аймара и кечуа. Скорее наоборот. Т. Хейердал в своей книге «Аку-Аку»⁷ описывает их так: «Это были люди с продолговатыми черепами,

высокие, значительно отличающиеся от нынешних перуанских индейцев. Их рыжие волосы имели все признаки, которые отличают нордический тип волос от типа монгольского или индейского».

Представители нордического типа и создали, по мнению Хейердала, статуи острова Пасхи, построив величественные аху. Однако романтические представления о гениальных блондинах слишком уж смахивают на теории, которые не так давно чуть не поставили весь мир на грань катастрофы.

Я не буду касаться этих теорий. Из всего обширного труда Хейердала меня сейчас интересует только то, что непосредственно касается острова Пасхи. Норвежский путешественник характеризует культуру «длинноухих» как тиауанацкую. Именно поэтому, прежде чем выехать из Чили на остров Пасхи, я побывал в Перу и Боливии, чтобы удостовериться в сходстве здешних статуй с произведениями рапануйских каменотесов.

С моей точки зрения, сходство тиауанацких статуй с рапануйскими моаи весьма поверхностно. Один из лучших знатоков культуры индейской Америки, профессор Диссельхоф, писал об этом сходстве следующее: «Статуи острова Пасхи и статуи Тиауанаку похожи только тем, что и те и другие велики по размеру и вытесаны из камня». Но это действительно еще ничего не значит. Во всяком случае, такого сходства явно недостаточно для подтверждения теории американского происхождения «длинноухих» — рыжеволосых переселенцев с белой кожей, которые якобы создали на Рапануи произведения искусства, прославившие остров в истории цивилизации.

Но дело не только в сходстве. Для того чтобы одна культура могла вырасти из другой, эта последняя должна предшествовать ей по времени. Самое же раннее время появления человека на Рапануи, выявленное Хейердалом с помощью метода радиоактивного углерода C^{14} , — 380 год. А тиауанацкая культура возникла в Перу лишь в середине VIII века! Наряду с тиауанацкими статуями Хейердал особенно большое сходство видит между постройками древних аху типа Винапу, возведенных из камня, и каменными стенами строений столицы империи инков — города Куско. Но и здесь много несоответствий. Стены своих строений инки возводили из огромных каменных блоков, в то время как рапануйцы клали лишь

тонкие каменные плиты и пространство между ними за-
полняли щебнем. Кроме того, строения из каменных бло-
ков в Перу появляются лишь где-то около пятнадцатого
века, тогда как создание аху Винапу датируется середи-
ной девятого.

Вождем белых «завоевателей» Полинезии будто бы
был Кон-Тики Виракоча. Однако Виракочу перуанские
индейцы начинают чтить лишь в восьмом веке, в то вре-
мя как заселение острова Пасхи, по данным самого Хей-
ердала, произошло самое позднее в четвертом. Напраши-
ваются вопросы: как могли «белые индейцы» принести на
Рапануи тиауанакскую культуру за пять столетий до то-
го, как она возникла? Каким образом храмы на острове
Пасхи перуанцы стали строить своим способом на семь-
сот лет раньше, чем он был применен в Перу? И, нако-
нец, как мог Кон-Тики Виракоча привести на Рапануи
своих соратников в четвертом веке, в то время как на ро-
дине его культ утвердился лишь в восьмом?

Тур Хейердал, который пробудил у меня интерес к
Океании, ее истории и культуре, должен еще многое объ-
яснить читателям. Ибо в противном случае он даст воз-
можность своим оппонентам присоединиться к мнению
американского археолога Сагса, который в своей книге
о Полинезии, отмечая несоответствия во временной по-
следовательности теории Хейердала, приравнивал их к
утверждению о том, что «Америку открыл в последние
годы Римской империи король Генрих VIII, привезя при-
митивным туземцам автомашину „форд“».

Теория Хейердала действительно не нашла поддерж-
ки среди специалистов. Это, естественно, не может слу-
жить доказательством ее неправомерности. Более того,
для сотен тысяч читателей его книга «Аку-Аку» является
единственным авторитетным объяснением, которое отве-
чает на все вопросы острова Пасхи.

В конце своего путешествия по Рапануи с книгой
Хейердала в руках я хочу вернуться к тому, что, как мне
кажется, может стать наиболее верным ключом к рас-
крытию древних тайн острова — к странным текстам,
написанным на ронго-ронго. Кстати, Хейердал и здесь
видит доказательство американского происхождения
первых рапануйцев. Точно так же как Хевеши, увидев-
шему на «говорящих дощечках» слонов и обезьян, Хей-
ердалу один знак показался похожим на почитаемую
перуанцами птицу — кондора, другой — на пуму.

Из «Аку-Аку» я узнал даже, что Хейердал достал на острове Пасхи целую тетрадь, исписанную ронго-ронго, причем некоторые глифы были даже переведены на латынь!

Казалось бы, за годы, прошедшие со времени этого открытия, норвежский мореплаватель сумеет с помощью своей тетрадки прочесть надписи на рапануйских «говорящих дощечках». Однако этого не случилось. И снова не остается ничего иного, как задать вопрос: почему?

В то время как всемирно известный путешественник приобрел тетрадь, исписанную ронго-ронго, на другом конце планеты — в Тюбингене, а потом в Гамбурге — расшифровкой этой письменности занялся человек, ранее никому не известный. Звали его Томас Бартель.

Девизом работы о письменности острова Пасхи, которую он позднее издаст, Бартель взял слова Фрэнсиса Бэкона: «Истина возникает скорее из ошибки, чем из хаоса». Ошибок же в сообщениях Меторо, Уре Вае Ико и Томеники было немало. Бартель прежде всего сделал то, чего никто из предшествующих исследователей таинственного ронго-ронго не сделал или сделать не мог: собрал все репродукции рапануйских «говорящих дощечек», снова описал знаки и систематизировал их, пронумеровав каждый.

Однако от каталога до расшифровки путь неблизок. И все же Бартелю многое удалось. Он нашел длительное время считавшиеся утерянными рукописные материалы Тепано Жоссана. Позже ему удастся доказать, что Меторо, помогавший епископу, действительно кое-что знал о письменности острова Пасхи. Но читал он «говорящие дощечки» примерно так, как овладевший азбукой школьник — учебник для студентов вуза.

Весь путь, по которому шел Бартель, в точности неизвестен. Мы знаем, однако, результаты, которые принес этот многолетний кропотливый труд.

Во-первых, что это, собственно, за тип письменности — ронго-ронго? Это ни в коем случае не примитивная пиктография в картинках, которая встречается у некоторых племен американских индейцев. Рапануйцы использовали около ста двадцати основных элементов, которые можно было соединять в полторы-две тысячи составных знаков. При этом надо было руководствоваться весьма строгими правилами. Сейчас уже ясно, что в письменности ронго-ронго преобладали идеограммы, которые мож-

но было читать только однозначно. Так что большинство составных знаков имело точный смысл, а в некоторых случаях и несколько значений. В разговорной речи одно слово, как правило, имело два или более значения.

Ронго-ронго давала возможность выражать и абстрактные понятия, так как некоторые вещи обозначались символами. Цвета, например, заменялись названиями предметов или животных, для которых характерна данная окраска. Красный цвет в ронго-ронго символизирует *ману кура* — птица с ярко-красным оперением, желтый — *ренга* — желтоватый корень растения *куркума лонга*.

На ронго-ронго можно обозначать и сверхъестественные существа. Например, для написания имени бога Меке Меке использовался рисунок человеческого черепа. Бартель обнаружил также, что некоторые слова в ронго-ронго заменены метафорами, иногда поистине поэтическими. Так, для обозначения перворожденного сына употреблялся знак «драгоценность», женщины — «цветок».

Однако при дешифровке ронго-ронго выявились и слабые места этой письменности. Отсутствуют, например, какие бы то ни было грамматические частицы. Поэтому связное предложение с помощью этой письменности составить невозможно. Кроме того, рапануйские писаря любили пользоваться «экономным письмом», искусственно укорачивая текст.

Когда первые исследователи приступали к расшифровке рапануйской письменности, они спрашивали себя, на каком все же языке написаны тексты. Сегодня мы уже знаем ответ и на этот важный вопрос. Это, вне всякого сомнения, полинезийский язык, очень сходный с современным рапануйским.

И вот теперь, когда мы хотя бы частично понимаем тексты «говорящих дощечек», можно поставить самый важный вопрос: о чем, собственно, говорят кохау ронго-ронго? Ответ меня в значительной степени удивил. Здесь, в Полинезии, огромная роль приписывается родословным и историческим описаниям. Следовало ожидать, что им и будут посвящены тексты «говорящих дощечек». В действительности же большинство их содержит указания на то, как проводить обряды. Многие кохау представляют собой своеобразный краткий песенник, пособие для исполнения отдельных религиозных гимнов и даже целых циклов. Встречаются также и чисто религиозные

тексты. Их изучение привело к новому удивительному открытию — в те времена, когда создавались кохау ронго-ронго, на вершине пантеона острова Пасхи находился не глубоко почитаемый бог Меке Меке, а другое божество — Тане⁸, известное на других островах Полинезии, особенно среди весьма далеких от Рапануи новозеландских маори.

И хотя частично расшифрованные надписи на «говорящих дощечках» почти ничего не сообщают об исторических событиях, тем не менее они помогли сделать весьма интересные и очень важные выводы о прошлом загадочного острова.

Прежде всего, можно твердо сказать, что свою письменность рапануйцы откуда-то заимствовали. Мне вспоминается древняя легенда, повествующая о том, как король Хоту Матуа привез с собой шестьдесят семь кохау ронго-ронго. Но если письменность заимствована то, естественно, напрашивается вопрос: откуда? Расшифрованные тексты не дают однозначного ответа на вопрос о первоначальной родине Хоту Матуа. Но в религиозных песнях есть целый ряд ссылок на острова Таити, Борабора, Мурео. Особенно часто говорится в них об острове Раиатеа. Встречается, например, такой текст:

Таура атуа тапа пуре

токо Ранги Теа

Жрец читает молитвы в честь
божества, которое изображает Раиатеа

О Раиатеа упоминается не раз. Исследователь ронго-ронго мог проследить путь будущих носителей рапануйской культуры. Этапами на нем были, вероятно, острова Питкэрн, Мангарева и Раиатеа.

И хотя Бартель не называет Раиатеа прародиной рапануйцев, его знаменитый труд прямо указывает на нее. В текстах часто говорится также о земле Хива. Следует, однако, сказать, что среди Маркизских островов есть несколько, в названиях которых встречается слово Хива: Хива-Оа, Нуку Хива. Поэтому, прослеживая исторические пути развития рапануйцев, нельзя забывать и о Маркизских островах.

Расшифровка отдельных частей текстов кохау ронго-ронго свидетельствует также о некотором сходстве жителей острова Пасхи с новозеландскими маори. Объяснить это можно тем, что обе группы вначале, видимо, обитали на одной прародине — последней Гавайки, как

ее называют полинезийцы. Будущие маори, судя по их летописям, покинули Гавайи около 1350 года⁹.

Наконец, Бартель, исследуя глифы ронго-ронго, обнаружил названия некоторых предметов, особенно растений, не встречающихся на острове, но известных предкам рапануйцев по их прежней родине. Судя по тому, что речь идет главным образом о растениях тропических, она должна была находиться в очень теплом климатическом поясе. Приведу только один пример. Хлебное дерево¹⁰, о котором часто упоминают расшифрованные тексты, на Рапануи никогда не росло.

Ни сами тексты, ни отдельные идеограммы, которые встречаются на расшифрованных «говорящих дощечках», не содержат ни малейшего свидетельства о связях острова Пасхи с Америкой. Они не подтверждают происхождения рапануйской культуры от индейской и не говорят о ее влиянии. Результаты исследований Бартеля были опубликованы уже после того, как норвежская экспедиция покинула остров Пасхи. Они полностью опровергают точку зрения Тура Хейердала.

Наряду с Томасом Бартелем проблемой рапануйской письменности занимаются советские ученые Ю. В. Кнорозов и Н. А. Бутинов¹¹. Н. А. Бутинов, например, по одной из чилийских кохау ронго-ронго расшифровал «королевскую» генеалогию острова Пасхи. Она свидетельствует о том, что «длинноухие» и «короткоухие» были родственны друг другу. Это открытие имеет большое значение для изучения истории острова¹².

Мое краткое путешествие с целью проникнуть в тайны самой удивительной письменности на нашей земле заканчивается. Ронго-ронго — столь же славная страница истории острова Пасхи, как и его гигантские статуи.

Homo sapiens умеет говорить, умеет и писать. Однако высшим достижением человеческой культуры является то, что этой тайной, этим великим искусством овладел часовой самого далекого сторожевого поста планеты — полинезийский житель острова Пасхи.

ПАСХА НА ОСТРОВЕ ПАСХИ

Название Рапануи на картах не найдешь. В советских атласах — это остров Пасхи, на английских и американских картах — Истер Айленд, на немецких —

Остершиер, а на картах Чили, страны, которой Рапануи принадлежит, — Исла де Паскуа. Имя христианского праздника дал этой глиптотеке языческих статуй и храмов голландец Роггевен, который впервые причалил к берегам острова в пасхальные дни 1722 года.

Я давно мечтал повидать остров Пасхи. Вероятно, в этом была доля каприза, но мне хотелось провести пасху на острове Пасхи. Поэтому я так подгадал свой приезд на Рапануи, что провел здесь все пасхальные дни: «зеленый четверг», «великую пятницу», «светлую субботу» и «крестный ход пасхальный».

Хангаройская церковь проста, даже слишком. Вид ее никак не соответствует величественным сооружениям острова. Бетонное здание церкви напоминает обычный склад. Стены голые, ничем не украшены, нет даже настоящей колокольни. Впрочем, для рапануйского ландшафта более характерны кратеры вулканов.

В низеньком, продолговатом здании единственной местной церкви собрались, видимо, все жители острова Пасхи. Я последовал за ними. Богослужение началось пасхальной проповедью немецко-чилийского капуцина. Затем стали молиться и рапануйцы. Их предки в экстазе возводили моаи, теперь они поднимают свой голос во славу бога, распятого на кресте.

Одна из женщин затянула гимн. Вскоре к ней присоединились все присутствующие. Церковь наполнилась музыкой, порой казалось, что она превратилась в большой концертный зал. И надо сказать, что это было замечательное пение! Хор верующих разделился на четыре, а потом даже на пять голосов. Причем пасхальные гимны звучали не только на рапануйском, но и на таитянском языке (миссионеры перевели на него целый ряд христианских текстов). Да, это были гимны о муках распятого Христа. И все же протяжные, напевные полинезийские мелодии звучали для меня скорее как гимн рапануйским божествам или даже песни любви, а не как скорбь по принесенному в жертву Спасителю.

Богослужение окончилось, люди стали расходиться, медленно, не торопясь. Да и куда спешить в этой единственной деревеньке на маленьком острове, со всех сторон окруженном бесконечным океаном? Кроме всего прочего церковь в Ханга Роа — единственный «общественный центр» на острове Пасхи.

Надо сказать, что в церкви меня интересовала не

только паства, но и пастыри. Около сорока лет местным прихожанам читал здесь проповеди последний некоронованный «король» заброшенного острова — патер Себастьян Баглерт. За эти годы немецкий миссионер изучил Рапануи лучше, чем кто-либо из европейцев. Он записал и издал легенды острова Пасхи, выпустил учебник и словарь рапануйского языка.

Поэтому, естественно, один из первых своих визитов я нанес в хангаройский «приход». Но отца Себастьяна уже там не было: он умер за несколько дней до моего приезда. Но остался на своем острове, у своей цитадели веры, покоясь прямо перед церковью в небольшой могилке, обнесенной металлической оградой.

Рядом с могилой миссионера я обнаружил еще один надгробный крест. Читаю надпись: *«Остров Пасхи — брату Эжену Эро, который из рабочего превратился в раба божьего и добыл этот остров для Иисуса Христа»*. Я вовсе не убежден, что обращение островитян в веру того, чьи муки воспеваются в пасхальные дни, было благим делом. И уж совсем не верю в то, что «истребление культуры рапануйцев», сожжение их «говорящих дощечек», предпринятое поборниками веры христовой, — поступок, который надо почитать добром. Однако этот Эжен Эро, апостол острова Пасхи, действительно оказался исключительным человеком. Он, собственно, даже не был священнослужителем, а просто «братом во Христе», который приложил все силы для евангелизации Полинезии. Он выбрал для этой цели Рапануи, прожил здесь несколько лет, постепенно окрестив всех его жителей до единого, и даже построил церковь, перед которой я сейчас стою. В 1869 году Эро умер на своем острове.

Покинув хангаройскую церковь, основанную Эженом Эро и перестроенную Себастьяном Баглертом, я продолжил знакомство с достопримечательностями единственного поселения на острове Пасхи. Надо сказать, что их не так уж много. От храма начинается улица Бакуэдано, ведущая к маленькой площади, носящей имя первого рапануйского короля Хоту Матуа. Ее украшает одна из моаи, которую несколько лет назад здесь поставил чилийский губернатор Рапануи Альваро Тоэда.

От площади Хоту Матуа ведет вторая «главная улица» Ханга Роа — Поликарпо Торо, носящая имя морского офицера, который присоединил никого в свое время не интересовавший «Пуп вселенной» к Чили. В честь капи-

тана Поликарпо Торо стоит обелиск высотой несколько метров, высеченный из *маза хани хани* — вулканической породы красного цвета, которая встречается только в одном месте на Рапануи — в кратере погасшего вулкана Туу Тапу. Рядом с памятником Торо возвышается еще один обелиск — в честь присоединения острова Пасхи к Республике Чили. Акт этот долгое время был чистой формальностью. Ответственность за остров была возложена на военно-морское командование Чили, которое единственный раз в году посылало туда транспорт с продовольствием. В наши дни на острове Пасхи еженедельно приземляется самолет, выполняющий рейс Сантьяго — Папезте. Авиасообщение, по крайней мере теоретически, открыло для рапануйцев: на западе — их полинезийскую прародину — острова, с которых на Пасху «пришли боги и люди»; на востоке — Чили, которое уже почти сотню лет вершит судьбами острова Пасхи. Вылетая из Матавери, я действительно увидел на аэродроме немало рапануйцев, но в самолете их оказалось лишь двое или трое. Этих пассажиров провожал весь остров, причем все были в праздничных одеждах, таких, в которых они посещают торжественные пасхальные богослужения.

Итак, самолет связывает остров Пасхи с Чили и Таити. В Чили, точнее говоря, в его втором по величине городе Вальпараисо я тоже встретил несколько рапануйцев. Они продавали в порту морякам и туристам своеобразные сувениры своего острова. И все же у меня сложилось впечатление, что рапануйцы гораздо больше мечтают попасть на Таити.

Представления о мире, расположенном за пределами их клочка земли, у островитян очень смутные. Название моей страны — Чехословакия — им ровным счетом ни о чем не говорило. Когда в первый день пребывания на Рапануи я стал рассказывать местным жителям о себе, оказалось, что лишь один из них «имеет представление» о моей Родине. Он считал, что Чехословакия находится в Англии. С тех пор в разговорах с островитянами я воздерживался от попыток излагать им какие-либо географические подробности.

Я уже говорил о том, что рапануйцев больше всего привлекает остров Таити. В их представлении он выглядит так же, как Париж в глазах европейцев, которые там не бывали. Как вожденное место любви, танцев и пе-

сен. Каждому мужчине острова Пасхи хочется уехать на этот блаженный архипелаг. Однако они не имеют — или по крайней мере до недавнего времени не имели — права покидать свой остров. Более того, в наше «просвещенное время» полинезийские рапануйцы считаются «чилийцами», в то время как их братья на Таити — «французами». Поэтому на пути к осуществлению мечты о полинезийском Париже стоят паспорта, визы и даже прививки.

Однако мужчины Пасхи так мечтают о Таити, что время от времени, несмотря на прибрежные патрули, которые следят за тем, чтобы никто не покидал вод острова, они выходят на своих лодках в море и по стопам далеких предков плывут на запад. И если им повезет, то, преодолев четыре тысячи километров, рапануйцы достигают Таити.

Судьбы беглецов с острова Пасхи на Таити различны. Одних французские власти отправляют обратно, другие тайком устраниваются в какой-нибудь деревеньке, найдя себе таитянку *вахине* — женщину, третьим и в самом деле удается прожить несколько великолепных недель в столице острова — Папэте. Из тех беглецов, о которых мне рассказывали, самая интересная судьба была у Те Ао, который один пустился в плавание и через тридцать дней достиг Таити. У него совсем не было денег, и он нанялся к китайскому торговцу. Вскоре Те Ао познал все тонкости кантонского диалекта. Через пять лет полиция Французской Полинезии обнаружила эмигранта и без проволочек отправила на родину. Теперь Те Ао — единственный житель Рапануи, который говорит, причем великолепно, по-китайски. Впрочем, говорить-то ему не с кем...

Вообще мне казалось, что нынешние жители Рапануи живут где-то на грани между мечтой и действительностью. Они боятся *аку-аку*¹³ и в то же время должны пользоваться паспортами. Они поют пасхальные гимны в католической церкви и постоянно встречаются с гигантскими статуями, свидетелями их прошлого. Рядом с огромными моаи современные рапануйцы пасут овец. Кроме них на загадочном тихоокеанском острове властвуют лошади. На одного жителя острова Пасхи приходится пять лошадей и пятьдесят овец.

Это тоже результат влияния белого человека. В то время, когда брат Эжен Эро ласковыми словами завое-

вывал души рапануйцев, первый колонизатор острова Пасхи французский капитан Жан Дютру-Борнье захватывал их земли, а также рабочие руки. Вначале он за приличное вознаграждение отправил на Рапануи миссионера, а потом, обнаружив, что остров никому (кроме, естественно, коренных жителей) не принадлежит, в конце 60-х годов XIX века обосновался здесь сам.

Последний полноправный рапануйский король умер несколько лет назад, а его наследник страдал слабоумием. После него самой знатной по происхождению жительницей острова Пасхи была «принцесса» Корета Пуакурунга, на которой Дютру-Борнье и женился. Благодаря этому браку французский авантюрист «получил право» на королевские земли, которые он отвел под пастбища для сотен привезенных им овец. И хотя Дютру-Борнье рапануйцы вскоре убили, а труп спрятали в одной из бесчисленных пещер, которую еще надо найти, овцы на острове остались. Сегодня их уже более пятидесяти тысяч. Одна овца во время моего пребывания на Рапануи стоила столько же, сколько пачка сигарет.

Во время поездки в Анакену я посетил в местечке Ваятеа, примерно в одиннадцати километрах от Ханга Роа, небольшую экспериментальную ферму Кампекс, занимающуюся производством продуктов животноводства и сельского хозяйства. Животноводство на острове Пасхи — это овцы, овцы и снова овцы. Для крупного рогатого скота, который также выращивают в Кампексе, местные пастбища, к сожалению, не годятся. Производство сельскохозяйственных продуктов пока еще находится в зачаточном состоянии, хотя здесь и начинают культивировать кукурузу, томаты, арбузы.

Вскоре после моего отъезда с острова Пасхи к власти в Чили пришли партии Народного единства под руководством Сальвадора Альенде. Новое правительство заявило, что намерено исправить несправедливость, проявленную по отношению к островитянам, дать им возможность самим участвовать в управлении и заниматься экономическим развитием своего острова.

Мир каменных статуй и Человека-птицы мертв. «Новое время» на Рапануи началось с хангаройской церкви. Сегодня «светлая суббота». Рапануйцы поют о великом воскресении. А я думаю о том, когда же наступит подлинное воскресение, пробуждение из мертвых острова, расположенного на краю света, — Рапануи.

Изучение письменности острова Пасхи вернуло меня назад к «голове осьминога» — на Гавайи, остров, который незадолго до того, как его покинуть, будущие рапануицы называли «Ясным небом», или Раиатеа¹⁴!

Итак, я отправляюсь на самую «священную» землю Полинезии, землю, которую до сих пор почитают верные своим традициям полинезийцы. Но от Рапануи до Раиатеа расстояние огромное. Четыре тысячи километров отделяют эти острова друг от друга. Однако мореплаватели с Раиатеа могли на своих лодках преодолевать и такие расстояния.

Современный путешественник, конечно, может воспользоваться самолетом, хотя рейс и не будет прямым. Первую посадку мы совершаем на Таити. Отсюда, из залива Фаа, гидроплан с остановкой на двойном острове Хуахине переносит меня в порт Утуроа на Раиатеа, самом крупном из Подветренных островов.

Раиатеа пленила меня с первого взгляда. Из кабины гидроплана «Бермуды» открылся вид на узкую прибрежную полосу и за ней — на дикие, покрытые густой зеленой растительностью горы. Прямо над Утуроа возвышаются два потухших вулкана — Тапиои и Оратео. А высоко в небе залитый утренним солнцем вздымается над священным островом величественный Томару.

Я выношу из просторной кабины гидроплана свой багаж и пересаживаюсь в моторную лодку. Несколько минут плавания по спокойной лагуне — Раиатеа и соседний остров Тахаа окружены единым поясом кораллового рифа — и я на берегу.

В порту стоят всего два небольших корабля, которые собирают копру на коралловых атоллах Французской Полинезии¹⁵. Главная улица Утуроа идет параллельно набережной. Я прошел по ней и вскоре убедился, что в Утуроа, административном центре Подветренных островов, других улиц нет.

Я возвращаюсь. Наряду со стройными полинезийцами и миловидными полинезийками навстречу мне идут многочисленные китайцы. Дело в том, что Утуроа наряду с Папезте — главный опорный пункт китайского предпринимательства во Французской Полинезии. Я посетил также евангелическую церковь и принял участие в богослужении, которое шло на местном языке. Осмотрел и

здание французского Управления Подветренных островов. Больше ничего интересного Утуруа предложить не смог.

Но ведь я приехал сюда вовсе не для того, чтобы осматривать небольшой тропический городок, а для изучения самой «священной» земли полинезийцев. В расшифрованных Бартелем текстах «говорящих дощечек» острова Пасхи часто упоминается о священном изображении бога на Раиатеа и «длинноногих рыбах» — эвфемистическом обозначении жертв, которых приносили на Раиатеа в честь бога Оро.

Бог Оро, о священной статуте которого упоминают тексты ронго-ронго, жил в ритуальном центре Опоа, расположенном на морском берегу. Опоа сотни лет была «Римом» и «Иерусалимом» всей Полинезии, необъявленной столицей островного мира, раскинувшегося по бесконечным голубым просторам Южных морей. И я, прибыв на Раиатеа, стремлюсь прежде всего повидать божественную Опоа.

Однако по суше в полинезийский Рим не попасть. На следующее утро приходится нанять легкую лодку, владеет которой ловкий юноша из Утуруа. Я осторожно опускаюсь на скамейку узкой посуды, и мы отправляемся в путь. Только теперь я вкушаю подлинный аромат Полинезии, который ранее был мне известен по книгам и кинофильмам, Полинезии, о которой я так долго мечтал. Рапануи — это ветреный, холодный остров. А здесь удивительно прозрачные воды лазурной лагуны, слегка подернутые рябью. С правой стороны от нашей лодки прибой бьется о дикие горы Раиатеа. Время от времени в стене гор открывается ущелье с долиной, где приютились пара хижин, пальмовая роща и хлебные деревья.

Слева проплывают островки, выросшие на коралловом рифе, а между ними проливы — *ава*. Сразу же за Утуруа мы миновали один из таких проходов в раиатейскую лагуну — Теавапити. Затем на пути встретился островок Таору, после него — пролив Ириру, за ним — увешанные кокосами островки Теаутаваха и, наконец, пролив Теавамоа. По нему в воды лагуны проходили крупные корабли, которые со всей Полинезии доставляли сюда паломников, покидающих на время вновь обжитые земли и приезжающих в священную Опоа поклониться родной Раиатеа.

Юноша разворачивает лодку, и мы останавливаемся

у широкого мыса. Его омывают воды заливов Тоахива и Хотопуу. Я выхожу на берег. Здесь же, на мысу, заметны руины длинного, приземистого святилища Таураатапу — «Пристанище жертв». Название, говорящее само за себя.

Неподалеку от «Пристанища жертв» возвышается трехметровый каменный столп. Под ним Красным поясом «венчались на престол» владыки Раиатеа. Святыню «охраняют души» четырех мужчин, которые были здесь заживо погребены.

«Пристанище жертв» и «коронационный» столп — части общенационального полинезийского святилища Тапутапуте, сооруженного из крупных блоков кораллового известняка. Этот храм посвящен богу Оро, который якобы здесь жил. Отцом Оро был бог Таароа¹⁶, матерью — Хинатуатуа. Таароа и подарил своему сыну это «священное место» — *марае*. В святилище находится статуя бога Оро, украшенная перьями редких птиц. И еще одно украшение, которое мне кажется значительно менее привлекательным, — черепа погибших врагов. Их собирали жители Раиатеа, а затем, обработанные солнцем, водой и ветрами, укладывали рядами в стены Тапутапуте.

Естественно, что полинезийцы испытывали к черепам, украшающим их важнейшее национальное святилище, трепетное почтение. Они даже не смели их касаться. Не то что европейцы, которые в течение последних двух столетий, посещая Опоа, увозили с собой в качестве оригинального полинезийского сувенира отбеленные черепа. Это длилось до тех пор, пока жители Раиатеа не догадались спрятать оставшиеся черепа в горных пещерах своего острова.

К статуе бога Оро, святыне, украшенной белыми черепами, стекались паломники со всей Полинезии. Так что Раиатеа не только родина племен, заселивших большую часть островов Южных морей, но и мать религиозных представлений, которые без особых изменений переняли различные полинезийские группы. В Опоа даже действовал настоящий теологический семинар, где обучали правильному, каноническому изложению религиозных верований.

Контакты между Раиатеа и остальными островами Полинезии поддерживались благодаря регулярным паломничествам в Опоа. В них принимали участие жрецы,

военачальники и нередко даже вожди различных островов. Паломники приезжали в заранее обусловленный день на больших каноэ, украшенных длинными лентами, на борту которых звучали барабаны и трубили рога из раковин.

У входа в пролив Теавамоа, у кораллового рифа Раиатеа, все каноэ выстраивались в колонну по двое и на рассвете заранее установленного дня торжественно vyplывали в воды лагуны. Суда северного ряда представляли острова, которые раиатейцы называли *Теаоури и те фаа тау ароха* — «Темные земли товарищеского содружества». К ним относились Таити, Мурео, Хуахине и некоторые другие. Каноэ южного ряда представляли острова Тахаа, Борабора, Ротума, Раротонга и далекую Новую Зеландию.

На борту каноэ находились только что вырезанные статуи и другие дары, предназначенные для бога Оро. Но в первую очередь там были «длинноногие рыбы» — люди, убитые накануне обряда, а рядом с ними — мертвые акулы и черепахи. На днище лодки трупы людей и животных всегда перемежались: мертвый человек и рядом с ним рыба, человек и черепаха, мертвец и акула, и т. д.

Лодки, подгоняемые веслами, продвигались вперед. Гребцами на них были самые знаменитые воины и даже вожди островов. Над принесенными в жертву стояли три жреца в белых поясах и высоких головных уборах. Но вот первая пара каноэ достигала берега. Паломники выходили, вынося тела убитых и остальные подношения, и складывали их на берегу...

В первый день торжественного паломничества местными «теологами» в Опоа всегда устраивался своеобразный всеполинезийский форум. Жрецы других островов встречались со здешними священнослужителями на великом торжестве, называемом *паиатуиа* — «собрание богов». Ни один светский участник, сколь бы высокое положение он ни занимал, не мог под страхом смерти присутствовать на пайатуиа.

Во время богослужений жрецы выставляли для обозрения знаменитую статую бога Оро, о которой повествуют рапануйские тексты. По окончании обряда священного Оро опять прятали в *Фаре иа Манаха* — «Доме сокровищ». Во время проведения «собрания богов» никто в Опоа не имел права есть, пить и разжигать огонь.

Вожди и полинезийские «учёные мужи», которым доступ на паиатуа был запрещен, беседовали в это время в *Фаре таратоа* — «Доме всех премудростей». И лишь вечером они вместе — светские и духовные участники паломничества — собирались перед главным святилищем. Здесь на импровизированных алтарях выставлялись все дары Раиатеа и других островов. Они предназначались богам, однако делили их между собой участники торжества.

За пигантским пиршеством «наблюдали» молчаливые гости — десятки людей, тела которых были развешаны вокруг храма на ветвях «священных» деревьев *аито*. До них очередь доходила лишь на второй день раиатейского торжества, когда их снимали с деревьев и торжественно сжигали. Поэтому и обряд назывался *хаапоу* — «снять с дерева». Веселье продолжалось еще много дней.

Празднество заканчивалось, и каноэ один за другим начинали отплывать. Они несли на свои острова послание матери Полинезии, когда-то их прародины Гавайки, а позже Раиатеа — владычицы и духовной матери островов Южных морей. Они несли с собой чрезвычайно важное для будущего развития полинезийцев сознание принадлежности к общему союзу обитателей этих «райских» земель.

РЫЦАРИ РАИАТЕА

Стоит мне начать писать о Раиатеа и Опоа, как я сразу же вспоминаю Меланезию. Особенно памятен мне архипелаг Бисмарка, где я побывал на полуострове Газели и острове Матупит с их тайным обществом *Дук-дук*.

На Раиатеа, в Опоа, появилось тайное общество *Ариои* (*Ареои*), чем-то похожее на Дук-дук. Ариои признали Раиатеа своим центром, и последняя Гавайки полинезийцев, их «священный» остров, стала играть еще одну важную роль. Общество Ариои делилось на ложи. Первая, главная из них — *тара манине*, — находилась на Раиатеа.

Согласно легенде, общество Ариои в Опоа «основал» великий бог Оро, который отвел в нем большую роль двум своим братьям — Урутетефу и Орететефу. Таким образом, этот тайный полинезийский «союз» «создал сам бог». Когда же в действительности Ариои активизирова-

ло на Раиатеа свою, кстати сказать весьма светскую, деятельность, неизвестно. Некоторые данные отсылают нас далеко в глубь веков, примерно в XIII столетие.

Чем же занималось Ариои? Видимо, это было всеполинезийское общество странствующих любителей танцев. На своих лодках они посещали полинезийские острова, устраивая там представления, рассказывающие о жизни и делах легендарного основателя общества — бога Оро и других божеств, а также знаменитых вождей и мореплавателей.

Членом общества мог стать любой мужчина, а позже и женщина. Однако человек знатного происхождения имел значительно больше шансов быть принятым в него, чем простой земледелец или рыбак.

Кроме происхождения большую роль здесь играло «волеизъявление богов». Они сами, «посещая человека во сне», как бы призывали его вступить в союз Ариои. Иногда они изъявляли свою «волю» во время испытаний, которым подвергался каждый будущий *ариои*. Если кандидат, окропленный красным соком, во время «собеседования» впадал в транс, это служило доказательством того, что боги благоволят к нему и он может быть допущен в Ариои.

Однако, прежде чем стать членом тайного общества, новичку приходилось выдержать довольно длительные предварительные испытания, в течение которых тот должен был доказать свою слепую преданность идеям Ариои. И лишь спустя многие месяцы, а то и годы, наступал торжественный день. Ночью на определенном месте собирались все члены ложи. Затем появлялся кандидат. Его волосы были намазаны маслом тропических растений, голову украшал венок из цветов, живот опоясывал пояс из свежих листьев *ти*.

Ариои начинали танец, а затем в круг посвященных допускался кандидат. При этом он совершал какие-то дикие, почти невероятные прыжки. Когда новичок заканчивал танец, вперед выступал глава ложи и, положив ему руку на плечо, произносил:

— Отныне ты один из нас, идем с нами.

И посвященный шел. С той минуты он окончательно порывал со своими родными (женатых в ложу вообще не принимали).

Вместе с другими ариои он отправлялся в далекие странствия, пел и танцевал на островах Полинезии,

постепенно поднимаясь все выше и выше по иерархической лестнице общества.

Общество Ариои так же делилось на ступени. Их было семь. Новички составляли первую ступень. После прохождения предварительных испытаний посвященный занимал вторую ступень — *хемару*. Следующей была *оторо*. И так далее...

Представители отдельных ступеней отличались друг от друга одеждой, но главным образом размерами и мотивами татуировки. Представители второй ступени имели право наколоть кружок около обеих щиколоток. Оторо — третья ступень — добавляла полосу на левой ягодице. *Ноуа* — четвертая — имела право вытатуировать две небольшие фигурки на каждом плече. Члены пятой ступени могли полностью разрисовать нижнюю часть тела. Шестая имела право кроме этого покрыть татуировкой руки от плеч до кончиков пальцев, и, наконец, представители последней, седьмой, ступени покрывали татуировкой все ноги ниже колен.

Разукрашенные таким образом ариои из Раиатеа отправлялись в путь. И если паломничества верующих на Раиатеа были очень торжественными, то плавание ариои также было весьма впечатляющим. Накануне прихода в Полинезию европейцев это общество уже стало массовым. В XVIII веке оно насчитывало около четверти всего мужского населения Раиатеа, Танти и прилегающих к ним островов. Капитан Джеймс Кук во время одного из своих путешествий видел морскую флотилию ариои из шестидесяти лодок. Каное, на которых они отправлялись на далекие острова, ариои называли *дугами*, а свои плаванья поэтически именовали «полетами».

На главной лодке флотилии, где находился высший иерарх ложи или всего товарищества, обычно стояла статуя бога Оро, украшенная красными перьями, символизирующими могущество. На широком катамаране размещались два небольших «символических святилища» — одно в честь бога Урутетефу, второе — Орететефу. Эти своеобразные храмы возводились из камней, извлеченных из стен святилища в Опоа.

Прежде чем сойти на берег, ариои обычно жертвовали Оро и другим божествам свиней, плоды хлебного дерева и кокосовые орехи. Лишь после этого темпераментными танцами, песнями, звуками флейт и ударами барабанов возвещали они о своем приезде.

На острове, который был выбран местом представлений, ариои прежде всего преподносили вождю подарки и лишь после этой церемонии шли в «общие дома» — большие, до ста метров длиной, жилища, построенные специально для ариои. Со временем такие «дома» появились на большинстве островов.

Здесь же ариои и выступали. Иногда они давали представления при свете факелов на открытом воздухе. Нередко ариои демонстрировали свое искусство и в помещении святилищ. Самые сложные номера — страстные танцы с поистине акробатическими трюками — показывали ариои только низших ступеней. Члены высших ступеней данного общества исполняли главным образом песни, прославляющие богов, вождей и мореплавателей.

Знакомясь с историей ариои, я мысленно сравнивал ее с известными мне «литературными» традициями на Рапануи, где главным для «артиста» считалось правильное прочтение текста. Незначительная ошибка, пропуск лишь одного слова автоматически вели к исключению его из рядов исполнителей и влекли за собой суровое наказание.

Европейцев в спектаклях ариои шокировало совсем другое. При исполнении некоторых драматических сцен «актеры», среди которых было немало женщин, весьма откровенно демонстрировали различные способы любовных утех. Половая жизнь воспевалась и в многочисленных песнях ариои. Вероятно, именно эта сторона обрядности ариои и оказалась причиной решительной борьбы первых миссионеров против общества.

У ариои господствовала полная сексуальная свобода. В принципе каждая женщина была здесь женой любого мужчины. Представители высших ступеней, как правило, жили одновременно с несколькими женщинами. А те сами себя оценивали по тому, сколько десятков, а иногда и сотен любовников они имели.

Женщины — члены общества считались наградой для победителя еще одного вида выступлений ариои — спортивных состязаний в «вольном стиле». Победитель мог выбрать любую женщину, члены же выигравшей команды имели право лишь снимать одежды с присутствующих девушек, причем от них зависело, полностью ли мужчины разденут девушек или оставят им хотя бы юбочку или венок из цветов.

Открытые проявления плотской любви выводили миссионеров из себя.

Барабаны время от времени звали ариои на тропу войны. Хорошо обученные члены ложы шли в бой под предводительством своих вождей. Это были лучшие, самые боеспособные части. «Актеры» и апологеты свободной любви превращались в воинов, чья поддержка, как правило, оказывалась решающей в столкновениях между представителями отдельных полинезийских земель.

Ариои Раиатеа находились на тропе войны долгое время. Значительно дольше, чем какая-либо другая полинезийская группа. Это было в то время, когда Красный пояс Раиатеа воевал с Белым поясом Борабора. Но чтобы познакомиться с историей этой странной войны, длившейся немало столетий, надо отправиться на один удивительный легендарный остров.

БОРАБОРА БЕЛОГО ПОЯСА¹⁷

Остров этот — Борабора — расположен в двадцати километрах севернее священной Раиатеа. Не только в период войны Белого пояса, но и во все другие времена историю обоих островов соединила общая судьба.

Она связала их со дня возникновения острова Борабора, который несет гордое имя — «Перворожденный», потому что, согласно полинезийской легенде, он вынырнул из волн первым, сразу же после того, как из морской пучины появилась мать островов Южных морей — Раиатеа — древняя Гавайи.

Это было очень давно. И с тех пор оба острова в истории и легендах накрепко связали свои биографии. Здесь, на Бораборе, великий, почитаемый на Раиатеа бог Оро нашел себе жену. Он сошел на землю по радуге. И прежде чем обосноваться на Раиатеа, направился к «Перворожденному». Бог расположился на вершине *Таимону* — «гора Птиц» — и начал любоваться невероятной, фантастической красотой тихоокеанского острова.

Однажды бог Оро увидел смертную, хотя и знатного происхождения, женщину — принцессу Ваирумат. А так как, согласно полинезийским легендам, боги могут любить и смертных женщин, Оро влюбился в нее. Ваирумат охватило такое же чувство. Потом они вместе — бог и смертная женщина — переправились на Раиатеа, в

Опоа, где Оро и основал тайное общество Ариои. Первым его членом стала Ваирумати.

Другим основателем Ариои был брат бога — Урутефу, которого чтят наряду с самим Оро. Именно ему Оро отдал самый ценный, «священный» дар — красные перья, символ власти, знак достоинства, а позже и знамение культа Оро. Ибо его статую в святилище Раиатеа — Маруре украшает пояс из красных перьев.

Полинезийские паломники, которые приезжали на Раиатеа, чтобы поклониться статуе великого бога — тому изображению, о котором говорят надписи на рапануйских кохау ронго-ронго, — вынимали из божественного пояса одни перья и заменяли их другими. Эти перья со священной Гавайки паломники хранили как редчайшую реликвию.

Многие полинезийцы искали красные перья на самых отдаленных островах Южных морей. Один из таких мореплавателей, Хиро, который родился примерно триста лет спустя после того, как Оро перешел с Бораборы на Раиатеа, собрал во время своих путешествий перья невиданной красоты. Он сделал из них пояс и на глазах у жрецов, вождей и предводителей ариои торжественно надел его на статую бога.

Он хотел воздать почести лишь богу, но высокая честь была оказана и ему самому. Все были так поражены красотой невиданных перьев, что Хиро провозгласил верховным вождем — королем Раиатеа. Позже, по представлениям полинезийцев, король Красного пояса Хиро стал божеством. Но до этого он долго правил Раиатеа из своей резиденции в Опоа.

Когда великий король почувствовал дыхание смерти, он отдал Красный пояс — *мароруа* — своему первенцу — принцу Хауэти. Но был у него и второй сын — Охататаму. Честолюбивый Охататаму, мечтавший о наследстве отца, уехал на Борабору, сплотил местных жителей под своим владычеством, опоясал себя в святилище «поясом из Белых перьев» — *маротеа* — и объявил своему брату на Раиатеа войну не на жизнь, а на смерть.

Борабора Белого пояса воевала с Раиатеа Красного пояса двести пятьдесят лет — с конца XIV до начала XVII века. Война мароруа и маротеа с ее бесконечными, незатухающими сражениями невероятно истощила оба острова, но ни голод, ни страшная засуха не смягчили этой вражды.

И лишь когда экспедиционная армада Бораборы, ведомая Тери Маротеа, десятым потомком основателя династии Белого пояса, почти до последнего человека была уничтожена на полях Раиатеа и в этом бою погиб сам носитель Белого пояса — король Тери Маротеа, война окончилась поражением Бораборы. Оба острова объединились под властью Красного пояса. А Белый пояс, бывший когда-то знаком бораборской независимости, был передан жрецам как символ духовной власти, не подчиняющейся царю.

Такова судьба Белого пояса. А что же случилось с теми, кто его носил? Непримиимый противник Раиатеа король Тери Маротеа погиб. А его единственная дочь Те Туани вышла замуж за сына раиатейского короля Мата.

И, как это бывает в сентиментальных фильмах, руки врагов наконец соединились, вновь связав две полинезийские земли Подветренных островов.

С острова Красного пояса я вылетел на Борабору Белого пояса. Меня переносит сюда из Утуруа старенькая «Дакота» буквально за несколько минут. Борабора, так же как и Раиатеа, очень гориста. Из бортового окна видна фантастическая, расщепленная надвое вершина Таимону. Чуть левее — ее соперница, не менее удивительная гора Пахуа. А подножия этих двух горбов бораборского верблюда усеяны пальмовыми рощами, среди которых расположилось несколько селений. Борабору окаймляют многочисленные островки, а за ними расположена еще одна, внешняя, ясно видимая с высоты прочная цепь кораллового рифа.

Когда мы уже заходили на посадку, передо мной открылось еще никогда не виданное зрелище — почти полная круговая радуга, которая плыла над островом подобно огромному нимбу.

Радужная корона Бораборы усиливала впечатление какой-то нереальности этого острова. Красота Полинезии выходит за пределы привычного, и я однажды записал в путевом дневнике: «Нельзя сказать, что в этих Южных морях явь, а что лишь сон и грезы». На Бораборе, Раиатеа, Таити разделить фантастику и действительность бывает очень трудно.

Мой «сон» продолжается. На дикой, собравшейся высокими горными складками Бораборе, самолет не может приземлиться. Поэтому он спускается на вполне доброт-

ную для Полинезии посадочную полосу, один из островков бораборской лагуны — Моту Муте.

Этот аэродром, как и другие подобные сооружения, — наследие второй мировой войны. И стоило мне осмотреться на Моту Муте, а потом и на Бораборе, как я почувствовал себя в привычной европейской обстановке. Над «столицей» Бораборы — Ваитапе — я увидел где-то на горе типичный блокгауз и несколько английских дальнобойных орудий. Да, все это уже знакомо мне по Меланезии, Соломоновым островам, героическому Гуадалканалу.

Во время второй мировой войны на Подветренных островах оборону держали американцы. Но какая огромная разница! Там, на Гуадалканале, их косили японские самолеты и артиллерия, губили малярия и десятки других тропических болезней; они гибли в непроходимых джунглях. Здесь же европейцы болют редко, нет джунглей, да и японцы сюда так и не добрались.

Вместо «диких народов» американские солдаты нашли здесь, по единодушному мнению, самых красивых и самых нежных женщин в мире. А также ласковое небо, лазурное море и пляжи, каких не знают ни Флорида, ни Гавайи. Всюду война была адом, а остров Борабора даже для солдат показался раем; они строили здесь аэродром, возводили укрепления, посылали в далекий путь военные гидропланы, да так и не услышали ни единого выстрела — только сладостную полинезийскую музыку. Солдат не коснулась ни одна пуля — лишь нежные пальцы бораборских красавиц.

На каждом шагу я встречался с результатами этого странного симбиоза двух миров. На Бораборе сегодня живут почти две тысячи человек, сто пятьдесят из них — метисы, сыновья и дочери парней с Миссисипи и Миссури. К своим нежным полинезийским «фамилиям» они присоединили непривычные имена отцов. И все эти бораборские Джоны, Джеки и Ребекки очень красивы. Со светлыми волосами и голубыми глазами отцов, смуглой кожей и точеными фигурами матерей.

Наряду с метисами на Бораборе я обнаружил и другие следы пребывания американских солдат. Это — аэродром на острове Моту Муте, уже упоминавшийся блокгауз с дальнобойными орудиями, вполне приличная дорога, огибающая южную часть острова, и еще нечто такое, с чем я в Полинезии до сих пор не сталкивался.

Когда мне захотелось переплыть с Бораборы на священный островок Моту Тапу, владелец узкой посудины, с которым я договаривался о переезде, запросил с меня три «таро». Этого слова я не слышал ни в одном полинезийском языке. Таро? Таро? Лодочник посмотрел на меня как на жалкого дикаря и потребовал несколько бораборских франков. Курс мне был известен, и, переведя необходимую для оплаты сумму на местную валюту, я понял, что значит «таро». Это — доллар. Всемогущий американский доллар, культ которого — самое горькое наследие американского пребывания на Бораборе.

За доллары можно было получить на острове Белого пояса все. «Настоящие полинезийские сувениры», фотографии обнаженных бораборских Ев. Для островитян же за эти деньги становились доступны не виданные до сих пор чудеса, которые прихватили с собой американцы — записанные на пластинки джазовые концерты под пальмами,двигающиеся картинки — кино...

Богатая Америка не жалела долларов для своих солдат, которые, в свою очередь, не жалели их для полинезийцев. Последние же постепенно перестали убирать копру, начали покидать поля, пока, наконец, не забросили совсем главное богатство своего острова — плантации ванили. Вместо кокосового молока островитяне начали пить кока-колу, вместо ванили — употреблять сахар, вместо маниоки — американские консервы.

Пять лет длилась эта «сладкая жизнь». Наступил мир. Американские солдаты вернулись на Миссисипи и Миссури, а островитяне с большой неохотой — к своей копре и ванильным плантациям.

Но плантации были запущены, урожаи скудны. Прекрасному острову грозил голод. Сейчас уже дела идут намного лучше. Борабора вновь вернула свой полинезийский характер. Однако всемогущий «таро» властвует над островом так же, как раньше бог Оро. Я потратил на Бораборе больше денег, чем в каком-либо другом месте Полинезии. Поэтому в своем дневнике я и охарактеризовал этот остров как «дорогостоящий рай».

Но уж если говорить откровенно, то остров — действительно рай, именно Рай с большой буквы. Прежде всего, это великолепнейшие виды. Чего стоит только прогулка по лагуне! Когда я покинул американский аэродром на Моту Муте и сел в лодку, чтобы переправиться на Борабору, то сразу вспомнил о своей недавней поездке из

Утуруа в священную Опоа. Однако то, что открылось здесь перед моим взором, пленяет меня еще больше. Мыплыли прямо на юг, мимо островков с удивительно белым песком на прекрасных, но совершенно пустынных пляжах.

Вот и остров Тевеироа, один из самых крупных в бораборской лагуне, где под легким бризом раскачиваются тонкие стволы кокосовых пальм. А с другой стороны уже виднеются северные отроги Бораборы — мыс Тахи и мыс Тереа. За ними открывается вид на глубокий залив Фаануи, на берегу которого расположилась небольшая деревенька.

С южной стороны вход в Фаануи охраняет знаменитый в истории Полинезии мыс Фаре Руа, затем следует мыс Пахуа и, наконец, после того как мы миновали единственный проход в мощном коралловом рифе, окружающем Борабору, открывается «столица» острова Белого пояса и вместе с тем административный центр округа — Ваитапе с населением около тысячи человек.

Ваитапе раскинулась на склонах горы Пахуа. Но бораборцы — это прежде всего люди моря, главным образом рыбаки. И поэтому большинство хижин подобралось к самому морю. Почти от каждой хижины в воды лагуны протянут длинный мостик, маленький собственный причал с приткнувшимися к нему лодками.

Один из этих причалов чуть длиннее других. Около него и заканчивается мое путешествие по бораборской лагуне. Ваитапе, так же как и Утуруа, — это одна-единственная прибрежная улица. На ней расположены домики для гостей — *Пона Офе* и *Тиаре Таути*, чуть подальше — протестантская миссия с церквушкой и необычной восьмигранной звонницей.

Моя короткая ознакомительная прогулка по улице Ваитапе заканчивается на площади. Она весьма необычна. Это — футбольное поле. И лишь на краю бораборского стадиона вместо трибун разместились важнейшие пункты полинезийского поселения — школа, почта, медицинский центр, полицейский участок.

Стадион — дар и детище человека, деятельность которого меня очень интересовала. Собственно говоря, из-за него я и отправился на Борабору. Меня всегда волновали судьбы одиноких путешественников. Об Алене Гербо я узнал, когда еще гимназистом прочитал его книгу о путешествии вокруг света, которое он в полном одиноче-

стве совершил в 20-е годы на борту своей яхты «Файр кросс».

Путешествие Гербо длилось шесть лет. И из всех бесчисленных бухт и заливов, куда он заплывал, дольше всех его держали в плену именно Борабора и ее жители. Он прожил на острове немало времени. И захотел как-то отблагодарить его аборигенов. А так как он увлекался не только яхтами, но и футболом, то купил участок земли и оборудовал первое футбольное поле на островах Полинезии.

Гербо хотел в старости вернуться на Борабору к своим друзьям. И он осуществил это желание, но уже после своей смерти. С правой, прибрежной, стороны площади, на месте древнего святилища, стоят его памятник и могила с надгробьем, напоминающие, как и многое другое на Бораборе, о прошедшей войне.

В то время, когда дело шло к войне на Тихом океане, Ален Гербо находился на Тиморе, одном из Зондских островов¹⁸. Он готовил свою яхту к возвращению на родину, во Францию. Но поднять паруса не успел: налетели японские самолеты и сбросили на гавань две или три бомбы. Жертвой этого налета на Тимор стал единственный человек — мужественный Ален Гербо, который прожил шесть долгих лет в водах всех океанов.

Его похоронили на маленьком кладбище Санта Крус на Тиморе. После войны друзья Гербо, его товарищи по Французскому национальному яхт-клубу, выполнили желание путешественника и отвезли его останки сюда, в Ваитапе, на прекрасную Борабору. Экипаж корабля «Лотос» поставил надгробье с мемориальной доской, на которой выгравирована надпись:

Primus Gallorum Solus

Circumcuncti me

1893—1941

Ален Гербо,

в одиночестве на борту «Файр кросс»

совершивший кругосветное путешествие

25 апреля 1923 года — 26 июля 1929 года

Надгробье со сложной латино-франко-английской надписью не единственный след пребывания этого путешественника на Бораборе. Значительно большим по значению, но вряд ли более полезным является пресловутое

футбольное поле на вайтапской площади. Раньше здесь стояли прекрасные деревья, шумела «священная» роща, где собирались вожди острова. Гербо со своей маниакальной страстью к спорту выкорчевал все деревья до единого. Лишь одно из них островитяне не позволили уничтожить — то, под которым со своим народом беседовала последняя мужественная королева острова Белого пояса — знаменитая Маеваруа, отказавшаяся подчиниться воле европейцев. За это ее сослали на Таити, где она умерла примерно в то же самое время, когда на ее родном острове Ален Гербо начал обучать островитян игре в футбол.

Жертвой футбольной страсти французского путешественника, который спит теперь вечным сном на Бораборе, стали и могилы двух его предшественников, похороненных в вайтапской «священной» роще, — француза Гилу, матроса с корабля «Декре», и англичанина Уильяма Шоу. Гербо перенес их останки подальше от поселка, чтобы они не мешали разравнивать поле.

Я покидаю памятник Гербо, и особенно его футбольное поле, со смешанным чувством.

Прибрежная тропка вьется вокруг чарующего залива Повай. Проходит не более двух часов — и вот я у мыса Раитити с единственным приличным отелем на всех Подветренных островах. После Раитити я перехожу на восточный берег острова и продолжаю свой путь до деревеньки Анау, одного из старейших бораборских поселений.

А через некоторое время, после осмотра анауских плантаций ванили, уже порядком уставший, я той же дорогой вернулся в Вайтапе, сердце острова Белого пояса.

ДОРОГОЙ ДРЕВНИХ СВЯТИЛИЩ

На следующий день меня ждала куда более интересная прогулка. Я вновь отправился вдоль западного побережья Бораборы, но на этот раз уже в северном направлении. Путь этот в дневнике, отрывки из которого вопреки обыкновению я здесь нередко цитирую, был назван мной «дорога святилищ».

Первое из бораборских марае находилось, вероятно, сразу за поселением, на окраине Вайтапе. Здесь при строительстве метеорологической станции, кстати един-

ственной на Подветренных островах, нашли десятки человеческих черепов. Притом ни одной конечности или каких-либо других остатков скелетов обнаружено не было.

Бораборские черепа из местного марae, естественно, напомнили мне об Опоа на Раиатеа. Несколько минут ходьбы — и Раиатеа с ее всеполинезийскими святилищами словно перенеслась сюда, на мыс Фаре Руа.

Я — на священной земле острова Белого пояса. Фаре Руа вдается в океан напротив единственного прохода в коралловом рифе Бораборы. На этот мыс выходили все чужеземцы, посещающие острова. Когда-то на берег сошел и вождь одного из самых маленьких полинезийских островов — Ротумы¹⁹, лежащего к северу от островов Тонга.

Молодого принца звали Те Фату, что означает «Господин», «Владыка». Это почтенное имя, которое в Полинезии имели право носить лишь боги, особенно «Властиители океана», на Бораборе никто принять не отваживался. Принц Те Фату, который взял себе имя бога, так же как и Хиро, осмелившийся когда-то надеть на статую божественный пояс, удостоился глубочайшего уважения местных островитян. Жители Бораборы стали оказывать ему всяческие почести. Он даже женился на Те Уре, дочери владыки острова.

По полинезийским обычаям Те Фату привез с собой камень из марae своего острова. А так как ротумский вождь обвенчался с дочерью вождя Бораборы, то новобрачные символически соединили и оба марae. Камень из ротумского святилища положили в основание нового марae, которое было построено на мысе, где ступил на берег Те Фату. С тех пор мыс и храм называются Фаре Руа, что означает «Двойной дом».

Результатом брака ротумского принца и бораборской принцессы был не только двойной храм. Объединились и два полинезийских острова. Но Те Фату задумал создать общий союз всех полинезийских земель, своеобразную «Лигу тихоокеанских Объединенных наций».

В сопровождении жены Те Фату предпринимал многочисленные поездки, во время которых посещал острова Полинезии. Вождям Те Фату преподносил символические дары, стараясь склонить их к мысли о необходимости панполинезийской федерации.

Прежде всего он отправился на священную Раиатеа и

подарил ее вождю морского ежа. Потом побывал на следующем из Подветренных островов — Хуахине, где преподнес вождю цветы гибискуса. Посетил он также Таху — сестру Раиатеа и даже далекий Тубуаи.

И хотя дары не были, по крайней мере на наш вкус, слишком оригинальными (вождю Бораборы Те Фату, например, подарил морскую улитку), попытка объединить полинезийские земли, задуманная именно здесь, в «Двойном доме» на мысе Фаре Руа, оказалась успешной.

Те Фате назвал федерацию Хау Фаатау Ароха — «Правительство товарищеского содружества». И именно это правительство предложило, чтобы его деятели — жрецы, ученые, а иногда и вожди — регулярно собирались в другом марае — всеполинезийском святилище бога Оро на Раиатеа.

От бораборского мыса, где была создана первая «Лига тихоокеанских Объединенных наций», я продолжаю свой путь по «дороге святилищ» дальше. На северной стороне мыса Фаре Руа находился и дом бораборских ариои, а также хижина магистра местной логи, который носил мало для меня понятный титул *Руна Руу* — «Место для рыбной ловли».

За мысом Фаре Руа открывается вид на чудесную долину Фаа-нуи (Большая долина), где раскинулась деревенька с тем же названием. Именно Фаа-нуи (а вовсе не Ваитапе — нынешний центр острова или расположенная против него Анау) была долгое время резиденцией самых знатных семей Бораборы.

И раз уж я вновь вспомнил о маротеа — знаменитом Белом поясе, то он тоже находится здесь, в Фаа-нуи, где «короновали» короля в марае. Само название святилища Ваи Отаха свидетельствует о том, что основной камень его перенесен сюда с Раиатеа, которая была когда-то главным врагом Бораборы. Святилище в Опоа на Раиатеа вначале тоже называлось Ваи Отаха. Но там Оро был с красными перьями, а здесь, в фаа-нуйском национальном святилище, почитали Оро Маротеа, Оро Белого пояса.

Фаануйское святилище находилось в самом поселении. Когда я разговорился с одним из бораборских полицейских, то узнал, что по небольшой тропке, ведущей в горы, можно прийти еще к одному святилищу.

Это действительно так. Но теперь, когда я осмотрел все главные святилища Бораборы и даже побывал на

родине великой всеполинезийской федерации, а также там, где находится Белый пояс, можно и закончить свой путь по древним мараям.

Меня ждут другие святилища и другие острова. И прежде всего романтическая Тахаа. Земля, на которой нет дорог, да и сама она находится в стороне от цивилизованного мира. Где самое голубое небо и самое лазурное море.

И я отправляюсь с белой Бораборы через красную Раиатеа на голубую Тахаа.

ТОРЖЕСТВО НА ОСТРОВЕ ТАХАА²⁰

На сей раз я воспользовался гидропланом и после короткого перелета с Бораборы оказался в лагуне священного острова Раиатеа — последней Гавайки Полинезии. Но пробуду я здесь недолго, ведь моя цель — Тахаа, единственный из крупных островов архипелага, куда не летают самолеты.

Вновь, как и во время поездки в Опоа к руинам знаменитого святилища, мне приходится искать лодочника. Придя на утуройский мол, я понял, что мне повезло, так как сразу же нашел владельца *ваатае* (лодки с парусом), самого удобного из всех средств передвижения в этих водах.

Легкий бриз наполнил паруса. Ваатае идет ходко, и все же лодочник, с трудом сохраняющий равновесие в своей узкой посудине, должен быть осторожен. Раиатеа и Тахаа окружает один общий коралловый риф, образующий весьма широкое «внутреннее море» — лагуну, которая, к сожалению, усеяна десятками больших кораллов, гребней, подступающих к самой поверхности воды. Эти подводные коралловые острова очень опасны. Знаменитый мореплаватель Ален Гербо (его могилу я посетил на Бораборе несколько дней назад), несмотря на свой богатый морской опыт, дважды терял ориентировку в коралловом лабиринте местной лагуны.

Мой лодочник, однако, здесь не заблудится. Он с самого рождения плавает между Раиатеа и Тахаа, да и есть ли в мире мореплаватели лучше полинезийцев? Так что судьба Гербо мне не грозит.

Мы скользим по коралловым зарослям лагуны. Легкая ваатае, подобно жуку-плавунцу, почти не касается

воды. Но прежде чем выйти на берег, мне хочется объехать весь остров, потому что вместо дорог на Тахаа есть лишь труднопроходимые тропы, а рельеф здесь столь же горист, как на Бораборе и священной Раиатеа.

С ваатае намного удобнее осматривать остров, вокруг которого мы сейчас плывем. Ландшафт здесь похож на лунный, хотя все покрыто зеленым тропическим ковром. И раз уж я вспомнил о луне, то приведу легенду, рассказанную мне островитянами.

В небе Полинезии когда-то плыли пять лун, а не одна. Четыре из них постепенно попадали в морские воды, после чего одна превратилась в остров Хуахине, другая — в Раиатеа, третья — в Тубуаи и, наконец, четвертая — в гористую Тахаа.

Горы Тахаа подступают к самому морю. Жители острова, когда-то глубоко чтившие Хиро, в гротескных скальных образованиях видели доказательство присутствия здесь этого «великого бога». Лодочник показывает мне различные окаменевшие части тела Хиро и даже его профиль. Чуть дальше он демонстрирует *ваатае пахи* — окаменевшую лодку Хиро, его *матаи* — рыболовный крючок, страшную собаку, которую бог Хиро убил, и пойманного им кабана. В глубине острова можно увидеть даже окаменевшие следы Хиро, а также петуха, курицу и целый как будто застывший в камне зоологический сад.

Мое плавание вокруг Тахаа, упавшей с неба луны, заканчивается у южного берега острова. Здесь его правильная округлая форма нарушается тремя языками-заливами: Хурепити, Апу и самым глубоким из них — Хаамене. В южной части острова на берегах этих трех заливов выросло большинство деревень и поселений. Сейчас население Тахаа примерно вдвое превышает число жителей Бораборы. Однако остров, будучи изолированным от цивилизованного мира, насчитывает большее число чистокровных полинезийцев, чем живет их на Бораборе.

На южной стороне Тахаа находились и оба дома — Тапутему и Туаотеуира — местной ложи Ариои, возглавляемой магистром *мута-хаа*. Здесь же возвышалось и главное святилище острова Апуроа — «Длинная стена», жилище бога Тане, которое мне уже никогда не увидеть: оно давно разрушено. Вообще судьба святилищ Тахаа довольно плачевна — из строительного материала по-

следнего марае, сохранившегося в деревне Хипу, построил себе, например, дом норвежский моряк, осевший на острове.

В этой части Тахаа находятся и хижины так называемого «Клуба Медитеране», в таитянской канцелярии которого в Папезте мне сказали, что там, хотя и без всяких удобств, может поселиться редкий путешественник, прибывший на остров.

Я внял совету и не пожалел об этом. Потому что хотя в хижинах «Клуба Медитеране» и проживало всего несколько случайных гостей, но для них, а главным образом, конечно, для чиновников управления территории, которые находились здесь в командировке, жители острова приготовили *тамаа ара рахи* — «великое торжество».

Во время путешествия по Полинезии мне приходилось принимать участие в нескольких подобных торжествах. Но чаще всего я вспоминаю о длившемся всю ночь празднике на Тахаа и еще об одном — на острове Тутуила архипелага Самоа. Там, на Самоа, можно было фотографировать, так как торжество состоялось днем, и на всеобщее ликование я смотрел через видоискатели своих фотоаппаратов.

А здесь, на Тахаа, уже надвигается ночь. Вспышки с собой у меня нет, и ничто не помешает мне наслаждаться присутствием на торжестве. Нужно лишь напрячь слух, чтобы запомнить мелодии и ритмы; обострить вкус и обоняние, чтобы почувствовать все тонкости, всю прелесть здешней кухни; постараться запомнить все увиденное и услышанное, чтобы надолго сохранить в душе переживания этой самой длинной ночи моих полинезийских странствий.

Наступает вечер, и я с несколькими другими гостями покидаю хижины «Клуба Медитеране»: торжество будет проходить в расположенном недалеко отсюда бамбуковом домике, украшенном яркими гирляндами гибискусов. Для гостей уже приготовлены два стола. И на них тоже стоят раскрывшие свои бутоны гибискусы. Вокруг столов поставлены стулья, а все остальное просторное помещение отведено танцовщикам.

Танцы, которые нам показали, сильно отличались друг от друга и по характеру, и по числу исполнителей, и по способу музыкального или хорового сопровождения. Первым был исполнен медленный танец — *апарима*, точ-

нее, это даже пантомима, во время которой танцовщики, сидящие на земле, движениями рук и пальцев (на местном языке «рима») старательно иллюстрировали текст песни.

Зрители, включая местных жителей, с огромным вниманием следили за апаримой. Лес фрук, то поднимаясь, то опускаясь, колышется, словно морские волны. Я видел много индийских танцовщиц, и апарима на Тахаа напомнила мне далекую Индию. Сдержанную апариму сопровождал пока только хор. Но вот послышались удары *пагу* — полинезийского барабана, изготовленного из целого куска дерева и обтянутого крокодиловой кожей. Одновременно с пагу прозвучал тонкий голос бамбуковой флейты. Начинается *отеа* — танец куда более веселый и темпераментный, напоминающий исполнение воинских артикулов. Танцовщики — восемь мужчин и восемь женщин — двигаются по команде *патау* — «повелителя танцев», главного хореографа, который краткими указаниями определяет все позиции.

В ураганном ритме движутся, однако, только руки и ноги танцовщиков, корпус же почти неподвижен. Отеа повествует о случаях из жизни воинов или судьбах рыбаков острова Тахаа. Это — рассказы о мужестве, о трагических происшествиях. Одни из них произошли вчера, другие — тысячу лет назад. Память Полинезии хранит множество подобных историй.

После быстрого отеа, вероятно для передышки, следует танец, исполняемый сидя, — *паоа*. Мужчины и женщины образуют круг и пением отвечают на вопросы «повелителя танцев». Темп задают сами танцовщики, которые, постепенно убыстряя ритм, выстукивают его по полу руками.

Наконец поднимается первая пара, которая в сопровождении хора и ритмических ударов других участников торжества начинает танец. Когда эта пара устает, выходит вторая. Паоа продолжается до тех пор, пока все пары не сменяют друг друга.

Паоа как бы готовит исполнителей к триумфу местного танцевального искусства — знаменитому *тамуре*, который танцовщики, как и зрители, любят больше всего. На танцевальной площадке сгрудились не менее трех десятков мужчин и женщин, но тамуре — танец парный, и каждый юноша пританцовывает возле своей партнерши. Нет никаких сомнений в том, что он хочет выразить

движениями своего тела страстное желание. И партнерша отвечает ему.

Это «признание в любви» на берегу Тихого океана происходит в невероятно быстром темпе. Даже я весь покрылся потом, хотя всего лишь наблюдаю и слушаю. И конечно, исполнители бешеного танца долго не выдерживают.

Тамуре заканчивается. Парни и девушки острова Тахаа медленно уходят в теплую тропическую ночь. А что же делают зрители? О них позаботился «повелитель танцев». Он обратился к нам с дружескими словами и подарил венки из белых цветов.

Через полчаса после любовного тамуре танцовщики возвращаются в помещение, где их ждет настоящее пиршество. Местная кухня имеет значительно более ограниченный выбор, чем, скажем, у прославленных гастрономов — французов или китайцев, и тем не менее, мне кажется, она почти не уступает им в разнообразии благодаря невероятной фантазии кулинаров. Полинезийцы любят поесть. Они большие жизнелюбы. И пища доставляет здесь немало наслаждения.

Наше пиршество проходило в два приема. Приступили мы к нему в том же бамбуковом танцевальном зале. Первое блюдо представляло собой одно из любимых лакомств этой части Полинезии — сырую рыбу. Рыбаки Тахаа предпочитают треску и бониту²¹. На этот раз нам предложили отведать сырого тунца.

Я много раз видел, как готовится местное национальное блюдо. Это совсем несложно. Прежде всего с пойманной рыбы соскребают чешую и выбирают кости. Полученное филе разрезается на маленькие квадратики, которые полинезийская хозяйка тщательно промывает в соленой воде и затем опускает в *умете* — деревянную миску, изготовленную из единого куска твердого корня *таману*, в которую предварительно выжимают сок из пяти или большего количества лимонов. Потом рыбу снова солят и добавляют в *умете* тонко нарезанный лук. Этот «рыбный коктейль» на лимонном соке готовится около часа. Потом сок выплескивают, а рыбу заливают кокосовым молоком. С приготовленным таким образом соусом на Тахаа и подается сырой тунец.

Хотя, как правило, я не ем сырую рыбу, к этому блюду привыкаешь довольно быстро. Значительно большие трудности я испытал во время второй части трапезы,

когда подают *фафару*. Это тоже сырая разрезанная на тонкие кусочки рыба в холодном соку. Перед тем как подать на стол, ее около двух суток держат в большой тыкке²², до краев наполненной сильно пахнущей жидкостью, главной составной частью которой является соленая вода. Говорят, что эту жидкость не выливают, а вновь используют, если через несколько недель опять надо готовить *фафару*. Я не знаю, правда ли это. Во всяком случае, рыба пахнет ужасно. После *фафару* я отведал третье блюдо — речных креветок, тоже сырых, вымоченных в лимонном соке, сильно наперченных и залитых кокосовым молоком.

Креветками заканчиваются холодные закуски сегодняшнего «банкета». Начинается второе действие. «Повелитель танцев» приглашает нас на улицу. Здесь мы рассаживаемся на площадке перед хижиной вокруг очага — знаменитого *ахимаа*, по местному обычаю скрестив ноги. Диаметр очага достигает пяти метров, а глубина — около четверти метра. В нем местные повара задолго до начала ужина развели огонь. Затем они покрыли раскаленные угли слоем во множестве встречающихся здесь камней вулканического происхождения. Раскаленные камни, в свою очередь, покрываются банановыми листьями, на которых готовят новые блюда замечательного ужина. Прежде всего это снова рыба, крепко посоленная и наперченная, а также выпотрошенный, обложенный бананами и сладким картофелем поросенок. Рыбу и свинину покрывают еще одним слоем банановых листьев; все это обмазывают глиной, оставшейся после рытья ямы для очага.

Таким способом поросенка и тунцов пекут более двух часов. К моменту, когда мы расселись у очага, повара открыли *ахимаа*. Острые, крепко посоленные, густо наперченные кусочки рыбы и свинины разложили на банановые листья. К мясу хозяева подали также *ямс*, таро, батат, жареные плоды хлебного дерева и, наконец, полинезийский шпинат — *поту*, обильно сдобренный пряностями, политый кокосовым молоком и лимонным соком. Шпинат завернули в банановые листья и перевязали веревкой из растительных волокон.

Свинина и овощные гарниры мне больше по вкусу, чем сырая рыба. Но так как я люблю сладкое, то больше всего на Тахаа мне понравился полинезийский фруктовый десерт из *ниа* — маниоковой²³ муки и па-

пайи или ананаса. Этот пудинг тоже готовят в ахимаа на банановых листьях и поливают кокосовым молоком.

Фруктовый десерт *поэ* завершает ужин. Но к хорошей пище положен и добрый напиток. С этим, однако, на острове дело обстоит сложнее. Ни вода, ни кокосовое молоко, по мнению устроителей тамаа ара рахи, для подобного торжественного случая не годятся. Поэтому у китайского торговца был закуплен целый ящик пива, которое на Тахаа привозят из Папéте. Для нас, чужеземных гостей, достали даже несколько бутылок красного вина из самой Франции.

Добрые напитки — основа хорошего ужина. А к ним полагается песня. И вновь первым слово берет патау. Он начинает петь медленно, очень медленно, словно о чем-то раздумывая. Да и все остальные *уте* — застольные песни, которые я здесь слышал, — были протяжными. Эти «песни к вину», так же как тамуре и другие танцы, чаще всего повествуют о любви. Причем не о несчастной любви, а о любви в разлуке — они рассказывают, например, о том, как парень уезжает на рыбную ловлю, а девушка остается одна.

Песню *уте*, как правило, исполняет солист. Хор лишь повторяет припев. После *уте* полинезийцы спели несколько *гимене*. Это, как легко можно догадаться, религиозные гимны и сказания о прошлых временах, иногда — толкования религиозных представлений древних полинезийцев.

В наши дни традиционную форму языческих гимнов позаимствовали христианские миссионеры, чтобы с их помощью распространять в Полинезии веру белых людей. Тексты *гимене* понять нелегко. И не только из-за весьма усложненного способа выражения мысли, но и потому, что эти торжественные песни были сложены очень давно, а язык с тех пор значительно изменился.

Однако одну *гимене*, которую певец исполнял с особым удовольствием, я понял довольно хорошо. В ней рассказывалось об Аимате, могущественной властительнице, которая, как говорилось в песне, больше самой власти любила музыку и танцы. Королева далекого Таити, она на долгое время променяла свой большой остров на маленькую, но счастливую Тахаа.

Когда я был на Таити и познакомился с судьбой этой удивительной женщины, то понял, что *гимене*, услышан-

ная мной в ту праздничную ночь, не лгала. Правда, имя королевы не соответствовало прекрасной песне, льющей-ся в тишине дивной ночи. В переводе оно означает: «Поедательница глаз».

«Поедательница глаз», королева Аимата, вступила на престол, когда ей исполнилось только четырнадцать лет. Государственные дела ее действительно не интересовали. Зато она до беспамятства любила музыку, песни и танцы. И каждую ночь двор молодой королевы устраивал веселые торжества.

Именно в то время, когда Аимата вступила на освободившийся таитянский престол, жрец марает в Пунаани — Теау основал новое религиозное сообщество — *Мамаиа*. Оно не было столь могущественным, как Ариои, и не имело столь сложных обрядов. Вера, которую провозгласил Теау, была простой и приятной. Так же как и молитвы, богам любезны танцы и песни. Поэтому не юдоль слез, а вечный, никогда не кончающийся праздник должен быть на земле. Об этом твердил верующим Теау. После же смерти он обещал каждому, кто таким образом чтит бога, «вечное блаженство на небесах».

Молоденькая королева, идеалам которой так отвечала новая религия, полностью поддержала секту Мамаиа. Однако некоторые таитянские вожди, особенно из Папары, резко осуждали подобные нововведения. И они с оружием в руках выступили против королевы, поддержавшей «еретика».

И тогда Аимата переселилась на Тахаа. Здесь она продолжила свои танцевальные и песенные празднества. Молодая повелительница устраивала их вместе со своим мужем, верховным вождем Тахаа, Тапоу. Но религиозная война между сторонниками и противниками новой веры перенеслась и на Подветренные острова. Мамаиа, любители песен и танцев, руководимые Тапоу, были разбиты. Лишенного своих привилегий Тапоу сослали на остров Хуахине, и Аимате не оставалось ничего иного, как искать другого супруга. Она выбрала принца Арифате родом тоже с Хуахине.

Но война продолжалась. Аимате тоже пришлось покинуть остров песен — Тахаа — и переселиться на Мурееа. Но песни и танцы, которые молодая королева так самозабвенно любила, продолжают жить в сердцах жителей Тахаа.

Гимене об Аимате завершило великое полинезий-

ское торжество. А ночь уже перестает быть ночью. Луна, последняя оставшаяся в полинезийском небе, постепенно блекнет. Из-за гор, которые на Тахаа создал бог Хиро, поднимается новое утро. У причала перед хижинами «Клуба Медитеране» ждет меня ваатае. В конце пути, на который я сейчас вступаю, находится родина королевы Аиматы, земля, похожая на сон. Это Таити, сердце «последнего рая».

МЕЧТА О ТАИТИ ²⁴

Я мечтал — почему я не могу в этом признаться? Мечтал об этом острове больше, чем о каком-либо ином месте на нашей Земле. Имя его звучало для меня сладкой песнью сирен, легендарной музыкой небес. Таити! О, Таити!..

Даже тот, кого зовут в путь не грезы Агасфера, а научные интересы, обязанности, связанные с делом, имеет право мечтать. И я еще раз признаюсь: да, я мечтал о Таити.

И вот наступил день, когда мечта сбылась. Когда романтические представления об этом острове столкнулись с его истинным лицом. С Подветренных островов, с двуединого Хуахине самолет возвращается в Папеезе. Внизу остаются вершины первого из Наветренных островов — Муреа, затем — поле аэродрома, и вот, наконец, под нами сердце и нега Полинезии — Таити.

По правде говоря, после всего того, что я пережил на Бораборе, Тахаа, на священной Раиатеа, среди лунных кратеров и их лагун, среди зубчатых вершин горных массивов и в деревнях, раскинувшихся в пальмовых рощах, первые впечатления о Таити во время поездки в столицу острова — Папеезе не оставили в моей душе большого следа.

И здесь дорогу окаймляли стройные кокосовые пальмы. Потом стали появляться первые хижины то типа таитянских *фаре*, то жалкие лачуги, которые я хорошо знал по району трущоб в Рио-де-Жанейро.

Затем пошли здания более высокие и современные. Дорога стала медленней убегать из-под колес автомашины, свернула на набережную дель Юрани. С калейдоскопической быстротой мелькали набережная Бир Хакейм, статуя Бугенвиля, причал для танкеров, склад фирмы

«Компани Франсез де фосфат дель Осеани», район Фаре Ута с военной базой, французские матросы, какие-то прохожие, подъемные краны и даже трактор...

Полинезия? Что-то не похоже. Что, собственно, напоминает мне этот портовый квартал Папезте? Микро-скопический Гамбург? Чилийское Вальпараисо? Может быть — Марсель? Да, скорее всего, Марсель.

Наступает ночь. Матросы покидают корабли и попадают в свой «рай». На набережной несколько дансингов. Я выбираю один из них — «Роял клуб». А почему бы и нет? Гарсон, одну анисовую! И дайте мне возможность осмотреться. Что же произошло с «раем»? И где же здесь Полинезия? Да вот она, уже идет сюда. Как во время свадебной церемонии в объятиях моряков движутся самые прекрасные девушки на свете. И так же как во время войны — самые отзывчивые.

В этот ночной «рай», в неоновый Папезте, как мотыльки, слетаются девушки со всей Французской Полинезии. Они садятся на суда, перевозящие копру, и покидают Борабору, Тахаа, Хуахине. Как бы сошедшие с картин Гогена, приезжают они сюда, чтобы жить на Таити. Они даже не продаются, а лишь отдают и берут свое. Торговлю на Таити организовали мы, белые люди. Неотразимо привлекательные девушки Океании просто хотят жить. А в «Роял клубе» ночь никогда не кончается. Но меня тревожит мысль, что́ будет с этими красавицами, когда они проснутся. Запах неона и анисовой слишком силен. Те, что сегодня танцуют в «Роял клубе», уже никогда не вернутся на свои острова, в свои хижины. Но чем же для них все это кончится?

Пока что в порту Папезте царит веселье. Я тоже начинаю поддаваться дурманящему коктейлю из джаза, скверных напитков и женщин. Пора подниматься и идти искать ночлег.

К счастью, я быстро обнаружил захудалую, но по местным условиям удивительно дешевую гостиницу прямо здесь, на набережной, в двух шагах от веселого «Роял клуба». Хозяйка несколько раз переспросила меня, действительно ли я буду спать один. Наверняка мое поведение противоречило здешним привычкам и местной морали. По крайней мере в этом убеждает меня кровать шириной три метра — единственная мебель в комнате.

— Да, мадам, один.

Хозяйка посмотрела на меня с жалостью, дала ключ и взяла несколько франков.

— Доброй ночи, месье.

— Спокойной ночи, мадам.

Я поднялся наверх. Деревянные стены комнаты не могли утаить ни одного звука. Здесь все обо всех знали. И никто не спал. Шум и жара выгнали меня на широкую деревянную веранду, нависающую прямо над набережной Бир Хакейм.

Я уселся в плетеное кресло-качалку, стал смотреть на звезды и прислушиваться к ночным звукам Папезте. Открылись двери веранды. Вошла моя горничная, которой едва исполнилось четырнадцать лет. За две недели до этого она приехала с островов Туамоту. По-французски говорит очень плохо, Папезте и «Роял клаб» совсем еще не знает, и вся она в точности такая, как девушки на картинах великого Гогена.

И при этом — жаркая ночь. Бедра молоденькой горничной обвиты легким *паре*, в волосах красные цветы гибискусов. Мне хочется задать ей какой-нибудь вопрос. Но о чем спрашивать здесь, на Таити, когда наступает ночь...

Потом я задавал вопросы уже себе самому. В чем коренится, на чем основана эта глупая сентиментальность, это очарование, воздействующее и на меня, человека, который должен быть объективным и внимательным наблюдателем, а не одним из участников этой фальшивой игры? Почему именно Таити, таитяне и, конечно, таитянки уже двести лет играют главную роль в пьесе о «последнем рае». Роль приторно сладкая, часто невыносимо сентиментальная и притом, как это ни странно, иногда и правдивая.

В чем твоя притягательная сила, Таити? В чем состоят твои чары? Почему грезы и явь переплетаются здесь теснее, чем где-либо в другом месте?

На следующий день я словно отрезвел. Порт был таким же грязным, как почти все порты в мире. Клубы днем оказались похожими на давно изношенные бальные платья, а гостиница на набережной — еще более душной.

Я удрал из своей деревянной камеры еще до рассвета. Порт уже стонал голосами кранов, старающихся поднять непосильную ношу. А я отправился подальше от набережной, в центр города. Все таитяне — ведь меня на этот остров влекли именно они, а вовсе не европейские моряки

или владельцы китайских баров, — выйдя на набережную из своих легких лодочек, двигались теперь в одном направлении.

Я последовал за ними, как детектив, который уверен, что идет по верному следу. В нескольких кварталах от набережной Бир Хакейм, в конце улицы 22 августа — эта дата напоминает о временах первой мировой войны, когда незащищенный город засыпали шрапнелью немецкие крейсера «Шанхорст» и «Гнейзенау», — оказался городской рынок.

И здесь наконец я увидел таитян, одних только таитян. Они привозят на рынок этого единственного во всей Французской Полинезии большого города главным образом рыбу — бесчисленное множество разноцветных тихоокеанских рыб самых невероятных пород. Наряду с рыбой и другими дарами моря упитанные таитянские торговки предлагают плоды тропической земли: манго, авокадо, папайю и, конечно же, знаменитую ваниль.

Рынок в Папее, даже не знаю почему, напомнил мне камбоджийские базары. Около него стоят десятки раскрашенных, невероятно обшарпанных грузовиков с наскоро сколоченной крышей, на которых сюда приезжают жители окрестных сел.

Свои допотопные средства передвижения таитяне называют «трак» — английское слово, которое дошло даже сюда, на край света. Вокруг меня — полинезийский мир.

Второе лицо Папее желтого цвета. Это — китайцы. Появились они на Таити менее ста лет назад как рабочие плантаций ванили и фосфатных рудников. Но через одно или два поколения эти покорные кули стали всемогущими хозяевами таитянской торговли.

Рядом с городским рынком я обнаружил десятки магазинов и лавочек, продающих все, что душе заблагорассудится, и повсюду хозяйничали китайцы. Они «захватили» пекарни и парикмахерские; я встретил их даже в управлении местной судовладельческой компании.

Китайские предприниматели овладели экономической жизнью единственного города Французской Полинезии. Нельзя не отдать должного их удивительной энергии, но при этом трудно согласиться с методами, с помощью которых китайские судовладельцы действуют на отдельных островах Общества, скупая по дешевке копру у полинезийцев.

После посещения городского рынка и китайских лавок я решил взглянуть и на третье лицо Папеэте — мир европейцев. Как-то незаметно я истратил столько денег, что пришла пора уже обменивать валюту. А белые заполнили этот «земной рай» не только миссионерами и солдатами, но также банками и чиновниками.

Несмотря на то что Франция ушла из Индокитая в начале 50-х годов нашего века, в находящейся под ее опекой²⁵ части Полинезии официальным банком является Индокитайский банк. Это учреждение даже выпускает для островов Общества банковые билеты. Денежными знаками на Таити и прилегающих островах являются СФР — «Франк де Колони Франсез дю Пасифик».

Большое современное здание Индокитайского банка, оборудованного кондиционными установками, расположено на улице, носящей хорошо известное мне имя епископа Тепано Жоссана, человека, который попытался расшифровать тайну письменности острова Пасхи, великолепного знатока таитянской культуры.

Я прошел в соответствующий отдел, показал паспорт и попросил обменять валюту. Девушка, сидящая за перегородкой, — писаная таитянская красавица — удивленно взглянула на мой документ: чехи и словаки не так уж часто ездят на Таити — и воскликнула:

— О, уи, в соседнем доме живет ваш земляк.

В ответ я кивнул головой. Во время многочисленных путешествий мне пришлось пережить немало забавных приключений, связанных с мнимыми земляками. Не только на островах Тихого океана, но и в США мне в качестве земляков представляли сербов, датчан и даже басков. Европа ведь такая маленькая, неужели вы друг друга не знаете?

Однако мне не хотелось спорить с очаровательной полинезийкой. И когда она предложила пойти вместе с ней посмотреть на моего земляка, я охотно согласился.

Дом, о котором она говорила, действительно находился по соседству с банком. Это был одновременно книжный магазин и журнальный киоск, заведение в Полинезии не очень распространенное. И хотя продажа книг — профессия для чехов довольно привычная, тем не менее я все еще не верил, что владелец магазина — чех. Мы вошли, и на полке у самой двери я увидел более десятка французских путеводителей по Чехословакии!

Я не верил своим глазам. Чехи действительно очень

редко бывают на Таити, а таитяне в Чехословакии — еще реже. Какой ненормальный будет предлагать полинезийцам путеводитель по Праге и Татрам!

А через несколько секунд я уже действительно разговаривал — тоже почти невероятно для Полинезии — со своим земляком. Это была одна из самых приятных встреч за время моих путешествий по земному шару. Владелец магазина живет на Таити уже около пятидесяти лет и тем не менее в совершенстве говорит по-чешски. И не только говорит. В своей небольшой, но элегантно вилле он спустя полвека после окончания чешской школы наизусть декламировал стихи чешских поэтов. И показал свое самое драгоценное сокровище — несколько пластинок фирм «Супрафон» и «Пантон». Прежде всего он поставил на проигрыватель диск со старой сценкой, диалогом Спейбла и Гурвинека²⁶. Спейбл и Гурвинек на Таити! И путеводители по Чехословакии в полинезийском городке! Было от чего прийти в восторг.

Владелец магазина — не единственный чех на островах Общества. Через него я познакомился еще с двумя таитянскими чехами — симпатичным хозяином фотосалона, до войны проживавшим в Шанхае, и человеком, который на этой земле прирожденных певцов и музыкантов руководит музыкальной школой.

Во время поездки по Таити на сорок пятом километре окружной дороги я встретился и с владельцем бензоколонки, который был родом из Моравии. Кроме бензоколонки мой предприимчивый земляк владел еще и обширными банановыми плантациями.

Книготорговец, фотограф, учитель музыки и плантатор — это остатки насчитывавшей почти сто человек чехословацкой колонии на Таити, основанной здесь еще в 20-е годы.

Легенда о «последнем рае» у нас, в Чехословакии, была так распространена, что в 1926 году в Праге вышла небольшая брошюра под названием: «Таити и возможности колонизации». Она была написана довольно объективно, хотя ее заключение выглядит, пожалуй, слишком оптимистичным. «Чехословацкий колонист, — говорилось в брошюре, — является на островах желательным элементом... Большое количество европейских колонистов, навсегда оседающих в колонии, вольет живительную струю в жилы местных жителей, станет важным элементом популяционного роста, семена которого

уже прорастают, и вскоре будет совместно собран урожай золотого посева».

Менее объективными, чем сообщения этого справочника, были сведения, которые чешские и словацкие энтузиасты эмиграции в Полинезию получали от отдельных агентов. Но непосредственным толчком, побудившим чехов отправиться на Таити, послужила статья некоего инженера М. Р., обосновавшегося в Папеезе, которая появилась в 20-х годах в пражских газетах.

Сам он попал в Полинезию при необычных обстоятельствах. Происходил М. Р. из очень богатой семьи, но во время поездки по югу Франции проиграл в казино Монте-Карло кучу денег и решил уехать на первом корабле, выходящем из порта. По воле случая это судно направлялось во французские владения в Океании. Чешскому инженеру понравился Папеезе. Он обосновался там и вскоре открыл один из первых отелей в Полинезии. Постепенно мой соотечественник разбогател и стал самым уважаемым человеком папеезского общества.

Он и опубликовал в пражских газетах сообщение о том, что для чешских и словацких колонистов на Таити отведена долина Папеноо с пятьюдесятью тысячами гектаров земли. Около тридцати чехов и словаков приехали на Таити в 1925 году. Остров был действительно прекрасен, но плодородную землю долины Папеноо покрывали непроходимые тропические леса. Обманутые соотечественники вынуждены были искать другие средства существования. Кое-кому, особенно ремесленникам, М. Р. помог найти работу в Папеезе. Остальным не оставалось ничего другого, как заняться сельским хозяйством, и они продолжили свой путь по Полинезии, отправившись на священную Раиатеа, где основали «Чехословацкую ассоциацию в Океании». Сообща выращивали ваниль, собирали кокосовые орехи, построили большую сушильную для копры. Но в 1926 году над Раиатеа пронесся страшный тайфун, в числе жертв которого оказались и чехословацкие плантации. Особенно пострадали поля ванили, которые были почти полностью уничтожены.

Те из моих земляков, которые, как М. Р., остались на Таити, с гордостью вспоминают о первых годах, прожитых здесь. Они сумели преодолеть такие трудности, каких не могли себе представить, когда уезжали на манящий остров Таити, и теперь пожинают плоды своей деятельности.

Все таитянские чехи обзавелись семьями. И у каждого, за исключением руководителя музыкальной школы, женатого на японке, жены — полинезийки. Дети их наполовину полинезийцы. А внуки чаще всего уже на три четверти. И все же, когда я побывал у одного из моих земляков в окрестностях Папэте, то увидел малышей со смуглой кожей, прекрасными таитянскими глазами и не умеющих произнести ни одного слова по-чешски. Тем не менее зовут их Пршемысль и Либуша. А ведь такие имена не выговорит ни один полинезиец, каким бы гибким ни был его язык.

ТАИТЯНСКИЕ КОРОЛИ

Недалеко от дома, где живет дед таитянских Пршемысла и Либуши, находится здание, которое служило одной из целей моего посещения Папэте, — Этнографический музей со знаменитым «Обществом океанийских исследований». В его библиотеке я провел многие часы. Не менее тщательно знакомился я с предметами материальной культуры таитян и жителей других островов Французской Полинезии.

Но самые интересные экспонаты можно увидеть в Мамаа, расположенном за рекой Папева в восточной части Папэте. Здесь находился таитянский Этнографический музей до того, как он перебрался в здание на улице Бреа.

В новые выставочные залы перенесли все экспонаты из Мамаа, кроме двух *тики* — огромных каменных статуй из Раиваваэ, островка, расположенного в южной части Французской Полинезии. Естественно, что меня заинтересовали эти тики, родина которых находится между Раиатеа и островом Пасхи. Мне захотелось даже забрать тики с собой в Прагу.

Но если бы я и имел такое право, если бы мне позволили это сделать закон и главным образом научная этика, то и в этом случае я не нашел бы ни одного таитянина, который согласился бы помочь мне увезти статую.

Первый человек, осквернивший подобной перевозкой каменные тики, был капитан Хиггинс, переправивший их на своем корабле с Раиваваэ в Папэте. Стоило ему передать «священный» дар музею, как капитан тут же скончался. Его отравили колдуны с Раиваваэ. Наказание за святотатство, за осквернение полинезийских богов поне-

сли и все остальные матросы, принимавшие участие в перевозке тики. Вскоре после того, как эти моряки пустились в новое плавание, их корабль без видимой причины погрузился в океанскую пучину и вся команда погибла. И весь Таити знает, верит, убежден — это была кара богов!

Итак, я не мог забрать с собой эти замечательные тики и ограничился тем, что сфотографировал статуи.

Одна из главных достопримечательностей полинезийского Папэте — дворец таитянских королей. Деревянное, на первый взгляд малоинтересное здание с большим балконом и часами. Его возвели во второй половине XIX века, причем каждый взрослый на острове обязан был пожертвовать на его строительство два франка.

В наши дни королей на Таити нет, и во дворце размещалась французская администрация. Невдалеке находится знаменитый «Сад королей». Здесь в день похорон последнего таитянского короля его сын, принц Хинои, передал символ наследственной власти — королевский штандарт — командиру французского крейсера.

Раз уж мы вспомнили о таитянском короле, то следовало бы, вероятно, рассказать и о том, каким было социальное устройство этой части Полинезии. Все таитянское общество делилось на несколько значительно отличающихся друг от друга по своему положению групп. Большую часть населения составляли *манахуне* — свободные граждане простого происхождения, которые, как правило, обрабатывали мелкие земельные участки, переданные им в наследственное пользование вождями.

Манахуне своим трудом содержали все остальное население Таити. На средней ступеньке общественной лестницы находились *раатира*, своеобразные полинезийские «мелкопоместные дворяне». Сами они на земле не работали, используя для этой цели манахуне или рабов. Раатира занимали низшие должности при дворе местных вождей.

Различия существовали и в среде самих вождей. Ко времени прихода европейцев на острове были две категории вождей: низшие — *арии ри*, которые владели частью земли; высшие — верховные вожди — *арии маро-руа*, то есть вожди Красного пояса, который здесь, как и на священной Раиатеа, считался символом «высшего достоинства». Иногда «потомков верховных полинезийских богов» таитяне называли также *арии нуи* — «великие

вожди». Это были «священные» существа, к которым остальные люди не могли даже прикасаться. Им же номинально принадлежала вся земля той области, где они правили. Но в действительности арии нуи делили землю среди арии рии, которые управляли отдельными частями этого «племенного государства». А те, в свою очередь, раздавали участки манахуне, которые обрабатывали их. Ни верховные, ни низшие вожди, естественно, никогда не работали. Они жили за счет налогов и податей, выплачиваемых манахуне за право обрабатывать землю, принадлежащую господам.

Власть и положение арии нуи всегда наследовал лишь первенец верховного вождя. Если же вождь не имел потомков мужского рода, то освободившийся трон занимал старший среди братьев вождя. Во всей Полинезии, но особенно здесь, на Таити и прилегающих островах, местная аристократия придавала огромное значение перворождению, примогенитуре.

Исключительное, «полубожественное» положение первенец занимал с самого дня своего рождения. Когда наступал день первых родов жены верховного вождя, жрецы провозглашали табу для всего племени, распространяющееся на землю и воду. Манахуне на это время обязаны были скрываться в глубине острова.

Жена вождя поселялась в марae своего племени, где для нее строили специальный альков из зеленых ветвей, а рядом находился «дом слабости». В нем она вместе с новорожденным проводила шесть первых недель его жизни.

Когда ребенок рождался, знахарь вождя и его семьи перерезал пуповину, показывал ее отцу и громко провозглашал:

— Вот бог и сошел на землю!

Пуповину прятали в особую бамбуковую коробку, которая хранилась в стенах родового марae. Остальные предметы, связанные с родами, сжигали, а пепел их развеивали по ветру.

В марae, родовом святилище, проходил также и обряд «крещения» новорожденного принца. Все собравшиеся члены рода данного арии нуи в определенный момент наносили себе несколько порезов на лбу. Кровь, брызнувшую из ран, смешивали с кокосовым молоком, затем каждый обмакивал в эту розовую жидкость пальмовую ветвь и проводил ею по лицу младенца. Так, символически, лю-

ди одной крови, принадлежащие к поколению отца и деду ребенка, объединялись и с ним самим. После обряда в святилище начиналось великое торжество, во время которого отец давал ребенку «достойное» имя.

После окончания торжества во все уголки территории, подчиняющейся верховному вождю, разбегались его посланники, чтобы возвестить людям племени о появлении первенца на свет. Посланники несли красный флаг, который для таитян всегда был символом святыни. В Полинезии флаги изготавливали из окрашенного бананового лыка.

С этой минуты манахуне имели право вернуться на побережье. А сам младенец и его мать должны были провести длительное время вдали от семьи и людей. Их помещали в дом, окруженный высокими каменными стенами, откуда они не видели никого, кроме нескольких слуг.

Лишь спустя четырнадцать месяцев жена вождя со своим первенцем покидали «дом матери и ребенка».

Девушек, знатное происхождение которых давало надежду на брак с будущим вождем, было не так много. А та, которую принц и его семья выбирали, уже не могла наслаждаться свободой. Ее заключали в своеобразный монастырь для одной послушницы, расположенный на возвышенном, видном из всех уголков деревни месте. Здесь для невесты строили дом, где она до дня бракосочетания жила под надзором пожилых женщин.

И не просто жила. Ее тщательно готовили к браку. Задолго до свадьбы для обоих обрученных, живущих отдельно друг от друга, наступал период *наа пори*, то есть «кормления». Род арии нуи заботился не только о чистоте крози, но и о внешнем виде своих представителей. Поэтому в этот период будущих супругов обильно кормили специально отобранными блюдами. Они оба должны были долго спать, много отдыхать, часто купаться.

Теперь принц и его суженая, всесторонне подготовленные, могли вступить в брак. Период «кормления» не заканчивался, однако, свадьбой. До тех пор пока не рождался наследник, *наа пори* продолжался. Будущего ребенка следовало зачать в момент наивысшего духовного и физического расцвета супругов. Ведь он должен стать совершенством, достойным своего высокого положения. А родители были обязаны отдать ему все, что могли, что было в их силах.

Однако главным днем наследника было не рождение,

не обрезание и даже не свадьба. Лишь приняв Красный пояс — «королевскую корону» таитянских племенных государств, наследник становился настоящим арии нуи — верховным вождем, потомком полинезийских богов.

Как я узнал во время посещения Опоа на Раиатеа, «коронационные» ритуалы в этой части Полинезии, как правило, совершались в родовом марае. В некоторых случаях жрецы передавали Красный пояс будущему арии нуи на специальной «коронационной» лодке. Перед этим наследник прыгал обнаженным в воду, чтобы символически очиститься в волнах от всех грехов и всего земного.

Подобные обряды, как рассказывают таитяне, всегда сопровождались какими-либо сверхъестественными событиями. На Раиатеа например, во время очистительных купаний в водах лагуны к будущему вождю «подплывали две акулы и терлись о него, как бы приветствуя нового арии нуи».

Жители Раиатеа дали даже имена странным акулам. Одну из них называли Тануи, другую — Туамо. Этих морских хищников «собственной кожей» ощутил и знаменитый вождь Таматоа, чей рассказ приводят все авторы, побывавшие в этой части Полинезии в первой половине XIX века, в том числе известный миссионер Эллис.

Как говорят, за что купил, за то и продал, но здешние акулы действительно весьма странные существа. Я собственными глазами видел, как на одном из островов группы Самоа, Тутуиле, местные жители вызывали акул из моря.

Но это происходило на Самоа. А сейчас я нахожусь на Таити. И интересуют меня не те, кто приветствует, а те, кого поздравляют, — верховные вожди, арии нуи. На первом этаже Этнографического музея, в разделе, посвященном истории архипелага, который сейчас носит название островов Общества, выставлены их регалии. Эти знаки власти (жезл, герб и даже корона) великолепно знакомы нам, европейцам, как символы самодержавия. И это не случайно. Ведь благодаря благосклонности европейцев, и особенно огнестрельному оружию, переданному вождю одного из небольших независимых таитянских племен, арии нуи этой земли стал монархом сначала острова, а впоследствии и всего архипелага.

Последнему из рода тех, кто носил королевскую корону, пришлось отдать символ своей власти — штандарт — опять же в руки европейца — французского офицера.

На Таити уже не осталось в живых представителей этой единственной общетаитянской королевской династии. Но сохранились дворец, сад, где гуляла королева, жезл, герб, штандарт и корона. И конечно, могилы — памятники давно угасшей славы.

ПАМЯТНИК С БУТЫЛКОЙ

Таитянские короли называли себя *Помаре*. Пришли они на Таити около 1650 года с атолла Факарава²⁷ архипелага Туамоту.

Самого первого представителя будущей королевской фамилии, переселившегося на остров Таити, звали Ту. Его принял в свою семью Паре — один из членов рода местного вождя. Ту впоследствии женился на дочери вождя земли Аруе. А сын его взял себе в жены еще более знатную девушку. Таким образом с каждым новым браком общественное положение «эмигрантов» с маленького кораллового островка укреплялось. Позже с помощью английских моряков эта династия поднялась на самую высокую ступень и стала править не только островом Таити, но и всем обширным архипелагом.

Однако правление этой династии, вспыхнувшей на таитянском небосклоне подобно огромному метеору, длилось недолго. От королев Таити остались теперь только памятники. И самый большой находится не в Папезте, а в деревне Папаоа на земле Паре, которой Помаре владели до прихода белых людей.

Поэтому я покидаю Папезте и уезжаю в Папаоа. Должен сказать, что делаю я это без сожаления. Хочется увидеть настоящее, исконное, полинезийское лицо острова. А в Папезте его, к сожалению, уже давно скрыла европейская цивилизация.

Таити, к которому узкой горловиной присоединяется полуостров Таиарапу (судьбы его во многом отличаются от судеб Таити Нуи — «Большого Таити»), имеет форму круга. Естественная, самая красивая дорога на Таити тянется вдоль побережья. Она открывает перед путником горы, которые, подобно Раиатеа или Бораборе, занимают всю центральную часть острова и достигают высоты главных Карпатских хребтов, и море, в дымке которого виднеется верный друг Таити — остров Муреа.

Таитяне сравнивают свой остров с рыбой. Голова ее—

самая северная часть Таити — Паре, хребет проходит через главную вершину острова — Орохену, а хвостовым плавником является полуостров Таиарапу.

Как уже было сказано выше, я решил осмотреть сначала «голову рыбы» — Паре, где находится Папаоа. Туда легко дойти пешком. Я перехожу речку Пирае и вскоре достигаю цели.

Здесь, в Папаоа, не только колыбель, но и могила рода Помаре. Она расположена рядом с христианской церковью, построенной в 1902 году на месте огромного — длиной в двести сорок метров — деревянного протестантского кафедрального собора, в котором в 1824 году пастор Нотт провозгласил Помаре III «королем всего Таити, Муреа и прилегающих островов». Собор был разрушен. Династия Помаре вымерла, а в Папаоа, бывшей их колыбели, осталась лишь могила с надгробьем, украшенным большой буквой «П» и огромной бутылкой.

Эта бутылка, как мне охотно сообщал каждый собеседник, якобы напоминает о склонности последнего короля к «Бенедиктину». Говорят, что Помаре V за этот ликер был готов продать все свое королевство. Так, собственно, он и поступил. Потомок властителей Паре и объединителей Таити, Помаре V в 1880 году отдал Таити французам. Конечно, не только под влиянием «Бенедиктина» и не только за него. До самой смерти он получил право ссхранять свой титул; у короля остался личный штандарт, ему назначили неплохую пенсию. И этот «король без королевства» пользовался данными ему привилегиями одиннадцать лет. Потом он умер, оставив после себя лишь одно надгробье с бутылкой от «Бенедиктина» на нем.

Верноподданные таитяне предпочли бы видеть погребальную урну. Но это, в общем-то, не так уж и важно. Результат остался тот же — единое таитянское королевство погибло. Я уже говорил, что Папаоа была его колыбелью. А весь Таити до объединения делился на самостоятельные области — мелкие независимые племенные государства²⁸. На севере острова, «голове таитянской рыбы», находилась область Паре. Воздем ее в тот период, когда к берегам Таити подошел первый европейский корабль, — а открыл остров Самюэль Уэллс в 1767 году, — был выдающийся воин Хапаи. К тому времени власть Амы, вождя из Папары, владевшего Таити, уже стала ослабевать.

Сын Хапай — Помаре I не был столь выдающимся воином, как его отец. Но так как его поддерживали начавшие посещать остров белые люди со всеми своими чудесными вещами, Помаре I смог укрепить власть и перенести в свое марae Красный пояс, который здесь, как и на Раниатеа, считался символом верховной власти.

И этот священный Красный пояс словно придал Помаре I силы. На следующий же год ему удалось подчинить себе последнюю, до тех пор независимую часть Таити — изолированный полуостров Таиарапу. А в 1792 году, когда в водах Таити находился корабль «Дискавери», которым командовал друг и покровитель Помаре капитан Ванкувер, таитянский король захватил второй по значению после Таити остров архипелага Общества — Муреа.

В это время при дворе Помаре появляются первые протестантские миссионеры. Сын Помаре, да и другие таитяне, не принимают их с большой теплотой. По наущению одного из верховных жрецов, Мани Мани, Помаре II даже пытался свергнуть отца и выгнать миссионеров. Король, однако, разгадал замыслы сына, приказал убить жреца, а власть наследника трона сильно ограничил. Но вскоре миссионеры ушли сами, и никто более не покушался на верования таитян.

Помаре I отвоевал обратно самую «священную» статую бога Оро, которая когда-то украшала святыню в Паре, но потом была похищена вождем племени атахуру — Руа.

Когда Помаре I умер, его сын перенес эту статую на остров Муреа, откуда и стал править всем архипелагом. Однако тут в историю Таити вновь вмешиваются враги языческого бога Оро — протестантские миссионеры. На Муреа, а потом и Таити вспыхивает настоящая религиозная война. Но новый король, как это ни странно, по примеру своего отца склоняется на сторону миссионеров. Он принимает крест и вместе с ним их всестороннюю помощь. В том числе и первую бутылку ликера. С этого момента власть алкоголя начинает преследовать династию до того дня, пока не умер его последний представитель — Помаре V. Впрочем, и его предок Помаре II меньше чем через два года после того, как принял крещение, скончался от алкогольного отравления.

Сыну Помаре II чуть больше года. Поэтому регентшей становится королева-мать — нерешительная Теремо-

емое, которая вскоре передает всю власть над осиротевшим королевством своей сестре, яркой противнице миссионеров. Те, в свою очередь, немедленно провозглашают сына упившегося до смерти государя «королем всего Таити, Муреа и прилегающих островов».

Вместе с короной мальчик получает и имя Помаре. Однако король-дитя обманул надежды английских миссионеров. Вскоре после коронации, семи лет от роду, он умер от дизентерии.

Продолжательницей славной династии становится четырнадцатилетняя сестра умершего маленького короля Аимата (Помаре IV), покровительница песен, танцев и любовных игр, о которой я уже говорил, рассказывая об острове Тахаа.

Пятьдесят лет владычествовала Помаре IV на Таити. Пришел XIX век, и далекие острова в сердце Южных морей стали интересовать европейские державы. Борьба за Таити, которую подогревали, с одной стороны, протестантские, а с другой — католические миссионеры, чуть не привела к войне между Англией и Францией. В конце концов победило французское влияние. Таити, а вместе с ним и все Подветренные и Наветренные острова, был аннексирован во время правления сына Аиматы Помаре V Того самого короля, который покоится в Папаоа под каменным надгробьем, украшенным огромной бутылкой. Того самого, который больше всего на свете (даже больше свободы своего народа) любил ликер «Бенедиктин».

В ЗАЛИВЕ МЯТЕЖНИКОВ

(первая таитянская легенда)

Из Папаоа — колыбели и могилы таитянской королевской династии — я продолжаю свой путь вдоль побережья острова по его окружности и, минуя большие деревни Аруе и Тахару, попадаю на самый северный выступ — мыс Венера.

Почти весь он, замыкающий просторную, очень красивую бухту, покрыт пальмовой рощей. Над деревьями возвышается белый маяк, свет которого виден на расстоянии пятидесяти километров. Прямо под маяком — монумент, напоминающий о том, что здесь в 1777 году с яхты «Дафф» на берег вышли первые английские миссионеры.

В нескольких десятках метров от монумента находится еще один памятник. Он свидетельствует о посещении острова самым знаменитым исследователем Южных морей — капитаном Куком, который как раз отсюда вместе с двумя учеными, Соландером и Грином, по просьбе Королевского астрономического общества наблюдал за прохождением Венеры через солнечный диск. Именно поэтому мыс, где была расположена обсерватория капитана Кука, назван именем Венеры.

Бухта, образованная мысом Венера, с 1767 года, когда на Таити ступил первый европеец — капитан Самюэль Уэллс, прибывший на корабле «Дельфин», стала излюбленным местом стоянки сначала английских, а потом и французских кораблей.

Называется она Матаваи, что означает «взгляд на воду», или «вид на море». Длина ее — около четырех километров, берег покрыт темным лавовым песком. За черным пляжем начинается кокосовая роща, а еще дальше растут хлебные деревья. С другой, противоположной мысу Венера стороны торчит острая голая вершина, которую капитан Уэллс так и назвал: «Одинокая скала». Уэллс и после него Кук встречались здесь с супругой верховного вождя из Папары — Ама Пуреу.

Однако в конце XVIII века власть этого рода резко ослабевает и одновременно начинается быстрое возвышение рода Помаре. А так как бухта Матаваи расположена всего лишь в нескольких километрах от территории Помаре, то вскоре этот властолюбивый род прибирает к рукам и ее.

И теперь уже все европейские мореплаватели, прибывавшие на остров, особенно англичане, вступали в контакт прежде всего с родом Помаре, принимая его верховного вождя за короля всего Таити. Именно ему они передавали дары, привезенные для владык неизвестного острова, оказывали всяческую помощь, в том числе и огнестрельным оружием.

Благодаря открытой поддержке англичан Помаре в конце XVIII века сумели подчинить себе весь Таити, затем остров Муреа, Подветренные острова и, наконец, далекие атоллы Туамоту.

Бухта Матаваи стала опорным пунктом первых европейцев. На ее берегу один из офицеров «Дельфина», лейтенант Ферн, поднял британский флаг, подчинив таким образом Таити власти английского короля. Вновь откры-

тую землю он назвал островом Георга III, а залив Матаваи стал королевским портом — Порт-Роялом.

Вскоре после «Дельфина» якорь в этой бухте бросили корабли знаменитого Кука, который наряду с астрономическими наблюдениями занимался также изучением Таити и соседних островов. Вместе с одним из таитянских верховных жрецов, Тупале, он побывал на Подветренных островах — Хуахине и священной Раиатеа.

Подветренные и Наветренные острова Кук назвал островами Общества в честь лондонского Королевского общества²⁹. Название это сохранилось и до наших дней.

Уэллс, первый, кто посетил Таити, подарил островитянам кошку и несколько других мелких домашних животных, до того времени неизвестных в Полинезии. Кук оказался значительно щедрее. Во время своего вторичного посещения Таити в 1778 году мореплаватель преподнес Помаре I кроме всего прочего быка и трех коров.

Через год после последнего посещения Куком Таити в бухте Матаваи бросил якорь трехмачтовый бриг «Баунти», которым командовал капитан Уильям Блай. А так как Блай и «Баунти» связаны с Таити больше, чем кто-либо, то история этого брига уже стала легендой и легла в основу мифа о «последнем рае». Мне хочется о ней рассказать.

Долгое время главную роль в этой истории играл сам капитан Уильям Блай. Не так давно я неожиданно вновь услышал его имя во время поездки по рассыпанным на большом пространстве островам Карибского моря. На одном из небольших островов я изучал так называемых черных карибов — своеобразных индейско-негритянских метисов. В ботаническом саду столицы острова — Кингстауна я обнаружил необычное растение — тихоокеанское хлебное дерево. Это первое подобное дерево на Антильских островах; оно выращено из саженца, «внука» того деревца, которое привез с Таити здешним плантаторам Уильям Блай.

Высокое зеленое растение с круглыми желтоватыми плодами — хлебное дерево Полинезии — послужило единственной целью экспедиции «Баунти» на Таити. Во всем, собственно, «виноват» оказался капитан Кук. Он первым обратил внимание на то, насколько неприхотливо таитянское хлебное дерево и как полезны его плоды.

Сообщение Кука подтвердили ученые, сопровождавшие его в двух экспедициях, — шведский ботаник Да-

ниэль Соландер и немецкие ученые братья Иоганн и Георг Форстеры.

Эти сведения очень заинтересовали английских плантаторов, обосновавшихся на другом конце света — на Малых Ангильских островах. Их представитель, «Постоянный комитет вест-индских плантаторов», обратился к английскому королю Георгу III с просьбой, чтобы британское адмиралтейство отправило в Полинезию корабль, который привез бы на Антилы саженцы чудесного дерева.

Адмиралтейство и послало за саженцами бриг «Баунти». Его офицерскую кают-компанию превратили в оранжерею, где должны были находиться горшки с редкими саженцами. Ухаживать за ними поручили ботанику Дэвиду Нелсону и опытному садовнику Уильяму Брауну. Командиром корабля стал капитан Блай, который до этого побывал на Таити как рулевой одного из кораблей Кука.

Блаю, начальнику экспедиции, направляемой за саженцами хлебного дерева, нужно было подобрать экипаж, которому предстояло совершить плавание на далекий тихоокеанский остров. Сам капитан набрал лишь несколько человек. Единственным, кого он действительно хотел взять с собой, был Флетчер Крисчен, высокий молодой человек родом из семьи богатого землевладельца с юга Англии. Крисчен служил под началом Блая во время его плаваний в Вест-Индию. Позже молодой офицер благодаря покровительству капитана стал его первым помощником.

Блай был полной противоположностью своему протеже. Он был суров к команде, но не прощал слабостей и себе. Чрезвычайно подозрительный, Блай не понимал подчиненных и часто, быть может сам того не желая, оскорблял их.

Поэтому с самого начала плавания капитан оказался в одиночестве. А экспедиция была очень тяжелой. Через три месяца бриг пробился к мысу Горн, самому южному выступу Южной Америки. Но непрекращающиеся бури и штормы заставили капитана Блая повернуть назад и устремиться к берегам Африки, к мысу Доброй Надежды.

И тут над экипажем нависла угроза голода. Рыбы здесь было мало, и моряки ловили альбатросов, но мясо этих морских птиц имеет резкий, неприятный запах.

Однако всеобщая враждебность окружила капитана после того, как был вскрыт один из бочонков с продуктами, в котором, как оказалось, недоставало двух головок

сыра. Блай без колебаний заявил, что их украл кто-то из команды. И он запретил выдачу сыра до тех пор, пока виновник не будет найден.

Но тут один из членов экипажа, бондарь Хиллбрант, отвечавший за сохранность тары, напомнил Блаю, что злополучную бочку уже однажды открывали, когда «Баунти» стоял в Лонгрине, по приказу самого Блая, и две недостающие теперь головки отнесли тогда капитану домой. А так как сказанное бондарем подтвердил еще один матрос, то капитан был публично уличен во лжи. Вместо того чтобы уступить, Блай пригрозил бондарю жестоким наказанием «за оскорбление и ложное обвинение». Это была не пустая угроза: еще во время плавания к мысу Горн по распоряжению капитана матроса Мэтью Кинтала подвергли телесному наказанию за «неповиновение».

Однако обо всех страданиях, голоде, страшных штормах и наказаниях матросы забыли, стоило лишь «Баунти» бросить якорь под Столовой горой на южном берегу Африки. Бриг быстро залечил свои раны и уже через тридцать восемь дней поднял паруса.

Блай вел свой парусник примерно по сороковому градусу южной широты. Это было смелое решение: в зимние месяцы в южную часть Индийского океана еще не проникал ни один корабль. Однако сильные океанские течения способствовали движению брига, и через пятьдесят дней «Баунти» снова бросил якорь — на этот раз в заливе Приключений острова Тасмания. Блай думал, что Тасмания — это часть Австралии. Матросы с «Баунти» познакомились здесь с тасманийцами, находившимися на самом низком уровне развития, которые позже были целиком истреблены³⁰.

После короткой остановки на Тасмании «Баунти» продолжил свое плавание. В воды Тихого океана бриг вошел южнее Новой Зеландии. Здесь Блай обнаружил группу необитаемых островов. Он нашел там только пингвинов. Капитан назвал их островами Баунти.

Парусник продолжал двигаться к своей цели — бухте Матавай. Однако дух дружбы отнюдь не царил среди экипажа. Если по пути к мысу Горн капитан настроил против себя большинство матросов, то теперь младшие и старшие офицеры (в том числе и самый старший по должности — Фраер) подозревали — и не без основания, — что Блай подделывает судовые счета. Поссорился Блай и с корабельным врачом Хаггеном.

В то время как Блай терял уважение своих подчиненных, Флетчер Крисчен, теперь уже его старший помощник, наоборот, завоевывал симпатии всего экипажа. Настроение на борту «Баунти» было чревато взрывом. Однако бриг быстро приближался к берегам острова Таити, о котором моряки «Баунти» мечтали точно так же, как мечтают о земле матросы в наши дни. 26 октября 1788 года парусник наконец бросил якорь в бухте Матаваи. Капитан Блай знал Таити; ведь он плавал в Южных морях еще с Куком. Остальные члены экипажа — за исключением одного человека — впервые оказались в «волшебной бухте».

Таити и таитяне не обманули надежд матросов с «Баунти». Романтическая легенда о «последнем рае», которая начинала рождаться еще из рассказов моряков Кука, оказалась правдивой. Люди с «Баунти» знали мир. Большинство из них многие годы скитались по морям и океанам. Однако поразительная красота Таити и горячие сердца таитянок превзошли все ожидания.

Таитяне приняли мореплавателей «Баунти» так же сердечно, как и экипажи всех, пока что немногочисленных, европейских кораблей, заходивших на остров. В течение нескольких часов почти все матросы «побратались» с таитянами. Многие англичане по полинезийскому обычаю обменялись со своими новыми друзьями *таио* — именами.

Островитяне приняли заморских «братьев» в свои семьи. И еще горячее встретили моряков таитянские девушки. Блай, этот невыносимый во время плавания человек, даже разрешил прелестным таитянкам ночевать на борту корабля. Кончились долгие дни лишений, голода, опасного пути по неизвестным водным пространствам.

Больше всего забот теперь выпало на долю начальника экспедиции, который должен был обеспечить успех операции «хлебное дерево», а также в интересах британской короны наладить более тесную связь с вождями Таити. Еще во время своего первого посещения острова он познакомился с Помаре I, который в то время носил имя Ту. Кстати, этот вождь в течение своей жизни несколько раз менял его — во время пребывания здесь «Баунти» он именовался Тения, а позже стал звать себя Мете. Но в историю вождь попал под именем, которое потом приняли все его потомки и вся династия общетаитянских королей.

Ту-Тения-Мете — будущий Помаре I — правил только в соседней земле Паре. И бухта Матаваи пока что не входила в его владения. И все же Блай решил, что Тения является верховным вождем острова, и направил своих послов к нему. Будущий Помаре I и его супруга Ития посетили «Баунти» и приняли на его борту многочисленные подарки Блая. В ответ они пригласили Блая к себе, где на «званом ужине», сопровождаемом тремя флейтами и барабанами, обтянутыми крокодиловой кожей, капитан Блай намекнул хозяину, что его государь, Георг III, хотел бы получить от своего «королевского коллеги», Помаре, саженцы хлебного дерева. Тения с радостью выполнил эту, с точки зрения таитянина, весьма скромную просьбу гостя.

Вначале экипаж «Баунти» собирал саженцы не во владениях Тения, а прямо на берегу бухты Матаваи, принадлежащей Поину, вождю соседней территории. Весь мыс Венера, где стояла хижина Поина, был покрыт многочисленными хлебными деревьями. В этом зеленом царстве Нелсон и Браун соорудили большой питомник. А собирать саженцы было поручено группе из четырех человек, которой командовал Флетчер Крисчен. О более замечательном отпуске никто из матросов не мог и мечтать. Они бродили по острову, искали саженцы и вкушали все радости полинезийского гостеприимства.

Каждый из моряков обзавелся на острове «братом», который по полинезийским обычаям предлагал ему не только свой дом, но и свою жену. Да этого и не нужно было делать. К лагерю на мысе Венера — какое удивительно подходящее название! — каждый вечер с песнями и танцами сходились девушки со всей округи. Все это напоминало какие-то сентиментальные мечты и в то же время было реальностью.

Интерес к англичанам проявляли не только таитянские красотки, но и вожди. Честолюбивый Тения-Помаре требовал, чтобы Блай доказал свое расположение к нему, переведя бриг из бухты Матаваи непосредственно к побережью Паре. Капитан согласился, и новой стоянкой «Баунти» стал залив Тоароа, который, однако, во многом уступал Матаваи. Во всем остальном положение членов экипажа «Баунти» оставалось прежним.

Флетчер Крисчен и его «хлебная» команда стали собирать саженцы на территории Паре, где Нелсон и Браун создали новый питомник. Необходимое число сажен-

цев уже давно было собрано, а «Баунти» приведен педантичным Блаем в образцовое состояние еще до того как бриг переменил стоянку. Поэтому после переезда никто уже ничем не занимался, кроме любви под аккомпанемент мелодий и танцев.

Остаться на этом острове до конца дней своих — вот о чем думал каждый матрос. Вскоре три члена экипажа исчезли. Среди беглецов оказался один из лучших матросов, которому как раз и было поручено следить за тем, чтобы никто не сбежал, — Чарлз Черчилл.

С помощью местных вождей Блай вскоре нашел беглецов. Двоих капитан наказал сорока восемью ударами плетью, третьего — двадцатью четыремя. Капитан высек за невнимательность еще одного члена экипажа — Алека Смита. Грубо обошелся Блай и с бывшим своим заместителем Фраером. Как следует досталось от капитана и мичманам. В довершение всего Блай конфисковал свиней, которых моряки закупили у таитян, чем вызвал новое недовольство экипажа.

Подарками Помаре и другим вождям, а также обменом безделушек на продовольствие по распоряжению Блая занимался матрос Пековер, человек исключительных лингвистических способностей, быстрее всех выучившийся говорить по-таитянски. На борту «Баунти» имелось больше полутонны гвоздей, четыре тысячи топоров, пятьсот ножей и множество пил. Гвоздями и инструментами моряки обменивались с мужчинами. А для женщин, чье расположение они ценили значительно выше, припасли более десяти тысяч стеклянных бус, триста зеркал и другие предметы дамского туалета. Моряки продавали также, точнее, обменивали свои личные вещи — одежду, гребни и т. п. Взамен они получали от таитянских друзей кокосовые орехи, птицу и главным образом свиней. Правда, последних капитан Блай конфисковал.

Раз уж речь зашла о животных, то надо сказать, что вся история первых посещений европейцами Таити имеет еще одну сторону, связанную с животными, которых белые люди дарили жителям острова. Так, Кук привез сюда трех коров и быка. И Блай, который присутствовал при передаче этих животных Помаре, естественно, поинтересовался, что же с ними произошло. Оказалось, что они давно исчезли из «королевского» хлева. Двух коров у будущего всетаитянского короля украли жители соседнего острова Мурео, третью — представители племени

папара, а одичавший бык бродил где-то по лесам восточной части Таити. Блай выкупил оставшуюся на острове корову и случил с нетерпеливым и свирепым быком. В Полинезии родился наконец первый теленок. Таким образом капитан Блай возродил животноводство в Южных морях.

После шести месяцев пребывания на Таити (необходимое количество саженцев команда Крисчена набрала за несколько дней) «Баунти» наконец поднял паруса. Почти все члены экипажа не хотели покидать Таити. Именно тогда, когда они вкусили «райских плодов», им приходится навсегда покинуть эти благословенные места. Блай всеми силами старался сократить их пребывание на Таити. Этот замечательный мореплаватель и удивительно плохой психолог делал все, чтобы нажить себе как можно больше врагов среди членов экипажа.

Рядовые матросы и большинство офицеров уже давно ненавидели капитана. Но теперь, ко всеобщему удивлению, Блай начал преследовать того, кого сам же назначил своим старшим помощником, — Флетчера Крисчена.

Положение Крисчена становилось все более и более невыносимым. Каплей, переполнившей чашу терпения помощника капитана, стала следующая история. На Номуке — последнем полинезийском острове архипелага Тонга — «Баунти» сделал остановку. Здесь Блай закупил у местных жителей большое количество кокосовых орехов, которые сложили в кучу на главной палубе. На второй день после отплытия из Номуки капитану показалось, что орехов стало меньше. В краже Блай обвинил Крисчена. Последний признался, что действительно взял один-единственный кокосовый орех. Остальные же члены экипажа заявили, что к орехам даже не притрагивались. Блай стоял на своем, продолжая обвинять всех моряков. Экспансивный капитан тут же объявил о наказаниях: запретил выдавать грог, а количество ямса — основного продукта питания — сократил вдвое.

Все были оскорблены, но больше всех Флетчер Крисчен. Офицера, выходца из богатой английской семьи на глазах у команды обвинили в воровстве! И все из-за одного-единственного ореха!

Доведенный до отчаяния, Крисчен сначала решил сколотить плот, чтобы в ту же ночь тайком покинуть «Баунти» и навсегда остаться на каком-нибудь из островов По-

линезии. Всю ночь Крисчен не сомкнул глаз, но «Баунти» не покинул, а, наоборот, захватил. На судне вспыхнул мятеж, повод для которого, сам того не желая, дал близкий друг Крисчена мичман Стюард.

Было четыре часа утра 28 апреля 1789 года. Крисчен, мрачный, стоял на вахте. Два его помощника, которым поручили заботиться о порядке на судне, не подчинились приказу. Первый, Хейворд, как всегда, спал. Именно благодаря его постоянной сонливости трем морякам удалось убежать с корабля на Таити. Второй вахтенный, Хеллет, вообще не потрудился подняться на палубу в ту роковую ночь.

Разгневанный Крисчен стал искать союзников среди рядовых членов экипажа. Его внезапно родившийся план заключался в том, чтобы захватить корабль и навсегда остаться на Тихоокеанских островах. Нищие, вечно эксплуатируемые моряки, влачившие на «Баунти» самое жалкое существование, поддерживали Крисчена. К тому же на родине их не ждало ничего хорошего. Самыми активными среди заговорщиков стали те матросы, которых Блай когда-то приказал наказывать плетью. Среди мятежников выделялся Черчилл, один из трех беглецов, схваченных Блаем на Таити.

Эта не запланированная заранее драма разыгралась очень быстро. Прежде всего мятежники захватили оружие, хранившееся в особом сундуке на палубе. Приподняв крышку сундука, они, к своему удивлению, обнаружили там Хеллета — одного из вахтенных мичманов, который, оказывается, благополучно отсыпался там во время дежурства. Крисчен растолкал его и отправил с каким-то поручением, а своим сторонникам раздал оружие. Затем в сопровождении Черчилла и еще одного матроса вошел в каюту Блая и арестовал безмятежно спавшего капитана. А в это время один из самых горячих сторонников мятежа, Мэтью Кинтал (Блай дважды наказал его розгами), арестовал второго помощника капитана на «Баунти» — Фраера.

Таким образом парусник оказался в руках мятежников. Бриг был захвачен так быстро и так бесшумно, что некоторые члены экипажа проспали это событие. Мятежники одержали победу, и теперь главарю, который еще накануне даже и не помышлял о бунте, надо было решать, что делать дальше. Какая участь ждет его самого, побежденных и победителей?

Мятежникам и их главарю принадлежал теперь великолепный бриг английского королевского флота. Однако бывший капитан и его сторонники получили в свое распоряжение спасательную шлюпку. Таким образом, пути героев истории, положившей начало первой тайтянской легенде, разошлись. И «Баунти» и шлюпку ждал трудный и долгий путь в этих прекрасных, но малоизученных Южных морях.

В новой Одиссее, точнее, двух новых Одиссеях много героического. Действующие лица одной из них — моряки, находившиеся на уже знакомом нам паруснике «Баунти», другой — капитан Блай и оставшиеся ему верными люди. В семиметровую шлюпку, полученную от Крисчена, смогли спуститься капитан Блай, второй офицер Фраер и все те матросы, которые вместе с капитаном решили вернуться на родину. Каждому из них разрешили взять свои личные вещи. Выяснилось, однако, что шлюпка мала для всех желающих вернуться в «старую добрую Англию». Кое-кого из «лояльных» членов экипажа не хотели отпускать сами мятежники, например корабельного мастера Моррисона, плотников Макинтоша, Нормана и других.

Спасательная шлюпка оказалась сильно перегруженной, особенно после того как Крисчен передал изгнанникам продовольствие и воду, рассчитанные на несколько дней пути. Им его должно было вполне хватить, так как «Баунти» находился вблизи северных островов архипелага Тонга. Далеко на горизонте виднелись угрюмые вершины вулканического острова Тофуа, а в ста милях южнее лежал самый крупный из островов Тонга — Тонгатабу.

Однако Блай вовсе не собирался задерживаться на этом архипелаге. Он стремился как можно быстрее попасть в Англию, получить там новый корабль и вернуться в Полинезию, чтобы расправиться с мятежниками.

Однако принять решение намного легче, чем его выполнить. Но ведь до ближайшего населенного пункта — голландских и португальских колоний в Индонезии, где капитан и его сторонники могли пересесть на корабль и пополнить запасы продовольствия, чтобы отправиться в Европу, — было пять с половиной тысяч километров. Этот

путь надо было покрыть на утлой лодке с восемнадцатью людьми на борту и недельным запасом пищи и воды! Гонимый жаждой мести, Блай все-таки совершил это плавание. Своим людям он давал по тридцать граммов сухарей и стакану воды в сутки. Путешествие от островов Тонга до Тимора вошло в историю как одно из величайших и самых отважных плаваний всех времен. Блай сделал короткую остановку на Тофуа, причем матросы не только не нашли там пищи, но и чуть было не погибли. Лишь спустя сорок два дня достигли они Тимора. Затем, придерживаясь берегов Азии и Африки, сумели добраться до родной Англии.

Но меня интересовала не судьба Блая, а трехмачтовый парусник «Баунти», который вскоре стал известен всей Англии. На его борту остались двадцать четыре бунтовщика, в том числе и те, кого мятежники задержали насильно.

Когда Блай покидал корабль, матросы кричали ему вслед:

— Да здравствует Таити! Да здравствует Таити!

Капитан ни секунды не сомневался в том, что послужило толчком к мятежу, пожалуй, самому известному в истории Южных морей. Блай писал: «Мятежники уверили себя, что жизнь на Таити куда приятнее, чем в Англии. Если вспомнить их связь с женщинами... Каким соблазном было для этих негодяев сознание, что в их власти — пусть даже эта власть присвоена незаконно — основаться на самых чудесных островах в мире, где вовсе не надо трудиться, а наслаждения и развлечения превосходят все, что можно себе вообразить».

Таким образом, Блай посчитал причиной бунта на «Баунти» мечту о «последнем» и «единственном рае» на нашей планете. И об этом «последнем рае», Полинезии, о «своем» Таити думали многие мятежники, когда отправили ненавистного им капитана в небольшой шлюпке в открытое море и выбросили в воду уже никому не нужные саженцы хлебного дерева.

Однако Крисчен хорошо понимал, что английская карательная экспедиция вскоре прибудет и прежде всего начнет искать мятежников в бухте Матавай. Поэтому вместо дорогого сердцу Таити он повел бриг, которым теперь командовал, в другом направлении. Крисчен искал уединенный островок, где он со своими людьми мог бы укрыться от преследователей. После длительных разду-

мий выбрали остров Тубуаи, входящий сейчас в состав Французской Полинезии, расположенный примерно в пятистах километрах от бухты Матаваи.

Моряки с «Баунти» надеялись, что на Тубуаи они найдут новый Таити и новых таитянок. Но местные жители приняли мятежников довольно прохладно. А девушки с Тубуаи, от которых моряки ожидали горячих проявлений симпатий, разочаровали их. Кроме того, на Тубуаи не было домашних животных, даже свиней, столь распространенных на Таити.

Во всем остальном этот заброшенный остров соответствовал планам Крисчена. Поэтому капитан мятежников решил остаться на Тубуаи. Но для этого необходимо было еще раз на короткое время съездить на Таити, чтобы приобрести все необходимое «для полного счастья» на острове: домашних животных и главным образом женщин.

После короткого и приятного перехода «Баунти» вновь бросил якорь в бухте Матаваи. Таитяне оказали английским «братьям» обычное гостеприимство. И все же Крисчену пришлось как-то объяснить Помаре исчезновение Блая и некоторых других членов экипажа. Крисчен сказал, что на пути к Таити они встретились с капитаном Куком (которого уже несколько лет не было в живых) и тот будто бы взял к себе на борт Блая и саженцы хлебного дерева.

Таитяне, естественно, поверили Крисчену. К тому же матросы, отказавшиеся принять участие в мятеже, даже не попытались совершить побег с «Баунти», чтобы рассказать таитянам о судьбе капитана Блая.

Идиллия продолжалась. Организаторы мятежа и его невольные участники с искренним восторгом бросились в объятия своих таитянских друзей и подруг. А Крисчен тем временем готовил колонизацию Тубуаи. Он закупил около пятисот свиней, приобрел нескольких коз и кошек (оставшихся после посещения острова Уэллсом) и даже получил последнюю корову и быка из тех, что Кук подарил островитянам.

Наконец «Баунти» вновь покинул бухту Матаваи и направился к Тубуаи. Но этот остров готовил морякам лишь одни неприятности. Дело в том, что за территорию Тубуаи боролись два враждующих племени. А Крисчен, несмотря на то что его пригласил вождь более могущественной группировки, начал строить крепость — крае-

угольный камень своей политики — на территории соседей, оказавшихся слабее.

Тинарау, оскорбленный вождь могущественного племени, объявил экипажу «Баунти» настоящую войну. В конце концов большинство мятежников вынуждены были вернуться на «Баунти», бросив недостроенную крепость. Матросы перенесли на парусник все инструменты и стали разыскивать домашних животных, которых выкрали у них воины Тинарау. Совсем старый к тому времени бык пал еще по дороге на Тубуаи. Теперь обе стороны начали борьбу за последнюю оставшуюся в живых корову. В результате погибло около шестидесяти островитян. И когда наконец морякам «Баунти» удалось все-таки вернуть корову, они забили и съели несчастное животное тут же на поле боя.

План Крисчена о колонизации острова окончательно провалился. Через несколько дней после описанных выше событий (теперь уже в третий раз!) «Баунти» оказался в бухте Матавай, откуда, собственно, и началась его история.

Главарь мятежников понимали, что Блай — человек упрямый и уж если ему удастся добраться до Англии, то он обязательно вернется на Таити и будет искать бунтовщиков именно здесь, в бухте Матавай. Поэтому, если они не хотят болтаться на рее, им следует немедленно уносить отсюда ноги. Крисчен предложил каждому сделать выбор. Те матросы, которые оказались на «Баунти» вопреки своей воле, смело сошли на берег Матавай. Вместе с ними на Таити, несмотря на грозящую опасность, остались также и другие участники мятежа. Среди них оказался самый активный мятежник — Черчилл.

Остальные девять бунтовщиков решили как можно скорее покинуть Матавай. Провизии у них было достаточно, не хватало только женщин. Тогда моряки устроили на корабле мнимый «прощальный вечер», на который пригласили группу девушек. С наступлением ночи они осторожно подняли якорь и вместе со своими пленницами покинули Таити, на этот раз уже навсегда.

На борту теперь находились восемнадцать девушек и три полинезийца. Каждый мужчина выбрал себе подругу. Остальных — самых некрасивых — высадили на острове Муреа, а сами продолжили свой путь по Тихому океану.

Долго носило их по водам Полинезии, пока наконец мятежники не оказались на острове, который, по мнению

Крисчена, отвечал всем необходимым требованиям: во-первых, он был необитаем; во-вторых, на нем росло хлебное дерево, бананы и ямс. Все это, видимо, завезли сюда когда-то полинезийцы. Еще одним свидетельством пребывания полинезийцев на необитаемом острове было святилище — мараете. Его моряки обнаружили несколько позже.

Сейчас стало даже известно, кто же первым заселил этот остров, который полинезийцы, как и Рапануи, вначале называли Мата Ки Те Ранге. Ученые обнаружили здесь скелет человека, череп которого был помещен в большую раковину. Так хоронили мертвых лишь жители острова Мангарева. Напрашивался вывод, что первыми островитянами, построившими здесь свои мараете, были жители Мангаревы. Они умели возделывать землю. Однако полинезийские колонисты, вероятно, вымерли или же покинули небольшой клочок суши и вернулись домой, на родную Мангареву. Поэтому люди с «Баунти» не нашли на острове ни одного живого человека.

Крисчен вскоре определил, что они попали на остров Питкэрн, который когда-то открыл английский мореплаватель Картерет. Однако, нанося остров на карту, Картерет ошибся на целых триста пятьдесят километров. Из-за этой картографической ошибки убежище экипажа «Баунти» не обнаружили ни карательная экспедиция, которую английское адмиралтейство действительно направило в Южные моря на поиски бунтовщиков, ни команда какого-либо другого корабля.

В распоряжении Крисчена оказался остров, о котором он долго мечтал. Главарь мятежников решил, что останется здесь до конца своих дней. И чтобы воспоминание о Таити не толкнуло кого-нибудь из его людей на попытку вернуться в бухту Матаваи, Крисчен сжег «Баунти». Мятежники, вновь открывшие Питкэрн, построили в центре острова хижины, разделили всю территорию на девять участков и начали обрабатывать землю. Судя по всему, полинезийцам земли не досталось.

И снова новоиспеченные жители острова начали ощущать недостаток женщин. На «Баунти» прибыли двенадцать мужчин и двенадцать женщин. «Лишних», как уже было сказано, англичане высадили на острове Мурее. Потом, когда из трюма вылезли еще три местных жителя (их при разделе девушек в расчет не принимали), они пожалели об этом. Кроме того, вскоре после переезда на

островок Питкэрн две женщины — жены Смита и Уильямса — скончались. Вдовцы, не предложив даже никакого вознаграждения, присвоили себе жен полинезийцев.

И вот теперь таитяне, которые сначала радовались путешествию на «Баунти» как великолепному приключению, поняли, что попали в положение рабов. Они, естественно, не захотели мириться с такой судьбой. Первых двух беглецов, скрывшихся в горах, выследили и убили. Мир, наступивший после этого «восстания», к сожалению, оказался недолгим. Примерно через три года после того, как «Баунти» подошел к Питкэрну, полинезийцы стали готовиться к новому выступлению. На сей раз оно оказалось более успешным. Островитяне застрелили из мушкетов Уильямса, Мартина, садовника Брауна и, наконец, того, кто их всех привел на одинокий остров, — Флетчера Крисчена.

Итак, на Питкэрне оказалось четыре англичанина, но не осталось ни одного полинезийца. Зато женщин стало больше, чем мужчин, причем настроены они были отнюдь не мирно. И если раньше на острове бушевала «война расовая», то теперь Питкэрну стала угрожать «война женская». Женщины с особенной неприязнью относились к двум морякам — жестокому Кинталу и Микой, который, кстати, совершил еще одно преступление. Когда-то он был рабочим на шотландском спиртном заводе. Микой вспомнил, что жители Таити добывали алкогольный напиток из корней растения ти.

Его он обнаружил и на Питкэрне. Микой из патрубков бывшего парового котла «Баунти» смастерил перегонный аппарат. Однако сам он первым стал жертвой бесконечных пьянок, которым отчаянно предавался вместе со своим другом Кинталом.

После смерти Микоя от запоя на острове остались три англичанина. Двое из них — Янг и Смит — сговорились убрать третьего, не любимого всеми Кинтала. Вскоре такой случай представился. Когда Кинтал был сильно пьян, они раскроили ему череп топором.

На острове все сильно изменилось. Бывший мичман Янг и Алек Смит навели порядок. Они даже открыли для теперь уже многочисленных потомков школу. После того как от воспаления легких скончался Янг, некоронованным королем и супругом всех десяти женщин стал единственный мужчина на Питкэрне — Алек Смит.

Этот моряк, родом из простой семьи, сам долгое время остававшийся неграмотным, изменил до неузнаваемости обитель бунтовщиков. Он воспитывал (как умел) всех: и собственных и чужих детей. Смит регулярно проводил богослужения, знакомя свою необычную «паству» с отдельными главами и заветами Библии.

Этот «христианский рай», созданный человеком, которого в Англии ждала виселица, до сих пор следует идеалам своего «творца». Впоследствии он назвал себя Адамом.

В 1807 году у берегов Питкэрна на несколько часов случайно задержался американский корабль, охотившийся за китами. Его капитан Фолджер поведал всему миру об удивительном, прелестном островке Южных морей. Моряки, побывавшие здесь после Фолджера, подтвердили его сообщения.

Мудрый Смит-Адам вершил судьбами своего острова целых тридцать лет³¹. В 1856 году некоторые потомки английских мятежников и их таитянских жен переселились на одинокий остров Норфолк в западной части Тихого океана³². Остальные до сих пор живут на Питкэрне. В наши дни они пользуются пристальным вниманием антропологов.

Так что история «Баунти» на этом не кончилась. Она продолжается и сейчас, хотя несколько выходит за рамки Полинезии. Тем не менее она небезынтересна для тех, кому дороги эти тихоокеанские острова и их жители. И уж во всяком случае любопытна тем, что легла в основу предания о «последнем рае».

Видимо, следует рассказать и о том, что произошло с другими участниками драмы. Как уже говорилось, Уильяму Блау в открытой шлюпке удалось в конце концов добраться до острова Тимор, а отсюда, из Индонезии, перебраться в Англию.

Естественно, Блай сразу же послал адмиралтейству пространный доклад о бунте на «Баунти». Адмиралтейство, в свою очередь, без промедления направило в Южные моря корабль, на этот раз «Пандору» под командованием капитана Эдвардса с целью найти беглецов и доставить их в Англию.

Эдвардс направился прямо на Таити. Вскоре в бухту Матавай, к великой радости Помаре I, вошел еще один английский корабль. Там оставались четырнадцать человек из экипажа «Баунти». Среди них — один из руководи-

телей мятеж, Черчилл, и его верный друг Томпсон, которые к тому времени покинули, однако, Матаваи и переехали на полуостров Таиарапу. В конце концов Чарлз Черчилл стал даже вождем этой территории, но английского вождя таитян вскоре предательски застрелил его ближайший друг Томпсон. А в отместку за это разгневанные жители Малого Таити разбили Томпсону камнем голову.

Оставшиеся в живых члены экипажа были очень нужны Помаре I. Ведь в бесконечно вспыхивавших между отдельными таитянскими «государствами» стычках англичанам приходилось волей-неволей выступать на его стороне. При этом они помогали королю не только своими мушкетами, но и предоставляли в его распоряжение настоящее военное судно. Дело в том, что старший корабельный мастер Моррисон, которому мятежники не позволили покинуть «Баунти» и который после ухода Черчилла стал признанным вождем оставшихся на Таити англичан, сумел построить в этих условиях замечательный корабль, названный им «Резолюшн». На нем они могли бы отправиться даже в Англию.

Однако первую военную операцию английские «наемники таитянского вождя» совершили на суше. Они выступили против земли атахуру, расположенной на западном берегу острова. Белые волонтеры Помаре оказались действительно триумфаторами. Одним из решающих результатов нападения на атахуру был захват мароруа — пояса, украшенного красными перьями, символа королевской власти. Отныне он находился в руках Помаре I. И тот послал своих белых воинов по окружной дороге вдоль побережья острова, чтобы они демонстрировали Красный пояс в каждой деревне. Моряки с «Баунти» несли мароруа и английский флаг, тоже украшенный красными перьями.

Помаре I одержал решительную победу. Однако главную роль сыграли его «английские друзья». Будущий первый король объединенного Таити даже не покидал своей резиденции. Всю работу за него проделали англичане.

Спустя несколько месяцев после «славной победы» Помаре I встречал новых английских моряков. На этот раз в Матаваи — самой известной теперь бухте Южных морей — бросила якорь «Пандора», на борту которой находился начальник английской карательной экспедиции решительный и безжалостный капитан Эдвардс.

Вскоре капитан собрал в корабельном карцере, названном «ящиком Пандоры»³³, всех моряков с «Баунти», которые в то время еще жили на Таити. И на мятежников и на тех, кто вынужден был остаться на борту «Баунти», надели кандалы. И так — в кандалах, запертые в «ящике Пандоры» — провели они на Таити целых два месяца. Посещать моряков «имели право» лишь их дети, родившиеся на острове, то есть грудные младенцы.

Но еще более ужасным, чем это пребывание в кандалах на Таити, было для узников возвращение на родину. Прекрасную бухту Матаваи корабль Эдвардса покинул в мае 1791 года. Вместе с ним отправился и «Резолюшн», построенный на Таити Моррисоном, на котором он с другими «верными» Блаю людьми намеревался отправиться в Англию. Пока что и «лояльные» матросы и мятежники одинаково страдали в душном карцере.

Но самое худшее ждало их впереди. Проходя Большой Барьерный риф, который огибает всю северо-восточную часть Австралии, «Пандора» наскочила на подводную скалу. Через проломленный борт в трюмы хлынула вода, и экипажу не оставалось ничего другого, как покинуть корабль. Когда пришлось прыгать в море, некоторым узникам стража даже не сняла кандалы. Во время кораблекрушения погибли четверо из четырнадцати моряков «Баунти» и вместе с ними тридцать один матрос «Пандоры».

А те, кто выжил, на четырех спасательных шлюпках повторили плавание капитана Блая по Торресову проливу, и спустя два года в голландской Индонезии снова появились моряки с «Баунти». На этот раз в качестве потерпевших кораблекрушение! И лишь через пять лет, после того как многострадальные моряки покинули с капитаном Блаем Англию, остаток экипажа «Баунти» вернулся на родную землю.

Еще три месяца узники ждали решения военного трибунала. Причем все, включая и тех, кто, по показаниям самого Блая, вынуждены были остаться на «Баунти» против своей воли. Блай не принял участия в самом разбирательстве. Однако он дал показания, в которых безосновательно обвинил в мятеже Джемса Моррисона и Питера Хейвуда, то есть тех, кто до конца оставался верным своему капитану. Вместе с четырьмя матросами их приговорили к смертной казни. Один из осужденных, Маспретт, благодаря великолепно составленной апелляции

адвоката, и двое невинных, Моррисон и Хейвуд, были помилованы. Трое бунтовщиков, Беркетт, Миллуорд и Эллисон, через шесть недель после вынесения приговора, ради которого они преодолели более двадцати тысяч километров, были повешены в Портсмуте на рее военного корабля «Брансуик».

Таковым оказался финал волнующей драмы брига «Баунти» и его экипажа. Чтобы отправить на виселицу трех человек, «Пандоре» пришлось обогнуть полмира. Во время плавания погибло более тридцати участников карательной экспедиции, утонул сам корабль, и адмиралтейство вынуждено было оплатить оставшимся в живых матросам «Пандоры» дорогу с острова Тимор до Англии.

Казню трех моряков с юридической точки зрения «дело „Баунти“» было завершено. Однако наказание понесли лишь второстепенные участники мятежа, и уж во всяком случае не его зачинщики. Многие, кстати, до сих пор считают главным виновником бунта того, кто стал его жертвой, — капитана Блая. О нем много говорилось в ходе судебного разбирательства в Портсмуте, но Блай так и не принял в нем непосредственного участия.

Где же он был в это время? Снова в бухте Матавай на Таити, где опять собирал саженцы хлебного дерева, которые в полной сохранности в 1793 году доставил английским плантаторам Вест-Индии.

Я недавно побывал на Сент-Винсенте, одном из Антильских островов, где увидел хлебное дерево, выращенное из первого саженца, доставленного сюда капитаном Блаем в конце своего знаменитого плавания. Это было одно из немногих хлебных деревьев, которые я видел на Антилах. Почему немногих? Да потому что те, для кого желтоватые плоды должны были стать хлебом насущным, — черные рабы английских плантаторов, отказались их есть, оставаясь «верными» своим бананам.

Первое хлебное дерево, принявшееся здесь, растет на Сент-Винсенте. Второе я видел в Кингстауне, на Ямайке. И это все. Весь результат длительных плаваний, драмы парусника «Баунти» и его экипажа, бессмысленных смертей на Питкэрне, на скалах Большого Барьерного рифа и рее военного корабля в Портсмуте.

В полном одиночестве я прохаживался по маленькому ботаническому саду заброшенного острова. И в таком же одиночестве стоял над бухтой Матавай, над этой великолепной радугой тропического моря, окаймленного

черной рамкой пляжа. Море здесь спокойно. Бухта молчит. Воды ее хранят историю, которая наряду с легендарной судьбой художника, больше всего на свете любившего этот остров, является одним из самых удивительных преданий Южных морей.

С ДВУХ СТОРОН «РАЯ»

Я, конечно, не первый человек, кого заинтересовала история «Баунти». Мне попадалось немало книг, где так или иначе о ней упоминается. Из этнографических трудов следует отметить книгу директора Национального музея в Стокгольме Бенгта Даниэльссона³⁴. Но все же самым интересным является, пожалуй, знаменитый роман американских писателей Чарлза Нордхоффа и Джеймса Нормана Холла «Мятеж на „Баунти“».

Поэтому я по дороге от усыпальницы Помаре в Папаоа сделал короткую остановку в Аруе, неподалеку от восточной окраины бухты Матаваи. Здесь похоронен один из авторов романа — Джеймс Норман Холл, умерший в 1951 году. Он отправился на Таити в поисках следов своих героев, но был так очарован «райским островом», что остался на нем и заложил здесь большую плантацию. Так он и не покинул острова, где жили люди с «Баунти», до самой смерти.

По роману Холла и Нордхоффа был снят не менее знаменитый фильм, который мне удалось посмотреть прямо там, где он создавался, — в Голливуде. Картина несколько идеализирует вождя мятежников Флетчера Крисчена, изобразив Блая таким, как его представили многие историки, — тираном, истинным виновником бунта.

Фильм я видел в Соединенных Штатах, а с его сюжетом, историей брига «Баунти» и его экипажа, познакомился здесь, на Таити. Возрожденный кинопродюсерами «Баунти», который по старым чертежам и архивным данным английского адмиралтейства построила судоверфь в Новой Шотландии, вспоминает каждый островитянин. Гордый английский парусник почти через два века вернулся в чудесную бухту. Продюсер фильма Розенберг расщедрился. На парусник XVIII века были поставлены дизели мощностью триста лошадиных сил, а помещения в тропическую жару охлаждали кондиционеры.

Здесь компания «Метро Голден Мейер» сняла карти-

ну, в которой наряду с актерами, исполняющими роли Крисчена и Блая, в качестве звезды первой величины «сверкнула» девушка с Бораборы — девятнадцатилетняя Тариатуми Териипаиа, которая в этой киноверсии представляет таитянскую жену Крисчена — Мауатуа.

Жизнь полна неожиданностей, и исполнитель роли Флетчера Крисчена, знаменитый Марлон Брандо, влюбился в свою таитянскую «киножену» и надолго остался в Полинезии. Мне показывали его «таитянскую хижину» — современную виллу с двенадцатью комнатами, построенную в Пунаауиа.

Пунаауиа расположена на противоположном, западном, берегу острова Таити. От Матаваи — бухты мятежников — я продолжил свой путь вдоль северного, а затем и восточного побережья Таити Нуи до того места, где «хвостовой плавник» — полуостров Таиарапу — соединяется с «телом» самого острова.

Это был удивительный путь. Одни участки я прошел пешком, другие преодолел на небольших грузовиках — траках, которые осуществляют все перевозки по единственной приличной дороге острова.

Я переправился через речушку Ного Нагу, из долины которой открывается замечательный вид на три самые высокие таитянские вершины — Орохену, Орофити и Аораи. В долине реки Папеноо я задержался, ибо именно эта долина должна была стать в 20-е годы чехословацкой колонией на Таити.

После долины Папеноо, где похоронены чехословацкие планы колонизации, мой путь лежит прямо по берегу моря до устья еще одной таитянской реки и ее долины — Ваипуу. Океан здесь спокоен. Даже стена кораллового рифа не может сдержать волны, накатывающиеся на берега. Бурный прибой образовал в прибрежных скалах несколько пещер, откуда бьют очень красивые гейзеры. Таитяне называют это место *Ара Ного* — «Бурлящая, рокошущая дорога».

От Ара Ного путь ведет к поселку Тиареи, известному в наши дни благодаря храму Сиона. В дохристианские времена Тиареи также был довольно популярен: здесь жили профессиональные убийцы.

От «деревни убийц» дорога круто сворачивает на юг. Открывающийся вид великолепен. С правой стороны — дикие, покрытые зеленым ковром, скрывающиеся в облаках горные вершины, а с левой — голубой океан с при-

брежными островками, словно нанизанными на нитку кораллового рифа, окружающего Таити.

Около деревни Фаатаутиа — ниспадающий с высоты водопад, место которому, скорее, где-то в Альпах, а не здесь, среди кокосовых пальм.

Район между Фаатаутиа и Таравао — наименее населенная часть Таити. Поэтому я останавливаюсь только в Таравао — конечном пункте сегодняшнего путешествия. В местном китайском кабачке «Си Янг Фат» наспех проглатываю несколько кусочков свинины в сладковатом соусе, затем сажусь в один из золотисто-синих траков и, уже нигде не останавливаясь, возвращаюсь в Папеете.

Следующая моя цель — познакомиться с западной частью Таити Нуи. Я то продвигаюсь пешком по тропинкам, то проезжаю по дороге западного берега.

Первые несколько километров этой дороги мне уже известны. Это путь в Фаа, где находится межконтинентальный аэропорт и на воды лагуны садятся гидропланы, отправляющиеся с Таити на острова Французской Полинезии.

Заканчивается мой день в Пунаауиа, где находится суперсовременная двенадцатикомнатная вилла Марлона Брандо, но где можно устроиться и поскромнее — в бунгало, построенных южнее деревни.

Возможность хорошо и недорого устроиться — это, естественно, не главная причина для того, чтобы побывать в Пунаауиа. Эта деревня играла в истории острова значительную роль. Она была центром, «столицей» страны атахуру. Вождю этого племени подчинялись вожди четырех меньших по размеру территорий. Таитяне называли их когда-то *Натаоеха* — «четыре, которым приказывают».

Моей исходной точкой была бухта Матаваи, и я хорошо помню, что именно здесь, в Пунаауиа, люди с «Баунти», добровольные белые волонтеры Помаре I, выиграли решающие схватки в стране атахуру, чей вождь Потату стал главным препятствием на пути осуществления «великодержавных» планов Помаре I. Здесь английские моряки захватили мароруа — знаменитый Красный пояс, который Помаре поместил затем в свое родовое святилище в Паре.

Позже атахуру, в свою очередь, оказали помощь белым морякам. По счастливой — для атахуру — случайности в конце XVIII века на коралловый риф недалеко от

их деревни напоролась шхуна «Матильда». Спасшиеся моряки, у которых было огнестрельное оружие, стали опорой атахурской армии. И тем не менее, когда Помаре II в 1802 году снова вторгся в страну атахуру, чтобы на этот раз захватить священную статую бога Оро, украшающую одно из марае, то он почти до единого человека истребил все враждебное племя. Окончательно Пунаауи и вся страна атахуру попали под власть Помаре в 1815 году.

А потом появились белые, которые начали отсюда колонизацию Таити. Напоминает о тех временах маленькая крепость, возвышающаяся неподалеку от таитянского городка, где можно найти неплохое пристанище.

Крепость контролирует проход в три стратегически важные долины этой земли. В боях за нее французские колониальные войска встретились с тысячью восьмистами воинами Пунаауи и окрестных деревень.

Сейчас о прошлых междоусобицах забыто. Деревня живет мирной жизнью. Для здешних условий она в какой-то степени показательна: на маленькой площади разместились здание окружной администрации, памятник павшим воинам, школа с необычной надписью « $2 \times 2 = 4$ » и, конечно, церковь.

Неподалеку от современного храма стояла хижина, где часть своей жизни прожил человек, легенда о котором, собственно, и привела меня в Пунаауи, — самый знаменитый из художников, воспевший «последний рай», — Поль Гоген. Спустя некоторое время, отправившись по его следам, я еще раз побываю в чудесной Пунаауи.

Гоген, разумеется, был не единственным белым человеком, которого околдовала прелестная Пунаауи. Именно здесь, в этой таитянской деревеньке, останавливался во время поездки на Таити Жорж Сименон, знаменитый создатель образа комиссара Мегре.

Как видно, Пунаауи играет не последнюю роль в легенде о «последнем рае». Давайте посмотрим вокруг: высоко над деревней темнеют остатки башен полинезийской крепости. А еще выше, в облаках, теряется гордая Орохена — корона Таити.

Я осмотрел остров с западной и восточной его сторон, проехал по обоим его берегам и знаю теперь: Пунаауи белых людей — это всего лишь роскошный фасад подлинного, полинезийского Таити.

На следующий день я продолжил свой путь из Пуна-ауиа Гогена и Сименона вдоль западного побережья Таити к тем, кто интересуется меня больше всего, — таитянам с их культурой и историей.

Здесь, в семи километрах южнее городка бунгало, за речкой Атитироа находится святилище. Это — великолепно отреставрированное марae, единственное на островах Общества, сохранившее такой вид, какой оно имело до прихода белых.

Называется оно Араху Раху. С этим таитянским храмом связана легенда, героем которой является местный вождь — Туматаира, красивый юноша, великолепный певец, любимец женщин, но, увы, плохой воин.

Воином он был действительно плохим, но это его не особенно беспокоило, потому что ему служили не только люди его племени, но и сверхъестественные силы — восемь прекрасных и могущественных фей — *хина потеа*. Жили они в марae, охраняя свое святилище, своего вождя и свою землю. Они сплели невидимые сети, такие же, как у рыбаков Таити, и ловили в них в лунные ночи души вражеских воинов.

Лишенные души, они не могли принести вреда Туматаире. А сам он по ночам навещал марae с восемью верными ему феями, издевался над захваченными в плен душами и развлекался со своими ночными подругами. Ибо араху-рахурские феи обязаны были выполнять все желания принца.

Однажды во владения Туматаиры вероломно вторглись воины вождя соседнего племени — Тутуаиры. Во время неожиданного нападения погибли самые лучшие воины, защищавшие святилище. Туматаира приказал сжечь их тела на огне. Затем пепел отнесли в родовое святилище. С тех пор оно и стало называться Араху Раху, ибо «раху» по-таитянски означает «пепел, древесный уголь».

После того как тела лучших воинов были преданы огню, а пепел их, словно в колумбарии, похоронили в марae, настал час отмщения. Туматаире должны были помочь его верные феи, охраняющие Араху Раху.

Но горе тому, кого предаст женщина! Семеро хина потеа сохранили верность своему господину, но восьмая перешла на сторону Тутуаиры. Она рассказала ему, что ее подружки собираются ловить души его воинов. Воины

скрылись, и феям не удалось поймать ни одной души. Прекрасному певцу, но плохому воину не осталось ничего иного, как самому, без помощи волшебных фей, встать лицом к лицу с врагом на поле брани.

Бой не успел еще начаться, а Туматаира был уже повержен первым ударом вражеского копья. Его сожгли, и пепел тоже отнесли в святилище Араху Раху.

Территория, на которой находилось святилище, была захвачена Тутуаирой. Но семь фей сохранили верность мертвому вождю и до сих пор бродят при лунном свете вокруг святилища, ловя души тех, кто посмеет приблизиться к Араху Раху.

Из-за того, что хина потеа до сих пор кружат по ночам вокруг марает, пожилые таитяне советовали осмотреть это святилище днем. Я послушался и вошел в Араху Раху, когда солнце стояло прямо над головой, то есть через два часа после того, как покинул Пунаауиа. Святилище от окружающей территории, на которую не наложено табу, отделяет низкая каменная стена. В ней есть только один проход к Араху Раху, с обеих сторон охраняемый деревянными идолами.

Я ступаю на небольшую каменную площадку, которую украшает статуэтка — тики. Сфотографировав ее, перехожу на левую сторону, где находится открытая постройка из бамбука. Таитяне называют подобные сооружения *фата тупапу* — «площадка для показа тел умерших вождей». Она чем-то напоминает погребальные королевские носилки.

Полинезийцы мумифицировали тела вождей, выставленных на фата тупапу. Они извлекали внутренности и ежедневно натирали тела какой-то эссенцией. Но мумии сохранялись в течение всего лишь нескольких месяцев. А когда тело вождя начинало разлагаться, жрецы складывали кости умершего в специальный ящик, напоминающий по форме таитянскую лодку, и относили эту погребальную ладью на склоны горы Ивираираи, возвышающейся над святилищем. На этой «ладье для мертвецов» вождь отправлялся в «потусторонний мир».

Вернемся, однако, к святилищу Араху Раху. Между центральной частью марает, которую таитяне называют «аху», и своеобразным крематорием — фата тупапу — расположена *фаре атуа* — хижина, покрытая листьями пандануса, служившая складом статуй.

В наши дни там остались лишь две очень похожие

статуэтки воинственного бога Оро и барабан, удары которого сопровождали обряды, проводившиеся в Араху Раху, или возвещали о чьей-либо смерти.

От фаре атуа я направляюсь к аху, и в памяти моей возникают святилища острова Пасхи. Местное аху, главное строение таитянского Араху Раху, намного меньше величественных святилищ на Рапануи. И над ним не возвышаются огромные каменные статуи — моаи, украшавшие знаменитые храмы острова Пасхи.

Таитянские аху — это, как правило, многоступенчатые пирамиды прямоугольной формы, сооруженные из базальтовых блоков. Внутренние помещения отделялись коралловым известняком, который таитянские строители добывали на рифах, огибающих Таити и другие острова Общества.

Вход в помещения Араху Раху закрывает еще одна низенькая стена. За ней стоит *фата рау* — своеобразный стол, предназначенный для жертвоприношений. Рядом с ним шесть *уну* — окрашенных охрой резных деревянных табличек. На уну таитянские жрецы Араху Раху раскладывали «священные предметы, принадлежавшие богам». Сейчас эти уну замурованы в пол Араху Раху, напоминая, вероятно, о различных событиях в жизни рода, племени или вождя, которому «принадлежало» святилище.

Осмотр достопримечательностей Араху Раху я заканчиваю у подножия аху, точнее, алтаря, представляющего собой трехступенчатую пирамиду. У первой ступени аху жрецы Араху Раху совершали свои обряды. Светские сановники, вожди, а позже и сам король, если он принимал участие в обряде, располагались на противоположной стороне святилища, где находится легендарный *туруи* — камень, который служил креслом королю.

На этот невзрачный каменный «трон» под угрозой самого тяжкого наказания не мог сесть никто из смертных, кроме короля. Времена таитянских королей и жрецов давно прошли. Среди многочисленных памятников, сохранившихся после них, важнейшим и самым почетным является Араху Раху, священное марae, переступить ограду которого не смели женщины и мужчины из простолюдинов, дабы не осквернить запретную землю или камень, на котором восседал сам король.

От Араху Раху, реставрированного святилища, начинается двадцатикилометровый участок таитянского побережья, на котором — так же как и на дороге от Вайтапе

до Фаа-нуи на Бораборе — все время встречаются руины, напоминающие о древних полинезийских марае.

Меньше чем в получасе ходьбы от Араху Раху находится пещера Мараа и небольшое озеро с черной как тушь водой.

Местные жители рассказывают легенду о том, как почернела вода в Мараа. Два человека отправились ловить рыбу на побережье полуострова Таиарапу. Воды эти принадлежали деревне Теахупоо. Улов оказался богатым, и жрец деревни попросил рыбаков, чтобы они по традиции пожертвовали местному святилищу по первой рыбе, пойманной ими в то утро.

Рыбаки отказались это сделать. И тогда жрец пожертвовал богам вместо рыб самих рыбаков. Людей из рода Мараа возмутило убийство соплеменников, и они поклялись отомстить за них. Жреца из Теахупоо со всеми его воинами пригласили в роскошную хижину, построенную в пещере на берегу озера. Щедро угостили пришельцев, вручили им дары, а затем под каким-то предлогом покинули хижину и подожгли ее. В огне сгорели все гости. А пепел хозяева высыпали в озеро, воды которого до сих пор в память о жестокой мести остаются черными.

Следующей после Мараа на моем пути оказалась деревня Папара, в окрестностях которой во времена, когда здесь еще не было белых людей, стояли самые замечательные святилища «побережья храмов».

Здесь Помаре, после того как им удалось силой оружия объединить Таити Нуи, Подветренные и Наветренные острова, построили последнее общенациональное святилище, которому поклонялись все полинезийцы от атоллов Туамоту до Раиатеа. Судя по всему, это был великолепный храм. Но когда его закончили, возникла проблема: кому посвятить это общее святилище всех объединенных островов? Вождь Раиатеа, естественно, предлагал посвятить его богу Оро, которого чтили в знаменитой Опоа. Однако жители Туамоту воспротивились. К тому же и сами таитяне не могли прийти к единому мнению.

Споры о покровителе храма разгорелись с такой силой, что группы строителей одна за другой стали покидать Папару. При этом океан тоже разбушевался и потопил лодки раиатейского вождя Фао Ноухоу с его людьми. Все потеряли интерес к святилищу, и еще до начала колонизации Таити оно окончательно разрушилось.

Недалеко от деревни Папара раскинулась самая широкая равнина на острове — долина Аtimaону, что означает «Шесть камней». Здесь сохранилась груда камней — последние остатки крупнейшего марae, когда-либо построенного на всей территории Французской Полинезии.

Называлось святилище по имени близлежащей деревни — Махаиатеа. Это была гигантская десятиступенчатая пирамида длиной сто и шириной тридцать метров. До сих пор воспевают ее древняя таитянская песня:

Слава тебе, Махаиатеа,
есть лишь две горы
в краю Папаeари.
Первая — гора Тамаити,
вторая — ты, о Махаиатеа.
С чем, кроме высочайшей вершины,
можно сравнить еще это строение...

На вершине огромной таитянской пирамиды стояло изображение большой деревянной морской птицы и не меньшей по размеру рыбы, которые, вероятно, должны были напоминать о том, что марae основал таитянский бог океана — Руа Хату.

Еще на Бораборе я узнал, что строительство такого храма можно было начинать лишь после того, как в основание закладывали камень из другого марae. Владыка морей, как утверждает легенда, доставил такой камень для марae Махаиатеа из святилища острова Раиваваэ, откуда на Таити были привезены две огромные тики, послужившие «причиной» гибели людей.

Согласно легенде, марae Махаиатеа было построено очень давно, сразу же после потоп. Эта деталь весьма интересна, так как в Океании мне не раз уже приходилось сталкиваться с логически необъяснимым преданием о всемирном потопе.

В первой части настоящей книги я уже упоминал, что на архипелаге Фиджи мне довелось встретиться с представителями племени, пережившего потоп. Таитяне, так же как и фиджийцы, убеждены, что потоп, захлестнувший их остров, уничтожил все живое, кроме птиц и насекомых, которых боги якобы забрали на небеса. И все же от потопы спаслись два человека — мужчина и его вахине. Сначала они хотели укрыться на высочайшей таитянской горе Орохене, но потом выбрали другую вершину весьма своеобразной формы — Пито Хити. С собой они взяли кур, свиней, собак и крыс — «каждой твари по па-

ре». На Пито Хити — этом таитянском Арарате — «Ноев ковчег» благополучно пережил потоп. И оставшаяся в живых супружеская пара стала родоначальницей таитян³⁵.

Легенда о потопе на этом не кончается. Но меня интересует лишь та ее часть, в которой говорится, как на вновь поднявшихся из океана землях были созданы полинезийские храмы. Все их, по преданию, основал Руа Хату, таитянский Нептун, бог морей, который, плывая от одного острова к другому, оставлял на берегу, словно курица яйца, «священные» камни. На острове Хуахине такой камень был заложен в основание святилища Матаиреа, на острове Муреа — Ахуру Атама, на Раиатеа — Таху Эа. Так что первые ритуалы совершил здесь сам полинезийский Нептун, заложив камни в основания мареа Матахихае на Малом Таити и Махаиатеа — крупнейшего святилища на Таити Нуи.

Святилище Махаиатеа, у развалин которого я стою, возвышалось когда-то на берегу Таити, на краю царства Руа Хату. Как крепость. Как огромный маяк. Как египетские пирамиды, призванные жить вечно.

И тем не менее этот каменный монумент разрушила рука человека, обосновавшегося в долине «Шести камней». Для белых колонизаторов все эти тысячи великолепно обработанных камней не говорили ни о таланте полинезийских мастеров, ни об их культуре, которая, по мнению завоевателей, все равно близка к гибели. И разве для этой «кучи строительного материала» нельзя найти лучшего применения? Конечно, можно. И вот в 1865 году из него построили мост через речку Тахаруа. Однако таитянский морской бог Руа Хату, основатель здешнего мареа, отомстил осквернителям святилища: не успели закончить мост, как его снесло неожиданным паводком.

Остатки храма использовал для возведения своей виллы ирландский плантатор Уильям Стюарт, который в долине «Шести камней» начал — впервые на Таити — выращивать хлопок. Он попал в историю острова благодаря еще одному «новаторскому» поступку. Именно Стюарт привез на свою плантацию не меньше тысячи китайских кули из Кантона, чьи внуки теперь занимают ключевые посты в народном хозяйстве Таити.

Китайские рабочие построили для своего господина великолепную резиденцию из камней священной Махаи-

атеа, гордо названную им Белым домом. Однако ни таитянский Белый дом, ни его хозяин не избежали кары.

Стюарт обанкротился, его предприятие потерпело крах, Белый дом разрушился. И лишь желтые рабы Уильяма Стюарта остались на острове навсегда.

ОЧАРОВАННЫЕ ГЛАЗА

(вторая таитянская легенда)

От разрушенного святилища и заросшей травой плантации прибрежная дорога ведет в административный центр одного из районов Южного Таити — деревню Матаиеа. Эти места интересовали меня особенно сильно, хотя тут, кроме великолепной природы и деревенской церквочки Иоанна Крестителя, выстроенной, как и марае, из кораллового известняка, любоваться нечем. Именно здесь, в этой части деревни (местные жители ее называют Ототура), провел свои самые счастливые годы на Таити художник, очарованный островом и его жителями. Его судьба привлекала меня. И не только меня. История гениального художника, плененного Таити, его любовь, жизнь и смерть в далекой Полинезии — это вторая после «дела „Баунти“» знаменитая таитянская легенда, ставшая составной частью мифа о «последнем рае».

Я еще вернусь в Матаиеа, к художнику, прославившему имя таитянской деревни. А пока что мне хочется из «гогеновской» Ототуры пройти еще несколько километров к востоку. За деревней течет речка Ваихириа. Это название — и отнюдь не безосновательно — означает «Таинственная вода». Ваихириа вытекает из странного озера — «Мертвого моря» Таити, которое находится у подножия Тетуфары — горы, расположенной в глубине острова.

От устья реки Ваихириа остается лишь несколько километров до Таравайского перешейка, а прямо перед ним находится цель моего пути — деревня Папеари. Здесь, на окраине малоизвестного таитянского поселения, американский естествоиспытатель Гаррисон Уиллард Смит, профессор Гарвардского университета, основал своеобразный ботанический сад — Моту Овини, что в дословном переводе означает «Дикий остров».

Смит, так же как и сотни других путешественников, не смог устоять перед очарованием Таити. Специалист по

тропической флоре, посетивший десятки стран, работавший на Борнео и Суматре, собиравший растения на Цейлоне и в Южном Чили, он, всего на несколько дней оставившись на Таити, как и многие до него, навсегда полюбил этот остров.

На профессорскую зарплату Смит стал скупать один участок земли за другим, пока не создал неподалеку от Таравайского перешейка удивительный «сад чудес», где на благо острова стал выращивать растения и деревья, которые, по его мнению, могли бы оказаться полезными для таитян.

Гаррисон предпринимал все новые и новые экспедиции и после каждой из них привозил в Моту Овини семена, плоды и саженцы. Например, все грейпфруты, которые я видел на таитянских цитрусовых плантациях, вели свое происхождение от саженцев, завезенных Смитом в 20-е годы с Саравака.

Наряду с плодовыми растениями гарвардский профессор выписывал для Таити со всего мира самые красивые цветы и рассаживал их по острову.

Сегодня в Моту Овини — удивительной лаборатории Гаррисона, раскинувшейся под открытым небом, — произрастает около трехсот видов растений. Но, к сожалению, в волшебном саду уже нет садовника, которого полинезийцы называли «лесной дед». В начале второй мировой войны ему пришлось покинуть свою «зеленую империю». Таитяне думали даже, что он умер, и воздвигли у него в саду надгробие. Но так как им трудно было написать его длинное имя, то они просто выгравировали на камне три буквы — США.

Однако «американский дед таитянских лесов» вернулся в свой волшебный сад — Моту Овини. Здесь он и умер в 1947 году. Похоронили Смита на самом высоком месте в саду, откуда открывается изумительный вид на океан и полуостров Таирапу.

После смерти «лесного деда» его сад запустел. В период наивысшего расцвета в нем было больше шестисот пятидесяти видов растений, сейчас же осталось около трехсот. Гаррисон Смит подарил Моту Овини администрации острова, которая отнеслась к нему довольно пренебрежительно. Предполагали даже передать территорию сада лепрозорию.

В 1952 году Моту Овини купил другой американец — Корнелиус Кран, который привел сад в порядок и после

того, как он приобрел свой первоначальный вид, вновь подарил его администрации острова.

Но одну часть сада Корнелиус Кран передал фонду Зингера. Зингер, известный во всем мире владелец предприятий, выпускающих швейные машины, был достаточно богат и не нуждался в подарках. Но на этот раз речь шла о замечательном участке земли на окраине Папеари, где фонд Зингера задумал основать музей в честь человека, который, так же как и «лесной дед», был влюблен в Таити и предан ему. Таитяне звали его «Человек, который делает людей», а весь цивилизованный мир — Полем-Анри-Эженом Гогеном. Меня во время пребывания на Таити интересовала, естественно, не вся жизнь Гогена, а лишь тот ее период, который был связан с Таити. Со следами пребывания здесь Гогена я сталкивался и в Матаеа, и в Пунаауа, и в Папее. В таитянском Этнографическом музее Гогену посвящен целый стенд на первом этаже. Напоминает о нем и одна из главных улиц Папее, названная его именем, и бесчисленные открытки с репродукциями его полинезийских картин, и дорогие, красочные альбомы, которые продаются в книжных лавках.

Однако настоящим, а не просто поверхностно-туристическим знакомством с жизнью великого художника, которого таитяне называли Коке, так как не могли выговорить французское имя Гоген (так, например, они вместо Пауль произносят Пауро), было для меня посещение деревеньки Пунаауа, где Коке жил во время второго периода пребывания на Таити — в 1895—1901 годы.

Полное представление о жизни Гогена в Полинезии дает музей в Папеари, расположенный по соседству с ботаническим садом. Архитектор Клод Бах разместил его в четырех зданиях и деревянной башенке, расположив по сторонам небольшой квадратной площади. Сразу же от первых панно, изображающих отца художника и его мать-перуанку и рассказывающих о годах, проведенных Гогеном в Южной Америке, Бретани и в пансионе Пантеон Понт-Авена, я перешел к репродукциям его первых картин, посвященных Полинезии.

Впервые Гоген посетил Таити в качестве молодого офицера одного из торговых судов в 1867 году и поддался удивительному очарованию острова, найдя в Полинезии «последний рай». Через двадцать четыре года после первого посещения Таити художник вернулся на остров.

Гогену шел сорок третий год, когда он приехал в Папеэте. Столица Таити разочаровала его. И хотя таитяне составляли подавляющее большинство жителей Папеэте, но в жизни города они играли не главную роль. А их король Помаре V, обещавший принять Гогена, выпил свою последнюю рюмку «Бенедиктина» и умер за день до назначенной аудиенции.

Смерть последнего таитянского короля глубоко опечалила Гогена. Он написал тогда (хотя и был, конечно, не прав): «С ним кончилась история маори... Глубокое горе охватило меня». По случайному стечению обстоятельств с похоронами умершего от пьянства короля связан первый заказ, сделанный Гогену на Таити. Ему поручили оформить тронный зал, в котором в форме французского адмирала должны были выставить покойного монарха.

Гоген, естественно, отказался выполнить этот «художественный» заказ. Он искал Таити таитян, а увидел в столице всего лишь колониальных чиновников, тупоумных офицеров и китайских торгашей. И сам Папеэте представлялся ему лишь гротескной копией маленького Парижа. И поэтому, так же как перед этим Европу, Гоген вскоре покидает Папеэте. Он отправляется в деревню, чтобы отыскать истинное лицо этой прекрасной земли.

ТЕ ВАХИНЕ ТАИТИ

Во время ночного празднества на острове Тахаа я впервые услышал таитянскую песенку, некий заезженный шлягер под названием «Те Вахине Таити» — «Женщина с Таити». С той поры я слышал ее много раз и до сих пор помню мелодию.

Эта песня, судя по ее названию, воспеваает местных красавиц. И когда на одной из стен первого здания музея Гогена я увидел фотографии и портреты полинезийских женщин — спутниц жизни Гогена, то сразу же вспомнил о популярной песенке. Ибо меня интересовал не только художник, влюбленный в Полинезию, но и полинезийки, влюбленные в художника.

Женщин, которые играли в полинезийский период его жизни и творчества заметную роль, было несколько. Среди них — Тити и Техаamana. С Тити, чье таитянское имя, если не ошибаюсь, в переводе означает «грудь» (кстати, очень подходящее имя для этой красавицы с весьма раз-

витыми формами), Гоген познакомился вскоре после того, как сошел на берег в порту Папее. Европа, не понимающая его творчество, постоянная стесненность в средствах, холодная жена-датчанка — все это осталось позади. На Таити он мечтал найти мир чистый и непорочный. Мир удивительной природы, сильных мужчин и прекрасных женщин — тех самых «Те Вахине Таити».

С Тити, первой из его таитянских женщин, Гоген уехал из Папее. Художник арендовал повозку и отправился в путь по дороге вдоль морского берега, подыскивая для себя и своей вахине подходящую хижину и «непорочный» таитянский мир. Обосновался Гоген в деревне Матаиеа, восточная часть которой, как уже было сказано, называлась Ототура.

Даже сегодня, когда цивилизация оставила немало грязных следов на острове, Матаиеа и ее окрестности показались мне самым красивым местом на Таити. Напротив деревни среди коралловых рифов приютились два живописнейших островка с высокими пальмами. Прибой, разбивающийся о скалы, здесь бушует и пенится так красиво, как нигде на земле. Горы не подходят к самому берегу, и поэтому они видны во всем их величии. А дальше, за лагуной, в голубом океане виднеется Таити Ити — «Малый Таити» — полуостров Таиарапу.

В Матаиеа Гоген и его девушка с таким удачным именем обосновались благодаря местному вождю Тетуануи, с которым художник познакомился во время торжеств в Папее по случаю французского национального праздника — Дня 14 июля.

Тетуануи помог Гогену найти великолепное по местным условиям жилье — настоящий дом с просторными верандами, который построил для себя один из самых трудолюбивых жителей деревни — Анани. Его имя, кстати, в переводе означает «Апельсин».

Вначале Анани жил в обычной таитянской хижине. Однако Гоген вскоре перебрался в эту хижину, и Анани не оставалось ничего иного, как устраиваться в своем роскошном доме, где он чувствовал себя не совсем удобно.

Не удалось долго пожить в доме Анани и Тити. Вскоре после того, как Гоген приехал в Матаиеа, он пережил тяжелый припадок и так сильно харкал кровью, что художника пришлось перевезти в папеевскую больницу. Что это был за приступ, сейчас определить трудно. Одни говорят о рецидиве тяжелого бронхита, давно мучившего ху-

дожника, другие видят в нем первый признак болезни, оказавшейся для Гогена роковой, — сифилиса, которым, если говорить о Полинезии, европейцы «одарили» островитян, «заплатив им» за право войти в таитянский «рай».

После возвращения из больницы Гоген отправил Тити, одержимую европейской модой и воспринявшую нравы белых людей, назад в Папее. С тех пор он жил в Матаиеа один, но каждый вечер к нему приходили девушки из деревни. Однако он нуждался в постоянной подруге. А так как в Матаиеа такой девушки не нашел, то в один прекрасный день художник сел в почтовый дилижанс — единственный здесь вид транспорта — и отправился искать себе жену.

Потерпев неудачу на западном побережье Таити, он двинулся дальше, на восток, и остановился по пути в деревне Фааоне.

В одной из хижин хозяйка, угощая его жареными плодами хлебного дерева и рыбой, спросила художника, куда и зачем он направляется. Гоген ответил:

— Я иду в Хитиаа, чтобы найти себе вахине.

— Зачем же идти в Хитиаа, ведь и у нас в Фааоне достаточно девушек? — удивилась хозяйка. — Если хочешь, я отдам тебе свою дочь.

Художнику, естественно, захотелось взглянуть на нее. Тогда хозяйка привела ему тринадцатилетнюю девочку, которая, как оказалось позже, была лишь воспитанницей этой женщины и родилась вовсе не на Таити, а на Хуахи-не. Причем родители ее были родом с еще более далекого острова — Паротонги.

Крепкая, рослая девушка, которую звали Техаамана (в книге «Ноа Ноа» Гоген называет ее Техурой), сразу же собрала вещи. Она была готова идти с художником куда угодно. Несмотря на то что знание Гогеном таитянского языка было весьма ограниченным — даже в подписях к картинам он делал грубые ошибки, он все же решил задать девушке по крайней мере три вопроса:

— Ты меня не боишься?

— Хочешь всегда жить в моей хижине?

И наконец, самый важный:

— Ты когда-нибудь болела?

Так как все ответы удовлетворили Гогена, то сватовство на этом закончилось, и согласно местным обычаям он стал мужем Техааманы.

Гоген отвез свою тринадцатилетнюю вахине в Ма-

татаеа и прожил с ней до того дня, когда ему вновь пришлось покинуть Таити. Техаамана была самой лучшей подругой, какую только художник мог пожелать. Она молчала, когда надо было молчать, говорила, когда он хотел ее слушать. И глубже, чем все остальные таитянские друзья, раскрыла перед ним духовный мир полинезийцев.

Вахине принесла ему покой и открыла те удивительные радости, которые видели в жизни эти люди, не знающие ложного стыда и притворства. Вместе купались они каждое утро в речке, которая протекала прямо у порога их бамбуковой хижины. И любили друг друга. Боже, как любили! Наслаждение физической близостью, упоение и сладостную усталость, которые художник наконец-то испытал в полной мере, описал он в своей знаменитой книге «Ноа Ноа».

С Техааманой Гоген жил до 1893 года. Последней картиной, нарисованной им здесь, был реалистический портрет его таитянской вахине — «Мерахи метуа но Техаамана». Эта картина заинтересовала меня еще и потому, что жена Гогена изображена на фоне своеобразных обоев, испещренных знаками ронго-ронго — письменности острова Пасхи. Но где Гоген увидел на Таити эти знаки? И почему они его так заинтересовали?

В течение двух плодотворных лет, прожитых рядом с Техааманой, Гоген написал более пятидесяти картин. И большинство относится к самым известным произведениям художника. В местном музее висит репродукция знаменитой «Вахине но те тиаре», картины: «Нафеа фаа ипоипо», портрет таитянки и «Иа ора на Мариа», на которой Гоген перенес в таитянскую среду традиционную святую Марию.

Во время пребывания в Матаеа Гоген создал немало пейзажей и глиптотек, среди них: «Таитянки на пляже», «Грезы», «Там, вдали марае», а также картину, которую художник ценил выше всех своих произведений, написанных в Матаеа, — «Манао тупапау» («Дух мертвых бодрствует»), находящуюся сейчас в частном собрании в Нью-Йорке.

Вдохновила на эту картину Гогена тоже Техаамана. Художник, вернувшийся среди ночи из Папезте, нашел свою вахине дрожащей от ужаса перед духом мертвых — *тупапау*. Нагая лежала она на кровати в неосвещенной хижине, замирая от страха, так как была убеждена в том,

что к ней вошел дух мертвого человека. На этой картине, как и на большинстве других, написанных в Матаиеа, на первом плане изображена Техаамана. Эта молодая таитянка дала художнику все, о чем он мог только мечтать: душевный покой, саму себя, удивительную любовь и, наконец, сына Эмиля.

Так как меня интересовала жизнь Гогена только в Полинезии, то я прохожу, не останавливаясь, залы, повествующие о его творчестве после возвращения в Европу, которая так и не поняла великого художника. Мне хочется в своих воспоминаниях вернуться в Пунаауиа, которую я посетил во время поездки по западному побережью острова.

Хижина Гогена в Пунаауиа была во всем похожа на его жилище в Матаиеа. Не хватало в ней только Техааманы. Сразу же после возвращения на остров Коке отправился в Матаиеа, чтобы найти свою вахине, которой был стольким обязан. И нашел ее, но Техаамана уже была замужем. Конечно, она готова была без всяких колебаний разделить со своим бывшим мужем жаркие таитянские ночи. Но когда увидела его покрытое язвами тело, то в ужасе отшатнулась и навсегда покинула Гогена.

Коке пришлось искать новую таитянскую вахине. Ею стала Пауура (Пахура), которая жила здесь же в деревне. Пауура была намного красивее Техааманы. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на известную картину Гогена «Грудь с красными цветами» или на портрет Паууры, находящийся сейчас в Государственном музее изобразительных искусств в Москве. Этот портрет не без иронии назван «Те арии вахине» («Жена короля»), так как Пауура вовсе не происходила из знатного рода.

Она вообще была прекрасной натурщицей. Так же как и Техааману, он запечатлел ее на целом ряде картин, репродукции которых висят в музее Папезте. Пауура обладала еще одним преимуществом—многочисленной родней, жившей рядом с хижинкой Гогена, которая никогда не оставляла голодными ни Паууру, ни ее французского «супруга». На столе художника не переводились рыба и свежие плоды хлебного дерева.

Однако по сравнению с Техааманой Пауура обладала и многими недостатками. Она значительно уступала ей в живости ума, была ленива и неряшлива. Кроме того, за три года, прошедшие со времени приезда Гогена на Таити, он сильно постарел. Виной тому прежде всего была

болезнь. Его сильно мучали также боли в сломанной щиколотке. Две открытые раны на ноге никак не хотели заживать. Многие таитяне совершенно необоснованно считали, что Гоген болен не только весьма распространенным здесь в то время сифилисом, но и проказой, которую полинезийцы боялись значительно больше и всегда старались держаться подальше от прокаженных.

Судьба готовила Гогену новые удары. В коротком, холодном, официальном письме жена известила его о внезапной смерти от воспаления легких самой любимой дочери Гогена — Алины. Были у художника неприятности и с местными кредиторами и со священником, которого шокировала статуя нагой женщины, выставленная Гогеном в саду. И все же, как только утихала боль в ноге, Гоген продолжал рисовать. Здесь, в Пунаауиа, он создал свое самое большое полотно — знаменитое «Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?»

Не щадя себя, Гоген пишет еще несколько картин, но когда на рождество 1898 года в Папеете прибыл корабль, который должен был привезти ему несколько сот франков на лечение, а денег не оказалось, Гоген потерял всякую надежду. Он ушел в горы и принял там мышьяк.

Однако сильный организм художника справился с ядом. Через несколько дней Гоген возвращается в Папеете. Он почти перестает писать и занимается на работу в строительное и водное управление колониальной администрации Папеете в качестве чертежника. Паууре город не понравился, и она на время покинула художника.

Когда корабль из Марселя привез наконец Гогену часть гонорара, причитавшегося ему за проданные в Париже картины, он вернулся в Пунаауиа и попробовал снова взяться за кисть. Второго ребенка Паууры — первый умер вскоре после родов — Гоген опять назвал Эмилем, так же как и мальчика, которого когда-то родила ему Техаамана.

Это радостное событие послужило толчком для создания двух тематически очень сходных картин, вероятно, последних работ Гогена, созданных на Таити. После этого художник занимался только литературным трудом. В Папеете в то время издавался журнал «Осы», на страницах которого Гоген, отложивший палитру, вступил в бой с местными представителями власти. Позже он начал даже издавать свой собственный сатирический четырехполосный журнал «Улыбка».

Свою недолгую журналистскую и писательскую деятельность — в 1901 году во Франции была издана знаменитая книга Гогена «Ноа Ноа» — художник закончил, покинув в августе 1901 года Папеэте. Он отправился на Маркизские острова, о которых давно мечтал, полагая, что аборигены живут там так же, как и в доколониальные времена.

Вначале Гоген хотел попасть на остров Фатува³⁶. Но так и остался в деревне Атуона, на острове Хива-Оа, где впервые ступил на берег. На этот раз его карман не пустовал. Гоген выгодно продал в Пунаауиа хижину, земельный участок, где выращивал ваниль, и пальмовую рощу, насчитывающую более ста деревьев. Итак, впервые за последние десять лет Гоген заключил выгодную сделку и впервые не был стеснен в средствах. Поэтому в Атуоне он смог выбрать хороший участок земли. Дом Гогену на этот раз построил местный колдун и плотник Тиока, ставший потом лучшим другом Гогена на Маркизских островах.

Здесь, в деревне Атуона — французском административном центре архипелага, — уже чувствовалось влияние столь горячо ненавидимой Гогеном «цивилизации». Представители ее, главным образом служители католической церкви, особенно епископ Мартен, не были в восторге от нового переселенца. Мартену не нравился построенный Гогеном в Атуоне двухэтажный дом, который художник украсил деревянными барельефами с надписями. Одна из них, например, внушала островитянам: «Любите и будете счастливы».

Любовь Гоген представлял себе несколько иначе, чем преподобный Мартен. Свое атуонское жилище Гоген называл «Веселый дом» или «Дом любви». К наслаждению Гоген призывал и паству духовного отца Маркизских островов.

Так же как и на Таити, на Маркизах Гоген приглашал к себе полинезийских девушек. Их было немало, но, к сожалению, ни одна не годилась для роли новой вахине. Все они казались художнику слишком старыми. Дело было в том, что монахини организовали в деревне школу, обязав всех местных девушек в возрасте до пятнадцати лет посещать ее.

Впоследствии Гоген обнаружил, что «обязательное образование», к счастью для него, ограничивалось лишь деревней Атуона. И он нашел себе новую жену — четыр-

надцатилетнюю Ваеохо, уроженку долины Хекеани, расположенной примерно в двух часах ходьбы от Атуоны. Зажиточный по местным понятиям, Гоген мог на этот раз передать родителям Ваеохо богатые подарки, в том числе даже швейную машинку.

Ваеохо, как и прежние вахине, окружила художника всяческой заботой. Он опять мог рисовать. Однако на этот раз позировала ему не «жена», а рыжеволосая Тохотауа, жена колдуна Хаапуани, которая в музее Гогена фигурирует на знаменитой картине «Контес барбарес». Хаапуани, в свою очередь, изображен на другой картине Гогена, названной просто «Колдун».

За первые несколько месяцев пребывания на Маркизских островах Гоген написал более двадцати картин. Он регулярно посылал их парижскому торговцу Воллару, с которым заключил контракт на длительный срок. Теперь деньги поступали регулярно.

На седьмом месяце беременности Ваеохо ушла от Гогена и вскоре родила девочку. Эта девочка, а также сын Паууры Эмиль второй во время моего посещения Полинезии были еще живы. Дочь художника до сих пор живет на том же острове — Хива-Оа.

По старой привычке Гоген стал подыскивать себе новую вахине. Однако преподобный отец Мартен строго-настрого запретил верующим посещать «Веселый дом». Тогда вспыльчивый Гоген отомстил своему врагу. Он создал две скульптуры: одна изображала епископа с дьявольскими рогами, а другая — жену пономаря Терезу, которую все знали как любовницу Мартена.

Так Гоген объявил войну всемогущему Мартену. И проиграл ее. Жители деревни перестали встречаться с художником. В «Веселый дом» стали ходить теперь только мальчик, слуга Гогена, верный колдун Тиока да миссионер Вернье, который лечил художника. Потомки пастора Вернье до сих пор живут в Полинезии. Готовясь к путешествию на Таити, я знакомился с основами таитянского языка по учебнику, составленному сыном атуонского пастора — Вернье вторым, представителем следующего поколения династии миссионеров.

Вернье, конечно, по-настоящему не лечил Гогена. Своими посещениями и беседами он лишь облегчал страдания всеми покинутого художника в тот момент, когда болезнь вновь взялась за него. На этот раз даже у выносливого Гогена не хватало сил. Один сердечный приступ,

потом второй. В довершение всего Гоген, который всегда очарованными, влюбленными глазами смотрел на свою Полинезию, ослеп.

9 мая 1903 года маленький слуга Гогена обнаружил своего господина в постели без признаков жизни. Он позвал колдуна Тиоку. Тот пришел в «Веселый дом» и попытался разбудить Коке, но безрезультатно. Гоген был мертв. Колдун пропел над ним древнюю полинезийскую погребальную песню. А в полдень того же дня, менее чем через три часа после того, как Тиока убедился в его смерти, художника похоронили на маленьком атуонском кладбище. Служители церкви всё сделали для того, чтобы как можно скорее избавиться от нежеланного гостя.

Имущество Гогена было продано с молотка в столице Французской Полинезии, чтобы оплатить возросшие в конце его жизни долги. Последнюю картину Гогена аукционер поднял вверх ногами, назвав ее «Ниагарский водопад». Один из столь же весело настроенных участников торгов заплатил за это произведение великого художника целых семь франков. Столько же платили Гогену в день во время его краткой службы чертежником колониальной администрации.

Через несколько лет за картинами Гогена стали охотиться самые большие и богатые художественные галереи Европы и Америки. И вместе с ростом цен на них, ростом их всемирной славы все известней становилась легенда о «последнем рае», для распространения которой Гоген сделал больше, вероятно, чем кто бы то ни было.

Музей фонда Зингера подробно рассказывает о полинезийском периоде творчества художника. И я не мог без волнения следить за тем, как складывалась судьба этого человека, так преданного Полинезии и так любившего ее женщин.

Экспонаты музея говорят нам о Гогене то, что сейчас стало уже широко известно. Но многое, очень многое еще предстоит узнать. Некоторые картины, написанные художником на Таити и Маркизских островах, пока не найдены. Неизвестна судьба его досок — резьбы по дереву. Поэтому в те места Полинезии, где жил Гоген, приезжают не только этнографы, но и сотрудники художественных галерей, историки искусства, коллекционеры и торговцы картинами. Они ищут здесь произведения гениального художника.

Самое интересное я предпочитаю оставлять на конец. И здесь, на островах Общества, тоже. После священной Раиатеа, после удивительной Бораборы и веселой Тахаа, после знаменитого Таити у меня остается еще одна цель — попасть на остров Муреа. Он расположен к северо-западу от Таити и виден с большей части его побережья, особенно из тех мест, где жил когда-то Гоген.

Прямо напротив Пунаауиа на расстоянии менее двенадцати миль из моря поднимается призрачный, но от того не менее прекрасный замок с высокими вулканического происхождения стенами. За ними под охраной островерхих базальтовых скал спит самый крупный кратер Французской Полинезии. Его диаметр достигает десяти километров. А правее, словно огромный маяк, торчит господствующая над островом гора Тохивеа, несущая свою вершину на высоте тысячи двухсот метров.

Тохивеа зовет меня на Муреа. Я сажусь в Папэте на баркас, который перевозит ваниль, и отправляюсь на свой, к сожалению, последний оставшийся остров.

О мире дальних стран, о Полинезии — стране самой далекой и самой прекрасной — я мечтал с детства. Когда мне было всего одиннадцать лет, я выписывал из книг о Новой Зеландии маорийские слова, пока не получился настоящий словарь, который я знал наизусть лучше таблицы умножения. Я всматривался в большой атлас, в котором рядом с манящим Таити, к моему удивлению, вырисовывались контуры еще одного острова — Муреа. Тогда мне, романтически настроенному подростку, показалось, что по форме он напоминает человеческое сердце. И когда я сейчас смотрю на большую, подробную карту, сопровождающую меня по дорогам, о которых я так давно мечтал, мне действительно кажется, что Муреа похожа на сердце.

Ленивый баркас, груженный ванилью, нацелился в верхнюю его часть, которая на моей карте называется бухтой Пао Пао. Я много видел на белом свете фьордов, заливов и лагун. Но эта бухта кажется мне красивейшей в мире.

Наш баркас обогнул с внешней стороны рифа западный берег Муреа. А затем через Теарароа — один из трех северных проходов в коралловом барьере — вошел в Пао Пао. Вода в бухте ярко-синяя. Берега скрывают зе-

ленные заросли, но сразу же за дорогой, окаймляющей Пао Пао, вздымаются черные горы острова и среди них — как Корковадо этой тихоокеанской Гуанабары³⁸ — восьмисотметровая Моуапита — «Деревянная гора». Даже с борта корабля видны черные отверстия — пещеры в темной стене величественной горы. Там в ладьях-саркофагах покоятся вечным сном вожди Мурее. Отсюда лежал их путь «на тот свет».

В том, что у лика Моуапита, дивной по красоте горы, возвышающейся над заливом, столь странная форма, виноват, по преданиям островитян, царь воров бог Хиро. Однажды он разгневался на обитателей острова за то, что один из местных героев, Паи, победил Хиро в дикой полинезийской борьбе гигантов.

Хиро якобы тайно вернулся на Мурее, чтобы прихватить на свою Раиатеа кусок острова. Сопровождаемый шайкой воров, он обвязал лианами гору Ротуи и еще несколько вершин северной части острова. Но в этот момент грабителей вспугнул, так же как в свое время капитолийские гуси, петух-полуночник. Хиро бросился бежать, но по дороге выронил привязанную к лиане огромную глыбу черного камня — Моуапиту.

Иногда островитяне как бы мимоходом замечают, что и бухта — дело рук Хиро. В этом месте и чуть западнее его разгневанный бог вырвал из тела острова два больших куска. Будь благословен такой грабитель! Ведь ничего подобного тому, что сделал Хиро на острове Мурее, не удалось совершить ни одному божеству в мире.

Мы пересекли бухту Пао Пао и, выйдя из баркаса, оказались в деревне того же названия, что и бухта. Я бросаю здесь большую часть моего и так весьма скромного багажа — все остальное ждет меня в Папее — и иду пешком вдоль морского берега.

Остров Мурее, так же как и Таити, окольцовывает дорога, но она намного хуже таитянской. Мурее менее шумлив, менее автомобилизирован, проще и, что для меня особенно важно, носит куда более полинезийские черты, чем современный Таити. Во время моего пребывания на острове жили всего четырнадцать белых, причем все они были женаты на местных вахине.

Итак, я иду пешком по острову Мурее. В деревеньке Пао Пао меня прежде всего заинтересовала миссия и ее церквушка. Там висит картина «Святое семейство», все члены которого как две капли воды похожи на полине-

зийских жителей Мурее. Неподалеку от церквушки в море впадает веселая, говорливая речка. Она тоже называется Пао Пао. Вся узкая долина ее засажена ванилью. А дорогу вокруг бухты надежно охраняют кокосовые пальмы.

На западной оконечности Пао Пао раскинулась деревенька Пихаена. Над ней возвышается еще одно свидетельство неудачного грабежа острова богом Хиро — гора Ротуи. Она смотрит в воды второй бухты, которую тоже, по мнению одних, создал бог воров, а по мнению других — природа. Называется бухта Опуноху, что в переводе означает «Желудок ноху» (местной ядовитой рыбы).

Опуноху — близнец Пао Пао. Та же густая синева моря, те же почти тысячеметровые вулканические горы. В воды бухты тоже впадает небольшая речушка. И долина ее засажена ванилью. Чуть западнее, напротив островков Тиахура, Фареоне и Тамеру, в тени горы Параты раскинулись плантации кокосовых пальм. Рядом с этими рощами, так же как и на острове Тахаа, «Клуб Медитеране» построил около восьмидесяти таитянских хижин для туристов из Западной Европы.

За постройками «Клуба Медитеране» кончается северная часть сердца Мурее. Западное и восточное его побережья менее живописны. Я ненадолго останавливаюсь в деревне Хаапити — «Северо-восточный ветер», административном центре одного из пяти районов острова.

Сами полинезийцы раньше делили остров на восемь округов. Мурее правили восемь вождей, и поэтому в древности остров назывался Аимео И Те Рара Вару, что означает «Убежище восьми направлений». Здесь всегда скрывались беглецы с Таити. В последнюю историческую эпоху чаще всего это были короли из династии Помаре.

Итак, остров Мурее имел восемь округов, восемь вождей и восемь горных хребтов. В силу этого местные жители иногда сравнивают свой остров с осьминогом, полинезийское обозначение которого — *Фее* иногда служит вторым названием для этого острова. А само слово Мурее можно перевести как «Остров желтой ящерицы».

Но центром этого острова-сердца, острова-осьминога, острова желтой ящерицы, острова-убежища восьми направлений была все же не Хаапити и не волшебная бухта Пао Пао, а большая деревня на восточном берегу —

Афареаиту — «Дом божий», охраняемая самой высокой горой Муреа — Тохивеа.

Афареаиту напомнила мне чем-то деревню Ваитапе на Бораборе. Здесь тоже всего лишь одна улица, одно почтовое отделение, одна больница и несколько колониальных чиновников, причем все — корсиканцы, сменившие остров Наполеона на остров Помаре. Кстати, именно Афареаиту долго была резиденцией, точнее, убежищем династии Помаре.

Здесь протестантские миссионеры основали первую школу на территории Французской Полинезии, которая несколько претенциозно называлась «Академия Южных морей». В Академии учился маленький Помаре III, который, к великому сожалению миссионеров, умер от дизентерии. Деревня был знаменита также упоминающимся в мировой литературе христианским храмом, который открыла вахине Помаре IV. Построен он из кораллового известняка и покрыт листьями пандануса. Первым описал храм французский литератор Пьер Лоти, рассказавший о его освящении. Другой известный писатель, Герман Мелвилл, который тоже поддался очарованию «последнего рая», участвовал здесь в богослужениях.

В наши дни церкви королей, миссионеров и писателей уже нет. На ее месте в 1912 году построено новое, ничем не примечательное здание, которое, однако, больше пришлось по душе проживающим здесь чиновникам, почтовым работникам и фельдшерам.

За Афареаиту Муреа вновь обретает свою волшебную красоту. От этой деревни до Пао Пао, откуда я начал прогулку по острову, около двадцати километров. Дорога идет вдоль пальмовых рощ, за которыми видны горы. Среди них раскинулось озеро Темае; в его мелких, прибрежных водах местные китайцы успешно выращивают рис.

На северо-восточном мысе Муреа находилось когда-то одно из главных святилищ острова — марае Пае Тоу с большим камнем, напоминающим о том, что здесь похоронены две куклы. Их давным-давно подарил вождю округа Хаапити один русский мореплаватель. Вождь принял кукол в свою семью, а потом торжественно похоронил их в марае вместе с другими умершими родственниками.

За озером я сворачиваю к северному побережью Муреа. Эта часть заселена сравнительно густо. Главное по-

селение здесь — Махарепа. Расположено оно у подножия горы Теарай. В Махарепе лучшая, а во время моего пребывания на острове вообще единственная, гостиница «Бали Хаи».

Я захожу в ателье художника, которого, вероятно, привлекла в Махарепу слава Гогена. И не только она, но и волшебная красота удивительного острова. Он обосновался на Мурее и вот уже пятнадцать лет рисует всего лишь один сюжет — бухту Пао Пао. И я понимаю его. От Махарепы до Пао Пао час ходьбы. Это мой последний час на Мурее и последний день на островах Общества.

Баркас, взявший на борт груз ванили, дает гудок. Мы отплываем от берега. Гора Моуапита, продырявленная богом воров Хиро, тает в дымке моря. Я не фотографирую, не двигаюсь, почти не дышу. Да, самое лучшее я действительно оставил под конец. Самое лучшее — это Мурее. И самое красивое на Мурее — да, наверное, и на всем огромном белом свете — бухта Пао Пао, которую в честь самого знаменитого первопроходца Южных морей иногда называют заливом Кука.

Пройдя коралловый риф Теаророн, мы покидаем воды лагуны и через два с половиной часа плавания по морю, которое таитяне поэтически называют Лунным, заканчивается мое путешествие по Французской Полинезии.

Однако минута расставания пока не наступила. Я хочу еще увидеть один парусник, весьма экзотический даже для этой экзотической земли. Рассказ о нем и о его экипаже, состоящем всего из одного человека, я услышал на Мурее. Чем же интересен парусник? Да, собственно, ничем, кроме того, что эта яхта длиной менее десяти метров с одним человеком на борту, совмещающим все должности от капитана до матроса, — Леонидом Телигой, проплыла расстояние от Польши до Полинезии. Телига собирался совершить на ней даже кругосветное путешествие.

На Мурее Телига гостил у своего земляка Петра Чехославского, женатого на местной вахине. Так что один из четырнадцати белых, живущих на Мурее, оказался поляком. Воистину везде славянин найдет своего брата! И, как ни странно, даже в Папее. Маленькую яхту с польским флажком я без труда отыскал в порту на следующее утро. Называется она «Опти» (сокращенное от

«оптимист»). С Телигой, которого я сразу же стал называть просто Леонидом, мы подружились довольно быстро, тем более что он немного говорит по-чешски, а я в свое время изучал польский язык.

В день нашего знакомства Телиге пришлось встать довольно рано: с ним приключилась интересная история. Спит он, естественно, в каюте своего маленького парусника. Этого, однако, не знал вор, который незадолго до восхода солнца залез в каюту. Увидев спящего хозяина, он испугался и пустился наутек. Леонид бросился вслед за незадачливым вором, преследуя его в порту. Но тут он неожиданно остановился, поняв, что выскочил из каюты... голым. Вор, конечно, убежал.

Мы говорили с Леонидом не только об утреннем приключении, но и о многих других, куда более важных для нас вещах. О странах, которые мы посетили во время своих путешествий, о планах на будущее.

Моя следующая цель — острова Самоа. Леонид же направлялся еще дальше — на Фиджи. И он предложил мне плыть вместе с ним на борту «Опти». Он зайдет в Паго-Паго на острове Тутуила, чтобы высадить меня там, а сам продолжит путь в Суву. Это была великолепная мысль, и я с радостью решил воспользоваться его предложением, сулившим заманчивые приключения. Но, как оказалось, Леонид на своей «Опти» сначала направлялся на Раиатеа и Борабору, где я уже побывал. А потратить на это путешествие около полутора месяцев я, конечно, не мог.

Еще несколько раз побывал я у Леонида на его небольшом суденышке, а затем нам, к обоюдному огорчению, пришлось расстаться. Я отправился в Восточное Самоа, он — на Борабору. Но мы дали друг другу слово, что, как только длительное кругосветное путешествие Телиги окончится, мы при первом же удобном случае встретимся с ним либо в Праге, либо в Варшаве.

Когда Телига вернулся в Польшу, я уже снова был в Полинезии. А когда я приехал домой и решил навестить одинокого мореплавателя, капитана яхты, на которой сам мог провести в Южных морях несколько недель, Леонида уже не было в живых. Всего лишь пятидесяти лет от роду, он, в одиночку совершивший кругосветное путешествие, пережив все опасности, выпадающие на долю таких сумасшедших людей, умер от рака через несколько месяцев после возвращения на родину.

Мне пришлось добираться до острова Самоа не на яхте, а самолетом. Острова Таити и Тутуила разделяет почти полторы тысячи километров. Преодолев их, самолет начинает снижаться, и через несколько минут я уже предъявляю свои документы в аэропорту Тафуна.

Тафуна — воздушные ворота Восточного Самоа, расположена на южном берегу острова Тутуила. Здесь, кстати, разместились почти все остальные деревни этого большого острова, здесь же живет и основная часть населения архипелага. Восточное Самоа в отличие от Гавайских островов не является частью США, а представляет собой так называемую «неинкорпорированную территорию», принадлежащую американцам.

Рядом с единственным на всем архипелаге аэродромом раскинулась деревня Тафуна — первый пункт, с которым я знаколюсь на Тутуиле. Муреа напоминала мне человеческое сердце, Тутуила же похожа на морского угря с узкой головой, тело которого вытянулось вдоль пятнадцатой параллели. По южной стороне острова проходит грунтовая дорога, ведущая от Тафуны через мыс Кокосовых орехов, деревни Фаганенеу и Фагаала к бухте Паго-Паго. Южные моря благословенны прекрасными островами, которые щедро одарены очаровательными бухтами, такими, каких нет больше нигде в мире. Сначала Матаваи — сама история Полинезии! Потом Пао Пао — драгоценность среди драгоценностей Южных морей! И вот теперь Паго-Паго — узкий залив, так глубоко врезающийся в тело Тутуилы, что кажется: еще чуть-чуть — и он разрезал бы остров-угорь пополам.

В самом конце залива, там, где морские волны лижут подножие горы Алавы, находится деревня Паго-Паго. Здесь всего лишь одна прибрежная улица и несколько бунгало, построенных для чиновников территориальной администрации на крутом склоне над дорогой. Но так как Паго-Паго — административный центр не только Тутуилы, но и всего Восточного Самоа, темп жизни здесь все же отличается от деревенского покоя Утуроа или Ваитате.

Кроме зданий территориальной администрации и элегантной виллы губернатора здесь возвышается легкое строение банка Самоа и несколько церквей. Есть в Паго-Паго прекрасный рынок, где собирается половина Тутуи-

лы, небольшие доки, больница для моряков и местных жителей, а также постройки «Ю Эс Нэви» — флота США: ведь Паго-Паго для американцев самый удобный залив Южных морей.

У входа в залив, напоминающий скорее норвежские фьорды, чем тихоокеанскую бухту, построена и первая современная гостиница Восточного Самоа — «Паго-Паго Интерконтинентал». Большинство гостиничных номеров — это овальные местные хижины, покрытые соломенной кровлей.

Я устраиваюсь в гостинице и на следующий день начинаю более детальное знакомство с островом. Для начала направляюсь к рынку — центру Паго-Паго. Отсюда регулярно отходят в оба конца острова синие маленькие автобусы, которые напоминают мне траки с Таити.

Первая поездка — на восточное побережье залива Паго-Паго, где, словно нанизанные на нитку, одна возле другой теснятся небольшие деревеньки. В гористой центральной части острова нет никакой возможности обрабатывать землю, и поэтому местным жителям приходится выращивать всю сельскохозяйственную продукцию на узенькой полоске земли между морем и горами. Я вспомнил о первом своем посещении Японии, когда из Токио по железной дороге ехал в Кобе через Иокогаму, Нагую и Осаку. Там поезд все время идет по населенным пунктам, а в нескольких километрах от суперсовременной железной дороги возвышаются безлюдные горы.

На восточном побережье фьорда Тутуилы разместились деревни Ануа, Атуу, Лолоалоа, Лепуа Ауа и, наконец, рядом с мысом, который с этой стороны охраняет вход в глубокий залив, большое поселение Лаулии.

За Лаулии густонаселенные районы кончаются. Зеленая, густая тропическая растительность подступает здесь к самому берегу. Горные склоны круто обрываются в море. Повсюду вблизи берега в море разбросаны небольшие, но высокие и очень живописные островки, скорее, одинокие скалы, которым первые мореплаватели, посетившие острова Самоа, дали имена по их внешнему виду: «Пирамида», «Львиная голова» и т. д. Мне больше всего понравился столб высотой метров тридцать, поросший бурной растительностью, с очень удачным названием — «Башня».

Прямо на берегу острова, над живописными скалами — спутниками Тутуилы возвышается трехсотпятиде-

сятиметровая гора Тауга, за ней и выше нее — двуглавая Пиожа. Местные американцы называют Таугу еще «Рождающая дождь». И действительно, я вскоре научился начинать свой день на Тутуиле, глядя на эту гору. Если над ее двойной вершиной висит хотя бы облачко — будет дождь. Боже мой, как здесь иногда разверзаются небеса! Паго-Паго в этом отношении пользуется особенно дурной репутацией. В деревнях, расположенных всего в каких-нибудь десяти километрах в стороне от залива, выпадает наполовину меньше осадков, чем в залитой дождями столице Самоа.

Дожди здесь необычайно шумные. И такое же шумное море у юго-восточного берега Тутуилы. Ветер с невероятной силой разбивает волны о рифы, которые кое-где подходят к самому берегу. И лишь около второй бухты острова — Фанаитуи лагуна становится чуть шире. Здесь, на восточной оконечности бухты, мысе Фогаусо, я повернул назад, в Паго-Паго.

На следующий день я отправился в противоположном, западном, направлении. Мне посчастливилось, потому что из гостиницы туда же двинулась целая группа туристов. Я присоединился к ним, и на микроавтобусе с гидом, прекрасно говорившим по-английски, мы посетили несколько деревень.

С первой же минуты нашей поездки меня заинтересовал проводник. Это не был обычный гид, на которых я насмотрелся везде — от Канарских островов до Австралии. Нас сопровождал молодой полинезиец, закончивший педагогическое училище.

Каждый студент этого училища в течение четырех семестров обучения в Фелети получает стипендию от территориальной администрации. За это после завершения образования он должен не менее двух лет преподавать в одной из школ Тутуилы или соседних островов. Для европейца педагогический техникум — дело обычное. Однако здесь, на Тихоокеанском архипелаге, где проживает не больше тридцати тысяч человек, а на отдельных островах есть еще племена, стоящие по своему развитию на уровне каменного века, педагогическое училище — важная веха на пути общего культурного развития.

Но наш гид не только учитель, он еще и увлечен историей, фольклористикой и бог знает чем. Важнейшим элементом подъема культуры, по мнению нашего гида, является школа. Поэтому во всех деревнях западной части

Тутуилы мы посещали главным образом школы. Архитектура их сочетает в себе элементы традиционных хижин фаре с современным европейским зодчеством. При этом здание должно выдерживать напор тайфунов, с незапамятных времен обрушивающихся на Тутуилу.

Так, например, страшный тайфун, который пронесся над Восточным Самоа 29 и 30 января 1966 года, уничтожил здесь все посевы. Этот архипелаг, да еще остров Пасхи, — единственная территория Полинезии, куда завозят продукты. После каждого разрушительного урагана островитянам приходится восстанавливать свои поля, на которых выращивается главным образом таро.

Мужчины выходят работать не только на поля. Чаше всего они занимаются рыболовством. Воды вокруг Восточного Самоа — одни из самых богатых в мире. Особенно здесь славится тунец. В океане водятся также многочисленные акулы и черепахи. Я вспоминаю о них потому, что, вероятно, самое интересное впечатление от Тутуилы связано у меня с одной из прибрежных деревень — Ваитонгой.

Наш гид родился в этой деревне. Здесь вместе с людьми своей *аинги* — «большой семьи», насчитывающей не менее ста человек, он продемонстрировал нам нечто такое, чему я до сих пор не нахожу объяснения.

Все члены аинги собрались на вершине мыса, высоко над морем, и стали речитативом исполнять древнюю песню — легенду об акуле и черепахе.

На Савайи, одном из островов этой группы, жила слепая женщина со своей дочкой. Жизнь ее там была не сладкой. Она села в рыбацкую лодку, которая направлялась на Тутуилу, и в Ваитонги сошла на берег.

Но как только эта женщина коснулась ногой щедрой земли острова, от него словно отвернулось счастье. Один за другим обрушивались на остров тайфуны, затем начался порожденный ими голод. Слепая женщина захотела вернуться домой. Но не нашлось никого, кто решился бы отправиться с ней назад, на Савайи.

Тогда она поднялась на мыс, на котором я сижу сейчас, слушая древнюю сагу, и, бросившись с высокой скалы в волны, вместе со своей дочерью поплыла к родному острову.

И тут произошло чудо. Как только они погрузились в воду, женщина превратилась в черепаху, а ее дочь — в акулу. До сих пор живут они в океане.

Стоит только жителям Ваитонги запеть на этом мысе древнюю песню, как акула и черепаха подплывают к берегу.

Так, во всяком случае, перевел мне слова древней песни учитель.

Я наклонил голову, посмотрел в голубую воду и — хотите верьте, хотите нет — увидел там сначала черепаху, а потом и акулу. Я видел их собственными глазами, и не один я, — акулу и черепаху...

«ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ПОЛИНЕЗИЯ»

Есть вещи необъяснимые. Так, о явлении акулы и черепахи во время исполнения островитянами древней саги, я буду вспоминать до самой смерти.

В Океании порой сталкиваешься с фактами, которые разум отказывается признавать. Я никогда не забуду, как поразила меня способность меланезийских танцовщиков с фиджийского острова Мбенга ходить по раскаленным в костре добела камням босыми ногами, не обжигая ступней. Тогда я мог хотя бы потрогать ступни танцовщиков. Отсюда же, с мыса Ваитонги, я могу унести с собой лишь невероятную историю об акуле и черепахе и пленительную мелодию древней песни.

Мне казалось, что времена чудес, сверхъестественных сил и волшебства давно прошли. Мы едем дальше, но все мои мысли сосредоточены вокруг давно позабытых в Европе, необъяснимых чар и сил.

На этот раз мы выходим из микроавтобуса в деревне, носящей почти что испанское имя — Леоне. И здесь главная достопримечательность — школа. Точнее, одна из четырех гимназий (средних школ повышенного типа) в Восточном Самоа. Она представляет собой две большие круглые постройки, крытые соломой. Смуглый учитель проводит нас в школу. Я вижу парты, школьную доску и... большой телевизионный экран.

— Вы видите первую телевизионную среднюю школу на Самоа, — говорит нам гид.

— Как это понимать «телевизионная»? — спросил я.

Полинезец с нескрываемой гордостью объясняет:

— Она специально приспособлена для обучения телевизионным методом.

У меня голова пошла кругом. Тот же самый человек,

который только что подозвал акулу и черепаху, уверенно говорит о системе обучения полинезийских детей телевизионным методом.

На Тутуиле есть и другие подобные школы, где маленьких жителей островов Самоа обучают заочным способом — с помощью телевидения. В Восточном Самоа их более двадцати. Вероятно, когда я лет через двадцать или тридцать буду просматривать свои записки, комплексное обучение телевизионным методом в Полинезии не покажется мне диковинным. Но сейчас я был просто потрясен. Телевизоры здесь, на островах Океании, в некоторых частях которой девяносто пять процентов населения до сих пор неграмотны!

С телевидением у меня связано еще одно переживание, испытанное в Паго-Паго. Как известно, для телепередач необходим прежде всего передатчик, который, естественно, лучше всего было бы разместить на какой-нибудь высокой горе. Гор на Тутуиле хоть отбавляй. Ведь острова архипелага Самоа — это, собственно, выступающие из воды вершины могучего подводного хребта.

Над заливом Паго-Паго, на берегах которого живут большинство обитателей Тутуилы, возвышается гора Алава. Поэтому выбор строителей телебашни пал именно на нее. Но для этого на вершину Алавы необходимо было доставить сотни тонн грузов и оборудования. Можно было, конечно, перенести все это с помощью носильщиков. Носильщиков? Ну, нет! Подрядчик — строительная фирма «Интерстейт Эквипмент Корпорейшн» из города Питсбурга приняла другое решение: построить канатную дорогу.

На левом берегу залива, неподалеку от резиденции губернатора, расположена одна из станций подвесной дороги. Я плачу два с половиной доллара и плыву в алюминиевом вагончике, подвешенном над голубым заливом на почти незаметных канатах.

Канатная дорога пересекает залив, и я вижу, как движутся внизу джонки корейских и японских рыбаков, проносятся торпедные катера и перехватчики США, вижу доки, различные сооружения и склады военно-морского порта. У меня слегка кружится голова — ведь вагончик ползет на высоте трехсот метров. Прошло всего лишь десять минут — и вот уже рядом со мной зеленая вершина Алавы.

Отсюда открывается великолепная панорама. А так

как день сегодня ясный, то видно даже Уполу — сестру Тутуилы, находящуюся на расстоянии шестидесяти миль от острова. На севере я впервые, словно обратную сторону Луны, вижу противоположную часть Тутуилы, ее неприступный северный берег. Я стою рядом со шпилем передатчика. Вновь охватывает меня странное чувство — подумать только, школьная телевизионная программа здесь, в Полинезии!

Мне часто приходится выступать по телевидению, и телестудии я знаю хорошо, и все же на следующий день прошу разрешения посетить телецентр Тутуилы, расположившийся рядом с гостиницей. Из моей шикарной полинезийской хижины до него рукой подать.

И вот я иду с гидом, тоже местным жителем, по студиям телецентра. Монтажные, лаборатории, архив — все, как в Праге, как на любой телестанции. Телевизионный метод обучения — это тоже далеко не новинка. Однако этот центр, обозначенный буквами КВЗК, единственная телестанция в мире, которая все свое время посвящает обучению.

Создателем этой системы учебы является не педагог и не инженер, а бывший губернатор Рекс Ли, который, вступив в должность в 1961 году, вскоре понял, что слабыми силами немногочисленных местных учителей трудно добиться решительного сдвига в уровне общего образования. И он предложил создать для островитян телевизионную систему, которая существенно ускорила бы этот процесс. Поначалу это был, как казалось, нереальный план. На всей подопечной территории проживало тогда двадцать пять тысяч человек. А противники губернатора утверждали, что строить для «цветных» даже радиостанцию просто глупо.

Однако Ли проявил твердость. А так как губернатор распоряжается и тем, от чего в конце концов зависит судьба любого проекта, — деньгами, то не прошло и четырех лет, как его планы были осуществлены. И в 1965 году школьное телевидение в Паго-Паго начало свои регулярные передачи. Причем не по одному, а по трем каналам — и это для двадцати пяти тысяч человек!

Трехпрограммного телевидения в то время не было даже у многих значительно более развитых стран, население которых в тысячу раз превышало число жителей далеких тихоокеанских островов. Программы удовлетворя-

ли потребности детей от первого до шестого класса. А в Восточном Самоа обязательное девятилетнее обучение! Необходимо было расширить передачи местного телевидения. Для этого нужны были не только капиталовложения, но и большее число каналов. И вот в дни моего пребывания на Тутуиле передачи велись уже по шести каналам для учеников и младших и старших классов.

Я заходил в телешколу дважды — днем и вечером, когда за партами сидели уже не подростки. Жители Самоа — народ с давними культурными традициями — сумели быстро оценить преимущества бесплатного телевизионного обучения. И вскоре с просьбой принять их в телешколу стали обращаться родители школьников. Для них начаты особые, общеобразовательные передачи. Сейчас по местной телевизионной сети транслируются программы не только для учащихся. В 1969 году было передано пятьдесят лекций для земледельцев. По телевидению врачи рассказывают о личной гигиене и о предупреждении болезней. Помимо этого Паго-Паго ежедневно передает двуязычную англо-самоанскую телегазету.

Мы обходим одну за другой студии телецентра. Техническое оборудование их, как я уже сказал, меня не интересует. Оно вряд ли во многом отличается от оборудования пражского или какого-либо другого телецентра. Меня интересуют полинезийцы, и я допытываюсь, каким образом учителя занимаются здесь со своими учениками. И конечно, ищу ответ на вопрос: не ведет ли создавшийся благодаря телевидению подъем культурного уровня к утрате национальных, полинезийских черт у школьников и взрослых жителей островов?

Ответы на эти вопросы я искал не только в телецентре и не только у нашего гида, но и в самих школах. В младших классах преподавание ведется на самоанском языке, в старших учителя пользуются английским. Но в программу передач для старших школьников — восьмого и девятого классов — введен предмет, который на родном языке знакомит островитян с историей, культурой и традициями их страны.

На Тутуиле я познакомился с двумя «сторонами» телешколы — преподавателями в студии и школьниками в классах. «Телеучитель» — главная фигура процесса обучения. Он с помощью наглядных пособий объясняет ученикам материал урока. Кроме него в подготовке программы участвует преподаватель, который готовит текст пе-

редачи, и, конечно, режиссер. Наряду с ними на студии есть операторы, ассистенты, осветители, короче говоря, все специалисты, без которых телецентр обойтись не может.

Телеуроки здесь довольно коротки. Для учеников первых классов они длятся не более пятнадцати минут, для старшеклассников — полчаса. После преподавателя, объясняющего урок с экрана, слово берет его коллега, находящийся в классе. Он проверяет, поняли ли все ученики то, о чем говорилось на уроке, и повторяет с ними важнейшие положения. Школьный преподаватель получает текст будущего телеурока на несколько дней раньше, что дает ему возможность подготовиться.

И преподаватели, и ученики, и даже сами школы в Полинезии теперь совсем другие. Когда мы во время поездки по Западной Тутуиле осматривали одну школу за другой, я понял, что новые здания отличаются своим внешним видом от обычных школ. Для телевизионной системы обучения пришлось построить не только телебашню на Алаве, не только телецентр в Паго-Паго, но и новые аудитории, напоминающие небольшой кинозал, где вместо доски стоит телевизор. Подобных зданий в Восточном Самоа построено более тридцати. А так как их посещают не только школьники, но и родители, то эти школы превратились в нечто подобное деревенскому клубу, культурному центру, который закрывает свои двери лишь поздно вечером, когда звонок прерывает последний урок для взрослых.

Телевидение шагнуло и в хижины островитян. Я побывал на многих островах, в очень отсталых уголках Полинезии. И странное чувство охватывало меня, когда теплыми тропическими ночами бродил я по улицам деревень, наблюдая, как в открытых хижинах — полинезийцы закрывают их рогожами лишь тогда, когда ложатся спать, — вся семья собирается перед телевизором. Ночи на Тутуиле освещает теперь не только Южный Крест, но и свет голубых экранов...

Рассказ о «телевизионной Полинезии» должен иметь и свой постскриптум, начинающийся словами: «Для чего?» Для чего все это? Почему жителей Восточного Самоа бесплатно обучают в школе телевизионным методом по нескольким каналам, в то время как в других частях Океании, например в горах Новой Гвинеи, они с трудом добывают себе кусок хлеба? Почему? Думаю, что не

только благодаря мудрости губернатора. Вероятнее, для того, чтобы этот американский островок, расположенный посреди океана, стал витриной управляемых Соединенными Штатами территорий. Витриной, которая на Тугуиле весьма неожиданно для меня обернулась телевизионным экраном...

ПО «МОРЕЮ ТАЙФУНОВ»

С этой странной, необычной землей Океании — «телевизионной Полинезией», архипелагом, где для тридцати тысяч островитян ведутся передачи по шести телеканалам, — я распрощался во время великого торжества, напоминавшего мне праздник на Тахаа. И здесь было много песен, танцев и еды. Правда, вместо сырой рыбы и моллюсков подавали вегетарианские блюда — крем кокосовых орехов в трубочках из листьев таро. Нынешний праздник имел для меня одно важное преимущество — он начался засветло. И поэтому я мог — пока хватало сил и пленки — фотографировать полинезийцев, их блюда, танцовщиков и музыкантов.

Но любой праздник и любое пребывание в гостях когда-нибудь подходят к концу. Кончилось и мое пребывание на Тугуиле. И раз уж мне не удалось прибыть на этот остров на яхте, то я по крайней мере покину его на судне. Это, правда, не парусник Телиги, но зато довольно крупный баркас, курсирующий между Тугуилой и ее сестрой — тем самым островом Уполу, который я несколько дней назад видел с вершины Алавы.

Я — единственный белый человек на баркасе. Те, кто поумнее, кто считается со временем и не считает долларов, вылетают на Уполу самолетом. Но я выбрал морское путешествие не только из-за дешевизны. Мне хочется проплыть весь залив Паго-Паго, увидеть с моря самый известный порт Южных морей, испытать волнение, преодолевая коралловый риф, окружающий Тугуилу.

И я не обманулся в своих ожиданиях. Проход в коралловом барьере узок. С обеих сторон на него обрушиваются мощные удары океанских волн. И как только мы вышли в открытое море, наше суденышко стало раскачиваться сильнее, чем хотелось бы мне и даже большинству привыкших к океану островитян. Но, как говорится, назвался груздем — полезай в кузов.

Морская дорога между Тутуилой и Уполу у моряков пользуется дурной славой. Ее называют «Море тайфунов» или «Море бурь». И речь идет не только о стихийных бурях. Я плыву с островов Самоа на острова Самоа — ведь на карте они разрезаны как батон хлеба. Тутуила — это Восточное Самоа, Уполу — центр Западного. До первой мировой войны Западным Самоа управляла кайзеровская Германия, потом — Новая Зеландия⁴⁰.

Вероятно, ни одна территория Океании не была предметом столь сложных переплетений интересов различных стран и отдельных предприимчивых дельцов, как острова Самоа, и особенно традиционный центр архипелага — порт Апия. Первыми здесь обосновались немцы — гамбургская торговая фирма «Годфрой», глава которой одно время был самым влиятельным белым человеком на архипелаге. Эта уже давно не функционирующая фирма сыграла, однако, здесь столь важную роль, что еще и сейчас — спустя сто двадцать пять лет после ее основания — островитяне, с которыми мне приходилось беседовать, называют ее просто «фирма».

Вслед за немцами на Самоа появились многочисленные английские торговцы копррой, а также британские миссионеры, которые, распространяя христианство, усиливали английское влияние на этом полинезийском архипелаге. И наконец, к Самоа, особенно к Паго-Паго, проявили интерес американцы. В политические интриги вокруг Самоа включилась еще одна «держава», которую никто не принимал в расчет и которую никому не пришло бы в голову искать среди колониальных захватчиков, — Гавайи. Правитель этой независимой полинезийской монархии — Калакуа стремился сохранить независимость не только своей родины, но и других полинезийских островов. Он мечтал о создании некоей всеполинезийской империи, во главе которой встал бы сам. Поэтому Калакуа отправил на острова Самоа и Тонга своих эмиссаров. Одновременно на Самоа прибыл корабль гавайского «военно-морского флота» — «Камилоа». Посланцы Калакуа передали правителю Самоа Малиэтоа орден «Звезда Океании» — самую высшую гавайскую награду. Малиэтоа подписал с Гавайями Договор о дружбе и взаимной помощи. Но никакого практического значения этот пакт двух полинезийских земель никогда не имел. Более того, правителя Самоа Малиэтоа Лаупепу признавали далеко не все островитяне.

Иностранные государства всячески вмешивались в управление Самоа. Обладая реальную власть правительство удалось создать бывшему американскому полковнику Стейнбергеру. Его успех вызвал зависть английских колонистов. В этот момент в бухте Апия стоял английский военный корабль «Барракута», капитан которого решил поддержать своих земляков. Он высадил на берег матросов, арестовавших премьер-министра и доставивших его на корабль. Своего американского пленника англичане высадили лишь на Фиджи. Стейнбергер, естественно, сообщил о происшедшем в США, которые выразили протест Великобритании. Капитана «Барракуты» судил трибунал, английского консула отозвали из Апии.

Но скандал с похищением американского премьера Самоа был лишь первым порывом надвигающейся на острова грозной бури. После смерти Малиэтоа островитяне разделили свои симпатии между несколькими претендентами на престол. Одни поддерживали «законного» наследника — Тоо Матаафу, другие — бывшего наместника Тамасесе, которого немецкий консул в конце концов провозгласил королем Самоа. Немецкие колонисты стали вооружать воинов Тамасесе, в то время как англичане и американцы передали оружие солдатам Матаафы⁴¹.

В прекрасную бухту Апия стали прибывать не только транспортные суда со смертоносным грузом, но даже военные корабли различных держав. Последний шаг к войне сделал консул кайзеровской Германии доктор Кнаппе, который распорядился, чтобы один из кораблей, «Адлер», огнем орудий главного калибра уничтожил ставку армии Матаафы. В этом бою погибло множество островитян.

Дипломаты посылали в свои столицы шифровки. Европейские, американские и австралийские газеты были полны сообщениями о возможной войне между крупнейшими державами, которая была готова разразиться из-за островов, неизвестно где расположенных, не представляющих никакого интереса ни для Германии, ни для Америки, ни для Англии, ибо дела там вели всего несколько плантаторов и фирм. Ради пары дельцов и авантюристов гибли полинезийцы. Такая же участь ждала европейских и американских солдат.

Вскоре в бухте Апия появились еще два немецких военных корабля — «Эбер» и «Ольга», американские

флагманы «Трентон», «Вандалия» и «Нипсис», британский военный корабль «Каллиопа».

Сейчас, когда в Апию входит наш баркас, этот порт столицы Западного Самоа почти пуст. Бухта красива, хотя и уступает изумительным фьордам залива Паго-Паго и живописным ландшафтам Северного Мурее. Ширина ее — около восьмисот метров; с обеих сторон бухта защищена мощными коралловыми рифами, выступающими во время отливов из воды. Недалеко от порта в нее впадает река Ваисинано, сильное течение которой постоянно очищает воды залива, вынося из него грязь и песок.

Я стою на носу баркаса и смотрю на открывающиеся передо мной город и гору Ваза, громогласящая над ним. По сравнению с Паго-Паго, построенным на американские деньги, Апия выглядит бедной родственницей. В городской панораме выделяются два храма: справа — методистская церковь, слева — католическая⁴².

В самой бухте море было спокойно. Закончилось наше малоприятное плавание. Мы провели в пути более десяти часов, хотя расстояние между островами не превышает шестидесяти миль.

Наш отнюдь не роскошный баркас причаливает недалеко от того места, где до недавнего времени покоился последний свидетель драматических для Апии дней — немецкий военный корабль «Адлер», который после того, как подверг обстрелу ставку войск Матаафы, вернулся в Апийскую бухту. Порт к этому времени был заполнен военными кораблями различных стран. Вместе с «Адлером» их стало шесть. 11 марта 1889 года сюда прибыл седьмой корабль — американский крейсер «Трентон» под командованием капитана Кимберли, чтобы сказать свое решающее слово в грядущих боях.

Таким было положение на 11 марта. А спустя всего лишь три дня крейсеру «Трентон» и остальным военным судам пришлось вступить здесь в тяжелую битву, но уже не друг с другом, а со стихией, которая не осталась безучастной к колониальным авантюрам. Стрелка барометра в тот день сразу упала. На Самоа тогда не существовало ни телеграфной, ни радиосвязи, с помощью которой можно было бы оповестить экипажи судов о грозящей опасности. Не было здесь и метеостанций, а тем более службы наблюдения за тайфунами. И капитанам судов пришлось самим реагировать на падение барометра.

Все они знали, что в «Море тайфунов» это могло означать только одно — приближающийся ураган. А какова сила подобных бурь — известно каждому, кто бывал на этих островах. В Восточном Самоа, например, я постоянно сталкивался со следами сильнейшего урагана, который в 1967 году уничтожил половину Тутуилы. Да и здесь, на Уполу, я не без содрогания осматривал и фотографировал стальные опоры электропередачи, которые тайфун согнул, словно стебли тростника.

Итак, капитаны всех военных судов считали, что ураган приближается. Но островитяне уверяли их, что в это время года тайфунов почти не бывает.

Почти не бывает... Но на этот раз ураган разразился.

15 марта вечером в Апии «разверзлись врата ада». Бешеный северо-восточный ветер гнал громадные волны. Небо покрылось свинцовыми тучами, стало совершенно темно. Ночью пошел ливень. Ветер завывал все неистовее, валы волн угрожающе росли. Достигнув высоты многоэтажных домов, они обрушивались на военные корабли. Все суда стояли на якорях, но океан одну за другой рвал стальные цепи. Теперь все зависело от кочегаров: сумеют ли они удержать в котлах давление. В противном случае страшные волны могут швырнуть корабль либо на рифы, которые слева огибают порт, либо на берег, либо... нет, об этом никто даже не хотел думать.

Первой жертвой тайфуна стал немецкий военный корабль «Эбер». Океан бросал его по всей бухте, но экипажу каждый раз удавалось, напрягая все силы, увести свое судно подальше от убийственных рифов. Но здесь «Эбер» столкнулся сначала с американским кораблем «Нипсис», потом с немецкой «Ольгой». Во время второго удара он потерял ходовые винты. Это был конец. В течение нескольких мгновений корпус беспомощного корабля пропороли коралловые рифы. Из семидесяти семи человек экипажа спаслись лишь пятеро.

Второе немецкое судно — «Ольга» — столкнулось сначала с «Эбером», а потом с «Нипсисом», повредив его, затем налетело на английскую «Каллиопу» и, наконец, — на американский крейсер «Трентон». Поврежденная «Ольга» уже не могла противостоять тайфуну. Поэтому ее капитан решил пожертвовать кораблем, чтобы спасти хотя бы часть экипажа, и выбросил судно на песчаную отмель.

На мели погиб и американский корабль «Нипсис». Крейсер «Трентон», флагман американского флота, потерял якоря, руль, вода попала в машинное отделение и погасила топки. «Трентон» был отдан на милость, точнее, на немилость океана. Вначале казалось, что крейсер выбросит на относительно безопасную прибрежную отмель. Однако его осадка была слишком глубокой, и «Трентон» завяз довольно далеко от берега. К многочисленным жертвам «Эбера» присоединились погибшие моряки «Трентона».

В американской и немецкой флотилиях осталось лишь по одному способному держаться на воде кораблю. Это были немецкий «Адлер» и американская «Вандалия». Командир «Адлера», капитан Фрице, попытался спасти команду довольно рискованным маневром. Когда он понял, что не сможет избежать столкновения с коралловым рифом, то решил «перепрыгнуть» его на высокой волне. Дождавшись волны, капитан приказал перерубить якорные канаты. Но девятисоттонный корабль не избежал гибели, разбившись о рифы. Последний из американских кораблей, «Вандалия», затонул вскоре рядом с «Трентоном».

Итак, две флотилии, в каждой из которых было по три корабля, погибли. Ну а что же случилось с седьмым кораблем, единственным представителем «владычицы морей» — Англии? Командир «Каллиопа» капитан Кейн понял, что в порту, с обеих сторон окруженном страшными рифами, его судно грозит куда большая опасность, чем в открытом море. Подняв до предела давление в котлах, он попытался выйти из порта прямо в лоб тайфуну, который налетел на бухту с севера. Медленно продвигаясь вперед, взлетая на пятнадцатиметровые волны, «Каллиопа» все же вышла в океан и оставалась там до тех пор, пока тайфун не пронесся над островами Самоа.

Когда «Каллиопа» вернулась в Апию, то экипаж ее увидел страшную картину: «Адлер», «Эбер», «Вандалия», «Трентон», «Нипсис», «Ольга», разбитые и искореженные, лежали на рифах и отмелях. «Море тайфунов» победило. Никакой международной интервенции, никакой войны за Самоа так и не вспыхнуло. Военные корабли погибли, а их матросов сразили не вражеские пули, а тихоокеанский тайфун.

С честью из этой ситуации вышла лишь «Каллиопа».

На Западном Самоа я увидел руль этого замечательного корабля. Англичане вручали его потом представителям независимого полинезийского государства. Кстати, большую роль в победе «Каллиопы» над океаном сыграло то обстоятельство, что судно пользовалось новозеландским углем, который оказался значительно более высококачественным, чем другие сорта. Это, между прочим, значительно подняло престиж Новой Зеландии в глазах саманцев.

Но меня, как и всегда, больше интересовали судьбы жителей островов Самоа. Как поступили они, когда увидели, что белые люди, которые еще вчера осыпали снарядами их деревни, убивая женщин и детей, теперь сами гибли в водовороте взбесившихся волн? Неужели стали добывать тех, кого покарал тайфун?

Нет, как раз наоборот. Обе еще вчера враждовавшие армии островитян соединились, их воины образовали живую цепь и, войдя в бушующее море, выносили одного утопающего матроса за другим. Во время спасательных работ островитяне проявили самоотверженность. Чтобы спасти тонущих моряков «Эбера», некоторые воины пытались преодолеть даже огромные пятнадцатиметровые волны! Все они, естественно, погибли. И это были солдаты армии Матаафы, той самой, которую несколько дней назад расстреливала шрапнель с погибавшего сейчас корабля.

Наше плавание по «Морю тайфунов» с Тутуилы на Уполу тоже было беспокойным. Но с тайфуном мы, к счастью, не встретились.

Здесь сохранилось немного следов происшедшей трагедии — монумент погибшим немецким морякам и рулевое колесо с «Каллиопы», которое держал в руках мужественный капитан Кейн. И лишь совсем недавно был вывезен самый выразительный памятник — корпус корабля «Адлер», пролежавший на коралловых рифах более семидесяти лет.

Вот и все, что осталось от колониальных авантур. Если не считать, конечно, такого тяжкого наследия тех времен, как невидимая граница, которую я пересек во время плавания по беспокойному морю. Она искусственно разделила Восточное и Западное Самоа. По обе ее стороны живут теперь люди, в жилах которых течет одна кровь и которые говорят на одном языке.

В глубине исторической бухты Апия расположился город того же названия — столица Западного Самоа. Этот город единственный на самом большом острове архипелага — Уполу. Остров этот, так же как и Тутуила, горист, и поэтому большая часть его населения осела в прибрежных деревеньках. Дальше, в глубине острова, покрытого вулканическими породами, люди встречаются очень редко. Сама столица занимает не так уж много места. Центральные городские здания выстроены прямо на набережной, а большинство жилых кварталов поднимается по склонам горы Ваза.

Итак, Апия — столица независимого государства Западное Самоа. Естественно, что экономический потенциал этой небольшой страны в сотни тысяч раз меньше потенциала богатейших Соединенных Штатов. И поэтому Апия по сравнению с Паго-Паго — бедный родственник. Зданий из стекла и бетона здесь еще нет. В целом этот город напоминает тихоокеанские порты, изображенные на открытках конца XIX века.

Отель, в котором я остановился, принадлежит Агги, гостеприимной хозяйке, наполовину датчанке. Это уютный деревянный замок, в котором удобно жить. Отсюда никуда не надо спешить.

Дом госпожи Агги расположен вблизи от обеих церквей — католической и методистской. Вообще строительство величественных христианских храмов на Уполу стало манией, вопросом престижа каждого поселка. Поэтому даже в самой захудалой деревеньке на острове возвышается огромная церковь, в которой легко может разместиться население целого района.

Я не намеревался долго пробыть в Апии, поэтому взял карту и стал раздумывать, куда мне отправиться раньше всего. В конце концов я решил начать со знакомства с плантациями какао и копры — главным богатством Уполу.

В нескольких километрах от Апии раскинулись участки «Сентрал Груп Кокоа Плэнтейшн», на экспериментальной базе которой местные специалисты вывели самый плодородный в мире сорт дерева какао «Лафи 7». В сопровождении хорошенькой островитянки я обошел всю плантацию, побывал на опытной станции, в оранжереях, записал немало агротехнических данных, в кото-

рых вряд ли сам бы смог разобраться, и в конце концов отправился дальше — теперь уже на плантацию кокосовых пальм.

Кокосовые пальмы — это символ Южных морей. Я встречал их даже на островах Лонга-Лонга, где ни одно другое растение вообще расти не может. Здесь, на Уполу, компания «Вестерн Самоа Траст Эстейт Корпорейшн», наследница и продолжательница пресловутой немецкой фирмы, владеет самыми крупными плантациями кокосовых пальм на всем Южном полушарии. Плантацию Мулифануи я увидел с самолета. Это целый лес кокосовых пальм, причем с высоты птичьего полета впечатление от него значительно более сильное, чем во время прогулок среди пальмовых рощ.

Копра — сушеное ядро кокосовых орехов — из Уполу отправляется прямо в Европу. Очень незначительную часть продукции гигантской плантации перерабатывает местная фабрика по производству мыла и изделий из орехового масла, которую мне с гордостью показала моя молодая проводница.

Огромная современная плантация и фабрика, однако, всего лишь часть Уполу. Жители Западного Самоа утверждают, что их остров — самая «полинезийская» земля всей Полинезии. И наверное, они правы. Я вновь покинул Апию с целью познакомиться с традиционным обликом Уполу. Здесь, на северном побережье острова, раскинулись очень похожие друг на друга деревеньки. Укрывшиеся в тени пальм, овальные фаре открыты днем настежь. Огромный христианский храм возвышается над поселком. Повсюду в прибрежных водах лагуны играют дети. Здесь царят мир и покой.

Миновав самую большую из деревень — Салелеси, я вышел к водопаду Фалефа. Этот живописный низвергающийся поток — конечный пункт моей прогулки по восточной части острова. По форме Уполу напоминает остров Ямайку. От северного берега к южному через весь остров ведут две дороги. Одна, западная, соединяет Фалеасао с Матаутой. Другая, восточная, начинается именно в том месте, где я стоял, — у водопада Фалефа.

О прогулке по Уполу я вспоминаю с особенным удовольствием. Узкая дорожка круто взбирается в горы, покрытые удивительной ярко-зеленой порослью, над которой огромными зонтами раскинулись кроны деревьев. Она карабкается все выше и выше, минуя многочислен-

ные водопады. Неподалеку от перевала через главный хребет открывается великолепный вид на северо-западный берег Уполу — бухту Фангаола.

За перевалом Мафа — быстрый и несложный спуск. Внизу, на сказочном по красоте южном берегу острова, снова начинают попадаться поселки. Это, вероятно, один из самых изумительных уголков Полинезии. Он не так живописен, как бухты острова Муреа, но зато его ласковые песчаные пляжи полны тишины и золотого солнца.

Близ деревни Лаломану я искупался и затем добрался до оконечности острова Уполу — мыса Тапанга. Отсюда видны «спутники» Уполу — островки Нуулуа и Нуутеле.

В Апию я возвращался той же дорогой. Несколько километров шел пешком, но потом здесь, в этом безмятежном царстве солнца, песка и моря, неожиданно увидел автомобиль. За рулем форда, которому было не меньше четверти века, сидел местный пастор. Из христианской любви к ближнему он предложил подвезти меня. Не успели мы проехать и полкилометра, как машина остановилась. А еще позже, на самом перевале Мафа, этот представляющий историческую ценность автомобиль стал окончательно. Поэтому дальше мне пришлось идти снова пешком до водопада Фалефа, откуда автобусом я добрался наконец до гостеприимного дома госпожи Агги.

До сих пор я видел лишь сегодняшнее лицо Уполу. Теперь же мне хочется увидеть Уполу историческую, ибо и на этих островах есть место, где с вами говорит история. На западной оконечности бухты Апии выделяется невысокий полуостров Мулинуу. В центре его безлесное, поросшее травой пространство, которое аборигены называют хорошо знакомым мне по Таити именем — *малае*. Именно здесь проводятся все крупные национальные торжества островитян. Сюда со всего острова стекаются местные жители, которые хотят прикоснуться к истории своей земли.

На окраине малае расположилась Таиафау — усыпальница самоанских королей. Но наибольший интерес представляет огромное строение, напоминающее большую хижину, опорой которому служат искусно обработанные столбы. Перед ним на мачте полощется красносиний флаг независимого полинезийского государства. Это — парламент Западного Самоа, здание которого

сильно отличается от любого другого законодательного собрания в мире.

Рядом с парламентом расположены административные здания и невысокий Памятник независимости. Он напоминает о том, что в истории борьбы полинезийцев за свободу, истории их национально-освободительного движения этот небольшой полуостров занимает важное место. Именно здесь, перед зданием Фале Фоно — западно-самоанского парламента, 1 января 1962 года был поднят флаг первого независимого государства Полинезии, да, собственно, и всей шестой части света — Океании. Так закончилась колониальная эра архипелага, эра, начавшаяся прибытием в Апию военных кораблей, нашедших затем бесславный конец в водах этой бухты.

Архипелаг Самоа привлекал к себе европейцев больше, чем какая-либо другая полинезийская земля. Лишь легендарный Таити мог сравниться в этом отношении с островами Самоа, которые открыл уже знакомый нам Роггевен.

Наибольшую известность острова Самоа и их жители получили благодаря французским мореплавателям Лаперузу, Бугенвилю, Лафонду де Люрси, побывавшим здесь в XVIII веке. Лафонт де Люрси назвал Самоа «Эльдорадо Полинезии». Лаперуз заявил, что «обитатели этих островов, вне всякого сомнения, являются самыми счастливыми людьми на земле». А Бугенвиль даже придумал свое название для архипелага, который так очаровал его земляков, — острова Мореплавателей.

Острова Мореплавателей, «людей с совершенными телами», «самые счастливые в мире» (я опять цитирую Лаперуза), притягивали к себе авантюристов многих стран. А вслед за мореплавателями, плантаторами и миссионерами шли дипломаты. На островах Мореплавателей их миссия была довольно простой. Дело в том, что Самоа в отличие от островов Тонга или других полинезийских архипелагов имели не одного монарха, а целых две королевские династии — Са Малиэтоа и Са Тупуа, причем обе пребывали на Уполу. В XIX веке представитель династии Малиэтоа стал пользоваться большим влиянием, чем конкурирующий король. Поэтому англичане и американцы стали поддерживать Малиэтоа, стремясь сделать из него монарха европейского типа. Немцы же, наоборот, склонялись на сторону другой династии — Тупуа. Пламя этой впоследствии ставшей весьма кровавой

борьбы вначале притушил тайфун. После сурового предупреждения природы по инициативе канцлера Бисмарка в Берлине встретились представители Англии, Германии и США, чтобы решить судьбу островов Мореплавателей.

По так называемому Берлинскому соглашению три державы обязались признать Самоа «независимой полинезийской монархией» и поддержать Малиэтоа Лаупепу, которого они признали «королем всего Самоа». Однако столица маленького королевства была «изъята» из сферы влияния монарха. Ее провозгласили «международной концессией» под управлением городского комитета, решения которого утверждались «Советом консулов», состоящим из представителей трех держав, подписавших соглашение.

Но эта сложная система, как и следовало ожидать, оказалась нежизненной. Более того, спустя четыре года после подписания соглашения в борьбу вступили приверженцы второй королевской династии. После подавления восстания Матаафу и одиннадцать сподвижников сослали на остров Сайпан в Микронезии.

Новая, куда более кровопролитная борьба вспыхнула после смерти Малиэтоа. Восстание было направлено против преемника короля — Тунумафили, и главным образом против поддерживающих его англичан и американцев. Островитяне уничтожали плантации европейцев, а те в ответ вызывали военные корабли, которые вновь подвергали бомбардировке Апию и ее окрестности.

Совместное управление островами Мореплавателей оказалось совершенно неэффективным. Кроме того, Англия, ведущая куда более важную для нее войну с бурами в Южной Африке, утратила интерес к строптивым полинезийским островкам. Два оставшихся участника соглашения — кайзеровская Германия и США — разорвали свой собственный договор и... поделили архипелаг. Немцы, имевшие на Самоа значительные экономические интересы и основавшие там самые обширные плантации во всей Океании, оставили за собой большую часть архипелага, включая и самый крупный остров Уполу, на котором проживает четыре пятых всего населения. Соединенные Штаты фактически интересовал лишь залив Паго-Паго, и они взяли себе Тутуилу с несколькими прилегающими островками.

Немцы быстро навели на Уполу и на всех остальных колонизированных ими территориях «порядок». Спорный

вопрос о монархе Самоа они решили весьма просто, заявив, что королем Самоа является кайзер Вильгельм, а резиденцией главы этого государства становится Берлин!

Прусский кайзер носил столь экзотический титул четырнадцать лет. Сразу же после начала первой мировой войны — 29 августа 1914 года — в Апии высадились новозеландские войска, которые в течение одного дня завоевали «немецкое государство» в Полинезии. Шесть лет в Апии господствовали солдаты. А в декабре 1920 года Лига наций передала мандат на управление Западным Самоа британской короне. Осуществляла его одна из стран Британского содружества наций — Новая Зеландия.

Многие годы Западное Самоа управлялось Новой Зеландией. И все эти годы островитяне добивались свободы. В 1926 году на Самоа возникло движение под названием *Мау*, что означает: «Движение общественного мнения». Основным лозунгом Мау было: «Самоа для самоанцев». Мау создали свой «теневой кабинет» и политический центр в Ваимосе, проводили демонстрации, слагали песни и стихи о свободе, вывешивали повсюду флаги независимого Самоа.

«Движение общественного мнения» послужило началом борьбы за независимость Самоа, которая вспыхнула сразу же после окончания второй мировой войны. В этом смысле острова Мореплавателей опередили все остальные полинезийские земли на целое поколение. Новая Зеландия не особенно препятствовала островитянам в их стремлении идти собственным путем⁴³. Уже в 1947 году в Апию прибывает первая делегация ООН для решения вопросов, связанных с самоуправлением островов. Тремя годами позже премьер-министр Новой Зеландии вносит предложение создать в Апии самостоятельное правительство, а в 1954 году в Мулинуу собирается Законодательная ассамблея под председательством Тамасесе — представителя одной из королевских семей.

Решения этой Ассамблеи заложили основы нынешнего независимого государства Самоа и определили его политическую систему. В 1960 году был опубликован окончательный проект Конституции. Это произошло 28 октября, а 9 мая 1961 года в Западном Самоа при участии наблюдателей ООН проводился общенациональный референдум. Островитяне должны были ответить на два вопроса: 1) согласны ли вы с Конституцией 28 октября? и 2) хо-

тите ли вы, чтобы 1 января 1962 года Западное Самоа было провозглашено независимым государством?

Так как большинство островитян ответили на оба вопроса утвердительно, то ровно в полночь в последний день года по всему Западному Самоа зазвонили колокола бесчисленных церквей, а на следующий день на мачте перед зданием парламента в Мулинуу взвился флаг первого независимого полинезийского государства — Западного Самоа.

Я иду по зданию парламента. В центре его установлен огромный ритуальный сосуд для проведения церемонии кофепития. Вокруг стоят кресла депутатов с особым местом для председателя. Меня, естественно, интересует, кто и как вершит сейчас судьбами Самоа, какова политическая система этого государства.

Парламент состоит из сорока пяти депутатов. Но кто их выбирает? Этот вопрос был одним из самых сложных в тот период, когда подготавливалась Конституция Самоа. В конце концов было решено согласно национальным традициям предоставить избирательное право только *матаи*. Они стоят во главе аинг — больших семей, объединяющих группу братьев, их жен и их женатых сыновей. В редких случаях в такой семье живет и замужняя дочь со своими детьми.

А так как представители одной аинги часто живут в общей большой хижине, но *матаи* считаются «главой дома». Аинга и ее глава *матаи* — основная социальная ячейка на островах. Лишь *матаи* имеет право распоряжаться имуществом своей многочисленной семьи и вести ее хозяйство. Он регулирует все взаимоотношения между родственниками, руководит ежевечерними «общими собраниями» семьи, заботится о порядке, организует уход за стариками и больными. Поэтому я никогда не видел на островах Самоа полицейских. Как мне рассказывали островитяне, здесь нет необходимости и в социальном обеспечении, так как о каждом старике заботится его аинга.

Рядовые члены семьи — *таулеле*, или *татуа* (дословно: «люди без титула»), должны оказывать своему *матаи* должное уважение. Последний имеет право и на особое материальное вознаграждение. Когда дочь *матаи* выходит, например, замуж, то один из членов аинги должен подарить ей свадебное платье, другой — поставить продукты для свадебного пира и т. д.

Матаи, традиционные главы семейств, входящие в своеобразную местную «элиту», получили таким образом право голоса в новом государстве. По моим наблюдениям, на Тутуиле и Уполу в аингу входят, как правило, около двадцати человек. И так как примерно половина из них подростки и молодежь до двадцати одного года, то избирательным правом на Самоа пользуется примерно каждый десятый. В наши дни на Западном Самоа насчитывается около шести тысяч матаи, которые избирают сорок пять депутатов парламента. Еще два депутата представляют тех, кто не состоит ни в одной аинге.

Столь же сложной, как и вопрос о выборе депутатов, оказалась проблема, кого избрать главой государства. В конце концов островитяне сошлись во мнении, что первыми этот пожизненный пост займут представители королевских династий. От семьи Малиэтоа главой Самоа стал Малиэтоа Тунумафили II, от Тупуа — Тупуа Тамасесе Меаоле.

Итак, Западным Самоа правят два «короля». Как же называть такое государство? Естественно монархией. Ведь во главе его находятся два члена «королевских семей». Высказывалось предложение считать Самоа конституционной монархией, но оно было отвергнуто. Не годилась и такая форма правления, как «республика», отказались и от «княжества». Депутаты решили именовать свою страну просто государством. И поскольку островитяне всегда стремились к независимости, бывшие острова Мореплавателей стали независимым государством Западное Самоа.

Генеральная Ассамблея ООН, которую островитяне называют «отцом наций», поддержала предложение об образовании нового независимого государства. Оно обсуждалось в 1960 году, памятном году деколонизации, когда за одну только сессию в ООН вступило семнадцать новых членов. Однако Западное Самоа не обратилось с просьбой о приеме в члены ООН. Свое нежелание участвовать в работе этой организации правители Самоа мотивировали следующим образом: «Никто не станет прислушиваться к нашей точке зрения на берлинский вопрос или разоружение. А деньги, необходимые на представительство в ООН, мы намного лучше используем дома». Западное Самоа не дало также разрешения на то, чтобы иностранные государства открыли в Апии свои дипломатические представительства. Лишь Новая Зелан-

дия имеет здесь верховного комиссара. При посредничестве новозеландского правительства свободное полинезийское государство решает свои внешнеполитические вопросы. Надо сказать, однако, что в некоторые организации ООН Западное Самоа уже вступило.

Во время моего посещения парламента на его высокой мачте уже реял флаг нового государства, которому исполнилось всего несколько лет. Оно делало самые первые шаги по пути вновь завоеванной свободы. И мне очень хочется, чтобы этот путь жителей Западного Самоа был прямым, ясным и мудрым.

«ТРОПОЮ ЛЮБЯЩИХ СЕРДЕЦ»

На полуострове Мулинуу помимо примечательного здания парламента я видел и Таиафау—могильник древних царей Самоа. Резиденция же нынешних правителей Самоа находится в Ваилиме, примерно в пяти километрах от Мулинуу.

Посреди большого сада здесь стоит двухэтажное деревянное здание, точнее, два связанных между собой белых строения — типичные английские коттеджи. Перед зданием — мачта, на которой развевается красно-синий флаг. С разрешения распорядителя в черном жилете и традиционном поясе *лава-лава* я вхожу в деревянный дворец и осматриваю приемный зал, расположенный на втором этаже. Это — официальная резиденция главы государства.

В наши дни во главе Западного Самоа находится продолжатель одного из монархических родов — Малиэтоа Тунумафили II⁴⁴. И хотя это государство по конституции не является монархией, однако к его главе обращаются: «Ваше величество». А правительство, состоящее из девяти членов и ответственное перед парламентом, возглавляет человек, имя которого тоже достаточно известно в истории Уполу,— Фиаме Матаафа Фаумуина Мулинуу II.

Некоронованный государь Западного Самоа руководит страной из своего белого дворца. Дорога, которая ведет в Ваилиму,—одна из первых проложенных в труднодоступных внутренних областях Уполу. Причем местные жители построили ее не по распоряжению колониальных властей, а по велению своих сердец. Поэтому она но-

сит столь необычное для транспортных коммуникаций название — «Тропа любящих сердец».

«Любящие сердца» — это островитяне. А тот, к кому их любовь обращена, был белым, хотя жил он здесь во времена, когда его соотечественники уничтожали деревни местных жителей, завоевывая их острова. Это — шотландец Роберт Льюис Стивенсон, автор «Острова сокровищ», «Черной стрелы» и других замечательных книг.

Стивенсон еще в детстве мечтал о восхитительных островах, согретых солнцем и убаюканных морем. Он писал о себе: «Я хочу уйти в страну золотых яблок...» Стивенсон посещал Единбургский ботанический сад и там, под кокосовыми и финиковыми пальмами, представлял себе удивительные картины ласковых стран, лежащих на краю света.

Вскоре он действительно покинул ветреную и холодную Шотландию. Но причиной тому были не мечты, а тяжелое легочное заболевание, которое под хмурым небом родины все время прогрессировало. Он уехал сначала на Ривьеру, а потом в Париж. Здесь Стивенсон познакомился с американкой Фанни Осборн, своей будущей женой.

На следующий год — писателю тогда исполнилось двадцать семь лет — Стивенсон отправился за леди Осборн в Америку. Долгий путь до Сан-Франциско подорвал его силы. Вместе с Фанни Осборн, теперь уже его женой, Стивенсон отдыхал в Давосе, потом вновь на Ривьере, на Азорских островах и в лесах близ канадской границы.

И все это время Стивенсон считал, что для его больных легких наиболее целительным будет пребывание в Южных морях. Поэтому в 1888 году он нанимает в Сан-Франциско судно под название «Каско» и на нем вместе с женой отплывает в Океанию. Стивенсон посетил Туамоту, Маркизские острова, Таити и, наконец, Гавайи.

Полинезия очаровала писателя. В восторге от «последнего рая», он решает продолжить свой путь по Океании. На борту уже другого корабля — «Экватор» — Стивенсон плывет на острова Гилберта и, наконец, на Самоа. Здесь автор «Острова сокровищ» находит свой «остров золотых яблок», о котором мечтал в хмурой Шотландии. Назывался он Уполу. Стивенсон с женой решили прожить на Уполу всю оставшуюся жизнь.

Очарование Полинезией не оказалось для писателя

мимолетным. Стивенсон нашел здесь свой второй дом. В далекой Апии, у подножия горы, окутанной лианами и ветвями дикого кустарника, он покупает несколько гектаров земли и строит свой небольшой двухэтажный домик. А так как рядом с новостройкой протекало пять речек, то писатель назвал свое новое жилище «Ваилима» (*ваи* в переводе означает «вода», *лима* — «пять»).

Дом у пяти речек еще при жизни Стивенсона был значительно расширен. Здесь он прожил до самой смерти. 80-е и 90-е годы XIX в. были нелегкими для Уполу. Самые могущественные державы стремились расширить свое влияние на Самоа. В воды Уполу они направляли военные корабли, на побережье острова разбивали большие плантации. И в это самое время на Уполу прибывает человек, гражданин одной из держав, стремящихся подчинить Самоа, который сразу же становится на сторону островитян. Он выступает как против своих земляков, — английский консул даже подумывал о том, чтобы выслать его с островов, — так и против немецких плантаторов. Короче говоря, против всех колонизаторов.

В конце концов Стивенсон пишет полемический политико-исторический трактат, в котором рассказывает о борьбе островитян против иноземного, особенно германского, проникновения на острова Мореплавателей. Этот памятный труд озаглавлен: «Примечания к истории». С жизнью островов Самоа Стивенсон знакомит Европу и Америку в известных «Ваилимских письмах», с жизнью других полинезийских земель — в «Письмах в Южных морях».

В доме у пяти рек Стивенсон пишет и первые свои рассказы о Южных морях. Один из них, «Дьявольская бутылка», вышел сначала на местном языке, а потом уже в переводе на английский. Стивенсон публиковал его с продолжениями в газете «О ле сулу О Самоа», которая выходила в деревне Малуу тиражом более тысячи ста экземпляров. Она попадала в каждую третью семью на Уполу. Вот вам и «примитивные» островитяне!

Имя шотландского писателя стало известно даже в самых отдаленных уголках Самоа. Его рассказ в газете был подписан: «Тузитала О Стевони»⁴⁵. *Стевони* на местном языке, в котором отсутствует целый ряд согласных латинского алфавита, это сокращенная транскрипция фамилии Стивенсона. *Тузитала* — «слагатель историй». Тузиталой островитяне называли Стивенсона до самой

его смерти. И даже в наши дни, во время моего посещения Ваилимы, служащий правительственной резиденции рассказывал мне о Стивенсоне, называя его Тузиталой.

Талант писателя и его решительная борьба за права островитян снискали Стивенсону любовь всего населения. Жители острова проложили к его дому дорожку, которую называли «Тропа любящих сердец». Похоронили писателя на самой вершине Ваэи — горы, возвышающейся над этой частью острова.

О могиле на вершине Ваэи я слышал и раньше. Но теперь, когда «Тропа любящих сердец» привела меня к Ваилиме, когда я осмотрел дом Тузиталы, мне, естественно, захотелось увидеть и его могилу. Это оказалось довольно трудной задачей. Направление мне показали, добавив при этом:

— Иди туда, все выше и выше, на самую вершину горы. Туда ведет лесная тропа...

Лес здесь очень густой. Всюду — переплетение лиан, колючие кустарники и высокие деревья. Тропка, которую сразу же после смерти Тузиталы в течение двух дней проложили островитяне, собравшиеся со всех уголков острова, зарастает, как все вообще зарастает в тропических лесах. Кроме того, мне пришлось преодолеть несколько водных преград — ведь здесь протекало пять рек. И все же я добрался до вершины горы. Окружающий мир был скрыт густыми зарослями, но в «окнах» между ними виднелись море и черта прибоя, разбивающегося о коралловый риф, огибающий Уполу с севера. Море сверкает и на западе. Лишь на юге уходит вдаль похожий на мятую бумагу волнистый ландшафт внутренних районов острова. Вершина горы и ближайшие ее окрестности — табу, наложенное местными вождями. Здесь нельзя ничего строить, нельзя рубить деревья, нельзя даже выстрелами мешать пению птиц, которое уже десятки лет раздается над могилой писателя. Посреди первобытного леса раскинулась небольшая поляна, на которой стоит цементное надгробие. На боковой его стороне укреплена бронзовая табличка с надписью: *Роберт Льюис Стивенсон. 1850—1894.* А под ней восемь строк его знаменитого «Реквиема»:

Под широким и звездным небом
Выройте могилу и положите меня.
Радостно я жил и радостно умер,
И охотно лег отдохнуть

Вот что напишите в память обо мне:
Здесь он лежит, где хотел он лежать;
Домой вернулся моряк, домой вернулся он с моря,
И охотник вернулся с холмов.

На противоположной стороне памятника островитяне написали: *Могила Тузиталы*. Ниже воспроизведена цитата из Ветхого завета:

...Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить
будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим
народом, и твой Бог моим Богом; и где ты умрешь,
там и я умру и погребена буду...

Не часто я бывал так взволнован, как в ту минуту, когда стоял у этого памятника. Да, «Тропа любящих сердец» не кончается в Ваилиме. Островитяне проложили ее до самой вершины горы. Когда Стивенсон умер, его тело несли шестьдесят вождей. И в наши дни могила Тузиталы — наиболее часто посещаемое место на острове. Переведенный на местный язык «Реквием» стал одной из самых любимых песен островитян, а его автор был и остается одним из национальных героев островов Самоа.

А что стало с его домом, с Ваилимой? После того как островитяне взяли дело управления страной в собственные руки, этот дом стал резиденцией главы государства. Не менее символично и то, что через несколько лет после смерти английского писателя его дом был сильно разрушен снарядом, посланным с английского корабля.

В наши дни Ваилима мало изменилась. Белый, полный спокойствия дом. Сюда ведет «Тропа любящих сердец», проложенная к писателю, который сам стал частью великой легенды о «последнем рае». Но в отличие от Гогена и, конечно, матросов с «Баунти» он видел намного дальше и намного лучше понял Полинезию. Поэтому его, справедливого человека, полинезийцы подняли на собственных руках на вершину своей горы. Это был белый человек, который не разочаровал их, который никогда не обманывал, хотя и называли они его Тузиталой — «слагателем историй»...

ГОВОРИ МНЕ О ЛЮБВИ

Из Ваилимы я вновь вернулся на полуостров Мулинуу к зданию парламента и Памятнику независимости. На этот раз церемониальная площадь была полна наро-

ду. Дело в том, что время от времени сюда собираются люди с самых отдаленных уголков Уполу и даже с других островов Западного Самоа, чтобы почтить свою древнюю землю там, где раньше хоронили королей, а ныне заседают депутаты парламента.

Это паломничество в Мулинуу принимает всенародный характер в начале января, когда Западное Самоа отмечает годовщину своей независимости. Однако группы посетителей с разных концов острова Уполу, руководимые своими матаи, прибывают сюда круглый год. Я увидел на Мулинуу девушку, одетую в очень нарядный национальный костюм. В наши дни на местную моду оказали сильное воздействие европейское, американское и особенно новозеландское влияния. Поэтому одежда девушки сразу же привлекла мое внимание. От сопровождавшего меня друга из Апии я узнал, что эта молодая особа, которая держалась с большим достоинством, как настоящая аристократка, — таупу своей деревни. Слово «таупу» весьма распространено на островах Самоа. В переводе оно означает «дева селения».

В каждой деревне — по крайней мере так было раньше — есть своя таупу. Девушка, которую вожди выбирали для этой роли, сразу же занимала высокое положение. Деревня, как правило, строила ей хорошую хижину, для таупу доставали лучшую пищу, такую же, как и для вождей. Единственная среди женщин деревни, она по своему положению становилась равной матаи. Таупу принимала чужеземных гостей, готовила церемониальный напиток — каву — и танцевала для них.

Таупу, эта своеобразная деревенская принцесса, имела даже собственный двор, куда входили ее менее знатные подруги. У нее были слуги, хорошее платье — короче, все, что только может пожелать местная девушка. У нее не было лишь одного — любовника. В то время как ее подруги вели совершенно свободную половую жизнь, девственность таупу оберегали не только родители, не только матаи, но и специально выбранные для этой цели пожилые женщины, которые всюду ее сопровождали. Тогда как подруг принцессы юноши уводили совершенно спокойно у всех на глазах, никто не осмеливался с подобным предложением подойти к таупу. «Дева селения» могла выйти замуж лишь за знатного юношу из другой деревни. Брак их, как правило, устраивали вожди, причем на желание невесты никто не обращал внимания.

И так как самым главным капиталом «девы селения» являлась ее непорочность, таупу перед свадьбой должна была доказать свою невинность. Дефлорация осуществлялась публично в деревне жениха. И горе той таупу, которая до свадьбы знала мужчину. В этом случае женщины из айнги таупу за то, что она опозорила доброе имя их семьи, забивали ее до смерти камнями.

Мне трудно сказать, сохранила ли красавица в живописной одежде таупу, которую я увидел в Мулинуу, свою чистоту, как это было принято согласно древним традициям. В этих делах вообще трудно быть судьей. Здесь, в Полинезии, христианская мораль, где в большей, где в меньшей степени, все же оказала влияние на вопросы любви. И в то же время именно Полинезию называют «островами любви». Это представление — часть легенды о «последнем рае»: ведь именно полинезийек считают лучшими любовницами и самыми прекрасными женщинами в мире!

О любви в Полинезии следует поговорить особо. Еще в 1908 году некто Шилдот издал в Лейпциге книгу «Половая жизнь в Австралии и Океании». С тех пор часто публиковалось немало специальных работ на эту тему.

Рассказывая о половой жизни в Полинезии, я ограничусь лишь островами Самоа. Со многими тайнами дети здесь знакомятся очень рано. Они присутствуют при родах, следят за встречами любовных пар. После достижения половой зрелости девушки вступают в специальный союз — *ауаламу*, у юношей подобный же союз называется *ауманга*.

В ауманге юные островитяне учатся произносить торжественные речи, правильно себя вести во время традиционного обряда приготовления полинезийского «священного» напитка — кавы и т. д. Они принимают участие в общественных работах в пользу всей деревни.

У девушек, вступивших в ауаламу, жизнь, как правило, намного приятнее, без каких-либо особых обязанностей и ограничений.

Названия союзов — «ауалама» и «ауманга», так же как прозвище «девы селения» — таупу, должен упомянуть каждый посетитель, который прибывает в деревню с официальной миссией. В свою торжественную речь он обязательно включает также имена местных матаи, перечисляет ряд других важных наименований, в том числе

деревенского «дома совета». Такая речь называется *фаа-лупега*.

Юноши — члены ауманги и девушки — члены ауаламы, как правило, знакомятся друг с другом без помощи своей организации. Инициатива — этого требует островная мораль — должна исходить от юноши. Однако он говорит о своей симпатии к девушке не сам, а сообщает о чувствах через «дружку», которого островитяне называют *соа*. Соа должен отличаться хорошим поведением и красноречием. Его задача — склонить девичье сердце на сторону поручителя. Нередко такой «дружка» сам добивается благосклонности девушки, поэтому подобную роль лучше всего поручить собственному брату.

Юноши и девушки выбирают себе партнеров совершенно свободно. Причем в отличие от таупу вовсе не обязательно, чтобы избранница была девственницей. Скорее наоборот. Ранняя половая жизнь служит здесь гарантией успешного брака. Половые сношения полинезийцы не считают чем-то данным человеку от природы. На их взгляд, это — умение, которому надо учиться. На соседнем архипелаге Тонга искусный любовник считался человеком, наделенным сверхъестественной силой — маной, и называли его *манаиа*. Именно таких мужчин выбирали себе в качестве партнеров неопытные девушки. В знак благодарности они дарили своим любовникам белую циновку. Квалификация этих «профессиональных любовников» измерялась числом циновок — доказательств любви, тщательно сохраняемых манаиа. До сих пор полинезийцы вспоминают в своих песнях особенно выдающихся в этом отношении мужчин.

Островитяне полагают, что искусство любви надо осваивать постепенно, шаг за шагом. Поэтому наряду с пылкими молодыми любовниками манаиа в таинства половой жизни девушек посвящали часто куда более зрелые мужчины, как правило их опытные кузены, а только что созревших юношей — их кузины. На некоторых островах Французской Полинезии юнцов обучали жрицы общества Ариои. Или же отцы приглашали к сыновьям для этой цели опытных женщин, которые должны были посвятить их во все таинства сексуальной жизни.

На многих островах юноши и девушки свой первый половой опыт приобретали в определенных, специально предназначенных для этой цели хижинах, где они совместно проводили долгое время. На острове Пасхи, напри-

мер, я слышал о так называемом *харе нуи* (дословно — «большой дом»), в котором неженатые мужчины и незамужние женщины собирались, чтобы отдаваться танцам, играм и любви. Подобный *харе нуи* организовывался перед каждым *коро* — рапануйским праздником.

Здесь, на Самоа, любовные игры включались непосредственно в программу великого празднества в честь бога Фее. Во время этих торжеств проводились соревнования «боксеров», «борцов вольного стиля» и т. д.

В празднестве могли принимать участие лишь те мужчины, которые прошли обряд обрезания. Последнее считалось внешним признаком половой зрелости юноши. Доктор Питхард, который побывал на Уполу в XIX веке, писал, что на всем архипелаге он видел только одного мужчину, не прошедшего обрезания. Женщины относились к нему с нескрываемым презрением, и он никак не мог найти себе партнершу.

Однако явным признаком половой зрелости было не обрезание, а татуировка. На некоторых полинезийских островах наколку делали себе также и женщины, но на небольших участках кожи, да и сам рисунок был мельче.

Внешний вид, привлекательность, красота наряду с искусством любви ценились полинезийцами превыше всего. Однако при этом следует выяснить, как они понимали красоту. Кто был красив в их глазах? Одно условие я знаю — в настоящей книге я уже рассказывал о «Пещере белых дев», где избранные девушки в буквальном смысле слова «отбеливали» свою кожу. О белизне кожи заботились и жители других островов Океании. Например, на островах Тонга дочери вождей месяцами, а иногда и годами натирали кожу специальной маслянистой жидкостью для того, чтобы тело стало светлее.

Наряду с культом белой кожи, который может свидетельствовать о том, что в Океании когда-то существовала аристократическая группа белых людей⁴⁶, одним из главных признаков красоты полинезийцы считают полноту. Женщина должна иметь большую грудь и широкий таз. Чем эти части тела больше, тем лучше. Островитяне полагали, что все имеющее отношение к любви должно быть крупным, впечатляющим. Худоба считается, точнее говоря, считалась бесспорным признаком заболевания.

Полинезийцы разными способами добивались того,

чтобы кожа стала белой, а тело — полным. На Таити, например, существовали специальные заведения, руководимые так называемыми *метуа пори*, которым родители отдавали недостаточно толстых и поэтому, на их взгляд, некрасивых детей. Специальный рацион состоял из таро и некоторых видов фруктов.

На острове Пукапука сыновей вождей помещали, например, на долгое время в хижины, где они возлежали на высокой постели из нескольких слоев мягких циновок и листьев. Сверху юношей их стражи и «кормилицы» тоже накрывали циновками. Стены этого «салона красоты» плотно закрывались, чтобы внутрь не проник ни один луч света. Пищу приносили темными ночами, когда не светила даже луна!

Проходили месяцы. Когда юноши становились достаточно толстыми и белыми, их выводили на берег моря, и здесь, на пляже, устраивался «конкурс красоты».

В других местах, например, на Мангареве, расположенной между Таити и островом Пасхи, откормленных и «отбеленных» юношей демонстрировали во время празднеств, причем всегда группами по восемь человек. Самый худой из них шел первым, самый толстый — и самый красивый — последним.

В наши дни полинезийцу для того, чтобы добиться благосклонности возлюбленной, уже не надо подвергаться подобной, мало для меня понятной процедуре. На Самоа ему еще помогает «дружка», а на многих других полинезийских островах молодые люди знакомятся уже без посредников. В Европе господствует мнение, что жители «последнего рая» женятся и выходят замуж очень молодыми. Бесспорно, что юноши и девушки достигают здесь половой зрелости года на три раньше, чем у нас, но в брак юноши вступают годам к восемнадцати, иногда даже позже, а девушки — после шестнадцати лет. И хотя, кроме детей вождей, все остальные островитяне пользуются полной свободой в половом отношении, тем не менее не все девушки и не все юноши приобретают сексуальный опыт сразу же после достижения половой зрелости.

Я начал этот рассказ, будучи на островах Самоа. Поэтому я обращаюсь к работам госпожи Мид, которая долгое время провела в деревнях Фалеасао, Лума и Сиуфанга на Тау, небольшом острове группы Самоа. Из ее таблицы, в которой сведены данные о тридцати местных

девушках, видно, что четырнадцать из них, то есть почти половина, не имели никаких сношений с мужчинами.

Брак рядовых полинезийцев совершается без особых церемоний. На Самоа юноша обычно посылает свата к родителям невесты. Если соа не отказывают, то юноша переселяется в дом девушки. Формальная свадьба проводится нередко лишь через несколько месяцев. Свадебный ритуал в Полинезии — дело не только новобрачных, но и всей деревни.

В высших слоях полинезийского общества супруга для дочери отыскивали родители. Это правило обычно очень строго соблюдалось. И поэтому у таупу не было раньше почти никакой возможности выбрать себе мужа по сердцу. А на острове Мангаиа семьи вождей выбирали жениха и невесту для своих детей еще проще. В определенный день сыновья и дочери, достигшие брачного возраста, собирались в большой хижине — девушки по одну сторону, юноши — по другую. По команде самый знатный из юношей выбирал себе ту девушку, которая ему нравилась больше всех. Потом, согласно занимаемому положению, выбирал второй юноша, за ним — третий и т. д. Так в течение одного дня все женихи и невесты находили себе пару. И в тот же день в хижинах родителей праздновались свадьбы.

Главный барьер, ограничивающий свободу выбора супруга в Полинезии, был социальный. Вожди многих островов, особенно архипелага Самоа, строго следили за тем, чтобы их дети не унижали себя браками с простыми соплеменниками. Кроме того, на островах Мореплавателей весьма строго соблюдался запрет кровосмешения. Супружество не только с родным братом, но и с двоюродным, а также с братьями и сестрами отца или матери строго запрещалось.

Христианская церковь и миссионеры проповедовали в Полинезии абсолютную супружескую верность. А католики, кроме того, и нерасторжимость брака. Но эти представления для полинезийцев были абсолютно чуждыми. Выходя замуж, они, конечно, не предполагали иметь десятки любовников, и тем не менее внебрачные связи там были весьма распространены. Особенно связи жен с братьями мужей и наоборот. Поэтому мужчина на Таити называет сестру жены *еи вахине* — «моя будущая, возможная жена», а жена называет брата мужа *еи тана* — «мой будущий, возможный муж».

Мужчины часто предлагали своих жен гостям или, как, например, в случае с моряками «Баунти», тем мужчинам, с которыми они обменялись именами.

Вместе с тем — а этого многие побывавшие в Полинезии не понимают — супружество здесь часто было союзом чисто экономическим. Он заключался отнюдь не ради так называемой «законной» связи. Поэтому такой союз не мог длиться «всю жизнь». Разводы на Самоа и других островах Южных морей были делом привычным и легким. После развода, как правило, следовал новый брак. Вдовцы и вдовы тоже чаще всего женились и выходили замуж. Но при этом по обычаю на вдове должен был жениться один из неженатых братьев умершего мужа⁴⁷.

В Полинезии много внебрачных детей, так как свобода половой жизни была там полной и незамужние девушки нередко становились матерями. Однако эти дети никогда не ощущали какого-либо неравноправия. Причем аборты никогда в Полинезии не считались популярными, а, скажем, на острове Пасхи, вообще, как и применение противозачаточных средств, не были известны.

Поэтому дети свободно рождались, сближались со своими сверстниками, быстро выросли под тропическим солнцем. Проходило не так уж много времени, и губы влюбленных шептали друг другу неумирающие слова: «Расскажи мне о любви, мой милый».

С КОРОЛЕМ НА БОРТУ САМОЛЕТА

Из Мулинуу, где мне повстречалась важная и разодетая таупу, я вернулся в маленькую столицу Западного Самоа — Апию. Но прежде чем покинуть Уполу, мне хотелось побывать еще в одном памятном месте острова — на мысе Лефату. Я снова сажусь в разбитый автобус и по той же дороге, которая привела меня недавно к водопаду Фалеха, еду — только в противоположном направлении — вдоль побережья к самой западной оконечности острова.

Подобно Алеипате, расположенной на противоположном конце острова, этот мыс — воплощение красот тихоокеанского «рая»: прекрасные пляжи, лазурное море, тонкие пальмы и на горизонте колеблющиеся в теплой дымке островки Маноно и Аполима.

Этот изумительный уголок острова — личное владение главы государства Малиэтоа Тунумафили II. Около тысячи лет от мыса Лефату отправлялись островитяне в свои далекие морские экспедиции. Поэтому архипелаг Самоа до сих пор по праву называется островами Мореплавателей. А семьсот пятьдесят лет назад отсюда бежали первые завоеватели Самоа — воины островов Тонга, которые в начале XIII века пытались овладеть территорией своих ближайших соседей.

Захватнический поход тонганцев был недолог. Закончился он для них трагически — именно на мысе Лефату, после чего суда незадачливых полинезийских конквистадоров вернулись на свои острова.

Я отправляюсь вслед за ними той же дорогой, но по воздуху. С аэродрома в Апии старенькая «Дакота» местной авиакомпания дважды в неделю совершает полеты в столицу островов Тонга — Нукуалофу. Однако на этот раз в виде исключения я хотел бы начать рассказ о пребывании на островах Тонга⁴⁸ не с прилета в Нукуалофу, а с того дня, когда я улетал из Апии. Дело в том, что на борту, вероятно, единственного самолета, принадлежащего карликовой «авиакомпания» этого небольшого полинезийского государства, я оказался вместе... с королем Тонга Тауфаахау Тупоу IV.

Это был полет, которого я никогда не забуду. На аэродроме собралась вся армия островов Тонга — что-то около сорока человек. Автомашину короля сопровождали до аэродрома два мотоцикла и небольшой военный оркестр. Автомобиль остановился, и из него вышел Его Величество Тауфаахау Тупоу IV — король всех островов Тонга, или, как часто его традиционно, хотя и не совсем верно, называют местные жители, *туи-тонга*.

Еще готовясь к своей поездке, я думал о встрече с этим человеком, монархом единственной полинезийской территории, которая сумела вопреки всем превратностям судьбы сохранить свою независимость в тот период, когда все остальные острова Южных морей стали колониями или составными частями других, более могущественных государств⁴⁹. Причем следует иметь в виду, что все население архипелага даже и в наши дни не превышает и сотни тысяч человек.

И вот на борт самолета поднимается большой человек, король архипелага. Говоря «большой», я не имею в виду еще один королевский титул. Тауфаахау Тупоу IV

действительно большой человек, более того, он просто гигант. Рост короля превышает два метра, весит он сто семьдесят килограммов. Это, между прочим, привело к некоторым осложнениям на борту самолета. Стюардесса отвела короля и его супругу к двум заранее забронированным креслам. Он устроился там, но королева рядом не уместилась. Пришлось срочно искать еще одно свободное место.

Когда, будучи еще наследным принцем, Тупоу IV отправился в Соединенные Штаты, его чрезмерный, столь почитаемый островитянами вес привлек пристальное внимание одного американского врача. А так как врачи могут приказывать королям, то американец потребовал от будущего государя изменения режима питания. Он призвал его отказаться от риса и рекомендовал употреблять только одни овощи, исключая картофель. Король спросил, может ли он есть полинезийские овощи — таро. Врач, который, естественно, не знал, насколько калориен таро, не стал возражать. Будущий король тотчас же «сел на диету», рекомендуемую американским врачом, и в течение нескольких месяцев поправился, к великой радости своих подданных, на двадцать килограммов.

Высокий рост, и особенно большой вес, весьма импонируют тонганцам. Новая эра в истории архипелага началась с приходом первого правителя из династии Тупоу — Георга Тупоу I, захватившего власть силой. Тонганцы до сих пор с почтением вспоминают о предке своего спутника. Рост его достигал двухсот двадцати сантиметров, весил он столько же, сколько и его праправнук — триста пятьдесят фунтов. Он правил до конца своей жизни. А так как Тупоу I умер девятию годами семи лет от роду, то ни сын его, ни даже внук на престол вступить не могли. Наследником смог стать лишь правнук! Третьим в истории этой династии главой государства была женщина — королева Салоте, мать нынешнего государя. И она тоже вполне соответствовала представлениям островитян о королевском величии — ее рост равнялся ста девяти сантиметрам и правила она пятьдесят лет.

Несколько лет назад Салоте умерла. На престол независимого тонганского государства вступил наследник Салоте — Его Величество Тауфаахау Тупоу IV, с которым я летел на «Дакоте».

Это, собственно, первая поездка нового короля за пределы Тонга после коронации. А о самой коронации

мне рассказывал на островах почти каждый собеседник. Я не знаю другой страны, не исключая и Англии, где бы коронация нового государя считалась в такой степени личным делом каждого подданного. В Нукуалофе тогда собралось больше половины населения архипелага, включая грудных младенцев и столетних стариков.

Мне показали и место, где проводились торжества, — сверкающий белизной деревянный новоготический храм (в наши дни тонганцы — верующие христиане, приверженцы методистской церкви)⁵⁰. В этой замечательной церкви, украшенной новозеландскими резчиками по дереву, королевский капеллан возложил корону на голову Тауфаахау Тупоу IV. Глава австралийской методистской церкви Гриббл короновал затем и королеву Халеавалу Матаахо.

На коронацию собралась не только половина обитателей островов Тонга, но и съехались почетные гости буквально со всех концов земли. Королеву английскую представлял архиепископ Кентерберийский, Соединенные Штаты — губернаторы полинезийских территорий США, архипелаг Фиджи — Рату Такомбау. Австралия даже направила в воды Тонга военную флотилию. Был зажжен грандиозный фейерверк.

В церемонию коронации входили и многодневные танцы, и обряд приготовления кавы, в котором приняли участие лишь высшие вожди островов Тонга и сам король.

Несмотря на то что на островах Тонга многие говорят по-английски, вся церемония велась на местном языке. Для европейцев, американцев и австралийцев подготовили специальный сценарий, чтобы гостям все было понятно.

«Дакота», на которой летит король островов Тонга, совершает первую посадку в столице Фиджи — Суве. Здесь живет несколько тысяч тонганцев, и не удивительно, что они приготовили своему королю пышную встречу. Прямо у самолета расстелена широкая, как ковер, тонганская циновка, и здесь же, на аэродроме, Тауфаахау Тупоу IV, королева Халеавалу Матаахо, а также те, кто имел право пользоваться услугами правительственного самолета — три американца и один европеец, автор настоящей книги, приняли участие в великолепной трапезе.

Этот торжественный обед недалеко от взлетно-посадочной полосы аэродрома в Суве длился не один час. Бы-

ло съедено несколько свиней, а потом мы до поздней ночи танцевали и пели удивительные тонганские песни.

Барьер между королевскими особами и четырьмя простыми пассажирами рухнул сразу же после того, как самолет поднялся над островом Тонгатапу. Король и его супруга прекрасно говорили по-английски, а гость из далекой страны — я был, естественно, первым чехом, которого видел этот монарх, — оказался для него интересным. Мы дружески разговорились и вскоре нашли интересующую нас обоих тему — археологические исследования в Полинезии. Благодаря тонганскому монарху мне удалось увидеть замечательный памятник — Хаамонгу.

Кроме науки король увлекается спортом. Причем чрезмерный вес, видимо, ему не очень мешает. В молодости он хорошо играл в регби, причем лучшим игроком команды в то время был двоюродный брат короля, нынешний премьер острова Тонга, принц Туипелхаке. Тупоу IV занимается еще одним, родившимся здесь в Полинезии, видом спорта — серфингом, катанием на досках на волнах прибоя. Он — прекрасный аквалангист, замечательный пловец, короче, подобно любому полинезийцу, в воде чувствует себя так же, как и на суше.

Перед посадкой американцы — два пенсионера, которые проводили этот год в путешествии по Океании, и учительница из Лонг-Айленда (США) — попросили короля, чтобы он расписался у них в паспортах. Тауфаахау Тупоу IV с удовольствием написал свое имя на свободных страничках документов. Я хотел было последовать их примеру, но потом решил, что в паспорте социалистической страны подписи монарха не место, и взамен официального документа дал ему для автографа свою скромную визитную карточку.

Учительница из Лонг-Айленда в память об этом путешествии приобрела в Нукуалофе еще один весьма редкий сувенир — круглый портрет короля, отчеканенный на палладии, чрезвычайно дорогим, типа платины, металле. Причем это была не медаль или монета, а почтовая марка, номинал которой равнялся двум *паанга*. Но так как тираж ее очень мал, «напечатана» она, точнее, отчеканена на драгоценном металле, и вообще потому, что это единственная марка на палладии в мире, то стоит она около ста пятидесяти долларов. Таких денег у меня, конечно, не было, и я вынужден был довольствоваться королевским автографом.

До сих пор я храню его как память о необычной встрече с монархом независимого полинезийского государства — далеких островов Тонга, которые Кук когда-то назвал островами Дружбы.

Я уже говорил о том, что Тауфаахау Тупоу IV тонганцы дали не совсем обоснованное историческое имя туи-тонга. Дело в том, что туи-тонга правили на островах Дружбы в конце первого тысячелетия нашей эры. Во время своей поездки по Полинезии я встречался с несколькими государями, представителями островных династий. Но нигде родословная монархов не связана так тесно с историей самого архипелага, как на островах Дружбы.

Королей там называли туи-тонга — «владыки Тонга». За этим простым обращением скрывалось чуть ли не обожествление государя. Я здесь не преувеличиваю, так как предки туи-тонга были, согласно преданию, полубоги-полулюди. Первого из них звали Ахоэиту. Он был сыном тонганки и великого бога, «владыки небес», — Тангалоа.

Тангалоа, согласно легенде, вдохнул жизнь в тело младенца, после того как ревнивые родственники убили сына бога. В династии, начало которой положил Ахоэиту, сменилось тридцать восемь государей. Последним из них был Луафилитонга, умерший в 1865 году.

Однако задолго до его смерти между туи-тонга и простым народом островов встал второй, а потом и третий род, которые как бы осуществляли посредничество между «священным» королем и «светскими» лицами. Впервые, таким образом, власть монарха была ограничена во времена двадцать четвертого туи-тонга — Каулуфоны I, правившего во второй половине XV века.

Это было весьма предусмотрительное решение, ибо короли из трех последних представителей династии туи-тонга были убиты. Поэтому Каулуфона I решил создать своеобразный институт наместников королей — *Туи Хаа Такалауа*⁵¹. Семья наместников стала второй династией островов Тонга, а вскоре, так же как, например, династия Рана в Непале, фактически и первой семьей в государстве.

В XVII веке Туи Хаа Такалауа присвоил своему сыну еще один высший титул — *Туи Канокуполу*. Отсюда пошла «третья» самостоятельная ветвь правителей островов Тонга. Постепенно она оттеснила «вторую» ветвь и после

смерти тридцать девятого туи-тонга из династии Ахозиу соединилась с «первой» — королем стал Онеоу Георг Тупоу I, прапрадед Тупоу IV.

А так как первый туи-тонга считался сыном бога, то и его сыновьям до сорокового колена, практически до начала XX века, и даже в наше время оказывали и оказывают «священные почести». Самым ярким проявлением этой традиции является обряд *инаси* — преподнесение королю в октябре первого плода. Плод этот, согласно верованиям, предназначен для богов, но так как туи-тонга — прямой «потомок» бога Тангалоа, то только он мог получать и «передавать богам» дары плодородной тонганской земли.

«Божественное» происхождение тонганских царей подчеркивалось еще и тем, что туи-тонга — единственного человека на всем архипелаге — нельзя было татуировать. Более того, его не подвергали распространенному среди островитян, так же широко, как и среди евреев, обряду обрезания.

Его свадьба и похороны отличались от обычных церемоний не только помпезностью, но и самим ритуалом. Мертвого туи-тонга оплакивали, например, совсем не так, как рядовых тонганцев.

Но больше всего меня поразил тот факт, что на островах Тонга поклонение королю и почтительное отношение к знати привело к образованию в буквальном смысле слова «классового языка». В одних выражениях беседа велась с королем, в других — со знатью и в третьих — с простым народом⁵².

Один из церемониймейстеров королевского двора, Элиа Малупо, составил в начале XV века фразеологический словарь-справочник. С его помощью можно было определить, какими выражениями следует пользоваться в зависимости от того, с кем говоришь.

В словаре Малупо имеются десятки словосочетаний, выражающих основные понятия, но при этом звучащих совершенно по-разному на «языке народа» — *каи-каи*, на «языке низших вождей» — *лото-лото*, на «языке высшей знати» — *муо-муо*.

Если кому-то хотелось сказать королю, что он голоден, то следовало употребить выражение *феитаумафа*, если же он то же самое хотел заявить вождю второго ранга, то говорил *халофия*, а в беседе с простым островитянином произносил *фиэкаи*. Если опьянеет король, то

он — *малахиа*, вождь — *кона*, а простой островитянин — *матехекона*.

Лодка туй-тонга называется *фата*, а рядового островитянина — *вака*. Голова короля это — *века*, как, впрочем, обозначаются и небеса. «Менее возвышенная» голова незнатного вождя всего лишь *фотонга*, а у простого человека — *улу*.

Желудок короля — *фату*, а простолюдина — *кете*. Даже деньги короля это — *тоукуну*, а плебейская монета в кармане бедного человека всего лишь *уле*.

С таким «классовым» делением языка, которое намного превосходит разницу между литературным языком и простонародными выражениями любой страны, я столкнулся впервые за все время моих путешествий.

Необычный язык является здесь лишь отражением социального расслоения местного общества. На самой вершине этой пирамиды находится мой нынешний попутчик и его семья, в самом низу — *туа*, крестьяне и рыбаки, которые не закрепощены и никому не принадлежат. А между этими полюсами стоят наследственные вожди, их помощники и советники — *матапуле*, которые передают свой титул по наследству. Всего на островах Тонга, точнее, на одном из них, где сосредоточено большинство населения архипелага, Тонгатабу, имеется тринадцать традиционных племен. Двенадцать из них «простые» — *хаа*, а тринадцатое — «священное, королевское», так называемое *синае*. Возглавляют его *синае арики*, король и его ближайшие родственники.

Первый представитель династии Тупоу, Георг Тупоу I, после того как он железной рукой объединил под своей властью все острова Тонга, провел значительную социальную реформу. Из верховных вождей и из своих ближайших друзей он создал новую полинезийскую «аристократию» острова, назвавшую себя *нопеле*, от латинского слова *nobel* — «благородный, знатный». И эта социальная группа, состоящая из тридцати трех человек, играет даже сейчас, в момент моего путешествия по Полинезии, значительно более важную роль, чем вожди традиционных племен — *хаа*.

Нопеле занимают добрую половину депутатских мест в парламенте островов Тонга. Вторая половина — представители народа. Тонганский парламент, как и почти все остальные политические институты островов Дружбы — результат деятельности и реформ Георга Тупоу I.

Он образовал Национальную ассамблею на основании Конституции, провозглашенной в 1875 году. День провозглашения Конституции — 4 ноября — до сих пор считается национальным праздником островов Тонга.

И хотя до сих пор в парламенте заседают только одни мужчины, тем не менее тонганки добились значительной эмансипации. На Тонгатабу я побывал в колледже королевы Салоте, который окончили уже многие девушки, получив полное среднее образование. Вместе с нами на борту самолета летели две тонганки — королева Халеавалу Матаахо и ее дочь принцесса Пило Леву. В прошлом у туи-тонга было много жен. Но главной среди них была та, на которой, как бы мы сказали сегодня, он был официально женат. На тонганском языке первая жена называется *мохеофо*. Новым туи-тонга всегда провозглашался ее первенец.

Однако еще бóльшую роль, чем мохеофо, в жизни архипелага, как правило, играла самая старшая сестра короля, носившая титул *туи-тонга феифане* («женщина туи-тонга»). Но и она уступала по знатности *тамахе* — «священному ребенку» своей собственной дочери, племяннице царя со стороны сестры. Мне не удалось точно выяснить, какая роль отводилась «священному ребенку» в жизни монархии. Однако уже первые европейцы, побывавшие на островах Тонга, Уилсон и Маринер, отмечали значительное влияние, которым пользовалась племянница короля.

Итак, ко двору туи-тонга относились прежде всего его сестры, племянницы и жены. С самых незапамятных времен монархи на островах Тонга правили с помощью четырех помощников, четырех королевских советников, своеобразного совета, который тонганцы до сих пор называют *фалефа* — «четыре дома», потому что четыре хижины советников размещались вокруг королевской резиденции.

А сама резиденция называлась *олотеле*. Олотеле первых десяти правителей находилась в глубине острова Тонгатабу. Одиннадцатый монарх переселился на северо-восточную оконечность острова Геката, двенадцатый — на берег живописной бухты Лапаха. В наши дни дворец монарха расположен в центре столицы архипелага — Нукуалофы.

Наряду со своей постоянной резиденцией туи-тонга всегда пользовались и «переносным дворцом» — разборной хижинкой. Ее опоры, стены и крышу несли за королем

на своих спинах слуги. А сам туи-тонга возлежал на роскошных носилках.

Нынешняя олотеле Тупоу IV построена невдалеке от морского берега. И так как это место меня весьма привлекало, то я распрощался с правительственной «Дако-той» и ее сановным пассажиром и отправился туда, где началась и закончилась моя поездка по островам Тонга, — в столицу архипелага, «приют любви», Нукуалофу. Это нежное имя своей столице тоже придумал первый Тупоу.

Сердце «приюта любви» — королевский дворец. Его викторианское деревянное здание чем-то напоминает некоторые виллы в Карловых Варах. Я ежедневно ходил вокруг олотеле и каждый раз посещал дворцовый сад — огромный парк, который никто не охраняет.

У входа в парк есть прекрасный бассейн, в котором живут черепахи. И хотя черепахи в Южных морях не бог весть какая редкость, однако этот бассейн интересен тем, что здесь несколько месяцев назад умерла старушка-черепаха, которую якобы подарил тонганцам еще капитан Кук. «Дар английского мореплавателя» был передан вождю деревни Малило — Сиюэли Пангио. По имени этой деревни тонганцы и называли черепаху. В истории архипелага ее называют Туи Малило. В Малило «черепаха Кука» находилась сто лет, а затем ее переправили сюда — в королевский бассейн Нукуалофы. Туи Малило прожила фантастически долго — более ста девяноста лет и считалась наиболее старым существом на планете.

Тонганцы не забывают Туи Малило. Они говорят о ней с такой же почтительностью, как и раньше. Изображения «черепахи Кука» украшают почтовые марки и монеты островов Тонга и наиболее часто встречаются на различных тонганских сувенирах. Однако Кук подарил островитянам не только черепаху-долгожительницу.

Меня приятно удивило то, что вторым, кроме, естественно, пушек и военных кораблей, не менее ценным подарком Кука, который стал первым предметом европейской материальной культуры на острове, был рубинового цвета графин, отлитый и отшлифованный в стеклодувных мастерских Карловых Вар.

Выйдя из дворцового парка, я на несколько минут задержался на развалинах укреплений, окружавших когда-то Нукуалофу. Тонганцы, пожалуй, единственный народ в Полинезии, возводивший укрепления и оборонительные валы, которые они называли *ту коло*.

Английский юнга Маринер, единственный оставшийся в живых матрос из экипажа британского корабля «Порто-Пренс», потопленного в начале XIX века, и после этого проживший несколько лет на островах Тонга, рассказывал, что Нукуалофу защищал ров глубиной три и шириной четыре метра. Теперь ров уже давно засыпан, видны лишь остатки крепостных валов.

На гребне бывшего вала, проходившего по морскому берегу, остались еще корабельные орудия с судов, потерпевших крушение в водах архипелага в XIX веке. Над ними развевается флаг независимого государства Тонга. Он весь красный в память о крови, «пролитой распятым Христом», и лишь в левом верхнем углу — белое поле, на котором помещен «святой крест». Этот крест напоминает о том, что в наши дни тонганцы — христиане.

Напротив королевского дворца находится здание министерства национальной обороны размером с загородную дачу, в котором всего две комнаты. Перед зданием стоит памятник тонганцам, павшим в обеих мировых войнах. Затерянные в океане острова Тонга принимали участие в борьбе против кайзеровской и фашистской Германии. И хотя, к счастью, на памятнике выгравировано не так уж много имен, тем не менее в 1914—1918 годах тонганские воины действительно сражались с немцами в рядах маорийских батальонов новозеландской армии. Во время второй мировой войны на Тонга были призваны под ружье пять тысяч человек — более четверти всего мужского населения архипелага!

От дворца отходят два главных бульвара Нукуалофы. Один из них тянется вдоль берега моря к молам. По нему раскатывают местные «крикши» — красочные трехколесные мотоциклы, выполняющие в столице роль такси.

Однако большинство островитян шагают по обоим бульварам пешком. Поверх белых юбочек и мужчины и женщины носят самую характерную часть национальной одежды — *таовалу*, пояс из рогожи, спущенный на бедра. Чем старше таовала, чем явственнее на нем следы времени, тем больше уважения внушает его хозяин. На островах Тонга все еще действует принцип — чем старше, тем лучше.

Правительство Тонга в настоящее время проводит последовательную политику, провозгласив принцип «Тонга — для тонганцев». Кстати, на этих островах я встре-

чал намного меньше белых, не говоря уже о китайцах, чем на любом другом полинезийском архипелаге.

В наши дни тонганцы составляют подавляющее большинство населения архипелага. И главную роль в этом сыграло то, что острова Тонга — единственная полинезийская территория, всегда сохранявшая политическую и национальную независимость. Время, конечно, и здесь не стоит на месте, и все же я всегда буду вспоминать об островах Тонга как о земле, где Полинезия осталась Полинезией. А это само по себе значит немало.

УМЕРЕТЬ НА ТОНГА

Второй бульвар Нукуалофы заканчивается зеленым полем, напоминающим площадку для игры в гольф. Здесь, у деревни Муа, на восточном берегу бухты, возвышаются белые ступенчатые бетонные сооружения — могилы королей, которые тонганцы называют *ланги* — слово, имеющее ряд значений, в том числе и «небо».

«Небо» это украшено скульптурами королей, слонов и, что уже совсем не характерно для Полинезии, львов. Могилы, усеченные пирамиды с широким основанием, сложены из тщательно обработанных блоков кораллового известняка.

А так как это первые настоящие пирамиды, увиденные мною в Полинезии, и предназначены они для тех же целей, что и другие подобные сооружения, которые возникают в памяти, когда произнесешь слово «пирамида», то я решил побывать в некрополе тонганских владык.

Путь в Муа ведет через густонаселенные места. Тонгатабу — остров с самой высокой плотностью населения; он уже начинает сталкиваться с проблемой демографического взрыва. Дорогу окаймляют кокосовые пальмы, раскидистые манго, хлебные деревья и особенно любимые островитянами полинезийские каштаны.

Чуть дальше — поля, на которых произрастают ямс, таро, маниока, сахарный тростник. Между ними попадаются банановые и даже цитрусовые рощи. Поля везде тщательно обработаны. Вообще весь этот остров производит прекрасное впечатление. Здесь нет ни крупных латифундий, ни плантаций иностранцев. Одним из многочисленных нововведений Георга Тупоу I был указ о раз-

делении земли, по которому каждый взрослый тонганец получил участок размерами 100×100 *офа*. Миссионеры советовали государю определить размеры участков в акрах. Но монарх отказался: мне, мол, неизвестны ваши меры. И до сих пор на островах Тонга измерения производят очень неточно. Офа — это расстояние между пальцами разведенных в стороны рук взрослого мужчины.

Право на *апи* — земельный участок определенного размера — имеет каждый тонганец до сих пор. Но как долго это право будет сохраняться? За сто лет, прошедших со времени королевского указа, население островов Дружбы увеличилось вчетверо. И земли скоро не будет хватать. Причем у жителей независимого государства Тонга нет той возможности, которую имеет население зависимых территорий: покинуть родные острова и отправляться на поиски работы — пусть самой приятной — в метрополии. Рапануицы, например, уезжали в Чили, жители Самоа — в Новую Зеландию, таитяне отправлялись в те французские владения, где спрос на рабочую силу был большой, особенно на Новую Каледонию. Лишь тонганцам приходится оставаться на своих островах. Это — цена, которую им приходится платить за свою политическую независимость.

Королевский пантеон в Муа — странный контраст тщательно ухоженным полям. Он до сих пор покрыт буйной тропической растительностью, ибо могилы королей, естественно, были табу. Теперь правительство начало постепенно расчищать площадь, где расположены эти замечательные полинезийские пирамиды — яркое свидетельство высокого уровня древней культуры островов Тонга и, к сожалению, столь же глубокого социального расслоения общества.

Классовое деление общества⁵³ сохраняется на Тонга даже после смерти человека. Так, могилы у тонганцев называются по-разному. Обычный земляной холмик простого островитянина — это *тануанга*, а гробницы верховных вождей и королевские пирамиды — ланги.

В глубокой древности ланги имели овальную или круглую форму, причем чаще всего это были земляные сооружения. Но все те ланги, которые мне удалось видеть, имели в основании четыре угла и чаще всего представляли собой прямоугольник, над которым воздвигалась многоступенчатая пирамида. Стены пирамид сложены из хорошо обработанных каменных плит, а внутри

имеется один или несколько подземных ходов, куда можно спуститься с верхней площадки.

На островах Дружбы сохранилось около пятидесяти королевских ланги. Больше половины из них расположены близ бывшей столицы архипелага, где находилась Лапаха, резиденция одиннадцатого туи-тонга. Эта местность называется сейчас Муа.

В наши дни Муа — это деревенька рыбаков и земледельцев. И тем не менее нигде на островах Тонга не сохранилось столько памятников о замечательном прошлом этой полинезийской земли. Королевская Лапаха была большим и красивым городом. В древней Полинезии нет ни одного города, который можно было бы сравнить с Лапахой. Прежде всего он был прекрасно защищен. С северо-запада город охраняли воды бухты. С других сторон вокруг Лапахи были возведены высокий земляной вал и ограда из кольев, остатки которых сохранились до наших дней.

Главная дорога вела в Лапаху с юга. Эта часть города была отведена под королевскую резиденцию — олотеле. Рядом с дворцом короля находился дом *каутай*, личного жреца туи-тонга, который «служил» личному «королевскому богу» — Тауфаитахи. К северу от олотеле и дома каутай размещалось ритуальное место богослужений Лапахи — королевская марае. Именно здесь, на месте, где в древности отправлялись «языческие культы», по иронии судьбы католики построили свой костел.

Марает уступил место христианскому храму, дворец тоже был разрушен. Однако королевские могилы в Лапахе остались. В некрополе туи-тонга находятся четыре большие ланги — Туотеау, Тау Тонга, Катаа и Туофефафа.

Туотеау в переводе означает «Сто раз». Эта гробница высотой примерно три метра состоит из двух лежащих одна на другой платформ. Второй склеп, Тау Тонга, — «одноэтажный», причем у него сравнительно редкое для этих мест почти квадратное основание. По соседству с Тау Тонга возвышается пятиступенчатая пирамида Катаа — «Полная». Западная стена ее выложена из очень больших каменных плит, которые тонганцы называют *хала-хала*. И наконец, двухступенчатая пирамида Туофефафа, что в переводе означает «могила, в которой похоронены двое мужчин». Действительно ли это так, могут показать лишь археологические раскопки, которые,

естественно, в этом тихоокеанском королевстве практически не проводятся.

Семнадцать остальных пирамид и пирамидок находятся за стенами королевского города, в северном предместье Лапахы. Все они стоят двумя параллельными рядами у самых городских ворот. В большинстве склепов покоятся тела туи-тонга. Только в четырех могилах под общим названием Лоа Ману лежат останки представителей второй королевской династии — могущественных Туи Хаа Такалауа.

Ланги Георга Тупоу I и его преемников находятся в Нукуалофе. Гробницы королей есть и в первой, самой древней столице архипелага — Хекете. Большинство из них почти целиком обложено черными вулканическими камешками *кили-кили*.

Наряду с гробницами на островах Тонга до сих пор частично сохранился и древний способ погребения королей. Тем более, что на островах Дружбы умерших обычно хоронили в земле, что соответствует воззрениям ныне всесильного здесь христианства. А иного способа захоронений тонганцы и не знали.

Профессия могильщика на островах Тонга издавна считалась одной из самых почетных. Туи-тонга и верховные вожди еще при жизни выбирали среди своих помощников того, кто будет управлять их похоронами и погребальными обрядами. Этот человек, как правило, был представителем целой группы, точнее, рода могильщиков — *хаа туфунга*. Прапрапредком хаа туфунга считался знаменитый Малиепо, брат первого, «полубожественного», короля островов Тонга — Ахоэиту, с которым он вместе «сошел с небес на землю».

Королевский могильщик натирал тело умершего кокосовым маслом и украшал его большим веером. Накануне похорон покойника помещали в специально для этой цели построенную хижину, так называемую *фалетолиа*. После того как тело зарывали в могилу, хижину сжигали, а участок, на котором она находилась, наследовали сестры покойного.

Само захоронение — лишь короткий эпизод длительного цикла погребального обряда. Особенно важен и торжествен завтрак, своеобразная «месса», которая устраивается на следующий после похорон день. Если умер король, то это — *факапонги понги*, если вождь, то — *маефакаеики*, а если простой тонганец, то — *пуу*. И, конечно

же, каждый похоронный обряд сопровождается торжественным кофепитием.

Этот ритуал повторяется на пятый, десятый, пятнадцатый, двадцатый, а иногда и двадцать пятый день. Траур в связи со смертью туи-тонга еще в XIX веке продолжался четыре месяца. Горе по покойнику выражали, обрезаая волосы. И в этом случае проводилось строгое социальное разграничение. Если умирал вождь, то волосы стригли люди того племени, во главе которого он стоял. А сами вожди обрезали волосы лишь в том случае, когда умирал туи-тонга. Во время похорон участники церемонии рвали на себе одежды и раскладывали на листьях венки.

На тонганца, который соприкасался с телом мертвого короля или с какой-нибудь вещью, находившейся при туи-тонга в его смертный час, налагали тяжелое, длившееся иногда триста дней табу. В течение этого времени он не имел права касаться пищи. Его должны были кормить члены семьи. *Нима тапу* — «табу на руки» — распространялось и на могильщика. Чем более высоким было общественное положение умершего, тем дольше длилось табу. Срок выплаты вознаграждения за похороны тоже зависел от знатности покойника. Оплату услуг за похороны туи-тонга приходилось ждать сорок, пятьдесят, иногда даже шестьдесят дней, в то время как погребение обычного смертного оплачивалось сразу же.

Смерть короля иногда стоила могильщику даже собственной жизни. Судя по рассказам, которые я не раз слышал, в ланги рядом с туи-тонга или верховным вождем хоронили заживо иногда и захоронителя. Когда в начале XX века была вскрыта могила в Хоуме на юге Тонгатабу, где я впоследствии любовался фантастическими гейзерами, то там рядом с покойником по имени Ваза в углу был найден и скелет хаа туфунга, заживо похороненного вместе со своим господином.

Болезнь и смерть туи-тонга и верховных вождей часто сопровождались жертвоприношениями. Жители островов Дружбы были убеждены, что болезни и смерть вызывают боги и духи. Поэтому для того, чтобы их как-то умиротворить, надо приносить жертвы, главным образом свиней.

Вот так проходил похоронный обряд на прекрасных островах Тонга, там, где знатных людей хоронили в ланги, удивительных полинезийских пирамидах.

Весь архипелаг Тонга покрыт памятниками, свидетельствами этих странных погребальных обрядов, — полинезийскими пирамидами. Одна из самых необычных усыпальниц, двойное ланги, находится в Хекете. Там рядом были выстроены одноэтажный склеп и обычная трехступенчатая пирамида.

Недалеко от ланги Хекете возвышается еще один каменный памятник, единственный в своем роде не только на островах Тонга, но и во всей Полинезии. Фантастическими домыслами, связанными с его происхождением, этот монумент превосходят разве что только домыслы о статуях острова Пасхи.

Так как он построен из трех огромных каменных блоков, то археологи называли это необычное сооружение Трилитон. Местные жители обычно называют его Хаамонга или Хаамонга Мауи, потому что, согласно преданию, Хаамонгу построил полинезийский мифический герой Мауи.

Когда подходишь к Трилитону, то кажется, будто стоишь перед воротами огромного каменного города, который куда-то исчез. Хаамонга действительно больше всего напоминает ворота. Ее вертикальные столбы достигают высоты шесть метров, а длина перекладины, надежно опирающейся на эти упоры, тоже составляет около шести метров. Весь этот странный каменный колосс должен весить не менее ста тонн.

Для чего древние тонганцы создали это на первый взгляд совершенно бессмысленное сооружение? Как и кто его построил? Как — этого, наверное, мы никогда не узнаем. На второй же вопрос тонганская легенда отвечает, приписывая создание Хаамонги общеполинезийскому герою Мауи, хотя и не говорит, для чего он проделал этот гигантский труд.

Мауи якобы привез строительный материал для создания Хаамонги на своей двойной лодке с далекого острова Уэа. Это, конечно, вымысел, потому что кораллового известняка вполне достаточно у берегов самого Тонгатабу. Так что непонятно, для чего строитель Хаамонги, даже если он был полубогом, таскал имеющийся у него под рукой камень издалека.

Еще труднее ответить на вопрос: для чего были воздвигнуты эти каменные ворота? Мои друзья, местные жи-

тели, пытаясь ответить на него, вспоминали о том, что одиннадцатый король островов Тонга по имени Туи Татуи перенес именно сюда свою королевскую резиденцию—олотеле. Но при этом меня удивляло, что хотя Туи Татуи и основал практически новую столицу архипелага, новый город, и приказал построить каменный монумент, по размерам самый большой в Полинезии, тем не менее тонганцы вспоминают о своем одиннадцатом правителе скорее как о сексуальном маньяке, чем как о выдающемся государе и талантливом строителе.

Весь архипелаг знает о его кровосмесительной любви к собственной сестре Латутаме, а также историю о том, как Туи Татуи лишил невинности девушку по имени Нуа. А когда этот король не совращал женщин, он строил памятники. Прежде всего пирамидальные гробницы. Одну, ланги Монгалафа, — для себя, другую, ланги Хекете, — для отца.

Но самым знаменитым сооружением Туи Татуи является эта малопонятная Хаамонга. Легенда, о которой я уже упоминал, утверждает, что король создал каменные ворота как напоминание для двух своих сыновей. Он опасался, что после его смерти сыновья начнут бороться за власть, и поэтому решил поставить два огромных каменных столба: один — олицетворявший наследника престола Лафу, другой — его брата Талаихаапепу.

После этого он символически соединил «тела обоих братьев» третьим блоком, прочно опирающимся на оба опорных столба. И пока братья будут держаться друг за друга, как эти две соединенные перекладиной колонны, в стране станут царить мир и благоденствие. Но если связь кровных братьев будет нарушена, оба прочных столба, оба брата — Лафа и Талаихаапепу, рухнут.

Не скрою, легенда мне понравилась. Но, судя по всему, это не больше чем легенда, поэтическое предание, и верить ей особенно не приходится.

Я уже рассказывал о своем путешествии с тонганским королем на борту правительственного самолета, о том, какой глубокий интерес проявил он к археологическим исследованиям на островах Южных морей. Хаамонгу я посетил незадолго до этого столь памятного мне полета. Король Тауфаахау Тупоу IV тоже решил как-то взглянуть на этот странный памятник, сооруженный его предшественником. Он сделал это в день зимнего солнцестояния — 21 июня 1968 года, чтобы проверить, насколько верна его

собственная трактовка смысла, придаваемого этим гигантским воротам.

Сейчас королевская теория изложена на табличке, помещенной рядом с памятником. Король, тщательно осмотрев все стороны сооружения, обнаружил на верхней части соединительного камня слабо различимые черточки. Когда он перерисовал их, то решил, что обнаружил именно то, что искал. По его мнению, главная черточка этого непонятного рисунка должна указывать место, куда упадет первый солнечный луч в день зимнего солнцестояния.

Для того чтобы удостовериться в правильности своего предположения, король приказал очистить густые заросли, которые столетиями окружали Хаамонгу.

И вот наступил день 21 июня. Горизонт начал постепенно краснеть, и наконец солнце сверкнуло своим первым лучом. И он точно упал на заранее определенное место!

Я не особенно доверяю самодержцам, которые умеют раскрыть все тайны и объяснить все загадки. Но в этом случае я верю, что король оказался прав. Да, Хаамонга—это огромный календарь, каменные часы, возвещавшие о наступлении нового года.

Меня давно интересует полинезийский календарь. Здесь, на островах Дружбы, местные жители знали два времени года. Год у них начинался примерно в декабре, и поэтому теперь, когда стало известно назначение Хаамонги, можно предположить, что первый день нового года совпадал с днем летнего, декабрьского, солнцестояния.

Год тонганцы называют словом *тау*. Точно такое же выражение островитяне приняли для обозначения урожая ямса. Дохристианские тонганцы делили год на двенадцать месяцев. Начинался он с месяца *лиха муа*. Далее следовали: *лиха муи*, *ваи моа*, *ваи муи*, *факаафу муи*, *факаафу мате*, *хилинга келекеле*, *хилинга меаа*, *афао*, *фуфууне кинанга*, *улу энга* и, наконец, *тану манга*.

Недель в нашем понимании тонганцы не знали, а месяц делился у них на фазы луны. Часы и более короткие отрезки времени не были им известны. Вместо этого они делили сутки примерно на тридцать частей, причем день начинался не с рассвета и не полуночью, а моментом *тоае лаа* — заходом солнца и кончался *эфиафи* — во второй половине дня.

Жители островов Тонга обращали свои взоры к небу не только для того, чтобы узнать время, но главным образом затем, чтобы по положению звезд определить свое собственное местонахождение. Полинезиец — это прежде всего мореплаватель. И когда он уходил в *моану* — открытое море, то не имел никаких навигационных приборов, ориентируясь лишь по звездам.

Мореплаватели должны были очень точно знать положение звезд и орбиты движения планет. Астрономия для полинезийцев — это часть «науки о мореплавании».

Все небо тонганцы разделили на три части — южную, среднюю и северную. В каждой из них они находили самое яркое созвездие. Их каталог, своеобразную «астрономию для мореплавателей», составил образованный вождь Тукуахо.

В каждой части неба над островами Тонга есть созвездия, особенно важные для мореплавателей. В южной части это, разумеется, Южный Крест, по-тонгански *Толоа а Луа а Тангана*, в средней это Плеяды — *Маталики* и планета Марс — *Матамемаа*.

Одно из созвездий сияло в ту ночь, когда я вернулся из Хаамонги, особенно ярко — Южный Крест. Был удивительный вечер. Из хижин, расположившихся на окраине Нукуалофы, звучала мелодия одинокой ночной флейты⁵⁴. Песня древнего полинезийского инструмента рассказывала о золотой звезде и маленьком острове посреди огромного моря. В эту ночь я был счастлив.

ПО ДОРОГЕ НА ЗАПАД ОСТРОВА ТОНГАТАБУ

За то короткое время, которое я провел на Тонгатабу, главном острове полинезийского королевства в сердце Южных морей, я побывал в его восточной части — Муа с ее гробницами королей, познакомился с юго-восточной, где расположен аэродром, и с северо-восточной, где находится знаменитая Хаамонга — «звездные ворота» Тонга.

А теперь я направляюсь на запад острова Тонгатабу. Разбитая дорога ведет из столицы островов Дружбы сначала в Нукунуку, а затем через весь остров к его юго-западному берегу, где раскинулась деревенька Хоума. Я уже давно слышал о великолепной водной стене, которая скаймляет здесь побережье Тонгатабу, но то, что я уви-

дел, превзошло все ожидания. К западу и востоку от деревни поднимаются струи холодных гейзеров, которые без устали выбрасывают на высоту двадцати метров тысячи тонн воды.

Эти тонганские фонтаны, которые англичане зовут «блouxоулз» — «пузыри», возникают вследствие того, что волны моря, вечно кидаящиеся на коралловый риф Тонгатабу, постепенно «прогрызли» в нем тысячи пещер. С огромной силой врываются туда массы морской воды. А через другие отверстия — в поверхности кораллового рифа — вода вырывается наружу, взлетая на огромную высоту и с грохотом падая вниз, подобно бесконечному водяному фейерверку.

Я люблю смотреть на море и видел его тысячи раз — от Арктики до экваториальных вод. Я знаю, на что оно способно, когда поднимаются гигантские волны. Но такого зрелища, как на островах Дружбы, такой демонстрации бесконечной, необоримой, гордой силы моря я и представить себе не мог. Поэтому я долгие часы стоял на берегу Хоумы, зачарованный изумительным спектаклем. Я внимательно смотрел и слушал, ибо гейзеры Хоумы — это не только сказочное зрелище, но и чудесная музыка.

Время текло быстро. Я давно оставил небольшой трехколесный мотоцикл, самый распространенный вид транспорта на острове, и медленно шел по дороге пешком вдоль бесконечной шеренги фонтанов, пока не добрался до мыса Миуанофо, северо-западной оконечности Тонгатабу.

На этот раз моей целью была деревенька Коловаи. Рассказы о ней я слышал еще на островах Самоа, откуда более четырехсот лет назад один из туи-тонга привез себе жену. Принцесса с островов Самоа должна принести своему мужу приданое, но у короля островов Тонга в то время было все, чего только мог пожелать полинезиец. И тогда принцесса решила подарить владыке островов Тонга до тех пор невиданных им животных — летучих мышей.

Нетопыри с островов Самоа, которые в отличие от своих европейских сородичей живут на ветках деревьев, обожались именно здесь, в Коловаи. Я видел летучих мышей на центральной площади, когда они отдыхали на дереве, повиснув вниз головой. К вечеру нетопыри просыпаются, оживают и отправляются на охоту. Жители деревни

называют их летучими лисицами⁵⁵, хотя лакомятся они не мясом, а папайей и другими плодами деревенских садов.

Я не мог понять, почему жители Коловаи не перебьют этих прожорливых летучих лисиц, причиняющих им столько ущерба, или по крайней мере не прогонят их. Объяснение оказалось очень простым. Раз первые летучие мыши были подарены туи-тонга, то, значит, и все остальные поколения нетопырей принадлежат самодержцам островов Дружбы. Поэтому летучие лисицы, так же как и сам царь, — табу. Когда я хотел погладить мышонка, висевшего на самой нижней ветке, десяток голосов сразу же предупредили меня:

— Осторожно, табу, табу...

И хотя эти в буквальном смысле слова объедающие людей мыши не вызвали во мне особых симпатий, тем не менее я очень часто о них вспоминаю — их изображение, как это ни странно, украшает одну из стен моей квартиры. Дело в том, что Коловаи известна на всех островах Тонга не только как место пребывания самых прожорливых нетопырей во всей Полинезии, но и как деревня, где живут самые искусные производители тапы.

Что же это такое — тапа? Материя, которую полинезийцы изготавливают из коры местного вида тутовника. Я много раз наблюдал за тем, как делают тапу на островах Южных морей. Но именно здесь, на Тонга, это традиционное полинезийское ремесло сохранилось лучше всего⁵⁶.

Вначале островитяне отделяют лыко от твердой внешней коры. Затем очищают его и замачивают. В воде лыко размягчается, и его треплют — отбивают деревянными палочками. В результате получается длинный, хотя и очень узкий пояс лыковой материи, который надо соединить с другими такими же лентами. В Коловаи их склеивают, а затем раскрашивают.

За художественным творчеством островитян я наблюдал в длинной хижине, куда меня привели с площади, где на деревьях висели дерзкие летучие лисицы. Здесь работали женщины. Они разрисовывали лыковую материю, но чаще всего украшали методом так называемого «втирания узоров». По рисунку сначала изготавливается основа из коры гибискуса или кокосового волокна. Ее укрепляют на длинном столе, а сверху кладут свежую тапу, которую покрывают с помощью специальных щеток крас-

кой из плодов пандануса. Она гуще всего ложится на выступающие поверхности.

Раскрашенные куски тапы я увидел за хижиной-мастерской. Они сушились на жарком солнце, привлекая к себе внимание будущих покупателей. Самым излюбленным сюжетом, которым коловайские «текстильщицы» украшают ткани, является изображение летучей мыши, символа их деревни.

А так как я, естественно, не смог устоять перед красноречием обаятельных работниц и торговок, то купил себе купон этой своеобразной полинезийской ткани. Изображенные на ней тонганские нетопыри проехали со мной через все Южные моря и еще через полмира в самое сердце Европы. Они смотрят со стены моей квартиры и сейчас, когда я пишу эти строки и вспоминаю о фонтах, летучих лисицах и лыковой материи.

ПО СЛЕДАМ ДЛИННЫХ КАНОЭ

И вот я поднялся на борт королевской «Дакоты». Полинезийские пирамиды и «звездные ворота» остались далеко внизу под крыльями самолета. После короткой остановки на Фиджи мы снова поднялись в воздух и легли курсом на юго-запад, направляясь в Новую Зеландию⁵⁷, к народу маори.

Наш самолет приземляется в Окленде. Мои друзья в Новой Зеландии, которые знают, что меня больше всего интересуют маори — в наши дни самый многочисленный полинезийский народ, показывают в первую очередь Военный мемориальный музей, расположенный высоко над городом, на так называемом холме Доминион.

Военный музей? А что общего он имеет с полинезийским населением Новой Зеландии? Многое. Это здание — великолепный памятник новозеландцам, павшим в первой мировой войне. В нем размещены самые различные экспонаты, рассказывающие о материальной культуре народа маори.

Перед выставочными залами стоят длинные, узкие, украшенные богатой резьбой каноэ полинезийских воинов, построенные замечательными кораблестроителями — Ахурири, Те Ахо О Те Ранги Варепуа и другими. Особенно понравилось мне одно из этих каноэ, которое называется *Те Токи А Тапири* — «Топор Тапири». Его дли-

на — тридцать метров, ширина — два. Это каноэ было построено примерно в 1835 году племенем нгати кахунга. В нем помещалось около ста воинов. Позже «Топор Тапири» захватили воины племени нгати теата с берегов залива Манукау, враждовавшие с нгати кахунга. А у них замечательное боевое каноэ отобрали английские солдаты.

Но «Топор Тапири» — это лишь одно из многочисленных боевых каноэ, имеющих в Военном мемориальном музее на холме Доминион. Все местные *вака тауа*, как называются каноэ на языке маори, похожи друг на друга. Выдолблены они из стволов благородных новозеландских пихт — *тотари* или *каури*.

Каноэ, подобные «Топору Тапири», перевозили маори по многочисленным рекам и широким озерам Новой Зеландии. Лодки же, на которых их предки прибыли сюда с далекой прародины — легендарной Гавайки, выглядели наверняка по-другому.

И так как здесь, в Новой Зеландии, моя главная цель — маорийское племя арава, то меня, естественно, интересует и то, что рассказывают люди арава о транспортных средствах, доставивших сюда их предков. Это были, как они утверждают, широкие двойные каноэ с тремя большими треугольными парусами, которые поднимали на высоких мачтах. На площадке, соединявшей оба каноэ, размещалась хижина вождя, руководившего экспедицией. Другой вид плавательных средств, с помощью которых маори добрались до Новой Зеландии (как, например, лодка «Таинуи»), вероятнее всего, напоминал тот тип лодок, которые сейчас можно видеть на Таити и прилегающих островах.

Таких больших судов, какие были у предков арава или как «Таинуи», полинезийцы не строят. Поэтому остается только вообразить самому, как они могли выглядеть. Правда, в самых ранних сообщениях об островах Южных морей сохранились некоторые описания судов, которые, возможно, походили на «океанские корабли» полинезийцев. Например, капитан Кук обратил внимание на двойное каноэ, которое таитяне называли *паи*, с большим парусом из рогожи, предназначенное для дальних плаваний. Его длина превышала пятьдесят стоп.

Одно из таких судов, служащих для поездок с Тонга на Фиджи, изобразил художник экспедиции Кука Джеймс Вебер. На его рисунке — широкое двойное каноэ

с одним большим треугольным парусом. Вебер попробовал сам проплыть на одном из таких каноэ. Скорость его достигала примерно семи узлов, что давало возможность маори преодолевать расстояние между Раиатеа и островом Северный примерно за месяц.

К счастью, маори в своих легендах сохранили много сведений о приходе их предков в Новую Зеландию.

Первооткрывателем новой родины все племена маори считают человека по имени Купе, у которого, согласно одним преданиям, осьминог, согласно другим — сепия⁵⁸ воровала с рыболовных крючков приманку.

Купе решил расправиться с хищником, но тот уходил от него все дальше в море. Рыбак догнал осьминога и убил его лишь вдали от дома, у берегов острова, которого до тех пор никто не видел. Полинезийцы называли его *Ао Теа Рао* — «Страна длинного белого облака».

После того как Купе расправился со спрутом, он ступил на незнакомый остров. Согласно полинезийской генеалогии, этот факт можно отнести примерно к X веку. После возвращения на родную Гавайи Купе, естественно, стал хвастаться тем, что открыл новый остров. Но сам он никогда больше туда не возвращался. Слишком уж холоден был для жителей Гавайи этот гористый, вулканический остров.

Позже, примерно в середине XII века, в открытую Купе Новую Зеландию отправился некто Тои со своим внуком Ватонгой. Однако наиболее важной вехой в истории маори было *хеке* — великое переселение, которое можно отнести приблизительно к 1350 году. Вожди и некоторые другие наиболее влиятельные лица из экипажей переправившихся судов считаются сейчас прямыми предками отдельных маорийских племен.

Я уже упоминал, что моей целью было изучение аравы, и поэтому из всех широко распространенных легенд о судьбах семи судов, покинувших раздираемую внутренними спорами Гавайи, меня интересует лишь та, которая связана с прошлым именно этого племени. Его предки двинулись в путь на судне под названием «Арава».

После того как я сравнил все предания и версии, связанные с происхождением аравы, рисовалась следующая картина. Вдохновителем плавания в Новую Зеландию был вождь по имени Тама Те Капуа — «Сын облака», сын верховного вождя Гавайи Ноу Май Тавити. Отец не мешал своему наследнику совершить задуманное пла-

вание по Великому океану. Наоборот, помогал советами, как построить судно и подобрать экипаж.

Вскоре «Арава» была готова к плаванию. Однако успех зависел не только от судна, но и от его капитана. Главное же — это благосклонность богов. Поэтому Тама Те Капуа пригласил на «Араву» мудрого *тохунгу* — жреца Нгато Рои Ранги.

Жрец сотворил все положенные обряды в честь Тангароа — бога океана и Тане — бога деревьев, из которых была построена «Арава». После торжественного богослужения Нгато Рои Ранги хотел покинуть судно, но Тама Те Капуа не разрешил этого сделать. Он полагал, что присутствие верховного жреца будет лучшей гарантией безопасного плавания, и приказал трогаться в путь.

Жрец в конце концов смирился со своей участью, тем более что на борту судна находилась и его жена Кеароа. Но в Полинезии, как и в других странах, предметом искушения тоже является женщина. Вскоре Тама Те Капуа влюбился в прелестную жену жреца, и неверная супруга ответила на его любовь.

Нгато Рои Ранги охватил гнев. Пользуясь своей сверхъестественной силой, он направил «Араву» прямо в водоворот, в пасть *Ваха О Те Парата*, что в переводе означает «Морское чудовище, заглатывающее людей».

Мореплавателям оставалось жить всего несколько минут, но Нгато Рои Ранги был непреклонен. И тогда поднялся Ика, один из самых знатных людей экипажа «Аравы», и стал читать гимны в честь бога небес Ранги и бога деревьев Тане.

Но боги, слугу которых так оскорбили на «Араве», молчали. Мореплаватели стали умолять Нгато Рои Ранги о спасении. Уже раскрылась воронка водоворота, когда жрец наконец смиловился и запел песнь в честь моря и его бога — Тангароа:

«Унухиа, Унухиа те поу тапу ко те поу муа, ко те поу рото...» — пронеслось над водами.

И боги вняли призыву. Корабль был спасен, водоворот не поглотил «Араву». Через несколько дней без дальнейших приключений она подошла к берегу «Страны длинного белого облака». Стоял декабрь, тихоокеанское лето было в разгаре. В том месте, где мореплаватели сошли на берег, цвели красные *похутукавы*. Красный цвет — это цвет вождей. Тама Те Капуа снял с головы

венки из красных цветов Гавайки и надел венки из цветов похутукавы.

— Отныне это будет цвет вождя новой земли, — провозгласил он.

Экипаж «Аравы» стал на острове «Страны длинного белого облака» родоначальником племени, носящего то же имя.

Та часть племени, которая ведет свое происхождение «непосредственно от самого Тама Те Капуа», в наши дни живет близ городка Роторуа. Именно туда я сейчас и направляюсь. Затем побываю и у представителей другой ветви аравы — «потомков могущественного жреца Нгата Рои Ранги». Они расположились к югу от Роторуа, на берегах большого озера Таупо.

«Арава» была не единственным кораблем, который во времена великого переселения покинул Гавайки. Согласно легенде, в Новую Зеландию отправилось еще шесть кораблей — «Таинуи», «Матаатуа», «Курахаупо», «Токомароу», «Такимуту» и «Аотеа». Потомки мореплавателей с «Таинуи» обосновались на берегах Мокау. Экипаж «Матаатуа» остался там, где причалило большинство кораблей, — на мысе Раневей. Люди с «Курахаупо» разместились около современной деревни Таранаки. Экипаж «Токомароу», так же как и моряки с «Таинуи», высадился на берегу Мокау. Те, кто приплыл на «Такимуту», расселились на крайнем юге острова Северный и прилегающих областях острова Южный. И наконец, «Аотеа» подошла к западному берегу «Страны длинного белого облака». Залив, где вышли на берег моряки с «Аотеа», до сих пор носит название этого корабля. Позже они расселились вокруг Уонгануи и реки Патеа.

Великое переселение будущих маори с Раиатеа в Новую Зеландию — наиболее известная страница истории удивительных морских путешествий «викингов Южных морей». Меня всегда интересовали полинезийские морские экспедиции. Ведь это, должно быть, были очень трудные плавания, требовавшие тщательной и продуманной подготовки.

В первую очередь надо было найти достаточно большое дерево, ствол которого годился бы для лодки. Причем его нельзя было просто срубить — ведь это же «детиче» бога лесов Тане. Поэтому прежде всего надо было получить согласие всемогущего владыки лесов. В этих случаях, согласно верованиям полинезийцев, богов мог-

ли представлять те, кто находился к ним ближе всего и был наделен сверхъестественной маной, т. е. вожди. Поэтому вместо Тане разрешение повалить выбранное дерево давал вождь данного племени.

Теперь можно было приступить к постройке лодки. Но и этим имел право заниматься только тот, кто одновременно был и кораблестроителем и тохунгой — жрецом. Ведь ему придется топором разрубать тело «детей бога».

Очень тщательно подбирался экипаж будущего судна. И как только определялись участники экспедиции, на них, так же как и на все время пути, распространялось табу. Они не имели больше права встречаться с другими людьми, не могли жить со своими семьями и должны были избегать всяческих связей с женщинами. Нарушение табу оскорбило бы богов, которые могли отвернуться от участников экспедиции.

Но если Тангароа, Тане и другие могущественные боги будут благосклонны, то все пойдет успешно. И не только само строительство судна. Ведь для экспедиции к далеким, часто еще не известным землям и островам нужны большие запасы, главным образом пищи и воды. Лодка везла с собой плоды хлебного дерева и *кумару* — сладкий картофель, а также сушеную рыбу, хотя, конечно, одним из главных источников питания была свежая, только что выловленная рыба, которой очень много в этих теплых водах.

Мореплаватели могли полакомиться также свежей свининой и курятиной, так как на лодке везли домашних животных. Как правило, полинезийские колонисты брали их для разведения на новых землях, но если плавание затягивалось и кончалась провизия, то свиньи и куры шли в пищу экипажу.

А так как полинезийцы предпочитают свинину в жареном виде, то на лодке находились и запасы дров. Огонь в открытом море разводился в очаге. Причем деревянные части судна защищал толстый слой песка.

Запасы питьевой воды хранили в калебасах, кокосовых орехах или стволах бамбука. Водой усталых мореплавателей снабжал и милосердный дождь. Все же жажда и голод были частыми спутниками далеких экспедиций. Причем те, кого вождь отбирал в плавание, задолго до отъезда готовились к подобным лишениям.

Пища и вода заготовлены. Теперь можно трогаться в

путь. На берегу Гавайки собирались сотни островитян; жрец в последний раз благословлял отплывающих; мореплаватели входили в лодку и затягивали ритмичную морскую песню. В течение всех последующих долгих дней пути песни будут помогать экипажу вести свою лодку вперед, к неизведанным островам.

На корме лодки — *варакети*, самом почетном месте, украшенном перьями *пухи каи арики* — «верхними» — в честь богов небесных, и *пухи моана арики* — «нижними» — в честь владык морских, располагался жрец. Своими молитвами и песнями он должен был охранять путников, добиваясь благосклонности богов. Последним в лодку входил сам вождь, руководитель и вдохновитель путешествия.

Я часто задавал себе вопрос, для чего островитяне предпринимали эти далекие и очень опасные экспедиции. Ответов, вероятно, может быть несколько. Маори, в стране которых я сейчас нахожусь, покинули Гавайки потому, что в их время Раиатеа раздирали жестокие внутренние распри. Ведь Хоту Матуа, «первооткрыватель» острова Пасхи, вынужден был покинуть родную землю. Скорее всего, он и его люди были побеждены в межплеменной борьбе и лишь благодаря переселению спасли свои жизни, а сам Хоту Матуа, кроме того, сохранил и титул.

Следующей причиной, как я думаю, могло быть относительное перенаселение родного острова. Эту проблему полинезийцы тоже решали путем переселения на необитаемые острова. Однако главный стимул этих великих морских экспедиций был все-таки иным. Полинезийцы, так же как и жители Меланезии, стремились всегда — в большом и в малом — опередить соседей. Вечное стремление к первенству являлось, вероятно, побудительной силой всех замечательных экспедиций. Имя человека, который руководил плаванием и добился успеха, становилось известным во всем полинезийском мире.

Даже сегодня, в эпоху полетов в космос, маори вспоминают Купе, людей с «Аравы» и других гавайских судов. А в те далекие времена имена этих «полинезийских Колумбов» наверняка прославлялись на Гавайки и остальных полинезийских островах.

Бесспорно, они заслужили подобную честь. Ведь эти люди открывали, завоевывали, заселяли острова и островки величайшего океана нашей планеты. И если уж

вспоминать о Колумбе, то надо сказать, что полинезийские мореплаватели задолго до 1492 года преодолевали значительно бóльшие расстояния, чем то, которое отделяет Европейский континент от Американского.

Как уже было сказано, у них не было ни компаса, ни каких-либо других навигационных приборов; ориентировались они лишь по положению звезд. Но зато умели великолепно использовать силу и направление тихоокеанских ветров. Во время плавания с Гавайки к Новой Зеландии они заставляли юго-западный пассат гнать свои лодки вплоть до островов Кермадек. Затем меняли курс, пользуясь северо-восточным ветром, который и доставлял их к острову Северный «Страны длинного белого облака». Здесь отважные мореплаватели с «Аравы», «Таинуй», «Токомароу», за которыми сейчас двигаюсь и я, заканчивали свое путешествие. Это были последние великие плавания первооткрывателей новых земель в Южных морях, благодаря которым из Раиатеа сюда, на острова Северный и Южный, переселились жители Полинезии — нынешние новозеландские маори.

САМЫЙ ПЕЧАЛЬНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Будучи в Новой Зеландии, я посетил великолепный портовый городок Уаитанги на острове Северный. Здесь в 1840 году по инициативе капитана Гобсона был подписан договор, который провозглашал суверенитет британской короны над Новой Зеландией. Население Новой Зеландии, точнее, ее коренные жители становились английскими гражданами со всеми правами и обязанностями, вытекающими из подданства Великобритании и Северной Ирландии⁵⁹. Во второй статье Уаитангского договора подтверждалась полная и неограниченная собственность маори на свою землю и леса, право маорийских вождей и племен распоряжаться этой землей, вести охоту и рыбную ловлю.

Договор был подписан пятьюстами двенадцатью маорийскими вождями. Однако подпись свою поставили не все представители островитян. Не поставил ее и один из самых влиятельных участников переговоров — Те Хеу Хеу. Он заявил всем подписавшим договор: «Отныне вы все рабы. Ваша слава закатилась, власть ликвидирована. Но моя — нет. Посмотрите на меня. Я не согнулся и не уступаю. Я — Хеу Хеу».

Вскоре всем стало ясно, кому придется кланяться и уступать. В прекрасный Залив островов со дня подписания Уаитангского договора стало заходить все больше английских кораблей. В 1842 году умер вдохновитель договора капитан Гобсон, который, будучи губернатором новоиспеченной колонии, старался по возможности пунктуально придерживаться выработанных положений.

Новые правители далекой колонии — Шортленд, а потом Фитцрой — быстро поддались давлению со стороны белых колонистов и «Новозеландской компании». Вопреки духу договора земельные спекулянты акр за акром стали захватывать участки, принадлежащие маори. Затем разразились события и посерьезнее. Целая маорийская деревня Те Аро была сожжена дотла. В Веллингтоне среди бела дня убили известного маорийского вождя. Однако самые горячие распри вспыхнули вблизи Уаитанги.

Здесь расположен городок Рассел, бывшая Корорарека, в период подписания договора «столица» Новой Зеландии. В окрестностях Корорареки в 1843 году новый губернатор Фитцрой раздал белым колонистам триста квадратных километров маорийской земли по цене одна крона за акр.

Народ маори под руководством вождя Хоне Хеке поднялся на борьбу. Англичане сразу же приняли вызов. Копьям островитян они противопоставили военный корабль с символическим названием «Азарт», вооруженный тяжелыми орудиями.

Тогда Хоне Хеке сжег Корорареку. Невредимыми остались лишь англиканская церковь да дом французского епископа Помпалье, прекрасно сохранившиеся до сих пор.

Сожжение Корорареки послужило началом первого, короткого, этапа маорийских войн. В битве под Окахай полинезийские воины уничтожили большую часть британской армии в Новой Зеландии. В 1845 году место бездарного губернатора Фитцроя занял Джордж Грей.

Грей сумел в какой-то степени понять нужды народа маори и даже проникся симпатиями к нему, хотя его послали с ним бороться. Правда, в битве при Руапекпеки он победил Хоне Хеке, но тем не менее не отобрал у островитян ни одного акра земли и не подверг наказанию участников восстания. Грей собирал местные легенды и даже опубликовал их отдельной книгой. Одним из пер-

вых он стал изучать полинезийские религиозные верования. Короче говоря, Грей все же хоть чем-то отличался от всех других колонизаторов, которые жадными глазами смотрели на маорийскую землю.

Грей вершил судьбами далекой английской колонии восемь лет. В 1853 году его отозвали в Лондон. В Оксфорде ему была присуждена почетная степень доктора.

Сразу же после отъезда Джорджа Грея колонизаторы вновь набросились на полинезийскую землю. К тому времени среди маори не осталось почти ни одного вождя, который еще несколько лет назад нагонял ужас на колонистов. Самый известный из них — Хоне Хеке — умер в 1850 году в возрасте всего сорока двух лет, а его ближайший сподвижник — вождь племени кавити скончался сразу же после отъезда Грея. Неустрашимый «бич юга» — Раупараха тоже умер в 1849 году. В Корорареке погиб и Помаре, однофамилец таитянских королей, великий вождь новозеландских маори.

В добром здравии пребывал лишь один из известных англичанам маорийских вождей — Тамати Ваке Нене, предводитель племени нгапухи, подписавший Уаитангский договор и с первого же дня сотрудничавший с колониальной администрацией. Он принял даже католическое имя Томас Волкер. Однако коллаборационист Ваке-Волкер не был единственным вождем новозеландских полинезийцев. И те предводители, имена которых англичанам даже не были известны, стали готовиться к борьбе, какой еще не знала история Полинезии. Они стремились объединить разрозненные маорийские племена в один сильный кулак, собрать все до сих пор еще не поработанные маорийские области и племена острова Северный в единое целое и поставить во главе государства, подобного королям европейских держав, в том числе Великобритании. И хотя по Уаитангскому договору Новая Зеландия считалась частью Великобритании, свободолобые маорийцы мечтали о создании независимой полинезийской монархии на территории острова Северный.

Во время поездки по Новой Зеландии я побывал на берегах самого большого, дивного по красоте озера Таупо — бирюзовой капли под вечно заснеженными вершинами вулканов Руапеху и Тонгарира.

Вокруг озера, куда ни глянь, расстилалась земля маори, и именно здесь они решили создать главную область будущей всецело независимой от белых полинезий-

ской монархии. Маори наметили ее границы и торжественно поклялись, что ни пяди этой территории не уступят чужеземцам. Они созвали даже свой парламент, так как были убеждены, что сила Англии заключается не только в королевской власти, но и в ее парламентской системе. В работе этого полинезийского форума, так называемого *рауранга*, приняли участие представители всех племен, проживавших на территории будущего королевства: мудрый Вирему Тахимана, вождь племени нгати манипото, вождь маори, живущих на берегу озера Таупо, Рева, вождь Ивикаи и другие.

В мае 1857 года на берегах реки Уаикато собрались тысячи маорийцев, главным образом представители племен манипото и уаикато, чтобы договориться о дальнейших действиях. Большинство собравшихся отвергли Уаитангский договор, требуя свободного, независимого, суверенного королевства с маорийским королем во главе. Но кто же должен им стать? Ведь племен много, много и вождей. Наконец первым полинезийским королем Новой Зеландии был провозглашен Те Вера Вера, который участвовал в подготовке Уаитангского договора. Он принимает новое имя — Потатау I. Своим местопребыванием новый король провозглашает Рангирири, где и возводит свою первую резиденцию.

Маорийцы понимали, что создание собственного независимого королевства вызовет сопротивление британской короны. А так как отстоять свободу можно было лишь силой, то они начали вооружаться. Тайно купили более тысячи ружей, десятки тысяч патронов. Новые сражения с маори (дальнейший этап тридцатилетней новозеландской войны) начались, однако, вовсе не по причине создания монархии, а из-за участка земли, который английские колонисты хотели отобрать у вождя Те Рангитате и его племени. Главные соединения английской армии были направлены вверх по течению Уаикато, в сердце только что родившейся «монархии», чтобы дать бой «кингстам», как стали называть «королевских маори».

Бои продолжались несколько лет и закончились победой армии английского генерала Камерона. Ни *Кингитанга* — «Королевское движение», ни маорийское царство не погибли, однако, после поражения. Во время последнего, четвертого по счету, путешествия по Полинезии я, будучи в Новой Зеландии, посетил столицу «королев-

ских маори» Нгарувахиу. Видел я здесь и королевское марae и резиденцию нынешнего маорийского короля Короки Те Вата Махуту. Король без империи и его сторонники до сих пор играют немаловажную роль в деле сплочения некоторых слоев в маорийском народе, особенно потомков экипажа «Таинуи».

Но давайте вернемся ко временам поражения войск Потатау I. Вскоре после него партизанскую войну против англичан начал вождь племени таранаки — Те Уэ. Он уже не ссыался на маорийские традиции, а вел своих воинов в бой, благословляя их Библией. Приравняв себя к ветхозаветным евреям, он заявлял, что на борьбу его вдохновил сам архангел Гавриил. А также Иегова, который перстом своим указывает, куда Те Уэ должен нанести удар.

«Поднятая рука» Иеговы — так стало называться все это движение и сама мистическая религия Те Уэ. Во время первого же сражения «Поднятая рука» наголову разбила английские войска. Их командир, капитан Ллойд, был убит. «По велению архангела Гавриила» Те Уэ отрубил ему голову.

Хотя у Те Уэ было много сторонников, военное счастье вскоре склонилось на сторону его намного лучше вооруженного противника. В 1865 году в битве при Вааренгахайке англичане разгромили Те Уэ. Но здесь, на поле боя Новой Зеландии, появляется новый пророк, на этот раз действительно исключительно одаренный предводитель — Те Кооти. Его борьба за дело своего народа была столь успешной, что администрация колонии сочла необходимым выслать Те Кооти из Новой Зеландии. Он долгое время прожил в изгнании на далеких островах Чатем. Там Те Кооти внимательно изучил «самую главную книгу» белых колонизаторов — Библию. И как Моисей евреев, так и он, Те Кооти, решил вывести народ маори из «Египта и рабства египетского». Он сделал это, точнее, попробовал сделать то, что не делал до него еще никто в истории Полинезии. Когда по прошествии долгого времени к берегам островов Чатем подошел трехмачтовый английский корабль «Рифлмен», Те Кооти поднял восстание заключенных, захватил острова, а заодно и находящийся в порту парусник. Те Кооти заставил капитана плыть к новозеландским берегам, где и высадился вместе с другими беглецами, которые скрылись прежде, чем англичане успели их схватить.

В лесах Те Кооти сформировал небольшой партизанский отряд, с которым и начал лесную войну против оккупантов. Свои действия он, так же как Те Уэ, мотивировал Библией, утверждая, что маори — потомки племен Израиля и что он, Те Кооти, маорийский Моисей, который освободит полинезийских «евреев» из «египетского ада».

Те Кооти повел настоящую, в полном смысле слова современную партизанскую войну. Англичане всеми силами старались найти и разгромить маленький отряд, но — тщетно. Фигура Те Кооти стала легендарной. И все же его небольшой отряд с каждым днем таял. В конце концов Те Кооти остался один. Но и тут он не сдался, обосновавшись на бывших «королевских землях».

Будучи амнистирован, он стал свидетелем заключительного акта тридцатилетней новозеландской войны — англичане захватили более миллиона акров земли народа маори и установили свое окончательное господство над обоими островами. Однако в сердцах маорийцев не угасло пламя борьбы за свободу. И Те Кооти записывает в тетради, ставшей свидетельницей всех его размышлений и раздумий, свою молитву:

«О, Иегова, ты — бог, который освободит наш порабощенный народ. Поэтому к тебе обращена в этот день молитва слуги твоего, думающего о наших врагах. Пусть воля твоя их осудит и уничтожит. Пусть планы их рухнут и пусть зловещие лица их окутает тьма».

В «АДУ» У ПЛЕМЕНИ АРАВА

Я путешествую по «раю». И счастлив, что этот тихоокеанский мир так нежен и ласков. Но и в «раю» есть странные места. Есть они и в Южных морях. Скорее можно сказать, что там остался даже кусочек «ада». Это — пекло, какое трудно отыскать где-либо в другом месте на нашей планете, полное огня и чада...

Когда, будучи еще подростком, мечтавшим о Южных морях, я впервые прочитал о новозеландском «аде», мне показалось невероятным, что там вообще кто-нибудь может жить. И все-таки это так. Новозеландский «ад» — это частная собственность, тщательно охраняемое «имущество» маорийского племени арава.

Когда я составлял свой этнографический маршрут по

Новой Зеландии, то раздумывал, посещение какого из многочисленных маорийских племен в него включить. Ведь тщательно познакомиться я мог только с одним из них.

С городскими маори я познакомился еще в Окленде. На остров Южный отправлюсь позже. А на острове Северный побываю — и это уже решено твердо — у племен арава. Потому что меня очень интересует их овейный легендами «ад». С подобными вещами сталкиваешься не так уж часто...

Итак, в путь! А так как Новая Зеландия — это страна куда более цивилизованная, чем любой из Тихоокеанских островов, которые я посетил, то в «ад» меня доставит вполне современный тепловоз. Поезд отправляется с оклендского вокзала каждое утро и прибывает на конечную остановку, которую я представлял себе наподобие дантовых врат в подземное царство, после обеда.

Ворота новозеландского «ада» называются Роторуа. Но еще до того как прибыть туда, поезд провез нас мимо настоящего «частокола» станций со звучными маорийскими названиями — Матамата, Путапуру, Окорайре. Железная дорога проложена вдоль русла реки Уайкато по земле племени потомков экипажа «Таинуи». Дольше всего поезд стоит в Гамильтоне — крупнейшем городе центральных областей Новой Зеландии.

Здесь я провел сутки и на следующий день, после отдыха в этом городе, полном парков, на том же поезде продолжил свой путь через перевал Камайского хребта. С железнодорожного полотна открывается великолепный вид на землю племени арава. В первую очередь бросается в глаза сверкающее в полуденном солнце озеро. Оно тоже называется Роторуа. А вокруг раскинулось еще несколько озер с зеленоватым цветом воды.

Наконец поезд спустился в долину, я взял чемодан и оказался в городе Роторуа, расположенном на берегу одноименного озера — самой «горячей» точки Новой Зеландии. Я устроился в дешевом пансионе и сразу же отправился в Уакаревареvu — большую маорийскую деревню.

Перед деревней сооружены высокие ворота, украшенные надписью на языке маори. За ними находится мостик, который напомнил мне во много раз уменьшенный Карлов мост в Праге, так как по обеим его сторонам стоят тщательно изваянные статуи. Правда, они не камен-

ные, а деревянные и представляют собой не христианских святых, а языческих богов.

Сразу же за миниатюрным «Карловым мостом» находится замечательный «дом племени», где собираются арава, живущие в этой деревне. Они называют себя *ту-хоуранги*.

«Дом племени» я решил осмотреть чуть позже, а пока что мне не терпится взглянуть на адский огонь и дым, буквально застилающий Уакаревареvu. Я быстро прошел все деревянное поселение и остановился на краю ворчащей, клокочущей, бурлящей, громыхающей, обжигающей своим дыханием земли.

Гейзеры, подобные здешним, горячие источники с серным запахом, встречаются и в других местах Новой Зеландии. Однако Уакареварева — это настоящее сердце «ада», принадлежащего племени арава.

Вулканическая деятельность земли здесь исключительно бурная. Ее нетерпеливое дыхание постоянно изменяет окружающую картину. Главный аттракцион Уакаревареvy — это гейзеры. Большинству из них местные жители дали имена. Один, например, именуется Кекеру, другой — Те Хоро, а третий — Уакареварева Папакура — назван так в честь женщины, которая была лучшей проводницей через эту горящую землю.

По случайному стечению обстоятельств в тот день, когда сюда пришел первый, торжественно украшенный поезд, перестал бить один из самых красивых гейзеров. А так как с этим поездом прибыл премьер-министр Новой Зеландии, то арава называли «потухший» гейзер «Остановленный премьером».

Многие гейзеры Уакаревареvy выбрасывают свои струи на большую высоту, и вскоре я стал мокрым как мышь. Но вода не единственная опасность, угрожающая Уакаревареve. Земля, покрытая беловатым налетом, очень рыхла, и каждую минуту здесь можно ожидать появления трещин.

Кипящая вода образует многочисленные мелкие озера, которые присваивают себе отдельные семьи. Они, как правило, ограждены заборами с надписями, запрещающими посторонним лицам вход в эти частные «бани».

Рядом с источниками горячей воды во многих местах из-под земли бьют струи пара. Над такими естественными «печками» маори любят строить свои хижины. Надо сказать, что арава умеют пользоваться преимуществами

своего «ада». Горячие озера они используют для приготовления пищи, здесь же моются, лечат ревматизм и кожные заболевания, стирают белье.

Меня поразило, насколько сроднились арава со своей горячей землей. Они легко преодолевают поля гейзеров, несмотря на то что рядом с мощными фонтанами то и дело возникают мелкие предательские источники кипящей воды. А густая грязь, булькающая прямо посреди деревни (еще одна здешняя достопримечательность), не только пачкает одежду, но и при случае может просто поглотить неосторожного пешехода.

Раньше это случалось нередко, так как местные жители предпочитали строить новые хижины над только что пробившимися струями пара. Но время от времени земля в этих местах лопалась и поглощала хижины вместе с их жителями.

Вид Уакареваревы обманчив. Белые, словно выточенные из слоновой кости, террасы, грациозные гейзеры придают этому «адскому» месту характер курортного городка. Но не дай бог, если забурлит кратер какого-нибудь из кажущихся потухшими вулканов.

В конце XIX века неожиданно проснулся вулкан Таравера — «Жгучая вершина», расположенный недалеко от Роторуа. Взрыв разорвал тройную вершину горы, образовав около двадцати новых кратеров. В течение трех последующих дней Таравера заливала землю арава лавой, жгла огнем, засыпала пеплом. В те дни прекратила свое существование полинезийская Помпея — маорийский центр Те Уairoa.

Вулкан уничтожил самую замечательную часть новозеландской области горячих источников — знаменитые розовые и белые террасы на берегах озера Ротомахана. Причем он похоронил не только эти единственные в мире цветные ступени, но и само озеро.

За первым взрывом последовала цепная реакция — ожил вулкан Раупе, вскипела вода во многих озерах, по всей «Стране длинного белого облака» прокатилась волна землетрясений. Горячее дыхание разбудило и остров Южный. По соседству с уничтоженным озером Ротомахана ударил самый крупный в мире гейзер, названный местными жителями «Черная вода». Он выбрасывал на гигантскую высоту тонны грязи. Новое землетрясение задушило гейзер. Вулканическая деятельность продолжалась...

И все это произошло совсем недавно. А мои гостеприимные хозяева-арава бродят по своей вулканической земле с таким невероятным спокойствием, что им можно только позавидовать.

А ведь они знают, что земля не успокоилась. По представлениям аравы, все эти явления вызывает Руаумоко — божество, которое еще не родилось. Это сын, оставшийся в утробе своей матери — владычицы Земли, великой Папы⁶⁰. И как только Руаумоко начинает шевелиться в материнском лоне, земля колеблется, а люди гибнут от лавовых потоков и черного дождя.

Сейчас Руаумоко спит. Лишь гейзеры Уакареваревы, кипящие маленькие озера, да лопающиеся пузыри грязи напоминают о том, что жив еще не родившийся бог вулканов. Арава в этом убеждена. Они знают даже, какой вулкан проснется следующим. Это будет Радужная гора, южная соседка смертоносной Тараверы.

Но прежде чем новозеландский «ад» разверзнется вновь, мне хочется познать его другую, полезную сторону. Поэтому я сажусь в автобус и отправляюсь за восемьдесят километров к югу от Уакареваревы — в деревню Уаиракеа, расположенную в конце знаменитой Долины гейзеров, где новозеландское правительство построило первую геотермальную электростанцию в мире. Кипящая вода вырабатывает здесь очень дешевую электроэнергию.

Такова земля аравы. «Ад» не перестает быть «адам». Тараверу забыть нельзя. И все же это какой-то очень ласковый, очень нежный «ад»...

ВЕРОНА⁶¹ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Страна аравы — это страна озер Рохотеху, Реревакаиату, Окарека, Ротоити, изуродованной вулканическим взрывом Ротомаханы и многих других. Но самое главное из них — озеро Роторуа.

До сих пор я посетил лишь его берега, а теперь хочу отправиться прямо в сердце озера, на островок Мокои. Из деревни Охинемуту каждое утро отправляется туда небольшое судно, которое делает у Мокои короткую остановку и затем продолжает свой путь по водам Роторуа.

Я схожу на берег Мокои, хотя последний маори поки-

нул его несколько лет назад. Начало опустошению островка было положено еще полтора века назад. В то время на территорию племени арава вторглись воины нга пухи под предводительством жестокого вождя Хонги Хики. Арава боролись с ними, однако вторжения на остров Мокои никак не ожидали. Так же как и англичане, они были убеждены, что острова захватить нельзя. Но Хонги Хика оказался хитрым военачальником. Он приказал перетаскать сюда по суше боевые каноэ и благодаря им захватил сам остров и находившуюся на нем крепость. Гарнизон ее и большую часть населения острова — около двух тысяч человек — Хонги Хика уничтожил.

В наши дни остров необитаем, а еще совсем недавно Мокои был ритуальным центром, где маори чтили свою самую ценную сельскохозяйственную культуру, единственную привезенную с Гавайки, которая прижилась здесь, кумару (сладкий картофель).

Из всех маори арава лучше всех возделывали кумару. До сих пор представители этого племени знают свыше сорока названий различных разновидностей сладкого картофеля, хотя в наши дни — и то не везде — выращиваются лишь три вида кумары — *торомахе*, *хутихути* и *пеху*.

Я полагал, что обнаружу на Мокои какое-нибудь святилище, посвященное кумаре, но увидел лишь грубо отделанную статую, которую местные жители называют *Матуа Тонга*. В первый момент мне показалось, что эта каменная статуя своим бесформенным телом напоминает сладкую картофелину. А может быть, это действительно так и было...

Жрецов, которые когда-то совершали обряды кумары, уже нет, и мне остается записать лишь одну из священных песен, исполнявшихся «в честь» сладкого картофеля. Ее пели жители Мокои, когда сажали кумару: *«Уэ, Уэа, Уэ, Уэа те тити о те руа, киа ту тангатанга те ара ки Мокои...»*

Раньше арава, а также представители других племен приезжали сюда издалека, чтобы перед уродливой статуей исполнить танцы, которые должны были обеспечить высокий урожай сладкого картофеля. Со всех концов Новой Зеландии привозили на Мокои клубни кумары. Жрецы произносили над ними молитвы, после чего «делегаты» терли свои картофелины о торс статуи.

Матуа Тонга, как правило, исполняла желания па-

ломников. И вместе с увеличением удельного веса сладкого картофеля в сельском хозяйстве новозеландских маори росло значение острова Мокои и его необычной скульптуры.

От Матуа Тонга я по заросшим тропинкам направляюсь в глубь островка. Это была очень интересная прогулка. Мокои — продукт вулканической деятельности земли. Островок в буквальном смысле слова подогревается, и на Мокои произрастают деревья, кустарники и цветы, которые могут существовать лишь в более теплом климатическом поясе, чем тот, где расположена Новая Зеландия. Особенно удивляют густые заросли редко встречающегося на большом острове бамбука, где трещат сотни никогда не умолкающих цикад! «Адская» земля образовала на Мокои замечательное термальное озеро, о котором я слышал еще в деревне Ротоухио.

На озере есть ворота с замечательной резьбой, изображающей крепко обнявшихся мужчину и женщину. Естественно, я поинтересовался, кто здесь изображен. Мне ответили: Тутанекаи и Хинемоа.

История их любви напомнила мне шекспировских Ромео и Джульетту. И Мокои, в моем представлении, перевоплотился в Верону Южных морей. Однако местных Ромео и Джульетту разделяла не вражда ненавидящих друг друга родов. Это был социальный барьер, который играл в Полинезии огромную роль.

Хинемоа была дочерью верховного вождя племени арава — Умукарии. Выделялась она не только знатностью, но и красотой; ее сравнивали с серебристой луной, каждый вечер купающейся в водах озера. Тутанекаи происходил из значительно менее родовитой семьи. Он жил на Мокои с отцом, матерью и тремя неженатыми братьями. Выращивал картофель, сражался и при этом всегда был одинок.

Однажды Умукариа созвал в деревню всех воинов племени арава. И тогда Тутанекаи увидел дочь вождя. Он посмотрел на нее, она — на него. Соединились их взгляды — слились и сердца. Но они не обмолвились друг с другом ни единым словом.

Когда Тутанекаи вернулся вместе с братьями к себе на остров, то они не могли говорить ни о чем другом, кроме как о Хинемоа. Один брат сказал:

— Она кивнула мне.

Второй ответил:

— Это она дала мне знак, а не тебе.

А третий засмеялся:

— Вы ошибаетесь, дорогие мои братья, Хинемоа избрала меня.

И лишь Тутанекаи не сказал ни слова. Он не стал хвастать, потому что не стремился добиться благосклонности красавицы. Тутанекаи полюбил Хинемоа. Каждый вечер он приходил на берег Мокои и играл на флейте для дочери вождя самые прекрасные песни.

Вместе с Тутанекаи на берег приходил и его друг Тики, который трубил в рог. Звук рога позднее стал для влюбленных сигналом, по которому Хинемоа должна была плыть на остров.

Умукариа, которому дочь открыла свои чувства, даже и слышать не хотел о свадьбе. Он приказал убрать все лодки, чтобы Хинемоа не смогла переправиться на Мокои.

И действительно, когда она, услышав голос рога, подошла к берегу Роторуа, то не нашла там ни одной лодки. Тогда девушка бросилась в воду, чтобы вплавь добраться до далекого Мокои. С обоих боков она привязала по три пустых кокосовых ореха и поплыла к острову, где ее ждал Тутанекаи.

Когда она, смертельно уставшая и замерзшая, вышла на берег, то увидела маленькое озерцо с горячей водой. Это было как раз то, что ей больше всего сейчас нужно!

Вскоре после этого к озеру подошел Тики, чтобы набрать горячей воды для своего друга. Но тут из озера вынырнул кто-то и разбил кувшин. Тики вернулся за новым кувшином, но повторилась та же история.

И тогда за водой отправился сам Тутанекаи. Лунный свет пробивал легкую завесу облаков. Юноша нашел горячий источник и вдруг обнаружил в нем нагую девушку.

— Это ты, Хинемоа? — спросил он.

— Я, — ответила девушка.

Они обнялись и стали мужем и женой.

С тех пор арава называют это озеро Источником Хинемоа. Они берут из него воду и купаются в нем, вспоминая о великой любви, которая расцвела здесь и благодаря которой Мокои можно назвать теперь Вероной Южных морей.

В деревню гейзеров, термальных озер и черной грязи я вернулся еще раз. И вновь прошел под деревенскими воротами, пересек миниатюрный «Карлов мост», долго стоял перед шедевром маорийского искусства — «домом племени» местных арава — тухоуранги.

Так же как и все в этой «адской» стране, «дом племени», точнее, сюжет, изображенный на его стенах местными резчиками, связан с вулканической областью. В своих представлениях арава населили огнедышащую землю не порождениями ада, а — как это ни странно — феями.

Одна из них, Курангаитику, жила когда-то в окрестностях Уакареварева. Причем эти «местные феи» совсем не такие, как их представляем себе мы по сказкам. Согласно легенде, Курангаитику в несколько раз выше человека среднего роста, у нее очень длинные и некрасивые руки, а вместо губ — жуткий птичий клюв. Это произошло потому, что она ловила в лесах Уакареварева попугаев.

Одна из таких охот стала для Курангаитику роковой. В тот момент, когда своим клювом фея добывала несчастную птицу, в ее тело вонзилось копьё. Но человек не может убить фею. Она вытащила копьё и стала искать того, кто ее ранил. Оказалось, что это охотник с острова Мокои — Хатупата.

Курангаитику никогда еще не видела мужчин. А Хатупата был красивым и статным юношей. Она обняла его своими огромными руками и отвела к себе в пещеру, чтобы навсегда оставить у себя, служить ему, отдавая все, что у нее есть, включая и саму себя.

Лишь одного не дала ему фея. Того, чего человек жаждет больше всего, — свободы. И поэтому однажды, когда Курангаитику охотилась в рощах Уакареварева на своих попугайчиков, Хатупата сбежал из пещеры. Он знал дорогу на Мокои, которая вела через озера, болота и поля гейзеров.

Но у феи — охотницы за птицами среди пернатых была пташка-подруга — *пиро рира*. Увидев убегающего Хатупату, она рассказала обо всем своей хозяйке.

Курангаитику страшно разгневалась. Слепленная ревностью, она бросилась вдогонку за человеком, который ей изменил. На пути ей встречались болота, но, не

разбирая дороги, она бросилась напрямик через них. Лишь несколько шагов отделяли ее от беглеца. Несколько последних шагов. Но один из них стал последним. Здесь, в Уакареваре, почва коварна. Она не выдержала тяжести тела феи, длинные ноги которой провалились в топь. Курангаитику стало затягивать, она прощалась с жизнью, а Хатупата, человек, которого она любила, даже не обернулся...

Об истории маорийской русалки и охотника мне рассказали стены «дома племени» — тухоуранги. Вообще «дома племени», украшенные сюжетами различных легенд (наподобие рассказа о несчастной любви Курангаитику), на мой взгляд, — лучшие образцы маорийской архитектуры и искусства резьбы по дереву.

Маори прибыли в Новую Зеландию, расположенную в умеренном климате, с Гавайки, своей древней родины, о которой они сложили столько восторженных песен. Новый дом маори — «Страна длинного белого облака» — тоже приготовил полинезийцам немало приятных сюрпризов. Одним из лучших и наиболее ценимых были густые зеленые леса, в которых росли огромные великолепные деревья, такие, которые обитателям тропической Полинезии даже и не снились. Древесные породы тотари и каури превосходили все самые смелые ожидания полинезийских резчиков по дереву, строителей, корабельных дел мастеров.

Лучшей породой дерева считалась тотари, из которой, кстати, построен «дом племени» в Уакареваре и некоторые другие строения в близлежащей деревне аравы Охинемуту, куда я направился, чтобы поближе познакомиться с архитектурой и резьбой маори.

В Охинемуту я тоже решил прежде всего осмотреть «дом племени». Названный в честь «первого» аравы — Тама Те Капу, он рассказывает своей резьбой о плавании «Аравы» с Гавайки в Новую Зеландию. Как и другие подобные дома, он имеет четырехугольное основание и двускатную крышу, которая спереди перекрывает само здание, нависая над площадкой перед ним. Фасад поддерживает великолепно обработанный столб — *поу таху*. По-существу, это деревянная скульптура, изображающая самого главного предка племени или рода, которому принадлежит «дом племени». Таков же и задний опорный столб — *поу туаронго*.

Наряду с богато украшенным *поу таху*, разделяющим

веранду дома, резьбой покрыты вся передняя стена и крыша. Изображения предков можно обнаружить и в самом помещении. Изображения умерших и обожествленных вождей украшают боковые столбы, поддерживающие правую и левую стены.

Новозеландские друзья из Окленда посоветовали мне по дороге в Охинемуту осмотреть еще одно знаменитое произведение строителей и резчиков арава — христианский «Храм святой веры», расположенный на самом берегу озера. На стенах его наряду с другими изображениями можно найти и «языческое» древнее существо *маннае*, которое всегда рисовали в профиль, иногда с одним глазом и многими клювами. Тело у этого полинезийского сфинкса человеческое, а голова явно птичья. У меня все время возникало желание сравнить это маорийское изображение с Человеком-птицей рапануйцев, однако в истории Новой Зеландии нет ничего похожего на подобный культ.

Церковную кафедру в «Храме святой веры» украшают изображения, напоминающие узоры на местных тканях. Тщательный осмотр подтверждает, что это действительно так. Между «домом племени» арава и «Храмом святой веры» стоит замечательная деревянная звонница, правда, колокол ее, висевший у открытого рта скульптуры, изображающей человеческую фигуру, кто-то украл.

Перед «домом племени» резчики по дереву поставили еще один столб. Реалистические лица четырех божков, изображенные на нем, напоминают портреты королевы Виктории.

Охинемуту тоже стоит на вулканической почве. В нескольких местах земля у меня буквально горела под ногами. Прямо перед «домом племени» бьет мощная струя пара. И даже на кладбище арава в Охинемуту я столкнулся с последствиями вулканической деятельности. Так как из всех пор земли здесь струится пар и сочится вода, то местным жителям приходится строить склепы не из дерева, которое идет на строительство жилья, а из непривычного для них материала — цемента.

После посещения «дома племени», построенного в честь Тама Те Капу, необычной церквушки и еще более необычного кладбища я возвратился в Роторуа, чтобы сразу же отправиться в «показательную» маорийскую деревню Ротовио. Арава возвели ее специально, чтобы продемонстрировать чужеземцам все чудеса своего строи-

тельного искусства. Называя населенные пункты маори деревнями, я выражаюсь не совсем точно. До недавнего времени это племя было буквально охвачено манией войны. Поэтому большинство местных жителей даже после колонизации долго еще жили в крепостях, возводившихся, как правило, в труднодоступных местах — на вершинах холмов и гор, крутых берегах рек, островах озер и т. д. Подобные крепости маори называли *па*, а неукрепленные населенные пункты — *каинга*.

Крепости-деревни — это тоже открытие маори. На своей первоначальной родине — в тропической Полинезии — островитяне, собственно, и не строили настоящих поселений. Каждая семья устраивалась поближе к своим кокосовым пальмам, хлебным деревьям и полям, засеян-ным таро.

Крепость Ротовио, в которой я сейчас нахожусь, возвышается на берегу реки Пуренга на месте старого укрепления. Деревня начинается великолепными, украшенными богатой резьбой воротами. За ними находятся несколько характерных маорийских строений. «Дома племени» я уже видел в Охинемуту и в Уакареваре. Ротовио же демонстрирует посетителям, скорее, «светскую архитектуру» — жилые дома, хижины, в которых островитяне селились и иногда живут до сих пор.

Маори живут не в одной, а сразу в нескольких хижинах, причем каждая служит здесь своим целям. В первой — *варе пуни* — арава спят. Во второй — *пакате*, опирающейся на низкие сваи, так что между полом и землей остается пространство, хранятся продукты. Подобные же украшенные богатой резьбой пакате я видел в Оклендском музее. Они, правда, были перенесены туда из северной части «Страны длинного белого облака», но хижины-хранилища арава очень похожи на них. Размеры хижин — примерно три метра на четыре.

Наряду со «спальнями» и «кладовками» маори иногда строили и кухни. Но чаще они готовили пищу вне дома, на открытых очагах. Благоприятные природные условия позволяют местным жителям использовать кипяток вулканических родников.

В любом случае одну привычную для нас квартиру маори заменяют тремя, а то и четырьмя сооружениями. Но больше спальни, кухни и кладовой маори ценят туалет. Эта еще одна часть жилища, пожалуй, самая «священная». Причем не только в Новой Зеландии. Почита-

ние туалетов — традиция, связанная со старой родиной маори — Гавайки.

Так, например, каноэ «Такимуту» — одно из тех судов, что доставили с Гавайки в Новую Зеландию первых переселенцев, — прежде чем спустить на воду, положили поперек туалетной ямы. В легенде о другом каноэ, «Аотеа», говорится, что его капитан, Тури, после прибытия в Новую Зеландию построил деревню на реке Патеа. И первым сооружением, возведенным здесь, был туалет.

Туалеты часто строились как коллективные: они служили для всех жителей укрепленной деревни. В этих случаях их сооружали не по соседству с жильем, а ближе к окраине деревни, чаще всего над обрывом, ее защищавшим.

Преимущества подобного гигиенического сооружения, с точки зрения маори, сводились на нет из-за того, что люди, занимавшиеся черной магией, собирали на склонах обрыва кал тех, кому хотели навредить. И чтобы пресечь это зло, маори объявили человеческие экскременты строжайшим табу.

В Ротовио «священных» туалетов я не видел. Вероятно, местные арава посчитали неудобным демонстрировать перед белыми людьми подобные заведения. И тем не менее Ротовио широко раскрыло передо мной все разнообразие маорийской архитектуры.

Но еще больше, чем умение строителей, меня поражал талант резчиков по дереву, чья работа украшает не только столбы и окна «домов племени», но практически и каждую маорийскую постройку.

Причем все маори считают, что арава — самые искусные мастера из всех новозеландских племен. А среди самих арава особенным умением отличаются представители рода Нгати Тараваи. Резчик из этого рода — Араха считается лучшим мастером резьбы.

Главный герой изображений резчиков арава — это человек и его дела. А самый распространенный орнамент — спираль. Должен сказать, что спиралевидный мотив меня поразил, так как нигде в других частях Полинезии, в том числе и на Раиатеа, откуда пришли предки первых новозеландцев, он совершенно неизвестен. Вершина искусства маорийского орнамента — двойные спирали, особенно те, что были созданы резчиком Арахой.

Репутация здешних резчиков так высока, что правительство Новой Зеландии приняло решение создать в Ротовио центр, который сохранял бы и развивал самобытное национальное искусство.

Посещение этого центра — маорийской школы резчиков по дереву — относится к самым ярким впечатлениям моих полинезийских путешествий. Я был искренне обрадован, увидев, как много молодых маори, съехавшихся сюда с обоих новозеландских островов, с горячим увлечением постигают тайны резьбы по дереву.

С восхищением осматривал я в Ротовио и скульптуры Тики. В большинстве своем это человеческие фигуры выше нормального роста, изображающие, по представлениям маори, первого обитателя земного шара. Здесь, в школе резчиков, ученики вырезают Тики для различных маорийских деревень.

Так как школа субсидируется новозеландским правительством, то ни учителям, ни ученикам не приходится заниматься «серийным» производством и выпускать безвкусные сувениры. В наше время произведения резчиков арава из ротовийского центра пересекли границы Новой Зеландии и заняли достойное место на различных художественных выставках во многих странах. Повсюду они вызывали заслуженное восхищение.

Уважение, с которым и в наши дни маори относятся к резьбе по дереву, коренится, вероятно, в том, что оно было «благословлено богами». Раньше резчиком по дереву мог быть лишь тохунга, жрец, точнее, человек, знающий религиозные обряды и обладающий талантом художника.

Первый резчик получил для занятия этим ремеслом якобы согласие богов. Произошло это еще на Гавайки, где местный житель Мутуваитеко взял в руки резец и украсил великолепной резьбой внешние и внутренние стены своей хижины. Замечательная работа Мутуваитеко заинтересовала Тангароа — бога морей. Он без приглашения вошел в его хижину и сразу же заметил, что у стены стоит вождь, тело которого покрыто богатой татуировкой.

Бог приблизился и по маорийскому обычаю, приветствуя человека из знатного рода, прижался к нему носом. Но как же он удивился, когда обнаружил, что великолепно разукрашенный человек вырезан из дерева! Бог не хотел поверить своим глазам: неужели простой смерт-

ный, каким был Мутуваитеко, способен совершить такое чудо? В конце концов он повелел мастеру продемонстрировать свое искусство родственникам и соседям.

Так, среди будущих маори начала распространяться резьба по дереву. Изображения Мутуваитеко постоянно встречаются на маорийских резных портретах. У него будто бы на руках было всего по три пальца. И до наших дней у маорийских статуй и изображений на столбах «домов племени» всего лишь по три пальца.

Резчиков и строителей домов «благословляли боги». И древесина, материалом, которым они пользовались, была «священной». Ведь деревья — это дети бога Тане. Поэтому и на строителей, и на сами постройки распространялись различные табу. Снять табу и «освятить» дом можно было лишь с помощью особого обряда, который маори называли *каванга варе* — «сделать дом доступным». Это очень сложный ритуал, которым руководили самые опытные тохунги. Здесь, в Роторуа, Охинемуту, Уакареваре, арава считают самым лучшим «открывателем домов» нашего века тохунгу Тауа Тутенакеиэ Хаэрехуку.

Маорийский ритуал каванга варе состоит из трех частей. Сначала тохунга обращается к лесным птицам, которые, как считают маори, являются стражами «священных» деревьев бога Тане. Потом он, исполняя «священные» песни *каракиа*, отменяет табу, распространяющееся на все предметы, которыми пользовались строители и резчики по дереву при возведении дома.

Во время третьей, самой важной, части обряда жрец «освящает» сам дом. И так как под страхом самых суровых наказаний в еще не «открытую» хижину не могли входить женщины, то тохунга первым вводил в дом женщину знатного происхождения — жену или дочь вождя. После этого в хижину могли войти и другие женщины. Обряд на этом заканчивался.

Я не знаю, «открывают» ли этим торжественным ритуалом свои дома маори в наши дни. Но я уверен теперь — и поездка к племени арава меня окончательно убедила, — что маори и до сих пор живут во многих украшенных прекрасной резьбой домах. Эти хижины, шедевры народной архитектуры, — лучшие образцы тех, которые я где-либо видел. Они помогают познать и понять жителей маленьких деревянных дворцов этой «деревянной страны».

Я пробыл в стране арава немало времени. Я считаю это племя самым замечательным на острове Северный Новой Зеландии. Однако маори жили — хотя и в меньшем количестве — и на острове Южный, который они называли *Те Ваи Поунаму* — «Страна нефритовой воды». Здесь, в реках и фьордах, первые маори нашли удивительный камень, который у себя на родине, Гавайки, никогда не встречали, — благородный нефрит.

На Те Ваи Поунаму я переправился из Веллингтона, расположенного прямо на берегу пролива Кука, который разделяет оба новозеландских острова. Чтобы попасть туда, я вернулся из Роторуа в Уаиракеа, затем последовал еще дальше на юг, к крупнейшему новозеландскому озеру Таупо, берега которого населяет другая ветвь потомков экипажа «Аравы» — те, что ведут свое происхождение от великого тохунги Нгато Рои Ранги. Они тоже арава, однако к федерации остальных аравских групп не присоединились.

От Таупо на юг через Тонгариру, Нгаурухоэ и Раупеху и далее по сужающемуся южному мысу острова Северный до пролива Кука идет живописнейшая дорога в столицу Новой Зеландии — Веллингтон.

Из Порт-Николсона — гигантской бухты, вокруг которой на крутых склонах раскинулись жилые кварталы Веллингтона, я хотел переплыть на остров Южный, воспользовавшись теплоходом, который ежедневно перевозит пассажиров и грузы через пролив Кука. Корабль этот носит звучное маорийское название — «Арамоана» («Морская дорога»). Я видел его на открытках и рекламных изданиях новозеландского туристического бюро — грациозный белый корабль, скорее увеселительный прогулочный лайнер, чем прозаический паром.

Приехал я в Веллингтон вечером, а на следующее утро отправился в порт посмотреть на «Арамоану» и увидел ее лежащей на боку. Накануне моего приезда сюда в заливе Кука бушевал торнадо, настолько сильный, что прямо здесь, на рейде, у самого Веллингтона он подхватил «Арамоану» и швырнул ее на мол. Погиб не только корабль, но и сто пятьдесят его пассажиров.

«Арамоана» совершала рейсы ежедневно. И если бы я приехал в Веллингтон на день раньше, то мог бы оказаться среди жертв смертоносного торнадо. Через про-

лив Кука курсирует еще один корабль. Однако вид погибшей «Арамоаны» был слишком впечатляющим. Поэтому я достал свой тощий бумажник, сел в самолет и после беспокойного перелета вступил в «Страну нефритовой воды» недалеко от самого ее крупного города — Крайстчерча.

В Новой Зеландии много замечательных городов — Окленд, Веллингтон — Сан-Франциско Южных морей — и, наконец, Крайстчерч. Англичане утверждают, что это самый английский город в Новой Зеландии. Его архитектура и бесчисленные английские парки действительно очень напоминают Англию.

Я не говорю даже о том, что английские колонисты, которые основали Крайстчерч в 1850 году — так что этот город сравнительно молод, — назвали реку, протекающую через Крайстчерч, Эйвон, а долину, окружающую его, — Кентербери плейнз. Да и вообще вся эта область острова Южный называется Кентербери.

Местный университет отличается высоким уровнем проводимых здесь исследовательских работ. Университет, а также богатый этнографическими и археологическими коллекциями Кентерберийский музей интересовали меня больше всего. К Крайстчерчскому университету я испытываю чуть ли не личную симпатию, потому что там учился один из полинезийцев, которого я глубоко уважаю. Это — прекрасный этнограф Те Ранги Хироа, основатель младомаорийской партии, ставший впоследствии директором крупнейшего этнографического музея Океании, расположенного в Гонолулу.

Вместе с Те Ранги Хироа в Крайстчерче работал и другой выдающийся новозеландец — будущий лауреат Нобелевской премии сэр Эрнст Резерфорд.

Из Крайстчерча через Кентерберийскую долину, где пасутся лучшие в мире овцы, я отправился в центральные районы Те Ваи Поунаму. Равнина начала слегка приподниматься, а на горизонте все явственней стали вырисовываться великолепные цепи гор — Южные Альпы.

Оставив позади Кентерберийскую долину, дорога переползает через первую, еще не высокую горную гряду и выходит на плато Маккензи. Это название напоминает об авантюристе, который во время золотой лихорадки, охватившей во второй половине XIX века остров Южный, занялся весьма прибыльной «коммерцией». Он во-

ровал у колонистов Кентерберийской долины овец, переправлял их через холмистую грядку туда, где еще не знали ни белых овец, ни белых фермеров, но зато было золото и золотоискатели, и обменивал там овец на драгоценный песок.

Эта торговля процветала, к сожалению для Маккензи, весьма недолго. Вскоре он оказался за решеткой. Но успел исследовать эти — в наши дни довольно пустынные — места и дать им свое «преступное имя».

На плато Маккензи всюду заметны остатки продвижения ледников — морены и озера. Но наш автобус каждый раз останавливается лишь на короткое время, чтобы путешественники смогли сделать несколько снимков, и вновь отправляется в путь. Постепенно он пустеет. Я выхожу на «конечной остановке», которая называется «Эрмитаж». Это центр Южноальпийского национального парка, и здесь можно найти вполне приличное жилье.

«Эрмитаж» расположился прямо у подножия самой высокой горы Южных Альп, главной вершины Новой Зеландии — горы Кука, или, как ее называют маори, Аоранги. Скоро наступит вечер, но мне повезло — величественная вершина Аоранги, покрытая вечным снегом, горит в лучах заходящего солнца. Больше я уже не видел эту гордую, неприступную вершину маорийской страны в таком великолепии!

От «Эрмитажа» я отправился к другой, более доступной красавице Южных Альп — горе Серфон. С высоких террас, напоминающих огромные гирлянды, свешиваются ледяные ковры зеленоватого цвета, толщина которых достигает сотен метров. На склонах горы Серфон я несколько раз наблюдал низвержение огромных лавин, падающих с невероятным грохотом. Пару раз эта канонада даже будила меня ночью.

На неприступную Аоранги я, естественно, не поднимался, зато побывал на нескольких ледниках. И прежде всего на леднике Тасмана, одном из самых больших на нашей планете. В «Эрмитаже» я взял напрокат альпийский ледоруб и горные ботинки, которых у меня не было, и отправился в путь. На первый взгляд знаменитый ледник меня, честно говоря, разочаровал. Он весь был покрыт камнями и пылью. Но когда я вонзил ледоруб в темную поверхность, сразу же сверкнул лед. Я побывал еще на двух ледниках Южных Альп. Один из них назван ледником Мюллера, в честь бывшего директора Мель-

бурнского ботанического сада, а другой получил имя ботаника Хукера.

На склонах Аоранги, Серфона и других горных великанов, у ледников, морей и бешеных рек Южных Альп я пробыл несколько дней. А потом вновь отправился в путь. Мне хотелось побывать на западном берегу Те Ваи Поунаму. Аоранги — центр горной системы, начинающейся, собственно, у Рангитаты и заканчивающейся у реки Ваитака. Ни одной дороге пока что не удалось преодолеть эту стопятидесятикилометровую горную цепь, поэтому мне пришлось двинуться в объезд. И я отправляюсь на юг, в страну знаменитых новозеландских озер. Автобус пересекает пустынную местность, где жили когда-то золотоискатели, промывавшие драгоценный металл в реке Клут.

Клондайком новозеландских золотоискателей считался городок Куинстаун на озере Вакатипу. Там я задерживаюсь на несколько дней. И не ради романтического прошлого города, не ради пахнувшей порохом и золотом истории, а из-за его удивительного месторасположения. Вакатипу, бесспорно, одно из красивейших новозеландских озер. Прямо против Куинстауна над ним вздымается белоснежный гребень так называемых хребтов Ремаркейблз. А великолепная вершина горы Эрнслау замыкает северную часть этого живописнейшего озера.

К горе Эрнслау мы отправились на прогулочном суденышке. Само озеро мне еще раз удалось увидеть с горных склонов, нависших над Куинстауном, куда ведет из городка подвесная дорога. На следующий день я снова сел на катер и продолжил свой путь к порту Кингстон на южном берегу озера Вакатипу.

Всего в нескольких десятках километров от Кингстона лежит совершенно неинтересный, но важный узловой пункт этой части острова Южный — Ламсден. Ниже расположен самый южный город Южных морей и, как утверждают, вообще самый южный город на земном шаре, ворота Антарктиды, холодный порт китобоев и полярных экспедиций — Инверкаргилл.

Мне хотелось побывать и на других озерах этой холодной земли, а также на западном берегу Те Ваи Поунаму. Я отправляюсь к лежащему в ста километрах от Ламсдена озеру Манапури — красивейшему в Южном полушарии.

Оно намного спокойнее драматического Вакатипу,

хотя и над ним повисли гирлянды высоких террас. На карте берега озера Манапури выглядят весьма изрезанными — миля за милей разрывают их глубокие заливы и бухты, а по поверхности озера разбросаны десятки островков. С трех сторон Манапури окружают дикие, непроходимые леса и обширные опасные болота. Повсюду чувствуется близость Антарктиды. Все здесь выглядит холодным и надменным. И даже благородная красота озера строга как-то по-северному.

Я отправляюсь на катере «Фьорлендер» в самый дальний залив острова — в его Западный рукав. Здесь я стал ожидать тяжелые грузовики, которые по недавно проложенной горной дороге через высокогорный и опасный перевал Вилмонт доставляют с Западного рукава строительный материал для электростанции.

Водитель одного из этих грузовиков посадил меня, и после тяжелого подъема мы оказались на перевале. Я вышел и замер на месте, не в силах промолвить ни слова и не веря своим глазам. Внизу с обеих сторон раскинулся самый поразительный ландшафт нашей планеты. В скалистый юго-западный берег Те Ваи Поунаму вонзились когда-то могучие ледяные поля. Миллионы тонн льда нанесли берегам незаживающие раны, которые угадываются и где-то глубоко под водой.

Когда время ледников прошло, то всю эту местность залило море, превратив ее в знаменитые на весь мир новозеландские фьорды! Их немало, у всех очень сложные очертания, и почти все они неприступны. Особенно сильно изрезан фьорд, который расположен прямо под перевалом. Путешественникам и картографам было так трудно разобраться во всех его бесчисленных складках, заливах, протоках, поворотах, рукавах и ответвлениях, что они назвали его Даутфулл — «странный, загадочный».

Неприступность фьордов, дикое море, антарктические бури, полное отсутствие дорог и непроходимые леса спасли, к счастью, этот удивительный мир от последствий человеческой деятельности. Правда, красота одного из фьордов, загадочного Даутфулла, как это ни печально, скоро померкнет. В конце фьорда строится большая гидроэлектростанция. И она убьет одним ударом не двух зайцев, а дважды уничтожит красоту Даутфулла и озера Манапури, из которого по подземному каналу на станцию будет поступать вода.

Она, конечно, пустит в ход турбины, которые зажгут

в «Стране нефритовой воды» миллионы огней. Но один огонек потухнет — свет великого озера. Уровень Манапури понизится на несколько десятков метров. И мне жаль этой красоты.

С перевала Вилмонт, возвышающегося над загадочным фьордом, после короткой остановки, которую сделал водитель грузовика, мы спускаемся на строительную площадку будущей электростанции.

Наряду со строящимся энергетическим гигантом мое внимание привлек огромный корабль, как-то странно выглядевший в этом заброшенном новозеландском фьорде. Мне вскоре объяснили, в чем дело. Проектировщики электростанции подсчитали, что строить жилые дома здесь, где доставка каждого килограмма груза сопряжена со значительными трудностями, экономически невыгодно. Поэтому они купили списанный теплоход, завели его в фьорд, и теперь в бывших каютах миллионеров живут подрывники и бетонщики. А рядом с белоснежным красавцем отдыхает и несколько гидропланов — это самое удобное средство сообщения от одного фьорда к другому.

От Даутфулла уже на другой машине я через перевал Вилмонт вернулся к Западному рукаву Манапури. Оттуда перебрался в небольшое поселение на восточном берегу и отправился в путь по направлению к третьему из знаменитых озер острова Южный — Те Анау.

Это озеро намного больше Вакатипу и Манапури. Расстояние до прибрежной деревеньки, где я собирался провести ночь, не больше двадцати километров, так что дорога предстояла неустойчивая, и после ужина я решил побывать еще в пещере Те Ана Ау. Меня давно интересовала связанная с ней легенда. Как и все на этом двойном острове, она имеет отношение к его первоначальным обитателям — маори.

Хотя полинезийские обитатели Те Ваи Поунаму знали это место еще несколько сот лет назад и оно носит то же название, что и само озеро, тем не менее пещера эта была вновь открыта сравнительно недавно — в 1948 году.

Те Ана Ау лежит на противоположном берегу озера, довольно далеко от того места, где мне предстояло провести ночь. Поэтому мы — несколько нетерпеливых иностранных туристов — нанимаем катер. Проходит больше часа, прежде чем он причаливает у небольшого мостика

на западном берегу. Сходим с катера, и гид ведет нас к находящемуся в нескольких десятках метров от берега входу в пещеру.

Через нее протекает подземная река, которая несет свои воды из расположенного высоко в горах озера Орбелл. Рядом с рекой есть и водопад. Однако главная туристическая достопримечательность этого каменного мира — большой зал, в который можно попасть только по подземной реке. Под сводами зала обитают колонии светящихся личинок особой местной мушки. Если я не ошибаюсь, то древние обитатели Те Ана Ау называли ее *пуратоа*. Эта мушка будто бы выпускает, наподобие паука, который тклет свою сеть, длинную ленточку липучки. К светящейся ленте прилипают мушки, которые также обитают в пещере и служат пищей для светящихся личинок. Но достаточно малейшего шелеста или вспышки лампы, как пуратоа уходят в свои гнезда и гаснут. Так по крайней мере я понял из объяснений нашего гида.

Вид с лодки, на которой мы добрались до зала светящихся личинок, был фантастическим. Потолок сияет тысячами микроскопических фонариков, как во время китайского праздника. А вокруг волшебная, таинственная тишина. Даже издававшие все на свете американские туристы затаили дыхание. Гид нас не торопит, и мы сидим в лодке, с восхищением разглядывая самое удивительное «небо» в мире.

Когда мы возвращались холодной ночью на катере в свою деревню, все молчали. Мы смотрели на высокие звезды, горевшие в ночном небе Южного полушария. Небосклон был чистым и высоким. Но — да простят меня астрономы — свод пещеры, озаренный тысячами огоньков, показался мне прекраснее...

Но вот и прошла эта ночь, полная звезд и светящихся пуратоа. Я последний раз сел в автобус. После войны наконец-то было закончено строительство дороги и туннеля, соединяющего Те Ана Ау с красивейшим из новозеландских фьордов — Милфорд Саунд.

Дорога идет сначала вдоль восточного берега озера, потом пересекает Эглитонскую и Холлифордскую долины, петляя вдоль русел рек того же названия. С обеих сторон тянутся живописные горы. Мы поднимаемся до высоты тысячи метров, где начинается туннель Гомера. Это замечательное сооружение соединило долину реки

Холлифорд с долиной реки Кледдау. Туннель назван не в честь древнегреческого поэта, как это можно предположить, а новозеландского инженера, который в начале XX века предложил его проект. Однако прошло несколько десятилетий, прежде чем он был осуществлен.

Преодолев туннель, длина которого превышает километр, автобус спускается в Кледдаускую долину. Небольшая горная речка несколько раз пересекает дорогу; она пенится и грохочет, но путешественнику некогда обращать на нее внимание. Ибо природа была так щедра при создании окружающего мира, что любая гипербола, любая превосходная степень покажется здесь недостаточной. Мне, естественно, и раньше приходилось слышать о фьорде Милфорд Саунд и окружающих его ландшафтах. Но теперь, когда я увидел в «Стране нефритовой воды» величественные Южные Альпы, ледник Тасмана, знаменитые озера — дикое Вакатипу и нежное Манапурри, загадочный фьорд Даутфулл и светящуюся пещеру Те Ана Ау, после всего этого я уже не верил, что может существовать место, красоты которого превзошли бы все до сих пор виденные мной чудеса новозеландской природы.

И все же такое место есть! Называется оно Милфорд Саунд. Этот великолепный изумрудный фьорд прорезает дикие горы, среди которых есть и «трехтысячник» Тутуко, поднимающийся прямо из морских глубин, и его соседи — пики Патуки и Каретаи. Но над всем этим господствует Митр Пик, вздымающийся на высоту полутора километров, как называли его туристы.

Длина его составляет примерно шестнадцать километров. При этом он настолько узок, что солнечные лучи редко достигают поверхности воды.

В конце фьорда был недавно построен современный отель, где имеется свой катер. На следующий день я подъехал на нем к подножию Митр Пика. С окружающих гор низвергаются ледяные потоки. В волнах, бегущих за катером, играют тюлени: ведь мы находимся не вдалеке от Антарктиды. Цвет морской воды постоянно меняется: время от времени сквозь облака пробьется редкий солнечный луч, окрашивая воду в густую синеву, но, как только он тухнет, море вновь становится темно-зеленым. Поверхность воды уже не такая гладкая, какой она была в глубине фьорда: наш катер приближается к устью. А море здесь никогда не успокаивается, ибо тут

уже кончается «Страна нефритовой воды». Новая Зеландия — мир полинезийских маори. А за ним бегут морские волны — преддверие противоположного полюса Земли — Антарктиды с ее льдами и метелями.

«ОНИ ВЫМЕРЛИ, КАК ПТИЦЫ МОА»

Милфорд Саунд украшают не только огромные водопады, крутые скалы и зеленая вода. Такого же зеленого цвета и великолепный нефрит, который на берегах фьорда нашли коренные жители Новой Зеландии и притом в большем количестве, чем где-либо в другом месте. Именно здесь маорийское имя острова Южный — Те Ваи Поунаму оправдывает себя наиболее полно.

Нефрит в Милфорд Саунде обнаружили охотники за туленими. Они бросили охоту, нагрузили свои широкие лодки драгоценным камнем и отправились в Китай, где хотели продать «маорийское золото». Но тщетно. Китайцы ценили светлый нефрит, непохожий на новозеландский.

Здесь, в стране фьордов, да и выше, на западном берегу острова Южный, исследователям известны еще несколько мест, где коренные жители находили драгоценный камень — это устье речки Парорари, залив Которапи, долины рек Теремак и Рима.

Нефрит — *Хеи Тики* — был первым сувениром маори, который я держал в руках. Новозеландская авиакомпания «Эйр Нью Зиленд», на самолете которой я совершил перелет из Сувы в Окленд, дарит его пассажирам транстихоокеанских рейсов.

Имя Тики знает каждый, кто прочитал хотя бы одно более или менее серьезное исследование, посвященное Полинезии. В религиозных представлениях местных жителей Тики — первый человек, родоначальник людей на Земле, родителями которого были боги.

Образ Тики сопровождал и до сих пор сопровождает маори почти на каждом шагу. В одних случаях огромный деревянный Тики украшает вход в деревню, в других очень маленький, но тоже деревянный, — сторожит «священные места», предупреждая о табу.

Хеи Тики изготовляли, как правило, из нефрита. Лишь в исключительных случаях маори вырезали его из костей кита. Слово «хеи» означает «шея». Не случайно

одно из самых своих любимых украшений, нефрит, маори действительно носят на шее. Размеры Хеи Тики колеблются от пяти до пятнадцати сантиметров. Фигурка представляет собой сидящего Тики с вывернутой головой. Особенно тщательно проработано лицо Тики с большим ртом, выразительным носом, широко раскрытыми глазами и подчеркнутыми надбровными дугами.

О том, каково истинное назначение этого украшения, до сих пор дискутируют ученые, исследующие культуру Полинезии. Одни считают, что это — символ плодородия, другие видят в нем выражение культа предков, третьи — проявление веры в перерождение. Ничего более определенного по этому поводу сказать, к сожалению, нельзя.

В наши же дни маори носят свою традиционную брошку, как мне кажется, не в силу каких-либо религиозных побуждений, а просто из чувства национальной гордости, любви к своему народу и его культурному наследию.

Хеи Тики стал символом Новой Зеландии. Его носят и белые люди, носил его на острове Южный, в «Стране нефритовой воды», и я. А сейчас бережно храню его, и иногда мне бывает жаль, что положение уважаемого научного работника не позволяет мне появляться с нефритовым украшением на груди.

Конечно, Хеи Тики не единственный предмет, который изготавливали маори из своего замечательного камня. Мне хотелось бы упомянуть еще *мере* — «топор вождей».

Аборигены Новой Зеландии верили, что *поунаму* — принадлежность в первую очередь знатных представителей рода. У маори бытовала даже поговорка: «Три вещи украшают вождя: оружие из нефрита, накидка из собачьей кожи и резной дом».

Такая замечательная вещь, как нефрит, по мнению маори, не могла быть простым камнем. Создать его могли только «сверхъестественные силы». И в весьма сложных религиозных представлениях первых новозеландцев говорится о богине Те Ану Матао — владычице ледяного холода, которая вышла замуж за общеполинезийского морского бога Тангароа. От этого священного супружества появилось четверо детей. Одним из них и был поунаму — нефрит. Тот самый нефрит, чьим именем назван самый южный полинезийский остров, которых находится у ворот Антарктиды.

Самое богатое месторождение поунаму находилось именно здесь, на берегах красивейшего фьорда. До прихода белых тут жило племя нгатимамоа. Но еще раньше первыми настоящими маори, пришедшими на Те Ваи Поунаму, были люди племени вайтаха. Агрессивные нгатимамоа победили и изгнали вайтаха.

В XVII веке сюда нахлынула третья волна переселенцев с острова Северный— нгайтаху. Но и они были побеждены нгатимамоа. А потом в один из фьордов этого прекрасного острова вошел на своем корабле капитан Кук. Это случилось в 1773 году. Английский мореплаватель нашел здесь маорийцев нгатимамоа, которые дружески его приняли.

В начале XIX века воины племени нгатимамоа, возглавляемые вождем Туаваикой, отбили крепость Тутурау Паа, которую до этого захватил отряд, вторгшийся под предводительством Те Паухо с острова Северный.

В 1842 году белые охотники за тюленями вновь встретились с нгатимамоа в фьорде Блай Саунд. С того времени и до наших дней не проходит десятилетия, чтобы не появились сообщения об этом маорийском племени, которое, не будучи никем истреблено, исчезло, однако, самым непонятным образом.

Золотоискатели, лесники, охотники приносили одно сообщение за другим, свидетельствующие о существовании, по их мнению, изолированной группы маори в необжитых местах юго-запада Те Ваи Поунаму. На берегу озера Те Анау был найден след босой ноги. Новозеландский врач обнаружил в скалах к северу от этого же озера берцовую кость, которая принадлежала человеку, умершему не более двух лет назад. И прочее, и прочее...

История исчезнувшего маорийского племени волнует меня с того самого момента, как я о ней услышал. Именно из-за этих потерявшихся маори я карабкался по склонам скал над озером Те Анау, спускался к Милфорд Саунду, бродил вдоль берегов озера Манапури.

Мои поиски были, конечно, напрасными еще и потому, что подобная задача требует длительных исследований всей этой труднодоступной области.

«Снежный человек Полинезии» ждет своего исследователя. Как уже было сказано, нгатимамоа никто не уничтожал. Поэтому если они не вымерли сами в лабиринтах фьордов, то где-то далеко, в неприступных лесах, еще сохранились остатки полинезийцев, сумевших в этой

части земного шара избежать контакта с современным миром.

Время от времени на поиски нгати мамоа отправляются те, кто верит в их существование. В начале второй мировой войны экспедицию, поставившую своей целью поиск пропавших соплеменников, организовал маорец Тупи Патуки — потомок вождя одного из племен острова Южный.

В 1948 году известный новозеландский исследователь доктор Орбелл действительно обнаружил в лесах самого крайнего юга Те Ваи Поунаму пропавших... птиц. Экспедиция Орбелла недалеко от озера Те Анау увидела странных птиц великолепного синего цвета, которые, как предполагали орнитологи, тоже давно вымерли. Маори этих вновь обнаруженных пернатых называют *такахе*.

Новая Зеландия вообще представляет собой рай для любителей птиц. Мне, например, больше всего нравится знаменитый киви, изображение которого украшает новозеландские монеты и почтовые марки этого государства. Наряду с серым и коричневым киви на острове живут и другие виды этих необычных птиц, например зеленые попугаи кеа, которые в отличие от существующих о них представлений — кровожадные хищники. Они, как правило, нападают на овец и заживо вырывают у своих жертв почки и кишки. И здесь же, в диком Фьордленде, живет миролюбивый родственник кеа — ночной какапу.

Самая звонкоголосая певчая птица Те Ваи Поунаму — коккримоко. Новозеландцы называют ее «птица-колокольчик», потому что пение этой птицы похоже на звон. Другим солистом является поэпоз, перья которого украшают одежду маори.

Есть еще одна новозеландская птица, которая интересна тем, что делит свое гнездо с ящерицей туатарой. Ночью в этом совместном глиняном жилище обитает птица, а днем, когда она охотится, сюда приползает ящерица, ведущая ночной образ жизни.

Это небольшое пресмыкающееся вообще довольно любопытно, но самое интересное у него — остатки третьего глаза, сохранившиеся на голове. Маори очень боятся трехглазой туатары. Они считают ее неким упырем-каннибалом. Еще Кук записал рассказ новозеландцев о «драконе», который пожирает людей. А на самом деле туатара питается лишь жуками и гусеницами. Кстати, трехглазая ящерица живет на земле уже свыше ста пя-

тидесяти миллионов лет. Эта живая окаменелость появилась здесь еще в те времена, когда Новая Зеландия была соединена с Австралией и Южной Америкой.

Охотники Те Ваи Поунаму употребляли в пищу мясо птицы моа. Это была огромная птица, часто вдвое превышавшая рост человека. Охотники истребили ее полностью. Поэтому увидеть новозеландских моа мне довелось лишь в двух местных музеях: сначала в Крайстчерче, а затем в Данидине. Оба музея гордятся коллекциями скелетов этих гигантских птиц с могучей грудной клеткой и мощными ногами, напоминающими ноги лошади. В данидинском музее я видел и прекрасно сохранившиеся яйца моа, а также описание содержимого их желудка—побегов, листьев, корней—короче, растительной пищи.

Моа явно походили на страусов эму, которых я видел во время поездки по Австралии, или на казуаров, знакомых мне по экспедиции на Новую Гвинею.

Археологические исследования острова Южный свидетельствуют о том, что птиц моа уничтожили, собственно, даже не маори, а группа полинезийских переселенцев, которые пришли в Новую Зеландию задолго до них, примерно в конце первого тысячелетия. Самая древняя дата появления первых поселенцев на островах, полученная с помощью радиоактивного метода, — 1125 год (± 50 лет).

Охотники на моа, как мы называем этих первых новозеландцев — предшественников маори, убивали птиц каменными или нефритовыми топорами.

Археологи обнаружили многочисленные стоянки охотников на моа. Наряду с костями птиц и нефритовым оружием там всегда находят земляные печи — открытые очаги, на которых жарили птичье мясо, обмазав его сверху глиной. Самые древние новозеландцы завезли сюда со своей тропической родины различные плоды и семена. Однако, кроме сладкого картофеля, ничто больше не прижилось на холодном острове Южный.

Следов охотников на моа намного больше попадает в «Стране нефритовой воды», чем на севере.

Раскопки первых стоянок предшественников маори показали, что кости моа встречаются так же часто, как и останки человека. В более поздних стоянках птичьих костей становится все меньше, их заменяют остатки другой пищи — рыб и морских животных. Потом птицы моа ис-

чезают совсем. И вместе с ними охотники на них. Затем в истории Новой Зеландии появляются маори.

Как сложились взаимоотношения между охотниками на моа и новым пришельцем, земледельцем маори, это наука должна еще выяснить. Известно лишь, что охотники на моа исчезли. Так же как и племя нгатимамоа. Как и многие другие первобытные народы.

Осталась лишь поговорка, часто повторяемая маори, которая вызывает боль в моей душе каждый раз, когда я ее слышу. Я не могу с ней согласиться, она заставляет меня протестовать, ибо звучит как реквием по всем погибшим, уничтоженным индейцам, меланезийцам, австралийцам и полинезийцам. «Эти люди вымерли, как птицы моа», — говорят маори.

Вымерли, как птицы моа...

«МАОРИТАНГА» БУДЕТ ЖИТЬ

Охотники на моа исчезли, как и их птицы. А маори на Новой Зеландии остались. Остались полинезийцы и на всех остальных островах — на Рапануи, Таити, Раиатеа, Бораборе, Восточном и Западном Самоа, на Тонга.

Здесь, на крайнем юге «Страны нефритовой воды», заканчивается второй этап моего путешествия по «последнему раю» нашей планеты.

Сначала я побывал на Рапануи, где мощный голос славного прошлого перекрывает голоса его современных полинезийских жителей. Затем отправился в среднюю Полинезию. На островах Западного Самоа и Тонга — в период моих путешествий единственных независимых государствах в Полинезии⁶² — я восхищался жизнью населяющих их народов. Возможно, она менее патетична, чем прошлое, с которым я познакомился на острове Пасхи, зато более надежна и вселяет уверенность в будущем. На островах Тонга и Западного Самоа полинезийцы и метисы составляют более девяноста девяти процентов населения. Во главе государства стоят полинезийцы. Страной управляют полинезийские министры. Культура и язык здесь тоже полинезийские. И вообще я вновь убедился в том, что знал и по прежним своим путешествиям: для сохранения своего образа жизни, национальной культуры даже маленькому народу прежде всего нужна полная политическая независимость.

После пребывания в Западном Самоа и на островах Тонга я отправился в Новую Зеландию, на два тихоокеанских острова, где живет больше всего полинезийцев. И все же белых людей здесь, в «Стране длинного белого облака» и «Стране нефритовой воды», в несколько раз больше, чем полинезийцев. Тех, которые, как казалось колонизаторам во время подписания Уаитангского договора, должны были вымереть или раствориться в массе пришлого европейского населения.

Уаитангский договор и период усиленной европейской колонизации Новой Зеландии относятся к XIX веку. Мы живем в веке двадцатом. И вот в конце своего путешествия, прощаясь с романтической Полинезией, я могу с твердой уверенностью сказать: Маоританга не погибнет, Маоританга будет жить.

Но что это за слово «Маоританга»? Его не найдешь в старых словарях маорийского языка. Введено оно в 1920 году первым министром по делам маори новозеландского правительства сэром Джеймсом Кэроллом. На митинге маорийцев в деревне Те Кути он закончил свое выступление словами:

— *Киа мау ки ко котоу Маоританга!* — «Держитесь своего маорийства!»

Кэролл, несмотря на свое европейское имя, был наполовину маори. Преемником его на посту министра по делам маори стал уже чистокровный полинезец сэр Апирана Турупа Нгата. Появление маорийской интеллигенции, таких людей, как Нгата, как его современник этнограф Те Ранги Хироа, вселяет уверенность в том, что Маоританга действительно не погибнет.

Но вернемся к вопросу о том, что такое Маоританга? Апирана Турупа Нгата переводит его английским словом «*maorihood*» — «маорийство». И сразу же объясняет, что он вкладывает в это понятие, что, по его мнению, значит «маорийство» для современных новозеландских полинезийцев. «Держаться маорийства» — это значит «подчеркнуть национальные черты маорийского народа, сохранять те характерные особенности маорийской культуры, которые актуальны в современных условиях, гордиться историческим прошлым и традициями народа маори, соблюдать древние обычаи и обряды и стремиться постоянно разъяснять требования народа маори белым людям».

После военного поражения маори в 60-х годах XIX

столетия их будущее, само их существование находились под вопросом. Все говорило о том, что маори вымрут. К концу XIX века полинезийское население Новой Зеландии уменьшилось более чем вдвое. В 1900 году на обоих островах проживало менее сорока тысяч маорийцев.

Но и тогда среди маори нашлись люди, которые поверили, что их народ, преодолев удары судьбы, начнет новую жизнь. Эти в то время еще очень молодые люди были студентами и выпускниками маорийского колледжа Те Ауто. В 1891 году двадцать маорийских юношей основали «Союз за улучшение условий жизни маорийского народа», который позже превратился в «Партию молодых маорийцев». Политическая партия молодых маорийцев направила своих депутатов в новозеландский парламент. В их числе был, например, Хоне Хеке, потомок знаменитого маорийского воина. Другой известный парламентский деятель, доктор Мауи Помаре, стал министром здравоохранения новозеландского правительства, а Апирана Турупа Нгата возглавил руководство ведомством по делам маори. Вопросами культурного наследия занимался также активный деятель партии Те Ранги Хироа, по образованию врач.

Маорийские руководители уделяли большое внимание вопросам медицинской помощи полинезийскому населению Новой Зеландии. Первое издание партии младомаорийцев называлось *Те ора мо те Маори* — «Здоровье — маори». И условия жизни народа маори начали действительно меняться к лучшему. В начале XIX века маорийское население стабилизировалось. А в наши дни положение еще более улучшилось. И если в 1900 году в Новой Зеландии жило около сорока тысяч маори, то к 1970 году их число увеличилось в пять раз. Руководители народа маори ломают сейчас голову не над проблемой вымирания своего народа, а, наоборот, над вопросами, связанными с подлинным демографическим взрывом, ростом числа детей и тем, как найти приемлемые способы ограничения рождаемости.

Наряду с проблемами здравоохранения партия младомаорийцев большое внимание уделяла вопросам сельского хозяйства. Полинезийцы в середине XIX века жили главным образом в сельских местностях и занимались в основном земледелием. А большую часть земли отобрали у них первые европейские колонисты.

После военного поражения у маори было конфисковано еще несколько миллионов акров земли.

Землю свою маори не вернули, но многие племена значительно интенсифицировали труд, стали поднимать урожайность, приближаясь по результатам к уровню, достигнутому белыми колонистами. Особенно больших успехов добилось племя нгати пороу, обитающее на востоке острова Северный. Эта территория отделена от остальных частей Новой Зеландии с одной стороны морем, с другой — высокими горами. Природная изоляция спасла землю нгати пороу в самый трагический период XIX века от европейских колонизаторов.

А в XX веке нгати пороу стали сами перенимать у белых все лучшее в организации труда, все то, что они считали для себя полезным. Племя это построило даже несколько общественных промышленных предприятий, в частности большой молочный завод.

Когда эксперимент племени нгати пороу стал уже через два десятка лет давать хорошие результаты, маорийские руководители в 1927 и 1928 годах устроили несколько больших слетов, на которых ознакомили с ними представителей всех маорийских племен.

Улучшение экономических условий жизни полинезийского населения Новой Зеландии привело к повышению и его культурного уровня. В наши дни почти все дети маори ходят в школу. Но, к сожалению, в последние годы маорийский язык не преподают даже в специальных школах маори. Молодые маори, конечно, почти все говорят на английском языке. А те, кто уезжает в города, вообще европеизируются. Однако сознание того, что они маори, остается. Я встречал маори на каждом шагу, в Окленде, например, посетил большой жилой центр для маори, построенный с правительственной помощью.

Самое большое впечатление произвел на меня первый фестиваль искусств маори, на который меня пригласили маорийские друзья во время последней поездки по Новой Зеландии. Он проходил в 1972 году на земле арава. Сюда собрались несколько тысяч представителей всех без исключения маорийских племен, а также многочисленные полинезийские ансамбли с островов Западного Самоа, Токелау, Раротонга и других архипелагов.

По национальному колориту и чертам культуры современные города Новой Зеландии поверхностному наблюдателю покажутся похожими на американские. Здесь,

так же как и в Америке, бок о бок живут белые и черные — пакеха и полинезийцы⁶³. Но в сельских местностях маори сохраняют свой язык и свои национальные особенности. Я уверен, что они сохраняют их в будущем и по всей территории Новой Зеландии. Уверен, что лозунг Кэролла «Держитесь своего маорийства!» будет актуален и завтра, и через сотню лет.

Меня могут спросить, почему я вообще задаю такие вопросы, почему европеец задумывается над судьбами народов и племен, которые живут так невероятно далеко от его страны. Я задаю их потому, что полинезийцы тоже принадлежат «Земле людей».

Сент-Экзюпери, этот большой и прекрасный человек, который чаще других говорил о «Земле людей», как-то сказал: «Каждый часовой несет ответственность за судьбы всей империи». Эта империя и есть «Земля людей». Поэтому я, простой человек, как и все люди, ответствен за нее. Да, ответствен. Никогда не следует быть равнодушным, ибо равнодушие — это самое страшное, что может допустить человек.

Охотники на моа погибли, как и сами птицы. Так было раньше. Но сегодня уже никто не должен умирать. Ни неизвестный солдат, ни неизвестные народы. Все народы, все племена на земле — маори, тонганцы, рапануйцы, индейцы, эскимосы — имеют право на счастье. «Земля людей» — это Земля живых. И «каждый часовой несет ответственность за судьбы всей империи».

Наверняка маори избегнут трагической судьбы истребленных птиц. Всем остальным племенам, с которыми я встретился в Полинезии, гибель также не грозит. Дело в том, что только маори — единственная из полинезийских групп — составляют меньшинство населения на своей родине. На островах же Тонга, Самоа, Таити, Рапаниу полинезийцев большинство, и население этих островов растет с невероятной быстротой.

Я не люблю цифр и тем более статистику. Но сейчас мне придется обратиться к цифрам, чтобы подтвердить свои слова. Так, например, на острове Пасхи — в противоположном углу полинезийского треугольника, там, где я начал свое путешествие, — местное население увеличилось менее чем за сто лет в десять раз.

На островах Западного Самоа в 1900 году жили тридцать три тысячи человек, а в 1970 году — почти полтора тысяч. Следовательно, население и этого незави-

симого полинезийского государства с начала века увеличилось почти в пять раз. При этом число коренных жителей достигает здесь почти девяносто процентов, метисов — девяти, а белых и других полинезийцев — менее одного процента.

В Восточном Самоа в течение нынешнего века число жителей тоже выросло в пять раз. В 1900 году здесь было пять тысяч шестьсот семьдесят девять человек, в 1960 — двадцать тысяч пятьдесят один, а в 1970 году — около двадцати пяти тысяч. Из них — девяносто шесть процентов чистых полинезийцев, три процента метисов и только один процент белого населения.

Во Французской Полинезии — на Таити и прилегающих островах — первая перепись была осуществлена в 1926 году (тогда здесь проживали тридцать пять тысяч восемьсот шестьдесят два человека), а последняя — в 1962 году. За каких-нибудь тридцать пять лет население здесь увеличилось в два с половиной раза. Около семидесяти пяти процентов ее жителей — чистокровные полинезийцы, девять процентов — метисы, около четырех процентов — белые и двенадцать процентов — китайцы. И наконец, на островах Тонга в 1900 году жило двадцать тысяч семьсот человек, в 1956 году — пятьдесят шесть тысяч восемьсот тридцать восемь человек, а в начале 70-х годов XX в. число жителей этой далекой монархии приблизилось к ста тысячам. При этом девяносто девять процентов — чистокровные полинезийцы. На островах Самоа, Тонга, Борabora я нашел Полинезию, которая сумела сохранить свое истинное, полинезийское лицо.

В Новой Зеландии, где я нахожусь сейчас, на образ жизни коренных обитателей «Страны длинного белого облака» и «Страны нефритовой воды» повлияли контакты с миром белых людей. Но самым удивительным образом этот «земной рай», Полинезия, изменился на вершине полинезийского треугольника — Гавайских островах.

Я могу сказать теперь, что увидел новую Полинезию, в корне измененную, хотя по-прежнему волнующую и прекрасную!

ПРИМЕЧАНИЯ

Черные острова

¹ Автор здесь и далее несколько преувеличивает хозяйственную и культурную отсталость населения Меланезии. Меланезия и ее обитатели ни в коей мере не пребывают на «самой ранней стадии развития, самой далекой, „последней границе человечества“». Меланезийцы находились ко времени прихода европейцев на стадии разложения первобытнообщинного строя, а население южной части Меланезии — Новой Каледонии и особенно Фиджи — даже на самой последней ступени этой стадии. Многие народы мира (например, австралийцы-аборигены, бушмены, население Огненной Земли, андамцы и др.) заметно уступали меланезийцам по уровню своего социально-экономического и культурного развития.

² Автор прав, говоря, что некоторые меланезийские племена живут в каменном веке. Однако центральные области Новой Гвинеи отнюдь не являются «последней резервацией „людей каменного века“»: в каменном веке до сих пор живут, например, некоторые аборигены Австралии и ряд других племен в отдаленных уголках Земли.

³ Фиджи — независимая (с 1970 г.) страна в Океании, занимающая архипелаг того же названия и изолированный о-в Ротума, расположенный к северо-западу от архипелага. Последний включает два крупных — Вити-Леву и Вануа-Леву — и свыше 800 мелких островов. Площадь всей страны — 18 272 кв. км, в том числе о-ва Ротума — 44 кв. км. Население, по данным на конец 1970 г., — 524 тыс. человек. Из общей численности населения Фиджи 266 тыс. (51%) составляют индийцы, 225 тыс. (43%) — фиджийцы, 10 тыс. (2%) — евро-океанийские метисы, 5 тыс. (1%) — европейцы, 5 тыс. (1%) — китайцы; 7 тыс. (1%) — ротуманцы, 7 тыс. (1%) — полинезийцы и прочие океанийцы. Индийцы являются потомками завезенных в конце XIX — начале XX в. законтрактованных рабочих. Они сосредоточены преимущественно на северо-западе обоих главных островов архипелага. Фиджийцы составляют большинство в юго-восточных районах этих островов. В физическом облике фиджийцев сочетаются черты меланезийской и полинезийской рас. Фиджийцы говорят на одном из языков австронезийской семьи; среди индийцев преобладает индоарийский язык хиндустани.

⁴ Значительную часть архипелагов Океании составляют коралловые атоллы, а для них вышеуказанная структура, как правило, не характерна. Вряд ли возможно также называть Новую Каледонию и Тонга соседними островами: ведь расстояние между ними почти две тысячи километров.

⁵ Вити-Леву — остров в Тихом океане, самый крупный из о-вов Фиджи.

⁶ Кук Джеймс (1728—1779) — крупнейший английский мореплаватель. Совершил ряд важнейших морских экспедиций, в том числе два кругосветных плавания. С его именем связан ряд важных географических открытий (многие острова Океании, в том числе такие крупные, как Новая Каледония и Гавайские).

⁷ Здесь автор, вероятно, ошибается. Сословная система, действовавшая на Фиджи, не могла позволить пришлым европейцам (пусть даже «посланным богами») стать вождями. Они обычно подвизались в роли советников.

⁸ «Му ж с к и е д о м а» — общественные здания в Меланезии и Микронезии, где жили неженатые мужчины родовой общины. Выделялись среди других домов своими размерами и архитектурой. Нередко здесь собирались члены тайных союзов.

⁹ П а н д а н у с (*Pandanus*) — распространенный в Океании род растений семейства пандановых. Плоды некоторых видов пандануса идут в пищу, а воздушные корни и листья служат материалом для плетения.

¹⁰ Бетель — вид жвачки, широко распространенной в Юго-Восточной Азии. Изготавливается из листьев перечного растения аналогичного наименования (*Piper betle*), в которые заворачиваются кусочки плода арековой пальмы (*Areca*) и немного извести.

¹¹ К а в а (*kava*) — кофе.

¹² Намоси (или Вома) — гора в юго-восточной части о-ва Вити-Леву (923 м над уровнем океана).

¹³ Найау — остров центральной группы Лау. Площадь 18 кв. км.

¹⁴ Как уже отмечалось, о-ва Фиджи в 1970 г. получили независимость.

¹⁵ Имеется в виду, очевидно, т а п а — материя, которую островитяне вырабатывают из луба различных видов фикуса (*Ficus*) или брусонетии бумажной (*Broussonetia papyrifera*). Тапа идет на изготовление одежды, а также постельного белья, ковров и т. п.

¹⁶ Т а р о (*Colocasia esculenta*) — клубнеплод, в широких масштабах выращиваемый в Океании и употребляемый в пищу. Клубни таро весят до 6 кг и достигают 1 м длины.

¹⁷ На самом деле деревня, род были лишь формальным субъектом приобретения вещей, фактически же ими завладевали вожди, старейшины.

¹⁸ Возможно, речь идет о Навоса — плато в северо-западной части о-ва Вити-Леву.

¹⁹ Есть основания думать, что фиджийский миф о потопе возник сравнительно поздно под влиянием ставшего знакомым островитянам библейского сюжета.

²⁰ Нандронга — политическое образование «вануа», существовавшее на Фиджи в середине XIX в. и приближавшееся по своему характеру к племенному союзу. Расположена на северо-западе о-ва Вити-Леву, входит в состав провинций Нандронга и Навоса.

²¹ Т у и — на фиджийском языке «вождь». Термин заимствован из тонганского языка.

²² Другой вариант мифа о наделении жителей Мбенги способностью ходить по огню см.: «Сказки и мифы Океании», М., 1970, стр. 206—207.

²³ Буффало Билл — прозвище ковбоя-охотника середины XIX века, прославившегося своими «подвигами» в истреблении бизонов.

²⁴ Тавеуни — остров к юго-востоку от Вануа-Леву.

²⁵ Выражение «король Фиджи», часто встречающееся в зарубежной литературе, не совсем точно отражает то положение, которое занимал этот правитель; вернее было бы называть его «верховный вождь».

²⁶ Вряд ли правильно будет говорить о порабощении ацтеками всей Мексики. Хотя ацтеки и завоевали значительную часть современной мексиканской территории (центральные районы), обширные земли на севере и юге Мексики все же находились вне их контроля.

²⁷ На самом деле Фиджи никогда (даже ненадолго) не превращалось в колонию США.

²⁸ ČSR — сокращенное обозначение Чехословацкой Республики (Československá Republika). Близкое по написанию сокращение (CSR) означает «Колонизл Шугар Рифайнинг Компани Лтд» — крупное монополистическое предприятие, в котором преобладает австралийский капитал. Эта компания, а точнее, ее филиал «Саут Пасифик Шугар Миллз Лтд», владеет всеми сахарными заводами Фиджи, крупными массивами плодородных земель, железными дорогами, каботажными судами и т. д. Компания сдает индийцам в аренду земельные участки, устанавливает норму производства и цену на производимый продукт, т. е. полностью контролирует производителей сахарного тростника.

²⁹ Попытки использовать (пусть если не формально, то фактически) рабский труд на о-вах Фиджи предпринимались. Мы имеем в виду так называемых «черных птиц» — захваченных обманным путем аборигенов с других островов Океании, насильно ввозимых на Фиджи для работы на плантациях. Такая практика существовала в 60—70-е годы прошлого века и даже позже. Однако эксперимент с использованием рабской силы на плантациях не оправдал себя экономически, и от него пришлось отказаться.

³⁰ Полноправными гражданами Фиджи индийцы по окончании срока контракта не становились. В частности, они не имели права приобретать землю.

³¹ Действительно, кастовые барьеры среди индийцев на Фиджи стали гораздо слабее, однако они не были ликвидированы полностью.

³² Численность индийцев и фиджийцев сравнялась уже около 30 лет назад.

³³ Новая Каледония — «заморская территория» Франции в Океании. Охватывает остров того же наименования, архипелаг Луайоте и ряд мелких островов. Площадь — 19 058 кв. км, население — 115 тыс. (1971 г.). Около половины жителей составляют аборигены, по своему расовому типу — почти исключительно меланезийцы, говорящие на различных австронезийских языках. Крупнейший из местных языков — *уаилу*. Кроме аборигенов здесь живут французы и другие европейцы (около 40 тыс.), яванцы (5 тыс.), вьетнамцы (1 тыс.), таитяне (3 тыс.) и выходцы с о-вов Уоллис и Футуна (6 тыс.).

³⁴ Нумеа — административный центр и единственный город Новой Каледонии. По данным на 1970 г., в городе вместе с пригородами жило 51 тыс., или около половины населения страны. Подавляющее большинство жителей — французы и другие европейцы.

³⁵ О-ва Лифу, Увеа (Халган) и Маре образуют островную группу Луайоте, расположенную к востоку от Новой Каледонии.

³⁶ Каледония — латинское наименование Шотландии.

³⁷ Новокаледонский, папуасский, негритосский и собственно меланезийский варианты меланезийской малой расы отличаются друг от друга по ряду физических признаков. Для новокаледонского типа характерны узковолнистые волосы, значительное развитие третичного волосного покрова, сравнительно высокий рост. У представителей папуасского типа — курчавые волосы, сравнительно узкое лицо и весьма своеобразная форма носа, имеющего крючковидный изгиб в хрящевой части (так называемый ложносемитический нос). Основной особенностью негритосского типа является очень низкий рост. У негритосов, кроме того, широкое лицо, челюсти не выступают (как у других меланезийцев) вперед, волосы курчавые. Представители собственно меланезийского типа имеют менее курчавые волосы и среднеширокое лицо. Существует и ряд общих особенностей, характерных для всех антропологических типов меланезийской малой расы. Это — темная кожа, толстые губы, широкий нос.

³⁸ Миссионеры на Новой Каледонии были, как и на многих других островах Океании, авангардом колониальной экспансии. Французские католические миссионеры призвали правительство Франции аннексировать остров и способствовать офранцузиванию и католикации его населения. Не случайно дату внедрения французских миссионеров считают началом «моральной оккупации» Новой Каледонии Францией.

³⁹ Правительство Великобритании решительно протестовало против аннексии Новой Каледонии Францией, в результате чего в 1846 г. французам пришлось спустить на острове свой флаг.

⁴⁰ Здесь допущена неточность. Доминго — не город, а небольшой поселок.

⁴¹ Хотя ввоз рабочих из северных районов Вьетнама начался еще в 1891 г., в 1917 г. на острове насчитывалось лишь около 300 вьетнамцев. Затем их число стало быстро расти, и к 1930 г. на Новой Каледонии жило уже 7 тыс. выходцев из Вьетнама и их потомков. В 1958 г. Франция достигла договоренности с ДРВ о возвращении на родину всех вьетнамцев, которые этого пожелают. Репатриация продолжалась с перерывами в течение нескольких лет, и сейчас численность вьетнамцев на острове невелика.

⁴² Тонкинцами называли до конца второй мировой войны северных вьетнамцев (по имени существовавшего в те годы французского владения на севере Вьетнама — Тонкин).

⁴³ Новые Гебриды — кондоминиум (совместное владение) Великобритании и Франции в Океании. Охватывает архипелаг Новые Гебриды (крупнейшие о-ва — Эспириту-Санто и Малекула), а также расположенные к северу от него о-ва Банкс и Торрес.

⁴⁴ Конечно, автор имеет в виду не аборигенов Австралии, а англо-австралийцев, то есть потомков выходцев из Великобритании.

⁴⁵ Порт-Вила (по-фр.), или Вила (по-англ.), — поселение городского типа на о-ве Эфате, являющееся административным центром Новых Гебрид. Население — 5 тыс. человек (1971 г.).

⁴⁶ В книге приводятся устаревшие данные о численности французов и англичан на Новых Гебридах. Сейчас французов насчитывается в кондоминиуме около 2 тыс. человек, британских подданных — около 1 тыс. (правда, большинство из них не англичане, а англо-австралийцы).

⁴⁷ Методисты, прочно обосновавшиеся на Фиджи и Тонга, никогда не играли какой-либо роли на Новых Гебридах. Помимо пресвитериан, всегда занимавших ведущие позиции в миссионерской

деятельности на архипелаге, протестантские течения здесь также представляли англикане, адвентисты седьмого дня, французские реформаты, члены «церквей Христа» и пятидесятнической Апостольской церкви.

⁴⁸ Джон Хиггинсон по происхождению ирландец, однако он связал свою судьбу с французской колониальной политикой и активно боролся за установление французского контроля над Новыми Гебридами.

⁴⁹ Соглашение относительно «независимости» Новых Гебрид, заключенное между Англией и Францией в 1878 г., отражало острое соперничество этих двух держав. Подобного рода соглашения заключались различными империалистическими державами довольно часто.

⁵⁰ Англичане до сих пор употребляют название Вила.

⁵¹ Пиджин, скорее, не «меланезийский жаргон английского языка», а язык-гибрид, лексика которого преимущественно английская (сильно искаженная фонетически), а грамматика — австронезийская.

⁵² Соломоновы острова — архипелаг в Океании. Состоит из островов: Бугенвиль, Шуазель, Нью-Джорджия, Санта-Исабель, Малаита, Гуадалканал, Сан-Кристобаль и др.

⁵³ Санта-Крус — архипелаг, расположенный к востоку от Соломоновых островов и административно подчиненный последним. Важнейшие острова: Ндени, Утупуа, Ваникоро.

⁵⁴ Настоящий перелом в войне на Тихом океане наступил после разгрома отборной японской Квантунской армии вооруженными силами Советского Союза, вступившего в войну во исполнение союзнических обязательств.

⁵⁵ Рассказывая о Воузе, автор, к сожалению, не отмечает, что этот меланезиец был одним из ведущих руководителей национально-освободительного движения, развернувшегося на Соломоновых островах вскоре после окончания второй мировой войны.

⁵⁶ Моравские братья — предреформационная секта, появившаяся в XV в. среди городской и сельской бедноты средневековой Чехии. Вначале секта носила антифеодальный характер, однако со временем потеряла свою революционную направленность. Позже моравские братья приняли Аугсбургское исповедание, и сейчас вероучение секты в основном совпадает с лютеранским. Секта действует во многих странах мира.

⁵⁷ Эффективность деятельности перечисленных религиозных групп в деле распространения христианства была различной. Наибольшего успеха добились пресвитериане, занявшие господствующие позиции на Новых Гебридах, методисты, широко внедрившиеся на о-ва Фиджи и некоторых из Соломоновых островов, и англикане, развернувшие миссионерскую деятельность на нескольких из Соломоновых островов, о-вах Санта-Крус, Банкс, Торрес. Определенного успеха добились адвентисты. Мормоны и Армия спасения не достигли в этом районе Океании каких-либо заметных результатов.

⁵⁸ Бехаисты — не американская секта. Она возникла в конце прошлого века в Иране, выйдя из недр ислама. Проповедь сектой классового мира обеспечила ей симпатии некоторых кругов европейской и американской буржуазии. Бехаизм начал распространяться в Америке и Западной Европе, причем бехаисты США и европейских стран стали, в свою очередь, проводить миссионерскую работу. В

Океании, в частности, развернули свою деятельность американские бегахисты, которых и имеет в виду автор.

⁵⁹ Богемия — официальное название Чехии в период вхождения ее в империю Габсбургов.

⁶⁰ Большой Иерусалимский храм — святилище в честь бога Ягве, воздвигнутое царем Соломоном в X в. до н. э. В 70 г. н. э. был разрушен римлянами.

⁶¹ Чибча — не племя, а группа родственных народов. На самом деле речь идет здесь о повелителе одного из княжеств чибча.

⁶² Инка, точнее, Верховный инка, — название правителя государства Тауантинсуйу.

⁶³ Речь, по-видимому, идет о «мужском доме».

⁶⁴ Масинга, точнее, движение «власти масинга», — национально-освободительное движение, развернувшееся на Соломоновых островах после возвращения на архипелаг в конце второй мировой войны английских колониальных властей. Администрация жестоко подавила выступление островитян.

⁶⁵ Характерно, что в американских колониях Океании, где чинovníки и дельцы из США ведут себя несколько иначе, чем солдаты, не звавшие, как истратить свое жалованье, никаких представлений об «американском рае» не возникает.

⁶⁶ «Юнион Джек» — название британского флага.

⁶⁷ Архипелаг Бисмарка — островная группа в Океании. Состоит из двух крупных — Новая Британия и Новая Ирландия — и ряда примыкающих к ним мелких островов, о-вов Адмиралтейства и Северо-Западных. Площадь — около 50 тыс. кв. км. Аборигенное население — 227 тыс. (1970 г.). Архипелаг входит в состав самоуправляющейся территории Австралии Папуа — Новая Гвинея.

⁶⁸ Вначале архипелаг управлялся как часть мандатной территории Новая Гвинея, после же второй мировой войны эта территория из мандатной была преобразована в подопечную.

⁶⁹ Тайные союзы — широко распространенные в Меланезии и Микронезии мужские объединения, направленные против господствующих матриархальных порядков.

⁷⁰ Термин «папуасы» употребляется в нескольких значениях. Этнографы и лингвисты часто называют папуасами население, говорящее на папуасских языках, антропологи — людей, относящихся к папуасскому расовому типу. Иногда папуасами именуют все население Новой Гвинеи или же лишь жителей бывшей территории Папуа.

⁷¹ Папуа — бывшая «внешняя» территория Австралии, с конца 1973 г. вошла в состав самоуправляющейся территории Папуа — Новая Гвинея.

⁷² Гибискус (*Hibiscus*) — широко распространенный в Океании род растений семейства мальвовых.

⁷³ Бенабена — этническая общность в округе Восточное Нагорье. Численность — 12 тыс. человек. Говорят на неавстронезийском (папуасском) языке, относящемся к надсемье языков нагорья Восточной Новой Гвинеи.

⁷⁴ Кьяка — этническая общность в округе Западное Нагорье. Численность — 9 тыс. человек. Язык кьяка входит в состав надсемьи языков нагорья Восточной Новой Гвинеи.

⁷⁵ Восточное, Западное и Южное Нагорье, Чимбу — названия округов, расположенных в горной части самоуправляющейся терри-

тории Папуа — Новая Гвинея. Указанные округа выделяются среди других районов Новой Гвинеи повышенной плотностью населения. Подавляющая часть жителей говорит на языках, входящих в языковую надсемью нагорья Восточной Новой Гвинеи.

⁷⁶ Чимбу — этническая общность, расселенная в округе Чимбу. Численность — 60 тыс. человек. Язык чимбу относится к надсемье языков нагорья Восточной Новой Гвинеи.

⁷⁷ Гадсуп — этническая общность, расселенная на крайнем северо-востоке округа Восточное Нагорье. Численность — 6 тыс. человек. Язык гадсуп относится к надсемье языков нагорья Восточной Новой Гвинеи.

⁷⁸ Ава — язык, распространенный в округе Восточное Нагорье. Принадлежит к надсемье языков нагорья Восточной Новой Гвинеи.

⁷⁹ Камано и ягариа — две этнические общности, расселенные в округе Восточное Нагорье. Численность соответственно 31 тыс. и 14 тыс. человек. Говорят на языках, входящих в надсемью нагорья Восточной Новой Гвинеи.

⁸⁰ Форе — этническая общность в округе Восточное Нагорье. Численность — 12 тыс. человек. Язык форе входит в надсемью языков нагорья Восточной Новой Гвинеи.

⁸¹ Батат (*Ipomoea batatas*) — широко распространенное в Океании культурное растение. Клубни батата содержат сахар.

⁸² Хаген — крупная этническая общность, расселенная в округе Западное Нагорье. Численность — 59 тыс. человек. Хаген говорят на языке, входящем в состав языковой надсемьи нагорья Восточной Новой Гвинеи.

⁸³ Большое внимание мужчин к украшению своего тела очень характерно не только для папуасов, но и для меланезийцев.

⁸⁴ Татуировка вообще малохарактерна для народов, имеющих темную кожу.

⁸⁵ Нангамп, или вахги, — этническая общность, расселенная в пограничных районах округов Западного и Восточного Нагорья. Численность — 34 тыс. человек. Говорят на языке, относящемся к надсемье языков нагорья Восточной Новой Гвинеи.

⁸⁶ Папайя, или дынное дерево (*Carica papaya*), — тропическое культурное растение со съедобными плодами, напоминающими по форме дыню.

⁸⁷ Речь идет, вероятно, об обсидиане.

⁸⁸ Моту — говорящее на одном из австронезийских языков племя, живущее в районе Порт-Морсби, в южной части Папуа — Новой Гвинеи.

⁸⁹ Коитапу, или коитакоиари — две небольшие этнические общности, расселенные к северу от Порт-Морсби. Говорят на неавстронезийских (папуасских) языках.

⁹⁰ Это не совсем точно. Официальным языком стал не обычный, а так называемый полицейский моту — несколько измененная форма языка моту, которая служила средством общения при подготовке местной полиции.

Последний рай

¹ Рапануи, или о-в Пасхи, — остров в восточной части Тихого океана (Полинезия). Принадлежит Чили. Площадь — 165 кв. км. Население — свыше 1 тыс. человек. Большинство жителей острова — рапануицы (один из полинезийских народов).

² Хоту Матуа был не королем, а верховным вождем острова Пасхи. Это относится и ко всем другим правителям острова.

³ Катамаран — судно с двумя соединенными между собой корпусами. Лодки такого типа были широко распространены в Полинезии.

⁴ Арики — сословно-кастовая группа вождей и знати на о-ве Пасхи и других островах Полинезии. Пользовалась большими привилегиями по сравнению с другими общественными группами. Рядовые общинники должны были соблюдать строгий этикет при обращении к арики, не имели права прикасаться, а иногда даже приближаться к ним.

⁵ Поике — полуостров на востоке о-ва Пасхи.

⁶ Ольдерогге Д. А., Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с о-ва Пасхи, — «Советская этнография», 1947, № 4.

⁷ Хейердал Т., Аку-Аку, М., 1959.

⁸ Тане — один из четырех великих богов полинезийского пантеона (другие — Ту, Ронго, Тангароа). Рассматривался как божество солнца и олицетворение мужского начала.

⁹ Последние исследования в Полинезии, выполненные с помощью новейших методов (археологические — с применением радиоуглеродного анализа вещественных памятников, лингвистические — с использованием способа глоттохронологии), показали, что полагаться на датировку летописей (как это делалось раньше) нельзя.

¹⁰ Хлебное дерево — два вида культурных растений, относящихся к роду *Artocarpus*. Из плодов хлебного дерева изготавлиют лепешки, напоминающие хлеб.

¹¹ Бутинов Н. А. и Кнорозов Ю. В., Новые материалы об о-ве Пасхи, — «Советская этнография», 1957, № 6; и х же, Предварительное сообщение об изучении письменности о-ва Пасхи, — «Советская этнография», 1956, № 4.

¹² Бутинов Н. А., Короткоухие и длинноухие на о-ве Пасхи, — «Советская этнография», 1960, № 1.

¹³ Ак-у-а-ку — по рапануйски «духи».

¹⁴ Раиатеа — один из островов архипелага Общества (группа Подветренных островов). Площадь — 194 кв. км. Население численностью 6 тыс. (1962 г.) состоит главным образом из таитян.

¹⁵ Французская Полинезия — владение Франции в Океании — состоит из о-вов Общества, Тубуаи, Туамоту, Гамбье, Маркизских. Площадь — 4 тыс. кв. км. Население — 119 тыс. человек (1971 г.). В этническом отношении население распадается на две основные группы: аборигенов-полинезийцев (таитяне, тубуайцы, туамотуанцы, мангареванцы, хиванцы — жители Маркизских островов) и иммигрантов вместе с их потомками (главным образом французы и китайцы). Промежуточное положение занимают метисы, преимущественно франко-таитянские, в меньшей степени — китайско-таитянские.

¹⁶ Таароа — один из четырех великих богов полинезийского пантеона. На других полинезийских языках и диалектах его имя звучит несколько иначе: Тангароа, Тангалоа, Тагалоа, Таалоа, Каналоа.

¹⁷ Борабора — один из островов архипелага Общества (группа Подветренных островов). Площадь — 30 кв. км. Население — 1,7 тыс. человек (1967 г.), преимущественно таитяне.

¹⁸ Малые Зондские острова официально именуются Нуса-Тенггара.

¹⁹ В тексте допущена неточность. Ротума не является полинезий-

ским островом (она относится к Меланезии), хотя в ротумской культуре и немало полинезийских элементов.

²⁰ Тахаа — один из островов архипелага Общества (группа Подветренных островов). Площадь — 88 кв. км. Население — 4 тыс. человек (1962 г.), главным образом таитяне.

²¹ Бонито (*Katsuwonus pelamis*) — рыба семейства тунцов. Обладает высокими вкусовыми качествами.

²² Речь, очевидно, идет о калебасе — сосуде, изготовленном из высушенной тыквы.

²³ Маниока (*Manihot*) — род растений семейства молочайных. Клубневидные корни маниоки съедобны. Поскольку в сыром виде они содержат ядовитое вещество, то перед употреблением в пищу подвергаются специальной обработке.

²⁴ Таити — важнейший из о-вов Общества и всей Французской Полинезии. Площадь — 1042 кв. км. Население численностью 45 тыс. человек (1962 г.) состоит из таитян, французов, франко-таитянских метисов и китайцев.

²⁵ В тексте неточность: Французская Полинезия не находится под опекой Франции, а является ее владением («заморской территорией»).

²⁶ Спейбл и Гурвинек — популярные персонажи кукольного театра в Чехословакии.

²⁷ Другое название Факарава — атолл Витгенштейна — дано открывшим его русским мореплавателем Ф. Ф. Беллинсгаузеном в честь одного из полководцев Отечественной войны 1812 года.

²⁸ Вряд ли правильно называть территориальные образования, существовавшие на Таити до утверждения власти Помаре, племенными государствами.

²⁹ Королевское общество — официальное название английской Академии наук.

³⁰ До прихода европейцев Тасмания была населена самой отсталой этнической группой земного шара — тасманийцами. Английские поселенцы начали настоящее истребление этой группы, и в 1876 г. умерла последняя тасманийка.

³¹ После того как миру стало известно о маленькой колонии на о-ве Питкэрн, английские власти, поняв, что существование этой заморской англоязычной общины выгодно для Великобритании, помиловали Смита.

³² Часть из переселившихся в 1856 г. на Норфолк питкэрнцев через несколько лет вернулась назад.

³³ В греческой мифологии Пандора — прекрасная женщина, которую Зевс послал на землю с ящиком, наполненным бедствиями.

³⁴ Б. Даниэльссон, На Баунти в Южные моря, М., 1966.

³⁵ Имеются основания думать, что легенда о потопе — позднее заимствование, основанное на библейском сюжете.

³⁶ Автор, очевидно, имеет в виду Фату-Хива — один из Маркизских островов.

³⁷ Муреа — один из островов архипелага Общества (группа Наветренных островов). Площадь — 136 кв. км. Население — 5 тыс. человек (1970 г.), главным образом таитяне.

³⁸ Речь идет о заливе, на побережье которого расположен Рио-де-Жанейро, и возвышающейся поблизости горе Корковадо.

³⁹ Самоа — архипелаг в Океании (Полинезия). Западное Самоа — независимое государство (с 1962 г.), занимающее западную группу архипелага Самоа (крупные острова — Савайи и Уполу,

мелкие — Аподима, Манано, Нуусафез, Фануатапу, Намуа, Нуутеле, Нуулуа). Ранее было подопечной территорией Новой Зеландии. Площадь — 2842 кв. км. Население — 144 тыс. человек (1971 г.), в подавляющем большинстве самоанцы. Восточное Самоа — владение («неинкорпорированная территория») США, занимающее восточную часть архипелага Самоа (о-ва Тутуила, Аунуу, Офу, Олосега, Тау, Роз) и о-в Суэйнс, относящийся к архипелагу Токелау. Площадь — 197 кв. км. Население — 27 тыс. человек (1970 г.), в подавляющем большинстве самоанцы.

⁴⁰ Германия установила свою власть над Западным Самоа в 1899 г. В этом же году восточная часть страны была передана США.

⁴¹ Автор не прав. Основная борьба велась между двумя аристократическими семьями, занимавшими примерно одинаковое положение в сословной иерархии, — Малиэтоа и Тамасесе. Что же касается вождя Матаафы, то он в те годы просто поддерживал партию верховного вождя Малиэтоа, бесцеремонно высланного немцами.

⁴² Большинство населения Западного Самоа в настоящее время — конгрегационалисты (68 тыс.), за ними следуют католики (27 тыс.) и методисты (18 тыс.).

⁴³ Здесь трудно согласиться с автором. Независимость была завоевана народом Западного Самоа в ходе упорной и долгой борьбы.

⁴⁴ Второй глава государства — Тупуа Тамасесе Меаоле — умер в 1963 г.

⁴⁵ В тексте приведена неточная транскрипция, которая принята в некоторых русских переводах. Правильнее — Туситала.

⁴⁶ Разделяемое некоторыми исследователями мнение о наличии в Полинезии аристократической элиты со светлой кожей является ошибочным.

⁴⁷ Обычай, согласно которому на вдове должен жениться брат покойного мужа (левират), распространен среди очень многих народов мира.

⁴⁸ Тонга — независимое государство (с 1970 г.) в Полинезии. Состоит из архипелага аналогичного наименования и лежащих к северу от него о-вов Ниуатобутабу, Тафахи и Ниуафоо. Площадь — 699 кв. км. Население — 90 тыс. человек (1971 г.). Подавляющая часть населения — полинезийцы-тонганцы.

⁴⁹ Подлинной независимости Тонга сохранить не удалось. В 1900 г. Великобритания вынудила тонганцев заключить договор о протекторате, лишивший страну самостоятельности. Восстановление полной независимости Тонга произошло лишь в 1970 г.

⁵⁰ На Тонга функционирует не одна методистская церковь, а три самостоятельных церковных организации: Свободная всецельская церковь Тонга (39 тыс. последователей), Свободная церковь Тонга (11 тыс.) и Церковь Тонга (7 тыс.).

⁵¹ Точнее было бы называть их не наместниками короля, а военачальниками.

⁵² Особые сословные «языки» характерны не только для Тонга, но также для ряда других островов Океании и прочих районов мира.

⁵³ Генезис общественных классов в этой стране был глубоко исследован известным советским этнографом С. А. Токаревым в его работе «Происхождение общественных классов на островах Тонга», — «Советская этнография», 1958, № 1.

⁵⁴ Имеется в виду, вероятно, флейта Пана, распространенная в Полинезии на о-вах Тонга и Самоа. Изготавливается обычно из пяти бамбуковых трубочек разной длины, которые подобраны таким об-

разом, что образуют определенный звукоряд. Кроме этой флейты в Полинезии была распространена носовая флейта, которую чаще всего делали из кости.

⁵⁵ Автор допускает две неточности. Во-первых, летучие лисицы не нетопыри (летучие мыши), а крыланы. Во-вторых, название «летучая лисица» не было дано жителями тонганской деревни, а заимствовано ими от европейцев. Сами тонганцы не могли придумать такое название хотя бы потому, что в Океании нет лисиц.

⁵⁶ Тапу вырабатывают на очень многих островах Океании. Однако именно в Полинезии производство тапы достигло наибольшего совершенства.

⁵⁷ Новая Зеландия — доминион, входящий в Британское содружество, парламентское королевство. Расположена в юго-западной части Тихого океана на островах: Северном (площадь — 114,7 тыс. кв. км) и Южном (площадь — 150,5 тыс. кв. км), Стюарт, Чатем и ряде более мелких. Большинство населения — потомки британских, шотландских и ирландских переселенцев. Коренные жители — маори. Их численность (включая метисов) — 228 тыс. человек (1971 г.), что составляет 8% всего населения страны.

⁵⁸ С е л и я — каракатица (морской моллюск).

⁵⁹ В тексте допущена неточность: в 1840 г. понятия «Великобритания и Северная Ирландия» не существовало.

⁶⁰ Папа — образ Земли в полинезийской мифологии. Миф о Ранги (Небе) и Папе широко распространен в Полинезии. Согласно новозеландскому варианту мифа, первоначально Небо и Земля были плотно придвинуты друг к другу. Когда Ранги и Папа породили детей-богов, один из них, Тане, упершись в Небо ногами, поднял его над Землей. Разлученные Небо и Земля стали горько плакать. Отсюда происходят дождь (слезы Ранги) и поднимающийся от земли пар (слезы Папы).

⁶¹ Верона — город в Северной Италии, который В. Шекспир избрал местом действия своей трагедии «Ромео и Джульетта».

⁶² Государство Тонга восстановило независимость лишь в 1970 г.

⁶³ П а к е х а — маорийское название европейцев. Сейчас пакеха обычно называют англо-новозеландцев — англоязычное население Новой Зеландии британского происхождения.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой перевод двух посвященных Океании и тесно связанных между собой работ известного чехословацкого этнографа Милослава Стингла «Черные острова» и «Последний рай».

Для того чтобы читатель мог лучше ориентироваться в географии и этнографии островов Океании, которые он «посетил» вместе с автором, дадим краткую справку об этих регионах, а затем скажем несколько слов и о самих работах Стингла.

Океания — это мир нескольких тысяч островов, разбросанных на обширной акватории юго-западной части Тихого океана. Иногда в состав Океании включают и расположенный к западу от нее материк — Австралию.

Площадь Океании (без Австралии) около 1,3 млн. кв. км. На этой территории проживает примерно 9 млн. человек.

Океанию подразделяют на несколько историко-культурных областей. Чаще всего выделяют три: Меланезию, Микронезию и Полинезию. Правда, такое деление слишком схематично, так как в единое целое объединяются территории, резко отличающиеся друг от друга в этнографическом отношении.

В работах М. Стингла рассматриваются две из трех перечисленных историко-культурных областей: Меланезия — «Черные острова» и Полинезия — «Последний рай».

Меланезия расположена на западе Океании и охватывает сравнительно большие острова. Она занимает свыше трех четвертей общей площади Океании — несколько менее 1 млн. кв. км. Правда, основная часть этой территории — 0,8 млн. кв. км — приходится на второй по величине остров земного шара — Новую Гвинею. Кроме того, в состав региона входят: архипелаг Бисмарка (вместе с о-вами Адмиралтейства), Соломоновы острова, о-ва Санта-Крус, Банкс, Торрес, Новые Гебриды, Новая Каледония, Луайоте, Фиджи, Ротума и некоторые другие. Во всей этой историко-культурной области живет свыше 4 млн. человек.

Острова Меланезии принадлежат к числу материково-океанических, т. е. относятся к геосинклинальной зоне, где земная кора перемежается с корой океанической. Они гористы, причем некоторые горы поднимаются над уровнем моря на 3—5 тыс. м. В недрах Меланезии залегают золото и ряд других полезных ископаемых, однако запасы их невелики. Исключение составляют лишь крупнейшие месторождения никелевых руд на Новой Каледонии.

Климат Меланезии экваториального и тропического типа. Высокие температуры характерны здесь для всего года. Осадков выпадает много, причем, если не считать юго-востока Новой Гвинеи и некоторых районов Новой Каледонии, они равномерно распределены по сезонам. Климат влажный, поэтому рек много, но они в большинстве случаев невелики.

На преобладающих в Меланезии латеритных почвах произрастают густые экваториально-тропические леса. Кое-где на подветренных склонах островов леса уступают место саваннам.

В экономическом отношении Меланезия в целом весьма отсталый, преимущественно аграрный район. Главная товарная культура — кокосовая пальма. К пищевым продуктам относятся также таро, ямс, батат, маниок, бананы, плоды саговой пальмы, хлебного дерева, папайя, манго. Небольшие площади отводятся под посевы кукурузы, риса и некоторых других сельскохозяйственных культур. На отдельных островах созданы большие плантации кофе и какао, сахарного тростника, каучуконосов. Животноводство явно уступает земледелию. Зато весьма сильно развито рыболовство.

Промышленность на большинстве островов очень слабая, преобладает добыча минерального сырья. В западной части Новой Гвинеи (Западный Ириан) добывается нефть, в восточной части этого острова и на Фиджи — золото. Мировое значение имеет лишь добыча никелевых руд на Новой Каледонии. Там же есть железная и хромовая руды. Кое-где ведется заготовка леса. На Новой Каледонии выплавляется никель, на Фиджи на небольших заводах вырабатывается сахар.

В политическом отношении независимой является лишь одна страна Меланезии — Фиджи (с 1970 г.). Западный Ириан входит в состав Индонезии. Восточная часть Новой Гвинеи, архипелаг Бисмарка, о-ва Д'Антркасто, Тробриан, архипелаг Луизианада, о-ва Бугенвиль и Бука (самые северные из Соломоновых островов) входят в состав образованной в конце 1973 г. «самоуправляющейся территории» Австралии Папуа — Новая Гвинея. Большая часть Соломоновых островов (кроме двух северных) вместе с о-вами Санта-Крус и рядом изолированных островков составляют британский «протекторат» (фактически колонию) — Британские Соломоновы острова. Новые Гебриды (вместе с о-вами Банкс и Торрес) являются кондоминиумом

(совладением) Великобритании и Франции. Наконец, последней принадлежат еще Новая Каледония и о-ва Луайоте, составляющие французскую «заморскую территорию».

Несколько слов об истории Меланезии (включая Новую Гвинею). Новая Гвинея начала заселяться (из Индонезии) по крайней мере тридцать тысяч, а по предположениям некоторых ученых, даже шестьдесят тысяч лет назад. Примерно десять тысяч лет назад из Индонезии прибыли новые переселенцы. Позже были заселены архипелаг Бисмарка и другие острова Меланезии. Все группы людей, обосновавшиеся на северо-западе Океании, были охотниками и собирателями. Судя по всему, они говорили на языках, родственных современному папуасскому.

Приблизительно пять тысяч лет назад на Новой Гвинее и архипелаге Бисмарка появляются люди, говорящие на австронезийских языках. Пришли они, скорее всего, из восточных районов Индонезии. Тысячелетие спустя австронезийские группы проникли на Соломоновы острова, Новые Гебриды, Новую Каледонию. Данные археологии позволяют предположить, что они занимались сельским хозяйством и умели разводить свиней. Во II тысячелетии до н. э. в некоторые районы Восточной Меланезии проникает еще одна группа людей, говорящих на австронезийских языках. Есть основания предполагать, что эти люди в отличие от всех своих предшественников — преимущественно австралоидов в расовом отношении — принадлежали к монголоидной большой расе. В Меланезии они растворились среди местных австралоидных обитателей, зато в Полинезии, куда они также проникли, сыграли гораздо большую роль, создав весьма своеобразную расовую и этно-культурную группировку.

Ко времени проникновения в Меланезию европейцев здесь всецело господствовало чернокожее население, заметно варьирувавшееся по своим антропологическим особенностям, но, бесспорно, принадлежавшее к одной австралоидной большой расе. Будучи в расовом отношении относительно однородным, это население в языковом плане не составляло единства.

Значительная его часть говорила на различных, довольно сильно отличающихся друг от друга австронезийских языках, которые прежде неверно объединяли в одну меланезийскую группу. Австронезийские языки целиком господствовали на островах Фиджи, Новой Каледонии, Новых Гебридах, большей части Соломоновых островов. Они были распространены также на архипелаге Бисмарка и в ряде прибрежных районов Новой Гвинеи.

Потомки более ранних, доавстронезийских, волн переселенцев говорили на сотнях разных языков, которые обычно называют папуасскими, хотя генетического единства они не составляют. Носители этих языков заселяют большую часть Новой Гвинеи, а также

составляют большинство населения на о-вах Новая Британия (архипелаг Бисмарка) и Бугенвиль (Соломоновы острова).

Среди неавстронезийского населения выделяется большая группа, говорящая на родственных языках. Предки этих людей пришли на Новую Гвинею около десяти тысяч лет назад. Сейчас они заселяют Центральное Нагорье и ряд других районов острова. Кроме большой группы населения, говорящей на родственных папуасских языках, имеются также мелкие этнические группы, которые общаются между собой на изолированных папуасских языках, ведут свое происхождение от населения, пришедшего сюда несколько десятков тысячелетий назад.

Захват европейцами Меланезии в XIX в. внес существенные коррективы в этническую структуру населения некоторых ее островов. Так, на Новую Каледонию переселилось или было насильственно переселено значительное число французов, а также выходцев из некоторых азиатских стран (Индонезия, Вьетнам и т. д.). На Фиджи для возделывания сахарного тростника в течение ряда лет ввозились законтрактованные рабочие из Индии. Их потомки составляют свыше половины населения архипелага.

Что касается культуры местного населения, то на большей части меланезийских островов европейская колонизация оказала на нее лишь поверхностное влияние (а кое-где и вообще никакого).

Как и в далеком прошлом, основным занятием жителей Меланезии является возделывание клубнеплодов и некоторых плодовых деревьев. Из домашних животных разводятся свиньи, куры и собаки, однако в весьма незначительном количестве. В прибрежных районах основным средством существования населения нередко служит рыболовство. Часть жителей Меланезии работает на созданных европейцами плантациях, горных разработках, а также в различных учреждениях и т. д.

Меланезийцы и папуасы в подавляющем большинстве по-прежнему живут в легких постройках из бамбука и пальмовых листьев. Характерная особенность жилища в Меланезии — широкие крыши. В некоторых районах встречаются свайные дома. В плане дома чаще всего прямоугольные, однако кое-где можно встретить еще овальные и круглые постройки.

Одежда меланезийцев и папуасов претерпела за последние десятилетия большие изменения, чем занятия и жилища. Хотя в Меланезии по-прежнему широко бытует традиционное одеяние, состоящее из набедренных повязок у мужчин и юбочек у женщин, в некоторых районах (особенно в портах, административных пунктах) получила распространение одежда европейского типа. Очень любят меланезийцы, причем главным образом мужчины, различные украшения.

По общественной структуре различные группы населения Меланезии существенно различаются между собой. К моменту прихода европейцев одна часть местного населения жила в условиях первобытнообщинного строя, другая находилась на разных стадиях его разложения. В Южной Меланезии (на Фиджи) появились довольно крупные территориальные образования. Здесь, как и у папуасов, господствовали патриархальные порядки, у большей же части меланезийцев — матриархальные. Установление колониального режима существенно повлияло на социальную структуру этого региона. В ряде районов (особенно на Новой Каледонии, Фиджи) глубоко внедрился капитализм. Однако даже там, где новые общественные отношения заметно вторглись в местную жизнь, они продолжают сосуществовать с элементами старого социального строя. Там же, где европейское проникновение носит весьма относительный характер (в некоторые внутренние районы Новой Гвинеи европейцы фактически вообще еще не проникли), архаическая общественная структура сохраняется почти в полной неприкосновенности.

Весьма своеобразно проявляется европейское влияние и в области духовной культуры островитян. Многие ее элементы (фольклор, танцы, музыка, художественное ремесло) сохранились в основной части Меланезии в малоизмененном виде. В то же время религиозная структура населения претерпела заметные изменения. В связи с активной деятельностью миссионеров большая часть меланезийцев и папуасов стала протестантами, а меньшая — католиками. Правда, в некоторых районах (особенно в тех, где население было обращено в христианство сравнительно недавно) новая вера не внедрилась еще достаточно прочно и принадлежность аборигенов к ней носит зачастую весьма формальный характер. Неофиты продолжают практиковать прежние, традиционные обряды. Таким образом, налицо своеобразное двоеверие.

Завершая краткую этнографическую характеристику Меланезии, следует отметить, что традиционное выделение ее в качестве единой этнографической области весьма спорно. Внутри этой территории может быть выделено несколько районов, настолько отличающихся друг от друга в социально-культурном отношении, что мы вправе говорить о них как об отдельных этнографических областях. Это прежде всего Папуасия (Новая Гвинея) с ее развитым гончарным производством, патрилинейной филиацией и многими другими специфическими культурными и социальными особенностями. Меланезия (в узком смысле этого слова), включающая архипелаги Бисмарка и Луизиада, о-ва Тробриан, Соломоновы, Банкс, Торрес, Новые Гебриды, выделяется среди других районов слабым развитием гончарного ремесла и даже полным его отсутствием, преимущественно матрилинейной филиацией и рядом других характерных черт.

Своеобразная область — Австромеланезия (Новая Каледония и о-ва Луайоте), которую характеризует существенное развитие гончарного производства и наличие отцовского рода; несколько напоминающая по соответствующим социально-культурным особенностям Новую Гвинею. Вместе с тем Новой Каледонии свойственно круглое в плане жилище, не типичное для большинства других островов Океании. Здесь сильно развита ирригация. Очень своеобразен и новокаледонский фольклор. Что касается островов Фиджи и Ротума, то они также выделяются в особую область, культура которой сочетает как меланезийские, так и полинезийские черты (Мелано-Полинезия).

В отличие от Меланезии (в широком смысле слова), этнографическое единство которой вызывает большие сомнения, вторая крупная область Океании, Полинезия, бесспорно, составляет в этнографическом отношении единое целое.

Полинезия занимает восток и крайний юго-запад Океании. По площади (0,3 млн. кв. км) она более чем в три раза уступает Меланезии, причем свыше девяти десятых ее пространства приходится на Новую Зеландию. В состав Полинезии входят также о-ва Тонга, Самоа, Хорн, Уоллис, Эллис, Токелау, Феникс, Кука, Общества, Тубуаи, Туамоту, Гамбье, Маркизские, Лайн, Гавайские, Питкэрн, Пасхи и ряд других. Во всей Полинезии живет свыше 4 млн. человек (из них около 3 млн. — в Новой Зеландии).

Из островов Полинезии лишь двойной остров Новая Зеландия и архипелаг Тонга материково-океанические, все остальные — чисто океанические (вулканические либо коралловые). Материково-океанические и вулканические острова значительно поднимаются над уровнем моря, большинство же коралловых островов выступает из воды всего лишь на несколько метров. Полезными ископаемыми Полинезия бедна. В Новой Зеландии имеются небольшие залежи бурого угля и металлических руд, на некоторых коралловых островах встречаются месторождения фосфоритов.

Полинезия значительно более вытянута с севера на юг, чем Меланезия, и поэтому климатические условия на отдельных ее архипелагах заметно варьируются. Для большей части Полинезии характерен климат экваториального или тропического типа, отличающийся высокими температурами в течение всего года. Лишь Новая Зеландия лежит в области субтропического и умеренного климата. Осадков в Полинезии, особенно в ее западной части, выпадает много. Несколько суше восточнополинезийская периферия (в частности, некоторые из островов Лайн). Так как осадки в этих районах в пределах разных лет выпадают неравномерно, то здесь иногда случаются даже засухи.

Более или менее значительные реки и озера имеются лишь в Новой Зеландии. На вулканических островах рек, правда, много, но

все они очень коротки. Коралловые острова вовсе лишены постоянных водотоков.

На материково-океанических и вулканических островах Полинезии, за исключением Новой Зеландии, преобладают почвы латеритного типа. Острова эти покрыты густыми экваториально-тропическими лесами, однако на подветренных склонах местами встречаются саванны. В Новой Зеландии представлены желтоземы, черноземовидные и каштановые почвы. Широколиственные, смешанные и хвойные леса этой страны в значительной мере сведены. Коралловые атоллы имеют маломощные песчано-гравелистые почвы с бедной растительностью (травы, кустарники, кокосовые пальмы, панданусы).

Большая часть Полинезии (за исключением Новой Зеландии и Гавайев) представляет собой отсталый аграрный регион. Главные товарные культуры на большинстве архипелагов — кокосовая пальма и банан. На отдельных островах имеет значение также производство цитрусовых, кофе, какао-бобов, сахарного тростника, ананасов, манго, авокадо и т. д. Важными продовольственными культурами здесь являются также таро, ямс, маниока, хлебное дерево и ряд других сельскохозяйственных растений. В Новой Зеландии возделывают культуры, характерные для умеренного и субтропического климата. Там же получило широкое развитие и животноводство. Рыболовство сильно развито на всех островах Полинезии.

За исключением Новой Зеландии и Гавайев, в Полинезии промышленность (как добывающая, так и обрабатывающая) развита слабо.

Три страны Полинезии — Новая Зеландия, Западное Самоа и Тонга — являются независимыми государствами (последние две соответственно в 1962 и 1970 гг.). Правда, в Новой Зеландии аборигенное население — маори — находится на положении угнетаемого национального меньшинства. Острова Кука имеют статус «ассоциированного (с Новой Зеландией) государства», пользующегося лишь внутренней автономией. Остров Пасхи считается интегральной частью Чили; Гавайи в настоящее время — штат США. Под американским управлением находится также «неинкорпорированная территория» (т. е. колония) Восточное Самоа. Несколько архипелагов принадлежат Франции. Это о-ва Общества, Тубуаи, Туамоту, Гамбье, Маркизские, образующие «заморскую территорию» Французская Полинезия, и о-ва Хорн и Уоллис, составляющие «заморскую территорию» Футуна и Уоллис. Острова Эллис, Феникс, Лайн входят в состав английской колонии — о-ва Гилберта (Микронезия) и Эллис. Английским владением является и изолированный остров Питкэрн. Наконец, о-ва Токелау и Ниуэ считают «островной территорией» (т. е. тоже колониями) Новой Зеландии.

Выше уже отмечалось, что в восточной части Меланезии во II тысячелетии до н. э. появилась группа монголоидных по антропологическому типу людей, говорившая на австронезийских языках. О том, откуда пришли эти люди, можно лишь строить догадки. Существует гипотеза, что прибыли они из Восточной Микронезии, куда, в свою очередь, мигрировали в середине III тысячелетия до н. э. с Тайваня, Филиппин или Сулавеси.

В Восточной Меланезии, как мы знаем, часть носителей австронезийских языков была ассимилирована местным чернокожим населением. Другая же часть, сравнительно мало смешавшаяся с местным австралоидным элементом, попала на о-ва Тонга. Культура этой группы в процессе длительной изоляции приобрела специфические полинезийские черты. Здесь же сформировался и протополинезийский язык, послуживший основой для всех современных аборигенных языков Полинезии. С Тонга полинезийцы примерно в начале III в. до н. э. мигрировали на Самоа, а затем расселились и по другим островам Западной Полинезии. В первых веках нашей эры группа полинезийцев с Самоа, проделав длительное морское путешествие, достигла Маркизских островов, а возможно, и о-вов Общества. Отсюда заселялись и все остальные архипелаги Полинезии (в том числе Гавайские острова и Новая Зеландия). С тех пор Полинезия в течение многих столетий сохраняла свое относительно изолированное положение.

Европейцы и американцы начали проникать на отдельные острова Полинезии с конца XVIII — начала XIX в. В процессе этого проникновения постепенно увеличивалась экономическая и политическая зависимость полинезийских архипелагов от европейских держав (Великобритании, Франции, Германии) и США. Формально же аннексия Полинезии завершилась в конце XIX в.

Установление колониального господства привело на многих архипелагах Полинезии к катастрофическим демографическим последствиям. Население ряда островов сократилось в несколько раз.

На некоторых архипелагах Полинезии появилось большое число выходцев из Европы, Америки и Азии, что коренным образом изменило их этническую структуру. Так, в настоящее время в Новой Зеландии лица европейского (британского) происхождения составляют свыше девяти десятых всего населения. Сильно изменился и этнический состав Гавайских островов, где большинство сейчас составляют американцы и японцы (потомки ввезенных сюда законтрактованных рабочих). На остальных архипелагах Полинезии по-прежнему преобладают полинезийцы. Численность европейцев, американцев и азиатов здесь невелика. Некоторым исключением является лишь о-в Таити, где наряду с преобладающим полинезийским населением проживает значительная группа китайцев (потомков завезенных сю-

да кули) и французов. На ряде полинезийских островов (Гавайские, Новая Зеландия, Западное Самоа, Таити) появились также метисы, в основном евро-полинезийского или американо-полинезийского происхождения.

Что представляют собой коренные жители Восточной Океании — полинезийцы? Выше уже отмечалось их значительное культурное единство. Весьма близки между собой и полинезийские языки.

Традиционная полинезийская культура на разных архипелагах сохранилась в различной степени. Если в Новой Зеландии, на Таити и особенно на Гавайях она была в значительной мере нарушена, испытав сильное влияние евро-американской культуры, то на многих других архипелагах (особенно на о-вах Токелау, Эллис, Хорн, Уоллис, ряде островов Кука, Тонга и др.) сохранились многие элементы как материальной, так и духовной культуры полинезийцев.

Основное занятие современных полинезийцев — земледелие (выращивание кокосовой пальмы и других плодовых деревьев, возделывание клубнеплодов) и рыболовство. Из домашних животных они разводят свиней и кур. В странах с развитой промышленностью (прежде всего в Новой Зеландии и на Гавайских островах) многие полинезийцы и метисы заняты на предприятиях фабрично-заводского типа, в большинстве своем в качестве неквалифицированных рабочих.

Большая часть полинезийцев до сих пор живет в традиционных постройках, стены которых плетутся из травы, листьев, бамбука, а крыши сооружаются из пальмовых листьев и соломы. В Новой Зеландии, где значительно холоднее, традиционные дома, обычно дощатые, богато орнаментированы. Впрочем, в Новой Зеландии, на Гавайях, Таити и ряде других островов полинезийцы живут теперь также и в домах европейского типа.

Значительно большим изменениям подверглась одежда полинезийцев. В некоторых странах она (набедренная повязка у мужчин, короткая юбочка у женщин) была заменена на платье европейского покроя. Традиционную одежду надевают лишь во время праздников и церемониальных танцев. Причем шьется она теперь из фабричной ткани, а не из тапы (особой материи из луба, отбитого колотушками) или растительного волокна, как было ранее.

Традиционный общественный быт изменился на архипелагах в разной степени. Если на Гавайях старый социальный быт почти полностью исчез, то на Тонга, Западном Самоа и некоторых других островах он мало изменился. Правда, и здесь все же чувствуются новые веяния, связанные с проникновением капиталистических отношений. На большинстве архипелагов Полинезии по-прежнему господствуют патриархальные порядки. В качестве основных общественных ячеек сохраняются большие семьи. Социальная стратификация

наблюдается во всей Полинезии, однако степень ее развития заметно колеблется. На верхних ступенях полинезийской социальной лестницы стоят вожди, подразделяющиеся на ряд рангов.

Традиционный фольклор, специфические полинезийские песни и танцы сохраняются на большинстве архипелагов в относительной чистоте, хотя параллельно с ними бытует уже и фольклор, в какой-то степени отражающий современную жизнь, а также новая музыка, песни и танцы. Интересно отметить, что некоторые элементы традиционной духовной культуры хорошо сохраняются даже на тех архипелагах, где от прежней материальной культуры почти ничего не осталось.

Старая полинезийская религия в значительной степени отошла в прошлое. Многолетняя миссионерская деятельность привела к тому, что христианство довольно прочно вошло в полинезийскую жизнь (во всяком случае, гораздо прочнее, чем в Меланезии). Сейчас почти все полинезийцы либо протестанты, либо католики, причем на большинстве архипелагов первые заметно преобладают над вторыми. Среди протестантов больше всего кальвинистов, особенно конгрегационалистов.

До самых последних лет все районы Океании, о которых пишет М. Стингл, были самыми отсталыми в экономическом, политическом и культурном отношении. Эта «окраина» Земли дольше других регионов оставалась в колониальном порабощении. Если во второй половине 40-х и в 50-х годах XX века большинство стран Азии и Африки добились независимости, то в Океании этого не произошло. Пользуясь отдаленностью Полинезии и Меланезии от основных экономических и политических центров современного мира, их хозяйственной и культурной отсталостью, наконец, малочисленностью населения каждой отдельной страны, колониальные державы всячески старались отдалить время предоставления самостоятельности своим океанским владениям. Подобное стремление империалистических государств объяснялось также все увеличивающимся стратегическим значением стран Океании, их расположением на важных морских и авиационных трассах.

Однако огромные перемены, происшедшие за последние десятилетия в мире, рост могущества социалистических и демократических сил не могли в конце концов не сказаться и на судьбах Океании.

Советский Союз, другие социалистические государства, так же как и страны, получившие в послевсенный период независимость, настойчиво ставили в Организации Объединенных Наций вопрос о ликвидации колониальных порядков в Океании. Неуклонно нарастал размах национально-освободительной борьбы в самих странах Океании. Выше уже отмечалось, что в 1962 г. получило независимость Западное Самоа, в 1970 г. — Фиджи и Тонга. Добилась независимости

и одна микронезийская (североокеанийская) страна — Науру (1968 г.).

Такой поворот событий резко повысил интерес мировой общественности к этим странам. Все чаще стали выходить книги, посвященные жизни народов Полинезии и Меланезии. Ряд работ об Океании (как переводных, так и написанных советскими авторами) вышел и в Советском Союзе. Едва появившись на книжных прилавках магазинов, они быстро раскупаются читателями.

Можно надеяться, что читатель с удовлетворением встретит перевод и двух тесно связанных друг с другом книг Милослава Стингла, выходящих под общим названием «Последний рай».

Книги эти по форме представляют собой путевые очерки, однако ценность их повышается тем, что писал их не просто турист, а видный ученый, много и серьезно занимавшийся этнографией Океании. Сочетание в книге занимательной журналистской (в самом хорошем смысле этого слова) манеры изложения с научной глубиной, попыткой анализа — одно из главных ее достоинств.

Автор «ведет за собой» читателя из одной океанийской страны в другую. Начав свое «путешествие» на Фиджи, читатель «попадает» затем на Новую Каледонию, Новые Гебриды, Соломоновы острова, архипелаг Бисмарка, Новую Гвинею. С Полинезией он знакомится, начиная с острова Пасхи, а затем «посещает» о-ва Общества, Самоа (Восточное и Западное), Тонга, Новую Зеландию. И о каждом из этих архипелагов в книге рассказывается много интересного. Автор отказался от каких-либо привычных схем описания и шаблонов. Каждый очерк самостоятелен и оригинален. М. Стингл сумел отыскать в быте, культуре, истории каждого описываемого им архипелага яркие черточки, наиболее интересные моменты. Так, описывая Фиджи, он рассказывает об удивительной церемонии хождения по огню; говоря о Новых Гебридах, сообщает о трагикомических итогах англо-французского совместного управления этим архипелагом; повествуя о Соломоновых островах, подробно останавливается на получившем широкую известность движении масинга; обрисовывая остров Пасхи, уделяет значительное внимание письмам кохау ронго-ронго; характеризуя современную жизнь на Таити, не забывает вспомнить о проживавшем здесь многие годы великом художнике Гогене и т. д. Многие страницы книги насыщены юмором. Вместе с тем книга, бесспорно, серьезна; это не простое описание, но глубокое размышление автора, его особое видение Океании.

М. Стингл с чувством симпатии и уважения относится к островитянам. Культурную отсталость океанийцев автор справедливо объясняет долголетним колониальным игом. Он искренне верит в светлое будущее этих людей. Справедливости ради следует отметить только, что кое-где он слишком увлекается экзотикой.

Весьма интересны как для специалиста, так и для широкого читателя страницы книги, на которых анализируются результаты контакта старой и новой культур. Проблема соотношения традиции и инновации сейчас привлекает пристальное внимание исследователей, и обращение к ней, вне всякого сомнения, повышает научный уровень книги.

М. Стингл знакомит читателя и с богатой, своеобразной природой Океании. Ее яркое и красочное описание позволяет воссоздать в своем воображении причудливые ландшафты Океании.

Несмотря на большие достоинства книги, в ней есть и ряд спорных мест. Так, нам представляется, что деятельность миссионеров в Океании описана в слишком радужном свете. Не отрицая того, что некоторые ее аспекты сыграли объективно позитивную роль (с работой миссионеров в значительной мере связано, например, исчезновение традиций каннибализма, создание письменности на ряде местных языков, распространение грамотности среди части островитян и т. п.), в целом активность миссионеров вряд ли может быть оценена положительно. Ведь прежде всего они были своеобразным авангардом колониализма. За их приходом, как правило, следовала аннексия океанийских земель. А в ряде случаев (например, на Новой Каледонии) миссионеры открыто призывали аннексировать острова, где они начали проповедовать христианскую веру. С деятельностью миссионеров связаны также разрушение или деградация самобытной океанийской культуры. Кое-где проповедники христианства выступали как подлинные мракобесы. Так, по указанию одного из католических миссионеров была уничтожена большая часть бесценных табличек с рапануйской письменностью, в которых он усмотрел «дьявольские письмена». Некоторые проповедники не упускали случая поживиться за счет своей паствы, совмещая прозелитическую работу с бойкой торговлей, которая к тому же носила характер неэквивалентного обмена.

Мы вправе были бы найти у автора и более суровую критику в адрес колониальных властей. Некоторые мероприятия колониальной администрации он явно переоценивает. Так, вряд ли можно согласиться с той восторженной оценкой, которая дается недавно учрежденному представительному органу в Папуа — Новой Гвинее. Читатель, к сожалению, не узнает из книги, что австралийские власти с большой неохотой и запозданием пошли на создание этого «парламента», что им пришлось это сделать лишь благодаря мощному давлению со стороны прогрессивных антиколониальных сил и Организации Объединенных Наций. Остается вне поля его зрения и тот факт, что полномочия «парламента» весьма ограничены.

Заслуживает более скромной оценки и организованное американской администрацией на Восточном Самоа обучение по телевидению.

Колониальная администрация предприняла это мероприятие прежде всего в целях экономии средств, которые требовались бы при обычном расширении образовательной сети для подготовки достаточно квалифицированных педагогов и последующей оплаты их работы.

Эти небольшие претензии к автору ни в коей мере не снижают общего положительного мнения о книге. Переведена она с небольшими сокращениями разделов, не представляющих особого интереса для советского читателя.

П. И. Пучков

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Черные острова</i>	3
Черные острова	5
Вкус янггоны	10
Воины реки Ревы	20
Люди в огне	27
Сильный человек с острова Мбау	32
Больная голова Фиджи	42
Перекрестки Новой Каледонии	45
Что такое кондоминиум	53
Эфате пахнет копррой	59
Гуадалканал	67
Дорога в Ророни	75
Епископ в шортах	83
За золотом царя Соломона	90
Залив Акул, река Крокодилов, поле Птиц	100
Последний «монетный двор» каменного века	106
Посланник рая	113
Рабаульские легенды	123
Жизнь на вулкане	128
У жителей Новой Гвинеи	135
По Центральному Нагорью	142
В сердце Новой Гвинеи	148
На реке райских птиц	158
По Новой Гвинее без переводчика	165
Парламент на Новой Гвинее	171
<i>Последний рай</i>	177
Легенда о «последнем рае»	179
Моя палатка на острове Пасхи	181
В городе Людей-птиц	186
Вулкан великанов	193
От аху к аху	200
В стране «длинноухих»	209
В «пещере белых дев»	215
Загадка письменности ронго-ронго	221
Загадочный остров	228
Пасха на острове Пасхи	240
Назад, на Гаванки!	246
Рыцари Раиатеа	250
Борабора Белого пояса	254

Дорогой древних святилищ	261
Торжество на острове Тахаа	264
Мечта о Таити	272
Таитянские короли	279
Памятник с бутылкой	284
В заливе мятежников (первая таитянская легенда)	287
Новая Одиссея	297
С двух сторон «рая»	307
На побережье храмов	311
Очарованные глаза (вторая таитянская легенда)	317
Те Вахине Таити	320
Муреа — как сердце	329
Тутуила акул и черепах	335
«Телевизионная Полинезия»	339
По «Морю тайфунов»	344
Вдоль и поперек по Уполу	351
«Тропую любящих сердец»	359
Говори мне о любви	363
С королем на борту самолета	370
Умереть на Тонга	381
У «звездных ворот»	386
По дороге на запад острова Тонгатабу	389
По следам длинных каноэ	392
Самый печальный пейзаж	399
В «аду» у племени арава	404
Веропа Южных морей	408
По «деревянной стране» маори	412
За нефритовой водой	419
«Они вымерли, как птицы моа»	427
«Маоританга» будет жить	432
Примечания	438
Послесловие	449

Милослав Стингл

ПОСЛЕДНИЙ РАЙ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Э. О. Секар
Младший редактор М. В. Малькова
Художник А. Озеревская
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Э. С. Теплякова
Корректоры К. Н. Драгунова
и Г. В. Стругова

Сдано в набор 19/VII 1974 г.
Подписано к печати 14/I 1975 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2.
Печ. л. 14,5. Усл. п. л. 24,36. Уч.-изд. л. 26,24.
Тираж 30 000 экз. Изд. № 3132.
Заказ № 540. Цена 1 р. 37 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Полиграфическое объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома.
Москва, ул. Макаренко, 5/16.